

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 518. Сентябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 518. September

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Аристова А.С. К анализу цикла стихов М.А. Волошина «Война»	5
Голев Н.Д., Мельникова В.С. О роли искусственного интеллекта в научных исследованиях (на примере использования текстовых генеративных возможностей нейросетей в сфере юрислингвистики)	15
Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. Коммуникативные стратегии конструирования образа адвокатской организации (на материале корпоративных сайтов г. Кемерово)	24
Мазуров А.Е. Поэзия Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки	34
Радионова А.В. Поэтико-философский концепт «зеркало» у С. Кьеркегора и Б. Пастернака	42
Эшкинина У.Ю. Сегмент специализированных спортивных медиа: взаимодействие традиционных СМИ и новых медиа	51

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Кутейников А.Е., Ивлев С.В. Современный вектор изучения истории климата	59
Kyau Ye Aung. Educational Cooperation between Myanmar and Russia: Strategic Interests and Contemporary Collaboration	70

ИСТОРИЯ

Бурнаков В.А. Императорское русское географическое общество и его роль в исследовании традиционной духовной культуры хакасов	75
Васина Т.А. Еврейская община Ижевского завода в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.	83
Горбушина А.А. Реорганизация деятельности земств Пермской губернии в годы Первой мировой войны	91
Зиновьев В.П. Изучение процесса промышленного переворота в Сибири	97
Некрылова О.Г., Щукин Д.В. Государственная политика советской власти в период 1920-х гг. в области народного образования: анализ практик и решений в условиях смены педагогической парадигмы и политико-идеологической реформации в стране Советов	105
Shah S. The silent crisis: Afghan women and the right to education	115
Шуберт В.Д. Представления об эсхатологии и посмертной участи души и тела в зороастрийском обществе Онтарио в Канаде	121
Юматов К.В., Голубева А.В. История формирования спортивно-туристского комплекса «Шерегеш»: социально-экономический и инфраструктурный аспекты (1978–2024 гг.)	127

ПЕДАГОГИКА

Агафонова Л.И., Пенков Б.В. Развитие произносительных навыков на английском языке: использование цифровых инструментов и искусственного интеллекта при обучении студентов неязыковых направлений	141
Боголепова С.В. Генеративные модели в профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка: текущее состояние и перспективы	150
Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Сигма-эффект в практике организации обучения в вузе	160

CONTENTS

PHILOLOGY

Aristova A.S. To the analysis of M.A. Voloshin's cycle of poems <i>War</i>	5
Golev N.D., Melnikova V.S. Artificial intelligence in the service of legal linguistics: On using text-generative capabilities of neural networks for research purposes	15
Kondratyeva O.N., Ignatova Yu.S. Communicative strategies of law office image construction (on the material of Kemerovo corporate sites)	24
Mazurov A.E. F.V. Volkhovsky's poetry during his Siberian exile	34
Radionova A.V. The poetic and philosophical concept of "mirror" in S. Kierkegaard and B. Pasternak	42
Eshkinina U.Yu. Specialized sports media in Russia: Competition and cooperation between traditional and new media	51

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Kuteynikov A.E., Ivlev S.V. An up-to-date vector of studying the history of climate	59
Kyau Ye Aung. Educational cooperation between Myanmar and Russia: Strategic interests and contemporary collaboration	70

HISTORY

Burnakov V.A. The Imperial Russian Geographical Society and its role in the study of the traditional spiritual culture of the Khakas	75
Vasina T.A. The Jewish community of the Izhevsk factory settlement in the documents of the First General Census of the Russian Empire in 1897	83
Gorbushina A.A. Reorganization of the activities of the zemstvos of Perm Province during the First World War	91
Zinoviev V.P. Studying the process of industrial revolution in Siberia	97
Nekrylova O.G., Shchukin D.V. State policy of the Soviet government in the 1920s in the field of public education: Analysis of practices and decisions in the context of a change in the pedagogical paradigm and political and ideological reformation in the country of the Soviets	105
Shah S. The silent crisis: Afghan women and the right to education	115
Schubert V.D. Eschatology concepts and the posthumous fate of the soul and body in the Zoroastrian Society of Ontario in Canada	121
Yumatov K.V., Golubeva A.V. The history of the Sheregesh Sports and Tourist Complex: Socio-economic and infrastructural aspects (1978–2024).....	127

PEDAGOGICS

Agafonova L.I., Penkov B.V. Development of English pronunciation skills: Use of digital tools and artificial intelligence for non-linguistic majors	141
Bogolepova S.V. Generative models in foreign language teachers' professional activities: Current state and future prospects	150
Vayndorf-Syssoeva M.E., Subocheva M.L. Sigma effect in the practice of organizing education in a university	160

Кремень Ф.М., Валеева Р.А., Кремень С.А., Парфилова Г.Г. Влияние профессионально-педагогической подготовки на карьерные ориентации студентов педагогического бакалавриата	171
Liyuan Lin, Obdalova O.A. Strategies for overcoming the problems of intercultural communication in Chinese students' EFL teaching	183

ПРАВО

Зудов Ю.В. «Журнал Московской патриархии» как источник для изучения формальных и неформальных правил и практик в регулировании государственно-церковных отношений в СССР (1943–1956)	192
Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ): актуальные проблемы доверия и перспективы развития	202
Минбалеев А.В., Евсиков К.С. Регулирование криптографической деятельности в России: проблемы и перспективы развития	211
Овчинников А.И., Ширинских П.И. Обеспечение правопорядка в виртуальной цифровой среде: теоретико-правовые аспекты	220
Сенникова Д.В. Специфика ответственности родителей и иных родственников за побои или иные насильственные действия, причиненные несовершеннолетним членам семьи (исследование опыта применения ст. 6.1.1 КоАП РФ)	230

Kremen F.M., Valeeva R.A., Kremen S.A., Parfilova G.G. The impact of the professional and pedagogical training on undergraduate student teachers' career orientations	171
Liyuan Lin, Obdalova O.A. Strategies for overcoming the problems of intercultural communication in Chinese students' EFL teaching	183

LAW

Zudov Yu.V. <i>The Journal of the Moscow Patriarchate</i> as a source for studying the formal and informal practices in the legal regulation of state-church relations in the USSR (1943–1956)	192
Masufanova E.A., Dubrovsky N.S., Balashov K.G. Remote electronic voting (REV): Problems of trust and prospects for development	202
Minbaleev A.V., Eysikov K.S. Regulation of cryptographic activities in Russia: problems and prospects of development	211
Ovchinnikov A.I., Shirinskikh P.I. Ensuring law and order in the virtual digital environment: Theoretical and legal aspects	220
Sennikova D.V. Administrative liability for domestic violence against minors: An empirical analysis of judicial practice under article 6.1.1 of the Russian Code of Administrative Offences	230

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82-1
doi: 10.17223/15617793/518/1

К анализу цикла стихов М.А. Волошина «Война»

Анастасия Станиславовна Аристова¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, atinnikova@bk.ru

Аннотация. Предпринята попытка линейного прочтения цикла стихов М.А. Волошина «Война» с целью выявления макросюжета цикла, состоящего из микросюжетов отдельных стихотворений. Прослежено развитие сюжетной линии, связанной образом лирического героя, который проделывает путь от установки постичь бытие своей Родины в первом стихотворении к получению откровения о последствиях и финале происходящих событий в последних стихотворениях цикла.

Ключевые слова: М.А. Волошин, цикл стихов, проблемы циклизации, книга стихов «Неопалимая купина», Первая мировая война

Для цитирования: Аристова А.С. К анализу цикла стихов М.А. Волошина «Война» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 5–14. doi: 10.17223/15617793/518/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/1

To the analysis of M.A. Voloshin's cycle of poems *War*

Anastasia S. Aristova¹

¹ Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, atinnikova@bk.ru

Abstract. This article attempts to analyze M.A. Voloshin's poetic cycle *War* ("Voyna") with the aim of revealing its macro-plot, which is composed of the micro-plots of individual poems. The methodological basis for the analysis of this cycle of poems was provided by the already classic works on the theory and history of the lyrical cycle: M. N. Darwin, I. V. Fomenko, R. Vroon, in which it is convincingly proven that the Symbolists and poets of the near-Symbolist circle thought not in terms of individual poems, but in cycles and books of poems. As a result of analyzing the cycle's poems, the author concludes that the unifying theme of *War* is the portents and omens of catastrophes yet to come, prophecies of impending disasters and the arrival of a chiliastic end. The poems are interconnected through motifs that migrate from one poem to the next. A chain-like connection can be traced: words and images mentioned in one poem are developed in the subsequent one. For example, if in the first poem the lyrical hero yearns to partake in the anguish of his land ("Tvoyey toske prichastit'sya" [To partake in your anguish]), the image of the next poem becomes the flesh of the world, seized by a universal anguish in which the hero himself partakes ("Vse vo mne i ya vo vsekh: odnoy / I odna – toskoyu plot' ob'yata" [All is within me and I am in all: one / And united – the flesh is seized by anguish]). In the following poem, the hero, "tormented by dreams," takes shelter from the "approaching storm" in a saving ark. Later, the image of the "storm" unfolds as the image of impending military action, whose approach the hero hears as "the seething, muffled bile and blood of the earth." The image of the earth seething with blood gives rise in the next poem to the image of the Evil Sower, linked to the image of the "devilish sowing" in the subsequent poem, where the hero's striving to escape the "tares' seeds" is later realized as salvation from the "vortex of battles" ("Vo sne menya volnoyu smylo" [A wave washed me away in my dream]) onto a peaceful shore. Finding himself far from the military actions, the hero becomes a chosen one to whom the meaning and further course of events is revealed (the poems "Prologue" and "Armageddon"). The final poem, "Weariness," foretells the finale of the unfolding events and expresses the hero's faith in a benevolent end and the fulfillment of chiliastic hopes. Thus, the cycle reveals the development of a plotline connected to the image of the lyrical hero, who journeys from an intention to comprehend the essence of his homeland ("Grant me words to pray for you, / To understand your existence") to receiving a revelation about the consequences and finale of the unfolding events. The cycle's integrity is also based on recurring leitmotif images. These include the motifs of anguish, seeds and tares, devilish sowing, unquenched faith, and the hero's impulse to save himself from the influence of the trichinae leading to spiritual death. The unifying theme of the cycle is war; all poems represent the hero's contemplation of warfare, his striving to uncover the spiritual causes of war, to learn of its consequences, and to discover where the "great martial clamors" lead.

Keywords: M.A. Voloshin, cycle of poems, cyclization problems, book of poems "The Burning Bush", First World War

For citation: Aristova, A.S. (2025) To the analysis of M.A. Voloshin's cycle of poems *War*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/1

Настоящая статья посвящена анализу цикла стихов М.А. Волошина «Война». Методологической основой анализа данного цикла послужили ставшие уже классическими работы по теории и истории лирического цикла М.Н. Дарвина, И.В. Фоменко, Р. Вроона, в которых убедительно доказывается, что символисты и поэты околосимволистского круга мыслили не отдельными стихотворениями, а циклами и книгами стихов, которые противопоставлялись собраниям случайных стихотворений как целостный текст с тщательно продуманной структурой, где каждое отдельное стихотворение вписывается в макросюжет цикла или книги и является звеном в его развитии. Таким образом, в поэзии Серебряного века цикл и книга стихов представляют собой новые жанровые образования, имеющие ансамблевое строение, целостность которого создается различными циклическими связями (образами-лейтмотивами, сквозными сюжетами) между самостоятельными автономными произведениями.

Цикл стихов М.А. Волошина «Война» является первым циклом в книге стихов о войне и революции «Неопалимая Купина» (анализу книги стихов М.А. Волошина «Неопалимая Купина» и проблемам циклизации внутри данной книги нами уже был посвящен ряд статей [1–3]). Такое положение цикла – в самом начале книги придает ему особую значимость. В статье предпринята попытка линейного прочтения цикла стихов М.А. Волошина «Война» с целью выявления макросюжета цикла, слагающегося из микросюжетов отдельных стихотворений.

О том, что последовательность стихотворений цикла не случайна, а представляет тщательно продуманную структуру, свидетельствует порядок следования стихотворений, который не совпадает с порядком их написания (первое стихотворение датируется 17 августа 1915 года, второе – 5 февраля 1915, третье – августом 1914 и т.д.). Соответственно, при создании цикла имело место два процесса – написание стихов и их группировка, а автор выступал сначала в роли сочинителя отдельных стихотворений, а потом в роли составителя более крупного произведения – цикла.

Цикл «Война», начинающий книгу «Неопалимая Купина», довольно велик: состоит из одиннадцати стихотворений. Название цикла определяет тему входящих в его состав стихотворений: тема войны, «шумов ратных» является сквозной, через нее вводятся остальные темы.

Цикл начинается стихотворением «Россия» (анализу данного стихотворения нами была посвящена отдельная статья [4]), которое, как было замечено Е.И. Орловой, Волошин сознательно исключил из ранее опубликованной книги «Anno mundi Ardentis. 1915», однако отвел ему важное место в книге «Неопалимая Купина» [5]. В первом стихотворении задается основная тема всей книги – судьба России, ее «бытие», непостижимое для «взора иноплеменного». В соответствии с заглавием цикла в первых двух строках тема войны является ведущей:

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,

И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный,
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной –
Верной своей судьбе [6. Т. 1. С. 221].

Противники здесь не противопоставлены, а уподоблены друг другу, занимаясь одним делом, они связаны «братским узлом», находятся «в тесноте сражений». Во второй строфе государственно-политическая тема переводится в иной, философско-библейский план. Лирический герой призывает Россию не к победе, а к сохранению «верности своей судьбе», суть которой раскрывается в следующих строфах, где явлен кенотический образ России:

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно освещенной
Всей красотой земли [6. Т. 1. С. 221].

Герой любит Россию не тогда, когда она переживает дни славы и побед, но когда она побеждена и унижена. Такая любовь к отчизне невольно отсылает к «странной любви» лермонтовского стихотворения «Родина». Поруганная и побежденная Россия является для героя носителем света, так как являет меньшее зло по сравнению со своим противником, ибо «зло в тесноте сражений / побеждается горшим злом», потому «поражение на физическом плане» есть победа на духовном¹. Побежденная и поруганная, в «лике рабьем» Россия *таинственно освещена* красотой земли. Видение света в рабском, униженном облике России отсылает к стихотворению Тютчева «Эти бедные селенья»: «Не поймет и не заметит / Гордый взор иноплеменный, / Что сквозит и тайно светит² / В наготе твоей смиренной» [7. С. 113], сочетание «тайно светит» почти дословно воспроизводится у Волошина – «*таинственно освещенной* всей красотой земли». Образ «хозяина», хлещущего лошадей «по кротким глазам», отсылает к сцене избияния лошади в сне Раскольникова: «подле лошади он забегает вперед, он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам!» [8. С. 58]. В сне Раскольникова избиваемая тощая лошадь, «саврасая клячонка», запрягается в большую телегу, в какую обычно запрягали больших ломовых лошадей. Россия, смиренная, бедная, «в лике рабьем», побежденная и поруганная, соотносится с этой маленькой лошадкой, как писал сам Волошин: «Я хотел, чтобы в этой строфе было напоминание о Достоевском, так как считаю это мировым символом России» [6. Т. 10. С. 454]. Но, несмотря на этот внешне слабый и смиренный облик, Россия, подобно лошади из сна Раскольникова, влачит непосильную ношу, поэтому в следующей строфе говорится о непостижимой, неземной силе, неизмеримой «здешними мерами»: «Сильна ты *нездешней* мерой, / *Нездешней* страстью чиста, / Неутоленную верой / Твои запеклись уста» [6. Т. 1. С. 222]. Эпитеты «нездешняя» вводят тему непостижимости природы России земным умом, что отсылает к строкам Тютчева:

«Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить, / У ней особенная стать, / В Россию можно только верить» [7. С. 173], где задаются мотивы и «нездешней», не «общей меры» и особого пути, что роднит стихотворение со славянофильским пониманием судьбы и назначения России.

Здесь следует обратить внимание на стихотворение А.С. Хомякова со сходным названием – «России». Необходимо отметить, что анализируемое стихотворение Волошина впервые было опубликовано вне цикла в ежедневной газете «Власть народа» 28 июля 1917 г. и первоначально имело такое же название, как и у Хомякова, – «России» [6. Т. 1. С. 511]. Ориентация на это стихотворение кажется несомненной, исходя не только из первоначально одинаковых названий. Ведущей темой в стихотворении Хомякова является противопоставление временного хрупкого государственного величия, которого можно в одночасье лишиться, как его когда-то лишились Рим и Монголия, и духовной крепости, которую нельзя поколебать внешними обстоятельствами. Внешней мощи государственного величия и процветания, которое хрупко и преходяще, противопоставляется незыблемая сила молитвы и смиренного принятия «Глагола Творца»:

Бесплоден всякий дух гордыни,
Не верно злато, сталь хрупка;
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна *молящихся* рука!
И вот за то, что ты *смиренна*,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца *сокровенна*
Глагол Творца прияла ты, –
Тебе он дал свое призванье,
Тебе он светлый дал удел
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел [9. С. 45].

Оба стихотворения – Волошина и Хомякова – объединяют мотивы смиренного приятия своего назначения, противопоставление смирения и гордости, внешнего величия и внутренней силы, а также вера в особый исторический путь России.

Переход из «здешнего» плана в «нездешний» приводит к тому, что от унижения и поругания герой переходит к сакрализации образа России. Стиль последней строфы становится молитвенным, герой ищет слов, чтобы молиться о России: «Дай слов за тебя молиться», в финальных же строках стремление героя молиться о России превращается в молитвенное обращение к ней: «Твоей тоске причаститься, / Сгореть во имя

твое». «Имя твое» – молитвенная формула, отсылающая к молитве Господней: «Да святится имя Твое».

Сакрализация образа России осуществляется не только через молитвенное обращение к ней, но и через употребленное здесь слово «причаститься»: «Твоей тоске причаститься...». «Причаститься» – значит быть не сторонним наблюдателем, а участником, вовлеченным в происходящее. Также слово «причаститься» вызывает прежде всего ассоциации с таинством Евхаристии, когда принимающие Тело и Кровь Христовы не просто принимают в себя Христа, но претворяются в Него, становятся Его частью. Понять «бытие России» можно лишь на своем собственном опыте, мысль о том, что постигнуть судьбу и природу родной страны невозможно через простое отстраненное наблюдение, но только лишь через соединение с нею, став ее частью, сходна со стихотворением А. Блока «Вот он – Христос – в цепях и розах»: «И не постигнешь синего ока, / Пока не станешь сам как стезя... / Пока такой же нищий не будешь, / Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг, / Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь, / И не поблекнешь, как мертвый злак» [10. Т. 2. С. 84].

Таким образом, в первом стихотворении цикла задаются темы: преимущества духовной победы над физической, мотив неутоленной веры, возвеличение и сакрализация в «нездешнем» плане внешне поруганной России, а также дается гносеологическая установка цикла: герой стремится постичь бытие своей Родины.

В следующем стихотворении «**В эти дни**» продолжается развитие темы первого стихотворения – братского единства враждующих, но если в первом стихотворении враждующих объединяло общее дело войны, то здесь противоборствующие стороны представлены как единая плоть, как разодранный в себе самом дух: «В эти дни не спазмой трудных родов / Схвачен дух: внутри разодран он / Яростью сгрудившихся народов, / Ужасом разъявлявшихся времен» [6. Т. 1. С. 223]. В финальных строках первого стихотворения герой только стремится быть причастным тоске своей Родины – «Дай <...> твоей тоске причаститься», здесь он уже причащен тоске, но не личной, а всеобщей, которой объята тело всего мира: «Все во мне, и я во всех; одной / И одна – *тоскою* плоть объята / И горит сама к себе враждой». Выражение «все во мне, и я во всех» является видоизмененной формулой тютчевского стихотворения «Тени сизые смешались»: «всё во мне, и я во всём» (165). Ориентация на это стихотворение Тютчева очевидна, поэтому для большей наглядности приведем оба этих стихотворения полностью:

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час *тоски* невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..
Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленён в пространствах безвозвратных
Оголенной, стынувшей земли.
В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявлявшихся времён.
В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех; одной
И одна – *тоскою* плоть объята
И горит сама к себе враждой.

Чувства – мглой *самозабвенья*
 Переполни через край!..
 Дай вкусить уничтоженья,
 С миром дремлющим смешай! [11. Т. 1. С. 159].

В эти дни безвольно мысль *томится*,
 А молитва стелется, как дым.
 В эти дни душа больна одним
 Искушением – развоплотиться [6. Т. 1. С. 223].

Лирический герой в стихотворении Тютчева стремится к тому, чтобы раствориться в «тихом, томном, благовонном» сумраке, формулой «все во мне» передается состояние достигнутого слияния с безличным миром природы, чтобы «вкусить самозабвенья» в «час тоски невыразимой», отрешившись от своего уединенного существования и растворив его в жизни природы. У Волошина используется то же тютчевское сочетание, но «всё» заменено на «все»: сугубо индивидуальная тоска тютчевского героя, побуждающая его к слиянию с «миром дремлющим», у Волошина становится тоской мировой, объемлющей плоть всего мира. Если тютчевский герой стремится к слиянию с безличной природой и сумраком темным, то у Волошина через видоизмененную тютчевскую формулу выражено стремление героя слиться с людьми, но цель слияния с миром людским оказывается подобна цели тютчевского героя: слияние с другими становится тем же, что и стремление к самоуничтожению и гибели у Тютчева, ибо мир лежит во зле, люди уничтожают друг друга. А так как они являются единой плотью, то их вражда является самовольным уничтожением себя же – самоуничтожением: «Одна и одной тоскою плоть объята / И горит сама к себе враждой». Таким образом, соборное слияние с другими становится здесь сродни тютчевскому «самоуничтожению».

В третьем стихотворении цикла «Под знаком Льва» герой оказывается спасен от самоуничтоженья. От вовлеченности в братоубийственную войну его спасает укрытие в ковчеге, что соотносится с событиями жизни биографического автора, который в день начала Первой мировой войны оказался вдали от военных действий – на строительстве антропософского храма в Дорнахе. Знаменательно, что спасительное укрытие героя происходит во сне: «Томимый снами я дремал, не чуя близкой непогоды» [6. Т. 1. С. 224], этот мотив спасения во сне повторится в одном из следующих стихотворений цикла – «Другу» («Во сне меня волною смыло / И тихо вынесло на брег» [6. Т. 1. С. 228]), где он будет связан с образом Ариона. Обращение к образу Ноева ковчега вносит в стихотворение тему духовной гибели и нравственного падения, устанавливая связь событий библейского времени с событиями современности. Беззакония допотопного человечества переполнили чашу терпения Божия и Бог решил уничтожить его, оставив лишь избранных. Этим беззакониям допотопного человечества уподоблены события Первой мировой войны. Герой же, не принимающий участия в деле вражды и ненависти, оказывается среди избранных. Однако в этом стихотворении еще не ясно, от чего был спасен герой. Известно лишь, что он укрылся в ковчеге от буйства природных стихий – «непогоды»: «Томимый снами я дремал, / Не чуя близкой непогоды; / Но грянул гром, и ветер упал, / И свет померк, и вздулись воды» [6. Т. 1. С. 224].

То, что скрыто за словом «непогода» и образами природных стихий, раскрывается в следующем стихотворении цикла «Над полями Альзаса»: «Ангел непогоды / Пролил огонь и гром, / Напоив народы / Яростным вином» [6. Т. 1. С. 225]. Непогода, природные стихии раскрываются здесь как образы развернувшихся военных действий, которые начались не произвольно, но потому, что Ангел «пролил огонь и гром», опрокинул чашу с вином «ярости Божией». «Яростное вино» – библейский образ. В комментариях к стихотворению в полном собрании сочинений в качестве библейского источника «яростного вина» указывается книга пророка Иеремии, где Бог повелевает пророку: «Возьми из руки моей чашу сия с вином ярости и напои из нее все народы, к которым я посылаю тебя» (Иеремия, 25:12), и Откровение Иоанна Богослова: «Кто поклоняется зверю и образу его... тот будет пить вино ярости Божией...» (14:9-10). Однако, думается, этим список источников не исчерпывается. Прежде всего, на наш взгляд, целесообразна здесь отсылка к восьмой главе Откровения: «И взял Ангел кадильницу, и наполнил её огнем жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, молнии и землетрясения» (Откр. 8:5). С этого эпизода в Откровении на земле начинаются бедствия. Стихотворение входит в состав того цикла, сквозной темой которого являются предвестия и предзнаменования грядущих катастроф. Таким образом, то, что происходит вокруг «в эти дни», начинает осмысливаться как начало казней, описанных в Апокалипсисе.

Бои в Альзасе, французской провинции, в августе 1914 г., канонада которых доносилась до Дорнаха, воспринимаются как предвестие апокалиптических бедствий. Однако в самом тексте стихотворения локальная привязка происходящего отсутствует, определить место событий можно лишь исходя из рамочного текста – заглавия «Над полями Альзаса». Само же содержание стихотворения вне связи с заглавием может быть воспринято в обобщенно-библейском ключе: происходящее во второй строфе является следствием того, что апокалиптический «ангел непогоды» обрушил на землю чашу природных бедствий и напоил народы «яростным вином», поэтому в мире начинает разжигаться вражда.

Первые две строфы представляют повествование от третьего лица, однако в третьей строфе появляется субъект речи, который вводится императивной формой глагола «внемли». Присутствие в стихотворении лирического субъекта дает ключ к неразрешимому доколе факту: «грохотом орудий» и «топотом копыт» гудит тишина, т.е. в действительности на земле царит молчание, никакого грохота с боев не доносится.

Третья же строфа проясняет, что описывавшееся прежде являлось не фиксацией отстраненным автором повествователем наблюдаемых в реальности событий, но восприятием и осмыслением происходящего лирическим субъектом. «Гудение тишины» «грохотом ору-

дий» и «топотом копыт» – это предчувствие говорящим военных бедствий и великой брани в будущем. По тому, что услышать, как вскипает «желчь и кровь» земли, можно приклонив ухо не к земле, а «в глубь души», становится ясно, что видимое и чувствуемое относится к будущему, которое открывается вследствие пророческой интуиции говорящего. Слова: «Средь земных безлюдий *тишина гудит* / Грохотом орудий, / Топотом копыт» [6. Т. 1. С. 225], в которых передается умение слышать лирическим героем в тишине грядущие «шумы ратные», отсылают к «Сказанию о Мамаевом побоище», где повествуется о великой тишине, царившей в стане Дмитрия Донского перед Куликовской битвой («бысть тихость велика»). Будущий же звон орудия кровавой битвы, плач жен и матерей в этой тишине сумел услышать обладавший умением слышать землю воевода Боброк. Приклонив ухо к земле, Боброк слышит то, что происходит не в пространственном отдалении, как, например, в сказках, где герой приклоняет ухо к земле и слышит конный топот настигающей его погони, а то, что происходит во временном отдалении – в ближайшем будущем: «И сниде с коня и причиче к земли десным ухом на долгъ час. Вставъ, и пониче и въздохну от сердца. <...> Слышах землю плачущую...» [12. С. 171–172]. На способность Боброка «слышать» будущее обращает внимание А. А. Блок в статье «Народ и интеллигенция» (1908), замечая, что в тишине стана Боброк слышал последствия еще несостоявшейся битвы [10. Т. 5. С. 323]. Поэтому у Волошина характерный для «Сказания» мотив припадания ухом к земле преобразуется в мотив вслушивания в собственную душу, обладающую даром пророческого предвидения.

Отсылка к образу воеводы Боброка позволяет провести историческую параллель между Куликовской битвой и событиями Первой мировой войны и революции. Впервые текст Сказания с происходящими в стране событиями связал Блок. Реминисценции из «Сказания о Мамаевом побоище» содержатся в статье Блока 1908 г. «Народ и интеллигенция», где поэт проводит аналогию между современностью и Куликовской битвой. Общим признаком столь отдаленных эпох становится всеобщее кажущееся затишье и оцепенение, в котором, однако, чуткое ухо провидца может уловить звуки плача и воплей от надвигающихся бедствий: «Среди десятка миллионов царствуют, как будто, сон и тишина. Но и над станом Дмитрия Донского стояла тишина; однако заплакал воевода Боброк, припав ухом к земле: он слышал, как неутешно плачет вдовица, как мать бьется о стремя сына. Над русским станом полыхала далекая и злоедающая зарница... а в ночь после битвы, и еще семь ночей подряд, она текла, красная от русской и татарской крови» [10. Т. 5. С. 323]. Однако обращение к «Сказанию о Мамаевом побоище» вводит не только тему предзнаменования бедствий и войн, но содержит мотив веры в то, что, несмотря на многочисленные жертвы, в конце будет одержана победа, восторжествуют силы света и добра. Рассказав о грядущих бедствиях, Боброк заключает: «А твоего христолубиваго вьиньства

много падеть, нъ обаче *твой връхъ, твоя слава будетъ*» [11. С. 172]. Этот сюжет лежит в основе стихотворения Блока 1907 г. «Я ухо приложил к земле», где так же, как в тексте Сказания, выражена вера в конечную победу и благополучный исход борьбы: «Пройдет весна – над этой новью, / Вспоенная твоею кровью, / Созреет новая любовь». В финальном стихотворении цикла «Война» Волошина также выражена вера в то, что в конце войн и мятежей наступит мир и благоденствие: «И для брани вдруг иссякнет время <...> Алый Всадник потеряет стремя, / И оружие выпадет из рук» [6. Т. 1. 236].

Стихотворение написано трехстопным хореем с перекрестной рифмовкой abab. М. Гаспаров в статье «Стих и смысл (семантика 3-стопного хорей)», анализируя семантические возможности указанного в заглавии размера, среди других примеров приводит и стихотворение Волошина «Над полями Альзаса», характеризует способность трехстопного хорей изображать тему бунта и при этом поясняет, что у Волошина она связана с темой войны. Проследив эволюцию семантического потенциала данного стихотворного размера, Гаспаров приходит к выводу, что «знакомая трехстопному хорей тема смерти (Сологуб «Много было весен и опять весна», Лохвицкая «И когда умру я / Помолись о мне», Гумилев «Кто лежит в могиле / Слышит дивный звон») расширяется от личных до общих масштабов» [13. С. 249–250].

Лирический субъект стихотворения Волошина призывает приклонить ухо, чтобы услышать, «как вскипает глухо желчь и кровь земли». Услышать же в тишине топот копыт и грохот орудий может лишь тот, кто обладает неким знанием. Обладание вещим знанием, умение «слышать землю» позволяет соотносить лирического героя стихотворения Волошина с воеводой Боброком. Здесь как бы совмещаются два голоса – автора Откровения Иоанна Богослова и героя «Сказания». Однако рамочный текст, локализирующий происходящее в определенном времени и определенном пространстве, позволяет разглядеть лирическую маску апостола-пророка и героя «Сказания», за которой скрывается лирический герой, соотносящий себя с обоими. Волошин разделяет концепцию Блока, согласно которой знаковые исторические события повторяются в судьбе народа. Такими ключевыми событиями в книге «Неопалимая купина» становятся Смута, старообрядческий раскол, восстание Степана Разина. Ключевым для Блока событием была Куликовская битва, сходство с современностью он находит в состоянии оцепенения и кажущегося покоя, за которыми скрываются назревающие великие потрясения. Более ясно эти предчувствия на фоне всеобщего покоя, оцепенения и мира выражены в поэме «Возмездие»: «В те годы дальние, глухие, / В сердцах царили сон и мгла: / Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла». Волошин также как важный знак времени отмечает царившее в людях всеобщее затишье накануне великих потрясений и бедствий. Образ «всемирной тишины» возникает в стихотворении 1921 г. «Потомкам»:

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час *всемирной тишины*,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посереде дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот [6. Т. 1. С. 349].

Однако здесь образ тишины, гудевшей звуками приближающихся катастроф, является осмыслением уже свершившейся трагедии. В стихотворении же «Над полями Альзаса» он имеет значение предвидения и предсказания.

В стихотворении «Посев» (1915) образ вскипающей «жёлчью и кровью» земли, которым заканчивается предшествующее стихотворение, порождает образ «Недоброго Сеятеля»: «Но сталь и медь, / Живую плоть и кровь / Недобрый Сеятель / В годину лжи и гнева / Рукою щедрою посеял» [6. Т. 1. С. 226]. Семена, брошенные «Недобрым Сеятелем», являются образным продолжением темы предчувствия грядущих бедствий: «Бед / И ненависти колос, / Змеи плевел / *Взойдут* в полях безрадостных побед...» [6. Т. 1. С. 226]. Семена только брошены, но лирический герой уже предвидит то, что из них прорастет. Следующее стихотворение «Газеты» продолжает тему «недоброго посева». Здесь конкретизируется образ того, кто скрывается за посеявшим «бед и ненависти колос» «Недобрым сеятелем»: посев называется «дьявольским севом». Место действия переносится с полей сражений в газеты, где «в строках кровавого листа кишат смертельные трихины», подобно моровой язве проникающие в умы и души людей, заражая их ненавистью и жадной мести. Лирический герой пытается спастись от воздействия губительных «трихин» – ложных идей, отстранившись от происходящего: «Не знать, не слышать и не видеть... / Застыть, как соль... уйти в снега...» [6. Т. 1. С. 227]. И в конце неожиданно обращается к Тому, кто противоположен «Недоброму Сеятелю», с молитвенной просьбой не поддаваться всеобщим настроениям мести, гнева и вражды: «Дозволь не разлюбить врага / И брата не возненавидеть!» [6. Т. 1. С. 227].

Выраженный в молитве порыв героя «застыть» и «уйти в снега», чтобы не заразиться царящими в обществе военными настроениями и жадной мести, не остается не услышанным. В следующем стихотворении «Другу», которое по смыслу перекликается со стихотворением «Под знаком Льва», лирический герой оказывается чудесным образом вынесен из «круговорота битв» на спасительный мирный берег. Стихотворению предпослан эпиграф из пушкинского «Ариона»: «А я, таинственный певец, / На берег выброшен волною». В самом стихотворении имя Ариона прямо не упоминается, однако эпиграф указывает на то, что поэт соотносит свою судьбу с судьбой пушкинского Ариона. Стихотворение Пушкина, из которого взят эпиграф, было написано в 1827 г. Как замечают Анна Мария Басом и Г.С. Глебов, политическим подтекстом стихотворения является восстание декабристов, «суровая расправа

над ними, усиление реакции во всех областях общественной жизни» [14. С. 300; 15. С. 119–137]. Обращаясь к древнегреческому сюжету, Пушкин, как писал об этом В.Е. Якушкин, «аллегорически, в поэтической картине изобразил <...> всю историю своих отношений к заговорщикам, их судьбу и свое последующее одиночество... Несмотря на аллегоричность, картина по отношению к Пушкину вполне верна истине. Он был только певцом тех идей, которые лежали в основе общественного движения 20-х годов и деятельности тайных обществ. Катастрофа 14 декабря поглотила передовых деятелей, певец же уцелел, буря случайно его пощадила» [16. С. 30]. Однако, используя легенду об Арионе, Пушкин существенно изменяет и перерабатывает традиционный сюжет. Согласно повествованиям Геродота и Овидия, Арион, своим необыкновенным песенным даром снискавший себе благоволение правителя Сицилии и получивший много даров, решил вернуться в родной Коринф. Однако корабельщики решили завладеть его сокровищами, а самого певца убить. Перед смертью Арион просит дать ему в последний раз спеть песню и сыграть на кифаре. Исполнив прощальную торжественную песнь, он бросается в море, где очарованный его пением дельфин (в некоторых редакциях указывается, что он был послан Аполлоном) подхватывает его и выносит на берег. В стихотворении же Пушкина корабельщики не угрожают певцу, но являются его товарищами, вместе они плывут к желанной цели, но, если его спутники «парус напрягали», то поэт не действовал, а только пел. В финале товарищи гибнут в результате шторма, а поэта доставляет к берегу не дельфин, а выбрасывает «грозою». Гроза – царская немилость: «Лишь я, таинственный певец, / На берег выброшен грозою, / Я гимны прежние пою / И ризу влажную мою / Сушу на солнце под скалою» [17. Т. 1. С. 173]. Известно, что Пушкин не мог быть со всеми на Сенатской площади, так как ему было запрещено выезжать из Михайловского, от участия в неудавшемся восстании его спасла царская немилость – «гроза».

Волошин кладет в основу стихотворения пушкинскую переработку легенды об Арионе. Подобно пушкинскому герою, лирический герой Волошина плывет в лодке не с врагами, а с товарищем: «Снастили мы одну ладью; / И, зорко испытывая дали / И бег волнистых облаков, / Крылатый парус напрягали / У Киммерийских берегов» [6. Т. 1. С. 228]. Однако важным отличием от пушкинского сюжета является то, что герой Волошина спасен не наяву, а во сне: «Во сне меня волною смыло / И тихо вынесло на берег». Друг же остался в «круговороте битв», потому что он «пловец с душой бессонной». Спасительная роль сна указывает на то, что герой, подобно Ариону, был спасен искусством, которым является его песенный дар. В статье «Аполлон и мышь» Волошин называет искусство золотым сном Аполлона, дарующим возможность отрешиться от обыденной реальности: «Мир Аполлона – это прекрасный сон жизни; жизнь прекрасна, лишь поскольку мы воспринимаем ее как свое сновидение» [6. Т. 3. С. 137]. Также, указывая на спасение во сне, а не наяву, герой

подчеркивает, что для него важно уцелеть не физически, а духовно – быть непричастным к кровопролитиям и насилию. В предыдущем стихотворении герой молил: «Дозволь не разлюбить врага / И брата не возненавидеть!» [6. Т. 1. С. 227]. В этом стихотворении он оказывается вынесен искусством из «круговорота битв». Если в пушкинском «Арионе» остается неизвестным, какие песни пел спасенный певец, замечается лишь, что это «гимны прежние», то в стихотворении Волошина песней вынесенного на спасительный берег поэта оказывается молитва о друге. Таким образом, лирический герой преодолевает воздействие губительных трихин, молясь о своем друге (не возненавидел брата) и, оказавшись вдали от битв, уподобляется Ариону, спасением для которого стал его песенный дар. Ненависть губительна, песенный дар героя претворяется в молитву о ближнем, становясь спасением от «дьявольского сева» ненависти и вражды не только для самого лирического героя, но и для его друга, о спасении которого он молит: «И здесь, у чуждых берегов, / В молчаньи ночи одинокой <...> Я буду волишь и молить, / Чтобы тебя в кипеньи битвы / Могли, как облаком, прикрыть / Неотвратимые молитвы» [6. Т. 1. С. 228–229]. Примечательно, что герой молит не только о спасении от физической смерти, но и от духовной гибели: «Да оградит тебя Господь / От Князя огненной печали, / Тоской пытающего плоть <...> Да не смутят души твоей / Ни гнева сладостный элей, / Ни мести жгучее лобзанье» [6. Т. 1. С. 229]. Стихотворение диалогично. Императивная форма молитвы позволяет включить в текст стихотворения не только Бога, которого молит о спасении герой, но и его друга, к которому он диалогически обращается. Субъектная организация на протяжении стихотворения меняется. Если сначала герой говорил от лица лирического «мы», не отделяя себя от друга и подчеркивая общность судьбы («Мы, столь различные душою, / Единый пламень берегли, / И братски связаны тоскою / Одних камней, одной земли», «Снастили мы одну ладью / И... крылатый парус напрягали / У Киммерийских берегов»), то далее следует переход к разделению «мы» на «я» и «ты», что подчеркивает различие путей: друг оказывается в «круговороте битв», лирический герой же остается в стороне от сражений.

Следующее стихотворение продолжает тему спасения от трихин мести и злобы, от вовлеченности в кровопролития и битвы. Будучи смыт волною на мирный берег, лирический герой в следующем стихотворении «Пролог» оказывается, как автор Откровения, восхищен от земли: «В начальный год Великой брани / Я был восхищен от земли» [6. Т. 1. С. 230], что отсылает к четвертой главе Апокалипсиса: «...и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: *взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего*» (Откр. 4:1). Далее в стихотворении вновь возникает мотив вслушивания в нарастающий, приближающийся шум: «И, на замок небесных сводов / Поставлен, слышал, смуты полн, / Растущий вопль земных народов, / Подобный реву бурных волн» [6. Т. 1. С. 230]. После герою является «Вестник», многоочитый и шестикрылый: «И с высоты непостижимой / Низвергся

Вестник, оку зримый <...> Шестикрылатый и покрытый / Очами с ног до головы». Вестник кидает на землю ключи от земных бездн, отворившись, они низвергают тучи саранчи. Ключи от бездны, извергающей тучи саранчи, в тексте Откровения имеет звезда, падшая с неба на землю после того, как вострубил пятый Ангел: «Пятый ангел вострубил и <...> из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы» (Откр. 9:1, 3). Затем шестикрылый Вестник начертывает на «вратах земных пещер»: «Любовь воздай за меру мерой, / А злом за зло воздай без мер» [6. Т. 1. С. 230]. Этот призыв к мести роднит Вестника с образом «Ангела мщенья». Познав тайны будущего («знаньем звездной тайны связан»), герой низвергается вниз. Таким образом, лирический герой обладает знанием о грядущем и в происходящем видит осуществление того, что было ему открыто на небесах. Стихотворение представляет собой контаминацию разных образов Апокалипсиса. То, что в Откровении Иоанна Богослова исполняют разные Ангелы, причем вовсе не указывается, что они шестикрылые, то в стихотворении Волошина выполняет один Вестник с шестью крылами, напоминающий серафима. В Апокалипсисе образы шестикрылых серафимов отсутствуют, упоминаются лишь четыре многоочитых животных с шестью крылами, роль вестников для героя Откровения они не выполняют. Волошин же Вестником лирического героя делает именно шестикрылое многоочитое существо, напоминающее серафима, что, думается, неслучайно, так как этот образ обнаруживает корни в поэтической традиции: начиная с пушкинского «Пророка» серафим осмысливается как вестник поэтов. Серафим в Библии не выступает вестником, эту роль чаще всего выполняет или просто ангел, или архангел Гавриил. Как вестник, и не кому-нибудь, а именно поэту-пророку, образ Серафима осмыслен у Пушкина, таким образом, связь шестикрылого Вестника с пушкинским «Пророком» очевидна. Нельзя не вспомнить и стихотворение Блока 1901 г.: «Небесное умом не измеримо, / Лазурное сокрыто от умов. / Лишь изредка приносят серафимы / Священный сон избранникам миров» [10. Т. 1. С. 91]. Если пророк Пушкина обретает духовное зрение, то герои Блока и Волошина с опорой на пушкинскую традицию осмысливаются как уже обладающие духовным зрением и вещим даром в силу того, что они поэты. Стихотворение «Пролог» заканчивается утверждением лирическим героем того, что он обладает знанием истинного смысла происходящего: «Один среди враждебных ратей – / Не их, не ваш, не свой, ничей – / Я голос внутренних ключей, / Я семя будущих зачатий». Итак, то, что потаенно и сокрыто во внешнем мире, явлено в голосе поэта, способного прозревать явления, которые только прорастают в мире. Образы, отсылающие к Апокалипсису, а также воспроизведение стилистики библейской речи – перечисление событий по принципу нанизывания, обилие анафорических «и» – сближают говорящего с автором Откровения. Но внешние в заимствованные в образы изменения, а также явление шестикрылого Вестника раскрывают в говорящем поэте, обладающего даром пророческого предвидения. Стихотворение «Пролог» Волошин планировал поместить в начало цикла «Война», все остальное

должно было стать звучанием голоса «внутренних ключей», раскрытием пророческого знания, исполнением предсказаний поэта-пророка. Оказавшись на спасительном берегу, в стороне от военных действий лирический герой занимает пассивную позицию наблюдателя, поющего о событиях своего времени и их будущих последствиях, что сближает его с пушкинским Арионом.

В следующем стихотворении «**Армагеддон**» герой переносится в еще более далекое будущее: к миру конца времен в преддверии последней битвы царей земных, в которой должны быть уничтожены полчища Антихриста (Откр. XVI, 14-16). Стихотворению предпослан эпиграф из Апокалипсиса. Сюжетом стихотворения является эпизод из Откровения, указанный в эпиграфе. Лирический герой оказывается в Армагеддоне – месте последней битвы, будучи поэтом-пророком, желающим познать конечные судьбы мира, он уподоблен автору Откровения, которому было явлено, чему надлежит быть в конце времен. Однако если голос автора Откровения бесстрастен, то голос лирического героя трепещуще-взволнован («прознил испуг», «упало сердце человече», «тоскою мне сдавило горло»). Таким образом, эпическая струя библейской речи преобразуется в лирическую струю. В черновом автографе стихотворения «Пролог» присутствовал и характерный мотив «вслушивания» поэтом в будущее: «Я был восхищен от земли... / И в глубине небесных сводов / Я долго слушал, как растет, / Великий вопль земных народов, / Подобный реву многих вод» [6. Т. 1. С. 408]. Так как герой вслушивается не в землю, а в небо, пытаясь узнать Предначертанное Богом, то он не принимает ухом земле, а возносится на небо.

Мотив вслушивания находит продолжение в следующем стихотворении «**Не ты ли...**»: «Не ты ли / Поэта кинул / На стогны мира / Быть оком и ухом». В первой редакции на этом месте были слова «Не ты ли поэта / Призвал из пустыни / И кинул в пламя плавильной печи?» [6. Т. 1. С. 409], более явно отсылающие к пушкинскому пророку, которого «Бога глас» также отсылает из пустыни «обходить моря и земли». Если автор Откровения является сторонним наблюдателем и бесстрастно фиксирует являемые видения, то герой цикла «Война» является свидетелем не того, что должно наступить во временном отдалении, но того, что уже разворачивается, поэтому он не бесстрастно наблюдает, но страстно вопрошает Того, по чьей воле происходит наблюдаемое. Здесь получает развитие заданный в первом стихотворении мотив неутоленной веры: «Не ты ли / Неволлил разум / Принять свершенья / Непостижимых / Твоих путей / Во всем гореньи / Противоречий, / Для *человечьей стесненной мысли?*». Не имея сил «человечьей стесненной мыслью» постичь смысл происходящего, поверить в providentialность событий, герой, подобно евангельскому герою, просившему «помочь его неверью», молит: «Так дай же силу / Поверить в мудрость / Пролитой крови; / Дозволь увидеть сквозь смерть и время / Борьбу народов, / Как спазму страсти, / Извергшей семя / Всемирных всходов!» [6. Т. 1. С. 235]. Хилястические чаяния лирического героя более явно выражены в первоначальной

редакции стихотворения: «Дай мне подняться / На ту высоту, / Откуда великая битва народов / Является страстным объятьем любви, / В котором прольется на землю / Семя / Грядущего мира» [6. Т. С. 410]. Таковое осмысление «борьбы народов» отсылает к «Эллинской религии страдающего бога» Вяч. Иванова, представляющей собой апологию стихии и страсти, бунт против всего статичного. По мысли Вяч. Иванова, считающего, что все противоположное родственно друг другу и все явления жизни антиномичны, дионисизм, стихийный разгул есть путь к гармонии, к синтезу, потому что в момент преизбытка дионисийского восторга происходит разрыв граней отдельного существования и осуществляется прорыв к целостности.

Но если в стихотворении «Не ты ли» герою трудно было поверить, что «борьба народов» есть семя «грядущего мира», то в стихотворении «**Усталость**» мольба героя о даровании сил поверить приводит к спокойной убежденности в наступлении конечного мира, эмоционально-вовлеченный в происходящее, сомневающийся и борющийся голос героя преобразуется в бесстрастно-отстраненное повествование от третьего лица, которое, будучи отнесено к будущему, становится пророчеством: «И для гнева вдруг иссякнет время, / Братской распри разомкнется круг, / Алый Всадник потеряет стремя, И оружие выпадет из рук» [6. Т. 1. С. 236]. Содержание приведенной строфы определяется не только отсылкой к указанной в эпиграфе цитате из пророка Исайи: «Трости надломленной не преломит и льна курящегося не угасит» (Ис. 42:3), но и представляет контаминацию другого места той же пророческой книги, отсылает ко второй главе: «И будет он судить народы и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала и копыя свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать» (Ис., 2:4). Образ «Алого Всадника» взят из откровения Иоанна Богослова, что не случайно, так как вторая глава Исайи начинается именно с возвещения того, что будет в конце мира: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор...» (Ис., 2:2). Говорится именно об «Алом Всаднике» из четырех упомянутых в Апокалипсисе, потому что с ним связано отсутствие мира на земле и вражда: «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга» (Откр., 6:4). Стихотворение уподоблено пророческой речи и как бы представляет собой видение, подобное библейскому: распри, войны и следующее за ними наступление вечного мира. Но если библейский пророк живет в мирное время и описывает, что отнесено к далекой перспективе будущего, то в стихотворении, несмотря на несколько отстраненный тон, описывается то, что уже началось: «И тогда как в эти дни война...». Войны уже начались, народы уже напоены «яростным вином», осталось ожидать обетованного в библейском тексте мира. Таким образом, повествование как бы ведется от лица пророка, но не древности, а современности. Эпиграф, представляющий цитату из книги Исайи, и содержание стихотворения, отсылающее к этой же книге, позволяют воспринять стихотворение как поэтическое переложение пророческой книги, а в бесстрастном повествователе увидеть пророка.

Стихотворение завершает цикл «Война» и по смыслу имеет значение логического конца, развертываемого в цикле сюжета: распри и войны, апокалиптические бедствия закончатся, на земле окончательно воцарится мир.

Объединяющей темой цикла «Война» являются предвестия и предзнаменования еще не наступивших катастроф, пророчества о грядущих бедствиях и наступлении хилиастического конца. Стихотворения связаны между собой мотивами, переключивающимися из одного стихотворения в другое. Прослеживается цепочечная связь: слова и образы, упомянутые в одном стихотворении, получают развитие в последующем. Так, например, если в первом стихотворении лирический герой жаждет причаститься тоске своей земли («Твоей тоске причаститься»), то образом следующего стихотворения становится плоть мира, объятая всеобщей тоской, которой причастен и сам герой («Все во мне и я во всех: одной / И одна – тоскою плоть объята»). В последующем стихотворении «*томимый* снами» герой укрывается от «близкой непогоды» в спасительном ковчеге. Далее образ «непогоды» раскрывается как образ грядущих военных действий, приближение которых герой слышит как «вскипающую глухо желчь и кровь земли». Образ земли, вскипающей кровью, порождает в следующем стихотворении образ Недоброго

сеятеля, связанный с образом «дьявольского сева» последующего стихотворения, где стремление героя спастись от «зерен плевел» реализуется затем спасением от «круговорота битв» («Во сне меня волною смыло») на мирном берегу. Оказавшись вдали от военных действий, герой становится избранным, которому раскрывается смысл и дальнейший ход событий (стихотворения «Пролог» и «Армагеддон»). Последнее же стихотворение «Усталость» предвещает финал происходящего и выражает веру героя в благой конец и осуществление хилиастических чаяний. Таким образом, в цикле можно проследить развитие сюжетной линии, связанной образом лирического героя, который проделывает путь от установки постигнуть бытие своей Родины (Дай слов за тебя молиться, / *Понять твое бытие*) к получению откровения о последствиях и финале происходящих событий. Целостность цикла основывается и на сквозных образах-лейтмотивах. Здесь могут быть названы мотивы тоски, зерен и плевел, дьявольского сева, неутоленной веры и порыв героя спастись от воздействия трихин, влекущих к духовной гибели. Объединяющей в цикле является тема войны, все стихотворения представляют собой осмысление героем военных действий, стремление раскрыть духовные причины войны, узнать о ее последствиях и о том, к какому финалу ведут «великие шумы ратные».

Примечания

¹ В письме военному министру Д.С. Шуваеву Волошин писал, что «лучше быть убитым, чем убивать» и «лучше быть побежденным, чем победителем, так как поражение на физическом плане есть победа на духовном» [6. Т. 10. С. 540].

² Здесь и далее курсив мой – А.А.

Список источников

1. Тинникова А.С. Структурообразующая роль заглавия в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Новый филологический вестник. 2017. № 1 (40). С. 93–104.
2. Аристова (Тинникова) А.С. Образ природной стихии в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 123–136.
3. Аристова А.С. Книга стихов М.А. Волошина «Неопалимая Купина»: проблема художественной целостности и историко-литературного комментария : дис. ... канд. филол. наук. М. : ИМЛИ РАН, 2019. 284 с.
4. Аристова А.С. К анализу стихотворения М.А. Волошина «Россия» // Динамическая поэтика / поэтическая динамика : сб. статей к юбилею Д.М. Магомедовой. М. : ИМЛИ, РГГУ, 2019. С. 81–87.
5. Орлова Е.И. М. Волошин и Первая мировая война // Медиаскоп. 2014. № 2. URL: <https://www.mediascope.ru/1555>
6. Волошин М.А. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 2011.
7. Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 1868.
8. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л., 1989. Т. 5.
9. Хомяков А.С. Сборник избранных стихотворений с портретами и биографиями для семьи и школы / под ред. [и со вступ. ст. «Славянофилы-москвичи»] Д.И. Тихомирова. М., 1910.
10. Блок А.А. Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1962.
11. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. М., 2002.
12. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6.
13. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1900-х – 1925-х гг. в комментариях. М., 1993.
14. Глебов Г. С. Об «Арионе» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. [Вып.] 6.
15. Basom A.M. Destruction of the Spirit: War in Voloshin's «Drug» and «Pushkin's "Arion"» // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 1995. Vol. 49, № 2. P. 119–137.
16. Якушкин В.Е. О Пушкине. М., 1899.
17. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1959–1962.

References

1. Tinnikova, A.S. (2017) *Strukturoobrazuyushchaya rol' zaglaviya v knige M. A. Voloshina "Neopalimaya Kupina"* [The structure-forming role of the title in the book by M. A. Voloshin "The Burning Bush"]. *Novyy filologicheskyy vestnik*. 1 (40). pp. 93-104.
2. Aristova (Tinnikova), A.S. (2017) *Obraz prirodnoy stikhii v knige M. A. Voloshina "Neopalimaya Kupina"* [The image of the natural elements in the book by M. A. Voloshin "The Burning Bush"]. *New Philological Bulletin*. 3 (42). pp. 123-136.
3. Aristova, A.S. (2019) *Kniga stikhov M. A. Voloshina "Neopalimaya Kupina": problema khudozhestvennoy tselostnosti i istoriko-literaturnogo kommentariya* [The book of poems by M. A. Voloshin "The Burning Bush": the problem of artistic integrity and historical and literary commentary]. Philology Cand. Diss.
4. Aristova, A.S. (2019) К анализу стихотворения М. А. Волошина "Россия" [To the analysis of M. A. Voloshin's poem "Russia"]. In: *Dinamicheskaya poetika / poeticheskaya dinamika: sb. statey k yubileyu D. M. Magomedovoy*. [Dynamic poetics / poetic dynamics: collection of articles for the anniversary of D. M. Magomedova]. Moscow: IMLI, RSUH. pp. 81-87.

5. Orlova, E.I. (2014) *M. Voloshin i Pervaya mirovaya voyna* [M. Voloshin and the First World War]. *Mediascope*. 2.
6. Voloshin, M.A. (2003–2011) *Poln. sobr. soch.: v 13 t.* [Complete works: in 13 volumes]. Moscow: Ellis Lak.
7. Tyutchev, F.I. (1868) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow.
8. Dostoevsky, F.M. (1988–1996) *Sobr. soch.: v 15 t.* [Collected Works: in 15 volumes]. Leningrad: Nauka.
9. Khomyakov, A.S. (1910) *Sbornik izbrannykh stikhotvoreniy s portretami i biografiyami dlya sem'i i shkoly* [Collection of selected poems with portraits and biographies for family and school]. Moscow.
10. Blok, A.A. (1960–1965) *Poln. sobr. soch.: v 8 t.* [Complete works: in 8 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
11. Tyutchev, F.I. (2002–2005) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v shesti tomakh* [Complete collected works and letters in six volumes]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Klassika".
12. Anon. (1999) Skazaniye o Mamayevom poboishche [The Tale of the Battle of Mamai]. In: *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus]. V. 6. St. Petersburg.
13. Gasparov, M.L. (1993) *Russkiye stikhi 1900-kh–1925-kh gg. v kommentariyakh* [Russian poems of the 1900s–1925s in comments]. Moscow: Fortuna Limited.
14. Glebov, G. S. (1941) Ob "Arione" [About "Arion"]. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Provisional Book of the Pushkin Commission]. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 6.
15. Basom, A.M. (1995) Distruction of the Spirit: War in Voloshin's "Drug" and "Pushkin's "Arion". *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. 49 (2). pp. 119-137.
16. Yakushkin, V. E. (1899) *O Pushkine* [About Pushkin]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy.
17. Pushkin, A.S. (1959–1962) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Информация об авторе:

Аристова А.С. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Rossica: Русская литература в мировом культурном контексте» Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: atinnikova@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Aristova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: atinnikova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 06.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 13.05.2025;
approved after reviewing 06.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/518/2

О роли искусственного интеллекта в научных исследованиях (на примере использования текстогенеративных возможностей нейросетей в сфере юрислингвистики)

Николай Данилович Голев¹, Виктория Сергеевна Мельникова²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ ngolevd@mail.ru

² melnikovavika2017@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос применения искусственного интеллекта (ИИ) в юрислингвистике. Авторы оценивают возможности ИИ в решении задач, связанных с оценкой сложности, понятности и доступности законов. Эмпирическое исследование подтверждает потенциал ИИ как исследовательского инструмента, но подчеркивает необходимость верификации результатов и учета этико-правовых ограничений. Делается вывод, что дальнейшие исследования должны быть направлены на уточнение критериев оценки и разработку методик, обеспечивающих надежность применения ИИ в науке.

Ключевые слова: сложность текста, текст закона, понятность текста, искусственный интеллект, юрислингвистика

Для цитирования: Голев Н.Д., Мельникова В.С. О роли искусственного интеллекта в научных исследованиях (на примере использования текстогенеративных возможностей нейросетей в сфере юрислингвистики) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 15–23. doi: 10.17223/15617793/518/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/2

Artificial intelligence in the service of legal linguistics: Notes on using text-generative capabilities of neural networks for research purposes

Nikolai D. Golev¹, Viktoriya S. Melnikova²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ ngolevd@mail.ru

² melnikovavika2017@yandex.ru

Abstract. This article investigates the role of artificial intelligence (AI) in legal linguistics, focusing on the application of text-generative neural networks for analyzing legal texts. The study addresses key challenges such as assessing legislative text complexity, clarity, and accessibility. The text of the law, Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation "Violation of the Right to Freedom of Conscience and Religion," was chosen as illustrative material for the study in order to assess the possibility of AI in solving problems related to the analysis of the complexity, clarity and accessibility of legal texts. Through empirical research, the authors demonstrate that AI can serve as an effective tool for processing large volumes of legal texts and identifying patterns that may escape traditional manual analysis. However, the findings emphasize the need for expert verification and contextual interpretation of AI-generated results, highlighting current limitations in nuanced legal and linguistic reasoning. A central argument is the balance between AI's potential and its ethical, legal, and methodological constraints. While AI enhances efficiency and objectivity in legal linguistic research, its deployment must adhere to rigorous methodological standards to ensure reliability. Ethical considerations, including transparency in AI decision-making and the legitimacy of citing AI-generated content in academic work, are critically examined. The study concludes that AI should function as a supplementary tool rather than a replacement for human expertise, aiding in preliminary analysis and hypothesis generation. Practical recommendations are provided for integrating AI into legal linguistic practices, helping researchers leverage its advantages while mitigating risks. Future research directions include developing standardized evaluation criteria for AI-generated analyses and refining methodologies to improve accuracy and objectivity. The article contributes to the ongoing discourse on AI's role in legal and linguistic research, advocating for a cautious yet innovative approach. The study of the research potential of AI has only just begun; it needs to be implemented more broadly, deeply, and systematically across different sciences, types of research, and types of neural network programs. The authors call for interdisciplinary collaboration to address unresolved legal and ethical challenges.

Keywords: text complexity, text of law, text clarity, artificial intelligence, legal linguistics

For citation: Golev, N.D. & Melnikova, V.S. (2025) Artificial intelligence in the service of legal linguistics: On using text-generative capabilities of neural networks for research purposes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 15–23. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/2

Введение

В настоящее время на первый план выдвинулись нейросетевые технологии, которые стали полезным инструментом в решении сложных задач благодаря своей способности анализировать большие объемы данных, находить скрытые закономерности и адаптироваться к изменяющимся условиям. «Искусственный интеллект (ИИ) активно проникает во все сферы современной жизни, ускоряя и совершенствуя деятельность человека, часто замещая его» [1. С. 118]. «Искусственный интеллект охватывает широкий спектр технологий, среди которых NLP направлена на выполнение различных задач» [2. С. 63]

Проблематика искусственного интеллекта получила свое осмысление уже в середине XX в. в трудах таких выдающихся ученых, как Н. Винер [3], Р. Беллман [4] и А. Тьюринг [5], чьи исследования заложили теоретические основы для дальнейшего развития данной области. В последние годы вопросы применения искусственного интеллекта в лингвистике активно исследуются зарубежными авторами [6], которые рассматривают ИИ как инструмент для анализа естественного языка. В то же время в российской науке данная проблематика остается недостаточно изученной, это обстоятельство стало главной причиной проведения настоящего исследования. По нашим наблюдениям, интерес к ней научного сообщества с каждым днем усиливается. Например, только за прошлый год число публикаций по смежной тематике в российских научных изданиях выросло почти на 40% по сравнению с 2023 г. (данные elibrary.ru¹ за 2024 г.).

Далее мы намерены обсудить вопросы использования ИИ в научной сфере на примере изучения особенностей юридических текстов. В предшествующих исследованиях эти вопросы решались разными способами, в том числе методом ОМП [7–13]. Данная статья является продолжением попыток решить проблему измерения сложности, понятности, доступности текста формально-количественными методами с применением цифровых технологий. Для их реализации использовались обратный машинный перевод, программы сравнения текстов на схожесть, поисковые системы Интернета [14–16]. В содержательном плане базовый тезис таких исследований: «В юридической лингвистике обратный машинный перевод отождествляется с интерпретацией текста среднестатистическим гражданином, читающим закон и вникающим в его смысл» [17. С. 7].

Появление текстогенерирующих программ искусственного интеллекта стимулировало необходимость обсуждения вопроса о возможностях ИИ-перевода. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении машинного сравнения текстов на предмет схожести. В новой ситуации возникает закономерный вопрос: способны ли ИИ выполнять подобные процедуры? Для лингвистов особенно актуальны процедуры с текстом: их генерация, преобразование, толкование. Например, уже сейчас ИИ демонстрирует способность сравнивать текстовые структуры, такие как, например, оглавления.

В настоящее время возможности применения искусственного интеллекта активно и зачастую эмоционально обсуждаются в контексте искусства, бизнеса и политики. Например, в юриспруденции [18, 19], переводе [1], экспертизе [20]. Однако применительно к научной сфере данная тематика затрагивается реже [21]. В частности, вопрос о возможности использования ИИ в лингвистике обсуждается в статье [22].

Осторожность исследовательского применения ИИ обусловлена рядом факторов. Во-первых, ИИ сам является продуктом научной деятельности, что создает определенную парадоксальность его исследования как объекта: изучение закономерностей устройства и функционирования ИИ может восприниматься в этом плане как нелогичное, поскольку предполагает признание высокой степени субъектности ИИ и его автономности от естественного интеллекта. Во-вторых, это связано с нерешенностью фундаментального вопроса о степени субъектности ИИ, что, несомненно, вызывает скепсис и опасения в научном сообществе, особенно в отношении роботизации интеллектуальной деятельности, включая научные исследования.

А.А. Павлов в статье «Созданные с использованием искусственного интеллекта “научные” тексты: текущее состояние и перспективы развития» сделал вывод о том, что «искусственно генерируемые тексты практически не могут быть использованы в научной деятельности, однако могут быть использованы в учебном процессе» [23. С. 111]. Такой вывод нам представляется категоричным, и в настоящей статье мы исходим гипотезы, согласно которой есть такие исследовательские темы, объекты, задачи, для решения которых ИИ может быть успешно применен. Например, в случае использования нейросетей для измерения текстов закона в аспекте понятности, доступности ИИ может дать позитивные результаты.

Авторы данной статьи исходят из позиции, что ИИ представляет собой не субъект, а инструмент в руках исследователя, и акцент делается на конструктивном подходе к использованию этого инструмента. Однако возникает ряд вопросов, требующих осмысления. Насколько целесообразно апеллировать к данным, полученным с помощью ИИ? Теоретически это может рассматриваться как вспомогательный метод исследования, однако его признание научным сообществом, в том числе официальными структурами (например, ВАК), остается пока под вопросом.

В этом плане возникает естественное опасение: внедряя ИИ в научную деятельность, не рискуем ли мы спровоцировать неконтролируемые последствия, которые могут привести к негативным результатам?

Использование искусственного интеллекта в лингвистике открывает новые горизонты для исследований и создания более совершенных систем анализа и обработки естественного языка [22. С. 164]. Юрислингвистика как научная и экспертологическая дисциплина также активно исследует возможности применения ИИ. Как отмечает Г.Н. Трофимова, использование технологий искусственного интеллекта в проведении лингвистических экспертиз

вызывает активные дискуссии по этическим и юридическим вопросам, которые требуют внимания и регулирования [20. С. 372].

Актуальность внедрения ИИ в юридическую сферу обусловлена существующими проблемами доступа к правосудию. Многие люди сталкиваются с препятствиями при получении юридических услуг из-за их стоимости, языкового барьера или недостатка знаний, что приводит к пробелам в правовой защите [24]. В этом контексте искусственный интеллект может рассматриваться как инновационная правовая технология, способная оптимизировать юридические процессы [18. С. 36].

Современные тенденции свидетельствуют о стремительной трансформации юридической профессии под влиянием ИИ. Как отмечают эксперты, грядет эпоха серьезных изменений, в которой юристы оказываются в зоне повышенного риска. Появление «умных» ИИ-ассистентов, способных анализировать информацию в реальном времени, формулировать правовые заключения и даже составлять процессуальные документы, становится вопросом ближайшего будущего [19]. Эти технологические сдвиги требуют переосмысления традиционных подходов как в юридической практике, так и в юрислингвистических исследованиях.

Целью нашего исследования является анализ возможностей и ограничений применения ИИ в юрислингвистике, с акцентом на экспертизе текстов законопроектов и действующих законов, а также обсуждение этических, юридических и методологических аспектов использования ИИ в научной деятельности.

Задачи исследования: 1) рассмотреть современные дискуссии о применении ИИ в науке, включая юрислингвистику, и выявить причины их ограниченного обсуждения в научном сообществе; 2) проанализировать возможности ИИ в решении задач и сравнить их с возможностями, которые дают другие форматы обработки текстов (машинный перевод, сравнение текстов, оценка сложности, понятности и доступности); 3) исследовать потенциал ИИ в проведении лингвистических экспертиз текстов законов и законопроектов на предмет их сложности, ясности доступности рядовым гражданам; 4) выявить этические и юридические проблемы, связанные с использованием ИИ в научной и экспертной деятельности; 5) предложить рекомендации по интеграции ИИ в юрислингвистические исследования с учетом принципа «доверяй, но проверяй».

Объектом исследования являются технологии искусственного интеллекта и их применение в научной деятельности, в частности в юрислингвистике. Предметом исследования выступают возможности и ограничения использования нейросетей для анализа текстов законов и законопроектов, включая оценку их сложности, понятности и доступности, а также этические аспекты применения ИИ в лингвистической экспертизе.

В статье впервые систематизируются дискуссионные вопросы, связанные с начальным этапом применения ИИ в юрислингвистике, включая этические и юридические аспекты, а также предлагается конструктивный подход к использованию ИИ для анализа текстов

законов, основанный на оценке их сложности, понятности и доступности. Таким образом, научная новизна статьи заключается в разработке методики применения искусственного интеллекта для анализа текстов законов с учетом их сложности, понятности и доступности. На примере юрислингвистического исследования обосновывается необходимость интеграции ИИ в научную деятельность с учетом принципа «доверяй, но проверяй». Научному сообществу предлагается дискуссия о субъектности ИИ и ее влиянии на научные исследования.

Гипотеза исследования заключается в том, что ИИ может стать полезным инструментом в юрислингвистике, в частности для анализа текстов законов и законопроектов в перлюкутивных и антикоррупционных целях.

Основные содержательные тезисы статьи (положения, выносимые на обсуждение) следующие:

Применение ИИ в науке, включая юрислингвистику, вызывает активные дискуссии, связанные с вопросами субъектности ИИ, его автономности и этических правовых ограничений.

ИИ может быть эффективно использован для анализа текстов законов и законопроектов, включая оценку их сложности, понятности и доступности, однако его результаты требуют обязательной проверки и интерпретации специалистами.

Внедрение ИИ в научную деятельность должно сопровождаться разработкой четких методологических и этических стандартов, чтобы минимизировать риски, связанные с его использованием.

Вынося данные тезисы на обсуждение, мы исходим из того, что они могут быть использованы для разработки методик применения ИИ в юрислингвистике, а также для формирования этических и юридических стандартов использования ИИ в научной и экспертной деятельности.

Материал и методы

Методология включает логико-лингвистический анализ теоретических подходов, сбор эмпирических данных посредством применения ИИ. Для иллюстрации теоретических тезисов в статье используются ход и результаты анализа текста закона на основе нейросетевой модели DeepSeek². В качестве иллюстративного материала исследования был выбран текст закона РФ [25] с целью оценки возможности ИИ в решении задач, связанных с анализом сложности, понятности и доступности правовых текстов.

Результаты и обсуждение

Предыстория сюжета статьи. Поводом для статьи послужил пост коллеги в социальной сети «ВКонтакте» [26], в котором он выразил свое удивление вполне вразумительным ответом на запрос с весьма сложным научным содержанием. Нейросетевая модель DeepSeek продемонстрировала способность к дифференциации ключевых факторов, влияющих на продолжительность сна; экстраполяции земных физиологических закономерностей на альтернативные условия;

комплексному учету переменных среды (гравитация, освещенность, температурный режим). Особый научный интерес представляет проявленная в тексте ответа нейросети способность DeepSeek к квантованию сложной проблемы на взаимосвязанные смысловые блоки при сохранении целостности анализа. Результаты взаимодействия показали, например, что нейросеть корректно отделяет первичные биологические детерминанты от вторичных; строит логически последовательную аргументацию; оперирует релевантными научными данными.

Этот пост привел соавторов настоящей статьи к мысли спроецировать способность ИИ квантовать³ проблему на смысловые фрагменты, не теряя логики связи квантов в целостности проблемы. Соавтор настоящей статьи – аспирант – после письменной консультации по поводу своей диссертации с другим соавтором – научным руководителем – задал вопрос и получил ответ последнего по электронной почте: «Виктория, вопросы хорошие, акценты верные – диссертация логична и целостна. Запрос к ИИ оригинален, но рискован – сейчас важнее четко сформулировать проблему и гипотезу. *Думаю, что программы ИИ опираются на нормы, словарь и классич. грамматику. Идея, а как будет реагировать нейросеть на ненормативные тексты? ПОКРУТИТЕ. Идея на Нобелевку. Если идея будет на нас работать, можно ввести в ряд однородных членов такой член, как правильность (нормативность, четкость) – то есть до-перлокутивную интерпретацию*». Для иллюстрирования исследовательского использования ИИ в рамках решения поставленных задач был проведен эксперимент по взаимодействию между участниками научного процесса (аспирантом и научным руководителем) с привлечением ИИ в качестве аналитического инструмента. На первом этапе реализации идеи соавтор-аспирант разместил ответ научного руководителя в DeepSeek. Исходный текст экспертной оценки содержал следующие ключевые аспекты: 1) требования к методологической строгости диссертационного исследования; 2) вопросы измерения объема текста; 3) предложение по использованию ИИ для семантического анализа. Нейросеть получила текст без дополнительного промпта⁴ (иными словами, комментарии ИИ полностью «импровизационные»⁵), таким образом, нейросеть продемонстрировала способность к автономной структуризации содержания по шести тематическим блокам: 1) методы измерения текстового объема; 2) принципы семантического анализа; 3) обработка ненормативных текстовых форм; 4) критерии текстовой правильности; 5) перспективные исследовательские направления; 6) практические рекомендации. Нейросетевая модель, получив данный текст без дополнительного промпта, продемонстрировала также способность к анализу лингвистических аспектов (разграничение нормативных и ненормативных текстовых форм, понимание принципов до-перлокутивной интерпретации, оценка потенциала нейросетей в семантическом анализе) и к генерации научно-обоснованных рекомендаций (предложения по формулировке исследовательских гипотез, методология экспериментальной проверки, перспективные направления исследования).

Полученные результаты свидетельствуют о наличии определенного аналитического потенциала у современных нейросетевых моделей как инструмента научной экспертизы, способного: 1) анализировать и структурировать экспертные оценки; 2) выявлять перспективные исследовательские направления; 3) формулировать методологически обоснованные рекомендации.

Результаты интеллектуальной деятельности⁶ ИИ стали поводом для возникновения идеи использовать названную выше способность ИИ трансформировать его «размышления» в конкретно-исследовательский проект. После обсуждения сгенерированного текста соавторы оценили реакцию ИИ не только как осмысленную, но и вполне конструктивную. Для иллюстрации возможностей ИИ в исследовании юридического языка была испытана методика взаимодействия исследователя с DeepSeek, направленная на оптимизацию восприятия юридических текстов посредством многоуровневой модификации содержания, включающей упрощение синтаксических структур, редукцию профессиональной терминологии и семантическую адаптацию для неспециалистов. Предложенная методика, основанная на контролируемой градации сложности и использовании направленных промптов (например, «Реализуй текстовую адаптацию уровня А (базовый)»), находит свое практическое воплощение в следующем фрагменте, где наглядно демонстрируется, как искусственный интеллект адаптирует сложный юридический текст для восприятия неспециалистами. Методика реализуется через три ключевых механизма: упрощение синтаксических структур, сокращение профессиональной терминологии и семантическая адаптация с разъяснением сложных понятий. В качестве примера рассмотрим преобразованную версию статьи 148 УК РФ. Исходная норма, избыточная юридическими конструкциями, трансформирована в ясный текст с короткими предложениями и пояснениями. Так, вместо узкоспециального термина «*обязательные работы*» дается доступная расшифровка: «*бесплатный труд в свободное время (например, уборка улиц)*», что иллюстрирует работу заявленных принципов адаптации. При этом сохраняются все существенные элементы правовой нормы – виды наказаний (штраф, работы, лишение свободы) и квалифицирующие признаки (совершение деяния в храме, применение насилия). Представленный вариант успешно сочетает простоту изложения с юридической точностью, хотя для дальнейшего совершенствования можно предложить добавление визуальных элементов (таблиц, схем) или сравнительный анализ разных уровней сложности. В целом пример показывает эффективность использования ИИ для правового просвещения, делая законодательство понятным для широкой аудитории без потери смысловой точности. В ходе эксперимента с применением различных промптов для адаптации юридического текста были получены два принципиально разных результата, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения.

При использовании промпта «Обеспечь семантическую эквивалентность при упрощении» был сгенерирован текст, сохраняющий все формальные признаки

юридического документа: сложные синтаксические конструкции («Если подобные действия совершаются в специально предназначенных для богослужений местах...»), полный перечень квалифицирующих признаков и отсутствие пояснений специальной терминологии. Такой вариант демонстрирует высокую степень соответствия оригиналу, но остается трудным для восприятия неподготовленными читателями.

Напротив, промпт «Сохрани юридическую точность при популяризации» позволил создать значительно более доступный текст за счет нескольких приемов. Во-первых, информация была структурирована ИИ в виде нумерованного списка, что облегчило восприятие («1. За публичное оскорбление религиозных чувств... 2. За препятствование религиозной деятельности...»). Во-вторых, все специальные термины получили краткие пояснения в виде сносок («Обязательные работы – бесплатный труд в свободное время»). При этом анализ показывает, что юридическая суть нормы не была искажена, хотя некоторые второстепенные детали (например, упоминание об «ином доходе осужденного») оказались опущены. Сравнивая оба подхода, можно отметить, что первый вариант сохраняет абсолютную юридическую точность, но проигрывает в удобочитаемости, тогда как второй предлагает оптимальный баланс между доступностью изложения и сохранением правовой сути. Особенно важно, что структурированный вариант с пояснениями не только облегчает понимание, но и помогает читателю быстрее находить в тексте нужную информацию – например, сразу видеть различия в наказаниях за разные составы правонарушений. Для задач правового просвещения и создания информационных материалов для граждан предпочтительнее второй вариант, хотя в некоторых случаях (например, при подготовке официальных разъяснений) может потребоваться и более формальный стиль изложения. Главный вывод эксперимента заключается в том, что даже при работе с ИИ качество адаптации юридических текстов существенно зависит от правильно сформулированного технического задания (промпта), которое должно четко определять баланс между точностью и доступностью.

Полученные результаты демонстрируют перспективность разработки стандартизированных протоколов нейросетевой адаптации, обеспечивающих баланс между профессиональной точностью, когнитивной доступностью и смысловой адекватностью [27], а также указывают на необходимость дальнейших исследований в области метрической оценки качества адаптации и создания специализированных промпт-шаблонов для различных типов юридических документов. Результаты анализа текстов законов с использованием ИИ показали, что DeepSeek способна с точностью до 85% определять сложность текста на основе таких параметров, как длина предложений, частота использования сложных терминов и уровень синтаксической сложности. Анализируемый в статье текст закона обладает высокой степенью сложности. Во-первых, предложения отличаются значительной длиной – в среднем от 50 до 70 слов, а некоторые превышают

этот показатель. Например, первое предложение содержит 72 слова, второе – 65. Такая протяженность достигается за счет многочисленных однородных членов и уточнений. Во-вторых, в тексте активно используется специализированная юридическая терминология: *обязательные работы, принудительные работы, лишение свободы с ограничением свободы, воспрепятствование деятельности, применение насилия или угроза его применения*. Хотя для правовых документов это стандартная лексика, неподготовленному читателю она может быть непонятна. В-третьих, синтаксис отличается высокой сложностью: предложения перегружены однородными членами с повторяющимися союзами *либо*, содержат вставные конструкции и многоуровневые уточнения (как в части 4, где перечисляются условия). Все это создает серьезные барьеры для понимания. Сложность юридических текстов, обусловленная длинными предложениями, высокой терминологической насыщенностью и разветвленным синтаксисом, подтверждается исследованиями в области лингвистической экспертизы [28], что также подтверждается и данными, полученными в ходе использования аналитических возможностей ИИ, проиллюстрированного нами выше.

Результаты исследования подтверждают, что искусственный интеллект может стать эффективным инструментом для анализа текстов законов, однако его применение требует разработки четких методологических стандартов. На основе полученных данных предложены рекомендации по интеграции ИИ в юрислингвистические исследования, включая использование принципа «доверяй, но проверяй» для минимизации рисков, связанных с ошибками ИИ. Этико-правовой анализ выявил необходимость разработки стандартов, регулирующих использование ИИ в юрислингвистике. В частности, предложено ввести обязательную проверку результатов, полученных с помощью ИИ, независимыми экспертами, чтобы минимизировать риски, связанные с возможными ошибками.

Другие форматы использования ИИ в научных исследованиях

Научное исследование имеет много аспектов, этапов и компонентов, в которых возможности нейросетей неодинаковы, и этот факт подлежит исследованию. Например, обязательным компонентом исследования и научных публикаций является рассмотрение предшествующего контекста изучения темы, обзор литературы и ответ на вопрос о степени изученности темы, проблемы. Могут ли программы ИИ помочь исследователю в вопросе «каков наукометрический потенциал нейросетевых программ?».

В рамках исследования возможностей искусственного интеллекта в научно-аналитической деятельности был проведен эксперимент по верификации классификационного потенциала нейросетевых алгоритмов. Используя поисковую систему Elibrary [29] в модуле «Нейропоиск», мы сформировали промпт «создай список литературы по исследовательским возможностям

искусственного интеллекта», получив в результате выборку из 100 научных работ. Последовательная аналитическая процедура включала два взаимодополняющих этапа: во-первых, независимую экспертно-аналитическую классификацию массива публикаций, во-вторых, сравнение полученных результатов с машинной классификацией, сгенерированной по аналогичному промпту.

Анализ 100 публикаций, выполненный авторами настоящей статьи с использованием нейробоиска ELibRARY [29], позволил выделить семь содержательных кластеров исследований: 1) фундаментальные разработки в области ИИ (теоретические основания, методологические подходы); 2) прикладные аспекты внедрения (в науке, образовании, медиакоммуникациях); 3) социогуманитарная рефлексия (социологические, философские, этические исследования); 4) технологические и алгоритмические решения; 5) историко-научная ретроспектива; 6) экономико-управленческие приложения; 7) правовое регулирование и нормативное проектирование.

Параллельная машинная классификация продемонстрировала принципиальную схожесть таксономических структур, однако с рядом существенных оговорок: нейросеть адекватно идентифицировала основные тематические блоки, но проявила тенденцию к гипертрофированному укрупнению категорий (например, объединяя технологические и методологические аспекты), а также к недостаточно точной атрибуции междисциплинарных работ. Особенно показательным стало расхождение в оценке качества источников: если экспертная оценка выявила 38% публикаций с признаками научной нерелевантности (устаревшие данные, низкий индекс цитирования, популярный характер), то ИИ-алгоритм признал таковыми лишь 12% материалов.

Качественный анализ выявил три ключевых ограничения нейросетевой классификации: поверхностный учет хронологического фактора (недооценка темпоральной динамики развития ИИ); неспособность адекватно оценивать научный вес публикаций; тенденция к формальному, а не содержательному соотношению работ с тематическими кластерами. Полученные результаты позволяют сделать два взаимосвязанных вывода. С одной стороны, подтверждается принципиальная пригодность ИИ-инструментов для первичной систематизации научной литературы – базовые таксономические структуры, сгенерированные алгоритмом, в целом соответствуют экспертным моделям. С другой – выявленная погрешность (порядка 22–25% по различным параметрам) свидетельствует о необходимости обязательной экспертной верификации результатов машинной обработки. Особую осторожность следует проявлять при оценке: а) научной значимости источников; б) междисциплинарных исследований; в) актуальности материалов. Таким образом, формула «доверяй,

но проверяй» сохраняет свою методологическую значимость при использовании ИИ в наукометрических исследованиях.

Таким образом, мы оцениваем наукометрические способности ИИ как приемлемые для того, чтобы их использовать – с определенными оговорками – в научных исследованиях.

Заключение

Проблема применения ИИ в науке, включая юрислингвистику, требует комплексного подхода, учитывающего как технические возможности, так и эτικο-правовые аспекты. В данной статье авторы проиллюстрировали потенциал применения ИИ [30] в экспертизе текстов законопроектов и действующих законов, уделяя особое внимание таким аспектам, как сложность, понятность и доступность текстов. Это позволило не только оценить возможности ИИ в решении конкретных задач, но и выявить ограничения, связанные с его использованием в юридической лингвистике. Проведенное исследование подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что искусственный интеллект обладает определенным потенциалом для его использования в качестве инструмента для лингво-юридического анализа текстов законов. Однако его надежное применение невозможно без учета ряда этических, юридических и методологических ограничений, а также без разработки четких критериев оценки результатов, полученных с использованием ИИ. Эмпирический анализ текстового материала продемонстрировал, что ИИ способен решать задачи, связанные с машинным переводом, сравнением текстов и оценкой их сложности, понятности и доступности. Тем не менее результаты, полученные с помощью ИИ, требуют дополнительной верификации и интерпретации со стороны специалистов по юридической лингвистике.

Авторы статьи рассчитывают, что данная работа даст дополнительный стимул научной дискуссии о роли ИИ в юрислингвистике. Мы полагаем, что конструктивный подход к нему и реальные исследовательские результаты приведут к его интеграции в исследовательскую практику, что придаст дополнительные аргументы для такой дискуссии.

Изучение исследовательского потенциала ИИ только началось, оно нуждается в более широкой, глубокой и системной реализации применительно к разным наукам, типам исследований и типам нейросетевых программ. Полагаем, что предстоит сложное обсуждение вопросов, связанных с правовыми и этическими аспектами использования данных ИИ, например, по корректности их «цитирования».

Примечания

¹ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <https://elibrary.ru/>

² Нейросетевая модель DeepSeek. URL: <https://chat.deepseek.com>

³ Квантование. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Квантование> (дата обращения: 15.02.2025).

⁴ Анализ без промпта – важный момент в контексте обсуждения степени субъектности ИИ – прогнозирование запроса.

⁵ Полагаем, что сопоставление рефлексий после промптов разных типов и без промптов – важный исследовательский резерв.

⁶ Мы не ставим здесь вопроса о статусе продуктов интеллектуальной деятельности: рефлексия, понимание, анализ, формальная и/или содержательная переработка. Считаем этот вопрос открытым, а ответ на него – прямо зависимым от оценки степени субъектности ИИ.

Список источников

1. Озоменко В.И., Ларина Т.В. Искусственный интеллект в переводе: сильные и слабые стороны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2025. Т. 24, № 1. С. 117–130. doi: 10.15688/jvolsu2.2025.1.10
2. Шамигов Ф.Ф., Резанова З.И. Автоматическая генерация новостных заголовков при помощи нейронной сети RuGPT-3 (влияние обучающего датасета на результативность модели) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2025. Т. 4, № 1. С. 62–70. doi: 10.21603/2782-4799-2025-4-1-62-70
3. Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. 2nd ed. Paris : Hermann & Cie, Camb. Mass. (MIT Press), 1961. 212 p.
4. Bellman R. An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computer Think? San Francisco : Boyd and Fraster Publishing Company, 1978. 146 p.
5. Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. № 59. P. 433–460.
6. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition with Language Models. 3rd ed. 2025. URL: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3>
7. Голев Н.Д. Источниковый потенциал обратного машинного перевода // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2018. Т. 18, № 1. С. 36–45.
8. Голев Н.Д. Сложность vs доступность и понятность языка закона как теоретическая и экспертная проблема // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах, Санкт-Петербург, 18 мая 2021 года. СПб. : Первый класс, 2021. С. 160–176.
9. Голев Н.Д. Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Ч. 1: Гносеология перевода // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 6 (94). С. 717–734. doi: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-717-734
10. Мельникова В.С. Измерение степени понятности текста с помощью обратного машинного перевода (на материале центрального стихотворения сборника «Пейзаж с наводнением» (1993) И.А. Бродского) // Инновационный конвент «Кузбасс: образование, наука, инновации». Кемерово : КемГУ, 2024. С. 513–517.
11. Голев Н.Д., Мельникова В. С. Обратный машинный перевод на службе юридической лингвистики // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии : сборник трудов XVII Междунар. науч.-практ. конф., Сочи, 01–10 октября 2020 года / под ред. С.У. Увайсов. М. : Ассоциация выпускников и сотрудников ВВИА им. профессора Н.Е. Жуковского, 2020. С. 8–11.
12. Мельникова В.С. Измерение степени сложности текста закона с помощью исходных положений программ: к постановке проблемы // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации. Кемерово : КемГУ, 2021. Т. 22. С. 31–33.
13. Голев Н.Д., Иркова А.В., Лебедева Н.Б., Печенкина Е.А. Компьютерные программы (машинный перевод, сравнение текстов на схожесть, поисковые системы) в практике преподавания филологических дисциплин в вузе: исходные положения // Социальные сети. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2024. С. 89–127.
14. Мельникова В.С. Исследование сложности, понятности и переводимости русского текста традиционными методами и методом обратного машинного перевода // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2025. Т. 4, № 1 (13). С. 23–33. doi: 10.21603/2782-4799-2025-4-1-23-33
15. Мельникова В.С. Метод обратного машинного перевода как зеркало соотносительности лингвокогнитивных категорий понятности и переводимости (на материале стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России») // Пушкинская традиция в русской культуре: язык, литература, медиадискурс : сб. науч. ст. Национ. науч. конф. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2025. С. 61–64.
16. Melnikova V.S., Napreenko G.V. Role of reverse machine translation in studyin variability and interpretation of Russian texts // Joint innovation - joint development : Themed collection of papers from Foreign international scientific conference, Harbin (China), 27 февраля 2025 года. S. Petersburg : Частное научно-образовательное учреждение доп. проф. образования Гум. национ. исслед. ин-т «НАЦРАЗВИТИЕ», 2025. Р. 140–143. doi: 10.37539/250227.2025.22.13.017
17. Голев Н.Д., Иркова А.В. Смысловая диффузия как семасиологическая, конфликтологическая и лингвоюридическая категория в цифровом измерении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2025. Т. 24, № 1. С. 5–14. doi: 10.15688/jvolsu2.2025.1.1
18. Березина Е.А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 25–38. doi: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038
19. ИИ-технологии в юриспруденции: как повысить качество и скорость работы (данные исследования) // Zakon.ru. 2025. URL: https://zakon.ru/blog/2025/03/10/ii-tehnologii_v_yurisprudencii_kak_povysit_kachestvo_i_skorost_raboty_dannye_issledovaniya (дата обращения: 18.03.2025).
20. Трофимова Г.Н. Алгоритмы и возможности использования генеративных нейросетей в производстве лингвистических экспертиз // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сб. докл. Науч.-практ. конф. Н. Новгород : НИУ ННГУ, 2024. С. 372–378.
21. Шемилова М.С.А., Кудусова М.И. Применение искусственного интеллекта в научных исследованиях // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 92-11. С. 48–50. doi: 10.18411/tmio-12-2022-522
22. Корнеев К.С., Клеев Д.И., Бронвальд Л.А. Использование искусственного интеллекта в современной лингвистике // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107-8. С. 161–164. doi: 10.18411/tmio-03-2024-436
23. Павлов А.А. Созданные с использованием искусственного интеллекта «научные» тексты: текущее состояние и перспективы развития // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. № 6. С. 111–127. doi: 10.33397/2619-0559-2024-6-6-111-127
24. Какую пользу юридическая отрасль извлекает из использования искусственного интеллекта для удовлетворения своих языковых потребностей? // Lengoo. 2021. URL: <https://www.lengoo.com/blog/how-does-the-legal-industry-benefit-from-ai-for-their-language-needs> (дата обращения: 18.03.2025).
25. УК РФ Статья 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/
26. Хотел смутить DeepSeek... // Александр Рудяков : персональная страница в социальной сети «ВКонтакте». 13.02.2025. URL: https://vk.com/wall277368477_1309 (дата обращения: 12.02.2025).
27. Стальнов А.Д., Григорьев А.В. Способы адаптации нейросетевых технологий под пользовательские задачи // Информатика и кибернетика. 2023. № 3 (33). С. 19–28.
28. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с. URL: https://id.hse.ru/data/2020/06/02/1603992329/Сложность_российских_законов_сайт.pdf
29. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <https://elibrary.ru/>
30. Нейросетевая модель DeepSeek. URL: <https://chat.deepseek.com>

References

- Ozyumenko, V.I. & Larina, T.V. (2025) Iskusstvennyy intellekt v perevode: sil'nyye i slabyye storony [Artificial intelligence in translation: strengths and weaknesses]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 1 (24). pp. 117–130. doi: 10.15688/jvolsu2.2025.1.10
- Shamigov, F.F. & Rezanova, Z.I. (2025) Avtomaticheskaya generatsiya novostnykh zagolovkov pri pomoshchi neyronnoy seti RuGPT-3 (vliyanie obuchayushchego dataset na rezul'tativnost' modeli) [Automatic generation of news headlines using the RuGPT-3 neural network (effect of training dataset on model performance)]. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nyye seti*. 1 (4). pp. 62–70. doi: 10.21603/2782-4799-2025-4-1-62-70
- Wiener, N. (1961) *Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine*. 2nd ed. Paris: Hermann & Cie, Camb. Mass. (MIT Press).
- Bellman, R. (1978) *An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computer Think?* San Francisco: Boyd and Fraster Publishing Company.
- Turing, A. (1950) Computing machinery and intelligence. *Mind*. 59. pp. 433–460.
- Jurafsky, D. & Martin, J.H. (2025) *Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition with Language Models*. 3rd ed. [Online] Available from: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3> (Accessed: 8.12.2025).
- Golev, N.D. (2018) Istochnikovyy potentsial obratnogo mashinnogo perevoda [Source potential of reverse machine translation]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*. 1 (18). pp. 36–45.
- Golev, N.D. (2021) [Complexity vs accessibility and understandability of legal language as a theoretical and expert problem]. *Voprosy russkogo yazyka v yuridicheskikh delakh i protsedurakh* [Issues of the Russian Language in Legal Cases and Procedures]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 18 May 2021. Saint Petersburg: Pervyy klass. pp. 160–176. (In Russian).
- Golev, N.D. (2022) Translyativnaya lingvistika (aspektualizirovannyi obzor iskhodnykh polozheniy). Ch. 1: Gnoseologiya perevoda [Translative linguistics (aspectual review of initial provisions). Part 1: Epistemology of translation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6-24 (94). pp. 717–734. doi: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-717-734
- Mel'nikova, V.S. (2024) Izmereniye stepeni ponyatnosti teksta s pomoshch'yu obratnogo mashinnogo perevoda (na materiale tsentral'nogo stikhotvoreniya sbornika "Peyzazh s navodneniyem" (1993) I.A. Brodskogo) [Measuring text understandability using reverse machine translation (based on central poem of the collection Landscape with Flood (1993) by I.A. Brodsky)]. In: *Innovatsionnyy konvent "Kuzbass: obrazovaniye, nauka, innovatsii"* [Kuzbass: Education, Science, Innovation. An Innovation Convention]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 513–517.
- Golev, N.D. & Mel'nikova, V.S. (2020) [Reverse machine translation on service of legal linguistics]. *Innovatsionnyye, informatsionnyye i kommunikatsionnyye tekhnologii* [Innovative, Information, and Communication Technologies]. Proceedings of the 17th International Conference. Sochi. 01–10 October 2020. Moscow: Assotsiatsiya vypusnikov i sotrudnikov VVIA im. professora N.E. Zhukovskogo. pp. 8–11. (In Russian).
- Mel'nikova, V.S. (2021) Izmereniye stepeni slozhnosti teksta zakona s pomoshch'yu komp'yuternykh programm: k postanovke problemy [Measuring the degree of complexity of legal text using computer programs: problem statement]. In: *Filologiya, inostrannyye yazyki i mediakommunikatsii* [Philology, Foreign Languages, and Media Communications]. Vol. 22. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 31–33.
- Golev, N.D. et al. (2024) Komp'yuternyye programmy (mashinnyy perevod, sravneniye tekstov na skhozhost', poiskovyye sistemy) v praktike prepodavaniya filologicheskikh distsiplin v vuzе: iskhodnyye polozheniya [Computer programs (machine translation, text similarity comparison, search systems) in teaching philological disciplines at university: initial provisions]. In: *Sotsial'nyye seti* [Social Networks]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 89–127.
- Mel'nikova, V.S. (2025) Issledovaniye slozhnosti, ponyatnosti i perevodimosti russkogo teksta traditsionnymi metodami i metodom obratnogo mashinnogo perevoda [Study of complexity, understandability and translatability of Russian text by traditional methods and reverse machine translation method]. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nyye seti*. 1-4 (13). pp. 23–33. doi: 10.21603/2782-4799-2025-4-1-23-33
- Mel'nikova, V.S. (2025) [The reverse machine translation method as a mirror of correlation between linguocognitive categories of understandability and translatability (Based on A.S. Pushkin's poem "To the Slanderers of Russia")]. *Pushkinskaya traditsiya v russkoy kulture: yazyk, literatura, mediadiskurs* [The Pushkin Tradition in Russian Culture: Language, Literature, Media Discourse]. Proceedings of the International Conference. Kemerovo. 17–19 October 2024. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 61–64. (In Russian).
- Melnikova, V.S. & Napreenko, G.V. (2025) [Role of reverse machine translation in studying variability and interpretation of Russian texts]. *Joint Innovation – Joint Development*. Themed collection of papers from Foreign International Scientific Conference. Harbin (China). 27 February 2025. Saint Petersburg: Chastnoye nauchno-obrazovatel'noye uchrezhdeniye dop. prof. obrazovaniya Gum. natsional. issled. in-t "NATZRAZVITIE". pp. 140–143. (In Russian). doi: 10.37539/250227.2025.22.13.017
- Golev, N.D. & Irkova, A.V. (2025) Smyslovaya diffuziya kak semasiologicheskaya, konfliktologicheskaya i lingvouridicheskaya kategoriya v tsifrovom izmerenii [Semantic diffusion as a semasiological and conflictological and legal linguistic category in digital dimension]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 1 (24). pp. 5–14. doi: 10.15688/jvolsu2.2025.1.1
- Berezina, E.A. (2022) Ispol'zovaniye iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoy deyatel'nosti [Use of artificial intelligence in legal activity]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. 12 (17). pp. 25–38. doi: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038
- Zakon.ru. (2025) II-tehnologii v yurisprudentsii: kak povysit' kachestvo i skorost' raboty (dannye issledovaniya) [AI technologies in jurisprudence: how to improve quality and speed of work (research data)]. *Zakon.ru*. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2025/03/10/ii-tehnologii_v_yurisprudentsii_kak_povysit_kachestvo_i_skorost_raboty_dannye_issledovaniya (Accessed: 18.03.2025).
- Trofimova, G.N. (2024) [Algorithms and possibilities of using generative neural networks in conducting linguistic expertise]. *Natsional'nyye i mezhdunarodnyye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoy ekspertizy* [National and International Trends and Prospects for the Development of Forensic Science]. Proceedings of the Conference. Nizhny Novgorod. 22–23 May 2024. Nizhny Novgorod: National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. pp. 372–378. (In Russian).
- Shemileva, M.S.A. & Kudusova, M.I. (2022) Primeneniye iskusstvennogo intellekta v nauchnykh issledovaniyakh [Application of artificial intelligence in scientific research]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 92-11. pp. 48–50. doi: 10.18411/trnio-12-2022-522
- Korneev, K.S., Kleyev, D.I. & Bronvald, L.A. (2024) Ispol'zovaniye iskusstvennogo intellekta v sovremennoy lingvistike [Use of artificial intelligence in modern linguistics]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 107-8. pp. 161–164. doi: 10.18411/trnio-03-2024-436
- Pavlov, A.A. (2024) Sozdannyye s ispol'zovaniyem iskusstvennogo intellekta "nauchnye" teksty: tekushcheye sostoyaniye i perspektivy razvitiya ["Scientific" texts created using artificial intelligence: current state and development prospects]. *Metodologicheskiye problemy tsivilisticheskikh issledovaniy*. 6. pp. 111–127. doi: 10.33397/2619-0559-2024-6-6-111-127
- Lengoo. (2021) Kakuyu pol'zu yuridicheskaya otrasl' izvlekaet iz ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta dlya udovletvoreniya svoikh yazykovykh potrebnostey? [How does the legal industry benefit from using artificial intelligence for their language needs?]. *Lengoo*. [Online] Available from: <https://www.lengoo.com/blog/how-does-the-legal-industry-benefit-from-ai-for-their-language-needs> (Accessed: 18.03.2025).
- Consultant Plus. (2025) *Criminal Code of the Russian Federation Article 148. Violation of the Right to Freedom of Conscience and Religion*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/ (Accessed: 08.12.2025). (In Russian).
- Rudakov, A. (2025) Khotel smutit' DeepSeek... [I wanted to confuse DeepSeek...]. *VK*. 13 February. [Online] Available from: https://vk.com/wall277368477_1309 (Accessed: 12.02.2025).
- Stal'nov, A.D. & Grigor'yev, A.V. (2023) Sposoby adaptatsii neyrosetevykh tekhnologiy pod pol'zovatel'skiye zadachi [Methods of adapting neural network technologies for user tasks]. *Informatika i kibernetika*. 3 (33). pp. 19–28.

28. Knutov, A.V. et al. (2020) *Slozhnost' rossiyskikh zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza* [Complexity of Russian Laws. Experience of Syntactic Analysis]. Moscow: HSE. [Online] Available from: https://id.hse.ru/data/2020/06/02/1603992329/Slozhnost_rossiyskikh_zakonov_sayt.pdf (Accessed: 08.12.2025).
29. *Nauchnaya elektronaya biblioteka eLIBRARY.RU* [Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU]. (2025) [Online] Available from: <https://elibrary.ru/> (Accessed: 08.12.2025).
30. *DeepSeek*. (2025) [Online] Available from: <https://chat.deepseek.com> (Accessed: 08.12.2025).

Информация об авторах:

Голев Н.Д. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: ngolevd@mail.ru

Мельникова В.С. – аспирант кафедры русского языка и литературы ИФИЯМ Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: melnikovavika2017@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.D. Golev, Dr. Sci. (Philology), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ngolevd@mail.ru

V.S. Melnikova, postgraduate student, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: melnikovavika2017@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.05.2025;
одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 05.05.2025;
approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 070.1; 81'42
doi: 10.17223/15617793/518/3

Коммуникативные стратегии конструирования образа адвокатской организации (на материале корпоративных сайтов г. Кемерово)

Ольга Николаевна Кондратьева¹, Юлия Сергеевна Игнатова²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ Olnik25@mail.ru

² ign976@mail.ru

Аннотация. Продemonстрировано, что в маркетинговой коммуникации, осуществляемой на корпоративных сайтах адвокатских организаций г. Кемерово, используются коммуникативные стратегии, акцентирующие внимание потенциального доверителя на значимых для данной профессиональной сферы ценностях – законности, профессионализме, авторитетности, успешности, надежности, доступности, клиентоориентированности, что в совокупности позволяет создать позитивный и вызывающий доверие образ адвокатского объединения.

Ключевые слова: маркетинговая коммуникация, коммуникативная стратегия, корпоративный сайт, образ организации, адвокатская организация

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20206, <https://rscf.ru/project/25-28-20206/> и Кемеровской области – Кузбасса.

Для цитирования: Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. Коммуникативные стратегии конструирования образа адвокатской организации (на материале корпоративных сайтов г. Кемерово) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 24–33. doi: 10.17223/15617793/518/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/3

Communicative strategies of law office image construction (on the material of Kemerovo corporate sites)

Olga N. Kondratyeva¹, Yulia S. Ignatova²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ Olnik25@mail.ru

² ign976@mail.ru

Abstract. This research is part of a project dedicated to the linguistic-marketing monitoring of corporate websites belonging to regional law offices. The project addresses issues concerning the corporate website as an element of marketing communication, defining its role in shaping an organization's image, reputation, and brand. It involves analyzing the structure, linguistic design, and content of legal websites, as well as identifying the strengths and weaknesses crucial for law offices' successful competition in the modern market of legal services. The article aims to examine the communicative strategies employed on corporate websites to form a commercially appealing image of a legal organization. The research material comprised the websites of thirteen bar associations and law firms from the city of Kemerovo. The methodological framework is based on contemporary advancements in communicative linguistics, linguistic marketing, and content marketing. The collection of linguistic material was conducted using a continuous sampling method. For the classification and interpretation of the gathered material, communicative, definitional, and distributive types of analysis were employed. The study establishes that communicative strategies are a specific manifestation of a law office's strategic plan, which is oriented towards promoting its member attorneys and positioning the legal services they provide. It is demonstrated that the marketing communication conducted on regional corporate websites utilizes seven leading communicative strategies. Each strategy focuses a potential client's (principal's) attention on values significant to this professional sphere: legality, professionalism, authority, proven success, reliability, accessibility, and client-centricity. Collectively, these strategies enable the creation of a positive and trustworthy image of the law office. It is shown that some legal organizations in Kemerovo allocate specialized sections of their corporate websites for presenting these values. This not only facilitates navigation but also implicitly influences the consumer by showcasing the merits of the professional community presented in this manner and encouraging them to become a client. In other words, there are stable correlations between sections of a corporate website, the core values of the legal sphere, and the communicative strategies used to create the image of a law office. A competent utilization of such correlations can significantly enhance the effectiveness of a corporate website as a tool for interacting with consumers of marketing content, thereby influencing the commercial success of a law office.

Keywords: marketing communication, communication strategy, corporate website, organization image, law office

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-20206, <https://rscf.ru/en/project/25-28-20206/>, and Kemerovo Region – Kuzbass.

For citation: Kondratyeva, O.N. & Ignatova, Yu.S. (2025) Communicative strategies of law office image construction (on the material of Kemerovo corporate sites). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 24–33. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/3

Введение

В digital-эпоху актуален сформулированный Биллом Гейтсом тезис – «если вашего бизнеса нет в интернете, то вас нет в бизнесе», поэтому каждая серьезная организация обзавелась собственным виртуальным «представительством» в сети и корпоративный сайт успешно трансформировался из модного атрибута, некой визитной карточки, в инструмент для коммуникации с потенциальными заказчиками, инвесторами, партнерами организации, а также эффективное средство формирования коммерчески привлекательного образа корпорации. В итоге активное создание и продвижение корпоративных сайтов стало одним из ведущих трендов современного маркетинга.

Корпоративный сайт представляет собой «сайт компании, знакомящий с предоставляемыми услугами и направлениями деятельности и включающий весь функционал интернет-представительства. Кроме этого, сайт содержит интерактивные элементы взаимодействия с пользователем: например, регистрация постоянных клиентов и предоставление им дополнительной информации или сервисов» [1. С. 142]. Качественный корпоративный сайт выполняет ряд важных функций: предоставляет объективную информацию об организации и ее сотрудниках, формирует имидж организации, позволяет удержать и нарастить клиентскую базу, обеспечивает обратную связь с потребителем представленного на сайте контента. Для реализации обозначенных функций разработчики сайтов используют все возможности виртуальной среды, размещая тексты, видеоматериалы, изображения, при этом «вербальная семиотика взаимодействует с семиотическими ресурсами графики, цвета, визуальными по каналу восприятия» [2. С. 73].

Новый коммуникативный феномен закономерно попадает в фокус внимания специалистов как в сфере маркетинга, так и в сфере лингвистики, при этом особый интерес исследователей привлекает роль корпоративного сайта в формировании образа, имиджа и бренда корпорации [3–12]. Маркетологи постепенно приходят к пониманию значимости лингвистической составляющей корпоративного сайта для эффективного продвижения представленных на нем товаров и услуг [13–17].

В лингвистике корпоративный сайт исследуется как важный жанр маркетинговой коммуникации [18, 19], имеющий комплексную природу и «состоящий из совокупности жанровых форм, как особых, виртуальных, так и виртуальных вариантов первичных жанров “реальной» коммуникации”» [20. С. 43], активно рассматриваются его отдельные субжанры, например, история компании, миссия, новости и др. [21–24], анализируется феномен виртуального автора подобных жанров и субжанров [25], выделяются и описываются используемые для конструирования образа корпорации коммуникативные стратегии и тактики [21, 26, 27].

В настоящий момент наблюдается переход от обобщенного рассмотрения жанровой и коммуникативной специфики корпоративного сайта [27, 28 и др.] к изучению корпоративных сайтов отдельных сфер, предоставляющих разнообразные услуги населению, например сайтов коммерческих, образовательных, медицинских и иных организаций [24, 29, 30 и др.], что позволит в дальнейшем выявить как инвариантные, так и вариативные особенности корпоративных сайтов. При этом сайты юридических организаций, занимающих важную позицию в жизни современного социума, еще практически не попадали в фокус внимания лингвистов (см., например: [26]).

Методология исследования

Исследование основывается не только на классических научных концепциях, разработанных в рамках медиалингвистики, интернет-лингвистики и коммуникативной лингвистики, но и на новых практико-ориентированных научных концепциях, формируемых в рамках *лингвомаркетологии* [31–35] и *контент-маркетинга* [36–39].

Целью статьи является выявление и систематизация коммуникативных стратегий, используемых для конструирования образа адвокатской организации на ее корпоративном сайте. Обращение к адвокатским организациям в качестве материала исследования обусловлено тем, что современный рынок адвокатских услуг достаточно насыщен, что закономерно приводит к возрастанию конкуренции, следовательно, для привлечения новых клиентов «уже недостаточно просто оказывать квалифицированные услуги. Необходимо также тщательно работать над собственным имиджем и узнаваемостью, чему может способствовать создание и продвижение корпоративных сайтов адвокатских организаций» [26. С. 197]. Данная установка значима не только для крупных столичных профессиональных объединений, но и для региональных, также оказывающихся в ситуации конкуренции за потенциального доверителя. Для лингвистов привлечение регионального материала дает возможность оценить степень влияния внешних констатирующих условий на актуализацию коммуникативных стратегий, применяемых для конструирования образа адвокатского объединения.

В Кемеровской области – Кузбассе в последние годы уделяется особое внимание развитию правовой отрасли: открыт кассационный суд общей юрисдикции, начал свою работу «Квартал юстиции», появляются новые организации, оказывающие юридические услуги населению. Развитие юридической сферы должно сопровождаться и развитием навыков профессиональной коммуникации, осуществляющихся на разных площадках, в том числе – и на корпоративных

сайтах юридических организаций, что и предопределило интерес к комплексному рассмотрению сайтов адвокатских объединений данного региона.

Материалом исследования послужили корпоративные сайты тринадцати адвокатских коллегий и адвокатских бюро г. Кемерово – «Адвокатский Бизнес Альянс», «Адвокаты Западно-Сибирского региона», «Артымук, Шемет и Партнеры», «Защита и Содействие», «Лойер ЛК», «Регионсервис», «Советник», «Шаройко и партнеры», «ЮрПроект», «ЮрБизнес-Коллегия», «Коллегия адвокатов № 3 Заводского района г. Кемерово Кемеровской области», «Коллегия адвокатов № 4 Рудничного района г. Кемерово Кемеровской области», «Кузбасская коллегия адвокатов».

Сбор языкового материала производился методом сплошной выборки, для классификации и интерпретации собранного материала использовались коммуникативный, дефиниционный и дистрибутивный виды анализа.

Результаты исследования

Интернет-среда предоставляет профессиональным объединениям широкие возможности для конструирования своего позитивного образа и создания узнаваемого бренда. Применяемые для реализации этих задач коммуникативные стратегии позволяют организациям акцентировать внимание на своих сильных сторонах и стимулировать интерес потенциальных клиентов. Коммуникативная стратегия является одним из частных проявлений стратегического плана корпорации, ориентированным на успешное продвижение как самой организации, так и ее товаров и услуг.

И.П. Ромашовой было выделено четыре коммуникативные стратегии, используемые для формирования позитивного образа корпорации – «стратегия акцентирования внимания на законности деятельности корпорации, стратегия формирования образа компании, авторитетной в своей сфере; стратегия создания образа престижной корпорации; гиперболизация образа корпорации» [27. С. 368]. В рамках пилотного исследования, посвященного коммуникативным стратегиям, используемым для создания образа известных столичных адвокатских организаций на их корпоративных сайтах, нами было выявлено пять подобных стратегий [26], в частности, помимо перечисленных стратегий, значимой для адвокатской сферы оказалась стратегия, акцентирующая внимание потенциальных доверителей на профессиональных успехах сотрудников организации – выигранных делах, снятых обвинениях, удовлетворенных апелляциях и т.д., что напрямую обусловлено спецификой задач адвокатских организаций. Кроме того, гораздо реже, чем компании иных сфер, особенно коммерческих, адвокатские организации используют коммуникативную стратегию гиперболизации, поскольку специалисты в области права четко представляют юридические последствия предоставления не соответствующей истинному положению дел информации и недобросовестной рекламы. Соответственно, можно говорить о существовании определенной специфики в использовании коммуникативных

стратегий, конструирующих образ организации в маркетинговой коммуникации, протекающей на корпоративном сайте.

Последующие исследования, в том числе и анализ сайтов региональных адвокатских организаций, позволили не только расширить список коммуникативных стратегий, используемых в юридической маркетинговой коммуникации, но и выявить, что большая часть стратегий коррелирует с одной из базовых ценностей, значимых для миссии адвокатского объединения. Такой результат представляется нам закономерным, поскольку именно ценности – это «то, на что должна опираться миссия, цель существования и функционирования компании (если абстрагироваться от главной экономической цели любой фирмы – получение и максимизация прибыли)» [40. С. 45]. Рассмотрим выявленные стратегии, определив разделы корпоративного сайта, используемые для их реализации, а также охарактеризуем задействованные для их создания и успешного применения языковые средства.

Проведенный анализ показал, что для конструирования коммерчески привлекательного образа адвокатской организации г. Кемерово результативно используется несколько коммуникативных стратегий, актуализирующих значимые для данной профессиональной сферы ценности – законность, профессионализм, авторитетность, успешность, надежность, доступность, клиентоориентированность.

1. Стратегия акцентирования внимания на законности деятельности адвокатской организации. Безусловно, для адвокатских организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере права, данная стратегия является основополагающей, она реализуется с помощью многочисленных ссылок «на тексты тех дискурсов, которые призваны подтвердить законность ее деятельности (юридического, административного)» [27. С. 368].

На корпоративном сайте стратегия представлена в разделах, посвященных официальной информации об адвокатском объединении (например, «Сведения об организации» («Советник»), «О нас» («Коллегия адвокатов № 4 Рудничного района г. Кемерово Кемеровской области»)) и нормативно-правовой базе (например, «Правовые основы адвокатской деятельности» («Защита и содействие»), «Документы» («ЮрБизнес-Коллегия»)).

Согласно «Рекомендациям по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката» (2022), «на сайте в обязательном порядке размещается информация о том, что посетитель находится на **официальной** (выделено нами. – О.К., Ю.И.) странице адвокатской организации» [41], а также о (1) ее форме и названии, (2) наименовании адвокатской палаты, в реестре адвокатских образований которой содержится сведения о данном адвокатском образовании, (3) реестровом номере адвокатского образования, (4) фамилии, имени, отчестве руководителя и (5) контактная информация: *Приветствую Вас на официальной интернет-странице Некоммерческой организации «Коллегия адвокатов “Советник” г. Кемерово Кемеровской области» («Советник»); ОФИЦ. АДРЕС КА «АДВОКАТЫ*

ЗАПСИБРЕГИОН». ИНН: 4205041781. КПП: 420501001. ОГРН: 1024200712821. Дата регистрации: 5 декабря 2002. Юридический адрес: 650000, г Кемерово, пр-кт Советский, д 6, офис 44. +7 (999) 647-99-19. info@zap-sib-region.ru («Адвокаты Западно-Сибирского региона»).

В языковом отношении стратегия реализуется посредством использования лексем *законодательство, закон, кодекс, право, правосудие: Основные принципы нашей работы. Действие исключительно по букве закона* («Лойер ЛК»); *Юристы Коллегии адвокатов «Регионсервис» на протяжении 23 лет ежедневно оказывают... юридическую помощь... выступая за верховенство закона и равноправие* («Регионсервис»); *Целью адвокатской деятельности является защита прав, свобод и интересов своих доверителей, а также обеспечение их доступа к правосудию* («Юр-БизнесКоллегия»); *Нам важно расширять возможности получения правовой помощи для тех, кто в ней нуждается* («Регионсервис»).

На сайте адвокатской организации активно используются названия конкретных законов, правовых документов, среди которых доминируют «Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», «Кодекс профессиональной этики адвоката», «Рекомендованные минимальные ставки вознаграждений за отдельные виды юридической помощи, оказываемой по соглашениям адвокатами Кемеровской области, и размеры компенсаций командировочных расходов с 01 марта 2016 года»: Кузбасская коллегия адвокатов является правопреемником Областного адвокатского бюро, созданного в начале 2000 г. **Во время реорганизации адвокатуры Кузбасса в связи с принятием Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»** Областное адвокатское бюро было преобразовано в Кузбасскую коллегия адвокатов Кемеровской области (Кузбасская коллегия адвокатов); **В соответствии с федеральным законом Российской Федерации «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» 31.05.2002 № 63-ФЗ (далее по тексту – Закон об Адвокатуре)**, адвокатская деятельность – это квалифицированная юридическая помощь, которая оказывается на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном законом («ЮрБизнесКоллегия»).

Также ключевым для адвокатской организации является подчеркивание строгого соблюдения кодекса адвоката и адвокатской этики: *Мы осознаем всю ответственность за принятые поручения и, руководствуясь Кодексом профессиональной этики адвоката, всегда уделяем особое внимание защите конфиденциальности полученных сведений, бережно относясь к любой информации, поступившей от доверителя* («Шаройко и Партнеры»).

2. Стратегия акцентирования внимания на профессионализме сотрудников адвокатской организации. Значимым фактором, влияющим на конструирование позитивного образа адвокатской организации, является указание на высокий профессионализм пред-

ставляющих ее специалистов, что отражается в разделах корпоративного сайта, посвященных самой коллегии и входящим в нее адвокатам, например: «О коллегии» («Адвокатский Бизнес Альянс», «Кузбасская коллегия адвокатов»), «Адвокаты коллегии» («Коллегия адвокатов Заводского района № 3 г. Кемерово Кемеровской области»).

На языковом уровне названная стратегия реализуется за счет использования существительных *профессионалы, специалисты, квалификация*, а также прилагательных, указывающих на максимальный уровень профессионализма и квалификации – *высокий, высочайший, высокочеловеческий, высококлассный, высококомпетентный: ПРОФЕССИОНАЛИЗМ. Адвокаты нашей коллегии – это высококомпетентные и ответственные специалисты, имеющие серьезную подготовленность к выполнению задач адвокатской деятельности* («Кузбасская коллегия адвокатов»); *Нам удалось объединить высококлассных специалистов в различных отраслях права* («Адвокатский Бизнес Альянс»); *Помощь высококвалифицированного специалиста в любой области не может стоить дешево* («Кузбасская коллегия адвокатов»); *Адвокаты коллегии – это команда профессионалов, которая объединяет более 20 опытных юристов, специализирующихся в разных отраслях права* («Коллегия адвокатов Заводского района № 3 г. Кемерово Кемеровской области»); *Адвокаты Коллегии обладают высокой квалификацией и оказывают разнообразную правовую помощь* («Защита и содействие»).

Профессионализм адвокатов в значительной степени базируется на их опыте. В материалах на корпоративных сайтах регулярно используется лексема *опыт*, а также оценочные прилагательные, указывающие на временную характеристику опыта – *многолетний, накопленный, длительный*, его «размер» – *огромный, большой, немалый, обширный*, качество – *солидный, богатый, успешный: БОЛЬШОЙ ОПЫТ РАБОТЫ. Все адвокаты коллегии имеют значительный стаж адвокатской деятельности, что дает им возможность, используя накопленный опыт, не только выбрать юридически грамотную, обоснованную позицию, но и выработать верную тактику ведения дела* («Кузбасская коллегия адвокатов»); *Коллегия адвокатов «Лойер ЛК» – это сильнейшая команда, чей обширный опыт и правовая квалификация позволяют решать неординарные бизнес-задачи наших клиентов* («Лойер ЛК»); *Адвокаты коллегии – это команда профессионалов, которая объединяет более 20 опытных юристов, специализирующихся в разных отраслях права* («Коллегия адвокатов Заводского района № 3 г. Кемерово Кемеровской области»).

Поскольку профессионализм предполагает регулярное совершенствование рабочих навыков, то при реализации характеризуемой стратегии частотны лексемы и словосочетания *развитие, рост, стажировка, курсы, подготовка кадров, повышение квалификации, повышение профессионального уровня, профессиональный рост. Выполнение этой миссии стало возможным благодаря непрерывному развитию потен-*

циала всех без исключения специалистов. Стремление к росту во благо интересов доверителей составляет суть нашей профессии («Шаройко и Партнеры»); Совершенствование знаний и повышение квалификации адвоката является обязательным стандартом адвокатской профессии («Коллегия адвокатов Заводского района № 3 г. Кемерово Кемеровской области»); Дмитрий Александрович Малинин (Председатель коллегии, руководитель практики «Корпоративные споры»). Прошел стажировку «Управление юридической фирмой» в Школе Права Линкольна. Президентская программа подготовки управленческих кадров в Кузбассе («ЮрПроект»).

3. **Стратегия конструирования образа авторитетной адвокатской организации** заключается «в создании имиджа компании как авторитетного субъекта профессиональной деятельности, эксперта в своей области» [27. С. 369]. Реализуется в процессе упоминания достижений адвокатской организации, перечисления почетных званий и титулов входящих в ее состав сотрудников, а также за счет указания на привлечение средствами массовой коммуникации представителей организации в качестве экспертов для комментирования резонансных и злободневных проблем в сфере права.

Чаще всего данная стратегия представлена в разделах, содержащих новости о победах организации и ее сотрудников в профессиональных конкурсах и рейтингах (например, «Новости» («Адвокатский Бизнес Альянс»), «Новости и события» («Регионсервис»); в специализированных разделах, например, «Рейтинги и награды» («Регионсервис»), «Награды и дела» («ЮрПроект»): *Высокий клиентский сервис и профессиональные успехи компании отмечены наградами Федеральной палаты адвокатов РФ, адвокатской палаты Кемеровской и Новосибирской области, Правительства Кузбасса («Адвокатский Бизнес Альянс»); Адвокат Черняева Марина. Награждена медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации («Артымук, Шемет и Партнеры»); 18 юристов Коллегии отмечены индивидуальным рейтингом «Право-300» («Регионсервис»); Юристы КА «Регионсервис» отмечены рейтингом Российской газеты («Регионсервис»).* Зачастую информация в данных разделах сопровождается фотографиями соответствующих дипломов, медалей, сертификатов и т.п.

Языковыми маркерами обозначенной стратегии выступают существительные *авторитет, репутация, имя, влияние, признание, лидер*, а также прилагательные *авторитетный, влиятельный* и др.: *Мы гордимся высокой правовой квалификацией наших адвокатов и признанием фирмы в авторитетных национальных рейтингах («Регионсервис»); Залогом качества нашей работы служит репутация Коллегии как команды профессионалов, отстаивающей интересы клиентов («Регионсервис»); Мы предлагаем вам квалифицированную помощь, наше имя, нашу репутацию, наше время и немалый профессиональный опыт («Советник»); Павел Кирсанов вошел в ТОП-100 влиятельных персон в банкротстве по версии издания ПРОБанкротство («Регионсервис»); Коллегия адвокатов «Регионсервис» –*

межрегиональный лидер в вопросах правовой защиты бизнеса («Регионсервис»).

Об авторитетности организации также свидетельствует приглашение ее представителей в качестве экспертов в СМИ и в качестве спикеров на различные профессиональные мероприятия: *Мы открыты для общения со СМИ, принимаем участие в телепрограммах в качестве экспертов, даем комментарии для деловых изданий по изменениям законодательства и интересной судебной практике («ЮрПроект»); Яна Кизилова выступила спикером форума Litigation Forum Pravo.ru («Регионсервис»); Адвокат Артымук Владимир, делегат от Российской Федерации 2017 на конференцию в Совет Европы по правам человека... участник 13 конференций, в том числе 5 международных, касающихся прав врачей («Артымук, Шемет и Партнеры»).*

4. **Стратегия конструирования образа успешной адвокатской организации.** Существительное *успех* трактуется как «положительный результат, удачное завершение чего-л.», а прилагательное *успешный* определяется как «такой, к-рый характеризуется положительным результатом, благоприятным исходом, успехом» [42. Т. 2. С. 577].

Рассматриваемая стратегия акцентирует внимание на профессиональных успехах адвокатов, представляющих организацию, в особенности на «успешно завершенных судебных делах, внесших значительный вклад в имидж организации» [26. С. 201]. На корпоративных сайтах подобная информация представлена преимущественно в специализированных рубриках, например, «Наши результаты» («Кузбасская коллегия адвокатов»), «Результаты нашей работы» («Советник»), «Наш опыт» («Лойер ЛК»), а также в новостных разделах, например, «Новости и события» («Регионсервис»).

Стратегия реализуется как перечисление выигранных партнерами дел, в информации подобного плана используются существительные *успех, победа, результат, итог, достижения*, словосочетания *оправдательный приговор, вердикт суда, вернуть дело, дело приостановлено, дело прекращено, мировое соглашение* и др.: *Партнерство во имя успеха! («Регионсервис»); Адвокаты коллегии успешно представляют интересы доверителей во всех судах г. Кемерово и Кемеровской области («Коллегия адвокатов Заводского района № 3 г. Кемерово Кемеровской области»); Победа в споре о привлечении к субсидиарной ответственности в суде кассационной инстанции («Регионсервис»); Основные принципы нашей работы. Поиск кратчайшего пути к победе («Лойер ЛК»); Всегда готовы поделиться результатами своей работы! Подсудимый по данному уголовному делу пробыл под стражей в СИЗО-1 г. Кемерово более 2 лет. Итог 2-летней работы, вердикт суда вернуть дело Прокурору Центрального района г. Кемерово («Советник»).*

Также активно используются глаголы *раскрыли, добились, выиграли, защитили, вскрыли, установили, не допустили*, словосочетания *одержали победу, поставили точку* и др.

Наиболее подробно подобные профессиональные достижения представлены на сайте КА «Регионсервис»: *КА «Регионсервис» защитила интересы кредитора, признав обязательства общими обязательствами должника и его бывшей супруги («Регионсервис»); Мы добились признания судом необходимости отступления от установленного законом порядка реализации имущества должника в данном конкретном случае («Лойер ЛК»); Мы убедили кредиторов, налоговый орган и арбитражный суд в том, что мировое соглашение направлено на справедливое и соразмерное удовлетворение требований кредиторов, не приводя к ликвидации должника. Суд принял позицию должника, утвердил мировое соглашение и прекратил процедуру банкротства («Лойер ЛК»); Адвокаты «Регионсервиса» поставили точку в трудовом споре с бывшим директором о признании увольнения незаконным («Регионсервис»).*

5. Стратегия акцентирования внимания на надежности организации. Данная стратегия связана с такими ключевыми для адвокатской деятельности ценностями, как надежность и доверие, поскольку прилагательное *надежный* определяется в словарях русского языка как «такой, на которого с уверенностью можно положиться, который внушает полное доверие и не подведет» [42. Т. 1. С. 566]. На корпоративном сайте данная стратегия представлена в разделе «Наша миссия» («Шаройко и Партнеры»), «Главная. Почему мы?» («Коллегия адвокатов Заводского района №3 г. Кемерово Кемеровской области»).

С помощью обозначенной стратегии подчеркивается, что адвокатское образование всегда поддержит доверителя в трудный момент. С помощью прилагательного *надежный* характеризуются как сама организация, так и обеспечиваемая ею защита: *За годы работы наша коллегия зарекомендовала себя как надежный партнер («Коллегия адвокатов Заводского района № 3 г. Кемерово Кемеровской области»); Мы уверены, в адвокатском бюро «Шаройко и Партнёры» каждый найдет надежную юридическую защиту, основанную на искренней заботе о Вас! («Шаройко и Партнёры»).*

Стратегия также реализуется за счет использования лексемы *доверие* и глагола *доверять*: *Доверяйте профессионалам! («Коллегия адвокатов № 3 Заводского района г. Кемерово Кемеровской области»); Следуя девизу «Acta Non Verba» – Дела а не слова – наши специалисты с максимальной ответственностью и вовлеченностью обеспечивают правовую основу для развития бизнеса клиентов, которые доверяют нам много лет («Шаройко и Партнёры»).*

О значимости доверия в отношениях адвоката и клиента свидетельствует наличие термина «доверитель», в «Рекомендации по ведению сайта адвоката» особо отмечается, что не стоит называть доверителя клиентом, поскольку этот термин используется в коммерческой сфере, а потому может «сформировать у неосведомленного посетителя сайта неверное представление об адвокатской деятельности как о предпринимательской» [41]: *Доверителями адвоката могут*

быть как физические, так и юридические лица («ЮрБизнесКоллегия»); Более семидесяти лет наши адвокаты защищают права и интересы доверителей («Коллегия адвокатов № 3 Заводского района г. Кемерово Кемеровской области»); Представляем интересы доверителей на всех стадиях арбитражного процесса («Адвокаты Западно-Сибирского региона»).

6. Стратегия конструирования образа доступной адвокатской организации. Традиционно юридическая сфера воспринимается в обществе как достаточно элитарная и дорогая, что отпугивает некоторых потенциальных клиентов. Поэтому для многих адвокатских организаций, стремящихся к расширению клиентской базы, значимым является развенчание подобных мифов. Большинство адвокатских организаций выносит информацию о своих тарифах в специализированные разделы, например, «Вознаграждение» («ЮрБизнесКоллегия»), «Прайслист» («Адвокаты Западно-Сибирского региона»), «Соглашения и ставки вознаграждений» («Коллегия адвокатов № 3 Заводского района г. Кемерово Кемеровской области»), «Ставки вознаграждений, стоимость услуг» («Советник»), «Условия и порядок оплаты» («Защита и содействие»), в том числе выделяя отдельно разделы, посвященные благотворительности и бесплатным консультациям, – «Pro bono» («Регионсервис»).

Для реализации данной стратегии используются лексемы *доступно, выгодно, минимальный*: *Работать с нами выгодно* (далее приводится таблица с расценками. – О.К., Ю.И.) («Защита и содействие»); *Указанные ставки фиксируют минимальный уровень сложности в Кемеровской области стоимости оплаты юридической помощи адвокатов. Стоимость услуг адвоката по конкретному делу может отличаться от указанных здесь размеров («Защита и содействие»).* Сами цены характеризуются на корпоративном сайте как *низкие и привлекательные*: *Обращение в нашу коллессию гарантирует вам не только высокое качество оказываемых услуг, но и... привлекательность цен («Коллегия адвокатов Заводского района № 3 г. Кемерово Кемеровской области»).*

Кроме того, многие адвокатские организации ссылаются на специальный документ, устанавливающий ценовую политику в адвокатской сфере: *Адвокатская палата Кемеровской области устанавливает минимальные ставки вознаграждений за отдельные виды юридической помощи в Кемеровской области, в том числе и для целей применения критерия разумности, установленного в части 2 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса РФ и части 1 ст. 100 Гражданского процессуального кодекса РФ («Коллегия адвокатов Заводского района № 3 г. Кемерово Кемеровской области»).*

Также отмечается, что качественная и сложная работа не может быть дешевой, для характеристики ценовой политики адвокатской организации используются определения *адекватный и разумный*: *АДЕКВАТНАЯ СТОИМОСТЬ УСЛУГ («Кузбасская коллегия адвокатов»); Адекватные цены. В стремлении оказывать юридические услуги отличного качества и зарабатывать на наших знаниях и опыте, мы*

учитываем экономические реалии и предлагаем действительно разумную цену за свою работу («Юр-Проект»).

В коммерческих предложениях, ориентированных на малообеспеченные слои населения, содержатся лексемы *рассрочка, скидка*: *Мы всегда ... готовы учесть конкретные жизненные обстоятельства, в том числе и материальные, предложить, в случае необходимости, рассрочку оплаты помощи адвоката* («Кузбасская коллегия адвокатов»). Некоторые адвокатские организации проводят акции, в рамках которых предоставляют бесплатные консультации: *Мы рады познакомиться с вами, приходите к нам, наша первая консультация и составление плана обслуживания бесплатны* («Советник»); *20 ноября 2018 г. граждане, обратившиеся за юридической помощью к адвокатам Коллегии адвокатов «Шеманский и Партнёры» Кемеровской области получают бесплатные консультации по всем интересующим вопросам* («Шеманский и Партнёры»).

Также ряд адвокатских объединений обращает внимание на то, что для отдельных слоев населения и социально-значимых проектов возможно ведение дел без оплаты, для указания на это используется специальный термин *pro bono* и лексемы *безвозмездно, бесплатно, благотворительность*: *Бесплатная юридическая помощь сиротам, инвалидам 1,2 групп* («Адвокаты Западно-Сибирского региона»); *Юристы Коллегии адвокатов «Регионсервис» на протяжении 23 лет ежедневно оказывают безвозмездную юридическую помощь pro bono (от лат. pro bono publico – ради общественного блага) по всей России, выступая за верховенство закона и равноправие* («Регионсервис»); *Партнёры и сотрудники компании принимают участие в благотворительных программах, а также оказывают правовую помощь pro-bono отдельным общественным и религиозным организациям* («Юр-Проект»).

7. Стратегия конструирования образа клиенто-ориентированной адвокатской организации. В условиях насыщенного рынка адвокатских услуг обостряется борьба за клиентуру, поэтому для большинства адвокатских организаций значимой является демонстрация преимуществ обращения в конкретное адвокатское объединение. Данная стратегия актуализирует готовность организации учитывать интересы доверителя и подчеркивает возможность предоставлять свою помощь в то время и в той форме, которая удобна заказчику.

Основными репрезентантами стратегии являются лексемы *клиент, заказчик, доверитель*: *За что нас ценят клиенты* («ЮрПроект»); *Защищать интересы клиента как свои собственные. Избегать «конфликта интересов» во взаимоотношениях с клиентами* («Регионсервис»); *Мы прорабатываем все вероятные риски и юридические возможности не только в рамках поставленной задачи, но и для полной картины разбираемся в бизнесе заказчика и его положении в целом* («ЮрПроект»); *Представляем интересы доверителей на всех стадиях арбитражного процесса* («Адвокаты Западно-Сибирского региона»).

Адвокатские организации стремятся показать уникальность каждого случая и продемонстрировать, что готовы приложить максимальные усилия для решения проблем доверителя. Для этого используются лексемы *уникальный, индивидуальный, конкретный, каждый* и др.: *Не разделять клиентов по степени важности. Стремиться к построению долгосрочных партнерских отношений. Каждый клиент для нас самый главный, а его проблема – самая важная* («Регионсервис»); *Мы обеспечиваем индивидуальный подход к каждому, тщательное изучение конкретной проблемы, которая привела за помощью адвоката* («Кузбасская коллегия адвокатов»).

Также адвокатские организации акцентируют внимание на возможности получить юридическую помощь в любое время суток, на что указывается посредством лексем и словосочетаний *круглосуточно, всегда, постоянно, в любое время*, а также цифровой комбинации *24/7*, обозначающей работу 24 часа в сутки 7 дней в неделю: *В любое время Вы можете связаться со мной* («Советник»); *Постоянно на связи* («Регионсервис»); *Юридическая помощь адвоката 24/7* («Артымук, Шемет и Партнёры»).

Заключение

Корпоративный сайт, обладающий четкой, продуманной и логичной структурой, качественным лингвистическим дизайном, содержательным и оригинальным контентом, использующий эффективные коммуникативные стратегии, позволяет сконструировать максимально привлекательный для потенциальных доверителей образ адвокатского объединения и оказывает значительное влияние на успешное продвижение ее услуг.

В создании коммерчески эффективного образа адвокатской организации г. Кемерово задействовано семь коммуникативных стратегий, актуализирующих значимые для данной профессиональной сферы ценности – законность, профессионализм, авторитетность, успешность, надежность, доступность, клиентоориентированность. Для акцентирования значимости данных ценностей и максимального воздействия на потенциального клиента большинство организаций помещает подобную информацию в специализированные разделы, что не только облегчает навигацию по сайту, но и имплицитно оказывает влияние на потребителя, побуждая выбрать данное профессиональное сообщество и стать доверителем. Кроме того, существуют устойчивые корреляции между разделами корпоративного сайта, основополагающими ценностями адвокатской сферы и используемыми для создания образа адвокатской организации коммуникативными стратегиями. Корректное использование подобных корреляций, на наш взгляд, является залогом коммерческого успеха адвокатского объединения на рынке правовых услуг.

Анализ региональных сайтов адвокатских организаций позволил выявить как универсальные коммуникативные стратегии, к числу которых относятся стратегии, акцентирующие внимание потенциального доверителя на законности, профессионализме, авторитетности и успешности адвокатской организации, так

и стратегии, характерные для отдельной области. В частности, столичные адвокатские организации широко применяют стратегию акцентирования престижности организации, регулярно упоминая имена представителей шоу-бизнеса, спортсменов и политиков, пользующихся их услугами (см. подробнее: [26]). Региональные адвокатские объединения названную стратегию не используют, что объясняется не только отсутствием звезд подобного масштаба в области, но и ориентацией на иную целевую аудиторию, обладающую иным уровнем благосостояния. Этой же причиной обусловлено активное использование региональными ад-

вокатскими организациями коммуникативной стратегии, акцентирующей внимание на финансовой доступности услуг адвоката, что значимо для жителей дотационного региона.

Таким образом, обращение к локальному материалу позволяет не только выявить общие закономерности в коммуникативном репертуаре адвокатских объединений, но и дает возможность проследить влияние внешних конситуативных условий на выбор доминирующих стратегий при конструировании привлекательного в маркетинговом отношении образа адвокатской организации.

Список источников

1. Дронова Е.А. Разработка корпоративного сайта фирмы как эффективного инструмента маркетинга // Вестник академии. 2011. № 1. С. 142–144.
2. Резанова З.И., Мишанкина Н.А. Интерпретационный потенциал новых лингвистических объектов (на материале интернет-коммуникации) // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 70–74.
3. Ageeva E., Foroudi P., Melewar T.C., Dennis C., Nguyen B. A holistic framework of corporate website favourability // Corporate reputation review. 2020. № 3. P. 201–214.
4. Argyriou E., Kitchen P., Melewar T. The Relationship between Corporate Websites and Brand Equity: A Conceptual Framework and Research Agenda // International Journal of Market Research. 2006. № 5. P. 575–599. doi: 10.1177/147078530604800507
5. Balogun M.T. The role of corporate website in identity and image relationship // European Journal of Accounting, Finance & Business. 2018. № 6 (2). P. 133–152. doi: 10.4316/ejafb.2018.6.213
6. Hwang J.S., McMillan S.J., Lee. G. Corporate Web Sites as Advertising // Journal of Interactive Advertising. 2003. Vol. 3. P. 10–23. doi: 10.1080/15252019.2003.10722070
7. Pollach I. Corporate self-presentation on the WWW: Strategies for enhancing usability, credibility and utility // Corporate Communications. 2005. № 10 (4). P. 285–301. doi: 10.1108/13563280510630098
8. Salin A.S.A.P., Ismail Z., Smith M. The impact of corporate disclosure and website informativeness on enhancing corporate governance and performance // Journal of governance and regulation. 2024. № 4. P. 306–315. doi: 10.22495/jgrv13i4siart9
9. Мирончев М.М. Корпоративный сайт как лицо бренда // Экономические исследования. 2023. № 3. URL: <https://myeconomix.ru/articles/marketing/korporativnyy-sayt-kak-litso-brenda/> (дата обращения: 17.03.2025).
10. Паклина С.Н. Корпоративный веб-сайт как стратегический ресурс российских и европейских компаний // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 145–158. doi: 10.32609/0042-8736-2023-1-145-158
11. Прокопьева В.Д., Шадрин Л.Ю. Корпоративный сайт как инструмент продвижения компаний в сети Интернет // Научный Лидер. 2024. № 36 (186). С. 51–52.
12. Юматова Д.И. Сайт как средство формирования положительного имиджа региональной организации (на примере ТРЦ «Облака сити») // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2020. № 20. С. 100–106.
13. Hassan H. Multimodal communication of corporate website design. Skudai : UTM Press, 2012. 178 p.
14. García García M., Carrillo-Durán M.V., Tato Jimenez J.L. Online corporate communications: website usability and content // Journal of Communication Management. 2017. № 2. P. 140–154. doi: 10.1108/JCOM-08-2016-0069
15. Palazzo M., Vollero A., Siano A. From strategic corporate social responsibility to value creation: an analysis of corporate website communication in the banking sector // The international journal of bank marketing. 2020. № 7. P. 1529–1552. doi: 10.1108/ijbm-04-2020-0168
16. Изакова Н.Б., Капустина Л.М., Сон В.С. Применение методов оценки коммуникативной эффективности веб-сайта организации в маркетинговом исследовании // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. № 3. С. 89–94. doi: 10.24412/2225-8264-2023-3-89-94
17. Валькова Т.А., Клюев Ю.В. Продвижение некоммерческой организации инструментами стратегических коммуникаций // Информация – Коммуникация – Общество. 2022. Т. 1. С. 37–41.
18. Гусейнова И.А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 466 с.
19. Степанов В.Н., Иванов С.В. Коммуникационный аудит «присутствия» (веб-презент) образовательной организации в интернете // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 2. С. 342–354. doi: 10.17150/2308-6203.2022.11(2).342-354
20. Резанова З.И. Дискурсивные стратегии презентации национально-культурной идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 4 (8). С. 40–54.
21. Анкин Д.Ю., Митягина В.А. Лингвопрагматическая характеристика самопрезентационного дискурса (на материале контента англоязычных корпоративных сайтов) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 4. С. 157–168. doi: 10.29025/2079-6021-2023-4-157-168
22. Дрожащих А.В. Жанр «миссия организации» как новый жанр в русскоязычных корпоративных PR-коммуникациях // Интеграция науки и образования в аграрных вузах для обеспечения продовольственной безопасности России : сб. тр. Национ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2022. С. 65–70.
23. Сунь Б. Презентационный текст на корпоративном сайте: проблема перевода с русского языка на китайский // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2021. Т. 11, № 1. С. 63–69.
24. Сыресина И.О., Горбачева Е.Н., Бондаренко С.В. Специфика языкового построения текстов новостей корпоративных сайтов англоязычных автомобильных компаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 2. С. 186–190. doi: 10.30853/filnauki.2020.2.37
25. Ким Л.Г., Устинова М.В. Интенциональный автор как субъект виртуальной коммуникации (на материале новостного контента корпоративных сайтов) // Научный диалог. 2024. № 13 (4). С. 112–131. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-112-131
26. Кондратьева О.Н., Рогожникова С.Ю. Корпоративный сайт как средство создания образа успешной адвокатской организации (на материале сайта московской коллегии адвокатов «Жорин и партнеры») // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1, № 4. С. 196–202. doi: 10.21603/2782-4799-2022-1-4-196-202
27. Ромашова И.П. Стратегии и тактики легитимации в корпоративном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 2. С. 365–376. doi: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).365-376

28. Потеряхина И.Н. Жанрообразующие элементы корпоративного сайта // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 49–51.
29. Ахнина К.В. Организационно-корпоративный сетевой медицинский дискурс // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 74–78.
30. Помазов А.И. Языковые средства структурной организации и контента образовательного сайта: к постановке проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 216–223.
31. Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Применение метода графосемантического моделирования в лингвомаркетологических исследованиях // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 8. С. 40–46.
32. Голев Н.Д., Яковлева О.Е. Язык как собственность (к основаниям лингвомаркетологической концепции языка) // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 75–83.
33. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М. : Флинта, 2022. 165 с.
34. Kronrod A. Language Research in Marketing // Foundations and Trends in Marketing. 2022. № 16 (3). P. 308–420.
35. Smith P. Marketing Communications. An Integrated Approach. London : Kogan Page Ltd., 1993. 752 p.
36. Контент-маркетинг и лингвистические особенности создания текста / отв. ред. Е. Зырянова, М. Вилина. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 263 с.
37. Милаева О.В., Ростовская Н.Е. Контент-маркетинг: к вопросу определения понятия // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 1. С. 162–168.
38. Невоструев П.Ю., Каптюхин Р.В. Подходы к определению оригинальности контента в рамках контент-маркетинга // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 3 (28). С. 65–69.
39. Royo-Vela M., Hünernund U. Effects of inbound marketing communications on HEIs' brand equity: the mediating role of the student's decision-making process. An exploratory research // Journal of Marketing for Higher Education. 2016. Vol. 26, № 2. P. 143–167.
40. Демина И.Н., Кузнецова И.А. Создание смыслов: ценности крупнейших российских компаний // Журналист. Социальные коммуникации. 2023. № 2 (50). С. 42–55.
41. Рекомендации Федеральной палаты адвокатов от 15 сентября 2022 г. «Рекомендации по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405204093/> (дата обращения: 12.03.2025).
42. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка : в 2 т. М. : ГРАМОТА; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2022.

References

1. Dronova, E.A. (2011) Razrabotka korporativnogo sayta firmy kak effektivnogo instrumenta marketinga [Development of a corporate website as an effective marketing tool]. *Vestnik akademii*. 1. pp. 142–144.
2. Rezanova, Z.I. & Mishankina, N.A. (2006) Interpretatsionnyy potentsial novykh lingvisticheskikh ob'ektov (na materiale internet-kommunikatsii) [Interpretative potential of new linguistic objects (based on internet communication)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1-2. pp. 70–74.
3. Ageeva, E. et al. (2020) A holistic framework of corporate website favourability. *Corporate Reputation Review*. 3. pp. 201–214.
4. Argyriou, E., Kitchen, P. & Melewar, T. (2006) The relationship between corporate websites and brand equity: a conceptual framework and research agenda. *International Journal of Market Research*. 5. pp. 575–599. doi: 10.1177/147078530604800507
5. Balogun, M.T. (2018) The role of corporate website in identity and image relationship. *European Journal of Accounting, Finance & Business*. 6 (2). pp. 133–152. doi: 10.4316/ejafb.2018.6213
6. Hwang, J.S., McMillan, S.J. & Lee, G. (2003) Corporate web sites as advertising. *Journal of Interactive Advertising*. 3. pp. 10–23. doi: 10.1080/15252019.2003.10722070
7. Pollach, I. (2005) Corporate self-presentation on the WWW: Strategies for enhancing usability, credibility and utility. *Corporate Communications*. 10 (4). pp. 285–301. doi: 10.1108/13563280510630098
8. Salin, A.S.A.P., Ismail, Z. & Smith, M. (2024) The impact of corporate disclosure and website informativeness on enhancing corporate governance and performance. *Journal of Governance and Regulation*. 4. pp. 306–315. doi: 10.22495/jgrv13i4siart9
9. Mironchev, M.M. (2023) Korporativnyy sayt kak litso brenda [Corporate website as the face of the brand]. *Ekonomicheskiye issledovaniya*. 3. [Online] Available from: <https://myeconomix.ru/articles/marketing/korporativnyy-sayt-kak-litso-brenda/> (Accessed: 17.03.2025).
10. Paklina, S.N. (2023) Korporativnyy veb-sayt kak strategicheskii resurs rossiyskikh i evropeyskikh kompaniy [Corporate website as a strategic resource of Russian and European companies]. *Voprosy ekonomiki*. 2. pp. 145–158. doi: 10.32609/0042-8736-2023-1-145-158
11. Prokopyeva, V.D. & Shadrina, L.Yu. (2024) Korporativnyy sayt kak instrument prodvizheniya kompaniy v seti Internet [Corporate website as a tool for company promotion on the Internet]. *Nauchnyy Lider*. 36 (186). pp. 51–52.
12. Yumatova, D.I. (2020) Sayt kak sredstvo formirovaniya polozhitelnogo imidzha regional'noy organizatsii (na primere TRTs "Oblaka siti") [Website as means of forming a positive image of a regional organization (example of the Oblaka City shopping mall)]. *Sotsial'nyye kommunikatsii: nauka, obrazovaniye, professiya*. 20. pp. 100–106.
13. Hassan, H. (2012) *Multimodal Communication of Corporate Website Design*. Skudai: UTM Press.
14. García García, M., Carrillo-Durán, M.V. & Tato Jimenez, J.L. (2017) Online corporate communications: website usability and content. *Journal of Communication Management*. 2. pp. 140–154. doi: 10.1108/JCOM-08-2016-0069
15. Palazzo, M., Vollero, A. & Siano, A. (2020) From strategic corporate social responsibility to value creation: an analysis of corporate website communication in the banking sector. *The International Journal of Bank Marketing*. 7. pp. 1529–1552. doi: 10.1108/ijbm-04-2020-0168
16. Izakova, N.B., Kapustina, L.M. & Son, V.S. (2023) Primenenie metodov otsenki kommunikativnoy effektivnosti veb-sayta organizatsii v marketingovom issledovanii [Application of methods for assessing communicative effectiveness of an organization's website in marketing research]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy*. 3. pp. 89–94. doi: 10.24412/2225-8264-2023-3-89-94
17. Valkova, T.A. & Klyuev, Yu.V. (2022) Prodvizhenie nekommercheskoy organizatsii instrumentami strategicheskikh kommunikatsiy [Promotion of a nonprofit organization by means of strategic communications]. *Informatsiya – Kommunikatsiya – Obshchestvo*. 1. pp. 37–41.
18. Guseynova, I.A. (2009) *Kommunikativno-pragmaticheskiye osnovaniya zhanrovoy sistemy v marketingovom diskurse* [Communicative and pragmatic foundations of the genre system in marketing discourse]. Philology Dr. Diss. Moscow.
19. Stepanov, V.N. & Ivanov, S.V. (2022) Kommunikatsionnyy audit "prisutstviya" (veb-prezens) obrazovatel'noy organizatsii v internete [Communication audit of educational organization's web presence on the Internet]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2 (11). pp. 342–354. doi: 10.17150/2308-6203.2022.11(2).342-354
20. Rezanova, Z.I. (2012) Discourse strategies of presentation of national cultural identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4 (8). pp. 40–54. (In Russian).
21. Ankin, D.Yu. & Mityagina, V.A. (2023) Lingvopragmaticheskaya kharakteristika samoprezentatsionnogo diskursa (na materiale kontenta angloyazychnykh korporativnykh saytov) [Linguopragmatic characteristics of self-presentation discourse (based on content of English corporate websites)]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 4. pp. 157–168. doi: 10.29025/2079-6021-2023-4-157-168

22. Drozhaschikh, A.V. (2022) [The genre of organization mission as a new genre in Russian-language corporate PR communications]. *Integratsiya nauki i obrazovaniya v agrarnykh vuzakh dlya obespecheniya prodovol'svennoy bezopasnosti Rossii* [Integration of Science and Education in Agricultural Universities to Ensure Food Security in Russia]. Proceedings of the National Conference. Tyumen. 01–03 November 2022. Tyumen: Northern Trans-Ural State Agricultural University. pp. 65–70. (In Russian).
23. Sun, B. (2021) Prezentatsionnyy tekst na korporativnom sayte: problema perevoda s russkogo yazyka na kitayskiy [Presentation text on corporate website: the problem of translating from Russian to Chinese]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 3. Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya*. 1 (11). pp. 63–69.
24. Syresina, I.O., Gorbacheva, E.N. & Bondarenko, S.V. (2020) Spetsifika yazykovogo postroyeniya tekстов novostey korporativnykh saytov angloyazychnykh avtomobil'nykh kompaniy [Specifics of language construction of corporate website news texts of English-speaking car companies]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2. pp. 186–190. doi: 10.30853/filnauki.2020.2.37
25. Kim, L.G. & Ustinova, M.V. (2024) Intentsional'nyy avtor kak subyekt virtual'noy kommunikatsii (na materiale novostnogo kontenta korporativnykh saytov) [Intentional author as a subject of virtual communication (based on news content of corporate websites)]. *Nauchnyy dialog*. 13 (4). pp. 112–131. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-112-131
26. Kondrat'eva, O.N. & Rogozhnikova, S.Yu. (2022) Korporativnyy sayt kak sredstvo sozdaniya obraza uspeshnoy advokatskoy organizatsii (na materiale sayta moskovskoy kollegii advokatsov "Zhorin i partnery") [Corporate website as a means of creating the image of a successful law firm (based on the website of Zhorin and Partners Moscow Bar Association)]. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nyye seti*. 4 (1). pp. 196–202. doi: 10.21603/2782-4799-2022-1-4-196-202
27. Romashova, I.P. (2020) Strategii i taktiki legitimizatsii v korporativnom disкурсе [Strategies and tactics of legitimization in corporate discourse]. *Kommunikativnyye issledovaniya*. 2 (7). pp. 365–376. doi: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).365-376
28. Poteryakhina, I.N. (2013) Zhanroobrazuyushchiye elementy korporativnogo sayta [Genre-forming elements of corporate websites]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 37 (328). pp. 49–51.
29. Ahnina, K.V. (2016) Organizatsionno-korporativnyy setevoy meditsinskiy diskurs [Organizational-corporate network medical discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 3. pp. 74–78.
30. Pomazov, A.I. (2018) Yazykovyye sredstva struktural'noy organizatsii i kontenta obrazovatel'nogo sayta: k postanovke problemy [Linguistic means of structural organization and content of educational website: problem statement]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 3. pp. 216–223.
31. Belousov, K.I. & Zelyanskaya, N.L. (2005) Primenenie metoda grafosemanticheskogo modelirovaniya v lingvomarketingovykh issledovaniyakh [Application of graphosemantic modeling method in linguomarketing research]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 8. pp. 40–46.
32. Golev, N.D. & Yakovleva, O.E. (2010) Yazyk kak sobstvennost' (k osnovaniyam lingvomarketingovoy kontseptsii yazyka) [Language as property (on the foundations of the linguomarketing concept of language)]. *Yurilingvistika*. 10. pp. 75–83.
33. Borisova, E.G. & Vikulova, L.G. (eds) (2022) Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigaushchego teksta [Marketing Linguistics. Patterns of Promotional Text]. Moscow: Flinta.
34. Kronrod, A. (2022) Language research in marketing. *Foundations and Trends in Marketing*. 16 (3). pp. 308–420.
35. Smith, P. (1993) *Marketing Communications. An Integrated Approach*. London: Kogan Page Ltd.
36. Zyryanova, E. & Vilina, M. (eds) (2024) Kontent-marketing i lingvisticheskiye osobennosti sozdaniya teksta [Content Marketing and Linguistic Features of Text Creation]. Moscow: HSE.
37. Milaeva, O.V. & Rostovskaya, N.E. (2017) Kontent-marketing: k voprosu opredeleniya ponyatiya [Content marketing: on the question of definition]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 1 (5). pp. 162–168.
38. Nevostruyev, P.Yu. & Kaptyukhin, R.V. (2014) Podkhody k opredeleniyu original'nosti kontenta v ramkakh kontent-marketinga [Approaches to defining content originality in content marketing]. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo*. 3 (28). pp. 65–69.
39. Royo-Vela, M. & Hünermund, U. (2016) Effects of inbound marketing communications on HEIs' brand equity: the mediating role of the student's decision-making process. An exploratory research. *Journal of Marketing for Higher Education*. 2 (26). pp. 143–167.
40. Demina, I.N. & Kuznetsova, I.A. (2023) Sozdaniye smyslov: tsennosti krupneyshikh rossiyskikh kompanii [Creating meanings: values of the largest Russian companies]. *Zhurnalists. Sotsial'nyye kommunikatsii*. 2 (50). pp. 42–55.
41. Garant. (2022) *Recommendations on Maintaining the Website of Law Firms and Personal Lawyer Websites. Recommendations of the Federal Chamber of Lawyers of September 15, 2022*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405204093/> (Accessed: 12.03.2025). (In Russian).
42. Morkovkin, V.V., Bogachyova, G.F. & Lutskeya, N.M. (2022) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [Big Universal Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–2. Moscow: GRAMOTA; AST-PRESS SHKOLA.

Информация об авторах:

Кондратьева О.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы, ведущий научный сотрудник научно-инновационного управления Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: Olnik25@mail.ru

Игнатова Ю.С. – канд. филол. наук, ассистент кафедры стилистики и риторики, младший научный сотрудник научно-инновационного управления Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: ign976@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.N. Kondratyeva, Dr. Sci. (Philology), professor, leading research fellow, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Olnik25@mail.ru

Yu.S. Ignatova, Cand. Sci. (Philology), teaching assistant, junior research fellow, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ign976@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025;
одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 28.04.2025;
approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.

Научная статья
УДК 659.123.14
doi: 10.17223/15617793/518/4

Поэзия Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки

Александр Евгеньевич Мазуров¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, rumatamonteg@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается поэтическое творчество Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки (в сборниках «Отголоски Сибири», «Случайные песни», в издании «Сибирская газета», письмах). Отмечается, что стихотворения в составе фельетонов служили эмоциональными акцентами, заостряя внимание читателей на определенных тезисах, усиливая сатирический эффект. Обособленная от прозы поэзия, в свою очередь, отражала внутренние переживания публициста-народника и при публикации не требовала оперативности.

Ключевые слова: Ф.В. Волховский, поэзия, Сибирь, «Сибирская газета», фельетоны

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках проекта Томского государственного университета «Сибирика. Актуализация локального сибирского текста и творческого наследия дореволюционных писателей Сибири» по гранту Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования: Мазуров А.Е. Поэзия Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 34–41. doi: 10.17223/15617793/518/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/4

F.V. Volkhovsky's poetry during his Siberian exile

Aleksandr E. Mazurov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, rumatamonteg@gmail.com*

Abstract. This article examines the poetic works of F.V. Volkhovsky from his period of Siberian exile, including poems published as part of feuilletons in *Sibirskaya Gazeta* and standalone poems (in the collections *Echoes of Siberia* and *Occasional Songs*, in *Sibirskaya Gazeta*, and in letters). The aim of the research is to identify the distinctive features of Volkhovsky's poetic output during his Siberian exile. The primary research methods employed are descriptive poetics, content analysis, comparative analysis, and motif analysis. Poems embedded within feuilletons served as emotional focal points, sharpening readers' attention to specific arguments, intensifying the satirical effect, or conversely, heightening dramatization. These poetic insertions also allowed the author to address other themes and issues within a unified narrative, providing a fitting mode of storytelling. Volkhovsky's original poetic insertions encompassed a variety of genres: songs, ballads, fables, *byliny* (traditional oral epic narrative poems), and operetta marches. The publicist employed these forms in pursuit of polyphony and the creation of a cohesive Siberian myth. In contrast, the poetry published separately from prose reflected the inner world of this Narodnik (Populist) publicist; unbound by the immediacy of journalistic publication, it is richer in metaphor and allusion. These standalone poems are permeated with motifs of exile as an inescapable captivity and the imperative to continue the struggle. Two of the five poems published in *Sibirskaya Gazeta* were dedicated to one of the tragic events in Volkhovsky's life in Tomsk – the suicide of his wife, Alexandra Khozhzhevskaya (Volkhovskaya). Thus, both the embedded poetic insertions and the standalone verses served a unified purpose: to articulate the necessity of resisting the socio-political system and the pre-reform order. In his feuilletons, Volkhovsky denounced local predators and petty tyrants, while in his standalone poetry, he expressed his personal sentiments and his hope for the ultimate triumph of truth.

Keywords: F.V. Volkhovsky, poetry, Siberia. "Sibirskaya Gazeta", feuilletons

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project. No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation: Mazurov, A.E. (2025) F.V. Volkhovsky's poetry during his Siberian exile. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 34–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/4

Дореволюционная периодическая печать была неразрывно связана с литературной традицией, о чем свидетельствуют частые обращения авторов к художе-

ственным и художественно-публицистическим текстам. Для сатирических жанров второй половины XIX в. была характерна интертекстуальность с исполь-

зованием инородных вкраплений, в том числе поэтических. Зарождение традиции во многом связано с сатирическими журналами 1860-х гг. Данная особенность отразилась и в произведениях публицистов конца XIX в., в частности в творчестве революционера-народника Ф.В. Волховского (1846–1914). За народническую пропаганду и выступления против общественно-политического строя публицист неоднократно оказывался в заключении, где и писал свои первые стихотворения [1]. Произведения были агитационными, призывали к борьбе с существующим строем, вскрывали социальную несправедливость, а также тяжелое положение несогласных с режимом. Встречаются у Волховского в данный период и произведения любовной лирики. Именно поэтическое творчество столичного периода во многом повлияло на публикуемые автором в сибирской периодике произведения.

В 1878 г. по «процессу 193-х» Волховский был послан в Сибирь, в Тюкалинск, затем перебрался в Томск. В 1882–1888 гг. он сотрудничал с местной «Сибирской газетой» (1881–1888), став ее «негласным редактором» [2, 3]. Публицист писал фельетоны, рецензии на театральные постановки и литературные обозрения. Всего им было опубликовано в «Сибирской газете» более 100 художественно-публицистических текстов, среди них 80 фельетонов. В материалах можно обнаружить поэтические вкрапления, также публицист публиковал и обособленные от прозы стихотворения [4]. Уже после закрытия оппозиционной газеты Волховский выступал редактором поэтического сборника «Отголоски Сибири» (1889).

Цель исследования – выявление специфики поэтического творчества Волховского периода сибирской ссылки. Материалами для исследования стали как отдельные произведения, так и поэтические вставки в фельетоны. В статье рассматриваются содержательные особенности произведений, ключевые мотивы и функции. Основными методами исследования являются метод описательной поэтики, содержательный, сравнительный, мотивный анализы.

Стихотворения публициста упоминаются в различных исследованиях, посвященных фельетонам периода сибирской ссылки [5, 6], а также в обзорах творчества поэтов-народников (столичный период) в целом [7, 8]. В ряде статей в качестве особенностей фельетонов выделяют удачный сплав прозы и поэзии и обилие поэтической составляющей [3, 9]. Стоит отметить, что при этом поэзия публициста анализируется опосредованно, почти без заострения внимания на конкретных произведениях, стихотворения Волховского рассматриваются как часть общего феномена поэзии революционного народничества. Сибирская поэзия затронута исследователями лишь в рамках анализа сотрудничества с «Сибирской газетой», в контексте прозаических текстов.

Волховским опубликовано в «Сибирской газете» в 1882–1888 гг. 44 оригинальных стихотворения в составе фельетонов, а также семь обособленных произведений. После закрытия газеты в сборнике «Отголоски Сибири» (1889) опубликовано шесть стихотво-

рений публициста: все, кроме «Нивы» (1884), выходили на страницах издания. Также Волховский опубликовал в 1907 г. 11 произведений периода ссылки и два мини-цикла в сборнике «Случайные песни» (шесть стихотворений ранее были опубликованы). В фельетонах публицист обращался также к поэзии столичных и местных авторов, в его текстах обнаружено около 20 поэтических заимствований.

Поэзия в фельетонах

Поэтические фрагменты встречаются почти у всех литературных масок фельетониста: «В тиши расцветший василек» (5 фрагментов), «Фома» (9), «Иван Брут» (9), «Я. Ачинский» (1), «Консерватор» (10), «Простой смертный» (10). Особняком стоят два фельетона цикла «Сибирский раск» (псевдоним «Дядя Федул»), которые представляют собой оформленный в виде прозы зарифмованный текст. Использование литературных масок и циклизация позволяли публицисту выстраивать сложные, полифонические отношения между текстами, вовлекать читателей в литературную игру [6]. Данная особенность касалась и поэтических вкраплений. В цикле «Сибирский музей» «Консерватор» вел постоянный диалог с читателем, призывая пополнять коллекцию «выдающихся героев грабежа, угнетения, лжи и ханжества» (СГ. 1884. № 12). Поэзия в цикле раскрывалась за счет персонажа, корреспондента Касьяна Пафнутьевича, который вступал в диалог с рассказчиком с различными «экспромтами» и ироничными комментариями. «Буффонадный» образ контрастировал с «хранителем музея», был склонен к «эзопову» языку, поэзии. Так, во втором фельетоне цикла Касьян, начав разговор с вопроса («Ну, что? Доплясались со своими обличениями?»), предложил «катать» оды, вспоминая времена, когда квартальные надзиратели были «из кантонистов аракатеевских»:

*Не лучше ль гимн сложить Кондратов силе властной,
В свирепой оргии забывших стыд и честь,
Глумящихся над родиною несчастной...
Им на алтарь рабов несите лесть!* (СГ. 1884. № 15).

Таким образом, авторство оригинальных поэтических вставок часто приписывалось волховским читателям газеты, корреспондентам и персонажам. Например, в фельетоне «Еще о сезон» (СГ. 1886. № 22), опубликованном накануне выборов гласных, одним из сатирических объектов выступал заступающий место городского головы А.М. Ермолаев. «В тиши расцветший василек» (псевдоним Волховского) якобы услышал «вылившуюся прямо из души чью-то импровизацию», которая позволила осмеять чиновника, занимавшего должность уже двенадцатый год подряд. В фельетоне цикла «В толпе» после былины с анахронизмами «Чурила в К-е» (где богатырь является помощником полицмейстера), якобы услышанной автором у столетнего старика, как обратный пример (невозможности благодарности полицейским чинам со стороны современников) приводилось стихотворение «Кумушки» «начинающего ялutorовского поэта» «Голь» (СГ. 1886. № 22). Из 44 стихотворений в прозаических

текстах вопрос атрибуции остается открытым как минимум для четырех, где невозможно определить, является ли «деперсонификация» частью литературной игры или истинным обозначением авторства.

Например, в фельетоне «Весна идет!», опубликованном под псевдонимом «Иван Брут», стихотворение с простыми рифмами, просторечиями, восхваляющее сезон года, предварялось следующей подводкой:

Действительно, количество получаемых редакцией «Сиб. газ.» весенних стихотворений день ото дня увеличивается. Некоторые из них прелестны. Не могу отказать себе в удовольствии поделиться с читателями хотя бы несколькими куплетами (СГ. 1888. № 24).

Оригинальные поэтические вкрапления в фельетонах чаще всего гармонично встраивались в общую канву сюжета и размышлений, позволяя Волховскому подтвердить тезисы, становились своеобразными эмоциональными акцентами или непосредственно частью фабулы. Например, в материале «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» фельетонист рассказывал о распродажах и проникновении «дешевки» во все сферы жизни сибиряков, подчеркивая тезисы стихотворением:

*В ходу лежалые товары
И залежалые с[уды],
В ходу дешевенькие бары
И речи, полные воды* (СГ. 1883. № 19).

Размышления о дешевизне человеческой личности публицист завершал несколькими строками из стихотворения И.С. Никитина «Нищий»: «Жаль разумное Божье создание, // Человека – в грязи и с сумой!». Таким образом, заимствованные стихотворения также выполняли в фельетонах функцию эмоциональных акцентов и обобщений, при этом отсылая к общероссийскому литературному наследию и понятным читателям образам. В отличие от оригинальных произведений публициста, заимствованные поэтические вставки чаще всего были представлены в виде нескольких строк и четверостиший, а также в качестве эпиграфов, являлись отсылками.

Частью фабулы оригинальное поэтическое вкрапление становилось в фельетоне цикла «Летопись мирного городка», где описание ожиданий окружного судьи Мирона Мироныча, которого должны были назначить председателем открывавшегося в Ачинске присутствия по крестьянским делам, завершалось пародией на басню И.А. Крылова «Квартет»:

*Как быть присутствию? Позвольте ж: поглядите!
На председателе мундира нет! А он
В старинном фрачишке, без талы,
Напялил сверху белый балахон!* (СГ. 1884. № 29).

В данном случае стихотворение выполняло роль кульминации, перечеркивало надежды на перемены после смены городского головы в Ачинске (в 1883 г. в городе место городского головы, которое принадлежало

М. Живдониному, занял купец 1-й гильдии Г.Н. Максимов) – вместо окружного судьи пост председателя присутствия по крестьянским делам занял один из уже «прославившихся» в городе «помпадуров».

Поэтические вставки в фельетонах публициста позволяли также сменить тему, наоборот встроить в повествование не связанный напрямую с основной идеей сюжет, служили лирическими отступлениями. Так, в фельетоне цикла «Сибирский музей», посвященном проблемам гласности, был введен сюжет о злоупотреблениях на приисках: публицист отмечал, что даже в глуши можно встретить «песни, не то былины», отстаивающие интересы рабочего (СГ. 1884. № 19). В материале «Путешествие в глубь страны» о проблемах и коррупции в разных сферах жизни сибиряков выезд фельетониста из Томска сопровождался описанием красоты сибирской природы: «Летишь в степи необра- зимой // Сам – друг; с тобой один ямщик, // И только слышен визг полозьев, // Колокольцы, ямщичий крик...» (СГ. 1882. № 47).

Фельетон цикла «В толпе» начинался с описания сезона года: «Ямщик бодрей к саням идет // И путь об- думывает длинный... // Да, так: пришла, пришла сама // Царица севера – зима!» (СГ. 1886. № 41). В дальнейшем в тексте публицист обращался к указанию на некачественную уборку наледи с томских тро- туаров:

Если не что-либо иное, то одни сияющие рожицы ребя- тешек, уже успевших подвязать себе коньки и пытаю- щихся приспособить все томские тротуары к наштуч- шему разбиванию лбов пешеходов – указывают безош- бочно на ее пришествие (СГ. 1886. № 41).

Таким образом, публицист создавал настроение в текстах, подталкивая читателя к определенным мыс- лям или, наоборот, демонстрируя контраст с приводи- мыми в дальнейшем фактами.

Оригинальная поэзия в фельетонах чаще всего была пронизана иронией и сарказмом, позволяя усили- вать сатирический эффект. Например, в фельетоне цикла «В толпе» после описания продажи дров, пред- назначенных для воинской части, Волховский иро- нично характеризовал городскую управу, которая пы- талась противодействовать хищению:

*Возьась с аришном и весами,
Цена одни лишь барыши,
Не могут жертвовать рублями
Они для сердца, для души!* (СГ. 1886. № 4).

В стихотворениях в составе фельетонов Волхов- ский обращался и к пародиям на произведения других авторов. В качестве примера может выступить обсуж- дение неточностей статьи гласного думы Томска И.В. Ефимова в фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах». Публицист через диалог с персонажем Михай Михеичем вводил еще один сюжет, связанный с гласным. Ефимов ревностно охранял границы собственного земельного участка от отдыхающих, публикуя в местных газетах многочис-

ленные объявления. В дальнейшем публицист отмечал, что это «лэндлордство» давно воспето, и пародировал «Илиаду»: «Гнев, о богиня, воспой Ивана, Владимира сына: // Ярость святуя его, землевладельцеву ярость» (СГ. 1883. № 42). Обращения к различным сюжетам из других произведений помогали достижению сатирического эффекта за счет создания подтекста, проецирования пороков настоящего на героические события прошлого, или же, наоборот, подчеркивания типичности явления.

Оригинальные поэтические вставки в творчестве Волховского были представлены различными жанрами: песни, баллады, басни, былины, опереточные марши. Волховский обращался к ним в рамках ориентации творчества на интертекстуальность, создание единого сибирского мифа. В фельетоне «Перед праздниками» сюжет о полицмейстере раскрывался в виде сказки в стихах, якобы изданной в Минусинске; о нечестных выборах в Красноярске – в виде детского песенника (СГ. 1882. № 51). Поэзия в прозаических текстах представляла, как правило, незамысловатые по форме стихотворения, выставляющие гипертрофировано негативные стороны объектов сатиры, в них присутствовало мало метафор и эпитетов.

Периодически форма таких вставок нарушалась в рамках стилизации, создания сатирического эффекта или же для передачи слов «автора»: Волховский переходил на вольный стих, использовал пиррихии и спондеи. Так, в фельетоне цикла «Сибирский музей», обращаясь к сюжету о благотворительной Тыкве, которая покровительствует женским приютам в городе Потемске и издается над воспитанницами, публицист через корреспондента Касьяна вводил в текст гимн, сочиненный в ее честь: «Чем же мы, живя спокойно // Под попечением твоим, // Воздадим тебе достойно, // Чтя тебя, как мать свою?» (СГ. 1885. № 15). Публицист отмечал, подчеркивая абсурдность:

Придворный поэт, очевидно, так переполнился благоговением к доблестям благотельницы, что не успевал следить за правильностью стиха и в последней строфе допустил некоторую поэтическую вольность, но иначе и быть не могло (СГ. 1885. № 15).

Стихотворения внутри прозаических текстов, таким образом, становились неразрывной частью цельного замысла, служили утилитарным задачам публициста: заострить сатирический выпад или усилить эмоциональное воздействие; отослать к иным литературным произведениям, оставив тем самым часть содержания в контексте; ввести другие сатирические объекты или отступить от основной темы произведения; задать настроение. Тематика и основные мотивы поэтических вкраплений в рамках их склонности к «сюжетности» также подчинялись авторским задачам. Волховский обращался к обличению пороков конкретных людей (своровавшего известку бийского купца Василия Гилева, чиновника по крестьянским делам, мэра Красноярска), событий (выборов в Красноярске, открытия присутствия по крестьянским делам в Ачинске, Никольской ярмарки в Ишиме), характерных явлений (тяжелая жизнь крестьян и рабочих, хищничество

местных «кулаков-мироедов» и чиновников, отсутствие гласности и нетерпимость к печатному слову, проблемы золотодобычи). Изредка произведения служили для описания статичных образов: например, введение мотива красоты сибирской дороги, констатации прихода зимы. Произведения часто конкретизировали рассуждения, позволяя дать меткие характеристики сатирическим объектам или, наоборот, создавали определенное настроение, подводя к последующим иллюстрациям.

Например, в фельетоне цикла «Сибирский музей», описывая нравы города Красноярска (речь о Красноярске), Волховский давал следующую характеристику «лорд-мэру Пахому Перетычке» (вероятно, речь идет о мэре Красноярска в 1882–1884 гг. И.И. Токареве), который являлся одним из персонажей текста:

*Я знал лорд-мэра Перетычку –
Он важно заседал в управе;
Я зрел того же Перетычку –
Он сквернословил на пожаре* (СГ. 1884. № 22).

Стоит отметить, что такое прагматическое отношение к поэзии как инструменту обличения, способу раскрытия собственной позиции, свойственно Волховскому в рамках понимания им целей литературного творчества в целом. В фельетонах им неоднократно осмеивались поэты Феба, восхваляющие весну и способные видеть ее прелести:

Давно, признаться, завидую я поэтам и вообще художникам, любимцам Феба: чего нашему брату, простому смертному, и во сне не снилось – они наяву видят, собственными ушами слышат и перстами осязают! Вот хоть весну возьмите (СГ. 1886. № 13).

В дальнейшем в тексте Волховский приводил различные примеры поэзии и прозы о весне: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, произведения А.С. Пушкина, И.З. Сурикова. Сам публицист рисовал картины грязных улиц и нечистот, эпидемий, отсутствия врачей в Сибири, а в заключении в ироничном ключе обращался к строкам из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа»: «...не для битв – // Мы рождены для вдохновения, Для звуков сладких и молитв».

Во многом публицист ориентировался на сатирические издания 1860-х гг., в частности «Свисток» и «Искру», для которых была характерна полемика с поэтами чистого искусства, утверждение прикладной роли литературного и публицистического творчества. Стоит отметить, что сама традиция использования поэтических фрагментов внутри прозаических текстов, а также различных других инородных вкраплений во многом восходит именно к этим сатирическим изданиям.

Взгляды публициста на поэзию находили отражение и в литературных обзорах, в особенности в материале «Что пишут?», посвященном творчеству поэта С.Я. Надсона. Волховский, обозначая как одну из целей жизни человека борьбу «справедливости с себялюбием, света с тьмою <...> обделенных с ожиревшими» (СГ. 1887. № 6), отмечал, что необходимость борьбы

при этом часто противоречит желанию собственного, личного счастья, свойственному каждому. Публицист приходил к выводам, что именно Надсон смог отразить жажду к жизни и понимание необходимости нравственной борьбы:

Он был правдив, он был так же чист душой, как не отуманенное ничем зеркало, и так же, как в зеркале, отразилась в нем та непомерная тяжесть современной жизни, которая заставляет и сильных людей сомневаться в своей силе. Но зеркало отражает безжизненно и безучастно, а молодой поэт отразил эту черту современности так, что каждый находит в нем отзвук слишком знакомых собственных жгучих дум и чувств (СГ. 1887. № 6).

Обособленная поэзия

В сборнике «Отголоски Сибири», изданном в Томске в 1889 г., публицист также обозначал свою позицию, касаясь уже другой стороны поэзии, ее эстетической стороны. Сравнивая жизнь с топчаком на мукомольне, которая силой инерции заставляет человека перебирать ноги, Волховский отмечал:

В минуты усталости и тяжести приятно иметь под рукой несколько вполне понятных, родных поэтических строк, которые, лаская ухо созвучиями, вызывают в душе картины, мысли, или чувства, отрывающие нас от атмосферы обыденного существования [10. С. 2].

Рассуждая о том, какие произведения вошли в состав сборника, публицист называл их «светлыми брызгами поэтической волны» и отмечал, что в Сибири еще нет своего цельного поэта. Среди критериев отбора произведений обозначались: наличие истинного чувства и одушевления, «возможное изящество формы» и «отсутствие кислой или барабанной подкладки патриотизма» [10. С. 1–8].

Поэзия Волховского вне состава прозы была в первую очередь лирической. В «Сибирской газете» было опубликовано семь стихотворений: два в 1886 г. – «Новый год» (СГ. 1886. № 2), «Широкая масленица» (СГ. 1886. № 8); пять в 1888 г. – «Песни сибирского поэта» (СГ. 1888. № 4), «Нет, на земле ищите вдохновенья» (СГ. 1888. № 35), «Горелый лес» (СГ. 1888. № 38), «Соловей» (СГ. 1888. № 41), «22 июля 1888 года» (СГ. 1888. № 55). Помимо произведений, опубликованных в 1888 г., в состав сборника «Отголоски Сибири» (1889) вошло ранее не опубликованное стихотворение «Нива». В «отголосках» поэзия отличалась от первых редакций: были изменены некоторые строки, часть текста в сборнике расширена.

Стоит отметить, что произведения, опубликованные в «Сибирской газете» в 1886 г., типологически ближе к поэзии в составе сатирической прозы. Оба стихотворения приурочены к конкретным праздникам – Новому году и Масленице. Стихотворение «Новый год» при этом отличается сатирическим звучанием, публицист приводил различные типы «героев грабежа», рассказывая о том, как они готовятся к празд-

нику, и демонстрируя тем самым статичность, непоколебимость злоупотреблений: «Что в поздравлении с новым годом // Всего есть меньше *новизны!*» (СГ. 1886. № 2). Стихотворение «Широкая масленица» являлось больше юмористическим, не критиковало конкретные пороки, а создавало образ пира: «И трещат сибирские желудки, // вместе с ними головы трещат» (СГ. 1886. № 8).

Все обособленные от прозы стихотворения Волховского в «Сибирской газете» в 1888 г., напротив, представляют собой полноценные лирические произведения. Первое из них, «Песни сибирского поэта», было посвящено жизни в ссылке. Публицист характеризовал «сибирские напевы» как невеселые, звучащие «холодной непогодой» и «жесткостью страны своей родной», созданные «под звук цепей», но при этом отмечал их «мощь, и благородные мечты», продиктованные «одной лишь честностью». Завершалось стихотворение надеждой на перемены, что эти «напевы» сумеют достучаться до людей. В данном произведении фигурировал мотив борьбы, стремление к разбиванию оков. Стоит отметить, что в стихотворении «Песни сибирского поэта» указан адресат, оно посвящено «Л. П. Ф.» – сестре политического ссыльного Н.П. Фомина, Л.П. Фоминой. В 1887 г. в Томске началось следствие о тайных кружках в женской гимназии и реальном училище, в ходе расследования было установлено, что «недозволенную литературу» обучающиеся получали у политического ссыльного [11. С. 88–89].

Для творчества публициста было характерно продолжение некрасовских мотивов: отражение темы униженного положения народа и неопределенности его будущего, создание образа поэта, который с помощью стиха отстаивает позицию, пытается способствовать преобразованиям; сатирические выпады в сторону действовавшего общественно-политического строя. При этом у Волховского в рамках его склонности к диалогичности, а также за счет образа жизни – большую часть времени публицист посвящал борьбе за свои идеалы – и декламационного характера народнической поэзии в целом, стихотворения принимали более упрощенную форму, являясь сконцентрированными переживаниями, тезисами, как бы становясь частью публицистического наследия.

Аналогичный мотив «сибирских напевов» раскрывался публицистом и в стихотворении «Нет, на земле ищите вдохновенья». Произведение начиналось с эпиграфа, отрывка из произведения поэтессы Ю.В. Жадовской «Не на земле ищи ты вдохновенья». Волховский с первых строк опровергал тезис поэтессы, подчеркивая чуждость человеческих стремлений небу и «миру холодных звезд». В дальнейшем он описывал борьбу, характеризую жизнь как путь «впотьмах» с падениями, «израненными стопами», «проклятием греха, ошибок, бед», но отмечая, что среди всего этого «зреет» любовь и братство, побеждает истина. Волховский считал борьбу и стремление к лучшему основой жизни человека, которую «не заменить безгрешным небом сном». В своей поэзии он всегда фокусировался на необходимости жить вне отрыва от реальности, призывал «совершать ошибки». Таким обра-

зом, публицист как бы противопоставлял реализм отвлеченной, романтической картине мира, продолжая тематику, озвученную в фельетонном творчестве в обращениях к «поэтам Феба», высмеивая не имеющие пересечения с реальностью образы.

Стихотворения «Горелый лес» и «Соловей» были подписаны «Памяти Саши». Супруга Волховского, посланная в Сибирь народница А.С. Хоржевская, в 1886 г. застрелилась, после чего публицист остался один с тремя детьми [6]. Волховский писал американскому журналисту и своему другу Дж. Кеннану о супруге:

Образованная, нежная девушка помещицкой среды, она не задумалась босиком, в дерюжьем крестьянском сарафане наняться полоть сорную траву в одном из киевских огородов, не задумалась жить жизнью «стряпки» рабочей артели, не задумалась, под опасением каторги, вести революционную корреспонденцию и заведовать “администрацией” своего кружка, – все затем, чтобы возвратить своему народу (рабочему народу) наилучшим и действительным из известных ей способов – то, что она получила от него, как дворянская, помещицкая дочь [12].

В стихотворении «Горелый лес» публицист создавал картину гибели природы, описывал лес после пожара с упавшими и обгоревшими соснами. Волховский отмечал, что кое-где «в виде новых поколений» растет «кривой березнячок» и «зеленеет травка», но при этом характеризовал это поколение как уже привыкшее к «ударам и беде». Таким образом, публицист намекал на продолжение борьбы, несмотря на общее декадентское настроение. Завершалось стихотворение выражением тоски по супруге: «И заползает в душу грусть невольная, // Растет досада смутная в груди, // Как будто и обидно мне, и больно, // Что жизнь загублена здесь без пути...».

В стихотворениях вне прозы, в отличие от фельетонов, часто встречаются эпитеты и метафоры, аллюзии, высокая лексика. Автор создавал богатый образный мир, раскрывая переживания лирического героя, проецируя грусть и обиду, несбывшиеся надежды, но при этом готовность отстаивать свои идеалы. Стоит отметить, что ритмический рисунок в обособленных стихотворениях более выверенный и стройный, чем в стихотворениях внутри прозаических текстов. Несмотря на тяготение к двухсложным размерам, в обособленной поэзии встречается и дактиль, погружающий в элегическое настроение, что связано непосредственно с тематикой произведений. Как правило, создавая ритмический рисунок, публицист обращался к перекрестным, точным и односложным рифмам, не придавая особого значения формальным и стилистическим признакам. Для Волховского ключевым в поэзии было содержание, тезисы, которые необходимо донести до читателей, и возможность их раскрыть в символических образах.

В стихотворении «Соловей» публицист создавал образ птицы, «поэзии данницы», которая залетела в Сибирь. Лирический герой спрашивал причину при-

лета: связан ли он с «ширью» края, вечной сумрачностью «здешних таег», дали от людей, и сразу указывал, что в этом крае соловей – «желанный певец облегчения сирых, забытых, убогих», способный уменьшить муки «подневольных сердец», заставить их вспомнить о родном доме, рокоте реки Буг (на территории нынешней Украины), воздухе Волги. Публицист как бы открывал соловья в супруге, которая заставляла его хранить в себе «истины слово святое».

Последним стихотворением, опубликованным Волховским в «Сибирской газете», было «22 июля 1888 года». Произведение посвящалось открытию первого в Сибири университета. Стихотворение представляло собой оду, содержание которой условно делится на три части. Публицист отмечал значимость события, подчеркивая, что «солнце светит с новой силой // И иначе льется свет дневной» (СГ. 1888. № 55). В рамках традиций жанра, обращаясь к красоте и силе мысли, публицист вводил античный сюжет, миф о Прометее. Для Волховского как «негласного редактора» областного издания, а также революционера-народника просвещение представлялось одним из путей преобразования действительности.

Стоит отметить, что в сборнике «Отголоски Сибири» (1889) ряд опубликованных в «Сибирской газете» стихотворений датирован, также публицист указывал место написания произведений. Так, стихотворение «Песни сибирского поэта» было написано 16 сентября 1887 г. в Томске, «Горелый лес» – в селе Тюменцево Томской губернии в июне 1884 г., «Соловей» – в селе Гутово Томского уезда в 1884–1887 гг.

Лишь одно из стихотворений – «Нива», написанное в селе Боровлянка Томской губернии в июне 1884 г., ранее не было опубликовано на страницах издания [10. С. 56–57]. В стихотворении поэт обращался к пахарю «каждый раз при встрече». Главным в произведении являлся образ крестьянина, который описан в ряде эпитетов как «ненарядный», «закоптелый», «серый», «неприглядный». Публицист при этом подчеркивал желание нивы отблагодарить «радителя» за его труд: «Для меня одной, для нивки Божьей // Ты любого барина пригожей». Таким образом, в данном стихотворении реконструировалась народническая идеология – образ честного, трудового народа.

В 1885–1886 гг. Волховский встречался в Томске с американским журналистом Кеннаном. 25 января 1889 г. публицист писал Кеннану, что встретил Новый год с другими политическими ссыльными: «С приближением полуночи мы взяли стаканы с вином, и я прочел следующее наскоро написанное стихотворение» (Письма Ф.В. Волховского Дж. Кеннану, 1889). Произведение представляло собой новогодний «тост», в котором публицист призывал поднять бокалы в кругу единомышленников. Волховский давал следующую характеристику ссыльным: «От юноши, друзья, до ветерана // Мы знаем все святое слово “труд”: // Мы все трудились честно, без обмана, // Хоть нам враги трудиться не дают». Публицист описывал, что, несмотря на трудную жизнь («в земле не-

мало наших трупов тлеет»), на смену прежним борцам с режимом приходят новые. Позднее данное стихотворение, значительно доработанное в стилистическом и содержательном планах, усложненное мотивами рабочего движения, было опубликовано под названием «Новогодняя песня» в «Случайных песнях», а еще ранее – в «Летучих листках», издаваемых Фондом вольной русской прессы в Лондоне, под заголовком «1897».

В разделе «В ссылке» сборника «Случайные песни», изданного в Москве в 1907 г., вошли как ранее опубликованные в «Сибирской газете» («Соловей», «Горелый лес», «Нива», «Песни сибирского поэта», «22 июля 1888 г.», «Нет, на земле ищите вдохновения»), так и оригинальные стихотворения («Песня обозного ямщика», «Посвящение», «Призыв», «Соломону Ч.», «Ответ на приятельскую записку о двух рублях»). Тематика произведений в сборнике разнообразна, автор обращался к тоске ямщика о доме («Песня обозного ямщика»), в ироническом ключе описывал необходимость вернуть долг («Ответ на приятельскую записку о двух рублях») и призывал ответить на его чувства возлюбленную («Призыв»). Вероятно, стихотворение «Призыв» было посвящено жене Волховского, Хоржевой, и написано в годы пребывания публициста в Тюкалинске. Автор просил возлюбленную разглядеть «чувства нового пробившийся родник» и не принимать душевную усталость за «мертвенность души»: «Так много гибнет сил в пустыне повседневной!» [13. С. 49]. В стихотворении «Посвящение» Волховский рассуждал о значении поэзии как способной поднять человека, погруженного во «вседневное волнение» и «житейскую суету», над «миром мелочных интриг», а в произведении, посвященном народнику и сотруднику «Сибирской газеты» С.Л. Чудновскому («Соломону Ч.»), описывал совместный путь «к могиле честной» и неизменность принципов: «Кто первый не придет к могильной сени, – // Он будет знать, что друг за ним идет, // Что этот друг, любя, согнет колени, // И с гордостью слезу над ним прольет» [13. С. 50].

Опубликованные в сборнике «Случайные песни» произведения периода сибирской ссылки можно охарактеризовать как лирические и бытовые, автор не находил возможность разместить их на страницах периодических изданий или концептуального сборника, посвященного поэзии региона, из-за отсутствия идеологической составляющей. Помимо самостоятельных произведений, в разделе «В ссылке» опубликовано несколько небольших циклов, стихотворения в которых связаны с обстоятельством написания: под заголовком «Из дорожных впечатлений» – два произведения, «В детской» – четыре. Стихотворения цикла «В детской» были написаны публицистом для его дочерей (Софья, Вера и Катерина), они затрагивали разнообразные бытовые сюжеты, в частности были посвящены коту Васье, с которым играла дочь, а в дальнейшем его гибели, а также петушку, которого «Соня» смастерила из бумаги. Отдельно стоит выделить стихотворение «Генерал»: из-за своей специфики оно ближе к поэзии в составе фельетонов и является юмористическим. Публицист вводил в детское произведение, по аналогии со

своими сказками [14], социальный подтекст, рассказывая о чиновном козле «Генерале» и его желании жениться. Стоит отметить, что часть стихотворений из мини-цикла «В детской» были опубликованы незадолго до ссылки, в 1877 г., в журнале «Семья и школа».

Таким образом, поэзия была важной частью творчества Волховского в «Сибирской газете», а также сибирского периода в целом. Публицист, как правило, использовал ее в составе фельетонных текстов: стихотворения служили эмоциональными акцентами, позволяя сфокусировать внимание читателей на определенных мыслях и идеях, усилить сатирический эффект или, наоборот, способствовали драматизации. Также поэтические вставки позволяли публицисту сменить тему, переключиться на другую проблематику в составе прозаического текста или же служили наиболее подходящим способом повествования. Поэтические вкрапления в фельетонах отличались большим объемом и простотой формы, часто публицист в рамках литературной игры вводил стихотворения с помощью персонажей или приписывал авторство корреспондентам. Волховский неоднократно обращался к пародиям и отсылкам к конкретным литературным сюжетам, следуя традициям сатирических изданий 1860-х гг. Несмотря на простоту оригинальной поэзии, такие вставки служили формированию художественного целого, позволяя обращаться к различным событиям, и выступали частью эзопова языка и редакционного шифра. Данный вариант бытования поэтического в творчестве публициста всегда служил достижению конкретной утилитарной задачи, поставленной автором, изредка выступая в качестве лирических фрагментов. Волховский в стихотворениях обращался к обличению пороков конкретных людей, событий, характерных явлений. Изредка поэзия в фельетонах служила описанию статичных образов, выполняла эстетическую функцию: например, введение мотива красоты сибирской зимней дороги, констатация прихода зимы. Обособленная от прозаического текста поэзия, в свою очередь, была лиричной, отражала внутренние переживания публициста-народника и при публикации не требовала оперативности. Стихотворения были пронизаны мотивами ссылки как плена, а также необходимостью продолжения борьбы за изменения. Два стихотворения из пяти, опубликованных в «Сибирской газете» в 1888 г., были посвящены одному из трагических событий в жизни Волховского в годы проживания в Томске – самоубийству супруги Александры Хоржевой (Волховской). И поэтические вкрапления, и отдельные стихотворения публициста, таким образом, за исключением некоторых бытовых сюжетов, служили единой задаче – отражению борьбы с существующим общественно-политическим строем, способом проявления народнических тезисов и идеологием. В фельетонах в поэтических фрагментах Волховский обличал в рамках демократической традиции местных «хищников» и «помпадуров», в поэзии вне прозы – отражал собственные чувства, надежду на победу истины и дальнейшую борьбу, ее продуктивность.

Список источников

1. Рошевская Л.П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. пед. ин-та, 1966. С. 51–69.
2. Круссер Р.Г. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.
3. Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
4. Жиликова Н.В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.
5. Жиликова Н.В. «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск, 2020. 387 с.
6. Мазуров А.Е. Фельетонное творчество Ф.В. Волховского в контексте развития региональной сибирской периодики : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 252 с.
7. Вольная русская поэзия второй половины XIX в. / сост. С.А. Рейсер, А.А. Шилова. Л., 1959.
8. Поэты-демократы 1870-х – 1880-х годов / сост. В.Г. Базанов, Б.Л. Бессонов, А.М. Бихтер. Л., 1968.
9. Жиликова Н.В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.
10. Отголоски Сибири : сборник стихотворений разных авторов / ред. Иван Брут (Ф.В. Волховский). Томск, 1889.
11. Рошевская Л.П. Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Научные труды Тюменского гос. университета. Тюмень, 1975. № 14. С. 84–95.
12. Архив Библиотеки Конгресса (редкие книги и специальные коллекции). «Бумаги Джорджа Кеннана». Ящик 1. «Письма Ф.В. Волховского Дж. Кеннану».
13. Волховский Ф.В. Случайные песни. М., 1907. 98 с.
14. Мазуров А.Е. Сказки Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки (1881–1888 гг.): фельетонное наследие и детские произведения // Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 5–6 февраля 2024 г. М., 2024. С. 541–542.

References

1. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [Poet of free press in Siberian exile (on the 120th birthday of F.V. Volkhovskiy)]. In: *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues of Studying and Teaching Literature]. Tyumen: Tyumen State Pedagogical University. pp. 51–69.
2. Krusser, R.G. (1978) Neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [The secret editor of The Sibirskaya Gazeta]. *Ogni Kuzbassa*. 3. pp. 72–79.
3. Domanskiy, V.A. (1996) F.V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovskiy – the secret editor of the Sibirskaya Gazeta]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Russkiye pisateli v Tomske* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley. pp. 147–167.
4. Zhilyakova, N.V. (2002) "Sibirskaya gazeta", g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavleniye literaturnogo regionalizma [The Sibirskaya Gazeta, Tomsk, 1881–1888, as a phenomenon of literary regionalism]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
5. Zhilyakova, N.V. (2020) "Oblichat, kolot' i zhalit'": Satiricheskaya zhurnalistika Tomska kontsa XIX – nachala XX veka ["Expose, Sting and Prick": Satirical Journalism of Tomsk at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Mazurov, A.E. (2022) *Felyetonnoye tvorchestvo F.V. Volkhovskogo v kontekste razvitiya regional'noy sibirskoy periodiki* [Humorous journalistic works of F.V. Volkhovskiy in the context of regional Siberian periodicals development]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Reyser, S.A. & Shilov, A.A. (eds) (1959) *Vol'naya russkaya poeziya vtoroy poloviny XIX v.* [Free Russian Poetry of the Second Half of the 19th Century]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
8. Bazanov, V.G., Bessonov, B.L. & Bikhter, A.M. (eds) (1968) *Poety-demokraty 1870-kh – 1880-kh godov* [Democratic Poets of the 1870s–1880s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
9. Zhilyakova, N.V. (2008) [Between literature and journalism: humorous articles of F.V. Volkhovskiy in the Sibirskaya Gazeta]. *Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri* [American Research in Siberia]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tomsk. 18–19 October 2007. Tomsk: Tomsk State University. pp. 333–345. (In Russian).
10. Ivan Brut (Volkhovskiy, F.V.) (ed.) (1889) *Otgosloski Sibiri* [Echoes of Siberia]. Tomsk: Izdanie Yu. P. Matveevoy.
11. Roshchevskaya, L.P. (1975) F.V. Volkhovskiy – sotrudnik "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovskiy – contributor to the Sibirskaya Gazeta]. *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnyye trudy Tyumenskogo gos. universiteta*. 14. pp. 84–95.
12. The Library of Congress Archives (Rare Book and Special Collections Division). *Pisma F.V. Volkhovskogo Dzh. Kennanu* [Correspondence of F.V. Volkhovskiy with J. Kennan]. Box 1.
13. Volkhovskiy, F.V. (1907) *Sluchaynye pesni* [Random Songs]. Moscow: [s.n.].
14. Mazurov, A.E. (2024) [Tales of F.V. Volkhovskiy from Siberian exile period (1881–1888): humorous legacy and children's works]. *Zhurnalistika v 2023 godu: tvorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2023: Creativity, Profession, Industry]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 5–6 February 2024. Moscow: Lomonosov Moscow State University. pp. 541–542. (In Russian).

Информация об авторе:

Мазуров А.Е. – канд. филол. наук, научный сотрудник учебной лаборатории редакционно-издательского дела Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.E. Mazurov, Cand. Sci. (Philology), research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 13.03.2025;
approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.

Научная статья
УДК 82.0
doi: 10.17223/15617793/518/5

Поэтико-философский концепт «зеркало» у С. Кьеркегора и Б. Пастернака

Алла Владимировна Радионова¹

¹ Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, allarad1@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается концепт «зеркало» в работах С. Кьеркегора «Страх и трепет», «Или – или» и лирике Б. Пастернака, главным образом в стихотворениях «Баллада», «Зеркало». Выявлены общие метафоры, образующие поле поэтико-философского метатекста вокруг данного концепта. Также обнаружены сходные мотивно-тематические комплексы, сопровождающие его в тексте. Они выстраиваются в аналогичные микро-сюжеты. Концептуальная близость исследуемого метатропа подтверждает влияние текстов и учения Кьеркегора на Б. Пастернака.

Ключевые слова: Кьеркегор, Пастернак, концепт, метафора, метатроп, мотивно-тематический комплекс, поэтико-философский метатекст

Для цитирования: Радионова А.В. Поэтико-философский концепт «зеркало» у С. Кьеркегора и Б. Пастернака // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 42–50. doi: 10.17223/15617793/518/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/5

The poetic and philosophical concept of "mirror" in S. Kierkegaard and B. Pasternak

Alla V. Radionova¹

¹ Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, allarad1@rambler.ru

Abstract. The author examines the problem of intertextual interaction between the works of Kierkegaard and the lyrics of Pasternak, who was oriented toward his philosophical ideas. The primary materials of the study are Kierkegaard's treatise *Either/Or* and Pasternak's poems "Ballad" and "Mirror." The focus is on the metatextual field, the core of which is the poetic-philosophical concept of the 'mirror,' which in the works of both authors is represented through a series of metatropes. The work begins with a general overview of the metaphorical paradigm of the "mirror," which developed in philosophy from antiquity to the present day. The author highlighted the most illustrative examples confirming its conceptual significance, linked to the relationships between phenomena of different orders or different subjectivities: God and nature/human history, human consciousness and the world/his existence/the existence of others, creativity and the world. Within this paradigm, the place of Kierkegaard is defined, who, through the metaphor of the "mirror of possibilities," constructs a conception of the threshold state of human consciousness between false and true subjectivity, between aesthetic and ethical consciousness. The author considered the research results of other scholars, showing that in the poetry to which Pasternak turned after serious study of philosophy, he introduces the theme of the mirror, marking the threshold state between inner consciousness and the external world, life as such, the realization of the inner human reflecting moments of life and history. Next, parallels are drawn between the artistic passages in Kierkegaard's texts and the themes, motifs, and images in Pasternak's texts. Corresponding complexes accompanying this concept are identified, forming a similar context around it. This allowed for a series of the following conclusions. The oppositions developed by both compared authors address the problem of breaking through to true being, which expands the boundaries of spatiotemporal limitation. In both authors, these figurative and motific-thematic complexes are structured into similar microplots: visiting the count, a room with mirrors reflecting a garden, in which a girl-child is playing. The manifestations of this being are unstable, hence the shared motifs of silvery glimpses, flickering, disappearance, and hide-and-seek. It is dynamic, characterized by counter-directional movement, expressed through themes of swings, galloping, and running. The capacity for disappearance and the motif of sacrificing the ethical for the aesthetic are conveyed through the image of music (and the organ). The path to truth is presented as the path to a mysterious count. These points of contact indicate the presence of a common metatextual field around the concept of the "mirror" in the works of Kierkegaard and Pasternak.

Keywords: Kierkegaard, Pasternak, concept, metaphor, motivic-thematic complex, poetic-philosophical metatext

For citation: Radionova, A.V. (2025) The poetic and philosophical concept of "mirror" in S. Kierkegaard and B. Pasternak. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 42–50. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/5

Тема зеркала в художественной и философской литературе образует огромное транстекстуальное поле, нередко являясь скрепой этих двух дискурсов в одном тексте. Традицию использования метафоры зеркала

для иллюстрации философских суждений можно проследить от Платона ('искусство → отражение мира в зеркале'¹ «Государство», 6-я книга, «Тимей», «Софист») [2. С. 183–184] и А. Августина ('истина → отражение в зеркале' «Исповедь») [3. С. 27–29].

Ее формируют М. Экхарт ('отражение Бога в мире → отражение в зеркале'), другие средневековые немецкие мистики [4], философы и художники Ренессанса, среди которых Леонардо да Винчи ('ум живописца → зеркало', 'картина → зеркало' «Книга о живописи»), М. Фичино ('душа поражена красотой, отраженной в глазах → шерсть воспаляется лучами, отраженными зеркалом' «Комментарий на "Пир" Платона») [5], Н. Кузанский ('Бог → зеркало истины', 'творения → искривленные зеркала' «О Богосыновстве», 'Бог отражается в творении → зеркало отражает подобия' «Об ученом незнании») [6, 7].

Далее она продолжается в трактатах Нового времени, например, у Р. Декарта ('сознание человека → зеркало, в котором изображаются вещи' «Размышления о первой философии»), Д. Локка ('разум принимает идеи → зеркало принимает образы' «Опыт о человеческом разумении») [8, 9], Г.В. Лейбница ('неразумное существование по отношению к разумному → зеркало для зрячего человека' «Рассуждение о метафизике», 'история → божественное провидение → зеркало' «О приумножении наук», 'универсум → зеркало' «Размышления относительно учения о едином всеобщем духе», 'дух → зеркало мира творений' «Начала природы и благодати, основанные на разуме») [7]. В немецкой классической философии – у И. Канта ('предметы находятся вне области опытного познания → объекты видны за отражающей поверхностью' «Критика чистого разума») [10. С. 36] и Г.В.Ф. Гегеля ('внешнее проявляется в индивидуальности → одна галерея образов отражается в другой' «Феноменология духа») [11].

В XX в. понятие зеркала становится центральным у Ж. Лакана ('символическое понимание символического пространства → понимание подчинения отражения в зеркале реальной фигуре' «Стадия зеркала») [12]. Метафору использовали М. Фуко ('язык и речь → зеркало мира' «Слова и вещи») [13], Ж. Бодрийяр ('реклама и симулякры → вогнутое зеркало для социума' «Симулякры и симуляции») [14], М. Мерло-Понти ('рефлексивность чувственного → зеркало', 'человек для человека → зеркало' «Око и дух», 'любой объект → зеркало для других объектов', 'тело человека → зеркало нашего бытия' «Феноменология восприятия») [15], Ж.-П. Сартр ('осуществлять фундаментальный выбор → смотреть на себя в зеркало' «Бытие и ничто»), Л. Витгенштейн ('суждения → зеркало для логических форм', 'сеть логических значений → зеркало', 'логика → зеркальное отражение мира' «Логико-философский трактат») [16].

Мы видим, что данная метафора имеет концептуальное значение, иллюстрируя суждения об отношениях между явлениями разного порядка или разной субъектности: между Богом и природой / человеческой историей, сознанием человека и миром / его бытием / бытием других людей, творчеством и миром.

В приведенный здесь далеко не полностью перечень философов, прибегающих к метафоре зеркала, мы включаем и С. Кьеркегора. Исследователи указывают на важные для нас особенности его текстов. Во-первых, его философская мысль часто неотделима от поэтического образа, изначально рождается в виде образа и может быть выражена только посредством тропа. Значительный объем текста в его философских работах написан образным языком. И его можно считать большим, даже если оценивать тексты как художественные (практически каждое рассуждение подкрепляется тропом [17. С. 321]). Такая особенность возникает благодаря намеренному стремлению автора нарушать схоластический академизм текстов, рассчитанных на элитарную профессорско-богословскую аудиторию; через метафоры и сравнения, взятые из реальной жизни, обращаться к конкретному жизненному опыту обывателя [17. С. 320]. Еще одна причина кроется в том, что прямая коммуникация не дает возможности раскрыть вопросы трансцендентного характера, и только косвенно, через поэтический язык, можно отчасти передать истину о небесном [18. Р. 33]. Метафоризация философского текста одновременно решает две, на первый взгляд, взаимоисключающие задачи – делает текст более понятным, реализуя объяснительную функцию, но и более запутанным, придавая ему многозначность и многоуровневость [18. Р. 33]. Сам Кьеркегор в «Точке зрения» дал, ссылаясь на Сократа, такое объяснение метафорического метода философствования: «Yes, only in this way can a deluded person actually be brought into what is true – by deceiving him» [19. Р. 53] («Да, только так можно на самом деле привести введенного в заблуждение человека к тому, что является истиной, – обманув его»²). И метафора зеркала здесь очень точно соответствует замыслу автора, поскольку зеркало дает смотрящему одновременно и правдивое изображение, и иллюзию.

Та же мысль, только по отношению к искусству, находит свое развитие в творчестве русского писателя, читателя и почитателя Кьеркегора, Б. Пастернака, который также утверждал, что искусство, репрезентуя истину, постоянно «врет»³.

Кроме этого сближения двух авторов, а также ряда других совпадений в чертах «рыцаря веры» Кьеркегора и доктора Живаго Пастернака, во взглядах на природу гениальности, в желании обнажить истинную суть христианства, есть еще одна точка их соприкосновения. Она касается использования в текстах метафоры зеркала. Эта метафора попала в поле зрения исследователей и одного, и другого автора. Работа П. Стоукса посвящена теме зеркала в произведениях С. Кьеркегора [21]. Оптические метафоры вообще имеют большое значение в его творчестве [22. Р. 24], а метафора зеркала особенно важна. В ней реализуется двойная референция: зеркальность метафоры как феномена, объясняющего понятие через отражение его свойства в другом, и метафоризм самого феномена зеркала, дающего представление об объекте через иллюзию.

Именно это важно для Кьеркегора – показать что-то важное, отвлекая внимание от него на нечто иное

[18. Р. 48]. Зеркало стало для него одним из ключевых метатропов, переходящих из работы в работу.

Причем через эту метафору он рассматривал разные явления. Одно из них – «зеркало возможностей», глядя в которое человек исследует себя и осуществляет выбор. Можно принять образ, навязываемый общественным мнением, и тогда «зеркало возможностей» превращается в «кривое зеркало». При этом постоянные несоответствия образу другого вызывают отчаяние, и уже не истинный человек отражается в «зеркале возможностей», а расхождения с требуемым⁴. Но есть другой путь, следуя которому человек отваживается принять себя и быть собой, тогда отражаемая прозрачность сливается с истинной сущностью человека⁵.

Специально рассматривали зеркальные образы Пастернака такие большие исследователи, как Б.М. Гаспаров и Н.А. Фатеева. Б.М. Гаспаров отметил, что эта тема отмечает авторефлексию самой жизни, смотрящей на себя с непривычной стороны, а также знак «взаимопроникновения субъекта и объекта, внешнего и внутреннего пространства» [24. С. 198]. Н.А. Фатеева, анализируя метатропы, писала об их роли связующих структур в картине мира, соединяющих «все взаимозависимости мира поэта» [25. С. 140]. Тему зеркала она также выделила в качестве одного из метатропов поэтики Б. Пастернака. Это семантическое зеркало, переводящее явления действительности в плоскость поэзии, символ отражения явлений мира в человеческом сознании и воображении [25. С. 39]. В раннем творчестве этот метатроп, например, через инвариант ‘глаз-зеркало’, был связан с идеей «‘дробления’ мира и невозможности его полноценного соединения» [25. С. 161, 129–130]; но при этом он являл «зеркало памяти» [25. С. 47], делающее снимки с существования, тем самым его увековечивая. Мы считаем, что повторяющиеся «зеркальные» образы поэзии и прозы Пастернака можно рассматривать как инварианты парадигмы кьеркегоровского «зеркала возможности».

Кьеркегоровский след можно видеть в «Балладе», в которой музыка названа зеркалом исчезновения [26. С. 99]. Баллада очень биографична. В ней отразились и впечатления детства, когда Л. Толстой присутствовал на домашнем концерте в доме родителей будущего поэта, и скачка на лошади в ночном, когда юноша, упав, получил серьезную травму и впервые осознал внутренние ритмы музыки и поэзии. Большое внимание Пастернака к Кьеркегору отчасти может объясняться и тем, что метафорически-философские пассажи датчанина совпали с его опытом пережитого.

Философ использовал сюжет конных скачек, иллюстрируя мысль о том, что человек в поиске себя меняет вид деятельности [27. С. 673–675]. Пастернак написал «Балладу», начав ее с мотива скачки, и к моменту ее написания уже сменил музыку на философию и философию на поэзию. Кьеркегор в «Или – или» начал рассуждение о природе женственности в контексте сюжетов «Фауста» и «Дон Жуана»: «Сильнее, чем прежде, пробуждается теперь чувственность во всем своем богатстве, во всей своей радости и воодушевлении; и подобно отшельнику природы – скрытному эхо, которое никогда не заговаривает ни с кем первым, никогда не

говорит, пока к нему не обратились, – она находит огромное удовольствие в охотничьих рожках рыцарей, в их любовных балладах, лае гончих, храпе лошадей...» [27. С. 119]. Баллады, рыцари, лошади – это тот флер романтизма, который подстегнул молодого Кьеркегора к философии и молодого Пастернака к поэзии.

Так начинается «Баллада» Пастернака: *Бывает, курьером на борзom / Расскачетсa сердце, и точно / Отрывистость азбуки Морзе, / Черты твои в зеркале срочны* [26. С. 99]. Здесь мы видим проявление кьеркегоровского соотношения ‘внешнее / внутреннее’, которое философ осмыслил, отвергнув тезис эстетики о том, что внешнее является выражением внутреннего. Внешнее в определении Кьеркегора – «зашифрованное телеграфное сообщение» [27. С. 208]. За каждым лицом скрывается другое лицо, которое может быть видно очень краткие мгновения: «Лицо, которое обыкновенно является зеркалом души, здесь обретает такую двойственность, которая не поддается художественному изображению» [27. С. 208]. И лишь совсем ненадолго, на краткие мгновения видна внутренняя суть бытия, истинное лицо, прячущееся за маской. То есть внешнее скорее является не выражением внутреннего, а его упаковкой. А Пастернак считал, что именно поэты являются теми упаковщиками, которые способны сохранить внутреннее, появляющееся на короткие мгновения, делая его моментальные снимки («Черный бокал» [28. С. 12–16]).

С этим связано и возникающее напряжение между значениями понятий: *Поэт или просто глашатай, / Герольд или просто поэт* [26. С. 99]. Вопрос, является ли автор подлинным автором, или он всего лишь слуга-герольд, оглашающий чью-то волю, публикующий произведения, созданные Другим, напоминает об игре Кьеркегора, издающего свои работы под чужими именами. Мотив «Баллады» ‘ехать к графу’ также есть у Кьеркегора. Философ в «Или – или», начиная серию рассуждений о стадиях эстетической сферы и об относительности понятия красоты, ввел микросюжет с посещением графа: «В студенческие годы я иногда приезжал на каникулы в некий графский дом в провинции. Граф прежде был на дипломатической службе, теперь же, будучи уже немолод, он жил в деревенском покое своего поместья» [27. С. 657]. У Пастернака образ графа связан и с образом Л. Толстого, и с высшей, божественной силой, которой подотчетен поэт. Заметим, что отказавшийся от написания романов ради развития своей этической теории в пору наивысшей славы Толстой был очень близок к тому, что Кьеркегор называл высшим развитием человеческого духа. Согласность их идей заметил уже первый переводчик Кьеркегора на русский язык П.Г. Ганзен, неоднократно обращая на это внимание русского писателя в личном общении [29].

И сам переход Пастернака от музыки к слову соответствует кьеркегоровской стадии развития эстетического: «Последняя стадия целиком исключает музыку и держится только за слово. Я мог бы расцвести это утверждение многообразными конкретными замечаниями; однако же, не стану этого делать, ограничившись лишь напоминанием о словах пресвитерианина

из рассказа Ахима фон Арнима: “Wir Presbyterianer halten die Orgel für des Teufels Dudelsack, womit er den Ernst der Betrachtung in Schlimmer wiegt, so wie der Tanz die guten Vorsätze betäubt”» [27. С. 98–99] («Немецкая цитата из новеллы Ахима фон Арнима “Оуэн Тюдор”»: “Мы, пресвитериане, смотрим на орган как на волынку дьявола: он не только усыпляет серьезную Рефлексию, его дьявольский танец еще и спутывает добрые намерения”» [27. С. 99]). И тут у Кьеркегора появляется тема органа с его демонической силой. Она в «Балладе» Пастернака повторится в метафоре жестокого органиста, который *уши зарниц / Крюками прибил к проводам телеграфа* [26. С. 100]. А в его же «Истории одной контрактивы» орган, являющийся инструментом создания абсолютно прекрасной музыки, станет орудием убийства ребенка. Органист, на первый взгляд случайно, убил игрой на органе своего маленького сына, попавшего внутрь механического устройства. Но по сути он принес его в жертву прекрасному. И в этом он отчасти подобен библейскому Аврааму из «Страха и трепета» и Богу, отдающему своего Сына на смерть. Отсюда у Пастернака возникает связь органиста с библейским Каиафой и с мотивом его «розыска». Каиафа искал лжесвидетельств на Христа и задал ему вопрос «Ты ли Христос, Сын Божий?» (Мф 26:63). Пастернак: *Вы спросите, кто я? На розыск Кайяфы / Отвечу: путь мой был тернист* [26. С. 100]. Кьеркегор предупреждал: «когда человек вступает на путь трагического героя – путь, который в некотором смысле действительно является трудным – многие способны помочь ему советом; тому же, кто идет узким путем веры, никто не может дать совета, и никто не может его понять» [23. С. 62].

Дух кьеркегоровского экзистенциализма проступает в «Высокой болезни», повторяющей парадигму тематического комплекса «Баллады» ‘смерть – орган – лед – зеркало’. Выстроена оппозиция, в которой, с одной стороны, консерваторская пустота, орган и смерть, они являют собой оторванную от реальной жизни эстетику, а с другой – в споре участвует сама жизнь с ее тайной-загадкой. Она предстает в образе вокзала, сверкающего в зеркалах проблесками истины и дикой красоты:

И снег соперничал в усердии
С сумерничающею смертью.
Там, как орган, во льдах зеркал
Вокзал загадкою сверкал,
Глаз не смыкал и горе мыкал
И спорил дикой красотой
С консерваторской пустотой... [26. С. 405]

Далее в «Балладе» Пастернака мы видим метафору ‘дождь – лапша светоносного облака’, характеризующую пейзаж, на фоне которого герой скачет к графу сквозь века и пространства. Герой Кьеркегора, испытывающий первое сильное чувство, которое меняет все его существо, «так мечтателен и творчески настроен, так отягощен – подобно дождевому облаку», он напоминает тут же, что «Юпитер посещал свою возлюбленную в виде облака или дождя» [27. С. 508]. В «Балладе» дождь сменяется зимним ткачеством: *А зимы другую*

основу / Сновали, и вот в этом крошечке / Я – черная точка дурного / В валяющихся хлопьях хорошего [26. С. 100]. И Кьеркегор в «Или – или» рассуждал о двоимирии в понятиях тканевой решетчатости: «Сквозь тонкую завесу виден мир, как бы сам сотканный из флера, – более легкий, эфирный, иного качества и свойства, чем настоящий» [27. С. 333]. А в черновых набросках он писал еще конкретнее: «Другой мир – это образ мира действительного, однако это не значит, что я имею в виду непременно некое художественное произведение: скорее уж это идеальное запечатление, вплетенное в тонкую, почти невидимую ткань мира здешнего» [27. С. 333–334]. Так у него сочетаются мотивы запечатления и переплетения высшего и здешнего миров. Так же метатропы зеркала и решетчатой ткани связаны у Пастернака.

Общие метафоры – плод, которым Кьеркегор определяет повод (подвешенный плод [27. С. 264]), и слово (отсылкой к притче Соломона «уместно произнесенное слово – это золотое яблоко в серебряной чаше» [27. С. 190]), и так же у Пастернака концептуально связаны плод и слово: *Я – мяч полногласья и яблоко лада* [26. С. 101]. Как Пастернак *Прыжками, прыжками, коротким галопом* [26. С. 101], так и Кьеркегор «стоит мне только двинуться, как этот огромный прыжок приводит в ужас всех, с кем я связан узами родства и дружбы» [27. С. 65]. Хромающему после детской травмы и перескакивающему с одного поприща на другое Пастернаку близок Кьеркегор, который писал о себе в дневнике: «Мое путешествие по жизни столь неровно, оттого что еще в ранней юности передние ножки (ожидания и т.п.) у меня ослабели от чрезмерного напряжения» [27. С. 65]. Пастернаковский «гул колокольных октав» объяснен Кьеркегором: «Представь себе человека, который глубоко и искренне потрясен; ему вообще не приходит в голову, добьется он чего-то или нет, только идея во всей своей мощи стремится вырваться в нем наружу. Пусть он будет оратором, священником, – да кем угодно. Он говорит с толпой не для того, чтобы нечто исполнить, просто колокола внутри него должны звонить – только так он может чувствовать себя счастливым» [27. С. 101].

В этом контексте природа зеркальности в строке «Баллады» *и точно / Отрывистость азбуки Морзе, / Черты твои в зеркале срочны* [26. С. 99] – это и есть «зашифрованное телеграфное сообщение» о внутреннем человеке, про которое писал Кьеркегор. Не только внешним сходством азбуки Морзе с нотной записью [30. С. 448] мотивирован этот образ. Кьеркегор писал о внутреннем человеке: «внутри вот этой головы поселился некий жилец, который не желает больше иметь ничего общего с миром, но предпочитает вести одинокую жизнь в тихих домашних занятиях» [27. С. 208]. У Пастернака этот жилец кличет сквозь форточку детстве: *Какое, милые, у нас / Тысячелетье на дворе?* [26. С. 115].

Внутренний человек проявляется в отражениях, мелькая. Эти мерцания и проблески напоминают вариации телеграфного кода. Телеграфные знаки азбуки Морзе, представляя собой вариации точек и тире, являются средством быстрой передачи информации

сквозь пространство, между сколь угодно удаленными пространствами. И для музыки, и для поэзии важна сама возможность повторов и вариаций. Они не только снимают проблему автоматизма восприятия, но и дают возможность истине действительной жизни пробиться в повторяющихся и постоянно изменяющихся ритмах сквозь застывшую материю формы.

Кьеркегор неоднократно пользовался этой метафорой телеграфа. Искусство, как и отношения между влюбленными, не терпит избыточности и надоедающей подробности, «однако вполне допустим тихий и как бы сокращенный телеграфный знак <...>, чтобы обеспечить возможность вариации» [27. С. 581]. И в контексте темы зеркала эта метафора раскрывает свое значение в «Страхе и трепете», в описании рыцаря веры: «Я подхожу к нему поближе, подмечаю малейшее его движение: не обнаружится ли хоть небольшое, оборванное сообщение, переданное по зеркальному телеграфу из бесконечности, – взгляд, выражение лица, жест, печаль, улыбка, выдающие бесконечное по его несообразности с конечным» [23. С. 34]. Метафора «зеркальный телеграф» у Пастернака и Кьеркегора передает суть процесса сохранения момента, его перевода из временного в вечное. С этим связана вариация «срочны – бессрочны» в строке «Баллады» *‘Черты твои в зеркале срочны’*, которая в ранней редакции 1912 г. имела более выраженное экзистенциальное содержание: *Там, в зеркале, они бессрочны, / Мои черты, судьбы черты / Какой себе самой заочной / Я доношусь из пустоты!* [31. С. 296]. Природа бессрочного, т.е. вечного, проявляет себя в срочном – моментальном.

Отметим, что Пастернак в поздней редакции изменил строку с темой телеграфных проводов. Она ранее звучала так: *я неся бедой в проводах телеграфа* [26. С. 364], а затем стала более явной аллюзией на органиста-убийцу. Кьеркегор сравнил грешника с «убийцей на железной дороге, который на полной скорости покидает место преступления... и как бы даже само свое преступление; увы! вдоль всего пути, по которому он следует, бежит телеграфный провод, передающий свой сигнал и приказ поезду остановиться на ближайшей станции» [23. С. 397]. Нельзя скрыться от своего истинного отражения в подобиях. Оно передается параллельно телеграфом, пробиваясь сквозь маски, и рано или поздно человек окажется в его власти, осужденным им за отказ признать его необходимость.

Второй зеркальный образ в «Балладе» имеет усложненную структуру тропа: *зима → музыка → падающее зеркало*: *И музыкой – зеркалом исчезновенья / Качнуться, выскальзывая из рук* [26. С. 101]. «Зеркало исчезновенья» является еще одним общим концептом рассматриваемых текстов. Саму суть музыки Кьеркегор определил через категорию исчезновения: «значением ее становится постоянное исчезновение во времени» [27. С. 612]. Исчезающие мгновения у Кьеркегора – это наивысшее чувственное наслаждение, всегда граничащее со смертью. Оно переживается краткими моментами и исчезает, подобно музыке, звуки которой сладостны, но длятся только в момент исполнения⁶.

А музыка подобна любовному чувству, которое мимолетно, как облако, отражающееся в воде: «Небо было ясным и чистым, лишь одно легкое облачко скользило по нему, – да и его легче было заметить, обратив взор к отражению на морской глади, над сияющей поверхностью которой оно в конце концов и исчезло. <...> Это была она ... Я все же не сумел овладеть определенным беспокойством, неким подъемом и падением, подобным полету жаворонка, который поднимается и падает над окрестными полями со своей песней. Она была одна» [27. С. 363–364]. Явление лучше видно в отражении. Отражение в воде природных реалий повторяется, как сквозная ситуация, в поэтике Пастернака. И «зеркало исчезновения» в его «Балладе» окружено мотивами противонаправленного движения по оси верх–низ: *валилась – вырасти – выскальзывая опускалась – подымалась – рушилась*.

Точки соприкосновения с текстами Кьеркегора обнаруживаем и в стихотворении «Зеркало». В нем развивается метафорическая ситуация: из комнаты, открытой в сад, выбегает зеркало (трюмо). Троп развернут в ситуацию: «зеркало отражает комнату и сад → зеркало выбегает»; и к этому же основанию сопоставления относится обратный образ «сад тормозится в зале». Зеркала в комнатах – это метафора рефлексии и саморефлексии, которую Кьеркегор вводил для пояснения процесса понимания существования. Этот процесс, в свою очередь, он объяснял через развернутую в почти романский сюжет метафору любовных отношений с женщиной. В «Или – или» многократно повторяется похожая ситуация свидания или размышлений о любви в комнатах пред открытой в сад дверью или окном: «я могу припомнить ее только в небольшой гостиной, выходящей в оранжерею. Двери распахнуты, перспектива, открывающаяся взору, ограничена маленьким садом у дома, принуждая тем самым взгляд, который поневоле натывается на этот сад, внутренне задержаться на мгновение...» [27. С. 419–420] (см. также: [27. С. 69–71, 351–352, 469, 580]).

Воображаемые чертоги, в которых встречаются влюбленные, завешаны зеркалами, и есть маленькая комнатка, где «двустворчатые двери открываются на балкон, – в них врывается утреннее солнце, а нам навстречу струится благоухание цветов, выдыхающих свой аромат лишь для тебя и твоей любви» [27. С. 580]. Так взаимопроникновение внешнего и внутреннего пространств осуществляется не только через открытую дверь, но и через зеркала. Движения женщины игривы и быстры, она являет само существование, для которого нет границ: вот она в комнате, а вот она уже прыгает по горным вершинам: «Я не стану далее следовать за твоими проворными шагами, когда ты, подобно охотнику на оленей, перепрыгиваешь с одной горной вершины на другую. Я несколько подробнее рассмотрю только сам принцип, лежащий в основе всего этого расклада» [27. С. 580].

И далее мы видим мистические мотивы, схожие с мотивами «Зеркала» Пастернака, где пространство залито гипнозом и месмеризмом: «Совершенно очевидно, что твой принцип заключался в таинственности, мистификации, утонченном кокетстве; не только

стены твоих залов должны были быть украшены зеркалами, но и сам мир твоего сознания должен был умножаться подобными же отражениями рефлексии, – не только повсюду в комнатах, но и повсюду в сознании ты хотел встречать ее и себя, себя и ее» [27. С. 580]. Эти многократные отражения, мерцающие иллюзии дают проблески истины и объективного познания. Роль отражений еще и в том, чтобы многократно умножить мгновение наивысшего наслаждения жизнью и искусством: «благодаря множеству отражений ты часто пытаешься сделать мгновения воспроизведения [этих ощущений] еще длиннее, чем они были первоначально, – и если бы некто в этот момент попытался свести саму жизнь к категории, ты оказался бы в высшей степени возмущен» [27. С. 603].

У Пастернака в группу тем, образующих тематическое поле, связанное характеристикой прозрачности с образом зеркала, входят 'очки', 'кварц', 'коллодий', 'лед', 'слезы'. Зеркало делает пространство прозрачно-проницаемым, приближая далекое и удаляя близкое. *Очки по траве растерял палисадник, / Там книгу читает Тень* [26. С. 118]. Метафорой очков Кьеркегор пояснил особенности объективной рефлексии, нуждающейся в особом приборе, которое он описал и в «Или – или» и трижды возвращается к нему в дневниках: «очки, в которых одна из линз – это мощное увеличительное стекло, а другая – столь же мощное уменьшительное» [27. С. 28]. И еще ближе к пастернаковской трактовке очков в траве дневниковая запись: «одна и та же линза увеличивает (одна травинка важнее всей хитроумной ловкости) и уменьшает» [27. С. 28]. У философа есть запись о намерении написать роман о герое, который обрел такие очки.

В строке Пастернака *Мерцающий жаркий кварц* [26. С. 118] соединяются семантические значения мерцания со значением прозрачно-серебристого блеска. Именно такими терминами объяснял Кьеркегор взаимодействие между творящим индивидом и индивидом воспринимающим, результатом которого становится их взаимное сотворчества: «явление Идеи <...> для воспринимающего содержит нечто большее, поскольку ее мерцание пробуждает его собственное творчество» [27. С. 184]. Комментаторы его труда отметили, что в других работах философ не единожды употреблял датский эквивалент латинского «Fulguration» (мерцание) – «Saelvblink» («серебристый проблеск», «серебряное мерцание») [27. С. 184].

В «Зеркале» Пастернака парадигма 'ребенок играет' выражена мотивами 'не опишишь шалостью', 'бежит на качели', 'ловит', 'салит'. В одном контексте с темами детских игр мы видим сопровождающие темы сна, гипноза. Когда герой Кьеркегора сидит в комнате, глядя в окно, слушая пение жаворонка из соседнего сада, где живет молодая девушка, он вспоминает о первой любви и приходит к выводу: «Что такое юность? Сновидение. Что такое любовь? Содержание этого сновидения» [27. С. 71]. Героиня Кьеркегора – молоденькая девушка, которая во время свидания ведет себя, как ребенок: «я вполне удобно сижу здесь на стуле и созерцаю прекрасные виды открывающегося сельского пейзажа... Нет, она просто настоящий бесенок, как она проносится по всем комнатам!» [27.

С. 352]. Непосредственность существования выражается в детской игре.

У Пастернака *Огромный сад тормозится в зале / В трюмо – и не бьет стекла. И он же Подносит к трюмо кулак, / Бежит на качели, ловит, салит, / Трясет – и не бьет стекла!* [26. С. 110], при этом зеркало в комнатах становится не только связующим между субъективным и объективным мирами, но и средством их воздействия друг на друга. У Кьеркегора это поведение свойственно влюбленным: «Отчего вы не можете хоть раз утомиться? Все утро напролет вам нечего было делать, кроме как трясти мои ставни, дергать зеркальце и веревку, которая его поворачивает, играть со звонком, что тянется с третьего этажа, биться в стекла, – короче, всеми возможными способами заявлять о своем существовании, как будто стремясь выманить меня наружу» [27. С. 386]. Здесь речь идет о зеркалах, которые вешали в скандинавских странах за окном, чтобы видеть, кто проходит мимо или подходит к дому. Это его зеркало также является проводником, связующим внутреннее и внешнее пространство, не только сад и комнату, но и, в терминологии философа, окружение и внутреннюю суть [27. С. 419]. Существование дергает зеркало и бьется в стекла. Так же похулигански оно ведет себя в «Зеркале» Пастернака. Кроме того, через игровое противонаправленное движение Кьеркегор раскрыл процесс сохранения мгновений существования, которое по своей сути тоже есть искусство: «Тот, кто подобным образом совершенствовался в искусстве забвения и в искусстве припоминания, способен играть в вола́н со всем наличным существованием» [27. С. 320]. Детскую игру он назвал «глубочайшим жизненным смыслом» [27. С. 786].

В «Зеркале» Пастернака названы две игры, которыми развлекается сад-ребенок, – это раскачивание на качелях и прятки. И герой «Или – или» полюбил молодую девушку, играющую в прятки: «это движение, понятное любому ребенку, это называется просто играть в прятки» [27. С. 361]. В этом мотиве проявляется особенность восприятия существования. То, что не имеет значения, легко запоминается, даже если не рассматривать это пристально. Но то, что действительно жизненно важно, оно неуловимо, прячется, убегает, мерцает. Юноша пристально смотрит на поразившую его воображение девушку, но запоминает только ее зеленую накидку [27. С. 354]. Эта зеленая накидка – символ подмены, внешней стороны жизни, ее упаковка. Поэтому лучше всего он видит предмет вождения в зеркальных отражениях.

Игру в прятки Кьеркегор метафорически связывал с природой эстетического. Эстетик прячется, создавая образ себя, при этом делаясь загадкой и для себя самого: «Правда, вся эта игра в прятки непременно мстит за себя, – и самое естественное ее следствие – то, что человек становится загадочным для самого себя. Вот почему все мистики, коль скоро они не признают требований действительности открыться, натыкаются на такие трудности и искушения, которые неведомы никому другому. Они как бы находят совсем иной мир, их собственная сущность как бы раздваивается. Тому, кто не желает бороться с действительностью, в конечном счете приходится биться с фантомами» [27. С. 798].

Мотив раскачивания на качелях используется как метафора рефлексивной печали, которая ведет «свое однообразное движение. Она раскачивается взад и вперед, как маятник часов, но так и не может найти себе покоя» [27. С. 204]. Эстетическое состояние, при котором действительность и поэзия отражаются друг в друге, также раскрыто в микросюжете: «Вечно юная, <...> Корделия должна научиться сама совершать все движения бесконечности, сама раскачивать себя на качелях, убаюкивать себя настроениями, смешивать поэзию и действительность, правду и поэтическое воображение, резвиться в бесконечности» [27. С. 421–422].

Совпадающие мотивы и микросюжеты подтверждают тезис Пастернака о силе влияния на его поколение учения Кьеркегора, «упакованного» в романские сюжеты и метафорические построения. Концепт зеркала значим для обоих авторов и сопровождается сходным контекстом. Его метафоризм придает философскому тексту черты художественного, а художественному добавляет концептуальную глубину. Кьеркегор пояснил заголовок своего трактата «Или – или» («Enten – Eller»): «Сам ты – ничто, загадочный образ, на челе которого написано: “или – или”» [27. С. 635]. Зеркало проявляет себя в возможности увидеть проблеск образа внутреннего человека, второго «Или» (Eller). Но также оно может давать бесчисленные отражения его масок (первого «Или» (Enten)).

Маски, навязанные социумом роли, и модели поведения опасны тем, что не являют подлинный образ человека и вводят в заблуждение субъекта относительно себя самого. Сживаясь с этими масками, человек теряет себя, в то время как его задачей является стать прозрачным для себя самого в первую очередь. Леонардо да Винчи учил художников, как лучше видеть особенности сделанного изображения. Нужно рассмотреть его в плоском зеркале. Обратное отражение отчуждает произведение от автора, остраивает его, позволяя посмотреть, как на чужое и увидеть все нюансы [32. С. 113–114]. Пастернак, раскрывая проблематику эстетического средствами лирики, вводил в тексты тот же мотивно-тематический комплекс, окружающий концепт ‘зеркало’: исчезновение, прятки, качели, скачки, бег, телеграф, музыка, орган, таинственный граф, ткань существования, слово и плод, серебристые проблески. Они выстраиваются в близкие Кьеркегору микросюжеты: посещение графа, комната с зеркалами, в которых отражается сад. При этом Пастернак стремился снять кьеркегоровское противоречие между эстетической и духовной личностью, показывая, что сам субъект должен быть зеркалом для мира (первое название стихотворения «Зеркало» – «Я сам» [30. С. 458]). И в его интерпретации внутренний человек реализуется, отражая мгновения жизни и истории, его зеркала обращены не внутрь субъекта, а к мирозданию.

Примечания

¹ Образы, содержащие концепт ‘зеркало’ здесь и далее представлены в соответствии с теорией Н.В. Павлович о парадигмах и структуре образа ‘X → Y’, в которой левый член – это то, что сравнивается (основание сопоставления), правый член – то, с чем сравнивается (образ сопоставления) [1].

² Перевод наш.

³ «Что делает честный человек, когда говорит только правду? За говореньем правды проходит время, этим временем жизнь уходит вперед. Его правда отстает, она обманывает. Так ли надо, чтобы всегда и везде говорил человек? И вот в искусстве ему зажат рот. В искусстве человек смолкает и заговаривает образ. И оказывается: только образ поспевает за успехами природы. По-русски врать значит скорее нести лишнее, чем обманывать. В таком смысле и врет искусство. Его образ обнимает жизнь, а не ищет зрителя. Его истины не изобразительны, а способны к вечному развитию» [20. С. 178].

⁴ «Расхождения, наблюдаемые в этом отчаянии, не являются простыми расхождениями, но происходят от отношения, которое, относясь к себе самому, тем не менее положено кем-то другим; так расхождения в этом отношении, существуя в себе самих, бесконечно отражаются вовне в отношениях со своим автором» [23. С. 293].

⁵ «Такова, стало быть, формула, которая описывает состояние моего Я, когда отчаяние из него совершенно выкорчевано: обращаясь к себе самому, стремясь быть собой самим, мое Я погружается – через свою собственную прозрачность – в ту силу, которая его полагает» [23. С. 293].

⁶ «Душевная любовь – это пребывание во времени, чувственная же – исчезновение во времени; но тогда средство, выражающее последнюю, – это, конечно же, музыка» [27. С. 125].

Список источников

1. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII – XX веков : в 2 т. М. : Эдиториал. УРСС, 1999. Т. I. 795 с.; Т. II. 872 с.
2. Бирюков Д.С. Тема зеркала в мистическом богословии Климента Александрийского и Григория Нисского // EINA: Философия. Религия. Культура. 2022. Т. 11, № 2 (22). С. 182–196.
3. Литвин Т.В. Время, восприятие, воображение. Феноменологические штудии по проблеме времени у Августина, Канта и Гуссерля. СПб. : Гуманитарная академия, 2013. 208 с.
4. Симонян А.В. Философское значение метафоры зеркала в анонимном трактате о мессе (рукопись BSB München Cgm 89) // История философии. 2022. Т. 27, № 1. С. 19–30.
5. Павлова Е.В. Категория света в теории зрительного восприятия итальянского Возрождения: динамика представлений : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2012. 207 с.
6. Никитаев В. Зеркало, часы и философия (техники) // Логос : философско-литературный журнал. 2014. № 3 (99). С. 95–143.
7. Цыпина Л.В. Н. Кузанский и Г.В. Лейбниц о философском смысле метафоры зеркала // Логико-философские штудии. 2014. Т. 11 (№ 3). С. 106–119.
8. Сухно А.А. «Эффект зеркала» и травмированная мысль. Ч. 1. Парадокс рефлексии: мыслящий субъект и его двойник // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 1 (11). С. 9–23.
9. Сухно А.А. «Эффект зеркала» и травмированная мысль. Ч. 2. Парадокс восприятия: материальный объект и его двойник // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 4 (14). С. 9–24.
10. Петряков Л.Д. Семантика понятий «время» и «вечность» в первой антиномии И. Канта // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2 (1). С. 36–39.
11. Майданский А.Д., Ильенков Э.В. Комментарий Э.В. Ильенкова к гегелевской «Философии духа». Предисловие к публикации Г.В.Ф. Гегель. «Философия духа» // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 2 (14). С. 57–75.

12. Мазин В.А. Введение в Лакана. М. : Прагматика культуры, 2004. 196 с.
13. Климанова А.К. Культурная конструкция визуального как методологическая задача в философии М. Фуко // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 5. С. 191–212.
14. Фурс В.Н. Радикальная социальная теория Жана Бодрийяра // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 5–40.
15. Матушкина М.В. Философские концепции тела // Alter Idem. 2008. Вып. 1. С. 20–29.
16. Родин К.А. Метафора зеркала и экстенциональные функции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2. С. 181–188.
17. Ekrogulskaya A. Søren Kierkegaard's language: semantic fields of metaphors and similes in the sickness unto death // Скандинавская филология. 2023. № 2. С. 318–335.
18. Lorentzen J. Kierkegaard's Metaphors. Macon, GA : Mercer University Press, 2001. 201 с.
19. Kierkegaard S. The Point of View / trans. and ed. by H.V. Hong and E.H. Hong. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1998. 376 p.
20. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 3. Проза. М. : Слово/Slovo, 2004. 632 с.
21. Stokes P. Kierkegaard's Mirrors: The Immediacy of Moral Vision // Inquiry. 2007. Vol. 50, № 1. P. 70–94.
22. King G. Heath. Existenz, Denken, Stil. English Existence, thought, style: perspectives of a primary relation: portrayed through the work of Søren Kierkegaard. Marquette : Marquette University Press, 1996. 187 p.
23. Кьеркегор С. Страх и трепет. М. : Культурная революция, 2010. 488 с.
24. Гаспаров Б.М. Борис Пастернак: по ту сторону поэтики. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 266 с.
25. Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 399 с.
26. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М. : Слово/Slovo, 2003. 576 с.
27. Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни : в 2 ч. СПб. : Изд-во Русской христианской гум. акад.; Амфора, 2011. 823 с.
28. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений. М. : Слово/Slovo, 2004. 752 с.
29. Лунгина Д.А. Узнавание Кьеркегора в России // Логос. 1996. № 7. С. 168–183.
30. Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В. Комментарии // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М. : Слово/Slovo, 2003. С. 421–564.
31. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 2: Спекторский. Стихотворения 1930–1959. М. : Слово/Slovo, 2004. 528 с.
32. Леонардо да Винчи. Избранные произведения : в 2 т. М. : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2010. Т. 2. 480 с.

References

1. Pavlovich, N.V. (1999) *Slovar' poeticheskikh obrazov: na materiale russkoy khudozhestvennoy literatury XVIII – XX vekov* [Dictionary of Poetic Images: Based on Russian Fiction Literature of the 18th–20th Centuries]. Vols 1–2. Moscow: Editorial URSS.
2. Biryukov, D.S. (2022) Tema zerkala v misticheskom bogoslovii Klimenta Aleksandriyskogo i Grigoriya Nisskogo [The theme of the mirror in the mystical theology of Clement of Alexandria and Gregory of Nyssa]. *EINAI: Filosofiya. Religia. Kultura*. 2-11 (22). pp. 182–196.
3. Litvin, T.V. (2013) *Vremya, vospriyatie, voobrazhenie. Fenomenologicheskiye shchudii po probleme vremeni u Avgustina, Kanta i Gusserlya* [Time, Perception, Imagination. Phenomenological Studies on the Problem of Time in Augustine, Kant and Husserl]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya.
4. Simonyan, A.V. (2022) Filosofskoye znachenie metafory zerkala v anonimnom traktate o messe (rukopis' BSB Munikhen Cgm 89) [Philosophical meaning of the mirror metaphor in the anonymous Treatise on the Mass (Manuscript BSB Munich Cgm 89)]. *Istoriya filosofii*. 1 (27). pp. 19–30.
5. Pavlova, E.V. (2012) *Kategoriya sveta v teorii zritel'nogo vospriyatiya ital'yanskogo Vozrozhdeniya: dinamika predstavleniy* [Category of light in the theory of visual perception of the Italian Renaissance: dynamics of representations]. Art Cand. Diss. Moscow.
6. Nikitaev, V. (2014) Zerkalo, chasy i filosofiya (tekhniki) [Mirror, clocks and philosophy (techniques)]. *Logos: Filosofsko-literaturnyy zhurnal*. 3 (99). pp. 95–143.
7. Tsypina, L.V. (2014) N. Kuzanskiy i G.V. Leybnits o filosofskom smysle metafory zerkala [N. Cusanus and G.W. Leibniz on the philosophical meaning of the mirror metaphor]. *Logiko-filosofskie shchudii*. 3 (11). pp. 106–119.
8. Sukhno, A.A. (2018) "Effekt zerkala" i travmirovannaya mysl'. Ch. 1. Paradoks refleksii: mysl'yashchiy subyekt i yego dvoynik ["Mirror effect" and traumatized thought. Part 1. Paradox of reflection: the thinking subject and its double]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 1 (11). pp. 9–23.
9. Sukhno, A.A. (2018) "Effekt zerkala" i travmirovannaya mysl'. Ch. 2. Paradoks vospriyatiya: material'nyy ob'yekt i yego dvoynik ["Mirror effect" and traumatized thought. Part 2. Paradox of perception: material object and its double]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 4 (14). pp. 9–24.
10. Petryakov, L.D. (2011) Semantika ponyatiy "vremya" i "vechnost'" v pervoy antinomii I. Kanta [Semantics of the concepts "time" and "eternity" in Kant's first antinomy]. *Izvestiya vuzov. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 2 (1). pp. 36–39.
11. Maidanskiy, A.D. & Ilyenkov, E.V. (2017) Kommentariy E.V. Ilyenkova k gegel'evskoy "Filosofii dukha". Predislovie k publikatsii G.V.F. Gegel'. "Filosofiya dukha" [Commentary by E.V. Ilyenkov on Hegel's philosophy of spirit. Preface to the publication of G.W.F. Hegel. Philosophy of spirit]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura*. 2 (14). pp. 57–75.
12. Mazin, V.A. (2004) *Vvedeniye v Lakana* [Introduction to Lacan]. Moscow: Pragmatika kultury.
13. Klimanova, A.K. (2014) Kul'turnaya konstruktsiya vizual'nogo kak metodologicheskaya zadacha v filosofii M. Fuko [The cultural construction of the visual as a methodological task in Foucault's philosophy]. *Novyy vzglyad. Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik*. 5. pp. 191–212.
14. Furs, V.N. (2002) Radikal'naya sotsial'naya teoriya Zhana Bodriara [The radical social theory of Jean Baudrillard]. *Sotsiologicheskyy zhurnal*. 1. pp. 5–40.
15. Matushkina, M.V. (2008) Filosofskie kontseptsii tela [Philosophical concepts of the body]. *Alter Idem*. 1. pp. 20–29.
16. Rodin, K.A. (2016) The mirror metaphor and the notion of an extension function. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2. pp. 181–188. (In Russian).
17. Ekrogulskaya, A. (2023) Søren Kierkegaard's language: semantic fields of metaphors and similes in the sickness unto death. *Skandinavskaya filologiya*. 2. pp. 318–335.
18. Lorentzen, J. (2001) *Kierkegaard's Metaphors*. Macon, GA: Mercer University Press.
19. Kierkegaard, S. (1998) *The Point of View*. Translated into English by H.V. Hong and E.H. Hong. Princeton (NJ): Princeton University Press.
20. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Slovo/Slovo.
21. Stokes, P. (2007) Kierkegaard's mirrors: the immediacy of moral vision. *Inquiry*. 1 (50). pp. 70–94.
22. Heath King, G. (1996) *Existence, Thought, Style: Perspectives of a primary relation: portrayed through the work of Søren Kierkegaard*. Translated from German. Marquette: Marquette University Press.
23. Kierkegaard, S. (2010) *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Translated from Danish. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
24. Gasparov, B.M. (2013) *Boris Pasternak: po tu storonu poetiki* [Boris Pasternak: Beyond Poetics]. Moscow: Novoye lit. obozreniye.
25. Fateyeva, N.A. (2003) *Poet i proza: Kniga o Pasternake* [Poet and Prose Writer: A Book about Pasternak]. Moscow: Novoye lit. obozreniye.
26. Pasternak, B.L. (2003) *Polnoye sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Slovo/Slovo.

27. Kierkegaard, S. (2011) *Ili – ili. Fragment iz zhizni* [Either/Or. Fragment from Life]. Parts 1–2. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; Amfora.
28. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Vol. 5. Moscow: Slovo/Slovo.
29. Lungina, D.A. (1996) Uznovanie Kerkegora v Rossii [Recognition of Kierkegaard in Russia]. *Logos*. 7. pp. 168–183.
30. Pasternak, E.B. & Pasternak, E.V. (2003) Kommentarii [Comments]. In: Pasternak, B.L. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Slovo/Slovo. pp. 421–564.
31. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Slovo/Slovo.
32. Leonardo da Vinci. (2010) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from Latin, Vol. 2. Moscow: Izd-vo Studii Artemiya Lebedeva.

Информация об авторе:

Радионова А.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой изобразительного искусства Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). E-mail: allarad1@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Radionova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Fine Arts, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: allarad1@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.04.2025;
одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 21.04.2025;
approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/15617793/518/6

Сегмент специализированных спортивных медиа: взаимодействие традиционных СМИ и новых медиа

Ульяна Юрьевна Эшкинина¹

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ulianaeshkinina1995@gmail.com

Аннотация. Определен характер взаимодействия традиционных СМИ и новых медиа в сегменте специализированных спортивных медиа. Базой исследования послужили разные виды специализированных спортивных медиа (201 медиа): 16 телеканалов, 5 журналов, 100 интернет-медиа, 80 блогов, а также 5 интервью. Исследование позволило выделить разные модели присутствия печатных СМИ в Интернете. Контент-анализ материалов разных видов медиа показал, что интернет-медиа влияют на уменьшение определенных жанров и тем в традиционных СМИ.

Ключевые слова: спортивные медиа, специализированные спортивные меди, традиционные СМИ, новые медиа, конкуренция, сотрудничество

Для цитирования: Эшкинина У.Ю. Сегмент специализированных спортивных медиа: взаимодействие традиционных СМИ и новых медиа // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 51–58. doi: 10.17223/15617793/518/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/6

Specialized sports media in Russia: Competition and cooperation between traditional and new media

Uliana Yu. Eshkinina¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ulianaeshkinina1995@gmail.com

Abstract. The aim of this study is to define the nature of interaction between traditional media and new media within the segment of specialized sports media. Specialized sports media refers to media that covers one or several related sports and provides specialized information targeted at an audience regularly interested in and knowledgeable about a particular sport. Currently, the segment of Russian specialized sports media includes traditional (newspapers, magazines, and television) and new (online media, sports federation websites, club media, fan sites, discussion and statistical platforms, blogs) media. The article employs the following research methods: content analysis, comparative method, and expert interviews. The study is based on various types of specialized sports media (201 media entities): 16 television channels, 5 magazines, 100 online media outlets, 80 blogs, and 5 interviews. The research examines materials published in sports magazines from 2000 to 2019 (one issue per year), blog posts published from June 2020 to May 2021 and from April 2022 to September 2022 (two days per month), and television programs aired from October 2021 to March 2022 (seven days per month). The study identified different models of print media presence online: the availability of a PDF version of a magazine on a sports federation's website, electronic versions of magazines on their own websites, and independent websites that do not replicate the content of the print version. Content analysis of materials across different media types revealed that online media influence the reduction of certain genres and topics in traditional media. For instance, content related to rankings, statistics, and officiating has completely shifted from magazine pages to the online space. New media have significantly expanded the range of covered topics, diluting specialized content with "sports-adjacent" themes. Traditional media, in turn, utilize materials from athletes' social media and various sports communities. They engage with their audience through social media platforms. Interviews with heads of specialized sports media outlets showed that the integration of digital technologies into editorial work brings both new opportunities for content creation and promotion and new challenges. Experts note that competition between traditional media and new media may arise from the struggle for audience, monetization methods, speed of information delivery, interactivity, and engagement. Thus, traditional media are slow to adapt to modern realities, lagging in the adoption of new technologies and formats, while new media sacrifice quality for speed, risking the dissemination of unreliable information, while also facing difficulties in finding sustainable business models and often being criticized for lacking editorial standards and accountability for published content. One way to address this issue is through the creation of hybrid models and the production of cross-platform content. Competition and even conflict between traditional and new media is a natural process in the evolution of the media industry. Successful players will be able to adapt by combining the strengths of both approaches. The industry is moving toward a model of "coopetition" – cooperation between competitors. Traditional media provide trust and infrastructure, while new media offer technology and engagement. The winner will be the one who optimally integrates both approaches.

Keywords: sports media, specialized sports media, traditional media, new media, competition, cooperation

For citation: Eshkinina, U.Yu. (2025) Specialized sports media in Russia: Competition and cooperation between traditional and new media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 51–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/6

Введение

Цифровизация способствовала изменениям в функционировании коммуникационных и информационных структур. Увеличение объема контента привело к развитию технологий, отвечающих за отбор информации, – различным роботам-агрегаторам, поисковикам и сервисам фильтрации [1–4]. В таких условиях возникла конкуренция традиционных и новых медиа не только на рынке конечного контента, но и на рынке «ссылок в социальных сетях». Это повлияло на формирование устойчивых брендов и приверженность потребителей определенному виду профессиональных источников информации. «Характерной особенностью современного медиапространства России является активизирующийся процесс объединения традиционных и новых медиа в целостные мультимедийные, интегрированные – комплексы» – отмечает И.М. Дзялошинский [5. С. 156]. Интеграция происходит на разных уровнях: наблюдается интеграция различных информационных пространств – локального, национального, глобального; различных сфер общества – экономики, политики, культуры и т.д.; разных коммуникационных институтов – журналистики, рекламы, связей с общественностью. Благодаря этому в сфере медиа возросла конкуренция.

Изучение отношений между старыми и новыми медиа помогает понимать и контролировать настоящее и даже конструировать потенциальное будущее. И старые, и новые медиа являются показателем развития человеческого общения. Однако новые онлайн-платформы нельзя противопоставлять традиционным аналоговым медиа. Согласно теории базовых технологий и их прототипов, вызывающих социальные потрясения и порождающих новые специфические средства, цифровизация представляется как еще один эволюционный шаг в ряду технологий, включающих в себя артефакт, машину и электричество. Теория базовых технологий позволяет называть онлайн-платформы, основанные на программном обеспечении, такие как YouTube или Twitter, цифровыми носителями и, таким образом, помогает понять их технологическую основу и уникальные возможности [6]. Цифровизация оказывает сильнейшее воздействие на развитие современных средств массовой информации и всего общества: «технологии радикально меняют способы потребления новостей и развлечений, ведут к формированию новых медиазапросов и в результате трансформируют формы коммуникации и между людьми, и в обществе – на локальном и глобальном уровнях. Словом, новые сети, платформы, скорости распространения медиа неизбежно приведут к трансформации устоявшихся индивидуальных и общественных практик» [7].

С приходом новых технологий в спортивном медиапространстве также усиливается конкуренция традиционных СМИ между собой и с онлайн-ресурсами.

Она протекает в условиях смены условий потребления информации аудиторией [8]. Восприятие информации ускоряется и упрощается. Исследователи считают, что «спортивная коммуникация приобретает новые формы: ведущие журналисты комментируют топовые спортивные события, транслируемые на интернет-платформах; хостинги и мессенджеры выступают как площадки для обсуждений» [9. С. 106].

В спортивном медиапространстве происходят все процессы трансформации, характерные для отечественной медиасистемы: расширение ее границ, усложнившееся и ужесточившее конкуренцию; изменения технологических аспектов медиарегулирования; появление цифровых технологических платформ, перераспределивших рекламные доходы и аудиторию; возрастание роли пользователей и как потребителя, и как распространителя и соавтора/автора контента; преобразование журналистской деятельности, жанров, форматов и функций текстов. В связи с этим современная медиасреда превратилась в сложную структуру, в рамках которой работают и конкурируют различные субъекты – профессиональные СМИ, «новые профессионалы» (блогеры, инфлюэнсеры, лидеры мнений, ведущие пабликов и авторы телеграм-каналов), социальные медиа и аудитория [10. С. 12].

Цифровизация, повлекшая за собой изменение потребительских привычек и борьбу за внимание аудитории, обострила взаимоотношения между разными видами медиа даже в одном сегменте. Традиционные специализированные спортивные СМИ встречаются с высокой конкуренцией со стороны интернет-изданий и социальных медиа, теряя аудиторию, меняя ранее успешные форматы, жанры и редакционную политику, а также привычный стиль изложения. Жертвуя сложившимися традициями, они подстраиваются под требования времени и технологий, модернизируются в соответствии с современными реалиями. Конкуренция со стороны интернет-медиа и увеличение источников информации о происходящем в конкретном виде спорта, которые появились с распространением цифровых технологий и открыли доступ к ранее неиспользованным ресурсам в освещении спортивных событий, изменили сегмент специализированных спортивных медиа. В данной работе предпринимается попытка разобраться, как в настоящее время взаимодействуют традиционные СМИ и новые медиа в этом сегменте. Создает ли существующая между разными видами медиа конкуренция конфликтные ситуации, мотивирует ли игроков спортивного медиарынка развиваться или же подталкивает их к сотрудничеству, формируя модель «coopetition», подразумевающую взаимовыгодное сотрудничество конкурирующих медиа [11, 12]?

Сегмент специализированных спортивных медиа России

Отправной точкой для разработки определения специализированных спортивных медиа можно считать термин «специализированный журнал о спорте», представленный Е.А. Слюсаренко [13]. В частности, исследователь считает, что определяющим из всех признаков деления для спортивных изданий «выступает характер информации, проявляющийся в ограничении одним или несколькими смежными видами спорта. Это обуславливает профилирование внутри единой группы специализированных спортивных журналов на основе таких традиционно типифицирующих признаков, как целевая аудитория, функциональное назначение и характер (жанрово-стилевая структура) текста». По характеристике Е.А. Слюсаренко, специализированные спортивные журналы строятся «на основе лимитирования тематического направления одним или реже несколькими смежными видами спорта» [13. С. 16]. К смежным видам спорта относятся похожие по специфике виды, например: легкая атлетика и горный бег, лыжи и лыжное двоеборье. Такие виды спорта освещаются вместе, для них нет отдельных медиа. Другим важным понятием является «специализированная информация», которая «представляет собой более сложные медиатексты, основанные на конструктивном смысловом и логическом строении. Обычно они встречаются в специализированных спортивных изданиях или аналитиче-

ских теле-, радиопередачах, посвященных определенному спортивному виду или роду деятельности, напрямую или косвенно связанной со спортом (бизнес, медицина, маркетинг, строительство спортивных сооружений и др.); реже – в прессе иного профиля. При создании подобных текстов журналисты нередко используют лексические, синтаксические и концептуальные приемы (общеязыковые метафоры, перифразы, фразеологизмы, интеллектуально-оценочные выражения и т.д.). Нередко для усиления подачи необходимой информации о спортивном явлении, особенно в печати, авторы применяют узкие спортивные термины, которые мало знакомы несведущему читателю. Поэтому такие тексты в большей степени интересны для знатоков спорта – “профессионалов”, для которых проявление внимания к спорту (а точнее к определенному виду) является своеобразным хобби. Эти представители аудитории обычно являются не только стабильными болельщиками, посещающими стадионы, но и проявляют постоянный интерес к спортивной информации в СМИ» [14. С. 34]. Так, опираясь на эти важные понятия, можно говорить о том, что *специализированное спортивное медиа* – это такое медиа, которое освещает один или несколько смежных видов спорта и содержит специализированную информацию, направленную на аудиторию, регулярно интересующуюся определенным видом спорта и понимающую его специфику.

На сегодняшний день в сегмент специализированных спортивных медиа входят следующие виды медиа (рис. 1).

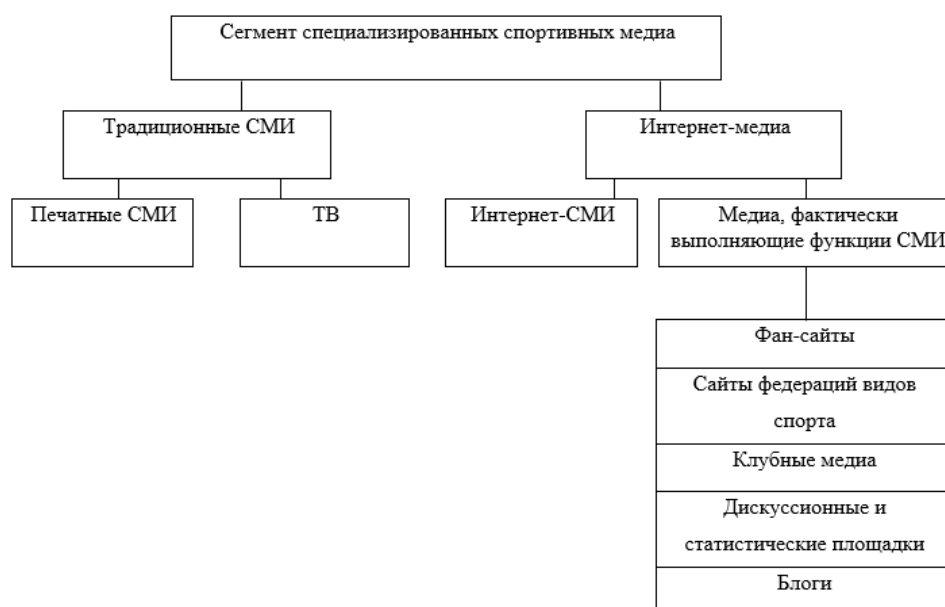

Рис. 1. Сегмент специализированных спортивных медиа

Надо отметить, что на сегодняшний день в российском сегменте специализированных спортивных медиа не представлены специализированные спортивные радиостанции, а новые виды спортивных медиа, появившиеся в результате цифровизации – сайты федераций видов спорта (предоставляют официальную

информации и документы, оповещающие о формальных требованиях), фан-сайты (сообщества болельщиков), клубные интернет-медиа (освещают все события и ситуации, связанные с определенным клубом/брендом), дискуссионные и статистические площадки (сайты, основная часть которых состоит из форумов,

рейтингов и статистических данных), а также специализированные спортивные блоги (содержат информацию о конкретном виде спорта, популяризируя его), – составляют подавляющую часть сегмента специализированных спортивных медиа, значительно превышая количество традиционных СМИ, и не уступают по содержательному наполнению печатным СМИ и телевидению. Большинство из этих медиа не являются зарегистрированными СМИ, однако они выполняют все функции СМИ: «информируют об итогах соревнований и деятельности спортивных учреждений, освещают тренировочный процесс, публикуют анонсы, превью и прогнозы спортивных мероприятий, сообщают о трансферах и дисквалификациях; распространяют идеи здорового образа жизни, приобщают общественность к спортивной деятельности и воспитывают патриотизм; организуют и проводят собственные турниры и спортивные праздники; продвигают отечественных спортсменов; раскрывают ценности спорта, формируя позитивное общественное мнение, необходимое для развития вида; просвещают аудиторию о пользе спорта, повышают уровень физической культуры в стране и престиж государства на международной арене. Цель таких медиа соответствует целевому назначению спортивных СМИ» [15. С. 770]. Это позволяет считать все перечисленные виды медиа – полноценными представителями сегмента специализированных спортивных медиа.

Методология исследования

Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный метод. Он используется при анализе случаев перехода печатного издания в интернет-медиа, а также при изучении жанровых и тематических особенностей разных видов медиа, выявленных автором с помощью контент-анализа материалов 201 медиа: 16 телеканалов [16], 5 журналов [17], 100 интернет-медиа [15], 80 блогов [18]. Экспертные интервью с руководителями разных видов российских специализированных спортивных медиа – главным редактором журнала «Шахматное обозрение», пресс-атташе Федерации дзюдо России, руководителем проектов социальных сетей КХЛ, программным директором телеканала «Футбол», заместителем главного редактора Soccer.ru – подтвердили полученные ранее результаты об изменениях в медиа под влиянием новых технологий, а также продемонстрировали ситуации, когда традиционные и новые медиа конкурируют, а когда – сотрудничают.

Результаты

Конвергенция. Проведенное исследование позволило выявить разные модели присутствия специализированных спортивных печатных СМИ в Интернете. На сегодняшний день их три. Самая простая – наличие PDF-версии журнала на сайте федерации вида спорта (например, журнал «Легкая атлетика»). Далее отчетливо выделяется модель, при которой электронные версии журналов публикуются на собственных сайтах

(журналы «Мир дзюдо», «Конный мир», «64 – Шахматное обозрение»). На этих сайтах содержатся архивы номеров, а также присутствует элементарная форма обратной связи с аудиторией, позволяющая наладить минимальную интерактивность с пользователями. Наиболее продвинутой моделью представительства в сети – самостоятельный сайт, не дублирующий информацию бумажной версии и развивающийся в направлении отдельного электронного СМИ. Например, журнал «Лыжный спорт», который долгое время издавался в бумажной версии (1996 – 2016 гг.) и параллельно выходил в виде самостоятельного электронного проекта (2001–2016 гг.), впоследствии перешел исключительно в интернет-пространство, сохранив штат редакции. Сегодня это медиа пользуется популярностью у аудитории и рекламодателей. «Лыжный спорт» представлен и в ряде социальных сетей: «ВКонтакте», «Telegram», «Твиттер», также есть свой канал на YouTube. В данном случае можно говорить о том, что цифровизация способствовала переходу печатного средства массовой информации в интернет-медиа. Такое взаимодействие, расширяющее и насыщающее информационное поле, оказалось весьма результативным для издателей и потребителей контента.

В свою очередь, специализированные спортивные интернет-медиа могут быть интрамедийными («функции традиционного печатного издания дополняются мультимедийными возможностями онлайн-версии издания, например журнал «Футбол» имеет модифицированные сетевые аналоги, содержание которых обновляется в режиме реального времени, а также предлагается множество дополнительных удобных сервисов и приложений»), интермедийными («информационные спортивные интернет-платформы с возможностью перманентного обновления») и трансмедийными («сетевые издания, предлагающие новые формы интерактивного общения, предоставляющие реципиенту возможность выбора информации путем переадресации на другие интернет-платформы (Footballhd.ru) [19. С. 403].

Жанрово-тематическое взаимодействие. Контент-анализ жанрово-тематических характеристик материалов разных видов специализированных спортивных медиа выявил некоторые особенности. Интересно, что во всех видах медиа востребованы одинаковые темы, касающиеся соревнований и подготовительного процесса. Так, соревнованиям посвящены 59% материалов от общего количества всех проанализированных: 38% всех публикаций в журналах; 69% всех телепередач и 50% всех постов. Турниры остаются главной новостью и традиционных, и новых медиа. С каждым годом новые технологии позволяют увеличивать количество трансляций с разного уровня соревнований, которые теперь можно смотреть не только на ТВ: «за право спортивных трансляций также успешно борются с телевидением интернет-платформы и стриминговые сервисы» [20. С. 136]. Возможность напрямую смотреть турниры в любом месте в любое время снижает актуальность выходящих после них аналитических материалов. Также уменьшилось количество материалов о рейтингах и статистике в традиционных СМИ. Такие

сообщения быстро появляются в онлайн-режиме на специализированных сайтах, и для изданий, выходящих раз в месяц или реже, становятся неактуальны. Перенос данных тем со страниц печатных изданий в сеть экономит место в журналах, снижая расходы на типографские услуги. Также меньше становится материалов о судействе и организации. Они переходят в Интернет, на порталы федераций видов спорта. Можно говорить о том, что интернет-медиа влияют на уменьшение определенных жанров в традиционных СМИ.

Похожая ситуация заметна и в освещении подготовительного процесса спортсменов: этой теме посвящено 15% всех проанализированных материалов, из которых наибольшая доля, составляющая 22% всех публикаций, характерна для блогов. 18% – встречается среди журнальных материалов и 10% – среди телепередач. Сегодня новые медиа выигрывают у традиционных СМИ по оперативности освещения этой темы. В личных блогах спортсмены выкладывают свои тренировки в онлайн-режиме, делятся опытом и даже собственными секретами подготовки напрямую с аудиторией. Также в групповых блогах спортивных сообществ часто наблюдаются видео и трансляции с тренировок. С помощью социальных сетей и специальных приложений спортсмены могут разбирать особенности подготовки звезд мирового спорта, напрямую с ними общаться и даже виртуально конкурировать, давая, таким образом, новые инфоповоды для создания журналистских материалов на данную тему. Бывает, что традиционные СМИ, освещая данную тему, опираются на соцсети представителей спортивной индустрии. Например, у телеканала «Бокс ТВ» есть отдельная рубрика, в которой транслируются кадры из социальных сетей спортсменов. Параллельно с этим их комментирует журналист. Доля таких телепередач на канале составляет 4%. Также некоторые ТВ-каналы позаимствовали у соцсетей жанр «сборник упражнений», охватывающий информацию о разных физических упражнениях и рекомендациях по их выполнению [18]. Этот жанр особенно представлен в спортивных видеоблогах на YouTube, а теперь и подавляющее большинство телепередач (94%) канала «Живи!» организованы в этом жанре.

Новые медиа значительно расширили круг освещаемых тем, разбавив количество специализированных тем «околоспортивными». Появляются материалы про питание (информация о правильном питании, разбор рациона спортсменов, рекомендации по составлению питания), красоту (представление различных уходовых комплексов, массажей лица и т.д), интересные игровые моменты (анализ нестандартных ситуаций на игровой площадке), досуг (занятия спортсменов вне тренировочной и соревновательной деятельности), самореклама (реклама личных продуктов спортсменов: брендов одежды, тренировочных программ, курсов), путешествия (поездки спортсменов в свободное время). Эти темы привлекают аудиторию своей «человечностью» – представлением спортсменов как живых неидеальных людей, которая в традиционных СМИ из-за временных и «бумажных» ограничений остается вне поля зрения журналистов.

Редакционное взаимодействие. Проведенные с руководителями специализированных спортивных медиа интервью показали, что внедрение цифровых технологий в работу редакций способствует появлению как новых возможностей для создания и продвижения контента (организация трансляций соревнований любого уровня из разных городов и стран на всевозможных платформах; развитие сервисов «присутствия на стадионе» – «виртуальный болельщик», «интершум»; обеспечение интерактива с аудиторией), так и новых трудностей (снижается актуальность материалов профессиональных медиа после трансляций; закрепляется перекося работы журналистов в сторону удаленной работы; возникает необходимость конкурировать с блогерами).

Эксперты отмечают, что конкуренция между традиционными СМИ и новыми медиа в сегменте специализированных спортивных медиа может возникать из-за следующего:

- Борьба за аудиторию: новые медиа привлекают молодую аудиторию, которая предпочитает потреблять контент через смартфоны и социальные сети, тогда как традиционные СМИ теряют часть аудитории, особенно молодежной.

- Монетизация: новые медиа часто предлагают бесплатный контент, зарабатывая на рекламе, подписках или краудфандинге, а традиционные СМИ сталкиваются с падением доходов от рекламы и подписок из-за конкуренции с цифровыми платформами.

- Скорость подачи информации: новые медиа могут мгновенно публиковать новости, в то время как традиционные СМИ вынуждены соблюдать график выпуска.

- Интерактивность и вовлеченность: новые медиа позволяют аудитории активно участвовать в обсуждениях, что делает их более привлекательными относительно устаревших «писем в редакцию» традиционных СМИ.

Также руководители специализированных спортивных медиа отметили, что на сегодняшний день происходит взаимопроникновение редакционных практик традиционных СМИ и новых медиа. Например, ТВ-канал «Футбол» использует социальные сети для общения с аудиторией, во время прямых эфиров запускаются чаты с беседами по актуальным темам. Эксперт интернет-СМИ Soccer.ru заявил, что за годы работы были испробованы практически все существующие инструменты: форумы, комментирование, оценки, опросы, соцсети. Для повышения интереса аудитории редакция внедрила несколько классических футбольных игр и конкурсов, которые через систему очков и рейтингов формируют вовлеченность и удерживают пользователей. Эксперт сделал акцент на том, что с активным внедрением цифровых технологий в их редакции оформился SMM как самостоятельный отдел. Об актуальности игрофикации также рассказала руководитель интернет-портала Федерации дзюдо России: «В настоящее время разрабатывается специальная игра для молодежи при поддержке букмекерских компаний, начавших вкладывать деньги с недавних пор. Таким образом надеются повысить интерес к соревнованиям, вовлечь большее количество

людей, стимулировать внимание к информации из мира дзюдо». Эксперт также поделилась информацией о том, что их медиа старается освещать вид спорта максимально профессионально. Так, у них есть интернет-трансляции с YouTube, которые можно смотреть на сайте. На каждом татами во время соревнований устанавливается специальная техника, благодаря которой можно наблюдать за любой схваткой. Также запустили «студию» во время соревнований: утренние эфиры, в течение которых ведущими и соведущими (тренерами, главными секретарями соревнований, судьями) предлагается анонс соревновательного дня, и вечерние эфиры с анализом прошедших схваток, с интервью с призерами. За эфирами можно следить на сайте в режиме онлайн. В ближайшее время планируется запуск подкаста. Каждые несколько лет в соответствии с новыми тенденциями обновляется версия сайта. На этом примере хорошо видно, как используются всевозможные практики, характерные и для традиционных медиа, и для новых.

Об особенностях функционирования специализированных спортивных социальных медиа рассказал руководитель группового блога КХЛ: «Изменения в работу ведения соцсетей вносятся по мере изменения функционирования платформ (формат отображения ленты, изменения логики ее формирования), добавления в платформы нового функционала (Reels, подкасты) или появления новых платформ (Telegram, TikTok). В связи с этим добавляются новые типы контента или меняются существующие. За последние годы анализ статистики привел к увеличению количества контента, удобного для просмотра с мобильных устройств: квадратный формат, более короткая продолжительность».

Все эксперты отмечают, что за последние десять лет освещение спортивных мероприятий претерпело значительные изменения. Так как в разы сократилось время, за которое нужно успеть заинтересовать пользователя (примерно с 20 секунд до 5 секунд), необходимо быстро, коротко и емко передавать суть, желательно через видеоформаты, и делать это быстрее, чем конкуренты.

К актуальным трендам специалисты относят:

- увеличение количества соревнований, транслируемых на тех или иных площадках в прямом эфире, которые позволяют аудитории сразу и напрямую наблюдать за развитием событий, комментировать происходящее и общаться с такими же любителями онлайн, что, в свою очередь, понижает актуальность материалов, выпускаемых профессиональными СМИ после мероприятия: «нынешние технические возможности позволяют вынести достаточно точные суждения практически сразу; авторов, готовых потом вникать, анализировать и описывать, становится меньше – проще “отболтаться” в процессе соревнований» (главный редактор журнала «Шахматное обозрение»);

- адаптацию контента для молодежи и увеличение количества визуального материала: «наша задача – привлекать молодежь, приходится выдавать те форматы, которые интересны молодым людям. Сегодня

практически все – визуалы, это объективная реальность, под которую надо подстраиваться» (пресс-атташе Федерации дзюдо России);

- стремление к популяризации вида спорта совместными усилиями СМИ и блогосферы: «необходимо не конкурировать, а помогать и дополнять друг друга, совместно преследуя одну большую цель – популяризировать вид спорта в целом» (руководитель проектов социальных сетей КХЛ);

- создание медиахолдингами собственных sales house, подходящих для спецпроектов с участием блогеров;

- качественную работу с социальными сетями, мессенджерами и другими платформами: «некоторые воспринимают социальные сети просто как еще один канал, дублирующий публикации основного сайта, но это ошибочный подход. Везде своя аудитория, свой формат подачи, который необходимо учитывать» (заместитель главного редактора Soccer.ru).

Заключение

Основные преимущества новых медиа заключаются в отсутствии ограничений по объему и количеству контента, интерактивности с аудиторией, активной обратной связи; возможности транслировать видео, аудио; публиковать иллюстрации высокого качества, делать динамичные инфографики, карты, игры, персонализации контента для пользователей. Очевидно, что традиционным СМИ, особенно периодическим печатным изданиям, сложно конкурировать с интернет-медиа по многим критериям – в оперативности подачи информации, простоте доступа к контенту, количеству читателей. Данные показатели на столь же высоком уровне наблюдаются у спортивных блогов, которые могут дополнять специализированные спортивные интернет-ресурсы, являясь средством привлечения новой аудитории и повышения интерактивности с пользователями. Между тем традиционные медиа все еще оставляют за собой репутацию качественных источников информации, предоставляющих аналитику с высокими профессиональными стандартами, тем самым продолжая функционировать в сегменте.

Резюмируя вышесказанное, можно обозначить проблему, характерную для сегмента специализированных спортивных медиа: традиционные СМИ медленно адаптируются к современным реалиям, отставая в освоении новых технологий и форматов, а новые медиа жертвуют качеством ради скорости, рискуя распространять недостоверную информацию, при этом сталкиваясь с трудностями в поиске устойчивой бизнес-модели и часто подвергаясь критике из-за отсутствия редакционных стандартов и ответственности за публикуемый контент. Одним из способов решения этой проблемы является создание гибридных моделей (традиционные СМИ интегрируют цифровые технологии – создают онлайн-платформы, используют социальные сети), а также производство кроссплатформенного контента (телевизионные трансляции с интерактивными элементами в социальных сетях).

Конкуренция, а в некоторых случаях конфликт между традиционными и новыми медиа – это естественный процесс эволюции медиаиндустрии. Успешные игроки смогут адаптироваться, сочетая сильные стороны обоих подходов. Отрасль движется к модели cooperation – сотрудничеству конкурентов. Традиционные СМИ обеспечивают доверие и инфраструктуру, новые медиа – технологии и вовлеченность. В выигрыше будет тот, кто оптимально интегрирует оба подхода. Нужно найти способы сочетать

скорость, вовлеченность и доступность новых медиа с глубиной, достоверностью и надежностью традиционной журналистики. Так сегмент специализированных спортивных медиа превратится в сбалансированную медиаэкосистему, которая соединит в себе сильные стороны всех видов медиа, обеспечит аудитории доступ к своевременной, точной и всесторонней информации, помогая ориентироваться в сложностях сегодняшнего глобализованного и взаимосвязанного мира [21].

Список источников

1. Дорошук Е.С., Рамазанов И.И. Цифровые технологии спортивных медиа в современном информационном поле // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9-3 (111). С. 132–135. doi: 10.23670/IRJ.2021.9.111.096
2. McCarthy B. Consuming sports media, producing sports media: An analysis of two fan sports blogospheres // International Review for the Sociology of Sport. 2013. Vol. 48. P. 421–434.
3. Hardin M., Ash E. Journalists Provide Social Context Missing from Sports Blogs // Newspaper Research Journal. 2011. Vol. 32. P. 20–35.
4. Schultz B., Sheffer M. Sports Journalists Who Blog Cling to Traditional Values // Newspaper Research Journal. 2007. Vol. 28, № 4. P. 62–76.
5. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. 479 с.
6. McMullan J. A new understanding of 'New Media': Online platforms as digital mediums // Convergence. 2020. Vol. 26, № 2. P. 287–301.
7. Вартанова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2013. 277 с.
8. Войтик Е.А. Конструирование информационного пространства в спортивной медиакommunikации России // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2014. № 13 (184). С. 167–174.
9. Мокшин С.И. Трансформация спортивной журналистики в России. Дискурс новых медиа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 104–106.
10. Вартанова Е.Л. Цифровая журналистика как новое поле академических исследований // МедиаАльманах. 2021. № 6. С. 8–14.
11. Kreft J. Kooperacja nowomediarna: między odbiorcą-twórcą a organizacją // Media Management. 2013. P. 151–165.
12. Sun G., Wu Y., Liu S., Peng T.-Q., Zhu J.J.H., Liang R. EvoRiver: Visual Analysis of Topic Coepetition on Social Media // IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics. 2014. Vol. 20. P. 1753–1762. doi: 10.1109/TVCG.2014.2346919
13. Слюсаренко Е.А. Специализированные журналы о спорте: типологические и профильные характеристики : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 192 с.
14. Войтик Е.А. Спортивная медиакommunikация в России в начале XXI века / науч. ред. Б.Я. Мисонжников. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2013. 240 с.
15. Эшкинина У.Ю. Система современных специализированных спортивных интернет-медиа в России // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. № 4. С. 760–774.
16. Эшкинина У.Ю. Специализированные спортивные телеканалы: жанрово-тематические особенности // Медиаскоп. 2022. Вып. 2. doi: 10.30547/mediascope.2.2022.3
17. Эшкинина У.Ю. Трансформация современных специализированных спортивных журналов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 2. С. 133–140.
18. Эшкинина У.Ю. Жанрово-тематические особенности российских спортивных блогов // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. № 1. С. 96–118.
19. Легкова Е.А., Попова Е.О. Медиаатренды современной спортивной журналистики через призму интернет-СМИ // Мировая журналистика: единство многообразия : сб. науч. ст. : в 2 т. М., 2018. Т. 1. С. 401–406.
20. Киреева О.Ф., Киреева У.А. Изучение спортивной медиасистемы и медиакommunikации: рецензия на учебник Шаркова Ф.И. и Силкина В.В. «Спортивная журналистика» // Коммуникология : электронный научный журнал. 2021. № 1. С. 124–153.
21. Asad F., Parker O. Traditional Media vs. New Media: Analyzing News Consumption Patterns in a Contemporary Media Landscape. 2025. doi: 10.13140/RG.2.2.20126.24649

References

1. Doroschuk, E.S. & Ramazanov, I.I. (2021) Tsifrovye tekhnologii sportivnykh media v sovremennom informatsionnom pole [Digital technologies of sports media in the contemporary information field]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 9-3 (111). pp. 132–135. doi: 10.23670/IRJ.2021.9.111.096
2. McCarthy, B. (2013) Consuming sports media, producing sports media: An analysis of two fan sports blogospheres. *International Review for the Sociology of Sport*. 48. pp. 421–434.
3. Hardin, M. & Ash, E. (2011) Journalists provide social context missing from sports blogs. *Newspaper Research Journal*. 32. pp. 20–35.
4. Schultz, B. & Sheffer, M. (2007) Sports journalists who blog cling to traditional values. *Newspaper Research Journal*. 4 (28). pp. 62–76.
5. Dzyaloshinskiy, I.M. (2013) *Mediaprostranstvo Rossii: kommunikatsionnyye strategii sotsial'nykh institutov* [Media Space of Russia: Communication Strategies of Social Institutions]. Moscow: Izd-vo APK i PPRO.
6. McMullan, J. (2020) A new understanding of 'New Media': Online platforms as digital mediums. *Convergence*. 2 (26). pp. 287–301.
7. Vartanova, E.L. (2013) *Postsovetskkiye transformatsii rossiyskikh SMI i zhurnalistiki* [Post-Soviet Transformations of Russian Media and Journalism]. Moscow: MediaMir.
8. Voytik, E.A. (2014) Konstruirovaniye informatsionnogo prostranstva v sportivnoy mediakommunikatsii Rossii [Construction of the information space in Russian sports media communication]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykozaniya*. 13 (184). pp. 167–174.
9. Mokshin, S.I. (2023) Transformatsiya sportivnoy zhurnalistiki v Rossii. Diskurs novykh media [Transformation of sports journalism in Russia. Discourse of new media]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 1. pp. 104–106.
10. Vartanova, E.L. (2021) Tsifrovaya zhurnalistika kak novoye pole akademicheskikh issledovaniy [Digital journalism as a new field of academic research]. *MediaAl'manakh*. 6. pp. 8–14.
11. Kreft, J. (2013) Kooperacja nowomediarna: między odbiorcą-twórcą a organizacją. *Media Management*. 2013. pp. 151–165.
12. Sun, G. et al. (2014) EvoRiver: visual analysis of topic coepetition on social media. *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics*. 20. pp. 1753–1762. doi: 10.1109/TVCG.2014.2346919

13. Slyusarenko, E.A. (2003) *Spetsializirovannyye zhurnaly o sporte: tipologicheskiye i profil'nyye kharakteristiki* [Specialized sports magazines: typological and profile characteristics]. Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Voytik, E.A. (2013) *Sportivnaya mediakommunikatsiya v Rossii v nachale XXI veka* [Sports media communication in Russia at the beginning of the 21st century]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Eshkinina, U.Yu. (2021) Sistema sovremennykh spetsializirovannykh sportivnykh internet-media v Rossii [System of modern specialized sports internet media in Russia]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 4. pp. 760–774.
16. Eshkinina, U.Yu. (2022) Spetsializirovannyye sportivnyye telekanaly: zhanrovo-tematicheskiye osobennosti [Specialized sports TV channels: genre and thematic features]. *Mediascope*. 2. doi: 10.30547/mediascope.2.2022.3
17. Eshkinina, U.Yu. (2021) Transformatsiya sovremennykh spetsializirovannykh sportivnykh zhurnalov [Transformation of modern specialized sports magazines]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2. pp. 133–140.
18. Eshkinina, U.Yu. (2022) Zhanrovo-tematicheskiye osobennosti rossiyskikh sportivnykh blogov [Genre and thematic features of Russian sports blogs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1. pp. 96–118.
19. Legkova, E.A. & Popova, E.O. (2018) Mediatrendy sovremennoy sportivnoy zhurnalistiki cherez prizmu internet-SMI [Media trends of modern sports journalism through the prism of Internet media]. In: Martynenko, E.V. (ed.) *Mirovaya zhurnalistika: yedinstvo mnogoobraziya* [World Journalism: Unity of Diversity]. Vol. 1. Moscow: RUDN. pp. 401–406.
20. Kireyeva, O.F. & Kireyeva, U.A. (2021) Izucheniye sportivnoy mediasistemy i mediakommunikatsii: retsezhniya na uchebnyk Sharkova F.I. i Silkina V.V. "Sportivnaya zhurnalistika" [Study of the sports media system and media communication: review of the textbook by F.I. Sharkov and V.V. Silkin Sports Journalism]. *Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 1. pp. 124–153.
21. Asad, F. & Parker, O. (2025) Traditional Media vs. New Media: Analyzing News Consumption Patterns in a Contemporary Media Landscape. [S.l.]: [s.n.]. doi: 10.13140/RG.2.2.20126.24649

Информация об авторе:

Эшкинина У.Ю. — канд. филол. наук, преподаватель кафедры цифровой журналистики факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: ulianaeshkinina1995@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

U.Yu. Eshkinina, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ulianaeshkinina1995@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.04.2025;
одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 24.04.2025;
approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 930.1 + 327.7
doi: 10.17223/15617793/518/7

Современный вектор изучения истории климата

Александр Евгеньевич Кутейников¹, Сергей Вячеславович Ивлев²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.kuteynikov@spbu.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ivlev.iphi@mail.ru

Аннотация. Объясняется нацеленность современной истории климата на преимущественное постижение глобальных климатических угроз, трансграничного сотрудничества в борьбе с неблагоприятными климатическими изменениями, а также исследование международных субъектов, действующих в сфере регулирования климата. Характеризуются социальный, политический, когнитивный и мировоззренческий факторы, обуславливающие тенденцию формирования междисциплинарной области знаний, изучающей историю борьбы с изменениями климата.

Ключевые слова: климат, история климата, города, сети городов, международное сотрудничество, Рамочная конвенция ООН по изменению климата, Парижское соглашение

Благодарности: авторы выражают благодарность М.В. Сушинской, гл. библиотекарю отраслевых отделов Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, за содействие в работе с библиометрическими ресурсами.

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-10320 (<https://rscf.ru/project/23-28-10320>) и Санкт-Петербургского научного фонда в рамках проекта № 23-28-10320 в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Кутейников А.Е., Ивлев С.В. Современный вектор изучения истории климата // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 59–69. doi: 10.17223/15617793/518/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/7

An up-to-date vector of studying the history of climate

Alexander E. Kuteynikov¹, Sergey V. Ivlev²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, a.kuteynikov@spbu.ru

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ivlev.iphi@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to identify current trends in the study of the social and political aspects of climate history. Historians' growing interest in this issue is driven by the urgency of responding to climate challenges, the accumulation of data on global warming, the influence of environmental ideas on public consciousness, as well as social demand and political circumstances. A further contributing factor is the disruption of temporal forms, methods, and mechanisms governing the interaction between society and culture, stemming from a kind of disconnect between natural and historical time. The intensification of international cooperation on climate, the expanding body of climate knowledge, and the politicization of climate issues have collectively influenced the direction of scholarly research. The focus has shifted from examining climate's impact on economic and everyday life toward identifying historical evidence and sequences of events related to anthropogenic impacts on the climate system. The authors identify and analyze three main strands of research in climate history that have emerged in recent years: general works on climate history in relation to social and political processes; research in historical theory and philosophy; and publications on major international climate events, treaties, and policy actors. Contemporary researchers increasingly seek to connect historical inquiry with the specific climate policy objectives of various state and non-state actors. The dominant research vector is oriented less toward discerning historical patterns and more toward examining how climate discourse evolves and how the forms and strategies of actors engaged in combating climate change develop. Nevertheless, given that climate remains first and foremost a natural phenomenon, it is this fundamental understanding that must be preserved as the foundation for further study and for the development of a genuinely scientific history of climate.

Keywords: labor market, employment, new forms of employment, concept of decent work, indicators of decent work for newly employed people

Acknowledgments: The authors would like to thank M.V. Sushchinskaya, chief librarian of the branch departments of the Gorky Scientific Library of St. Petersburg State University, for her assistance in working with bibliometric resources.

Financial support: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) as part of scientific project No. 23-28-10320 (<https://rscf.ru/project/23-28-10320>) and the St. Petersburg Science Foundation within the framework of Project No. 23-28-10320 at St. Petersburg State University.

For citation: Kuteynikov, A.E. & Ivlev, S.V. (2025) An up-to-date vector of studying the history of climate. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 59–69. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/7

Цель статьи заключается в выявлении современной направленности истории климата. Актуальность темы обусловлена глубокими и стремительными изменениями климата во всех регионах планеты, нарастанием активности государств и негосударственных акторов в противостоянии негативным последствиям климатических изменений, а также повышением внимания к вопросам климата со стороны историков и представителей других социальных и гуманитарных дисциплин. К настоящему времени историография истории климата насчитывает сотни работ. В Кембриджском университете в прошлом году завершился проект «Создание климатической истории» [1]. Функционирует Сеть климатической истории (CHN) – международная организация исследователей, изучающих прошлое климата, его изменения и влияние этих изменений на историю человечества [2]. Центры, ведущие климатические исследования, включают в свой состав историков [3]. Необходимость исторического знания об антропогенных факторах, влияющих на климат, для современности аргументированно обосновали создатели рецензируемого журнала «Климат и культура в истории», первый выпуск которого вышел в свет в 2024 г. Редакция журнала ориентирована на привлечение в качестве авторов представителей всех исторических наук для освещения социальных, культурных, политических и экономических аспектов истории климатических изменений в самые разные периоды существования человечества [4]. Предполагается не только публиковать исследования, посвященные крупномасштабным моделям изменчивости климата и их социальным последствиям, но и освещать локальные процессы, отражающие нюансы культуры и жизненного опыта людей, так или иначе связанные с климатом и его трансформацией [5. Р. 1].

Идея данной статьи появилась в результате реализации научного проекта, который вовсе не предполагал обращения к вопросам истории. Участники проекта исследовали социальные, политические и юридические аспекты адаптации Санкт-Петербурга к климатическим изменениям. Тем не менее оказалось, что не менее третьей части изученных нами более чем 400 монографий, статей и веб-ресурсов по вопросам климата содержат фрагменты, а иногда и обширные разделы, носящие исторический или квазиисторический характер. Это побудило нас обратиться к историческому аспекту темы, без учета которого современное состояние научного знания о климате было бы неполным.

Мы не касаемся вопроса о физико-географической истории климата, это отдельная тема, серьезно разрабатываемая специалистами [6], а сосредотачиваемся именно на социальной истории.

Исследование основано на анализе текстов, отобранных методом целенаправленного библиографического поиска по ключевым словам «история» (history, story) и «климат» (climate) в доступных нам фондах библиотек России, Швейцарии и Германии. Кроме этого, приняты во внимание тексты по истории климата, размещенные на веб-порталах государственных органов [7], международных организаций [8–10], и научных центров [11].

Для справки приведем выборку данных наукометрической базы OpenAlex, отражающих увеличение количества публикаций по социальному, экономическому, политическому и культурным аспектам истории климата за последние 25 лет (таблица). Следует сделать оговорку: указанные ключевые слова в некоторых случаях маркируют публикации, имеющие лишь отдаленное отношение к исторической науке, хотя и предполагают изучение прошлого.

Количество публикаций, отобранных по ключевой фразе ‘history of climate’, проиндексированных в наукометрической базе OpenAlex (метаданные «название и аннотация»)

Тема (Topics)	Годы выхода публикации					
	1981–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2025
Политика и экономика климатических изменений	38	34	78	133	100	111
Восприятие климатических изменений и коммуникация	5	8	40	71	117	141
Изменение климата, адаптация, митигация	4	5	17	72	118	174
Глобальная энергия и исследование устойчивого развитие	19	27	83	93	100	113
Влияние климата на социальные конфликты	8	10	28	42	46	64
Историческая экономика и социальные науки	15	8	12	19	37	29
Международное развитие и помощь	8	8	20	30	27	37

Источник: OpenAlex. URL: <https://openalex.org/works?page=1> (дата обращения: 19.06.2025).

Начало изучения климата с позиций истории

Самые ранние объяснения связи изменений климата с культурой, обществом и жизнью отдельных людей содержатся в работах Ж. Бодена, Ж.-Б. Дю Боса и его учеников, Ш. Монтескье и других мыслителей [12. Р. 41–43]. Дю Бос полагал, что климат Европы со времен Римской империи стал более умеренным из-за постепенной вырубки лесов и распространения земледелия, что привело к массовым перемещениям людей. Такие представления стали типичными для XVIII в., в некоторых случаях они побуждали людей к осуществлению практических действий. Так, переселенцы, прибывшие в Новый Свет, предпринимали сознательные, хотя и бесполезные усилия по улучшению климата Америки путем вырубки лесов и возделывания земель. Колонисты полагали, что, изменяя климат, они тем самым утверждают на американской земле процветающую цивилизацию [13. Р. 8–9]. Их несбыточные надежды, однако, способствовали регулярным наблюдениям над погодой на больших пространствах. Собранные массивы эмпирических данных пригодились для последующих научных исследований.

В отечественной науке вопросы об изменении климата в той или иной форме ставились и обсуждались уже с XVIII в., когда была учреждена Российская академия наук [14. С. 8–11]. В начале XX в. профессор М.А. Боголепов (1875–1933, Российская империя, РСФСР, СССР, профессор Московского государственного университета), изучив опубликованные к тому времени русские летописи, народные сказания, другие литературные памятники, а также отечественные и зарубежные исследования, написал цикл работ о колебаниях климата в Европе, включая Европейскую часть России [15, 16]. «Гуманитарный» метод М.А. Боголепова был доработан И.Е. Бучинским (1909–?, СССР, ст. научный сотрудник Совета по изучению производительных сил при Госплане УССР) [17, 18]. Помимо письменных исторических памятников автор использует некоторые количественные данные о колебаниях климата, полученные в результате наблюдений на протяжении в XIX–XX вв. Внимание ученого направлено главным образом на систематизацию различного рода сведений о погоде и климате южной части Восточно-Европейской равнины (ранее называемой Русской равниной), однако некоторые выводы носят более общий характер.

На рубеже 1960-х и 1970-х гг. знания о связи глобальных изменений климата с деятельностью человека и об антропогенном характере климатических угроз еще не носили комплексного характера. Вместе с тем, например, М.И. Будыко (1920–2001, СССР, директор Главной геофизической обсерватории имени А.И. Воейкова в 1954–1972 гг., академик РАН) уже тогда спрогнозировал повышение средней глобальной температуры приземного слоя атмосферы к началу XXI в. [19, 20].

Первым собственно историческим исследованием климата, как правило, считается монография известного представителя школы Анналов Э. Ле Руа Ладюри (1929–2023, Франция, профессор университета Монпелье, почетный профессор Коллеж де Франс), ее первое

издание вышло в 1967 г. Предваряя публикацию своего коллеги, профессор климатологии П. Педлаборд (1911–1992, Франция, профессор университета Сорбонна) отметил процесс появления новых обособленных отраслей исторического знания [21. С. 6]. Французские журналисты дали Э. Ле Руа Ладюри прозвище «браконьер Клио» за попытку написать «историю без людей» [22]. На самом же деле люди, а также социальные явления отчетливо видны за строками письменных свидетельств, являющихся предметом изучения историка. Книгу отличает широкая трактовка поставленных вопросов, обилие сведений не только в области климатологии, но также культурной и экономической жизни изучаемого времени [21]. Один из основных результатов работы заключается в том, что автором поставлен и даже в некоторой степени решен вопрос о необходимости учета изменчивости климатических условий для понимания исторических особенностей жизни людей. В своих более поздних исследованиях Э. Ле Руа Ладюри развил представления о том, что историческое объяснение должно вскрывать взаимосвязи различных *пластов времени*, а именно географических и климатических эпох, отрезков социального времени, этапов коллективного познания и периодов политических событий [23].

Книга Э. Ле Руа Ладюри не была единичным явлением. Почти одновременно с ней и позднее выходят другие работы историков об изменениях климата [24–29]. Дж. Флеминг объясняет появление стойкого интереса к этой теме тем, что в 1970–1980-е гг. складывается понимание того, что климатические изменения можно предсказать, а климатом (или, по крайней мере, воздействием человека на климат) можно управлять. Вместе с тем начинает утверждаться необходимость согласованных действий в области климата [13. Р. 8].

Исследования истории климата в СССР / Российской Федерации

В нашей стране разнообразные работы по климату издавались и издаются в основном в Ленинграде/Петербурге, являющемся мировым центром метеорологии и климатологии [30]. Во многом благодаря концентрации научных учреждений в городе на Неве история его климата изучена намного подробнее, чем в других городах и регионах страны. Публикации, выходившие в 1950–1970-х гг., не носят характер социально-исторических исследований. Они содержат лишь небольшие фрагменты данных о климатической динамике и пунктирно намечают тему взаимосвязи климата и общества. Например, в главе об изменениях и колебаниях климата своей монографии Т.В. Покровская (1900–?, СССР, ст. научный сотр., нач. сектора Главной геофизической обсерватории им. А.И. Воейкова) и А.Т. Бычкова (СССР) размышляют о факторах изменчивости климата. Авторы останавливаются на существенном влиянии потепления на хозяйственную жизнь страны. Они отмечают как положительные стороны потепления, к которым, по их мнению, относятся улучшение условий рыбного промысла, облегчение освоения Северного морского пути, так и отрицательные – обмеление и другие проблемы Каспия.

Для Ленинграда же основным результатом изменений климата, по мнению этих и других авторов, является повышение температуры [30. С. 94]. В 1960-х гг. это явление стали называть городским островом тепла [31].

Т.В. Покровская и А.Т. Бычкова отрицают наличие причинно-следственной связи между ростом города и повышением температуры в городе. Основные причины колебаний климата они видят в изменении количества энергии, излучаемой солнцем, наклоне земной оси и скорости вращения Земли. Особенно серьезное влияние на климат оказывают изменения в морях и океанах, которые хранят громадные запасы тепла и дирижируют погодой. Физико-географические, геофизические, метеорологические и гидрологические факторы считаются этими авторами гораздо более важными, чем воздействие человека на экосистему. Выбросы углекислого газа в результате хозяйственной деятельности человека и последствия взрывов атомных и водородных бомб, по их мнению, не воздействуют на климат. Для аргументации приводятся рассуждения о том, что гипотеза о влиянии взрывов бомб в атмосфере на погоду и климат не согласуется с тем фактом, что в годы наиболее мощных и частых взрывов и в годы, непосредственно за ними следующие, аномалии погоды не были такими значительными, как в более позднее время [30. С. 99, 109, 113]. Разумеется, что в то время не было возможности подтвердить высказанные положение валидными наблюдениями или статистическими данными. Данная работа типична для указанного периода, когда акцент в исследованиях делался, главным образом, на влиянии изменения климата на хозяйственную деятельность человека [28].

История международного сотрудничества в области борьбы с изменениями климата

В 1990-х гг. начинается новый этап в истории климата, для него характерны преимущественное внимание к антропогенным факторам его изменения [32–34], а также акцент на изучении истории международного сотрудничества в области климата и постановка проблемы управления климатическими процессами. Следует отметить, что темы, которые выдвинулись на первый план в это время, исследовались и ранее. Первая из получивших довольно широкую известность работ о международном сотрудничестве в области климата вышла в свет за восемь лет до монографии Э. Ле Руа Ладюри. Она посвящена ходу проведения Международного геофизического года 1958–1959 гг. (МГГ), инициированного Всемирной метеорологической организацией. Руководитель программы МГГ С. Чэпман (1888–1970, Великобритания, профессор Оксфордского и др. университетов) [35] в 1959 г. опубликовал богато иллюстрированную фотографией книгу, в которой в сугубо позитивном ключе изложил историю сотрудничества представителей 67 стран, соединивших свои усилия и ресурсы для исследования суши, атмосферы, гидросферы и космоса. По итогам МГГ было принято решение осуществлять мониторинг содержа-

ния углекислого газа в атмосфере [36. Р. 605], что сыграло иницирующую роль в формировании господствующих в наше время представлений о факторах изменения климата планеты.

Добавим, что впоследствии историки, получившие доступ к документальной базе, получили возможность глубже изучить МГГ. Например, монография Д. Белланже (США, Университет штата Огайо) раскрывает особенности проведения одновременных научных наблюдений за льдами и верхними слоями атмосферы южного полярного региона учеными из 12 стран, принадлежащих к разным социально-экономическим системам. Автор установил, что материально-техническую поддержку исследований в Антарктике обеспечивала возглавляемая адмиралом Д. Дуфеком группа военных кораблей США в ходе операции под кодовым названием «Глубокая заморозка» ('Deep Freeze') [37]. В своей рецензии на эту монографию Б. Фрэйзер (Fraser) (Австралия, почетный профессор Университета Ньюкасла) отмечает, что Белланже написал увлекательный исторический очерк, основанный на письменных и устных свидетельствах, о личностях ученых и военнослужащих, подробно показал их достижения в ходе проведения мероприятий МГГ в Антарктиде и роль в получении новых научных результатов в экстремальных климатических условиях в стиле, напоминающем сочетание документального и приключенческого кино [38].

В современных исследованиях выделяются три основные группы публикаций в зависимости от темы, на которой сосредотачивается внимание ученых. Первая из них – история климата во взаимосвязи с общественными и политическими процессами. Вторую группу образуют издания, которые следует отнести к разряду книг по теории и философии истории. Третья группа охватывает книги и статьи, посвященные крупным международным конференциям и международным договорам по проблематике климата, а также акторам климатической политики.

Современное понимание истории климата

К первой группе относится довольно много публикаций, излагающих историю климата отдельных частей света и мировых регионов. Примерами являются монографии серии «Климат и культура» издательства Бриль. Последние из них посвящены Африке [39, 40], ранее освещались вопросы истории климата Европы, Северной Америки и Азии. Серия направлена на изучение восприятия изменений климата и окружающей среды в местных и региональных культурах в прошлом и настоящем. Авторов интересуют методы приспособления людей к климатическим изменениям, а также влияние сложившихся в разных культурах представлений о климате на позиции сторон и ход международных переговоров о климате. Редакторы серии К. Майнерт (Meinert) (Германия, профессор Рурского университета, зам. директора Центра религиозных исследований) и К. Ледживи (Leggewie) (Германия, директор Центра перспективных гуманитарных исследований

Университета Эссена в 2007–2015 гг., профессор Университета Гессена) утверждают: для того, чтобы справиться с проблемой разрушения окружающей среды, наряду с проведением экологической и климатической политики необходимо учитывать историю климата, а также особенности восприятия окружающей среды разными народами [41].

Составитель сборника документов об истории климатических изменений Дж. Хауэ (Howe) (США, Колледж Рид) стремится показать читателю, что изменение климата, вызванное деятельностью человека, – это не просто рядовая практическая проблема. Чтобы ее решить, необходимо сменить стиль мышления, в частности, используя познавательные приемы исторической науки. Как отмечает один из рецензентов сборника, книга дает понять читателю, как следует интерпретировать документы, работая с ними так, как это сделал бы историк [42].

Автор включил в сборник выступления конгрессменов США, фрагменты научных исследований, правительственные отчеты, передовицы газет, международные дипломатические документы, популярные статьи и даже рисунки, визуализирующие отдельные климатические процессы. В написанных по единому плану введениях к каждому разделу раскрывается исторический контекст определенного периода времени. В книге есть главы о климатологии в годы холодной войны, встречах ученых-климатологов, раннем экологическом движении, проблеме политизации науки о климате, тенденции к усилению внимания правительства к проблеме изменения климата и тому, как изменение климата в последнее время стало предметом общественного обсуждения [42].

Подобранные документы, как полагает Дж. Хауэ, позволяют показать читателям, что изменение климата является функцией изменения поведения человека, а также феномена «глобальной концентрации власти». Исторические знания, по мнению автора сборника, необходимы для объяснения мотивов, послуживших основанием для перехода человечества к массовому применению ископаемого топлива, увеличения выбросов в атмосферу парниковых газов и доведения до критического состояния климатической системы Земли. С помощью истории, уверен Дж. Хауэ, можно разобраться в специфике экономической, социальной, политической и культурной власти, ведущей мир к антропогенному изменению климата, а также найти эффективные решения для противостояния разрушительным тенденциям, преодоления неравенства и несправедливости, проектирования и формирования будущего [42].

Работы по теории и философии истории

Среди работ теоретико-методологического характера обращает на себя внимание монография Дж. Флеминга (США, профессор Колби колледжа). Ее автор объясняет изменения, происходящие в понимании истории климата, накоплением сведений о нем, в частности, в результате метеорологических наблюдений. Как он полагает, огромные массивы знаний во многом способствовали трансформации дискурса о

климате. Подчеркивается, что глобальные изменения климата имеют не только естественно-научное, но и гуманитарное измерение, которое может быть более глубоко постигнуто благодаря изучению истории. Автор монографии считает, что наличие климатической проблемы свидетельствует о приближении кризиса в отношениях общества и культуры, угрожающего всей жизни на земле [13. Р. 4].

Дж. Флеминг сосредотачивается на изучении истории теорий и концепций изменения климата, считая их составной частью истории науки и техники. Автора мотивирует стремление понять, как люди осознали, что климат меняется, как сложилось научное понимание климатической системы, как связаны друг с другом, с одной стороны, разнообразные теории изменения климата и, с другой – массовые представления о климате. Необходимость разобраться в этих вопросах подпитывается наличием опасений о разрушении «устойчивых представлений об окружающей среде» (термин социолога Н. Стара), являющихся основой социальной и культурной сплоченности общества. Спровоцированные этим социальные потрясения, считает автор, приведут к ослаблению правительств. Понимая это, государства включаются в международное сотрудничество в области изменения климата [13. Р. 5–8].

Климат как феномен культуры рассматривается в монографии под редакцией Т. Бристоу (Bristow) (Австралия, Университет Новой Англии) и Т. Форда (Ford) (Австралия, Университет Ла Троба). Автор предисловия к монографии считает, что изменение климата само по себе является предметом естественных наук, тогда как опасности, связанные с этим изменением, находятся в сфере социогуманитарного знания. Опасности носят субъективный характер, их осмысление зависит от разделяемых исследователями-гуманитариями ценностей и расстановки приоритетов. В монографии проводится мысль о том, что изучение климата сталкивается с двумя проблемами: во-первых, специфичностью и сложностью естественно-научных знаний о климате, к тому же относящихся к разным дисциплинам; во-вторых, различиями в специфике знания в гуманитарных и естественных науках. В социально-гуманитарных вопросах вообще, в отличие от вопросов природы, ученым сложно, а чаще всего и не возможно сформировать консенсус. Сами гуманитарные науки существуют и развиваются благодаря наличию непреодолимых разногласий между исследователями, отражая различие в ценностях. К этому добавляется то, что успешность в реализации международных соглашений по климату зависит не от объективных обстоятельств, а от доброй воли политических лидеров. В качестве примера автор приводит присоединение некоторых стран к Киотскому протоколу и последующий выход из него. При этом собирание под одной обложкой глав, написанных разными авторами со собственными им различными дискурсивными конструкциями, является, как считают редакторы монографии, весьма продуктивным шагом [43].

Поскольку климат представляет собой не просто статистическую абстракцию погоды за определенный период времени, а гораздо более сложный объект, то

его трудно «удержать в фокусе» исторического осмысления, поскольку он постоянно меняется. Авторы монографии рассматривают его как гиперобъект (в терминологии Т. Мортон [44]). *Гиперобъектами называют сложные феномены, которые можно постигать либо умозрительно, либо путем сбора и обработки больших данных, либо с помощью методов моделирования* [45]. Включение климата в сферу внимания историков способствует, как пишут авторы, стиранию различий между естественной историей и социальной историей. Тем не менее онтологический дуализм (природа–общество), который, казалось бы, должен исчезнуть, переносится на структурный, неуловимый уровень. В результате историческое понимание изменения климата строится на весьма сомнительной модели знаний [43]. В ней размываются границы исторических эпох, утрачивается понимание хода истории.

Рост внимания исследователей, представляющих различные научные области, к изучению климатических изменений обусловлен такими общеизвестными факторами, как актуальность теоретического и практического решения климатической проблемы, накопление информации о глобальном потеплении, влияние экологических идей, социальный заказ и политическая конъюнктура. Однако, как видится авторам данной статьи, следовало бы добавить еще один фактор: нарушение того, что П.А. Амбарова (Российская Федерация, Уральский федеральный университет) называет темпоральными механизмами взаимодействия общества и природы [46]. Оно обусловлено, как мы можем предположить, расхождением между астрономическим (природным) и историческим (социальным) временем. Природное время течет с неизменной скоростью, в соответствии с ритмами естественных процессов, тогда как социальное время ускоряется в связи со стремительным развитием промышленных и социальных технологий, процессов накопления информации. Эта тема требует отдельного исследования, здесь же мы высказываем эту идею только в порядке предположения для объяснения направленности современного исследования истории климата.

Международные конференции, договоры и организационные структуры в освещении историков

Монография под редакцией И. Митцера (США, профессор Университета Джона Хопкинса) и Д. Леонарда (США, Центр энергетических и климатических исследований) раскрывает некоторые особенности взаимосвязи между дипломатическими переговорами и научными исследованиями в области глобальной окружающей среды в ходе подготовки текста Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН). На основе РКИК были созданы постоянные учреждения, обеспечивающие международное взаимодействие государств и экспертного сообщества: Совещание сторон и Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК). История переговоров интересует авторов монографии в связи с поиском отве-

тов на два вопроса: какие ключевые события, инициативы, решения повлияли на динамику переговоров, привели к формированию или распаду коалиций сторон, участвующих в международных переговорах; какие уроки следует извлечь из первого этапа переговоров по климату для того, чтобы в будущем заключать справедливые и практичные соглашения. Изложению исторического материала о ходе переговоров в монографии предшествует рассмотрение существа климатической проблемы и анализ ожидаемых последствий увеличения концентрации парниковых газов в атмосфере. Авторы полагают, что стремление участников климатических переговоров ускорить принятие итогового документа во многом определялось тревожными прогнозами о быстром изменении климата. Содержательная история конференции раскрывается во втором разделе книги. Он состоит из глав, написанных непосредственными участниками переговоров, представлявшими правительства, тогда как третий раздел отражает позиции нескольких наблюдателей из влиятельных неправительственных организаций, участвовавших в конференции. В книге раскрывается, как расхождение между участниками в понимании национальных и институциональных приоритетов обусловило остроту обсуждения проекта конвенции. При этом в отдельных случаях непримиримые, казалось бы, соперники достигали согласия и между ними складывались конструктивные и даже дружеские отношения. В то же время прежние друзья и союзники оказывались в яростно конкурирующих фракциях. Заключительный раздел содержит проект стратегии сложных многосторонних переговоров и рекомендации по ведению следующего этапа переговоров, разработанные на основе обобщения данных, изложенных в монографии [47].

Редакторы публикации подчеркивают, что под одной обложкой собраны тексты авторов, по-разному интерпретирующих одни и те же события, исходя из своего опыта и осведомленности. Редакторы книги чрезмерно драматизируют ход переговоров и сравнивают персонажи, участвовавшие в подготовке текста РКИК, с актерами в ролях героев или злодеев. При этом они подчеркивают, что различные позиции не мешали авторам глав сформировать сходное понимание факторов успешности переговоров по климату. Открытость и прозрачность переговоров позволила учесть мнение представителей академической среды (эпистемные сообщества, по терминологии П. Хааса [48]), юристов, экономистов, активистов неправительственных экологических организаций и деловых кругов. Авторы сходятся в том, что ученые и экономисты-практики привнесли в переговоры элемент технической строгости, представители неправительственных организаций – свежесть взглядов, заботу о справедливости и определенную долю прагматизма, чего во многих случаях не хватало дипломатам и другим делегатам, участвовавшим в переговорах от имени своих правительств. Результатом участия разнородных сил стала возможность обсуждения предложений, выдвинутых не только правительствами, но и гражданскими организациями [47].

Ход переговоров по климату изучает Б. Болин (1925–2007, Швеция, профессор Стокгольмского университета). Автор, будучи выходцем из академической среды, председательствовал в МГЭИК в 1988–1997 гг., обеспечивая координацию действий экспертов и представителей государств. Исследование на основе исторического материала раскрывает некоторые аспекты деятельности этой влиятельной международной научной организации, формирующей оценку новейших данных о физической основе изменения климата, последствий этого изменения для окружающей среды и экономики, а также предлагающей пути смягчения негативных эффектов климатической проблемы. Цель изложения истории переговоров заключается в том, чтобы показать важность независимых и открытых научных исследований глобальной проблемы климата, которая все чаще становится элементом борьбы за политическое господство. Доклады МГЭИК в этом отношении следует считать образцовыми. Изложение вопросов в них свободно от влияния политиков и других заинтересованных сторон. Присутствие представителей правительств на заключительных заседаниях МГЭИК и утверждение ими докладов комиссии, как это предусмотрено правилами процедуры, не наносят ущерба истинности выводов. Скрупулезное изучение фактов является фундаментальной предпосылкой для успешных переговоров по климату и принятия решений о совместных действиях, рекомендуемых сторонам РКИК. Процедура подготовки докладов МГЭИК может быть взята за образец для других форм международного сотрудничества, где требуется глубокий и непредвзятый анализ, утверждает автор. Он считает крайне важным, чтобы эта процедура сохранилась под нарастающим давлением заинтересованных в ее изменении сторон [49].

В конце XX в. в общественных науках городская среда обитания стала рассматриваться в качестве составной части глобальной среды [50. Р. 281]. Историки и представители других дисциплин обратили внимание на ряд фактов, включая инициативы, реализуемые на уровне городов, их поддержку влиятельными политическими силами, яркие проекты международного сотрудничества. Города вместе с другими неправительственными структурами сначала вышли, а точнее говоря, были выведены на международную арену в качестве самостоятельных акторов. Затем, в течение нескольких лет была найдена своего рода ниша для них в международных делах: тема борьбы с климатическими изменениями. Исследователи отмечают особую роль Киотского протокола к РКИК ООН (ратифицирован в 2005 г.), обязавшего развитые страны – Стороны Протокола сокращать выбросы парниковых газов [51. Р. 30–55] и вместе с тем давшего старт ряду инициатив, реализуемых на уровне городов. История принятия и ратификации Киотского протокола также получила освещение в литературе [52].

Авторы, изучающие влияние Протокола на города, подчеркивают важность поддержки городских инициатив влиятельными политическими силами и ресурсами филантропических организаций. Многократно обсуждается особая роль основанной в год вступления

протокола в силу по инициативе мэра Лондона К. Левингстона глобальной сети мэров ведущих городов мира, объединившихся в борьбе с климатическим кризисом. Не отрицая самостоятельности действий городских администраций, авторы публикаций показывают, что на формирование сети и выбор фокуса ее действий повлияла поддержка со стороны Климатической инициативы Клинтона. Подключение бывшего президента США и влиятельной структуры, работающей под его патронажем, позволило за несколько лет довести численность городов сети с 20 до 40, и сам проект стал называться C40Cities. В настоящее время в составе сети действуют 98 городов, реализующих разнотипные проекты, вектор которых направлен на объединение усилий по сокращению выбросов парниковых газов. Несмотря на то, что сетевые объединения городов создавались и ранее, именно C40Cities выступила в роли образца для подобных структур. Например, в ноябре 2010 г. представители муниципальных властей заявили о принятии добровольных обязательств в рамках Глобального соглашения городов о климате, известного также как Пакт Мехико. Другими примерами сетей, выдвигающих борьбу с неблагоприятными изменениями климата на первый план, являются Глобальное соглашение мэров по климату и энергетике, ассоциация «Местные органы власти за устойчивое развитие», Группа климатических лидеров Всемирного совета мэров, Всемирная ассоциация крупнейших мегаполисов, Европейская платформа адаптации к изменению климата [53. Р. 104]. Всего же насчитывается, по некоторым оценкам, около 200 международных объединений городов, включивших проблематику климата в свои повестки дня [54. Р. 67].

На протяжении нескольких лет после вступления в силу Киотского протокола тема городов в исследованиях все более наполняется климатической тематикой. Авторы публикаций формируют понимание того, что неблагоприятное воздействие на климат, климатические изменения в значительной степени связаны с крупными городами не только глобального Юга, но и глобального Севера, в особенности за счет выбросов парниковых газов промышленными предприятиями, транспортом и объектами инфраструктуры, расположенными в городах.

Обращение к историческим данным показывает, что города не впервые выдвигаются на первые роли в международных отношениях. Со времен античности на протяжении многих веков именно они были главными организующими единицами человеческого общества и ведущими международными акторами, полагает К. Калдер (Calder) (США, управляющий директор Университета Джона Хопкинса). Они уступили свои позиции государствам только по итогам Тридцатилетней войны и всего лишь на непродолжительный, по историческим меркам, период, продлившийся всего лишь 400 лет. В начале XXI в. произошло возвращение к прежнему, более типичному для мировой системы положению дел. Следовательно, пришло время пересмотреть роль городов как международных акторов. Их отличие от государств, по мнению К. Калдера, заключается в особой «объединяющей

силе», спланивающей людей гораздо более тесно, чем государства. Этим обусловлено их сравнительное преимущество по отношению к другим географическим объектам, которое усиливается за счет современных технологий коммуникации, производственных мощностей и наличия слоя людей, способных генерировать смыслы [55. Р. 190–191].

Высказываются даже довольно радикальные идеи о том, что во имя укрепления взаимных связей города склонны предавать национальные государства, законы и власть которых они обычно уважают. Во времена кризиса они могут в буквальном смысле слова предать своих суверенов [56. Р. 106]. Акция ассоциации «Климатические мэры» (США) может служить подтверждением данного тезиса. Ассоциация выступила противником инициативы, предложенной в июне 2017 г. президентом США Д. Трампом решения выйти из Парижского соглашения и отказаться от обязательства сократить выбросы парниковых газов к 2025 г. на 26–28% по сравнению с уровнем 2005 г. В ответ мэры 383 городов заявили о готовности выполнять принятые обязательства в масштабах своих городских поселений. 11 ноября 2017 г. бывший мэр Нью-Йорка и специальный посланник ООН по борьбе с изменением климата М. Блумберг начал кампанию «Города и изменение климата». В кампании за достижение целей Парижского соглашения под лозунгом «Все еще в силе» приняли участие 30 мэров, а также губернаторы штатов Калифорния и Нью-Йорк, 82 ректора университетов и руководители более 100 предприятий. Вскоре группа сторонников кампании насчитывала 2 300 участников [57. Р. 5–6]. В июле 2019 г. 300 европейских городов объявили чрезвычайную климатическую ситуацию на муниципальном уровне, что открыло путь для принятия дополнительных полномочий по сдерживанию последствий изменения климата. Парижское соглашение, принятое на 21-й сессии Конференции сторон РКИК ООН (КС-21) в 2015 г., образно говоря, впервые официально предоставило городам право голоса на межгосударственных переговорах по климату. Участники КС-22 поднимали вопрос о важности расширения финансирования городских мероприятий в области климата для выполнения обязательств Парижского соглашения. Они подчеркнули, что города должны играть ключевую роль в достижении целей, поставленных в Париже, и отметили роль Глобального соглашения мэров в решении вопросов, связанных с климатом. На КС-28 в 2023 г. принимается Рамочная программа ОАЭ по глобальной устойчивости к изменениям климата (UAE Framework for Global Climate Resilience), нацеленная на повышение эффективности адаптации к изменению климата. Она включает в себя положение о повышении устойчивости (resilience) инфраструктуры и населенных пунктов для обеспечения всех базовых потребностей и снижения негативных последствий изменения климата [58. Р. 41]. Города будут усиливать свой вклад в решение вопросов климата, и, по-видимому, интерес к изучению этой темы будет возрастать. Наверняка в научный оборот будут вовлекаться новые источники, к которым получают доступ исследователи. Следует ожидать выхода в свет новых публикаций, освещающих

историю международного сотрудничества городов в области климата.

* * * * *

Сделаем следующие заключения.

Активизация международного сотрудничества в области климата, накопление знаний о климате и политизация климатической темы способствовали изменению подхода к истории климата. Если раньше внимание уделялось преимущественно воздействию климата на хозяйственную и повседневную жизнь людей, экономику и культуру, то в настоящее время оно сфокусировано на том, как человек воздействует на климат. Интерес к роли антропогенного фактора в истории климата, конечно же, не вытеснил полностью исследования роли климатического фактора в истории человечества, но существенным образом сказался на направленности и содержании публикаций.

Объектом исследовательского интереса часто становятся субъекты климатических действий. В частности, особое внимание уделяется городам (их управленческим структурам, жителям, гражданским организациям), поскольку климатическая политика в большинстве стран мира реализуется на местном уровне.

Включение городов и других негосударственных акторов в борьбу с негативными изменениями климата в конце XX в., запуск и реализация местных программ и проектов по митигации и адаптации к климатическим изменениям в начале нынешнего столетия предоставили в распоряжение исследователей обширные данные. Это совпало с повышенным вниманием историков к локальной истории, увлечением методами устной истории, расширившимися возможностями визуализации и медиатизации материала. При этом в качестве своего рода компенсации невозможности проведения полноценного исторического исследования, предполагающего определенное временное дистанцирование от объекта изучения, наличие доступа к документам, в ряде случаев используется написание хроники, издание сборника воспоминаний участников тех или иных событий.

Исторические сюжеты, связанные с климатом, привлекают специалистов самых разных наук, и историков – даже в меньшей степени, чем, например, социологов или международных. История климата фактически нашла свое место не в области исторической науки, а в междисциплинарном поле, образованном на пересечении истории, экологии, социологии, философии, прикладного прогнозирования, политической науки, международных отношений и мировой политики. Отчетливо видна тенденция формирования относительно обособленной области знаний, представители которой пытаются синтезировать методы и подходы различных наук, включая и историю.

Современный вектор научных исследований направлен, скорее, на поиск путей противостояния неблагоприятным и разрушительным изменениям климата, нежели на выявление исторических закономерностей. Авторы стремятся связать историческую проблематику с конкретными задачами климатической

политики различных государств мира или деятельностью негосударственных акторов. Поскольку исследователями движет, скорее, не исследовательский, а прагматический интерес, то и результаты познания нельзя считать сугубо академическими.

Работы, которые посвящены теоретико-методологическим аспектам истории, свидетельствуют о серьезных концептуальных затруднениях, с которыми сталкиваются исследователи. Общее состояние знаний вполне соответствует постмодернистским моделям и подходам к познавательной деятельности, характеризующимся нечеткостью методологии познания, размытостью предмета. Социальный заказ и прагматические интересы формирования общественного мнения о климатических проблемах и угрозах нацеливают авторов ряда работ не столько на постижение хода и закономерностей истории климата, сколько на описание и объяснение того, как формируется и меняется дискурс о климате, как эволюционируют формы деятельности субъектов, вовлеченных в борьбу с неблагоприятными

изменениями климата в зависимости от имеющихся у них знаний и представлений. Вместе с тем, во многом благодаря этой тенденции, в публикациях нашло отражение участие различных социальных групп во внутригосударственном и международном сотрудничестве в области климата. В него, помимо политиков и дипломатов, также вовлечены представители академических кругов, руководители муниципалитетов, лидеры и активисты неправительственных организаций.

Видимо, создание подлинно научной истории климата еще впереди. При всей важности роли антропогенных факторов, при том, что климатическая политика оформилась во многих государствах мира в качестве составной части их внутренней и даже внешней политики, при наличии особой сферы международного регулирования климата – климат в первую очередь был и остается феноменом природы. Именно этот постулат, на наш взгляд, может и должен быть положен в основу изучения его истории.

Список источников

1. Making Climate History. URL: <https://www.hps.cam.ac.uk/research/projects/making-climate-history/project-summary> (дата обращения: 12.01.2025).
2. What is the Climate History Network? URL: <https://www.climatehistory.net/about> (дата обращения: 12.01.2025).
3. About the Centre. URL: <https://cccr.umk.pl/pages/about/> (дата обращения: 12.01.2025).
4. Climates and Cultures in History. URL: <https://www.whp-journals.co.uk/CCH> (дата обращения: 12.01.2025).
5. Mauelshagen F., Di Cosmo N., Rohland E. Editorial // *Climates and Cultures in History*. 2024. № 1. P. 1–2. doi: 10.3197/whpcch.63842135436337
6. White S., Pfister C., Mauelshagen F. (Eds.) *The Palgrave Handbook of Climate History*. London ; New York : Palgrave Macmillan, 2018. 656 p.
7. Hirst D. A short introduction to the history of climate change as an intergovernmental political issue, touching on key international treaties and agreements reached along the way. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/the-history-of-global-climate-change-negotiations/> (дата обращения: 03.08.2024).
8. Изменение климата. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/climate-change> (дата обращения: 03.08.2024).
9. Global Climate Action portal. URL: <https://climateaction.unfccc.int/About> (дата обращения: 03.01.2025).
10. Lima-Paris Action Agenda. URL: <https://unfccc.int/media/509508/lpa-a-primer.pdf> (дата обращения: 03.08.2024).
11. Движущая сила. Климат сыграл важнейшую роль в истории человечества // Российская Академия наук. URL: <https://new.ras.ru/mir-nauky/news/dvizhushchaya-sila-klimat-sygral-vazhneyshuyu-rol-v-istorii-chelovechestva/> (дата обращения: 08.01.2025).
12. Bhandari N.P. Getting the Climate Science Facts Right: The Role of the CCT. Gistrup : River Publishers, 2020. 400 p.
13. Fleming J.R. *Historical Perspectives on Climate Change*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1998. 194 p.
14. Борисенков Е.П., Пасекий В.М. *Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия*. Л. : Гидрометеиздат, 2002. 536 с.
15. Боголепов М.А. *Возмущения климата и жизнь земли и народов*. Берлин : Гос. изд-во РСФСР, 1923. 24 с.
16. Боголепов М.А. *Периодические возмущения климата*. М. : Новая деревня, 1928. 64 с.
17. Бучинский И.Е. *О климате прошлого Русской равнины*. 2-е изд. Л. : Гидрометеиздат, 1957. 142 с.
18. Бучинский И.Е. *Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху*. Л. : Гидрометеиздат, 1954. 88 с.
19. Будыко М.И. *Влияние человека на климат*. Л. : Гидрометеиздат, 1972. 46 с.
20. Будыко М.И. *Изменения климата*. Л. : Гидрометеиздат, 1974. 280 с.
21. Ле Руа Ладюри Э. *История климата с 1000 г. Л.* : Гидрометеиздат, 1971. 286 с.
22. Что такое школа «Анналов». URL: <https://arzas.academy/materials/979?ysclid=m0njhd8zf214482339> (дата обращения: 12.01.2025).
23. Emmanuel Le Roy Ladurie obituary // *The Guardian*. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.32dbf378-67841b5d-764af60e-74722d776562/https/www.theguardian.com/books/2023/nov/24/emmanuel-le-roy-ladurie-obituary (дата обращения: 12.01.2025).
24. Wigley T.M.L., Ingram M.J., Farmer G. (Eds). *Climate and history: studies in past climates and their impact on man*. Cambridge, etc. : Cambridge University Press, 1981. XII, 530 p.
25. Alexandre P. *Le climat en Europe au Moyen Age: contribution à l'histoire des variations climatiques de 1000 à 1425, d'après les sources narratives de l'Europe occidentale*. Paris : Ed. de l'Ecole des Hautes Etudes en Science Sociales, 1987. 828 p.
26. Frenzel B., Pfister C., Gläser B. (Eds). *European climate reconstructed from documentary data: methods and results*. Stuttgart etc. : G. Fischer, 1992. XI, 265 p.
27. Frenzel B., Pfister C., Gläser B. (Eds). *Climatic trends and anomalies in Europe, 1675–1715: high resolution spatio-temporal reconstructions from direct meteorological observations and proxy data: methods and results*. Stuttgart etc. : G. Fischer, 1994. XII, 479 p.
28. Pfister C., Wanner H. *Climate and society in Europe: the last thousand years*. Berne : Haupt Verlag, 2021. 397 p.
29. Монин А.С., Шишков Ю.А. *История климата*. Л. : Гидрометеиздат, 1979. 407 с.
30. Покровская Т.В., Бычкова А.Т. *Климат Ленинграда и его окрестностей*. Л. : Гидрометеиздат, 1967. 199 с.
31. Adamowski J., Prokoph A. Assessing the impacts of the urban heat island effect on streamflow patterns in Ottawa, Canada // *Journal of Hydrology*. 2013. Vol. 496. P. 225–237.
32. Крупин А.Я. *Человек меняет климат не в свою пользу*. СПб. : ОМ-Пресс, 2006. 63 с.
33. Лучицкая И.О., Белая Н.И., Арбузов С.А. *Климат Новосибирска и его изменения*. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. 223 с.
34. Полонский А.Б. *Изменения климата: мифы и реальность*. Севастополь : Ин-т природно-технических систем, 2020. 222 с.
35. Charman S. IGY: The Year of Discovery. *The Story of the International Geophysical Year*. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1959. 112 p.
36. Agrawala S. Context and early origins of the Intergovernmental Panel on Climate Change // *Climatic Change*. 1998. Vol. 39, № 4. P. 605–620.
37. Belanger D.O. *Deep Freeze: The United States, the International Geophysical Year, and the Origins of Antarctica's Age of Science*. Boulder : University Press of Colorado, 2006. 494 p.

38. Fraser B. Deep Freeze: The United States, the International Geophysical Year, and the Origins of Antarctica's Age of Science // *Physics Today*. 2007. Vol. 60 (7). Art. 61. doi: 10.1063/1.2761805
39. Ehlers E., Amirpur K. (Eds). *Middle East and North Africa*. Boston : Brill, 2021, 359 p.
40. Tischler J., Haltermann I. (Eds) *Environmental Change and African Societies*. Brussels : Brill, 2019, 347 p.
41. *Climate and Culture* // Brill. URL: <https://brill.com/display/serial/CLAC> (дата обращения: 12.01.2025).
42. Howe J.P. (Ed). *Making Climate Change History: Documents from Global Warming's Past*. Washington : University of Washington Press, 2017. 380 p.
43. Bristow T., Ford T.H. (Eds). *A Cultural History of Climate Change*. Abingdon ; New York : Routledge, 2016. 452 p.
44. Morton T. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. University of Minnesota Press, 2013. 240 p.
45. Hudson L. At the End of the World, It's Hyperobjects All the Way Down // *WIRED*. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ebb97b36-6787da32-b76eea94-74722d776562/https/www.wired.com/story/timothy-morton-hyperobjects-all-the-way-down/ (дата обращения: 03.01.2025).
46. Амбарова П.А. Динамика социального времени: эволюция социологических представлений // *Социологический журнал*. 2014. № 2. С. 6–24.
47. Mintzer I.M., Leonard J.A. (Eds). *Negotiating Climate Change: The Inside Story of the Rio Convention*. Stockholm : Cambridge University Press; Stockholm Environment Institute, 1994. 392 p.
48. Haas P.M. Do Regimes Matter? Epistemic Communities and Mediterranean Pollution Control // *International Organization*. 1989. Vol. 43, № 3. P. 377–403.
49. Bolin B. *A History of the Science and Politics of Climate Change. The Role of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge etc. : Cambridge University Press, 2007. xiii, 277 p.
50. Knox P.L., Taylor P.J. (Eds.) *World cities in a world-system*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 335 p.
51. Gordon D.J. *Cities on the World Stage. The Politics of Global Urban Climate Governance*. Cambridge etc. : Cambridge University Press, 2020. 285 p. doi: 10.1017/9781108125888
52. Dessai S., Lacasta N.S., Vincent K. International Political History of the Kyoto Protocol: from The Hague to Marrakech and Beyond // *International Review for Environmental Strategies*. 2003. Vol. 4, № 2. P. 183–205.
53. *Climate Change and Cities. Second Assessment Report of the Urban Climate Change Research Network*. Cambridge etc. : Cambridge University Press, 2018. 811 p.
54. Karvounis A.M. *City Diplomacy. An Introduction*. London ; New York : Routledge, 2025. 121 p. doi: 10.4324/9781003470908
55. Calder K.E. *Global Political Cities. Actors and Arenas of Influence in International Affairs*. Washington : Brookings Institution Press, 2021. 286 p.
56. Barber B.R. *If Mayors Ruled the World: Dysfunctional Nations, Rising Cities*. New Haven : Yale University Press, 2013. 256 p.
57. Fitzgerald J. *Greenovation: Urban Leadership on Climate Change*. New York : Oxford University Press, 2020. 246 p.
58. Coen D., Kreienkamp J., Pegram T. *Global Climate Governance*. Cambridge etc. : Cambridge University Press, 2020. 102 p. doi: 10.1017/9781108973250

References

1. University of Cambridge. (n.d.) *Making Climate History*. [Online] Available from: <https://www.hps.cam.ac.uk/research/projects/making-climate-history/project-summary> (Accessed: 12.01.2025).
2. *The Climate History Network*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.climatehistory.net/about> (Accessed: 12.01.2025).
3. NCU Centre for Climate Change Research (CCCR). (n.d.) *About the Centre*. [Online] Available from: <https://cccr.umk.pl/pages/about/> (Accessed: 12.01.2025).
4. *Climates and Cultures in History*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.whp-journals.co.uk/CCH> (Accessed: 12.01.2025).
5. Mauelshagen, F., Di Cosmo, N. & Rohland, E. (2024) Editorial. *Climates and Cultures in History*. 1. pp. 1–2. doi: 10.3197/whpcch.63842135436337
6. White, S., Pfister, C. & Mauelshagen, F. (eds) (2018) *The Palgrave Handbook of Climate History*. London; New York: Palgrave Macmillan.
7. Hirst, D. (2020) The history of global climate change negotiations. *House of Commons Library*. [Online] Available from: <https://commonslibrary.parliament.uk/the-history-of-global-climate-change-negotiations/> (Accessed: 03.08.2024).
8. UN. (n.d.) *Izmeneniye klimata* [Climate Change]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/global-issues/climate-change> (Accessed: 03.08.2024).
9. *Global Climate Action*. (n.d.) [Online] Available from: <https://climateaction.unfccc.int/About> (Accessed: 03.01.2025).
10. *Lima-Paris Action Agenda*. (n.d.) [Online] Available from: <https://unfccc.int/media/509508/lpaa-primer.pdf> (Accessed: 03.08.2024).
11. Bulgakova, O. (2022) Dvizhushchaya sila. Klimat sygral vazhneyshuyu rol' v istorii chelovechestva [Driving force. Climate has played a crucial role in human history]. *Rossiyskaya Akademiya nauk* [Russian Academy of Sciences]. [Online] Available from: <https://new.ras.ru/mir-nauky/news/dvizhushchaya-sila-klimat-sygral-vazhneyshuyu-rol-v-istorii-chelovechestva/> (Accessed: 08.01.2025).
12. Bhandari, M.P. (2020) *Getting the Climate Science Facts Right: The Role of the CCT*. Gistrup: River Publishers.
13. Fleming, J.R. (1998) *Historical Perspectives on Climate Change*. New York; Oxford: Oxford University Press.
14. Borisenkov, E.P. & Pasetkiy, V.M. (2002) *Letopis' neobychnykh yavleniy prirody za 2,5 tysyacheletiya* [Chronicle of Extraordinary Natural Phenomena over 2.5 Millennia]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
15. Bogolepov, M.A. (1923) *Vozmushcheniya klimata i zhizn' zemli i narodov* [Climate Disturbances and the Life of the Earth and Peoples]. Berlin: Gos. izd-vo RSFSR.
16. Bogolepov, M.A. (1928) *Periodicheskiye vozmushcheniya klimata* [Periodic Climate Disturbances]. Moscow: Novaya derevnya.
17. Buchinskiy, I.E. (1957) *O klimате proshlogo Russkoy ravniny* [On the Climate of the Past of the Russian Plain]. 2nd ed. Leningrad: Gidrometeoizdat.
18. Buchinskiy, I.E. (1954) *Ocherki klimata Russkoy ravniny v istoricheskuyu epokhu* [Essays on the Climate of the Russian Plain in the Historical Era]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
19. Budyko, M.I. (1972) *Vliyaniye cheloveka na klimat* [The Influence of Man on Climate]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
20. Budyko, M.I. (1974) *Izmeneniya klimata* [Climate Changes]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
21. Le Roy Ladurie, E. (1971) *Istoriya klimata s 1000 g.* [History of Climate since 1000 AD]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
22. Yatsyk, S. (n.d.) Chto takoye shkola "Annalov" [What is the Annales school]. *Arzamas*. [Online] Available from: <https://arzamas.academy/materials/979?ysclid=m0njhhd8zf214482339> (Accessed: 12.01.2025).
23. Corbett, A. (2023) Emmanuel Le Roy Ladurie Obituary. *The Guardian*. 24 November. [Online] Available from: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.32dbf378-67841b5d-764af60e-74722d776562/https/www.theguardian.com/books/2023/nov/24/emmanuel-le-roy-ladurie-obituary (Accessed: 12.01.2025).
24. Wigley, T.M.L., Ingram, M.J. & Farmer, G. (eds) (1981) *Climate and History: Studies in past climates and their impact on man*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.
25. Alexandre, P. (1987) *Le climat en Europe au Moyen Age: contribution à l'histoire des variations climatiques de 1000 à 1425, d'après les sources narratives de l'Europe occidentale*. Paris: Ed. de l'Ecole des Hautes Etudes en Science Sociales.
26. Frenzel, B., Pfister, C. & Gläser, B. (eds) (1992) *European Climate Reconstructed from Documentary Data: Methods and results*. Stuttgart etc.: G. Fischer.

27. Frenzel, B., Pfister, C. & Gläser, B. (eds) (1994) *Climatic Trends and Anomalies in Europe, 1675–1715: High resolution spatio-temporal reconstructions from direct meteorological observations and proxy data: methods and results*. Stuttgart etc.: G. Fischer.
28. Pfister, C. & Wanner, H. (2021) *Climate and Society in Europe: The last thousand years*. Berne: Haupt Verlag.
29. Monin, A.S. & Shishkov, Yu.A. (1979) *Istoriya klimata* [History of Climate]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
30. Pokrovskaya, T.V. & Bychkova, A.T. (1967) *Klimat Leningrada i yego okrestnostey* [Climate of Leningrad and Its Surroundings]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
31. Adamowski, J. & Prokoph, A. (2013) Assessing the impacts of the urban heat island effect on streamflow patterns in Ottawa, Canada. *Journal of Hydrology*. 496. pp. 225–237.
32. Krupin, A.Ya. (2006) *Chelovek menyayet klimat ne v svoyu pol'zu* [Man Changes the Climate Not for His Benefit]. Saint Petersburg: OM-Press.
33. Luchitskaya, I.O., Belaya, N.I. & Arbuzov, S.A. (2014) *Klimat Novosibirska i yego izmeneniya* [Climate of Novosibirsk and Its Changes]. Novosibirsk: SB RAS.
34. Polonskiy, A.B. (2020) *Izmeneniya klimata: mify real'nost'* [Climate Change: Myth and Reality]. Sevastopol: Inst. prirodno-tekhnicheskikh sistem.
35. Chapman, S. (1959) *IGY: Year of Discovery. The Story of the International Geophysical Year*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
36. Agrawala, S. (1998) Context and early origins of the Intergovernmental Panel on Climate Change. *Climatic Change*. 4 (39). pp. 605–620.
37. Belanger, D.O. (2006) *Deep Freeze: The United States, the International Geophysical Year, and the Origins of Antarctica's Age of Science*. Boulder: University Press of Colorado.
38. Fraser, B. (2007) Deep freeze: the United States, the International Geophysical Year, and the origins of Antarctica's age of science. *Physics Today*. 60 (7). Art. 61. doi: 10.1063/1.2761805
39. Ehlers, E. & Amirpur, K. (eds) (2021) *Middle East and North Africa*. Boston: Brill.
40. Tischler, J. & Haltermann, I. (eds) (2019) *Environmental Change and African Societies*. Brussels: Brill.
41. Meinert, C. & Leggewie, C. (eds) (2025) *Climate and Culture*. Leiden: Brill. [Online] Available from: <https://brill.com/display/serial/CLAC> (Accessed: 12.01.2025).
42. Howe, J.P. (ed.) (2017) *Making Climate Change History: Documents from Global Warming's Past*. Washington: University of Washington Press.
43. Bristow, T. & Ford, T.H. (eds) (2016) *A Cultural History of Climate Change*. Abingdon; New York: Routledge.
44. Morton, T. (2013) *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
45. Hudson, L. (2025) At the end of the world, it's hyperobjects all the way down. *WIRED*. [Online] Available from: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ebb97b36-6787da32-b76eea94-74722d776562/https/www.wired.com/story/timothy-morton-hyperobjects-all-the-way-down/ (Accessed: 03.01.2025).
46. Ambarova, P.A. (2014) Dinamika sotsial'nogo vremeni: evolyutsiya sotsiologicheskikh predstavleniy [Dynamics of social time: evolution of sociological concepts]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2. pp. 6–24.
47. Mintzer, I.M. & Leonard, J.A. (eds) (1994) *Negotiating Climate Change: The Inside Story of the Rio Convention*. Stockholm: Cambridge University Press; Stockholm Environment Institute.
48. Haas, P.M. (1989) Do regimes matter? Epistemic communities and Mediterranean pollution control. *International Organization*. 3 (43). pp. 377–403.
49. Bolin, B. (2007) *A History of the Science and Politics of Climate Change. The Role of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
50. Knox, P.L. & Taylor, P.J. (eds) (1995) *World Cities in a World-System*. Cambridge: Cambridge University Press.
51. Gordon, D.J. (2020) *Cities on the World Stage. The Politics of Global Urban Climate Governance*. Cambridge etc.: Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781108125888
52. Dessai, S., Lacasta, N.S. & Vincent, K. (2003) International political history of the Kyoto protocol: from the Hague to Marrakech and beyond. *International Review for Environmental Strategies*. 2 (4). pp. 183–205.
53. Rosenzweig, C. et al. (eds) (2018) *Climate Change and Cities. Second Assessment Report of the Urban Climate Change Research Network*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
54. Karvounis, A.M. (2025) *City Diplomacy. An Introduction*. London; New York: Routledge. doi: 10.4324/9781003470908
55. Calder, K.E. (2021) *Global Political Cities. Actors and Arenas of Influence in International Affairs*. Washington: Brookings Institution Press.
56. Barber, B.R. (2013) *If Mayors Ruled the World: Dysfunctional Nations, Rising Cities*. New Haven: Yale University Press.
57. Fitzgerald, J. (2020) *Greenovation: Urban Leadership on Climate Change*. New York: Oxford University Press.
58. Coen, D., Kreienkamp, J. & Pegram, T. (2020) *Global Climate Governance*. Cambridge etc.: Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781108973250

Информация об авторах:

Кутейников А.Е. – канд. полит. наук, доцент кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.kuteynikov@spbu.ru

Ивлев С.В. – магистрант факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ivlev.iphi@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.E. Kuteynikov, Cand. Sci. (Political Science), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.kuteynikov@spbu.ru

S.V. Ivlev, master's student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivlev.iphi@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025;
одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 30.08.2025.

The article was submitted 29.01.2025;
approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.

Original article
UDC 327+378.4
doi: 10.17223/15617793/518/8

Educational cooperation between Myanmar and Russia: Strategic interests and contemporary collaboration

Kyaw Ye Aung¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kyawye63459@gmail.com

Abstract. The article scrutinizes the evolving educational cooperation between Myanmar and Russia, illustrating its significance in strengthening bilateral relations. The author aims to study how this educational collaboration has developed from basic diplomatic ties into a strategic partnership, particularly within the context of contemporary geopolitical dynamics. The research is based on an extensive review of both historical and modern educational exchanges between the two countries, employing a mixed-methods approach that integrates qualitative and quantitative analyses of official agreements and data from various institutions.

Keywords: Myanmar, Russia, security, Strategic Partnership, international scientific and technic cooperation, educational cooperation, FEFU, TSU

Financial support: The work was prepared at Tomsk State University within the framework of Project No. 2.0.3.25 IG "Study of the Possibilities and Risks of International Scientific and Technical Cooperation of Russia to Strengthen National Security in the Context of Hybrid Threats" under the Strategic Academic Leadership Program "Priority-2030".

For citation: Kyaw Ye Aung. (2025) Educational cooperation between Myanmar and Russia: Strategic interests and contemporary collaboration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 70–74. doi: 10.17223/15617793/518/8

Introduction

Myanmar and Russia have been establishing strong relations for over 75 years even though they are separated by vast distances. Relations between the two countries have gradually improved in areas such as military, political, economic, educational, and cultural. Since the late 1990s, Myanmar and Russia have significantly intensified their educational cooperation, positioning it as a key component within a broader strategic framework aimed at enhancing bilateral relations. This collaboration, predominantly concentrated in the domains of science and technology, encompasses university partnerships, student exchange programs, joint research initiatives, and military educational collaborations. Despite ongoing efforts to improve bilateral educational relations, there remains a limited understanding of how these educational collaborations affect their strategic partnership. This study addresses this limitation by scrutinizing the impact of educational exchanges and collaborations on the strength of bilateral strategic partnerships. The main objective of this research is to explore the role of educational cooperation in reinforcing the strategic partnership between Myanmar and Russia. Specifically, it seeks to elucidate how educational collaboration contributes to the broader bilateral relations, encompassing military-to-military interactions as well as other dimensions of cooperation. This research is significant due to the enhancing relevance of educational diplomacy in the

sphere of international relations. As Myanmar pursues to raise its educational ties with Russia, scrutinizing this collaboration can provide insight into the role of education in promoting broader military, political, economic, and diplomatic relations. This study enhances the current body of literature by examining the distinctive facets of educational cooperation between Myanmar and Russia, mainly in light of recent geopolitical shifts. It highlights the strategic significance of educational exchanges and their results for the foreign policy strategies employed by both countries.

Higher education has become a significant device of foreign policy in the Russian Federation. According to Tyushka and Czechowska (2019), in International Relations (IR), strategic partner countries often depend on educational exchanges to shape trust and mutual understanding [1. P. 32]. Russia's foreign policy, particularly the "Turn to the East" policy, stresses the strengthening of relations with ASEAN countries, including Myanmar, through educational cooperation. Russian universities such as the Far Eastern Federal University (FEFU), the Moscow Power Engineering Institute (MPEI), and the Moscow Engineering Physics Institute (MEPhI), play a key role in attracting international students and promoting scientific cooperation. Thaung Tun (2012) notes that Russia views Myanmar as a strategic partner due to its geopolitical position between China and India [2. P. 150]. Gjerde (2017) argues that Myanmar is seeking to promote its national interests through non-

* Работа подготовлена в НИ ТГУ в рамках НИР 2.0.3.25 ИГ «Исследование возможностей и рисков международного научно-технического сотрудничества России для укрепления национальной безопасности в условиях гибридных угроз» по Программе стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

regional partners and abstain Western sanctions [3]. Educational cooperation supports Myanmar's goals for technological development and institutional development.

To address these research questions, a mixed-methods approach was employed, incorporating both qualitative and quantitative techniques to analyze the official agreements and memoranda of understanding (MoU) between Myanmar and Russia. Most of the data for this research was collected from the Achieves as the primary source. While preparing the research, the author used the agreements signed between Nay Pyi Taw and Moscow, materials from the official websites of the two countries' organizations and universities, information published by the Ministry of Foreign Affairs of the two countries, data from the Ministry of Science and Technology of the two countries, newspapers from the two countries' official outlets, and materials from news agencies. This article is framed within realism, a dominant theory in international relations that emphasizes the national interests, power struggle, and national security of the state. States engage in pragmatic and constructive actions that are guided by rational decision-making processes, with the primary objective of advancing their national interests and ensuring national security [4. P. 74]. Some of the activities are: *diplomacy* – it is significant in encouraging partnership between countries, facilitating negotiations, and resolving conflicts without hostility; *economic measures* – supporting economic priorities through trade pacts investments empowers countries to increase their authority and impact on the world stage; *collaborations and partnerships* – forming alliances with other countries and participating in international organizations serve to strengthen a country's security and facilitate the pursuit of its national interests and so on. In the case of Myanmar and Russia, educational ties are not just an educational and cultural exchange, but a strategic tool to achieve broader geopolitical goals. This framework effectively evaluates the role of education in international relations. It shows how states practice educational initiatives to develop their power and autonomy. Education aids as a device for domestic development and a strategic instrument for increasing global influence. This perspective highlights the balance between external pressures and self-interest and proposes that educational cooperation often stems from practical rather than idealistic motives.

The main stages of the development of educational cooperation

According to records, Myanmar took its first diplomatic steps through a Russian passenger who arrived in Burma from St. Petersburg to initiate diplomatic relations with the Russian Empire in 1873. In 1875, a diplomatic letter was signed by the Myanmar Imperial Foreign Minister, Kingwan Mun Gyi, and sent to Chancellor Alexander Gorchakov during the period of the Russian Empire, which was ruled by Emperor Alexander II, and the Kingdom of Burma under the Konbaung Dynasty [5]. Myanmar is a country of geopolitical significance in Southeast Asia and, despite its geographical remoteness, is of considerable interest to Russia. The

history of relations between Nay Pyi Taw and Moscow can be divided into two distinct parts: Burma-Soviet relations and Myanmar-Russia relations. During the period of Burma-Soviet relations, the leaders of the two countries made reciprocal visits. Bilateral educational cooperation has been beginning with the responsibilities of the two states' Ministries of Education. In 1972, 12 Myanmar students were sent to universities in Moscow and 6 Russian students also came to Yangon university to study multicultural courses and technical subjects [6]. During the Cold War, relations between Burma and the Soviet Union were normal, so the two countries were weak in science and technology, energy, economics, and other sectors. After the collapse of the Soviet Union, relations between Myanmar and Russia have rapidly improved in various fields. Since the establishment of a democratic government in Myanmar and continuing into the present administration, the two countries have consistently upheld comparable foreign policies that emphasize the principle of international cooperation and collaborative efforts in addressing regional challenges. During this time, high-ranking leaders and officials from both countries exchanged visits, held discussions, and signed memoranda of understanding to enhance their bilateral relations.

Myanmar and the Russian Federation have developed a strategic partnership through sustained high-level diplomatic engagements, bilateral agreements, and collaborative programs. Since 2000, the bilateral relations have been steadily growing, with many educational cooperation activities. Myanmar students receive scholarships to study in Russia, especially in science and technology. Russian language and culture are taught in Yangon and Mandalay Foreign Language Universities. These universities have helped to build cultural ties between the two countries. Cooperation programs between the two universities aim to open branches in Myanmar. Russian military academies train Myanmar military officers and cadets. The Far Eastern Federal University (FEFU) plays a significant role in their educational cooperation. Both countries provide joint research that addresses national interests and regional issues. The common goal is to improve the quality of education and encourage innovation. Education is seen as the foundation of their strategic partnership. Both countries are committed to improving their education systems. In Myanmar, Russian language courses are offered at the Defence Services Academy (DSA – Pyin Oo Lwin) and major universities. Educational cooperation is a top priority for both countries. The science, technology, and energy sectors are particularly central for Myanmar's development. Several MoUs have also been signed between the two countries to ratify their cooperation. Private organizations from both countries are also encouraged to join the educational effort. All of these current energies demonstrate a deep commitment to working together in education.

In 2015, Myanmar and Russia signed a Memorandum of Understanding on Geophysics and Peaceful Uses of Nuclear Energy [7]. This is a significant step forward in scientific cooperation. It helps in the safe development of geophysics and nuclear technologies. In 2016, they signed

a military cooperation agreement between the two militaries [8]. This strengthens the relationship between the two militaries and helps them work better together. They agreed to open a branch of FEFU in Myanmar in 2022 [9]. This strengthens scientific and educational ties. Students from Myanmar will have access to more high-quality education. In 2023, they opened the Myanmar-Russia Joint Information Center on Nuclear Technology. This center will share knowledge on nuclear technology and promote peaceful uses. During Prime Minister Senior General Min Aung Hlaing's visit to Russia in 2025, 10 new MoUs were signed. They include education, health, and nuclear energy. They profound the strategic relationship between the two countries. These agreements demonstrate a common goal to jointly address common international and regional issues. Myanmar and Russia are systematically working to expand cooperation in many areas. Bilateral educational cooperation is a key component of their strategic partnership. The same is true for science, technology, and military training. Their joint efforts reflect growing trust and mutual support. Both countries are building a long-term strategic partnership based on common goals. Through these agreements and initiatives, the relationship is moving from normal relations to strategic partnership in meaningful ways.

Educational cooperation between Myanmar and Russia has made progress in recent years. The two countries have also signed a number of intergovernmental agreements to strengthen educational ties. In 2022, a major memorandum of understanding was signed between Naypyitaw and Moscow to promote scientific and technological cooperation [10]. The number of Myanmar students studying in Russia has increased significantly. In addition, engineering and technical cooperation programs are a priority. Senior diplomats and officials from both countries meet regularly to discuss educational activities. Recent bilateral conferences have focused on expanding educational opportunities in various fields. The signing of agreements on joint research projects is a key element. Funding for educational exchanges has been increased. Russia is working to create more scholarships for students from Myanmar. The Russian government has expressed interest in supporting educational reforms in Myanmar. Educational forums have been organized to share best practices. Recent developments show a shift towards more strategic cooperation in education. New agreements accentuate the role of technology in education. Both countries are discovering opportunities for online education initiatives. Current negotiations have publicized a commitment to long-term cooperation in the field of education. Overall, recent developments demonstrate a positive approach to strengthening educational ties.

Interests of Myanmar and Russia in educational cooperation

Myanmar is focused on advancing national interests through educational cooperation with Russia. The countries aspire to endorse modern technological advancement in various sectors. The development of a highly skilled workforce is a paramount priority for the

economic advancement of Myanmar. Educational interactions are seen as a way to progress the workforce. Myanmar aims to profit from Russia's scientific and technological expertise. The government intends to send students abroad for higher education. Strengthening educational ties with Russia is part of Myanmar's broader development strategy. The focus on vocational training is in line with its national economic goals. Myanmar identifies the essential of international cooperation in education. Cooperation with Russia is anticipated to facilitate knowledge transfer. The government is also interested in research cooperation with Russian universities. Improving educational infrastructure is a crucial area. Myanmar's interests include increasing cultural exchanges through education. It views educational cooperation as a way to strengthen diplomatic relations. Building a knowledgeable workforce is crucial to the country's progress. It views cooperation with Russia as mutually beneficial. Myanmar aims to promote cooperation in education for sustainable development.

Russia seeks to inflate its influence in Southeast Asia, including Myanmar, through educational cooperation. Strengthening bilateral relations with Myanmar is a strategic goal for Russia. It sights educational cooperation as a way to boost its soft power. Russia is interested in long-term cooperation with Myanmar's educational organizations.

**Number of Myanmar officer students
in Russian universities (2001–2024) [11]**

Year	D.Sc.	Ph.D.	M.Sc.	Total
2024	21	105	286	412
2023	3	15	65	83
2022	3	26	109	138
2021	3	15	127	145
2020	2	21	147	170
2019	1	4	109	114
2018	7	26	65	98
2017	4	30	137	171
2016	2	71	170	243
2015	-	84	109	193
2014	2	44	146	192
2013	-	31	169	200
2012	3	49	367	419
2011	1	52	278	331
2010	4	59	376	439
2009	-	39	563	602
2008	1	47	920	968
2007	-	42	945	987
2006	-	38	522	560
2005	-	20	469	489
2004	-	33	400	433
2003	-	-	428	428
2002	-	-	237	237
2001	-	-	273	273
Total	57	851	7,417	8,325

Russia's enlargement of educational cooperation is part of its "Turn to the East" foreign policy. The cooperation is anticipated to aid Russia's geopolitical interests in the region. Russia is trying to endorse its culture and language through educational ties. Increasing the number of Myanmar students in Russian universities is a precedent. In addition, both countries see their cooperation as a way to counter Western influence in the region. Russia's

involvement in Myanmar's educational sector is in line with its national interests. Strengthening military-educational relations is also a strategic goal for Russia. Russia pursues to support Myanmar's development while strengthening its own position. Joint research projects aim to showcase Russia's capabilities. Educational cooperation is seen as a platform for broader economic relations. Russia has decided to provide scholarships and study opportunities. The focus on education is consistent with Russia's vision of developing a global partnership. Strengthening bilateral relations through education is seen as a long-term investment. Overall, Russia's interests reflect its commitment to building a strategic partnership with Myanmar.

The Ministry of Defence of Myanmar has been sending military officers to study at various Russian universities since 2001. The Ph.D. program started in 2004, and the D.Sc. program began in 2008. As of 2024, there are a total of 412 Myanmar officer students enrolled, including 21 in the D.Sc. program and 105 in the Ph.D. program. The total number of students has grown from 273 in 2001 to a peak of 439 in 2010. While the D.Sc. program has seen only 57 students over the years, the M.Sc. program has the highest enrollment, with 7,417 students. Overall, from 2001 to 2024, a total of 8,325 Myanmar officer students have studied in Russia. However, only 6,732 of those students returned with a successful degree. During this period, 771 students returned without a degree, including 5 D.Sc., 137 Ph.D. and 629 M.Sc. Reasons for returning without a degree included climate, health problems, language barriers, and challenges in accessing academic subjects. All students were educated with the budget of the Myanmar Ministry of Defence. In recent years, ROSATOM Atomic Energy Cooperation has provided a number of scholarships to civilian ministries. This year, it is reported that it has also provided scholarships to the Ministry of Defence.

Number of students from the Myanmar Ministry of Civil Affairs studying in Rosatom partnership universities in Russia on scholarships (2023–2024) [12]

Year	MPEI	MEPhI	MISIS	BMSTU	TPU	SPbPU	NNSTU	MAU	Total
2024	1	2	1	3	4	12	10	1	34
2023	14	4	-	-	3	2	-	-	23
Total	15	6	1	3	7	14	10	1	57

On August 22, 2023, a seminar was held in Yangon for former Myanmar students from Russian universities, provided by Rosatom State Corporation and the Ministry of Science and Technology of Myanmar. The aim of this seminar was to increase bilateral relations and endorse regional development. In line with this initiative, Rosatom provided several scholarships to students from technical universities under the Ministry of Science and Technology. For the academic year 2023–2024, a total of 34 students are enrolled in Rosatom partnership universities in Russia on scholarships. This includes students from various institutions, such as MPEI, MEPhI, and SPbPU. In 2023, 23 students received scholarships, while an additional

34 students are expected to enroll in 2024. Overall, there are 57 students from the Myanmar Ministry of Civil Affairs studying at these universities on scholarships. This effort reflects the commitment to strengthen educational ties and foster collaboration between Myanmar and Russia.

University collaborations and joint projects

The Far Eastern Federal University (FEFU) plays an important role in developing educational cooperation between the two countries. FEFU dynamically contributes in joint activities with delegations from Myanmar and in signing agreements with local educational institutions, such as Yangon University. These partnerships are intended at endorsing educational plans and research that will profit both countries. The establishment of the Center for Russian Language and Culture at Yangon University of Foreign Studies is a significant milestone in encouraging cultural exchange and language ability. In 2024, Tomsk State University (TSU) signed a Memorandum of Understanding with Yangon University, further expanding cooperation in education and research [13]. This partnership is anticipated to simplify student exchanges and joint research projects, and expand the educational landscape in Myanmar. The collaboration between these universities reflects a systematic method to structure long-term educational relations. Such collaborations not only supplement the educational experience of students but also contribute to the development of Myanmar's science and technology. By enhancing university cooperation, both countries participate in future leaders who can overcome complex global and regional challenges. The emphasis on educational cooperation underscores the importance of knowledge sharing and cultural exchanges in strengthening the strategic relationship between the two countries.

Joint projects in science and technology in the framework of bilateral educational cooperation have yielded practical and positive results. Graduates of the Russian MPEI University have played a substantial role in the development of solar and wind energy systems in Myanmar. These projects are in line with global efforts to help renewable energy and sustainability, and reproduce a commitment to environmental fortification [14]. The expertise gained from Russian education has enabled Myanmar to successfully operate its abundant energy resources. In addition, military officers trained at the St. Petersburg Marine Technical University have contributed in the building of frigates for the Myanmar Navy [15]. This initiative has not only boosted the capabilities of the Myanmar Navy, but also endorsed technology transfer and skills advance within the country. The creation of these frigates proves the practical application of knowledge gained through academic cooperation. These joint projects afford crucial education, training, and skills for the development of the country. It underlines the systematic integration of technology and defence. By focusing on joint efforts in science and technology, Myanmar and Russia are laying the foundation for future innovations that can address shared challenges. The ongoing commitment to these projects reflects a strategic partnership aimed at mutual growth and progress in various sectors.

Conclusion

Research illustrates that educational cooperation between Myanmar and Russia has become a strategic benefit and has significantly supplied to the expansion of the strategic partnership. Russia has created a foothold in South-east Asia through academic diplomacy, science and technology, and military education, and Myanmar has acquired crucial technological and defense expertise to solve problems in its region, endorse national development, and enhance sovereignty. Educational cooperation serves as a bridge for deeper cooperation in areas such as energy, de-

fense, and science and technology, and reflects the pragmatic vision of the two countries to engage in joint activities in the national interest. The increase in the number of agreements, student exchanges, conference exchanges, joint project activities, and joint research underscores the transformation of bilateral relations from normal relations to strategic partnerships. Therefore, the answer to the research question is clear: educational cooperation between Myanmar and Russia contributes to the development of a strategic partnership by combining mutual interests in defense modernization, scientific and technological progress, geopolitical influence, foreign policy implementation, and resilience to Western pressure.

References

1. Tyushka, A. & Czechowska, L. (2019) Strategic Partnerships, International Politics and IR Theory. In: *States, International Organizations and Strategic Partnerships*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. pp. 8–43. doi: 10.4337/9781788972284.00010
2. Thaug Tun. (2012) Myanmar-Russia Relations in a Changing World: Growing Ties Based on Strategic Partnership and Economic Prospects. In: *ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. Lectures, Workshops, and Proceedings of International Conferences*. Singapore: ISEAS–Yusof Ishak Institute. pp. 150–155.
3. Gjerde, K.L. (2017) Russia's Turn to Asia: Myanmar Seen from Moscow (Policy Brief). *Norwegian Institute for International Affairs (NUPI)*. 1. pp. 1–4.
4. Jackson, R. & Sørensen, G. (2014) *Introduction to International Relations: Theories and Approaches*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press.
5. Listopadov, N. (2023) *Russia and Myanmar – the 75th Anniversary of Diplomatic Relations (Briefing on Current Foreign Policy Issue)*. [Online] Available from: <https://mid.ru/en/maps/mm/1855971/> (Accessed: 12.02.2025).
6. Oo, D.N. (2022) *Russia-Myanmar: Expanding Opportunities on Education and Science*. [Online] Available from: <https://myanmarisis.org/discussion-on-russia-myanmar-expanding-opportunities-on-education-and-science-2/> (Accessed: 20.12.2024).
7. FEFU News. (2015) *FEFU closes accepting applications for Russia-ASEAN Youth Submit*. [Online] Available from: https://www.dvfu.ru/news/international_cooperation/v-dvfu-zaversaetsa-priem-zaavok-na-molodezhnyj-sammit-rossia-asean/?sphrase_id=12692536 (Accessed: 14.04.2025).
8. Hein, H. (2016) *Russia and Myanmar sign agreement on military cooperation*. [Online] Available from: <https://tass.com/defense/882419> (Accessed: 29.03.2025).
9. International Crisis Group. (2022) Coming to Terms with Myanmar's Russia Embrace. *International Crisis Group* (Brussels, Belgium). 173. pp. 13–14.
10. MGIMO University News. (2022) *Russia-Myanmar: Expanding Educational and Humanitarian Opportunities (Conference)*. [Online] Available from: <https://english.mgimo.ru/news/russia-myanmar-conf-11-22> (Accessed: 24 April 2025).
11. Ministry of Defence of Myanmar. Higher Education Center (HEC – Pyin Oo Lwin). (2024) *Official Letter (Number of Myanmar Officer Students in Russian Universities)*. 29 August 2024.
12. ROSATOM. (2024) *Official Letter (Number of Students from Myanmar Ministry of Civil Affairs studying Rosatom Partnership Universities in Russia on Scholarships)*. No. 1-11.3/52195.
13. TSU News. (2024) *Myanmar Universities are interested in TSU's research and educational expertise*. [Online] Available from: <https://en-news.tsu.ru/news/myanmar-universities-are-interested-in-tsu-s-research-and-educational-expertise/> (Accessed: 25.02.2025).
14. MPEI. (2024) *Alumni. Myanmar Students in MPEI, Moscow (International Cooperation)*. [Online] Available from: https://mpei.ru/lang/en/international_cooperation/MPEI_partner-universities/Pages/countries/myanmar.aspx (Accessed: 7.03.2025).
15. SMTU. (2018) *Famous SMTU foreign graduates and Honorary Doctorates*. [Online] Available from: https://www.smtu.ru/file/pages_trans/10/SMTU_eng.pdf (Accessed: 14.01.2025).

Information about the author:

Kyaw Ye Aung, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kyawye63459@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Информация об авторе:

Чжо Ёе Аунг – аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kyawye63459@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025;
одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 30.08.2025.

The article was submitted 03.07.2025;
approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 397+398
doi: 10.17223/15617793/518/9

Императорское Русское географическое общество и его роль в исследовании традиционной духовной культуры хакасов

Венарий Алексеевич Бурнаков¹

¹ *Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия,
venariy@mail.ru*

Аннотация. Представлен аналитический обзор исследований Отдела этнографии Императорского Русского географического общества (ИРГО), касающийся оценки традиционного мифо-ритуального комплекса хакасов. Отмечается, что собирательская и научно-просветительская деятельность членов ИРГО сыграла значимую роль в сибириведении, содействовала системному историко-этнографическому изучению хакасского народа и его культуры. Делается вывод о том, что в научно-изыскательской работе Общества важное место отводилось изучению традиционных верований и обрядности указанного этноса.

Ключевые слова: Императорское Русское географическое общество, хакасы, традиционное мировоззрение, культы, обряды

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках проекта НИР № FWZG-2025-0003 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».

Для цитирования: Бурнаков В.А. Императорское Русское географическое общество и его роль в исследовании традиционной духовной культуры хакасов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 75–82. doi: 10.17223/15617793/518/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/9

The Imperial Russian Geographical Society and its role in the study of the traditional spiritual culture of the Khakas

Venariy A. Burnakov¹

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, venariy@mail.ru*

Abstract. In 1845, the Imperial Russian Geographical Society (IRGS) was established. The emergence of such an organization was a landmark event for Russian science and culture. Among its key objectives was the study of Russia and other territories in geographical, geological, natural-historical, ethnographic, statistical, archaeological, and other aspects. Consequently, one of its most important fields of activity became the historical and ethnographic study of the peoples inhabiting the Russian Empire, including the Khakas people. Despite the extensive body of research dedicated to this subject, it must be acknowledged that the specific contribution of this Society and its members to the ethnographic study of the Khakas people and their culture has not been addressed in dedicated scholarship. This work cannot possibly encompass the entirety and complexity of all IRGS activities related to Khakas ethnography. However, it is entirely feasible to assess its role in studying the traditional beliefs and cults of the Khakas people. Accordingly, the aim of this article is to evaluate the contribution of the Imperial Russian Geographical Society and its members to the study of the traditional spiritual culture of the Khakas, including their worldview and ritual practices. The chronological scope of the study is confined to the mid-19th to the 20th century. This timeframe is determined by the state of the source base available for the research topic. The source base consists of ethnographic materials published in the works of researchers associated with the IRGS. The guiding principles of the research are historicism and scientific objectivity, whereby any historical or cultural phenomenon is examined in its development and within its specific context. As a result of the research, the author concludes that the collecting and scholarly-educational activities of the IRGS played a significant role in the study of Khakas culture. The research conducted by the Society's members not only continued the historical and ethnographic study of the Khakas people but also elevated it to a new scientific and methodological level. In this way, the IRGS made a substantial contribution to Siberian studies as a whole. Thanks to the Society's fruitful work, new original materials on the history and culture of the Khakas regularly appeared in regional and central periodicals. A significant portion of these publications examined the traditional worldview and ritual practices of this people. The entire corpus of publications produced by IRGS

members can be divided into two main categories. The first consists of information collected and introduced into scholarly circulation by local authors—amateur local historians who directly observed the culture and daily life of the people they described. The second comprises materials obtained through systematic expeditionary research conducted by professional scholars.

Keywords: Imperial Russian Geographical Society, Khakas, traditional worldview, cults, rituals

Financial support: The research was carried out within the framework of research project No FWZG-2025-0003 "Ethnocultural and Ethnosocial Processes Among the Peoples of Siberia and the Far East in the XVII–XXI Centuries: Formation and Dynamics".

For citation: Burnakov, V.A. (2025) The Imperial Russian Geographical Society and its role in the study of the traditional spiritual culture of the Khakas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 75–82. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/9

Значимым событием, оказавшим большое влияние на научное и культурное развитие России в середине XIX в. и последующее время, стало создание Императорского Русского географического общества (далее ИРГО, Общество). Его основной целью было получение и распространение географических и иных научных знаний. Организованные ИРГО экспедиции сыграли важную роль в освоении Сибири и других территорий. Одной из приоритетных задач общества было «познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов» [1. С. 188]. В связи с чем одним из ключевых направлений научной деятельности ИРГО стала этнография.

На Отделение этнографии была возложена миссия планомерного и систематизированного изучения культурного многообразия народов России. В его компетенцию входил сбор и анализ достоверных фактологических историко-этнографических, фольклорно-лингвистических сведений, а также формирование научно-методических принципов исследования культур народов России. При этом большое внимание уделялось организации системного и методического сбора требуемой информации на местах. С этой целью в 1847 г. Отделение этнографии во главе с Н.И. Надеждиным составило специальную программу для сбора этнографического материала [2. С. 26–27]. Она состояла из шести разделов: 1. «Относительно наружности». 2. «О языке». 3. «Домашний быт». 4. «Особенности общественного быта». 5. «Умственные и нравственные способности и образование». 6. «Народные предания и памятники» [2. С. 26–27]. Со временем она значительно пополнилась и расширилась. В 1848 г. программа была издана и разослана по российским губерниям. Она вызвала быстрый отклик широкого круга местных энтузиастов-краеведов: учителей, врачей, священников и т.д. Одновременно с собирательской деятельностью в ИРГО создаются архив и библиотека. Авторы публикуют свои полевые исследования на страницах таких известных периодических изданий Общества, как «Записки Императорского Русского географического общества», «Известия Императорского Русского географического общества», «Вестник Императорского Русского географического общества», «Живая старина» и «Этнографический сборник» и др.

Важность научно-просветительской миссии ИРГО в российских провинциях осознавалась и региональными властями. В немалой степени от их поддержки и

материальной помощи зависел успех научно-исследовательских работ Общества на местах. Более того, некоторые из них поспособствовали открытию региональных отделов ИРГО. Так, благодаря содействию генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева в 1851 г. в г. Иркутске был учрежден Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ВСО ИРГО). В результате чего в этом регионе (куда относилась и Енисейская губерния) значительно интенсифицировались и перешли на новый научный уровень исследовательские работы в области истории, археологии, этнографии, фольклористики и т.д.

С научно-исследовательской и просветительской деятельностью ИРГО на территории Хакасии были тесно связаны этнографические исследования минусинского окружного начальника, князя Н.А. Кострова. Им написана целая серия статей, посвященная различным аспектам жизни и быта таких этнических групп хакасов, как качинцы, сагайцы, бельтыры, койбалы, кызылыцы [3–11 и др.]. В своих работах Н.А. Костров опирался как на свои собственные полевые наблюдения, так и на материалы предшественников. Кроме того, он широко привлекал различные архивные данные. Большое внимание в своих трудах уделил духовной культуре хакасов.

В статьях Н.А. Кострова традиционное мировоззрение хакасов обозначается терминами «языческие верования» или «камларский [шаманский] толк». Автор констатировал, что при тяжелых заболеваниях человека и при эпизоотии в народе по традиции принято обращаться за помощью к шаманам. Ученый, став случайным очевидцем, подробно описывает камлание одного из них. При этом сам Н.А. Костров все же крайне отрицательно характеризовал их культовую деятельность, называя их «чистейшими шарлатанами». Анализируя пантеон хакасов, он отмечает, что высшим божеством они почитают Худая, располагающегося на небесах, и указывает на древнеиранские корни этого теонима. Вместе с тем обращает внимание на то, что хакасы также поклоняются и божеству подземного мира. В отличие от некоторых своих предшественников, исследователь совершенно верно его называет Эрлик / Ирликханом. Н.А. Костров привел описание обряда небесного поклонения на горе *Ызых таг*, одним из элементов которого явилось посвящение Высшей силе белого коня *ызых'а*. Добавим и то, что в его работах встречаются сведения и по сакрализации других объектов природного ландшафта, например, им отмечается сакральный статус огня в их ритуальной практике.

Большое внимание уделяет характеристике обрядности, связанной с жизненным циклом человека. Подробно останавливается на традиции имянаречения у хакасов. Впервые упоминает о свадебном ритуале «*күнге-айга пазыртханы*» – ‘поклонения солнцу и луне’ и др. Изучая похоронную обрядность качинцев, он впервые зафиксировал факт захоронения зажиточных покойников в сундуках. Несомненную ценность его работам придаст публикация фольклорного материала, собственноручно записанного в народе [3–11 и др.].

В 1864 г. в «Записках ИРГО» была издана работа известного российского публициста и этнографа С.С. Шашкова «Шаманство в Сибири» [12. С. 1–105]. В ней встречаются сведения, касающиеся мировоззрения хакасских шаманистов, заимствованные из этнографической литературы. Спустя несколько десятилетий эти материалы лишь со ссылкой на указанное сочинение С.С. Шашкова были опубликованы в работе В.М. Михайловского «Шаманство. Сравнительно-исторические очерки» [13. С. 22–23].

Существенный вклад в изучение традиционной культуры хакасов, в том числе таких ее частей, как мировоззрение, обрядность, фольклор и язык, внес выдающийся ученый, востоковед-тюрколог, этнограф, археолог и музеевед В.В. Радлов. В 1863 г. он провел экспедиционные исследования на юге Енисейской губернии. Его маршрут проходил по территории, где проживали представители всех основных этнических групп хакасов, начиная от р. Таштып на юге и заканчивая р. Чулым на севере [14. С. 223–366]. В процессе полевых работ он глубоко погружался в изучение их языка и культуры. При этом особое внимание уделил исследованию религиозных представлений хакасов. Констатировал тот факт, что вопреки проводимой среди них христианизации, они стойко придерживаются своих традиционных верований. Изучая шаманизм, он в отличие от своих предшественников подходил к нему как к определенной ступени религиозного развития тюркомонгольских и тунгусских народов. В.В. Радлов был одним из первых ученых, кто дал сравнительно-этнографическую характеристику шаманизма. Рассмотрел его специфические черты среди различных тюркоязычных народов и проанализировал процесс его вытеснения мировыми религиями – христианством, буддизмом и исламом. Попытался выявить общее «мировоззрение шаманистов», которое, как он верно полагал, представлено не только в мифо-ритуальной сфере, но и в рудиментарном виде встречается в фольклоре и языке каждого народа. Преимущественно на алтайском фольклорно-этнографическом материале, во многом коррелирующим с хакасским, Радлов реконструировал представления шаманистов о мироздании, отметил, что они подверглись влиянию религиозно-мифологической системы народов Центральной и Восточной Азии. В.В. Радлов, будучи лингвистом, профессионально изучающим тюркские языки, записывал под диктовку фольклорные произведения, в том числе героические сказания, посредством разработанной для тюркских языков транскрипции. Собранный хакасский фольклорный материал он публиковал в 1868 г. в Санкт-Петербурге во втором томе серии «Образцы

народной литературы тюркских племен» в двух книгах – на оригинальном языке и в переводе на немецкий язык [15]. В обозначенном труде встречаются ценные сведения о традиционном мировоззрении хакасов. Добавим и то, что в дальнейшем исследователь использовал соответствующий языковой материал в своем четырехтомном словаре «Опыт словаря тюркских наречий», издававшемся в 1893–1911 гг. В нем представлено богатейшее собрание лексики и фразеологии, немалая часть которого имеет прямое отношение к духовной культуре хакасов.

Интересные сведения о религиозно-мифологических представлениях хакасов представил краевед, член ИРГО И.И. Каратанов [16. С. 6–33]. Он рассмотрел верования народа, связанные с жизненным циклом человека. Подробно описал погребально-поминальную обрядность, в том числе и нагорное воздушное захоронение шамана. Автор сосредоточил свое внимание на изучении шаманизма, в особенности таких его аспектов, как ритуальные функции и атрибутика шамана. Привел новые данные об общественных религиозных обрядах – *тайыг*, направленных на почитание духов местности и др. Помимо того, зафиксировал мифологические представления и обрядовые действия, производимые во время лунных и солнечных затмений. Записал оригинальный материал о народной и промысловой магии и т.д.

Новый фольклорно-этнографический материал по духовной культуре хакасов, был опубликован Н.И. Поповым – краеведом, членом ИРГО. Автор в своей статье «Поверья и некоторые обычаи качинских татар» [17. С. 34–48] привел оригинальные сведения, касающиеся религиозно-мифологических представлений о природных объектах и явлениях. Описал традиционную обрядность, связанную с ними и другими сферами жизни изучаемого народа. Рассмотрел их демонологические представления.

В 1877 г. в Омске был открыт Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО). Одним из стратегических направлений его деятельности являлось создание региональных музеев. Они должны были выступить в качестве своеобразных форпостов по научному изучению тех территорий, на которых располагались. В связи с чем в том же 1877 г. ученым-ботаником, провизором и общественным деятелем Н.М. Мартыановым был открыт Минусинский музей. Он стал одним из ведущих научно-организационных и культурно-просветительских центров в Южной Сибири. Важнейшим направлением работы музея являлось изучение историко-культурного наследия народов Саяно-Алтая, в том числе и хакасов. С деятельностью этого учреждения были непосредственно связаны многие работы известных политических ссыльных – Д.А. Клеменца, А.А. Кропоткина, Е.К. Яковлева, В.А. Ватина, Ф.Я. Кона, П.А. Аргунова, А.О. Лукашевича и др.

Эти исследователи собрали и ввели в научный оборот уникальный материал по различным аспектам традиционной культуры хакасов. Некоторые из них уделили особое внимание изучению мировоззрения и обрядности этого народа. В число таковых входил известный этнограф, археолог-востоковед и музеевед Д.А. Клеменц.

Д.А. Клеменц был активным участником и руководителем многочисленных экспедиций, организованных ЗСО ИРГО, проходивших с 1883 по 1889 г. на территории Саяно-Алтая. Будучи энциклопедически образованным и эрудированным ученым, в своих путешествиях он одновременно осуществлял археолого-этнографические, геолого-географические и иные исследования. В ходе экспедиционных работ им был собран уникальный материал по духовной культуре хакасов [18–21]. В частности, Д.А. Клеменц преимущественно на материалах северных хакасов-кызыльцев обстоятельно изучил культ фетишей-*тöс'ов*. Особенно ценным явилось то, что он дал краткое научное описание культовых изделий и связанной с ними ритуальной практики и опубликовал их собственные хакасские наименования. Зафиксировал факт того, что наиболее почитаемым фетишам посвящались священные животные – *ызых'и* (кони, коровы, бараны). Кроме того, в ходе прямых контактов ему удалось получить новые сведения о шаманах, их атрибутике (костюме, бубне) и ритуалах. В его работах встречается ценная информация о таких знаменитых культовых объектах, как *Иней Тас*, гора *Ирт таг* (Самохвал) и др. Представлено описание традиционной обрядности, проводимой на сакральных местах и пр.

Большой вклад в изучение историко-культурного наследия хакасов внес маститый сибирский исследователь-этнограф и археолог, крупный общественный деятель и публицист А.В. Адрианов. По заданию ИРГО он провел ряд научно-исследовательских экспедиций в Южной Сибири и Монголии. Большое внимание уделил изучению самобытных верований и обрядов тюрко-монгольских народов, в том числе и хакасов [22–26]. Ученый многократно посещал их священные места и изучал языческие жертвенники и отправляемую на них обрядность. Лично наблюдал камлания шаманов и описывал их ритуальные предметы. Активно производил сбор археологических и этнографических предметов для столичных и местных музеев. Он пользовался каждым удобным случаем, чтобы произвести фотофиксацию видов местности, археологических памятников, антропологических типов местного населения, также их национальных костюмов, служителей религиозного культа с их атрибутами, картин народного быта и т.д. Часть собранного им фольклорно-этнографического материала была опубликована в знаменитой монографии Г.Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии» [27].

Огромные заслуги в изучении традиционной культуры и языка собственного народа принадлежат первому хакасскому ученому, выдающемуся тюркологу, доктору сравнительного языкознания, этнографу и фольклористу, общественному деятелю Н.Ф. Катанову. В 1888 г. он с отличием окончил Императорский Санкт-Петербургский университет и дальнейшую профессиональную карьеру связал с востоковедением. В 1889–1892 гг. при поддержке ИРГО, Петербургской академии наук и Министрства народного просвещения была организована экспедиция в Южную Сибирь, Монголию и Восточный Туркестан. Ее главной целью было изучение языков и культуры жителей этих терри-

торий, в том числе и хакасов. Возглавил эту экспедицию талантливый и эрудированный ученый Н.Ф. Катанов, прекрасно владеющий арабским, иранским, тюркскими и европейскими языками. Все полевые исследования регламентировались программными требованиями, составленными Отделением этнографии ИРГО. Они были ориентированы на комплексное изучение языка, фольклора и этнографии. Результатом этой и последующих его экспедиций (1896 и 1899 гг.) стал сбор огромного массива уникального полевого материала, который можно сгруппировать по следующим направлениям: географические, административно-статистические, правовые, экономико-хозяйственные, лингвистические, фольклорные, культурно-исторические и религиозоведческие [28–36]. Особое внимание ученый уделял изучению традиционных верований и ритуальных практик хакасов, в том числе и шаманских. Им был записан огромный массив обрядовой поэзии и иные произведения фольклора. Следует отметить, что Н.Ф. Катанов в своей исследовательской работе строго придерживался образцового этнографического правила – обязательность знания языка изучаемого народа. Потому его труды особенно ценны тем, что написаны человеком, прекрасно владеющим хакасским языком, а также глубоко понимающим и чувствующим культуру своего народа. Полевые записи и последующее изложение материала осуществлялись им на хакасском языке с дальнейшим переводом на русский язык, что оказалось новым явлением в науке. Другим, не менее важным научным принципом становится применение им сравнительно-исторического метода исследования при анализе конкретного этнографического материала.

В 1892 г. в свет вышла монография «Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее» [37]. Ее автором был Н.В. Латкин – член ИРГО, писатель, географ и золотопромышленник. Одна из глав книги посвящена этнографическому описанию коренных жителей губернии, в том числе и хакасов. В ней встречаются данные, преимущественно подчерпнутые из литературы, касающиеся их фенотипа, родоплеменного состава, численности, хозяйственных занятий, одежды, пищи и религиозных верований.

В 1895 г. по поручению ИРГО было опубликовано одно из самых дорогих и красочных российских изданий – двенадцатитомный альбом «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». В него был включен очерк князя А.А. Кропоткина «Саянский хребет и Минусинский округ» [38]. В этом труде, подготовленном на основе личных наблюдений, литературных данных и полевых материалов И.И. Каратанова, встречаются интересные сведения по системе жизнеобеспечения, хозяйству, а также по религиозно-мифологическим воззрениям хакасов, в частности пантеон и ритуальная сфера. Здесь также не обделен вниманием и вопрос, касающийся роли шамана в традиционном обществе. Детально изучены культовые изделия, имеющие отношение к шаманской практике. Ценной является информация о способах захоронения этих

служителей культа, в том числе путем оборачивания в войлок и подвешивания на дереве.

К концу XIX в. Енисейским губернским статистическим комитетом и Красноярским подотделом ВСО ИРГО были запланированы землеустроительные работы в Хакасии. В связи с чем был сформирован экспедиционный отряд для изучения жизни и быта местного населения. В его состав вошли: П.Е. Кулаков, А.А. Кузнецова и А.А. Ярилов. Результатом проделанной ими работы стал выход в свет монографии «Минусинские и Ачинские инородцы» [39]. В ней на основе собственных полевых этнографических данных, а также архивных материалов степных дум была исследована материальная культура, система жизнеобеспечения, численный и родоплеменной состав, обычное право хакасов, а также затронуты их религиозные верования. Получены новые сведения по культовым предметам и шаманизму. Несомненным достоинством книги является то, что она, помимо серьезного объема, снабжена богатым иллюстративным рядом: авторскими фотографиями и рисунками. Следует добавить и то, что А.А. Кузнецовой удалось собрать еще и интересный фольклорный материал, в том числе повествующий о шаманах и воззрениях о душе. Он был опубликован в известных периодических изданиях ИРГО [40–42].

Оригинальный этнографический материал по традиционной культуре хакасов представлен в книге Е.К. Яковлева «Этнографический обзор инородческого населения Южного Енисея» [43]. Автор, основательно проработав историко-этнографические работы предшественников, изучив коллекции Минусинского музея и привлекая собственные полевые материалы, издал весомый этнографический и музееведческий труд, снабженный большим количеством иллюстраций. В нем встречаются уникальные сведения по духовной культуре и традиционным верованиям хакасов и тувинцев. Е.К. Яковлев путем сравнительно-сопоставительного анализа рассмотрел культовые практики

этих народов. Дал классификацию их обрядности, выделяя среди них племенные, родовые, семейные и личные. Проанализировал сакральные действия шаманов и их ритуальные предметы. Исследователь пришел к выводу об историко-культурной близости хакасов и тувинцев.

Таким образом, собирательская, научно-просветительская деятельность ИРГО сыграла важную роль в исследовании культуры хакасов. Проведенные членами этого Общества исследования, не только продолжили скрупулезное историко-этнографическое изучение хакасского народа, но и вывели его на новый научно-методологический уровень. Тем самым ИРГО внесло большой вклад в сибиреведческие исследования в целом.

Благодаря плодотворной работе Общества на страницах региональных и центральных периодических изданий регулярно появлялись новые оригинальные материалы об истории и культуре хакасов. Значительное место в них отводилось рассмотрению традиционного мировоззрения и обрядности этого народа. Весь массив публикаций, подготовленный членами ИРГО, можно разделить на две основные части: первую из них образуют сведения, собранные и введенные в научный оборот местными авторами – краеведами-любителями, непосредственно наблюдавшими культуру и быт описываемого народа; вторую составляют материалы, полученные в результате планомерных экспедиционных исследований, проведенных учеными-профессионалами. Подобная условная дифференциация собранного ими историко-этнографического материала является подтверждением научной ценности и оригинальности. Полученные ИРГО материалы наряду с предшествующими этнографическими исследованиями, безусловно, образуют уникальный научный фонд знаний о культуре хакасов и других народов и являются чрезвычайно востребованными и в наши дни.

Список источников

1. Степанов Н.Н. Русское географическое общество и этнография (1845–1861) // Советская этнография. 1946. № 4. С. 187–206.
2. Надеждин Н.И. Инструкция этнографическая // Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Императорским Русским географическим обществом. СПб.: Тип. губерн. правления, 1852. С. 26–27.
3. Костров Н.А. Качинские татары. Казань: Тип. губерн. правления, 1852. 66 с.
4. Костров Н.А. Кызыльские татары. Казань, 1853. 38 с.
5. Костров Н.А. Бельтиры // Записки Сибирского отдела ИРГО. СПб., 1857. Кн. 4. С. 4–10.
6. Костров Н.А. Бирюсы // Записки Сибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1863. Кн. 6. С. 126–131.
7. Костров Н.А. Кайбалы // Записки Сибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1863. Кн. 6. С. 109–117.
8. Костров Н.А. Этнографические заметки о кызыльских татарах // Записки Сибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1865. Кн. 8. С. 97–121.
9. Костров Н.А. Шаман // Томские губернские ведомости. 1868. № 35, 36, 38.
10. Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV археологического съезда в России, бывшего с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1884. Т. 1. С. 208–248.
11. Костров Н.А. Среднее течение Енисея // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12: Восточные окраины России. Ч. 1: Восточная Сибирь. СПб.: М.: Изд-во Тов-ва М.О. Вольфа, 1895. С. 51–76.
12. Шашков С.С. Шаманство в Сибири // Записки Императорского Русского географического общества (далее Записки ИРГО). 1864. Кн. 2. С. 1–105.
13. Михайловский В.М. Шаманство. Сравнительно-этнографические очерки. (Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. LXXV. Труды Этнографического отдела: Т. XII). Вып. 1. М.: Петровка. Дом Левенсон. 1892. 115 с.
14. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 740 с.
15. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В.В. Радловым. Ч. II. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюзрик). СПб., 1868. XXI. 712 с.
16. Каратанов И.И. Черты внешнего быта качинских татар // Известия Русского географического общества (далее Известия ИРГО). 1884. Т. XX, вып. 6. С. 6–33.
17. Попов Н.И. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Известия ИРГО. 1884. Т. XX, вып. 6. С. 34–48.
18. Клеменц Д.А. Минусинская Швейцария и боги пустыни // Восточное обозрение. 1884. № 5. С. 7–9; № 7. С. 11–14; № 9. С. 9–11; № 12. С. 10–12.

19. Клеменц Д.А. Поездка в качинскую степь // Восточное обозрение. 1886. № 47. С. 10–12.
20. Клеменц Д.А. Несколько образов бубнов Минусинских татар // Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии. Иркутск, 1890. Т. 2, вып. 2. С. 25–35.
21. Клеменц Д.А. Заметка о тюсах // Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск. 1892. Т. XXIII. № 4–5. С. 23–35.
22. Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А.В. Адриановым // Записки ИРГО по общей географии. 1888. Т. 11. С. 147–422.
23. Адрианов А.В. Путешествие за Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Императорского Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А. Адриановым. Омск : Тип. Окружного штаба, 1888. 165 с.
24. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1904 г. Томск, 1904. Отдел 2. С. 59–60.
25. Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по Отделению этнографии. Т. XXXIV. Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. 1909. С. 489–524.
26. Адрианов А.В. Минусинские инородцы и древности Минусинского края // Минусинский листок. 1915. 22 февраля (№ 65).
27. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии (репринтное воспроизведение изд. 1883 г., вып. 4). 2-е изд. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2005. 1026 с.
28. Катанов Н.Ф. Письма Н. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана // Записки Императорской Академии наук. Т. LXXIII. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. С. 1–114.
29. Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен: сообщение Н.Ф. Катанова: (читано в общем собрании И.Р.Г.О. 19 мая 1893 г.). СПб. : Тип. А.С. Суворина, [1893]. 23 с.
30. Катанов Н.Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен: Вступ. ст. в курсе обозрения турецко-татарских племен, прочит. в Казан. ун-те 29 января 1894 г. Казань : Тип.-лит. ун-та, 1894. 22 с.
31. Катанов Н.Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XII, вып. 2. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1894. С. 109–142.
32. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Тип.-лит. ун-та, 1897. 104 с.
33. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной по поручению Историко-филологического факультета Императорского Казанского университета, летом 1899 года. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1900. 59 с.
34. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб. : Имп. Академия наук, 1907. Т. 9. 640 с.
35. Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Записки ИРГО по Отделению этнографии. Т. XXXIV. Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. СПб., 1909. С. 265–288.
36. Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Джунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского географического общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н.Ф. Катановым». Казань : Артефакт, 2017. 734 с.
37. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб. : Тип. и лит. В.А. Тиханова, 1892. 467 с.
38. Кропоткин А.А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. СПб. ; М. : Изд-во Тов-ва М.О. Вольф, 1895. Т. XII, ч. 1. С. 19–50.
39. Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск : Изд. Енис. губ. стат. ком., 1898. 298 с.
40. Кузнецова А.А. Шесть сказок Минусинских татар // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1892. Т. 23, № 4–5. С. 36–45.
41. Кузнецова А.А. Четыре сказки минусинских инородцев, записанные А. Кузнецовой // Живая старина. 1899. Вып. 1. С. 140–149.
42. Кузнецова-Ярилова А.А. Два рассказа о шаманах // Записки ИРГО по Отделению этнографии. Т. XXXIV. Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. СПб., 1909. С. 141–144.
43. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. 212 с. (Описание Минусинского музея. Вып. IV).

References

1. Stepanov, N.N. (1946) Russkoe geograficheskoe obshchestvo i etnografiya (1845–1861) [Russian Geographical Society and ethnography (1845–1861)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 187–206.
2. Nadezhdin, N.I. (1852) Instruktziya etnograficheskaya [Ethnographic instruction]. In: *Svod instruktziy dlya Kamchatskoy ekspeditsii, predprinimaemoy Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom* [Set of Instructions for the Kamchatka Expedition Undertaken by the Imperial Russian Geographical Society]. Saint Petersburg: Tip. gubern. pravleniya. pp. 26–27.
3. Kostrov, N.A. (1852) *Kachinskije tatary* [Kachin Tatars]. Kazan: Tip. gubern. pravleniya.
4. Kostrov, N.A. (1853) *Kyzyl'skie tatary* [Kyzyl Tatars]. Kazan: [s.n.].
5. Kostrov, N.A. (1857) Beltiry [Beltyrs]. *Zapiski Sibirskogo otdela IRGO*. 4. pp. 4–10.
6. Kostrov, N.A. (1863) Biryusy. *Zapiski Sibirskogo otdela IRGO*. 6. pp. 126–131. (In Russian).
7. Kostrov, N.A. (1863) Kaibaly. [Kaibals] *Zapiski Sibirskogo otdela IRGO*. 6. pp. 109–117.
8. Kostrov, N.A. (1865) Etnograficheskie zametki o kyzyl'skikh tatarakh [Ethnographic notes on Kyzyl Tatars] *Zapiski Sibirskogo otdela IRGO*. 8. pp. 97–121.
9. Kostrov, N.A. (1868) Shaman. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 35, 36, 38. (In Russian).
10. Kostrov, N.A. (1884) Ocherki byta minusinskikh tatar [Essays on the life of Minusinsk Tatars]. In: *Trudy IV arkhologicheskogo syezda v Rossii, byvshego s 31 iyulya po 18 avgusta 1877 goda* [Proceedings of the 4th Archaeological Congress in Russia, Held from July 31 to August 18, 1877]. Vol. 1. Kazan: Tip. Kazanskogo un-ta. pp. 208–248.
11. Kostrov, N.A. (1895) Srednee techenie Yenisei [Middle course of the Yenisei]. In: *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia. Our Fatherland in Its Land, Historical, Tribal, Economic, and Everyday Significance]. Vol. 12. Part 2. Saint Petersburg; Moscow: Izd-vo Tov-va M.O. Vol'fa. pp. 51–76.
12. Shashkov, S.S. (1864) Shamanstvo v Sibiri [Shamanism in Siberia] *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2. pp. 1–105.
13. Mikhaylovskiy, V.M. (1892) *Shamanstvo. Sravnitel'no-etnograficheskie ocherki* [Shamanism. Comparative Ethnographic Essays]. Vol. 1. Moscow: Petrovka. Dom Levenson.
14. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary Pages]. Moscow: Nauka.
15. Radlov, V.V. (1868) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi. Sobrany V.V. Radlovym* [Samples of Folk Literature of Turkic Tribes Living in Southern Siberia and Dzungarian Steppe. Collected by V.V. Radlov]. Part 2. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

16. Karatanov, I.I. (1884) Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features of the daily life of Kachin Tatars]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 6 (20). pp. 6–33.
17. Popov, N.I. (1884) Pover'ya i nekotorye obychai kachinskikh tatar [Beliefs and Some Customs of Kachin Tatars]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 6 (20). pp. 34–48.
18. Klementz, D.A. (1884) Minusinskaya Shveytsariya i bogi pustyni [Minusinsk Switzerland and Desert Gods]. *Vostochnoye obozrenie*. 5. pp. 7–9; 7. pp. 11–14; 9. pp. 9–11; 12. pp. 10–12.
19. Klementz, D.A. (1886) Poezdka v kachinskuyu step' [Trip to the Kachin Steppe]. *Vostochnoye obozrenie*. 47. pp. 10–12.
20. Klementz, D.A. (1890) Neskol'ko obraztsov bubnov minusinskikh tatar. [Several samples of the bubens of Minusinsk Tatars]. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva po etnografii*. 2 (2). pp. 25–35.
21. Klementz, D.A. (1892) Zametka o tyusakh [Note on Tyusy]. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 4–5 (23). pp. 23–35.
22. Adrianov, A.V. (1888) Puteshestvie na Altay i za Sayany, sovershennoye v 1881 g. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenom-sotrudnikom A.V. Adrianovym [Journey to Altai and Beyond the Sayan Mountains in 1881 by Assignment of the Imperial Russian Geographical Society by Corresponding Member A.V. Adrianov]. *Zapiski IRGO po obschey geografii*. 11. pp. 147–422.
23. Adrianov, A.V. (1888) Puteshestvie za Altay i za Sayany, sovershennoye letom 1883 g. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva i ego Zapadno-Sibirskogo otdela chlenom-sotrudnikom A. Adrianovym [Journey Beyond Altai and Sayan Mountains, Summer 1883 by Assignment of Imperial Russian Geographical Society and Its Western Siberian Department by Corresponding Member A. Adrianov]. Omsk: Tip. Okruzhnogo shtaba.
24. Adrianov, A.V. (1904) Ocherki Minusinskogo kraia [Essays on the Minusinsk Krai]. In: *Sibirskyi torgovo-promyshlennyy i spravochnyy kalendar' na 1904 g.* [Siberian Trade, Industrial and Reference Calendar for 1904]. Section 2. Tomsk: Izdanie F. P. Romanova. pp. 59–60.
25. Adrianov, A.V. (1909) Ayran v zhizni minusinskogo inorodtsa [Ayran in the life of a Minusinsk native]. *Zapiski IRGO po Otdeleniyu etnografii*. 34. pp. 489–524.
26. Adrianov, A.V. (1915) Minusinskie inorodtsy i drevnosti Minusinskogo kraia [Minusinsk natives and antiquities of the Minusinsk region]. *Minusinskiy listok*. 65. 22 February.
27. Potanin, G.N. (2005) *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on Northwestern Mongolia]. (Reprint of 1883, 4). 2nd ed. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.
28. Katanov, N.F. (1893) Pisma N. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters of N. Katanov from Siberia and Eastern Turkestan]. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk*. 73. pp. 1–114.
29. Katanov, N.F. (1893) *Sredi tyurkskikh plemen: soobshchenie N.F. Katanova (chitano v obshchem sobranii I.R.G.O. 19 maya 1893 g.)* [Among Turkic Tribes: Report of N.F. Katanov (Read at General Meeting of I.R.G.O., 19 May 1893)]. Saint Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
30. Katanov, N.F. (1894) *Etnograficheskii obzor turetsko-tatarskikh plemen: Vstup. st. v kurse obozreniya turetsko-tatarskikh plemen, proshit. v Kazan. un-te 29 yanvarya 1894 g.* [Ethnographic Review of Turkish-Tatar Tribes: Introductory Article in Course on Overview of Turkish-Tatar Tribes, Read at Kazan University, 29 January 1894]. Kazan: Tip.-lit. un-ta.
31. Katanov, N.F. (1894) O pogrebal'nykh obryadakh u tyurkskikh plemen s drevneyshikh vremen do nashikh dney [On funeral rites of Turkic tribes from ancient times to the present]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. 2 (12). Kazan: Tipo-lit. Imp. un-ta. pp. 109–142.
32. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sentyabrya 1896 goda v Minusinskiy okrug Yeniseiskoy gubernii* [Report on the Trip Made from 15 May to 1 September 1896 to the Minusinsk District of Yenisei Province]. Kazan: Tip.-lit. un-ta.
33. Katanov, N.F. (1900) *Otchet o poezdke v Minusinskiy uyezd Yeniseiskoy gubernii, sovershennoy po porucheniyu Istoriko-filologicheskogo fakulteta Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, letom 1899 goda* [Report on Trip to Minusinsk Uyezd of Yenisei Province Made by Assignment of the Historical-Philological Faculty of Imperial Kazan University, Summer 1899]. Kazan: Tipo-lit. Imp. un-ta.
34. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaitsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym)* [Dialects of Uryankhay (Soyot), Abakan Tatars, and Karagas: (Samples of Folk Literature of Turkic Tribes Published by V.V. Radlov)]. Vol. 9. Saint Petersburg: Imp. Akademiya nauk.
35. Katanov, N.F. (1909) Predaniya prisayanskikh plemen o prezhnikh delakh i lyudyakh [Legends of Prisayansky tribes about past events and people]. *Zapiski IRGO po Otdeleniyu etnografii*. 34. pp. 265–288.
36. Valeev, R.M., Tuguzhekova, V.N. & Martynov, D.E. (eds) (2017) *Nasledie rossiyskoy tyurkologii XIX v.: "Puteshestvie po Sibiri, Dzhungarii i Vostochnomu Turkestanu". Dnevnik puteshestviya, sovershennoy po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva v 1890 g. chlenom-sotrudnikom onogo N.F. Katanovym* [Heritage of Russian Turkology of the 19th Century: Journey through Siberia, Dzhungaria and Eastern Turkestan. Diary of the journey performed by assignment of the Imperial Russian Geographical Society in 1890 by Corresponding Member N.F. Katanov]. Kazan: Artefakt.
37. Latkin, N.V. (1892) *Yeniseiskaya guberniya, yeye proshloye i nastoyashcheye* [Yenisei Province, Its Past and Present]. Saint Petersburg: Tip. i lit. V.A. Tikhanova.
38. Kropotkin, A.A. (1895) Sayanskiy khrebet i Minusinskiy okrug [Sayan Range and Minusinsk District]. In: *Zhivopisnaya Rossiya* [Picturesque Russia]. Vol. 12. Part. 1. Saint Petersburg; Moscow: Izd-vo Tov-va M.O. Vol'fa. pp. 19–50.
39. Kuznetsova, A.A. & Kulakov, P.E. (1898) *Minusinskie i achinskie inorodtsy* [Minusinsk and Achinsk Natives]. Krasnoyarsk: Izd. Enis. gub. stat. kom.
40. Kuznetsova, A.A. (1892) *Shest' skazok minusinskikh tatar* [Six tales of Minusinsk Tatars]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 4–5 (23). pp. 36–45.
41. Kuznetsova, A.A. (1899) *Chetyre skazki minusinskikh inorodtsev, zapisannye A. Kuznetsovoy* [Four tales of Minusinsk natives recorded by A. Kuznetsova] *Zhivaya starina*. 1. pp. 140–149.
42. Kuznetsova-Yarilova, A.A. (1909) *Dva rasskaza o shamanakh* [Two stories about Shamans]. *Zapiski IRGO po Otdeleniyu etnografii*. 34. pp. 141–144.
43. Yakovlev, E.K. (1900) *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Yenisei i ob'yasnitel'nyy katalog etnograficheskogo otdela muzeya* [Ethnographic Overview of the Native Population of the Southern Yenisei Valley and Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum]. Minusinsk: Tip. V. I. Kornakova.

Информация об авторе:

Бурнаков В.А. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: venariy@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Burnakov, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: venariy@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 05.03.2025;
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 94(470.51-25)«18»:314.9
doi: 10.17223/15617793/518/10

Еврейская община Ижевского завода в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Татьяна Анатольевна Васина¹

¹ Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
Ижевск, Россия, tatjasch@mail.ru

Аннотация. На основе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. исследована иудейская община Ижевского завода Сарапульского уезда Вятской губернии. Рассмотрены социальная структура, место рождения и место приписки евреев, род занятий и источники дохода, уровень грамотности, демографические показатели (половозрастной и семейный состав). Представлена комплексная характеристика еврейского сообщества, проживавшего в конце XIX в. в заводском селении при предприятии военного ведомства.

Ключевые слова: Вятская губерния, Ижевский оружейный завод, перепись 1897 г., евреи, иудейская община

Для цитирования: Васина Т.А. Еврейская община Ижевского завода в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 83–90. doi: 10.17223/15617793/518/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/10

The Jewish community of the Izhevsk factory settlement in the documents of the First General Census of the Russian Empire in 1897

Tatiana A. Vasina¹

¹ Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk,
Russian Federation, tatjasch@mail.ru

Abstract. Based on materials from the 1897 First General Census of the Russian Empire, the article examines the Jewish community that formed in the 19th century in the settlement attached to the Izhevsk Armament and Ironworks in Sarapul district, Vyatka province. Using methods of historical research (historical-systemic, statistical), the author analyzes the social structure, place of birth and place of registration of the Jews, their occupations and sources of income, literacy levels, and demographic indicators (age-sex and family composition). The results provide a comprehensive profile of the Jewish community living in the factory settlement of a military department enterprise. The author concludes that the relaxation of the Pale of Settlement during the reforms of Alexander II, on the one hand, and the transfer of the factory population to civil administration, on the other, led to changes in the social structure of the Jewish ethnic community at the Izhevsk plant. Specifically, this included a reduction in the number of military personnel (lower ranks, ordinary soldiers in invalid and garrison companies) among local Jews. By the end of the 19th century, representatives of the urban estate – the *meshchane* (townspeople) – already predominated within the Izhevsk Jewish community. Part of the rural Jewish inhabitants also originated from the *meshchane* stratum. Many were registered in towns within the Pale of Settlement, i.e., in the western and southwestern provinces of the Russian Empire, which typically served as the birthplace for the older generation and family heads. However, members of the middle and younger generations were often natives of Vyatka, Kazan, Perm, and other interior provinces. The primary spheres of activity for Jews in the Izhevsk plant settlement were traditionally crafts and trade, predominantly the production and sale of clothing and food items. An investigation into the literacy levels of members of the Izhevsk Jewish community revealed some dependence on age and sex, but not on social estate: across the three examined social groups (*meshchane*, rural inhabitants, retired soldiers), this indicator differed only marginally. Meanwhile, the education of the majority of the Jewish population was limited to the curriculum of an elementary school, home schooling, or a Jewish school (the presence of a Jewish teacher allowed for teaching children Jewish law and language directly within the factory settlement). Finally, the analysis of the census data indicate a demographic profile marked by a predominance of nuclear, two-generation households, a significant proportion of youth, and a relatively small elderly population – a pattern consistent with a traditional model of population reproduction.

Keywords: Vyatka province, Izhevsk arms factory, 1897 census, Jews, Jewish community

For citation: Vasina, T.A. (2025) The Jewish community of the Izhevsk factory settlement in the documents of the First General Census of the Russian Empire in 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 83–90. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/10

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., включающие комплексные сведения о народонаселении, являются востребованным источником, широко применяющимся в отечественной исторической науке для проведения исследований российского общества конца XIX в., изучения социальной структуры, демографии, состава семьи, занятости, грамотности и т.д., в том числе на примере этноконфессиональных групп различных регионов. В постсоветской историографии наблюдается рост научного интереса и к истории формирования и развития еврейских общин на территории отдельных губерний, сложному процессу их адаптации, инкорпорации в местный социум. Авторами, как правило, отмечается неоднозначность национальной политики по еврейскому вопросу, противопоставляются два этапа второй половины XIX в. – периоды правлений Александра II и Александра III, выделяются характерные черты еврейской этнической общности, например, преобладание мещанского сословия, занятость преимущественно в сфере ремесла и торговли, относительно высокий уровень грамотности, превалирование молодежи в половозрастной структуре и т.п. [1–12]. В то же время, по замечанию А.М. Субботиной, «история еврейского населения Вятской губернии и ее отражение в архивных источниках не получили серьезного научного изучения... Немногочисленные региональные публикации по теме посвящены политической ссылке евреев в начале XX в., кратким справочно-статистическим сведениям о еврейской общине и иудеях, музейным проектам устной истории еврейских семей, краеведческим поискам отдельных персоналий и фактов» [13. С. 241]. Данное утверждение справедливо и в отношении Ижевского завода Сарапульского уезда Вятской губернии: проживавшие в заводском селении евреи рассматривались главным образом в работах краеведческого характера [14–20]. Слабая изученность ижевского иудейского сообщества определяет актуальность выбранной тематики.

Формирование ижевской еврейской общины, начавшееся в дореформенный период, было обусловлено, во-первых, созданием при заводе военного ведомства в 1812 г. подвижных инвалидных рот для охраны объектов (несения караулов, конвоя при транспортировке оружия) и, во-вторых, распространением на евреев Российской империи в 1827 г. рекрутской повинности [21. С. 100]. Указы Николая I от 26 августа 1827 г., помимо решения основных задач, способствовали интеграции евреев – «изолированного этнического меньшинства, населяющего западные окраины империи» [22. С. 34] – в российское общество: «Армия... санкционировала и законодательно закрепила для отслуживших евреев право селиться за пределами черты оседлости, благодаря чему во всех внутренних губерниях России образовались первые еврейские общины – за шестьдесят лет до фактической отмены черты оседлости» [22. С. 10].

Евреи в составе рот стали появляться, предположительно, в 1830-е гг., в связи с направлением полковых учеников на Ижевский завод для обучения оружейному делу. Например, в декабре 1831 г. на службу по-

ступил Кирило по крестному отцу Николаев (до крещения Аврум Нахман), в 1835 г. – И.Л. Ильтус, в 1836 г. – Родион по крестному отцу Владимиров (Нахман-Овсей Овдович) [23. Л. 427–428; 24. Л. 303–305]. В 1842 г. из Казанского батальона военных кантонистов прибыла партия полковых учеников для обучения «оружейным мастерствам», в том числе 36 крещеных (исповедующих православие) евреев – молодых людей в возрасте от 15 до 19 лет, уроженцев Витебской, Минской, Могилевской, Гродненской и Виленской губерний [25. Л. 270–279, 294–301].

Количество евреев, исповедующих иудаизм, тоже зависело от пополнения воинских команд и, по данным ежегодных отчетов Ижевской управы благочиния, менялось от 2–3 чел. в 1841–1842 гг. до 23 чел. в 1866 г., достигая максимума (более 100 чел.) в 1849–1855 гг. [26. Л. 8, 38; 27. Л. 46; 28. Л. 24 об.; 29. Л. 24; 30. Л. 31; 31. Л. 29 об.; 32. Л. 26; 33. Л. 27; 34. Л. 50]. В 1850 г. по ходатайству командира завода А.Я. Кнуста в заводском селении открылась синагога [35. Л. 1–24 об.].

Правление Александра II характеризовалось снятием ряда ограничений, например, доступ во внутренние губернии был открыт некоторым категориям евреев: купцам 1-й гильдии (1859 г.), докторам медицины и хирургии (1861 г.), лекарям (1866 г.) и изучающим фармацию, фельдшерское и повивальное дело (1879 г.), отставным и бессрочно-отпускным нижним чинам (1867 г.) [36. С. 35]. Законом от 28 июня 1865 г. евреям-механикам, винокурам и в целом мастерам и ремесленникам со своими семьями было разрешено проживать по паспортам и билетам повсеместно, а молодежи (в возрасте до 18 лет) – приезжать на обучение «мастерствам» [37. Л. 4].

Ослабление черты оседлости в период реформ, а также сокращение личного состава гарнизонных рот по проектам новых штатов 1862 г. [38. Л. 2–3] и перевод заводского населения в гражданское ведомство в 1866 г. привели к изменению социального состава ижевской еврейской общины. В частности, сократилось число военнослужащих рассматриваемой национальности: к концу XIX в. численность евреев в Ижевской местной артиллерийской команде составила 3 чел. [39. Л. 131–135 об.].

Наиболее полные представления о евреях в селении Ижевского завода в конце XIX в. дают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., позволяющие проанализировать сообщество по следующим показателям: социальная и половозрастная структура, место рождения и приписки, род занятий и источники дохода, уровень грамотности, состав семьи.

Переписные листы и планы переписных и счетных участков Ижевского завода сохранились в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики, в фонде Сарапульской уездной переписной комиссии (Ф. 236. Оп. 1. Д. 7–10, 78–151). Населенный пункт в составе Ижевско-Нагорной и Ижевско-Заречной волостей был разделен на три переписных участка: первый (север Нагорной части заводского селения) включал 15 счетных участков, второй (центр Нагорной части) –

27 и третий (Заречная часть) – 29. Всего было учтено 38 тыс. чел.

По данным переписных листов в селении Ижевского завода в 1897 г. насчитывалось 278 лиц иудейского исповедания (0,7% населения), в том числе 265 чел. проживали постоянно и 13 чел. пребывали временно (гости, жильцы, постояльцы) [40. Л. 4–5; 41. Л. 43–44; 42. Л. 227–228; 43. Л. 75–76; 44. Л. 23–24, 37–40; 45. Л. 37–38, 57–58, 139–140, 235–238, 277–280; 46. Л. 9–10, 29–32, 51–52, 135–136, 157–158, 253–254; 47. Л. 51–52; 48. Л. 54–57, 76–77, 119–120, 231–232; 49. Л. 38–39, 73–74, 274–275, 282–283; 50. Л. 183–184; 51. Л. 204–205; 52. Л. 223–224; 53. Л. 21–24, 171–172, 199–200; 54. Л. 30–31, 139–140, 147–148, 317–318; 55. Л. 163–166, 261–262, 329–330, 337–340; 56. Л. 52–53, 78–79, 88–89; 57. Л. 65–66, 157–158, 325–326; 58. Л. 7–8, 19–20].

Еще 23 чел. – носители фамилий Гешиктер, Лейстер, Шнайдерман (варианты написания: Шнайгерман, Шнейдерман), Рабинович, Нудельман и Пихлер – зарегистрированы православными, в графе «Родной язык» указан русский. Семья П.В. Гешиктера была конфессионально смешанной: постоялец Петр Васильевич и его жена Евдокия Артемьевна записаны православными, русскими, а вдова Масси Пинхасовна (предположительно, мать или теща, родственные отношения не указаны) исповедовала иудаизм, но родным языком считала русский [45. Л. 57–58]. Фамилия Шнайдерман в Ижевском заводе восходила, вероятно, к Николаю Шнайдерману, рядовому подвижной инвалидной № 13 роты, который в 1854 г. получил разрешение купить дом в заводском селении [59. Л. 27 об.]. В 1897 г. православными и русскими (по родному языку) числились

семьи Николая Васильевича (69 лет), Ивана Николаевича (39 лет), Якова Николаевича (26 лет) Шнайдерманов, а также Павла Николаевича Шнайгермана (26 лет) и Иосифа Николаевича Шнейдермана (30 лет) [41. Л. 288–289; 46. Л. 187–188; 48. Л. 116–118; 57. Л. 25–26; 60. Л. 14–15].

Поскольку вопрос об этнической самоидентификации смешанных семей и потомков крещеных евреев требует особого рассмотрения, в настоящей статье внимание уделено лицам, исповедующим иудаизм.

Евреи в основном проживали на территории второго переписного участка, т.е. в центре заводского селения, на съемных квартирах. Несколько семей жили в первом и третьем переписных участках. Домовладельцами являлись З.З. и С.З. Зубины, И.М. Грехов, И.И. Сирота, З.Х. Хейфец (Хэйфец) и М.Я. Фукс.

В составе ижевской иудейской общины преобладали представители городского сословия – мещанства: 216 чел. постоянного населения и все временно проживавшие, всего 229 чел. обоего пола (82,4%). Сельскими обывателями записались 39 чел. (14%). В Ижевском заводе данная социальная категория оформилась «Положением о перечислении в гражданское ведомство приписанных к Ижевскому оружейному заводу людей» от 22 ноября 1866 г. и включала оружейников, мастеровых и непрременных работников, уволенных от обязательных заводских работ и отчисленных из военного ведомства [61. Л. 136 об.–137 об.]. Сельские обыватели-евреи, как отмечалось в некоторых анкетах, могли быть выходцами из среды мещан (16 чел.), военнослужащих (10 чел.) или мастеровых (3 чел.). Наконец, к отставным солдатам и членам их семей относились 10 чел. (3,6%) (табл. 1).

Таблица 1

Социальная принадлежность евреев* Ижевского завода. 1897 г.

Социальная группа	Постоянное население			Временно пребывающие			Итого		
	М.п.	Ж.п.	Всего	М.п.	Ж.п.	Всего	М.п.	Ж.п.	Всего
Мещане	113	103	216	9	4	13	122	107	229 (82,4%)
Сельские обыватели	18	21	39				18	21	39 (14%)
Отставные солдаты	3	7	10				3	7	10 (3,6%)
Итого	134	131	265	9	4	13	143	135	278 (100%)

* исповедующих иудаизм.

Сост. по: [40. Л. 4–5; 41. Л. 43–44; 42. Л. 227–228; 43. Л. 75–76; 44. Л. 23–24, 37–40; 45. Л. 37–38, 57–58, 139–140, 235–238, 277–280; 46. Л. 9–10, 29–32, 51–52, 135–136, 157–158, 253–254; 47. Л. 51–52; 48. Л. 54–57, 76–77, 119–120, 231–232; 49. Л. 38–39, 73–74, 274–275, 282–283; 50. Л. 183–184; 51. Л. 204–205; 52. Л. 223–224; 53. Л. 21–24, 171–172, 199–200; 54. Л. 30–31, 139–140, 147–148, 317–318; 55. Л. 163–166, 261–262, 329–330, 337–340; 56. Л. 52–53, 78–79, 88–89; 57. Л. 65–66, 157–158, 325–326; 58. Л. 7–8, 19–20].

Родившиеся в западных и юго-западных губерниях Российской империи, входивших в черту оседлости, составляли почти четверть местного еврейского населения (67 чел., 24,1%). В городах и местечках Могилевской губернии родились 25 чел., Ковенской – 13, Витебской – 8, Минской, Гродненской и Виленской – по 5 чел. в каждой, Киевской – 3, Волынской, Черниговской и Лифляндской – по 1 чел. В данной группе были представлены лица преимущественно старших возрастов, появившиеся на свет в дореформенное время.

Большинство (131 чел., 47,1%) членов ижевской еврейской общины являлись уроженцами Вятской губернии, в том числе в селении Ижевского завода родились 116 чел. (41,7%), в уездном городе Сарапуле – 12, в

Яранске, Малмыже и Орловском уезде – по 1 чел. В основном это были люди пореформенного поколения, моложе 35 лет (за исключением 4 чел. в возрастной категории от 35 до 47 лет).

Кроме того, выходцами с территории Уральского региона (Перми, Кунгура, Шадринска, Нижнетагильского завода, Верхотурского уезда Пермской губернии, Белебеевского уезда Уфимской губернии, Оренбурга) были 48 чел. (17,3%), Поволжья (Казани, Буинска, Чистополя, Мамадыша Казанской губернии, Нижнего Новгорода, Саратова, Самары) – 10 чел. (3,6%), Новгородской и Псковской губерний – 13 чел. (4,7%), Москвы и Смоленска – 7 чел. (2,5%), а также Сибири (Каинска и Омска) – 2 чел. (0,7%).

Место рождения евреев нередко не совпадало с местом их приписки: члены семьи регистрировались в том же населенном пункте, что и глава домохозяйства. В основном ижевские евреи были записаны мещанами следующих городов и местечек: Могилев, Орша, Чаусы, Быхов, Шклов Могилевской губернии (45 чел.), Ковно, Россиены, Окмяны, Лайжево, Куршаны Ковенской губернии (37 чел.), Белосток, Волковыск, Изабеллин Гродненской губернии (15 чел.), Речица и Хойники Минской губернии (12 чел.), Витебск и Двинск Витебской губернии (6 чел.), Фастов и Вязовка Киевской губернии (3 чел.). Всего к поселениям западных и юго-западных губерний Российской империи были приписаны 118 чел. (42,5%).

Ижевский завод стал местом приписки для евреев из числа местных сельских обывателей, а также для одной мещанки и двух отставных солдат (42 чел., 15,1 %), в Вятке были зарегистрированы 3 чел., Сарапуле – 43, Слободском – 8, Елабуге – 2 и Яранске – 1, а в целом к населенным пунктам Вятской губернии были приписаны 99 ижевских евреев (35,6%).

Мещанами городов центральной части страны (Подольска, Малоярославца, Костромы, Смоленска, Череповца) являлись 19 чел. (6,8%), Поволжья и Уральского региона (Самары, Казани, Мензелинска, Перми, Шадринска) – 42 чел. (15,1%) (табл. 2).

Основной областью деятельности ижевских евреев в конце XIX в. традиционно являлась торгово-ремесленная.

Таблица 2

Место приписки евреев* Ижевского завода. 1897 г.

Регионы	Постоянное население			Временно пребывающие			Итого		
	М.п.	Ж.п.	Всего	М.п.	Ж.п.	Всего	М.п.	Ж.п.	Всего
Запад, юго-запад	57	53	110	5	3	8	62	56	118 (42,5%)
Центр	8	10	18	1		1	9	10	19 (6,8%)
Вятская губерния, в т.ч.:	50	48	98	1		1	51	48	99 (35,6%)
– Ижевский завод	19	23	42				19	23	42
Поволжье	3	2	5	1		1	4	2	6 (2,1%)
Урал	16	18	34	1	1	2	17	19	36 (13%)
Итого	134	131	265	9	4	13	143	135	278 (100%)

* исповедующих иудаизм.

Сост. по: [40. Л. 4–5; 41. Л. 43–44; 42. Л. 227–228; 43. Л. 75–76; 44. Л. 23–24, 37–40; 45. Л. 37–38, 57–58, 139–140, 235–238, 277–280; 46. Л. 9–10, 29–32, 51–52, 135–136, 157–158, 253–254; 47. Л. 51–52; 48. Л. 54–57, 76–77, 119–120, 231–232; 49. Л. 38–39, 73–74, 274–275, 282–283; 50. Л. 183–184; 51. Л. 204–205; 52. Л. 223–224; 53. Л. 21–24, 171–172, 199–200; 54. Л. 30–31, 139–140, 147–148, 317–318; 55. Л. 163–166, 261–262, 329–330, 337–340; 56. Л. 52–53, 78–79, 88–89; 57. Л. 65–66, 157–158, 325–326; 58. Л. 7–8, 19–20].

В сфере торговли трудились 27 чел. (9,7%) – хозяйка и приказчики магазинов и лавок. Наибольшее распространение получила торговля одеждой. Так называемое готовое платье продавали 13 чел.: О.М. Позин, братья И.И. Блехер (хозяин магазина) и А.И. Блехер (приказчик), Л.Н. Пейсахович (приказчик в магазине И.И. Блехера), Л.М. Голшмидт, П.Ш. Блох, И.В. Рыфтин (хозяин лавки), Б.М. Рывтина, Д.О. Рыфкина, братья Е.М. Айзенберг и А.М. Айзенберг (приказчики в лавке), Д.Л. Гертман и В.Л. Гертман (приказчик). Торговали мелочным товаром 6 чел.: Д.-Ф.П. Воробейчикова (на передвижном столике), муж и жена Ф.М. Хацкевич и Т.Г. Хацкевич, муж и жена З.Х. Хэйфец и Б.М. Хэйфец (хозяин лавки и торговка), М.Я. Фукс (хозяин мелочной лавки и одновременно портной). Бакалейной торговлей занимались Я.М. Невлер, М.В. Рывтин, М.М. Рыфкин (приказчик в лавке), торговлей «съестными припасами» занималась семья (муж, жена и сын) – М.Я. Розенберг, А.С. Розенберг и А.М. Розенберг. Продавал меха скорняк Е.М. Рывтин, швейные машины – Л.М. Невлер (хозяин лавки).

В ремесленной сфере работали 59 чел. (21,2%) – хозяева небольших предприятий, мастера, работники и ученики. Приоритетным видом деятельности являлось изготовление одежды: портняжное, швейное, чулочное, шляпное ремесло (13 чел.). В селении Ижевского завода проживали портные отец Б.Х. Лев и сын С.Б. Лев, Я.И. Тайц (работник при хозяине-портном В.Т. Молюкове), модистка шляп И.М. Хейфец, швея Б.М. Эстеркина, чулочницы Ф.Л. Рыфтина, О.И. Тайц (одновременно шила, как и ее брат), Р.М. Голшмидт и

Х.М. Блох (при своих мужьях – торговцах одеждой), О.Б. Крафт, Ч.И. Грехова (работница), сестры Х.Б. Прокументик и С.Б. Прокументик.

Обработкой кож и пошивом обуви занимались 5 чел.: хозяин кожевенного предприятия М.Х. Коренблат, сапожники К.И. Типографов, М.А. Воробейчик, ученики М.И. и П.И. Греховы.

Популярным было ремесло часовщика (10 чел.). В часовом магазине работали С.Л. Вичук (хозяин), Ш.М. Левин (мастер) и Ш.П. Цуккерман (ученик); кроме того, в заводском селении проживали часовые мастера М.З. Аптер, Н.Б. Прокументик, А.Б. Ицкович, В.М. Фукс, К.З. Хейфец, братья Б.А. Вейхман и И.А. Вейхман.

Кровельное дело вели мастера-гонтовщики А.Я. Гринберг, М.С. Гринблат, отец Б.С. Крафт и сын И.Б. Крафт, Г.Д. Нижачик, плотник А.Д. Шмид. Услуги в области деревообработки предлагали токарь по дереву Д.Ш. Шмулевич и столяр В.Е. Рябинович.

Обработкой металлов, включая ювелирное дело, занимались никелировщик М.Г. Рыфтин, медники Д.Г. Гусман и М.М. Гринблат (также слесарь) и золотых дел мастер Я.М. Позин. Трудился слесари М.Ф. Хацкевич, М.З. Хэйфец, братья Х.М. Фукс и И.М. Фукс.

Производством оружия в частных оружейных мастерских занимались 4 чел.: оружейный мастер М.М. Невлер и его сын токарь С.М. Невлер, М.Г. Эстеркин, Ш.Г. Нежечек.

В числе других ремесленников были переплетчики И.Ш. Шмулевич, И.И. Сирота, Х.-Н.А. Прокументик,

А.М. Крючкин (хозяин мастерской и маляр), стекольщики Е.Ф. Рабинович и И.М. Грехов (одновременно содержатель постоянного двора), пекарь А.М. Ашбель, булочник Г.М. Каплун, водочный мастер и дистиллятор на винокуренном заводе А.А. Ганнушкин, мастер фруктовых и ягодных вод З.М. Будницкий, фотограф З.П. Кросский.

В иные виды деятельности были вовлечены 12 чел. (4,3%). Так, в селении Ижевского завода проживали служащий частной фирмы по исполнению казенных подрядов З.З. Зубин (доверенный казанского купца В.З. Персона), подрядчик С.Б. Прозументик, фельдшер И.Г. Виннер и меламед И.Х. Корнблат (по второй профессии – стекольщик). Временно пребывала странствующая труппа: капельмейстер А.В. Родгольд, настройщик роялей Н.В. Ротгольд, музыканты С.Г. Брандзевич, А.Л. Оберман, И.Г. Друкер, С.Г. Друкер (ученик), театральный кассир М.П. Гешиктер, а также актеры, записанные православными, русскими, – упомянутый ранее П.В. Гешиктер с супругой.

Представленный перечень фамилий торговцев и ремесленников – хозяев, мастеров, работников и учеников – во многих случаях свидетельствует о семейном ведении дела. При этом следует отметить, что у большинства (180 чел., 64,8%) в переписных листах не отмечен род деятельности или источник дохода: это были в основном дети и женщины, находившиеся при своих отцах и мужьях и занятые в домашнем хозяйстве.

Обращает на себя внимание отсутствие прислуги еврейской национальности: только в семье подрядчика З.З. Зубина трудилась кухаркой вдова Ц.А. Ткач. В 26 еврейских семьях зафиксированы наемные работники и/или прислуга из местного населения, преимущественно православного русского. Особенности найма евреями прислуги из иудеев и христиан были обусловлены существовавшими в законодательстве Российской империи ограничениями, которые тем не менее, как указывается в исследовании А.М. Семенова и О.А. Семеновой, не предусматривали определенных наказаний за их нарушение [62].

Наемные работники (всего 20 чел., из них 17 – православные, русские и 3 – мусульмане-татары, уроженцы Вятской губернии, включая Ижевский завод, а также Казанской, Пермской и Уфимской губерний) были отмечены в 8 домохозяйствах: портной Б.Х. Лев нанимал работника и ученика, пекарь А.М. Ашбель – трех хлебопек (мастера, подмастерья и ученика), булочник Г.М. Каплун – булочного мастера, двух хлебопек и двух поденных работников, хозяин переплетной мастерской А.М. Крючкин – переплетчика, маляра-столяра и красильщика, торговец Д.Л. Гертман – работника, оружейный мастер М.М. Невлер – одного человека (тоже оружейного мастера), чулочница Х.М. Блох имела ученицу. На квартире подрядчика З.З. Зубина также проживал другой служащий частной фирмы по исполнению казенных подрядов В.Н. Дробов, рыбный мещанин, и вместе с ними в переписном листе указаны трое рабочих.

Прислуга (всего 27 чел., православные, русские, уроженцы Вятской губернии, в том числе Ижевского

завода, а также Казанской, Пермской и Уфимской губерний) зафиксирована в 22 еврейских семьях: кухарку нанимали торговцы О.М. Позин, И.И. Блехер, И.В. Рыфтин и Л.М. Невлер, приказчик В.Л. Гертман, скорняк Е.М. Рывтин, оружейники М.М. Невлер и Ш.Г. Нежечек, кровельщик А.Я. Гринберг, столяр В.Е. Рябинович, часовщики В.М. Фукс, Б.А. Вейхман и И.А. Вейхман, няню для детей – торговцы М.В. Рывтин, Д.Л. Гертман, приказчик Е.М. Айзенберг, кровельщик М.С. Гринблат, горничную – хозяин мелочной лавки З.Х. Хэйфец, кухарку и кучера держал хозяин часового магазина С.Л. Вичук, кухарку и дворника – часовщик К.З. Хэйфец, няню и кучера – подрядчик З.З. Зубин, двух кухарок и няню – хозяин переплетной мастерской А.М. Крючкин.

Уровень грамотности евреев Ижевского завода был относительно высоким и составлял 66,4% у мужчин (95 чел.) и 49,6% у женщин (67 чел.), соответственно, в среднем – 58,3% (162 чел. обоего пола). Большая часть получила образование в начальных учебных заведениях – одноклассных училищах, земском (57 чел.) или приходском (12 чел.). Домашнее обучение прошли 41 чел. (21 мужского пола и 20 женского). Еврейскую школу в качестве источника образования указали 22 чел. (20 мужского пола и 2 женского). Окончили двухклассное училище М.Н.П. 5 чел., городское училище – 5 и уездное – 2, женскую гимназию или прогимназию – 3, пансион – 1, специальные учебные заведения (фельдшерскую школу, музыкальную школу) – 2 чел. Обучились грамоте самостоятельно 7 мужчин, на военной службе (в полку) – 3, у учителя – 1. Одна женщина была отмечена в анкете как малограмотная. Заметно, что образование выше начального смогли получить немногие, что было связано с введенными в правление Александра III циркулярами М.Н.П. о процентных нормах евреев в университетах и средних учебных заведениях [36. С. 36].

В число грамотных включались люди с 7-летнего возраста, т.е. с момента поступления ребенка в школу. Наибольшая доля умевших читать и писать приходилась на возрастные группы от 10–14 и до 35–39 лет (в том числе стопроцентная грамотность отмечена в возрастной категории 20–24 лет).

На вопрос «Умеет ли читать?» в анкетах иногда встречался расширенный ответ: в частности, «да, по-еврейски» отметили 24 чел. (18 мужского пола и 6 женского), «да, по-еврейски и по-русски» – 7 чел. (5 мужского и 2 женского пола), «да, по-русски» – 6 чел. женского пола.

По сословиям доля получивших образование распределялась следующим образом: 58,1% (133 чел.) грамотных было в мещанской среде, 59% (23 чел.) у сельских обывателей и 60% (6 чел.) среди отставных солдат и членов их семей.

Материалы переписи позволили проследить и демографическую ситуацию. Половозрастная структура иудейского сообщества Ижевского завода в конце XIX в. характеризовалась заметной долей молодежи: дети до 9 лет насчитывали 97 чел. обоего пола (34,9%), подростки и юноши/девушки 10–19 лет – 62 чел. (22,3%).

Еще 37,4% (104 чел.) составляли люди зрелого, трудоспособного возраста (в широкой возрастной рамке от 20 до 59 лет). Лица пожилого (от 60 до 69 лет) возраста в составе социума не превышали 5,4% (15 чел.). Наблюдался небольшой перевес мужской части населения: на 100 мужчин приходилось 94,4 женщин.

По характеру родства было выделено несколько типов еврейских домохозяйств: малые (нуклеарные) – супружеские пары и супруги (либо вдовы) с несовершеннолетними или еще не вступившими в брак детьми; расширенные – родители с детьми и зятем/снохой; сложные – родители (либо вдовы) с детьми и внуками, а также братские двухпоколенные; иные (брат с сестрой, супружеская пара с братом, супружеская пара с внуками).

По данным переписи, преобладали малые семьи (37 семейств, 72,5%); сложные насчитывали 8 (15,7%) домохозяйств, расширенные – 3 (5,9%) и прочие – 3 (5,9%). По числу поколений: двухпоколенные семейства охватывали 36 домохозяйств (70,6%), однопоколенные – 9 (17,6%), трехпоколенные – 6 (11,8%).

Семьи могли включать от одного до 13 чел. (с учетом жильцов, гостей, работников или учеников, которые могли состоять в родственных отношениях с хозяевами). В среднем на квартире проживали 5,4 чел.

Домохозяйства, как правило, возглавляли женатые мужчины, но в одном случае хозяином квартиры был записан холостой сын (при наличии отца, матери, младшего брата и бабушки); еще в четырех случаях квартирными хозяйками названы женщины (три – вдовы с детьми, одна – незамужняя с младшим братом).

Таким образом, в конце XIX в. еврейская община Ижевского завода характеризовалась относительной

социальной однородностью: преобладали представители городского сословия – мещанства, часть сельских обывателей-евреев тоже происходила из среды мещан. Многие из них были приписаны к городам и местечкам в черте оседлости, т.е. в западных и юго-западных губерниях Российской империи, которые, как правило, являлись местом рождения для старшего поколения, глав семей. Но люди среднего и младшего поколений уже нередко были уроженцами Вятской, соседних Казанской, Пермской и других внутренних губерний. Основной сферой деятельности евреев в селекции Ижевского завода традиционно были ремесло и торговля, преимущественно изготовление и продажа предметов одежды и продуктов питания.

Исследование уровня грамотности членов ижевской иудейской общины выявило некоторую зависимость от возраста и пола, но не сословной принадлежности: в трех рассмотренных социальных группах (мещане, сельские обыватели, отставные солдаты) данный показатель отличался несущественно. При этом образование основной массы еврейского населения ограничивалось программой земской школы, домашнего обучения или еврейской школы (а наличие меламеда позволяло обучать детей еврейскому закону и языку непосредственно в заводском селекции). Наконец, анализ переписных листов показал, что демографическая ситуация в изучаемом сообществе характеризовалась преобладанием нуклеарных двухпоколенных домохозяйств и заметным процентом молодежи наряду с малой долей лиц пожилого возраста, что может свидетельствовать о сохранении традиционного типа воспроизводства.

Список источников

1. Авдашкин А.А., Черных А.В. Этноизация позднимперского города: еврейские общины Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв. // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1909–1917. doi: 10.13187/bg.2022.4.1909
2. Барзбнев М.И., Мурзаханов Ю.И. Евреи Терской области по данным Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 года // Кавказология. 2019. № 4. С. 175–184. doi: 10.31143/2542-212X-2019-4-175-184
3. Гончаров Ю.М. Процессы адаптации евреев в сибирском социуме во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1(72). С. 46–52.
4. Иванов А.А., Манян Н.М. Евреи в составе политических ссыльных Иркутской губернии в начале XX века: некоторые статистические характеристики // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 4. С. 159–169. doi: 10.21285/2415-8739-2020-4-159-169
5. Касанов А.С. Евреи в политической ссылке на территории Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 4 (32). С. 36–44. doi: 10.25730/VSU.2070.23.052
6. Комолятова А.Н. Еврейство в социокультурном пространстве северного города Российской империи XIX – начала XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 143–149.
7. Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв. : сб. науч. трудов / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев, отв. ред. А.А. Сорокин. Вып. 3: Евреи и иудаизм в Российской империи и СССР. М. : Эдитус, 2021. 204 с.
8. Марков В.Н. Евреи Кубанской области по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // История науки и техники. 2007. № 2. С. 57–61.
9. Пудалов Б.М. Из истории еврейской общины Нижнего Новгорода в XIX – начале XX в. // Евреи Нижнего Новгорода. Н. Новгород : Декон, 1993. С. 6–25.
10. Пулькин М.В. Евреи на европейском севере России: проблема адаптации (конец XIX – начало XX в.) // Российская история. 2009. № 3. С. 240–246.
11. Рязанова С.В., Шишигина М.А. Иудейская община Перми: факторы и принципы функционирования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 3-1. С. 215–226.
12. Улейчик Н.Л., Лазаревич Е.А. Еврейское население Гродненской губернии по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития : сб. науч. ст. Гродно, 2022. С. 268–273.
13. Субботина А.М. История евреев Вятской губернии в документах Центрального государственного архива Кировской области // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2024. Т. 10, № 3. С. 240–247. doi: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-240-247
14. Еврейское счастье: локальный аспект. Истории еврейских семей Ижевска в рассказах, документах и фотографиях / отв. ред. М.Б. Рупа-сова; науч. ред. и сост. М.В. Веретенникова, Е.В. Попова. Ижевск : Хэзд-Ариэль, 2020. 304 с.
15. Кардапольцева Е. Последняя синагога // Центр. 2016. 17 февраля. С. 9.
16. Карпенко И. В окрестностях Хаимграда // Леаим. 2009. № 1. С. 32–41.
17. Ренев Е. Шалом // Инвожо. 2012. № 8. С. 46–47.
18. Шумилов Е. Евреи: элита инженерная, торговая, медицинская... // Свое дело. 2001. № 11. С. 18–19.
19. Шумилов Е. Евреи: элита инженерная, торговая, медицинская... // Свое дело. 2001. № 12. С. 16–17.
20. Шумилов Е. Ижевская синагога // Известия Удмуртской Республики. 1994. 17 марта. № 40 (473). С. 4.

21. Некрашевич Ф.А. Распределение военнослужащих евреев в вооруженных силах Российской империи (1827–1874 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 98–106.
22. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии, 1827–1914. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 555 с.
23. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1019.
24. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1191.
25. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 447.
26. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 459.
27. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 774.
28. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 860.
29. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 894.
30. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 895.
31. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 936.
32. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 984.
33. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1049.
34. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1661.
35. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 759.
36. Иванова Н.Ю. К вопросу о праве некоторых категорий евреев повсеместного жительства в Российской империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ. Вып. 5. Курск : КГУ, 2012. С. 33–41.
37. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1346.
38. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1383.
39. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3101.
40. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 84.
41. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 93.
42. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 98.
43. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 111.
44. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 113.
45. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 114.
46. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 115.
47. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 121.
48. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 122.
49. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 126.
50. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 132.
51. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 135.
52. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 136.
53. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 137.
54. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 141.
55. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 144.
56. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 145.
57. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 146.
58. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 147.
59. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 994.
60. ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 91.
61. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1756.
62. Семенов А.М., Семенова О.А. Наем прислуги евреями в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Клио. 2019. № 10 (154). С. 45–50.

References

1. Avdashkin, A.A. & Chernykh, A.V. (2022) Etnizatsiya pozdneimperskogo goroda: evreyskie obshchiny Orenburgskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [Ethnicization of the Late Imperial City: Jewish Communities of the Orenburg Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Bylye Gody*. 17 (4). pp. 1909–1917. doi: 10.13187/bg.2022.4.1909
2. Barazbiev, M.I. & Murzakhanov, Yu.I. (2019) Evrei Terskoy oblasti po dannym Vserossiyskoy perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda [Jews of the Terek Region According to the 1897 All-Russian Population Census of the Russian Empire]. *Kavkazologiya*. 4. pp. 175–184. doi: 10.31143/2542-212X-2019-4-175-184
3. Goncharov, Yu.M. (2011) Protssy adaptatsii evreev v sibirskom sotsiume vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Processes of Jewish Adaptation in the Siberian Society in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-1 (72). pp. 46–52.
4. Ivanov, A.A. & Manyan, N.M. (2020) Evrei v sostave politicheskikh ssylnykh Irkutskoy gubernii v nachale KhKh veka: nekotorye statisticheskie kharakteristiki [Jews Among Political Exiles in Irkutsk Province in the Early 20th Century: Some Statistical Characteristics]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 16 (4). pp. 159–169. doi: 10.21285/2415-8739-2020-4-159-169
5. Kasanov, A.S. (2023) Evrei v politicheskoy ssylke na territorii Vyatskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vv. [Jews in Political Exile in the Vyatka Province at the Turn of the 20th Century]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. 4 (32). pp. 36–44. doi: 10.25730/VSU.2070.23.052
6. Komolyatova, A.N. (2014) Evreystvo v sotsiokulturnom prostranstve severnogo goroda Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX veka [Jewry in the Sociocultural Space of a Northern City of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. 6. pp. 143–149.
7. Seleznev, F.A. & Sorokin, A.A. (eds) (2021) *Konfessionalnye i etnicheskie gruppy rossiyskikh regionov v XIX–XXI vv.: sbornik nauchnykh trudov* [Confessional and Ethnic Groups of Russian Regions in the 19th–21st Centuries: Collection of Scientific Works]. Issue 3. Moscow: Editus.
8. Markov, V.N. (2007) Evrei Kubanskoy oblasti po dannym Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda [Jews of the Kuban Region According to the First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897]. *Istoriya nauki i tekhniki*. 2. pp. 57–61.
9. Pudalov, B.M. (1993) Iz istorii evreyskoy obshchiny Nizhnego Novgoroda v XIX – nachale XX v. [From the History of the Jewish Community of Nizhny Novgorod in the 19th – Early 20th Centuries]. In: *Evrei Nizhnego Novgoroda* [Евреи Нижнего Новгорода]. Nizhny Novgorod: Dekon. pp. 6–25.
10. Pul'kin, M.V. (2009) Evrei na evropeyskom severe Rossii: problema adaptatsii (konets XIX – nachalo XX v.) [Jews in the European North of Russia: the Problem of Adaptation (Late 19th – Early 20th Centuries)]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 240–246.
11. Ryazanova, S.V. & Shishigina, M.A. (2018) Iudeyskaya obshchina Permi: faktory i printsipy funktsionirovaniya [The Jewish Community of Perm: Factors and Principles of Functioning]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина]. 3-1. pp. 215–226.
12. Uleychik, N.L. & Lazarevich, E.A. (2022) Evreyskoe naselenie Grodnenskoy gubernii po materialam Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [The Jewish Population of the Grodno Province According to the Materials of the First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. In: *Sotsialnye, kulturnye i kommunikativnye praktiki v dinamike obshchestvennogo razvitiya: sbornik nauchnykh statey* [Social, Cultural and Communicative Practices in the Dynamics of Social Development: Collection of Scientific Articles]. Grodno. pp. 268–273.

13. Subbotina, A.M. (2024) Istoriya evreev Vyatskoy gubernii v dokumentakh Tsentralnogo gosudarstvennogo arkhiva Kirovskoy oblasti [History of the Jews of the Vyatka Province in the Documents of the Central State Archive of the Kirov Region]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki.* 10 (3). pp. 240–247. doi: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-240-247
14. Rupasova, M.B., Veretennikova, M.V. & Popova, E.V. (eds) (2020) *Evreyskoe schaste: lokalnyy aspekt. Istoriya evreyskikh semey Izhevsk v rasskazakh, dokumentakh i fotografiyakh* [Jewish Happiness: A Local Aspect. Stories of Jewish Families of Izhevsk in Stories, Documents and Photographs]. Izhevsk: Khesed-Ariel.
15. Kardapol'tseva, E. (2016) Poslednyaya sinagoga [The Last Synagogue]. *Tsentr.* 17 February. p. 9.
16. Karpenko, I. (2009) V okrestnostyakh Khaimgrada [In the Vicinity of Khaimgrad]. *Lekhaym.* 1. pp. 32–41.
17. Renev, E. (2012) Shalom [Shalom]. *Invozho.* 8. pp. 46–47.
18. Shumilov, E. (2001) Evrei: elita inzhenernaya, trgovaya, meditsinskaya... [Jews: Engineering, Trade, Medical Elite...]. *Svoe delo.* 11. pp. 18–19.
19. Shumilov, E. (2001) Evrei: elita inzhenernaya, trgovaya, meditsinskaya... [Jews: Engineering, Trade, Medical Elite...]. *Svoe delo.* 12. pp. 16–17.
20. Shumilov, E. (1994) Izhevskaya sinagoga [Izhevsk Synagogue]. *Izvestiya Udmurtskoy Respubliki.* 17 March. 40 (473). p. 4.
21. Nekrashevich, F.A. (2023) Raspredelenie voennosluzhashchikh evreev v vooruzhennykh silakh Rossiyskoy imperii (1827–1874 gg.) [Distribution of Jewish Servicemen in the Armed Forces of the Russian Empire (1827–1874)]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 1. pp. 98–106.
22. Petrovskiy-SHtern, Y. (2003) *Evrei v russkoy armii, 1827–1914* [Jews in the Russian Army, 1827–1914]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
23. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 1019.
24. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 1191.
25. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 447.
26. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 459.
27. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 774.
28. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 860.
29. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 894.
30. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 895.
31. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 936.
32. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 984.
33. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 1049.
34. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 1661.
35. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 759.
36. Ivanova, N.Yu. (2012) K voprosu o prave nekotorykh kategoriy evreev povsemestnogo zhitelstva v Rossiyskoy imperii [On the Question of the Right of Some Categories of Jews to Universal Residence in the Russian Empire]. In: *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs: sbornik nauchnykh rabot* [Historical and Legal Problems: A New Perspective: Collection of Scientific Works]. Issue 5. Kursk: KSU. pp. 33–41.
37. Central State Archive of the Kirov Region. Fund 582. List 26. File 1346.
38. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 1383.
39. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 3101.
40. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 84.
41. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 93.
42. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 98.
43. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 111.
44. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 113.
45. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 114.
46. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 115.
47. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 121.
48. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 122.
49. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 126.
50. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 132.
51. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 135.
52. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 136.
53. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 137.
54. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 141.
55. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 144.
56. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 145.
57. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 146.
58. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 147.
59. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 994.
60. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 236. List 1. File 91.
61. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4. List 1. File 1756.
62. Semenov, A.M. & Semenova, O.A. (2019) Naem prislugi evreyami v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX v. [Hiring Servants by Jews in the Russian Empire at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries]. *Klio.* 10 (154). pp. 45–50.

Информация об авторе:

Васина Т.А. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия). E-mail: tatjasch@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Vasina, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: tatjasch@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025;
одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 11.02.2025;
approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication 30.09.2025.

Научная статья
УДК 94(100)"1914/19"
doi: 10.17223/15617793/518/11

Реорганизация деятельности земств Пермской губернии в годы Первой мировой войны

Анна Андреевна Горбушина¹

¹ Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Пермь, Россия
AAGorbushina@hse.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность земств Пермской губернии в условиях Первой мировой войны. Показано, как годами выработанный механизм самоорганизации земств проявил себя в чрезвычайной ситуации, потребовавшей напряжения всех государственных и общественных сил. Выделены основные направления в работе земств Пермской губернии.

Ключевые слова: история земств, история медицины, земские учителя, земские врачи, фельдшерский персонал, Первая мировая война

Для цитирования: Горбушина А.А. Реорганизация деятельности земств Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 91–96. doi: 10.17223/15617793/518/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/11

Reorganization of the activities of the zemstvos of Perm Province during the First World War

Anna A. Gorbushina¹

¹ HSE University, Perm, Russian Federation, AAGorbushina@hse.ru

Abstract. The aim of this article is to examine the activities of the zemstvos (local self-government bodies) in Perm Province during the First World War and their contribution to the reorganization of medical care, agriculture, and the educational process. The study provides a deeper understanding of the context and complexity of the challenges faced by the zemstvos under wartime conditions. The research draws on a wide range of sources, including archival documents, reports, and statistical data collected by the provincial zemstvo and other state institutions. Works on the zemstvo experience during the First World War, the interaction between zemstvos and state authorities, play a significant role. Among the most important are the works of N.D. Sudavtsov and N.V. Gerasimova, which analyze the symbiosis of state and zemstvo institutions, as well as extensive archival materials containing data on the medical and teaching staff of zemstvo employees. In the course of the study, it was established that, despite being in opposition to state authority for virtually the entire period of their existence, it was the zemstvos that assumed the bulk of the burden in organizing mobilization measures during the First World War, all while maintaining constant contact with state authorities. The zemstvos not only carried out organizational work but also bore a major share of the economic costs of mobilization, highlighting their crucial role in maintaining socio-economic stability in the province. Mobilization led to a significant reduction in the number of doctors and paramedics. The loss of doctors in Perm Province amounted to 35%, resulting in a shortage of medical personnel, especially in rural areas. Zemstvos sought to compensate for this shortage by opening training courses for medical personnel. The mobilization of teachers also negatively impacted the educational process. Many educational institutions were closed or temporarily suspended their activities due to staff shortages and premises being requisitioned for hospitals. Facing a labor shortage, zemstvos began recruiting students for fieldwork and raised the issue of utilizing prisoner-of-war labor to address problems with sowing and harvesting crops. In the realm of social support, an important step to aid the families of mobilized men was the creation of volost (district) economic councils. These councils provided oversight and support for peasant households, which helped improve the local situation. The First World War had a significant negative impact on all spheres of life in Perm Province. However, the zemstvos, despite political and economic constraints, managed to achieve certain successes in organizing medical care, sustaining agriculture, and preserving the educational process, becoming a vital link in the region's social welfare system.

Keywords: history of zemstvos, history of medicine, zemstvo teachers, zemstvo doctors, paramedic staff, First World War

For citation: Gorbushina, A.A. (2025) Reorganization of the activities of the zemstvos of Perm Province during the First World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 91–96. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/11

На протяжении практически всего периода своего существования земства, так или иначе, были в оппозиции государственной власти, однако во время Первой мировой войны именно на земства легла основная часть мобилизационных мероприятий. Важнейшая черта земств – способность к самоорганизации и быстрой организации общества сыграла ключевую роль в быстрой и продуктивной реорганизации промышленности, сельского хозяйства и медицины на военный лад. Земства взяли на себя большую часть экономических расходов на организацию мобилизационных мероприятий. Историографию данной проблематики можно разделить на два основных направления – изучение земского опыта практической деятельности в период Первой мировой войны и взаимодействие земства и государства. Конкретно-практическая деятельность земств в основном рассмотрена в работах на региональных материалах [1, 2], а вот исследования по проблематике выстраивания отношений между государственными органами власти и земствами, наоборот, чаще представлены работами общероссийского масштаба [3, 4]. Наиболее широкое освещение получила деятельность Земгора [5–7].

В контексте нашего исследования пристального внимания заслуживает работа Н.Д. Судавцова [8], в которой автор подробно рассматривает симбиоз государственной и земской власти в области решения практических вопросов, которые ставились войной.

Заслуживает особого внимания и исследование Н.В. Герасимовой [9], которая выделяет годы Первой мировой войны в отдельный этап развития земства, когда происходит кардинально новый процесс встраивания земских учреждений в систему государственных.

Главной задачей Пермского земства в первые месяцы войны стала реорганизация медицинской помощи для населения и организация с нуля в кратчайшие сроки медицинской помощи для раненых воинов.

Согласно опросным ведомостям, разосланным Санитарным бюро губернского земства во все уездные земские управы и заводоуправления, мы можем судить о том, как война отразилась на составе врачебного и фельдшерского персонала Пермской губернии. В этих ведомостях содержатся вопросы о числе состоявших на службе врачей и фельдшеров к 19 июля 1914 г. и изменениях, произошедших с этого дня до 1 ноября 1915 г. Под изменениями понималось число медиков, призванных по мобилизации (табл. 1), оставивших службу по другим причинам и вновь поступивших на службу в земство, а также число не замещенных вакансий. Всего было разослано 12 анкет в уездные управы и 35 в заводоуправления [10. Л. 1–5].

Из ответов, присланных назад, известно, что к 19 июля 1914 г. в 155 врачебных участках Пермской губернии функционировало 144 лечебных заведения, со штатом в 188 врачей, 3 должности земских врачей были вакантны, и кроме того на службе находилось еще 6 запасных врачей (5 земских и 1 заводской). В пяти лечебных учреждениях губернского земства г. Перми в санитарной и эпидемиологической организации состояло 42 земских врача и 3 должности были

свободны. Таким образом, по всей губернии на службе состояло 235 врачей при семи свободных вакансиях, что составляло нехватку в 3% [10. Л. 6–15].

Таблица 1
Количество врачей, призванных на военную службу
с 19 июля 1914 г. по 1 ноября 1915

Уезды	Земские и земско-заводские	Заводские	Всего
Пермский	8	6	14
Верхотурский	3	8	11
Екатеринбургский	3	2	5
Камышловский	2	2	4
Ирбитский	3	–	3
Красноуфимский	4	2	6
Кунгурский	2	1	3
Осинский	5	–	5
Оханский	6	–	6
Соликамский	2	1	3
Чердынский	3	–	3
Шадринский	3	–	3
ИТОГО	44	22	66
Запасных врачей уездных земств	2	–	2
Врачей губернского земства	17	–	17
Всего	63	22	85

Так, общая убыль врачей от призыва на военную службу по губернии составила 35%, а в губернском земстве – 40%. При этом убыль земских врачей равнялась 32%, заводских – 43%. Наибольшая убыль по земским и земско-заводским врачам отмечалась в Пермском (53%), Оханском (46%), Осинском (42%) и Ирбитском (37%) уездах. Менее всего пострадали Екатеринбургский и Камышловский уезды (по 18%). Заводских врачей полностью лишились Камышловский, Красноуфимский и Кунгурский уезды и более половины врачей (53%) не досчитались в Верхотурском.

41 врач покинул службу в губернии по иным, не связанным с войной причинам (это 17% от общего числа), из них 33 в уездах и 8 в губернском земстве (табл. 2). Из 33 ушедших уездных врачей 26 были земскими (18%) и 6 – заводскими (12%).

За этот же период замещены были 39 вакансий врачей – 29 в уездах и 10 в губернском земстве. Из них 15 – земскими врачами и 14 – заводскими. Из 27 вакантных должностей в уездах замещены были лишь 15, в то время как в губернском земстве и среди заводских врачей число замещенных должностей превысило число покинувших службу. К 1 ноября 1915 г. число вакантных должностей земских врачей с 7 (в июле 1914 г.) возросло до 80 (62 в уездах и 18 в губернском земстве), и остались незамещенными 15 должностей заводских врачей. Наибольшую нехватку испытывало губернское земство – 18, далее шли Оханский, Пермский, Чердын-ский и Осинский уезды [11. С. 346].

Таблица 2

Данные по количеству врачей, оставивших службу по другим причинам и вновь поступившим на службу с 1914 г. по 1916 г. [11. С. 350–378]

Уезд	Земские и земско-заводские		Заводские		Итого	
	Оставили службу	Вновь поступили	Оставили службу	Вновь поступили	Оставили службу	Вновь поступили
Пермский	1	1	2	3	3	4
Верхотурский	1	2	2	6	3	8
Екатеринбургский	3	3	–	1	3	4
Камышловский	2	2	–	1	2	3
Ирбитский	1	–	–	–	1	–
Красноуфимский	2	2	–	1	2	3
Кунгурский	4	2	–	–	4	2
Осинский	2	–	–	–	2	–
Оханский	2	1	–	–	2	1
Соликамский	4	1	2	2	6	3
Чердынский	4	–	–	–	4	–
Шадринский	–	1	–	–	–	1
ИТОГО	26	15	6	14	32	29
Запасных врачей уездных земств	1	–	–	–	1	–
Врачей губернского земства	8	10	–	–	8	10
Всего	35	25	6	14	41	39

Отдельно стоит сказать о санитарных врачах. Из 12 человек в ряды действующей армии в 1914 г. были призваны врачи из Ирбитского, Красноуфимского, Кунгурского, Соликамского и Чердынского уездов, еще два врача оставили службу по иным, не связанным с войной, причинам – это врачи из Верхотурского и Камышловского уездов [12. С. 651]. К 1 января 1915 г. на войну ушли еще два врача – из Осинского и Шадринского уездов, таким образом, на службе в губернии осталось только 3 санитарных врача – в Екатеринбургском, Оханском и Пермском уездах. Все попытки губернской управы заместить вакантные места оказались безрезультатны. В 1914 г. места санитарных врачей пустовали: в Верхотурском уезде – 242 дня, в Ирбитском – 160, в Камышловском – 250, в Красноуфимском – 255, в Кунгурском – 275, в Соликамском и Чердынском – 162, в Шадринском – 16 [12]. Вся текущая статистическая работа в уездах, где врачи мобилизованы, была возложена на счетчиков-делопроизводителей.

Роль фельдшерского персонала в отношении самостоятельного амбулаторного приема больных и в обычное время была довольно высока, поэтому изменения, произошедшие в численном составе среднего медицинского персонала в связи с войной, также заслуживают пристального внимания. К 19 июля 1914 г. на службе в уездах состояло 590 фельдшеров, из них 454 – в земских и земско-заводских участках и 136 в заводских [11. С. 358]. Вакантных мест было 29. За год призвано было 130 фельдшеров (22%) и службу оставили по другим причинам еще 120 человек (20%). На их место пришли 115 фельдшеров, а нехватка составила 164, что почти в 6 раз выше довоенного дефицита в фельдшерском персонале. Из 164 вакансий 143 приходились на земских и 21 на заводских фельдшеров. Наибольшее число призывников было в Шадринском уезде – 45%, Ирбитском – 36%, Екатеринбургском – 28% и Оханском – 25%. Менее всего пострадал Верхотурский уезд – 11% [11. С. 358].

В запросе Санитарного бюро содержался вопрос о том, продолжается ли в участках амбулаторный и стационарный прием больных. Большинство уездов был

дан положительный ответ на проведение амбулаторного приема. Исключения составили фельдшерские пункты в Верхотурском (1), Ирбитском (2), Камышловском (1) и Шадринском (2) уездах, а также один врачебный участок в Екатеринбургском уезде. Что касалось стационарного лечения, то оно так же продолжалось повсеместно, кроме 4 участков Екатеринбургского, Ирбитского, Пермского и Шадринского уездов по 1 участку в каждом [10. ЛЛ.6-13].

К июлю 1914 г. на одного врача Пермской губернии в среднем приходилось 3,1 лиц фельдшерского персонала, а к ноябрю 1915 г. уже – 3,7.

Количество призванных врачей в Пермской губернии с начала войны к 1916 г. составило 84, и 31 врач был приглашен на замещение, таким образом, на земской службе в 1916 г. находились 135 врачей, что было приблизительно равно 72% от довоенного числа врачей. Что касалось состояния дел по общему количеству врачей, то, согласно записке управляющего губернией Н.Н. Максимова от 28 мая 1916 г., всего врачей в Пермской губернии на момент начала войны было 289 человек, из них на войну было призвано 100, а на службу в губернию требовалось пригласить еще как минимум 48 человек [10. Л. 14].

Первоочередной мерой Пермского земства в связи с военным временем стала переорганизация медицинской помощи. Пермская губерния, находящаяся в глубине тылу, стала одной из ведущих по оказанию госпитальной помощи раненым и больным солдатам. Перед губернским земством стала задача экстренного расширения кадрового состава ухаживающего персонала и сестер милосердия. В 1914 г. губернским комитетом совместно с Пермским отделением Красного Креста было решено открыть в кратковременные 6-недельные курсы сестер милосердия. На курсы записались 108 слушательниц – 51 для нужд земского союза и 57 для Красного Креста.

В следующем 1915 г. по указанию врачебной комиссии Пермского губернского комитета Всероссийского земского союза краткосрочные курсы сестер

милосердия образца 1914 г. были возобновлены с некоторыми незначительными изменениями в программе [13. С. 563–566].

Ввиду ограниченного пространства помещений школы на курсы были зачислены 60 слушательниц, хотя заявок было подано в 2,5 раза больше – 150. Окончили курсы и получили удостоверения «сестер милосердия военного времени» 54 человека.

Кроме того, с целью предотвращения массовых эпидемий в Пермской губернии в 1915 г. по инициативе представителей земств при Пермском бактериологическом институте были организованы курсы для подготовки дезинфекторов [14. С. 191–202]. Для поступления на курсы было подано 37 заявок. Зачислено на курсы было 20 человек, из которых на занятия явились только 13, а из них 12 успешно окончили данные курсы.

Вопрос нехватки медицинских кадров высшего звена пытались решить и за счет привлечения иностранных специалистов. Среди желающих в основном были пленные врачи из стран, воюющих с Россией. И при всем недостатке врачей положительный ответ на местах из них получали лишь единицы. Так, например, австрийский подданный доктор Лаврентий Филиппович Кендзиор [15. Л. 1–35] дважды делал запрос на определение его на службу в один из участков какого-либо уезда Пермской губернии. В конечном итоге он получил должность врача в Соликамском уезде с жалованием в 125 руб. и 20 руб. квартирных в месяц, на том основании, что, несмотря на свое гражданство, имел славянское происхождение и в течение предшествующих четырех лет проживал в Варшаве. Из другого источника мы получаем сведения о том, что Кендзиор стал заведующим сразу двух участков Соликамского уезда: Кудымкарского и Юсьвинского и заведующим двух соответствующих больниц [10. Л. 9]. Еще одним примером положительного ответа на запрос о службе был случай врача германского происхождения по фамилии Пехура. Он был захвачен в плен в г. Перемышле и не имел при себе документов, однако за него лично поручился главный врач Бессарабского госпиталя в Киеве, где Пехура служил старшим ординатором. В итоге земская управа дала направление на службу в Надежинский завод, где имелся только один врач – заведующая Надежинской больницей Тронина, являющаяся единственным врачом на 27 000 человек, среди которых было 8 000 рабочих завода, постоянно нуждающихся в специализированном медицинском обслуживании, в том числе и хирургическом, в то время как Тронина имела терапевтическую специализацию. Доктор Пехура же был хирургом, что, несомненно, повлияло на его назначение на должность заводского врача на Надежинском заводе.

Но даже несмотря на нехватку кадров, положительные примеры привлечения иностранцев из государств, воюющих с Россией, были крайне редки, так как по закону эти люди могли работать только с военнопленными, но не с мирным населением. Так, три военнопленных врача – Антон Цвингер, Рудольф Домель и Адам Войцеховский – и три их студента-медика – Регак Сватоплук, Антон Вран и Казимир Хилевский – несколько раз

направляли запросы в управу с целью пойти на службу в уезды Пермской губернии, где особо ощущалась нехватка специалистов, но положительного ответа так и не добились [15. Л. 1–35].

Кроме медицинского персонала во время мобилизации войск было призвано из запаса на военную службу большое количество учителей средних учебных заведений, высших начальных и городских училищ Пермской губернии [16. Л. 2]. К 1915 г. в России ушли на войну 12 тысяч лиц педагогического состава [17. Л. 15]. Управе Пермского городского земства важно было выяснить, кто именно из учительского состава был призван, какие предметы, и какое количество часов он преподавал, и как учебное заведение планировало заместить ушедшего работника. В начале нового 1914 учебного года каждое учебное заведение обязано было прислать в управу сведения о том, когда были начаты занятия, с каким числом классов, в каких помещениях, с указанием продолжительности уроков и перемен [16. Л. 33].

В 1914–1915 гг. часть учебных заведений в Пермской губернии была закрыта, ученики без экзаменов должны были быть переведены в иные учебные заведения. Важно отметить, что учебные заведения вынуждены были приостановить свою деятельность не только ввиду нехватки кадров, но и по причине дефицита свободных помещений, так как большая часть из них была отдана под обустройство госпиталей и лазаретов. Всем учебным заведениям в обязательном порядке необходимо было до 23 сентября 1914 г. предоставить сведения о помещениях для нужд армии под устройство лазаретов [16. Л. 30]. Так, например, начальница Пермской семинарии располагала достаточным количеством средств (300 руб.) для найма помещений для нужд учебного заведения, но само помещение найти никак не удавалось [17. Л. 4].

В 1916 г. несколько руководителей учебных заведений даже обратились в земскую управу с просьбой обеспечить занятиями хотя бы старшие классы, так как дефицит свободных помещений неуклонно рос [16. Л. 5].

Что касалось мер в области образования, то одной из первых стало отстранение от занятий учащихся, чьи родители имели немецкое, австрийское и венгерское подданство. Позже этот запрет распространился и на граждан Турции [16. Л. 18]. Исключение составили учащиеся с чешским гражданством, они могли посещать занятия, пока родители оформляли российское гражданство [16. Л. 24].

Изменения коснулись и учебной программы. В первый год войны в Пермской семинарии были вынуждены пожертвовать уроками гимнастики, так как гимнастический зал был отдан под лазарет на 25 коек [16. Л. 16]. Подобным образом обстояли дела и в других учебных заведениях.

Российская армия остро нуждалась в белье для раненых солдат, и одной из мер по увеличению производства необходимого количества белья стало возложение этих обязанностей на учениц женских гимназий, где рукоделие являлось обязательным предметом. Кроме того, что ученицы должны были изготавливать

белье, материал на него обеспечивался их родителями, в случае если семья ученицы была малоимущей – выдавался за счет средств учебного заведения [16. Л. 19].

В 1915 г. несколько воспитанниц Пермской семинарии самовольно надели нарукавники Красного Креста и пошли встречать поезда с ранеными, за что позже получили выговор от руководителей земской управы [16. Л. 29]. Однако позже постановлением земской городской управы учащимся высших и средних учебных заведений в силу острой нехватки младшего медицинского персонала было разрешено принимать участие в работе комитетов при Обществе Красного Креста [16. Л. 20].

Из учащихся реального училища и учениц средних учебных заведений были сформированы трудовые дружины, в ведении которых находилась помощь детям солдат, призванных на войну [16. Л. 54].

В связи с военным положением и призывом на военную службу большого числа крестьян, в губернии начались проблемы с посевом и сбором урожая, что впоследствии могло привести к дефициту продовольствия и голоду. Еще в ходе первой волны мобилизации летом 1914 г. в России из деревни было призвано 3,9 млн чел., а всего за четыре года войны на фронт ушло по меньшей мере 14,9 млн чел. [18. С. 17]. Кроме того, проходила военно-конная мобилизация и изъятие у крестьянских хозяйств упряжи и средств передвижения (повозок). В первый год войны земства старались своими силами справиться с недостатком рабочих рук на селе. Пермское земство стало активно привлекать на полевые работы учащихся практически всех учебных заведений [16. Л. 56].

Однако уже на следующий год положение резко ухудшилось, и земства поставили перед государством

вопрос об использовании труда военнопленных. По данным А.Л. Сидорова, в 1916 г. в ведомстве земледелия находилось до 646 тыс. военнопленных, губернским и уездным земствам выделялось в среднем от 1 до 10 тыс. человек [19. С. 451–452].

В 1916 г. Пермская земская управа пошла на более серьезные меры – были созданы волостные хозяйственные советы – особые общественные организации, чья деятельность была направлена на адресную помощь семьям мобилизованных. В ведении советов находился полный учет сведений о крестьянских хозяйствах на местах. В состав волостных советов входили местные агрономы и секретари, на которых легло все делопроизводство и надзор за выполнением работ. В смете на содержание советов предполагалось 100 тыс. руб. на работу секретарей, еще 100 тыс. на выплаты ссуд семьям мобилизованных под покупку сельхозтехники. Всего было потрачено 250 тыс. на хозяйства мобилизованных и 100 тыс. на уборку урожая. Большую часть бюджета (примерно 3/4) выделило губернское земство, остальную часть выплачивали уездные земства.

Подводя итог, следует сказать, что Первая мировая война оказала существенное негативное влияние практически на все стороны жизни в Пермской губернии. Основная нагрузка по решению многочисленных проблем социально-экономической сферы легла на плечи земств. Несмотря на политические и экономические ограничения, земства сумели достичь несомненных успехов в организации медицинской помощи населению и раненым, помощи вооруженным силам, поддержании сельского хозяйства и сохранении образования в губернии.

Список источников

1. Матвеев М.Н. Земства Поволжья 1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995.
2. Меньшиков В.Н. Экономическое и социокультурное развитие Тобольской губернии в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001.
3. Аяцков Д.Ф. Становление местного самоуправления в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997.
4. Емельянов Н.А. Местное самоуправление в России: генезис и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 1997.
5. Загряцков Д.М. Всероссийский земский союз. Петроград, 1915.
6. Акимов Г.С. Главный по снабжению армии комитет (Земгор) 1915–1917 : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
7. Майоров А.А. Деятельность Земгора по оказанию помощи русской армии в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1997.
8. Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны : дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2001.
9. Герасимова Н.В. Земское самоуправление в 1914–1918 гг. на территории Чувашии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
10. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 143. Оп. 1. Д. 391.
11. Курдова И.К. Перемены в составе медицинского персонала Пермской губернии в связи с условиями военного времени // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1916. № 4. С. 344–378.
12. Доклад Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 46 очередной сессии по вопросам и ходатайствам по санитарной части // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1915. № 9. С. 11–12.
13. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1915. № 10. С. 563–566.
14. Егоровская Р.А. О земских курсах для подготовки дезинфекторов // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1915. № 5–6. С. 191–202.
15. ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 722.
16. ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 81.
17. ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 100.
18. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (В цифрах). М., 1925. 103 с.
19. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 655 с.

References

1. Matveyev, M.N. (1995) *Zemstva Povolzh'ya 1917–1918 gg.* [Zemstvos of the Volga region 1917–1918]. Abstract of History Cand. Diss. Samara.
2. Menshikov, V.N. (2001) *Ekonomicheskoe i sotsiokul'turnoe razvitiye Tobol'skoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Economic and sociocultural development of Tobolsk province during the First World War]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
3. Ayatskov, D.F. (1997) *Stanovlenie mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [The formation of local self-government in the Russian Federation]. Abstract of History Cand. Diss. Saratov.
4. Emelyanov, N.A. (1997) *Mestnoe samoupravlenie v Rossii: genezis i tendentsii razvitiya* [Local self-government in Russia: genesis and development trends]. Abstract of History Cand. Diss. Tula.

5. Zagryatskov, D.M. (1915) *Vserossiyskiy zemsky soyuz* [All-Russian Zemstvo Union]. Petrograd: [s.n.].
6. Akimov, G.S. (1997) *Glavnyy po snabzheniyu armii komitet (Zemgor) 1915–1917* [Chief of the army supply committee (Zemgor) 1915–1917]. History Cand. Diss. Moscow.
7. Mayorov, A.A. (1997) *Deyatel'nost' Zemgora po okazaniyu pomoshchi russkoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Zemgor's activities in assisting the Russian army during the First World War]. Abstract of History Cand. Diss. Oryol.
8. Sudavtsov, N.D. (2001) *Zemskoye i gorodskoye samoupravlenie v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Zemstvo and urban self-government in Russia during the First World War]. History Dr. Diss. Stavropol.
9. Gerasimova, N.V. (2002) *Zemskoye samoupravlenie v 1914–1918 gg. na territorii Chuvashii* [Zemstvo self-government in 1914–1918 in the territory of Chuvashia]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
10. *State Archive of the Perm Krai (GAPK)*. Fund 143. List 1. File 391. (In Russian).
11. Kurdova, I.K. (1916) *Peremeny v sostave meditsinskogo personala Permskoy gubernii v svyazi s usloviyami voennogo vremeni* [Changes in the composition of medical personnel in Perm province in relation to wartime conditions]. *Vrachébnno-sanitarnaya khronika Permskoy gubernii*. 4. pp. 344–378.
12. *Vrachébnno-sanitarnaya khronika Permskoy gubernii*. (1915) *Doklad Permskoy gubernskoy zemskoy upravly Permskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu 46 ocherednoy sessii po voprosam i khodataistvam po sanitarnoy chasti* [Report of Perm provincial zemstvo administration to the 46th regular session of the Perm provincial zemstvo assembly on sanitary issues and petitions]. *Vrachébnno-sanitarnaya khronika Permskoy gubernii*. 9. pp. 11–12.
13. *Vrachébnno-sanitarnaya khronika Permskoy gubernii*. (1915) 10. pp. 563–566.
14. Egorovskaya, R.A. (1915) *O zemskikh kursakh dlya podgotovki dezinfektorov* [On zemstvo courses for training disinfectors]. *Vrachébnno-sanitarnaya khronika Permskoy gubernii*. 5–6. pp. 191–202.
15. *State Archive of the Perm Krai (GAPK)*. Fund 143. List 1. File 722. (In Russian).
16. *State Archive of the Perm Krai (GAPK)*. Fund 34. List 1. File 81. (In Russian).
17. *State Archive of the Perm Krai (GAPK)*. Fund 34. List 1. File 100. (In Russian).
18. Central Statistical Directorate. (1925) *Rossiya v mirovoy voynе 1914–1918 gg. (V tsifrah)* [Russia in the World War 1914–1918 (In Figures)]. Moscow: Central Statistical Directorate.
19. Sidorov, A.L. (1973) *Ekonomicheskoye polozhenie Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Economic Situation of Russia during the First World War]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Горбушина А.А. — канд. ист. наук, научный сотрудник кафедры гуманитарных дисциплин Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (Пермь, Россия). E-mail: AAGorbushina@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Gorbushina, Cand. Sci. (History), research fellow, HSE University (Perm, Russian Federation). E-mail: AAGorbushina@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2025;
одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 25.03.2025;
approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/518/12

Изучение процесса промышленного переворота в Сибири

Василий Павлович Зиновьев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vpz@tsu.ru*

Аннотация. Рассматривается история исследования процесса промышленного переворота в Сибири, который, по мнению автора, длился с 40-х гг. XIX в. до 60-х гг. XX в. Анализируются теоретические и фактологические основы взглядов историков, политические обстоятельства их работы и показаны основные результаты разработки проблемы в настоящий момент.

Ключевые слова: промышленный переворот, технический переворот, формирование классов индустриального общества, Сибирь

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Зиновьев В.П. Изучение процесса промышленного переворота в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 97–104. doi: 10.17223/15617793/518/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/12

Studying the process of industrial revolution in Siberia

Vasily P. Zinoviev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vpz@tsu.ru*

Abstract. The article analyzes the historiography of the industrial revolution in Siberia during the Soviet and post-Soviet periods. The author first examines the development of the concept of the industrial revolution in Russia within Soviet historiography, a framework that remained largely unchanged in the post-Soviet era. Two key debates on this topic are identified: those of the 1920s–1930s and the 1940s–1970s. The first debate established the concept of Russia's industrial revolution that is widely accepted today and became foundational for major publications and textbooks on the history of the USSR. The main tenets of this concept are as follows: beginning in the 1830s–1840s, the industrial revolution in Russia concluded in the 1880s–1890s; the technological modernization of industry was accompanied by the sequential formation of a proletariat in light industry, transportation, and heavy industry. The starting point of the process was identified as the widespread introduction of machinery and steam engines in light industry and machine-building, while its completion was marked by the triumph of factory production in the main industrial sectors of European Russia and the formation of a factory proletariat. The second debate stemmed from an attempt by Academician S.G. Strumilin to push the chronology of the industrial revolution earlier, confining it to the 1830s–1850s. In the end, most historians supported the first, refined concept regarding the completion of Russia's industrial revolution. Historians of Siberia did not participate directly in these all-Union debates, with the exception of Z.G. Karpenko, who agreed with the 1850s as the start date for Siberia's industrial revolution but did not specify a date for its conclusion there. This viewpoint is reflected in the *History of Siberia* (1968). While preparing the *History of the Working Class and Peasantry of Siberia*, regional historians concluded that the industrial revolution in Siberia began in water transport in the 1840s and was largely completed during the new industrial upswing in transit transportation, processing industries, and partially in mining, though the formation of a Siberian industrial workforce remained incomplete. Subsequently, Siberian historians focused on resolving three key questions: 1) Did factory production triumph in the region's processing industries? 2) When did the technical revolution begin and end in the mining sectors of the region? 3) To what extent had the formation of industrial classes progressed? V.A. Skubnevsky demonstrated that the transition from manufacture to factory, which began in Siberia in the post-reform period, was completed in the main branches of local processing industry by the first decade of the 20th century. For Siberian extractive industry, the established thesis remained unchanged, which noted the transitional state of the sector from manufacture to factory at the beginning of the 20th century. A genuine technical revolution in mining was completed only in the 1920s–1930s with the introduction of coal-cutting machines, pneumatic drills, and explosives in the mines.

Keywords: industrial revolution, technical revolution, formation of classes of industrial society, Siberia

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2024-0008.

For citation: Zinoviev, V.P. (2025) Studying the process of industrial revolution in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 97–104. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/12

Проблема истории промышленного переворота в России считается решенной и уже давно не привлекает внимания историков, как, впрочем, и другие темы индустриального развития страны до 1917 г. Действительно, обобщающая монография по истории рабочего класса России [1. С. 106–107, 157–166] и специальное исследование А.М. Соловьевой [2], казалось бы, убедительно доказали, что промышленный переворот в России состоялся в 1830–1890-е гг. Однако это верно только для обрабатывающей промышленности и транзитного транспорта Европейской России. В центре России во многих отраслях производства технический переворот даже не начинался – в сельском хозяйстве, строительстве, коммунальном деле, на лесоразработках, в рыболовстве и т.д. Окраины страны далеко отстали от промышленного центра как в техническом, так и в социальном отношениях.

Северная Азия как наиболее обширная окраина империи имела свои сроки и особенности индустриального освоения, в том числе и процесса механизации отраслей производства и транспорта. Данные по зауральским территориям, как правило, для характеристики индустриального развития страны в общероссийских исследованиях практически не использовались. Историки науки и техники России, конечно, упоминали о хрестоматийных технических изобретениях механиков Сибири в горной и горнозаводской промышленности: о паровой машине И.И. Ползунова, о гидротехниках К.Д. и П.К. Фроловых, о песковозе А.Н. Лопатина [3; 4. С. 169–170]. Первым о применении паровых машин на золотых промыслах Сибири в 1850-е гг. написал В.И. Семевский [5. С. 182, 184].

Изучение промышленного освоения региона, в том числе его технического перевооружения, также шло изолированно от общероссийских процессов. В первой дискуссии в отечественной историографии о промышленном перевороте в России 1920-х – первой половины 1930-х гг. сибирские историки не участвовали. В Сибири их практически не было, да и высказаться публично у них было мало возможностей из-за слабости публикационной базы исторической науки того времени. Это время приспособления марксистской теории становления капиталистического общества к российской исторической реальности. Тему промышленного переворота в своих трудах изучали П.И. Лященко [6. С. 287–289], М.Н. Покровский [7. С. 104–118], Ф.И. Михалевский [8], В.В. Зельцер [9–11], А.М. Панкратова [12], П.П. Парадизов [13], С.А. Пионтковский [14. С. 81–83, 127–132, 204–207; 15. С. 49–53, 128–129] и др. В этот период была разработана и положена в основу обобщающих изданий и учебников по истории СССР общепризнанная ныне концепция промышленного переворота в России. Основные положения этой концепции следующие: начавшись в 30–40-е гг. промышленный переворот в России завершился в 80–90-е гг. XIX в.; техническое перевооружение промыш-

ленности сопровождалось формированием пролетариата последовательно в легкой промышленности, транспорте, тяжелой индустрии. За отправную точку процесса принято массовое внедрение машин и паровых двигателей в легкой промышленности и машиностроении, за его завершение – победа фабричного производства в основных отраслях промышленности Европейской России – текстильной, пищевой, металлообрабатывающей, металлургии, социальное формирование класса фабрично-заводских рабочих. Отмечены быстрые темпы промышленного переворота в России, названы особенности – насаждение крупной промышленности сверху, возможность использования иностранной (английской) технологии, стимулирующая роль транспорта, особенно железных дорог. Общий итог исследований и рассуждений был отражен во втором томе учебника «Истории СССР», под редакцией М.В. Нечкиной, опубликованном в 1940 г. [16]. Намечались и основные дискуссионные моменты – расхождения в понимании сущности промышленной революции, ее взаимодействия с социальными процессами, в выборе критериев начала и завершения промышленного переворота. В кратком курсе истории ВКП(б) термин «промышленный переворот» применительно к России не был применен, однако отмечен слабый рост промышленности до 1861 г., рост в 60–80-е гг. и быстрый рост в 1890-е гг. [17].

Новое оживление интереса к методологии и конкретной разработке вопроса о промышленном перевороте в России было вызвано публикацией в 1944 г. книги С.Г. Струмилина «Промышленный переворот в России», в которой автор доказывал, что промышленный переворот в стране произошел до реформы 1861 г., притом фактически свел его к техническому перевооружению некоторых отраслей производства [18]. В развернувшейся дискуссии приняли участие ведущие специалисты по социально-экономической истории СССР (к сожалению, объем статьи не позволяет упомянуть всех участников этой дискуссии. – В.З.): В.К. Яцунский [19, 20], Н.М. Дружинин [21, 22], М.Ф. Злотников [23], К.А. Пажитнов [24], Л.А. Лооне [25], Б. Яковлев [26], П.Г. Рындзюнский [27; 28; 29. С. 21–48], Л.Г. Мельник [30], А.И. Парусов [31], историки науки и техники В.С. Виргинский [32], В.В. Данилевский [33. С. 152–162], А.А. Зворыкин [4], экономисты И.Д. Ширинский [34], П.А. Хромов [35], П.И. Лященко [36. С. 33–34], Г.П. Исаева [37], Б.Л. Цыпин [38], специалисты по индустриальной истории развитых капиталистических стран А.В. Ефимов [39. С. 232–246], Ф.В. Потемкин [40], Н.А. Ерофеев [41] и др. От сообщества сибирских историков свое мнение высказала З.Г. Карпенко, которая отнесла начало промышленного переворота в Кузбассе к 1850-м гг., завершение – к началу XX в. [42. С. 100–102].

При общей марксистской методологической основе авторы разошлись во мнениях относительно темпов,

масштабов, сроков и содержания промышленного переворота в России. Основным спорным вопросом была трактовка самого содержания понятия «промышленный переворот». Обнаружились три варианта его интерпретации: промышленный переворот – совокупность революционных изменений в технической и социальной сферах капиталистического общества (П. Лященко, В.З. Зельцер, В.К. Яцунский, Н.М. Дружинин, А.И. Парусов, Б.Л. Цыпин и др.); промышленный переворот – это техническое перевооружение промышленности (С.Г. Струмилин, К.А. Пажитнов, Л.А. Лооне, А.И. Парусов, Б. Яковлев, Г.П. Исаева и др.); промышленная революция – это прежде всего социальное явление – формирование классов капиталистического общества на основе технического переворота (А.М. Панкратова, П.Г. Рындзюнский, Л.Г. Мельник и др.). Они считали невозможным формирование пролетариата в условиях крепостничества и, таким образом, разорвали две стороны промышленной революции – техническую и социальную, в чем их и упрекали оппоненты.

Наиболее запутанным моментом является выбор критериев начала и завершения промышленного переворота. Одни историки и экономисты считали началом переворота появление первых рабочих машин (Б. Яковлев, В.В. Данилевский), другие – внедрение паровых машин в производственный процесс (З.Г. Карпенко), третьи – строительство фабрик (С.Г. Струмилин), четвертые (большинство) – массовое одновременное для разных отраслей промышленности внедрение машин и паровых двигателей, пятые считают началом промышленного переворота совершение технической революции (П.Г. Рындзюнский, А.М. Панкратова).

Завершение промышленного переворота одни связывают с превышением стоимости продуктов машинного производства в отрасли над ручным продуктом (С.Г. Струмилин, В.К. Яцунский и др.), вторые – с формированием пролетариата как социального слоя (А.М. Панкратова и др.), третьи – с формированием классовой пролетарской идеологии (П.Г. Рындзюнский, Б.Л. Цыпин), четвертые – с завершением технического переворота в тяжелой индустрии (С.А. Пионтковский, В.З. Зельцер). Таким образом экономические, социальные и даже политические критерии рассматриваются как пороговые в завершении промышленной революции. Очевидно одно – сроки окончания промышленной революции подгонялись под революции начала XX в. как обоснование предпосылок для них. На самом же деле в начале XX в. в России большая часть народного хозяйства была далека от механизации и не имела квалифицированных постоянных кадров. Это дает основание некоторым «правильным» историкам ставить под сомнение характер и значение Великой русской революции 1917 г., поскольку-де у нее не было предпосылок по Марксу [43, 44]. До «плекхановцев» не доходит мысль, что уникальность социально-политического переворота в России в начале XX в. состоит в том, что для его свершения оказалось достаточно первых результатов промышленной революции и формирования первых отрядов рабочего класса, осознавшего свои социальные интересы и сконцентрированного в нервных узлах общества и государства.

Применительно к Сибири дискуссии по истории промышленного переворота также имели место, но время дискуссий было обусловлено другими событиями – подготовкой обобщающих сочинений по истории Сибири.

В третьем томе пятитомной «Истории Сибири» промышленный переворот начат с внедрения паровых машин в металлургии, согласно мнению З.Г. Карпенко, однако о завершении промышленного переворота хотя бы в одной отрасли в книге не упоминается [45], в четвертом томе истории рабочего класса Сибири также о промышленном перевороте умалчивается, говорится о техническом прогрессе.

В 1960–1970-е гг. развернулась дискуссия по вопросам промышленного переворота в Сибири. В ней приняли участие авторы истории Кузбасса [46. С. 157], Н.Д. Овсянникова [47], Г.Х. Рабинович [48], А.А. Мухин [49], С.Ф. Хроленок [50], И.И. Комогорцев [51], А.Г. Патронова [52], В.И. Тужиков [53], Л.А. Солопий [54], Г.А. Бочанова [55], В.А. Скубневский [56], Д.М. Зольников [57], Б.К. Андрущенко [58] и др.

Дискуссия разбилась на три направления промышленного переворота: в золотопромышленности, в металлургии, в обрабатывающих отраслях. Не дискутировалась тема технического переворота в транспорте. Даты начала пароходства (1844 г.) и строительства железной дороги Екатеринбург–Тюмень (1885 г.) считаются началом механизации транзитного транспорта в Сибири, а со строительством Транссибирской магистрали (1911–1904 гг.) и развитием пароходств на основных речных системах Северной Азии во второй половине XIX в. механический транспорт утвердился на окраине империи.

Поскольку золотопромышленность в первой половине XIX в. стала одной из крупнейших сфер приложения капитала и развития техники в России, то промышленный переворот в ней стал одним из предметов исследования общероссийской историографии. В.И. Семевского, впервые сказавшего о применении паровых машин в золотопромышленности в 50-е гг. XIX в. (в 1851 г. была отмечена первая паровая бочка на промыслах Енисейской тайги, в 1853 г. – 3 [5. С. 182, 184]), поддержали В.В. Данилевский [33. С. 152–232], С.Ф. Хроленок [50. С. 103]. Они считали, что промышленный переворот в золотопромышленности начался в 1820–1840-х гг. со строительства золотопромывальных машин. Однако завершение переворота они отнесли к разным периодам развития отрасли, так как исходили из разных критериев уровня механизации золотых приисков и рудников: В.В. Данилевский – к 1850-м гг., а С.Ф. Хроленок – к началу XX в. Для В.В. Данилевского критерием механизации явилось преобладание на золотых приисках механической промывки золотоносной породы. Но добыча золота состоит из ряда операций – отбойка породы, транспортировка ее на обогатительные приборы, промывка золота (обогащение). Механизация одного из трех основных процессов не производит революции в производительности труда, С.Ф. Хроленок отнес завершение технического переворота в золотопромышленности на более позднее время механизации отбойки и транспортировки песков [50. С. 104, 108].

Большая часть историков (З.Г. Карпенко, А.С. Нагаев, Г.Х. Рабинович, Н.Д. Овсянникова, А.А. Мухин, Л.А. Солопий, Д.М. Зольников, В.И. Тужиков, А. Г. Патронова, А.П. Серебровский [59] и др.) относят начало технического переворота в золотопромышленности Сибири к 1880–1890-м гг. Они принимают за критерий внедрение комплекса технических новинок – гидравлическое и механические драгирование россыпей, использование динамита, паровых насосов и вентиляторов в шахтах, паровых и электрических двигателей на обогатительных и химических фабриках, игнорируя промывальные машины на водяной тяге. Завершение переворота они относят к началу XX в. в Томской горной области, а в Восточной Сибири – к 1930-м гг. Мои подсчеты по материалам горнозаводской статистики показали переходное состояние горной промышленности от мануфактуры к фабрике [60].

В металлургии Сибири промышленный переворот историки относят ко второй половине XIX в. Так считают З.Г. Карпенко, и И.И. Комогорцев. Для черной металлургии критерий переворота – введение паровых машин в производственный процесс, пудлингование, горячее дутье, бесмерование, для цветной – паровые машины, электролиз.

В обрабатывающей промышленности Сибири основная часть историков в 1960-е – начале 1970-х гг. относил начало промышленного переворота к 90-м гг. XIX в., а завершение – к советскому времени (А.А. Мухин, Г.Х. Рабинович, Д.М. Зольников, Г.А. Бочанова, авторы «Истории Сибири». Т. 3).

Относительно технического прогресса отдельных отраслей обрабатывающей промышленности дискуссии историков имели более конструктивные результаты, чем по горной промышленности. В 1972 г. А.А. Мухин отодвинул начало промышленного переворота в обрабатывающих отраслях сибирской промышленности на 1880-е гг. [49. С. 41]. В 1973 г. В.А. Скубневский подтвердил это подсчетами, из которых ясно, что в первое десятилетие XX в. в крупной промышленности Сибири фабрики преобладали, но твердого вывода не сделал [61. С. 45]. В 1974 г. он пришел к такому выводу по предприятиям Тобольской губернии [62. С. 58]. В 1975 г. вывод о завершении промышленного переворота в обрабатывающих отраслях Сибири в первом десятилетии XX в. сделал Г.Х. Рабинович [48. С. 87]. Далее работы В.А. Скубневского, Г.А. Бочановой, Б.К. Андрущенко показали, что в отдельных отраслях Сибири промышленный переворот начался в 1860-е гг., а в мукомольной и винокуренной промышленности завершился в 1880–1890-е гг. [55. С. 127–192; 56; 58. С. 41].

Итоги исследований были подведены в монографии «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» [63]. Общие выводы таковы: промышленный переворот в Сибири начался с водного транспорта в 1840-е гг. и завершился в основном в период нового промышленного подъема в транзитном транспорте, обрабатывающих отраслях промышленности, части горнодобывающей, которая находилась в переходном состоянии от мануфактурной технологии к фабричной; не завершено формирование сибирского отряда рабочих. Во введении книги ответственный редактор, профессор Н.В. Блинов счел необходимым

заметить, что вопрос до конца не решен и требует дальнейшего изучения [63. С. 19].

В.А. Скубневский в докладе на Всесоюзной Байкальской исторической школе в июне 1990 г., анализируя состояние изученности этого сюжета истории края, утвердительно ответил на вопрос о техническом перевороте в Сибири XIX в. только в речном судоходстве и в начале XX в. – на железнодорожном транспорте, обратил внимание на противоречивые, иногда противоположные оценки историками уровня оснащенности машинами различных отраслей промышленности, неудовлетворительное освещение этого вопроса в обобщающей книге по истории рабочего класса Сибири. Он высказал мнение в том, что промышленный переворот вряд ли завершился в сибирской экономике в целом к революции 1917 г., и поставил три вопроса:

1. Победило или нет фабричное производство в обрабатывающих отраслях промышленности?

2. Когда начался и когда завершился технический переворот в горнодобывающих отраслях региона?

3. Насколько продвинулась социальная сторона промышленного переворота в Сибири – формирование индустриальных классов – промышленной буржуазии и пролетариата? [64].

Как решались задачи, которые были обозначены в этом докладе в постсоветской историографии? С первой задачей, как выясняется, справился сам В.А. Скубневский. Он собрал и проанализировал все доступные свидетельства о состоянии обрабатывающей промышленности Сибири и доказал статистически вывод: «Переход от мануфактуры к фабрике, начавшийся в Сибири в пореформенный период, завершился в основных группах местной обрабатывающей промышленности в первом десятилетии XX в.» [65. С. 71–72].

В добывающей промышленности Сибири прежним остался тезис, который констатировал переходное состояние отрасли от мануфактуры к фабрике в начале XX в., высказанный мной в 1980 г. [60]. Дальнейшие исследования подтвердили этот вывод [66. С. 32–50; 67. С. 20–26; 68].

Сложность определения датировки промышленного переворота в горнодобывающих отраслях промышленности в том, что механизация производства в них начинается не с основного, а со вспомогательных процессов: промывки песков (обогащения золотоносной породы), откачки воды, вентиляции и освещения шахт, откачки, подъема из шахт, перевозки горных пород. Главный, наиболее трудоемкий процесс отбойки горной массы – угля, золотоносных песков долгое время не был механизирован и осуществлялся вручную забойщиками в разрезах и шахтах. Золотопромышленные машины были внедрены в производство с 1830-х гг., они были сердцем централизованных мануфактур, какими являлись прииски с хозяйскими работами, но они дали прибавку в производительности труда не более 6–8%, замена ручкой откачки песков на конную в таратайках дала 25–33% прибавки, а главным ресурсом осталась интенсификация труда забойщиков и возчиков – в три раза с 1830-х до 1890-х гг. [8. С. 66; 69. С. 72–73]. Некоторый элемент механизации в мануфактуре существовал, но он не произвел революции в производительности труда.

Настоящий технический переворот начался в горнодобывающей промышленности Сибири в 80–90-х гг. XIX в. с внедрения гидромониторов, драг в золотопромышленности, а завершился в 1920–1930-х гг. с внедрением врубовых машин, отбойных молотков и взрывчатых веществ в шахтах. Они подняли производительность труда в десятки раз [70. С. 22].

Так, доля механизированной добычи в Кузнецком бассейне выросла с 1,8% в 1928 г. до 43,4% в 1932 г. а к 1937 г. дошла до 95% [71. С. 191, 194]. Отбойные молотки томского ученого К.Н. Шмаргунова произвели революцию в угольной промышленности за счет эффективности, удобства и безопасности инструмента [72]. Можно утверждать, что технический переворот во всей угольной промышленности СССР произошел в 1930-е гг., так как механизация Кузнецкого бассейна не отставала от союзной. Но в советской историографии термины «технический переворот», «промышленный переворот», «первая модернизация» применительно к периоду сталинской индустриализации уже не использовались, они исчезли в пучине советской политэкономии. Хотя И.В. Сталин отмечал, что не правы

те ученые, которые «ссылаются на особую роль Советской власти в деле построения социализма, которая якобы дает ей возможность уничтожить существующие законы экономического развития и “формировать” новые» [73. С. 157]. Политэкономия социализма уже не нуждалась в здравом смысле вождя.

В коммунальном хозяйстве технический переворот, начавшись во второй половине XIX в., длился до 1950-х гг. В это время появились коммунальные сети городов – связь, автобусы, трамваи, водопровод, железные и шоссейные дороги, пароходы, авиасообщение. В сельском хозяйстве Сибири технический переворот начался в 1930-е гг. в растениеводстве, а завершился в основном в 1960-х гг. – в животноводстве, при этом в сельском хозяйстве до сих пор остается значительная доля ручного труда. Технический переворот происходил уже в советское время в строительном деле, на лесоразработках, в рыболовстве и т.д. Формирование кадрового состава в этих отраслях также шло в советское время [74]. Труды по истории техники на Урале и в Сибири продолжают появляться [75], что дает надежду на выяснение всех обстоятельств промышленного переворота в регионе.

Список источников

1. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М. : Наука, 1983. 576 с.
2. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М. : Наука, 1990. 272 с.
3. Гуляев С.И. Механик Ползунов. М. : В тип. Каткова и К, 1858. 7 л.
4. Зворыкин А.А., Осмова Н.И., Чернышев В.И., Шухардин С.В. История техники. М. : Соцэкгиз, 1962. 772 с.
5. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Историческое исследование : в 2 т. Т. 1: От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1898. LXXXIV, 578 с.
6. Лященко П.И. История русского народного хозяйства. М. : Л., 1927. 520 с.
7. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1–2: От древнейших времен до конца XIX столетия. М. : ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. 344 с.
8. Михалевский Ф.И. Золото как денежный товар. М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. 188 с.
9. Зельцер В.З. Ленин и проблема промышленной революции в России // История пролетариата СССР. 1933. № 4 (16). С. 3–55.
10. Зельцер В.З. Промышленная революция в России // Борьба классов. 1934. № 9. С. 80–88.
11. Зельцер В.З. Начало промышленного производства в России // История пролетариата СССР. 1934. № 4 (20). С. 3–26.
12. Панкратова А.М. Проблемы изучения истории рабочего класса в России // Труды Первой всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.12–1928–04.01–1929. Ч. 1. М. : Изд-во Комакадемии, 1930. С. 390–404.
13. Парадизов П.П. Маркс и Энгельс о России XIX столетия // Историк марксист. 1933. Т. 2 (30). С. 89–116.
14. Пионтковский С.А. Очерки истории России в XIX–XX веках. Курс лекций. Харьков, 1930. 493 с.
15. Пионтковский С.А. Очерки истории СССР XIX–XX веков. М. : Л. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1935. 528 с.
16. История СССР. Т. II. Россия в XIX веке / ред. М.В. Нечкина. М. : Соцэкгиз, 1940. 762 с.
17. История ВКП(б). Краткий курс. М. : Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 249 с.
18. Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М. : Госполитиздат, 1944. 48 с.
19. Яцунский В.К. Рец. на кн.: Промышленный переворот в России / С.Г. Струмилин. М. : Госполитиздат, 1944. 48 с. // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 126–135.
20. Яцунский В.К. Промышленный переворот в России // Вопросы истории. 1952. № 12. С. 48–70.
21. Дружинин Н.М. К вопросу о генезисе капитализма в России // Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Серия общественных наук. 1974. № 1. С. 3–14.
22. Дружинин Н.М. Еще раз о дореформенной промышленности России (ответ П.Г. Рындзюнскому) // Известия Северо-Кавказского научного центра. Серия общественных наук. 1976. № 2. С. 19–33.
23. Злотников М.Ф. От мануфактуры к фабрике // Вопросы истории. 1946. № 11–12. С. 31–48.
24. Пажитнов К.А. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 68–76.
25. Лооне Л.А. Из истории промышленного переворота в Эстонии // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 77–96.
26. Яковлев Б. Возникновение и этапы развития капиталистического уклада в России // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 91–104.
27. Рындзюнский П.Г. Вопросы истории русской промышленности в XIX в. // История СССР. 1972. № 5. С. 40–58.
28. Рындзюнский П.Г. Мануфактура и фабрика в экономической истории России XIX века (ответ академику Н.М. Дружинину) // Известия Северо-Кавказского научного центра. Серия общественных наук. 1975. № 1. С. 30–36.
29. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978. 295 с.
30. Мельник Л.Г. Технічний переворот на Україні у XIX ст. Київ : Вид-во ун-ту, 1972. 240 с.
31. Парусов А.И. Из истории промышленности и промышленного переворота в России // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1963. Вып. 58. С. 39–80.
32. Виргинский В.С., Захаров В.В. Подготовка перехода к машинному производству в дореформенной России // История СССР. 1983. № 2. С. 75–97.
33. Данилевский В.В. Русское золото : История открытия и добычи до середины XIX в. : [учеб. пособие для горно-металлургич. вузов и геол.-развед. фак.] М. : Metallurgizdat, 1959. 380 с.
34. Ширинский И.Д. Три стадии развития капитализма в промышленности: Лекция... / Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Курс полит. экономии. Раздел «Капиталистич. способ производства». М. : [б. и.], 1956. 32 с.
35. Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. М. : Гослитиздат, 1950 (тип. «Кр. пролетарий»). 552 с.

36. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II: Капитализм. М., 1952. 735 с.
37. Исаева Г.П. Некоторые проблемы истории развития русской промышленности в работах С.Г. Струмилина // Актуальные проблемы экономической науки в трудах С.Г. Струмилина. М., 1977. С. 215–249.
38. Цыпин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. Свердловск : Сред.-Уральское кн. изд-во, 1968. 188 с.
39. Ефимов А.В. США. Пути развития капитализма. М. : Наука, 1969. 695 с.
40. Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. 1: От мануфактуры к фабрике. М. : Наука, 1971. 454 с.
41. Ерофеев Н.А. Промышленная революция в Англии : учеб. пособие. М. : Учпедгиз, 1963. 184 с.
42. Карпенко З.Г. О промышленном перевороте в России (по материалам Кузнецкого бассейна) // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 96–102.
43. Островский А.В. Была ли наша революция социалистической? URL: <https://alternativy.ru/ru/content/byla-li-nasha-revoluciya-socialisticheskoy-ostrovskiy-aleksandr-vladimirovich-din-professor> (дата посещения: 15.03.2025).
44. Волков В.В. Спор о русской промышленности XVIII – первой половины XIX века: два проблемных вопроса отечественной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 3. С. 115–122.
45. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Сибирь в эпоху капитализма. Т. 3. Л. : Наука, 1968. 530 с.
46. История Кузбасса. Ч. 1. История Кузбасса с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кемерово : Кемер. кн. изд-во, 1967. 230 с.
47. Овсянникова Н.Д. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в эпоху капитализма (1861–1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1964. 393 с.
48. Рабинович Г.Х. Технический переворот и его финансирование в золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX века. Красноярск, 1962. С. 27–77.
49. Мухин. А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М. : Мысль, 1972. 336 с.
50. Хроленок С.Ф. К вопросу о промышленном перевороте в золотодобывающей промышленности Восточной Сибири (1860–1900) // Сибирь периода капитализма. Вып. 2: Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск : Наука, 1965. С. 97–109.
51. Комогорцев И.И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири (дооктябрьский период). Новосибирск : Изд-во АН СССР, 1965. 216 с.
52. Патронова А.Г. Особенности развития золотопромышленности Забайкалья в конце XIX – начале XX вв. // Забайкальский краеведческий ежегодник № 6. История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX в. Чита : Изд. забайкальского филиала геогр. об-ва СССР, 1972. С. 54–74.
53. Тужиков В.И. О развитии капиталистической мануфактуры и фабрики в Западной Сибири во второй половине XIX в. // Краевед Кузбасса. 1972. Вып. 2. С. 44–49.
54. Солопий Л.А. Развитие золотодобывающей промышленности в Забайкальской области (30–90-е годы XIX в.) // Из истории Сибири. Вып. 4. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. С. 196–230.
55. Бочанова Г.А. Обработка промышленности Западной Сибири (конец 19 – начало 20 вв.). Новосибирск : Наука, 1978. 257 с.
56. Скубневский В.А. К вопросу о переходе от мануфактуры к фабрике в обрабатывающей промышленности Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзного симпозиума. Новосибирск, 1974. С. 41–43.
57. Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск : Наука, 1969. 334 с.
58. Андрющенко Б.К. Фабричное производство в обрабатывающей промышленности Сибири (1861–1895) // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 23–43.
59. Серебровский А.П. Золотая промышленность. Т. 2. СССР. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1935. 617 с.
60. Зиновьев В.П. Горная промышленность и формирование горнорабочих (1895–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск : Наука, 1980. С. 6–31.
61. Скубневский В.А. Обработка промышленности и рабочие Сибири по материалам переписи 1908 г. // Из истории Сибири. Вып. 8. Рабочие Сибири в период империализма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 27–54.
62. Скубневский В.А. Структура обрабатывающей промышленности Тобольской губернии и численность занятых в ней рабочих в период империализма // Из истории Сибири. Вып. 14. Рабочие Сибири в период империализма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. С. 41–65.
63. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск : Наука, 1982. 459 с.
64. Промышленный переворот в Сибири: некоторые итоги и задачи изучения // Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы «История и общество в панораме веков» (19–24 июня 1990 г.). Ч. 1. Иркутск, 1990. С. 82–86.
65. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 282 с.
66. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.
67. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 336 с.
68. История Сибири. Т. 3. Новое время (конец XVI – начало XX века) / отв. ред. А.Х. Элерт, М.В. Шиловский. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. 812 с.
69. Зиновьев В.П. Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии России. Томск, 1982. С. 47–78.
70. Зиновьев В.П. Об особенностях промышленного переворота в Сибири // Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения : сб. трудов Всерос. науч. конф., посвящ. 95-летию индустриализации / отв. ред. В.М. Рышков. Новосибирск : Параллель, 2024. С. 18–25.
71. История Кузбасса. Т. II. Кузнецкий край на переломе эпох. Кн. 2. История региона в 1920–1930-х гг. / А.Н. Ермолаев (рук. авт. кол.), А.Ю. Карпинец, Н.М. Морозов, И.Ю. Усков. Кемерово : Кузбасская медиа группа, 2021. 560 с.
72. История отбойного молотка. URL: https://pnevmo.ru/news/istoriya_otboynogo_molotka/?ysclid=Itsuchh6od222400665 (дата обращения: 09.07.2024).
73. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сочинения : в 18 т. М. : Писатель, 1997. Т. 16. С. 154–223.
74. Зиновьев В.П. Промышленный переворот в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 101–107. doi: 10.17223/15617793/507/11
75. Алексеев В.В. Первые электростанции в Урало-Сибирском регионе (к 100-летию плана ГОЭЛРО) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 87–100. doi: 10.26516/2073-3380.2020.33.8

References

1. Volin, M.S. (ed.) (1983) *Rabochnyy klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v.* [Working Class of Russia from Its Origins to the Beginning of the 20th Century]. Moscow: Nauka.
2. Solov'yeva, A.M. (1990) *Promyshlennaya revolyutsiya v Rossii v XIX v.* [Industrial Revolution in Russia in the 19th Century]. Moscow: Nauka.
3. Gulyaev, S.I. (1858) *Mekhanik Polzunov* [Mechanic Polzunov]. Moscow: V tip. Katkova i K.
4. Zvorykin, A.A. et al. (1962) *Istoriya tekhniki* [History of Technology]. Moscow: Sotsekgiz.

5. Semevskiy, V.I. (1898) *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh. Istoricheskoye issledovanie* [Workers in Siberian Goldfields. Historical Study]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izd. I.M. Sibiryakova.
6. Lyashchenko, P.I. (1927) *Istoriya russkogo narodnogo khozyaystva* [History of the Russian National Economy]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
7. Pokrovskiy, M.N. (1931) *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke* [Russian History in the Most Concise Outline]. Parts 1–2. Moscow: OGIZ; Moskovskiy rabochiy.
8. Mikhalevskiy, F.I. (1937) *Zoloto kak denezhnyy tovar* [Gold as a Monetary Commodity]. Moscow: Gos. sotsial'no-ekonomicheskoye izd-vo.
9. Zel'tser, V.Z. (1933) Lenin i problema promyshlennoy revolyutsii v Rossii [Lenin and the problem of Industrial Revolution in Russia]. *Istoriya proletariata SSSR*. 4 (16). pp. 3–55.
10. Zel'tser, V.Z. (1934) Promyshlennaya revolyutsiya v Rossii [Industrial Revolution in Russia]. *Bor'ba klassov*. 9. pp. 80–88.
11. Zel'tser, V.Z. (1934) Nachalo promyshlennogo proizvodstva v Rossii [Beginning of industrial production in Russia]. *Istoriya proletariata SSSR*. 4 (20). pp. 3–26.
12. Pankratova, A.M. (1930) [Problems of studying the history of the working class in Russia]. *Proceedings of the 1st All-Union Conference of Marxist Historians*. Part 1. Moscow. 28 December 1928 – 4 January 1929. Moscow: Izd-vo Komakademii. pp. 390–404. (In Russian).
13. Paradizov, P.P. (1933) Marks i Engels o Rossii XIX stoletiya [Marx and Engels on Russia in the 19th century]. *Istoriya marksist*. 2 (30). pp. 89–116.
14. Piontkovskiy, S.A. (1930) *Ocherki istorii Rossii v XIX–XX vekakh. Kurs lektsiy* [Essays on the History of Russia in the 19th–20th Centuries. Lecture Course]. Kharkov: [s.n.].
15. Piontkovskiy, S.A. (1935) *Ocherki istorii SSSR XIX–XX vekov* [Essays on the History of the USSR in the 19th–20th Centuries]. Moscow; Leningrad: Gos. sotsial'no-ekonomicheskoye izd-vo.
16. Nechkina, M.V. (ed.) (1940) *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. Vol. 2. Moscow: Sotsekgis.
17. Anon. (1938) *Istoriya VKP(b). Kratkiy kurs* [History of the VKP(b). Short Course]. Moscow: Izd-vo TsK VKP(b) Pravda.
18. Strumilin, S.G. (1944) *Promyshlennyy perevorot v Rossii* [Industrial Revolution in Russia]. Moscow: Gospolitizdat.
19. Yatsunskiy, V.K. (1945) Review of book: Promyshlennyy perevorot v Rossii / S.G. Strumilin [Review on the book: Industrial Revolution in Russia / S.G. Strumilin]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 126–135.
20. Yatsunskiy, V.K. (1952) Promyshlennyy perevorot v Rossii [Industrial Revolution in Russia]. *Voprosy istorii*. 12. pp. 48–70.
21. Druzhinin, N.M. (1974) K voprosu o genezise kapitalizma v Rossii [On the question of the genesis of capitalism in Russia]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra Vysshey shkoly. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1. pp. 3–14.
22. Druzhinin, N.M. (1976) Yeshe raz o doreformennoy promyshlennosti Rossii (otvet P.G. Ryndzunskomu) [Once again on the pre-reform industry of Russia (reply to P.G. Ryndzunskiy)]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra. Seriya obshchestvennykh nauk*. 2. pp. 19–33.
23. Zlotnikov, M.F. (1946) Ot manufaktury k fabrike [From manufactory to factory]. *Voprosy istorii*. 11–12. pp. 31–48.
24. Pazhitnov, K.A. (1952) K voprosu o promyshlennom perevorote v Rossii [On the question of Industrial Revolution in Russia]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 68–76.
25. Loona, L.A. (1952) Iz istorii promyshlennogo perevorota v Estonii [From the history of Industrial Revolution in Estonia]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 77–96.
26. Yakovlev, B. (1950) Vozniknovenie i etapy razvitiya kapitalisticheskogo ukлада v Rossii [Origin and stages of development of the capitalist order in Russia]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 91–104.
27. Ryndzunskiy, P.G. (1972) Voprosy istorii russkoy promyshlennosti v XIX v. [Questions of the history of Russian industry in the 19th century]. *Istoriya SSSR*. 5. pp. 40–58.
28. Ryndzunskiy, P.G. (1975) Manufaktura i fabrika v ekonomicheskoy istorii Rossii XIX veka (otvet akademiku N.M. Druzhininu) [Manufactory and factory in the economic history of 19th-century Russia (reply to academician N.M. Druzhinin)]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1. pp. 30–36.
29. Ryndzunskiy, P.G. (1978) *Uverzhdenie kapitalizma v Rossii. 1850–1880 gg.* [Consolidation of Capitalism in Russia. 1850–1880]. Moscow: Nauka.
30. Melnik, L.G. (1972) *Tekhnichnyy perevorot na Ukrainy u XIX st.* [Technical Revolution in Ukraine in the 19th Century]. Kyiv: Vid-vo un-ta.
31. Parusov, A.I. (1963) Iz istorii promyshlennosti i promyshlennogo perevorota v Rossii [From the history of industry and Industrial Revolution in Russia]. *Uchenye zapiski Gorkovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriko-filologicheskaya*. 58. pp. 39–80.
32. Virginskii, V.S. & Zakharov, V.V. (1983) Podgotovka perekhoda k mashinnomu proizvodstvu v doreformennoy Rossii [Preparation for the transition to machine production in pre-reform Russia]. *Istoriya SSSR*. 2. pp. 75–97.
33. Danilevskiy, V.V. (1959) *Russkoye zoloto: Istoriya otkrytiya i dobychi do sere diny XIX v.* [Russian Gold: History of Discovery and Extraction until the Mid-19th Century]. Moscow: Metallurgizdat.
34. Shirinskiy, I.D. (1956) *Tri stadii razvitiya kapitalizma v promyshlennosti: Lektsiya* [Three Stages of Capitalism Development in Industry: A Lecture]. Moscow: [s.n.].
35. Khromov, P.A. (1950) *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii v XIX–XX vekakh. 1800–1917* [Economic Development of Russia in the 19th–20th Centuries. 1800–1917]. Moscow: Goslitizdat.
36. Lyashchenko, P.I. (1952) *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR* [History of the National Economy of the USSR]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
37. Isayeva, G.P. (1977) Nekotorye problemy istorii razvitiya russkoy promyshlennosti v rabotakh S.G. Strumilina [Some problems of the history of Russian industry development in the works of S.G. Strumilin]. In: Fedorenko, N.P. (ed.) *Aktual'nye problemy ekonomicheskoy nauki v trudakh S.G. Strumilina* [Current Problems of Economic Science in the Works of S.G. Strumilin]. Moscow: Nauka. pp. 215–249.
38. Tsy-pin, B.L. (1968) *Nekotorye osobennosti promyshlennogo perevorota v Rossii* [Some Features of the Industrial Revolution in Russia]. Sverdlovsk: Sred.-Uralskoye kn. izd-vo.
39. Yefimov, A.V. (1969) *SShA: Put' razvitiya kapitalizma* [USA: Paths of Capitalism Development]. Moscow: Nauka.
40. Potemkin, F.V. (1971) *Promyshlennaya revolyutsiya vo Frantsii* [Industrial Revolution in France]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
41. Yerofeev, N.A. (1963) *Promyshlennaya revolyutsiya v Anglii* [Industrial Revolution in England]. Moscow: Uchepepdgiz.
42. Karpenko, Z.G. (1955) O promyshlennom perevorote v Rossii (po materialam Kuznetskogo bassey-na) [On the Industrial Revolution in Russia (based on materials from the Kuznetsk basin)]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 96–102.
43. Ostrovskiy, A.V. (n.d.) *Byla li nasha revolyutsiya sotsialisticheskoy?* [Was Our Revolution Socialist?] [Online] Available from: <https://alternativy.ru/ru/content/byla-li-nasha-revolyciya-socialisticheskoy-ostrovskiy-aleksandr-vladimirovich-din-professor> (Accessed: 15.03.2025).
44. Volkov, V.V. (2007) Spor o russkoy promyshlennosti XVIII – pervoy poloviny XIX veka: dva problemnykh voprosa otechestvennoy istoriografii [Debate on Russian industry in the 18th – first half of the 19th century: two problematic issues of domestic historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 115–122.
45. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [History of Siberia from Ancient Times to Present]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
46. Okladnikov, A.P. (ed.) (1967) *Istoriya Kuzbassa* [History of Kuzbass]. Part 1. Kemerovo: Kemerovskoye knizhnoye izd-vo.
47. Ovsyannikova, N.D. (1964) *Razvitiye zolotodobyayushchey promyshlennosti Vostochnoy Sibiri v epokhu kapitalizma (1861–1914 gg.)* [Development of gold mining industry in Eastern Siberia in the era of capitalism (1861–1914)]. History Cand. Diss. Irkutsk.
48. Rabinovich, G.Kh. (1962) Tekhnicheskyy perevorot i yego finansirovaniye v zolotopromyshlennosti Yeniseyskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Technical revolution and its financing in the gold industry of Yenisei province at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. In: Sheynfel'd, M.B. & Stepynin, V.A. (eds) *K izucheniyu ekonomiki Yeniseyskoy gubernii kontsa XIX veka* [Towards a Study of the Economy of the Yenisei Province at the End of the 19th Century]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoye kn. izd-vo. pp. 27–77.
49. Mukhin, A.A. (1972) *Rabochie Sibiri v epokhu kapitalizma (1861–1917 gg.)* [Workers of Siberia in the Era of Capitalism (1861–1917)]. Moscow: Mysl'.

50. Khrolenok, S.F. (1965) K voprosu o promyshlennom perevorote v zolotodobivayushchey promyshlennosti Vostochnoy Sibiri (1860–1900) [On the question of Industrial Revolution in gold mining industry of Eastern Siberia (1860–1900)]. In: *Sibir' perioda kapitalizma* [Siberia during the Period of Capitalism]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka. pp. 97–109.
51. Komogortsev, I.I. (1965) *Ocherki istorii chernoy metallurgii Vostochnoy Sibiri (dooktyabrskiy period)* [Essays on the history of ferrous metallurgy of Eastern Siberia (Pre-October period)]. Novosibirsk: USSR AS.
52. Patronova, A.G. (1972) Osobennosti razvitiya zolotopromyshlennosti Zabaykal'ya v kontse XIX – nachale XX vv. [Features of gold mining development in Transbaikalia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. In: *Zabaykalskiy kraevedcheskiy ezhegodnik No. 6. Istoriya ekonomicheskogo razvitiya Zabaykal'ya v kontse XIX – nachale XX vv.* [Transbaikalia Regional Studies Yearbook, No. 6. History of Economic Development of Transbaikalia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Chita: Izd. zabaykal'skogo filiala geogr. ob-va SSSR. pp. 54–74.
53. Tuzhikov, V.I. (1972) O razvitiy kapitalisticheskoy manufakturny i fabriki v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [On development of capitalist manufactory and factory in Western Siberia in the second half of the 19th century]. *Kraeved Kuzbassa*. 2. pp. 44–49.
54. Solopiy, L.A. (1972) Razvitiye zolotodobivayushchey promyshlennosti v Zabaykalskoy oblasti (30–90-e gody XIX v.) [Development of gold mining industry in Transbaikalia region (1830s–1890s)]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 196–230.
55. Bochanova, G.A. (1978) *Obrabatyvayushchaya promyshlennost Zapadnoy Sibiri (konets 19 – nachalo 20 vv.)* [Processing Industry of Western Siberia (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
56. Skubnevskiy, V.A. (1974) K voprosu o perekhode ot manufakturny k fabriki v obrabatyvayushchey promyshlennosti Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [On the question of transition from manufactory to factory in processing industry of Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Izmeneniya v sostave i kulturno-tekhnicheskom urovne rabocheho klassa i krest'yanstva Sibiri. Tezisy dokladov i soobshcheniy Vsesoyuznogo simpoziuma* [Changes in the Composition and Cultural-Technical Level of the Working Class and Peasantry of Siberia. Abstracts of the All-Union Symposium]. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy SB USSR AS. pp. 41–43.
57. Zol'nikov, D.M. (1969) *Rabochoe dvizhenie v Sibiri v 1917 g.* [Workers' Movement in Siberia in 1917]. Novosibirsk: Nauka.
58. Andryushchenko, B.K. (1980) *Fabrichnoye proizvodstvo v obrabatyvayushchey promyshlennosti Sibiri (1861–1895)* [Factory production in the processing industry of Siberia (1861–1895)]. In: *Rabochie Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.* [Workers of Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 23–43.
59. Serebrovskiy, A.P. (1935) *Zolotaya promyshlennost* [Gold Industry]. Vol. 2. Moscow, Leningrad: USSR AS. [Online] Available from: <https://m.eruditor.one/file/2097653/>
60. Zinovyev, V.P. (1980) *Gornaya promyshlennost i formirovaniye gornorabotchikh (1895–1917 gg.)* [Mining Industry and Formation of Mining Workers (1895–1917)]. In: *Promyshlennost i rabochie Sibiri v period kapitalizma* [Industry and Workers of Siberia during the Period of Capitalism]. Novosibirsk: Nauka. pp. 6–31.
61. Skubnevskiy, V.A. (1973) *Obrabatyvayushchaya promyshlennost i rabochie Sibiri po materialam perepisi 1908 g.* [Processing industry and workers of Siberia based on 1908 census data]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Vol. 8. Tomsk: Tomsk State University. pp. 27–54.
62. Skubnevskiy, V.A. (1974) *Struktura obrabatyvayushchey promyshlennosti Tobol'skoy gubernii i chislennost' zanyatykh v ney rabochikh v period imperializma* [Structure of Processing Industry of Tobolsk Province and Number of Workers Employed Therein during Imperialism]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Vol. 14. Tomsk: Tomsk State University. pp. 41–65.
63. Vil'kov, O.N. & Kurilov, V.N. (eds) (1982) *Rabochnyy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [Working Class of Siberia in the Pre-October Period]. Novosibirsk: Nauka.
64. Skubnevskiy, V.A. (1990) [Industrial Revolution in Siberia: some results and research tasks]. *Istoriya i obshchestvo v panorame vekov* [History and Society in the Panorama of Centuries]. Proceedings of the All-Soviet Baykal Historical School. Part 1. Irkutsk. 19–24 June 1990. Irkutsk: [s.n.]. pp. 82–86. (In Russian).
65. Skubnevskiy, V.A. (1991) *Rabochie obrabatyvayushchey promyshlennosti Sibiri (90-e gody XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Workers of Processing Industry of Siberia (1890s – February 1917)]. Tomsk: Tomsk State University.
66. Zinovyev, V.P. (2007) *Industrial'nyye kadry staroy Sibiri* [Industrial Personnel of Old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
67. Zinovyev, V.P. (2009) *Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri* [Essays on the Social History of Industrial Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
68. Elert, A.Kh. & Shilovskiy, M.V. (eds) (2023) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
69. Zinovyev, V.P. (1982) *Metody kapitalisticheskoy ekspluatatsii rabochikh v zolotopromyshlennosti Rossii* [Methods of capitalist exploitation of workers in Russian gold mining]. In: Rabinovich, G.Kh. (ed.) *Iz istorii burzhuzii Rossii* [From the History of the Russian Bourgeoisie]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 47–78.
70. Zinovyev, V.P. (2024) *Osobennosti promyshlennogo perevorota v Sibiri* [Features of the Industrial Revolution in Siberia]. In: Rynkov, V.M. (ed.) *Industrial'noye razvitiye Rossii: etapy, osobennosti, perspektivy izucheniya* [Industrial Development of Russia: Stages, Features, and Study Prospects]. Novosibirsk: Parallel. pp. 18–25.
71. Yermolayev, A.N. et al. (eds) (2021) *Istoriya Kuzbassa* [History of Kuzbass]. Vol. 2. Book 2. Kemerovo: Kuzbasskaya media gruppa.
72. Pnevmo.ru. (2023) *Istoriya otboynogo molotka* [History of the jackhammer]. *Pnevmo.ru*. 31 March. [Online] Available from: https://pnevmo.ru/news/istoriya_otboynogo_molotka/?ysclid=itsuchh6od222400665 (Accessed: 09.07.2024).
73. Stalin, I.V. (1997) *Sochineniya* [Works]. Vol. 16. Moscow: Pisatel'. pp. 154–223.
74. Zinovyev, V.P. (2024) *Industrial Revolution in Siberia. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 101–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/11
75. Alekseev, V.V. (2020) *Pervye elektrostantsii v Uralo-Sibirskom regione (k 100-letiyu plana GOELRO)* [First power plants in the Ural-Siberian region (On the 100th anniversary of the GOELRO plan)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religovedeniye*. 33. pp. 87–100. doi: 10.26516/2073-3380.2020.33.8

Информация об авторе:

Зиновьев В.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.P. Zinoviev, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025;
одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 25.03.2025;
approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 30.09.2025.

Научная статья
УДК 94(37).014.3
doi: 10.17223/15617793/518/13

Государственная политика советской власти в период 1920-х гг. в области народного образования: анализ практик и решений в условиях смены педагогической парадигмы и политико-идеологической реформации в Стране Советов

Ольга Геннадьевна Некрылова¹, Денис Васильевич Щукин²

^{1, 2} Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Россия

¹ nekrylova_80@mail.ru

² ionysios@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается воздействие периода построения советской властью в 1920-е гг. новой модели государственности на пространство народного образования, педагогических практик и методик в условиях исторической политико-идеологической реформации и смены общей педагогической парадигмы в стране. Проанализированы практики внедрения советской властью в систему образования комплексного обучения и идей межпредметных связей, экспериментальных методик своего времени, а также выявлены научно-исследовательские подходы к пониманию данного процесса. На основе архивных материалов и источников восполнены контекстуальные пробелы в изучении не только общей истории отечественного образования в советский период, но и ее регионального аспекта в рамках Центрального Черноземья.

Ключевые слова: история, Советская Россия, система образования СССР, комплексное обучение, Наркомпрос, советская педагогическая наука, трудовая школа

Для цитирования: Некрылова О.Г., Щукин Д.В. Государственная политика советской власти в период 1920-х гг. в области народного образования: анализ практик и решений в условиях смены педагогической парадигмы и политико-идеологической реформации в Стране Советов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 105–114. doi: 10.17223/15617793/518/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/13

State policy of the Soviet government in the 1920s in the field of public education: Analysis of practices and decisions in the context of a change in the pedagogical paradigm and political and ideological reformation in the country of the Soviets

Olga G. Nekrylova¹, Denis V. Shchukin²

^{1, 2} Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

¹ nekrylova_80@mail.ru

² ionysios@yandex.ru

Abstract. The authors of the article focus on the educational practices of Soviet pedagogy in the 1920s, implemented during a shift in pedagogical paradigms and the construction of a new educational space for the Soviet state. Their aim was to conduct a historical analysis of domestic practices of transforming pedagogical postulates and ideas, examining how the Soviet government, for historical reasons, built a completely different model of public education in the 1920s within the context of an emerging fundamentally "new statehood" and ideological paradigm. The novelty of the work lies in its detailed examination of the Soviet government's implementation of an interdisciplinary, comprehensive approach to education during this period of overarching pedagogical change. The authors illustrate this through the case of a social studies course, introduced in 1921 to replace the subject of history. They provide a thorough historical analysis of both the restructuring and changes in the educational content of the period and the educational practices employed. The research revealed that the primary direction in the development of the labor school during the 1920s was the integration (synthesis) of educational material, which was given a "life-problem" emphasis by the Soviet authorities. The content of each subject was seen as subordinate to the general goals of the educational and upbringing process. This led to supplementing vertical integration (subject columns) with horizontal integration (leading comprehensive themes), resulting in individual disciplines losing their autonomous status and an overemphasis on studying contemporary issues over past events – a trend demonstrated using the Social Science discipline as an example. The analysis of the development of the school network in the Central Black Earth Region during this period showed that, in practice, comprehensive learning based on the State Academic Council's programs and the implementation of innovative and experimental methodologies led to numerous difficulties and contradictions. For teachers in public schools, operating under conditions of revolutionary intolerance, directive pressure to fulfill the social mandate, and financial

instability, this policy of the People's Commissariat for Education (Narkompros) became an overwhelming burden. The creators of the comprehensive programs largely overestimated children's capabilities, expecting from them research initiative and a drive for independent knowledge acquisition, while students themselves primarily wanted to learn to read and write. The article draws conclusions regarding the substantive aspects of practices for the comprehensive structuring of educational material within the space of Soviet education and pedagogy in the 1920s. This is considered in terms of their innovative component and the experience of interdisciplinary connections, set against the backdrop of the overarching pedagogical paradigm shift, as well as the reform and construction of an entirely new system of public education in the country during this period.

Keywords: history, Soviet Russia, education system in USSR, integrated learning, Narkompros, soviet pedagogical science, labor school

For citation: Nekrylova, O.G. & Shchukin, D.V. (2025) State policy of the Soviet government in the 1920s in the field of public education: Analysis of practices and decisions in the context of a change in the pedagogical paradigm and political and ideological reformation in the country of the Soviets. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 105–114. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/13

Пространство мировой истории начала XX в. – это период предметных трансформаций, время перемен, смены парадигм и векторальных направлений, что напрямую касалось и системы педагогического образования. Традиционный формат обучения через концепт передачи готовых знаний утрачивает факторность своего центрально-стрессового значения. Новые исторические реалии и сформированные ими задачи требовали акцентного внимания на развитие практик самостоятельного конструирования знаний ребенка. Создание наиболее благоприятных условий для самостоятельного получения знаний ребенком; изучение разнообразных видов трудовой деятельности как важнейшего фактора учебно-воспитательной работы; акцент на политехническое образование, осуществление профессиональной подготовки; построение системы образования по принципу «от ребенка к миру», с акцентом на его жизненный опыт – таковы главные задачи набирающей популярность в это время идеи смены образовательной парадигмы от «умение через знание» к концепту «знание через умение». При этом особое место в «новом видении» построения образовательной модели стал занимать дискурс о реализации межпредметного подхода в образовании. В дальнейшем этот подход станет фактически обязательным при реализации учебных программ по всем предметам, сохранив свое значение и сегодня. Напомним, что в настоящее время метапредметные результаты обучения являются обязательными умениями, усвоение которых регламентируется требованиями ФГОС в России.

Все это обуславливает интерес к поднятой в рамках данной статьи проблематике. При этом внимание к ней с позиции современности продиктовано еще и практико-прикладным интересом с учетом фактической реализации в настоящее время различных инновационных форм и методов обучения с акцентным вниманием на проектные методики, межпредметные связи и концепты, а также приоритетность задачи повышения функциональной грамотности обучающихся в условиях цифровой трансформации системы образования.

Актуальность заявленной темы подтверждается и научным интересом исследователей, которые обращались к разным аспектам ее рассмотрения, привлекая архивные и публицистические материалы. Так, идея комплексного построения образовательного материала, получив широкую популярность с первых шагов

разработки новых программ Государственным ученым советом (руководящий научно-методический орган Наркомпроса РСФСР (1919–1933 гг.)), стала одной из основных в педагогической литературе рассматриваемого периода. В работах И.Г. Автухова, П.П. Блонского, М.М. Пистрак, Н.Н. Иорданского, В.Н. Шульгина идея комплексной системы расположения учебного материала подвергалась всестороннему анализу [1–5]. Сторонники комплексной системы считали, что это один из наиболее реальных путей связи учебно-воспитательного процесса с современностью, с жизнью, окружающей ребенка. В историко-педагогической литературе советского периода комплексная система обучения не получила своего детального освещения, а рассматривалась в общем контексте развития и становления советской школы 1920-х гг. [6–8]. Таким образом, касаясь вскользь проблемы реализации комплексной системы обучения, советская историография старалась избегать жесткой критики программ ГУСа периода 1920-х гг., акцентируя внимание только на положительных моментах становления народной школы.

В зарубежной историографии представлено несколько исследований, посвященных процессу развития советской педагогики в 1920-е гг. и формированию содержания общего среднего образования. Историографическая концепция, характеризующаяся положительной оценкой достижений советской педагогики, прежде всего в аспекте масштабного педагогического экспериментирования, представлена в работах Л. Вильсона, Д. Дьюи, А. Калгрена [9]. Так, Д. Дьюи, неоднократно приезжавший в СССР в 1920-е гг., отмечал: «...прогрессивные идеи американской школы гораздо больше вошли в русскую систему, чем в американскую» [10. Р. 7]. Образовательной политике 1920-х гг. посвятили свои работы такие зарубежные авторы, как О. Анвейлер, Ш. Фитцпатрик, Н. Ханс, Л. Холмз [11–14]. Подчеркнем, что при анализе работ данных авторов необходимо помнить, что зарубежные исследователи оценивали Единую трудовую школу 1920-х гг. нового Советского государства как инновационное и одновременно крайне противоречивое явление в истории российского и мирового образования.

Современная российская историография представлена работами, которые построены на проблемных принципах исследования аспектов истории советской школы [15. С. 179–189].

Внимания заслуживают работы, в центре которых лежит анализ теоретико-методологических основ содержания общего среднего образования исследуемого периода [16–20]. Структурные компоненты поднятой проблематики исследования в части освещения ряда ее содержательных вопросов представлены в ранее опубликованных совместных работах авторов статьи [21].

Таким образом, взгляд через сто лет на процессы инновационных преобразований и межпредметных концептов, реализуемых в пространстве образовательных практик в условиях кардинальной смены педагогической парадигмы по причине построения новой отечественной (советской) системы образования, выступает явной необходимостью актуализированной с учетом реалий современности. С другой стороны, фактическое отсутствие научных работ с позиции историографического анализа, в разрезе поднятой в данной статье темы представляется нам хорошей возможностью восполнить этот пробел.

Источниками для данной работы послужили различного рода документы официального значения, связанные с разнообразными аспектами развития школы и педагогической науки исследуемого периода [22]. Для анализа образовательных практик, содержания учебных программ и организации учебно-воспитательного процесса были использованы учебные планы и программы для I и II ступени Единой трудовой школы, методические рекомендации, программы ГУСа [23, 24]. Использование архивных документов дает возможность проанализировать специфику практического применения исследуемых инновационных практик в губерниях Центрального Черноземья. Для получения дополнительной информации об основном содержании образовательного пространства школы была использована справочная литература. Отметим использование воспоминаний, мемуаристики современников о состоянии педагогики и школы 1920-х гг. в плане изучаемой проблемы [25, 26].

Методологическая база исследования носит комплексный характер. Обработка первичной информации осуществлялась посредством критического анализа широкого спектра документальных работ и архивных источников. Аналитические методы применялись при анализе исторических источников, педагогической и исторической литературы. В работе использованы методы, структурно-функционального и сравнительного анализа, эмпирического и теоретического обобщения полученной информации. Использовались различные виды теоретического анализа: сравнительно-сопоставительный, системно-структурный, факторный, функциональный. Рассмотреть явления в их совокупности помог историко-системный метод, особенно при анализе условий формирования образовательных практик исследуемого периода.

Метод актуализации позволяет использовать полученные знания, результаты и выводы исследователей для последующей научной деятельности. Выводы исследования основаны на общенаучных методах анализа и синтеза, дедукции и индукции.

Проведенный авторами статьи анализ исторического материала позволяет констатировать, что становление новой педагогической парадигмы происходило в

конце XIX – начале XX в. в различных странах. В конце XIX в. в Германии сформировались два основных течения трудовой школы: профессионально-трудовое (Г. Кершенштейнер, Р. Зейдель) и образовательно-трудовое (В.А. Лай). В начале XX в. в США получает развитие новое направление трудовой школы – социально-трудовое, связанное с деятельностью американского философа образования и педагога Джона Дьюи. Предложенная Дж. Дьюи концепция дидактического прагматизма подразумевала обучение на основе постоянно обновляющегося опыта ребенка, получаемого в процессе практического соприкосновения с окружающим миром. Критикуя существующую на тот момент систему образования за чрезмерные акценты на интеллектуализме и формальной передаче знаний, Дж. Дьюи предложил обучение нового типа, основанное на восприятии знаний посредством эксперимента и междисциплинарном подходе к усвоению материала [10. Р. 135]. Педоцентрическая направленность учения Дж. Дьюи обусловила важнейшие элементы выдвинутого им дидактического прагматизма: свободное воспитание и самореализация ребенка, трудовая школа, личностно ориентированное обучение. Совокупность представленных компонентов была призвана обеспечить развитие критического мышления, формирование умения творчески и с разных аспектов подходить к решению проблем, способности подстраиваться под меняющиеся условия и действовать в нестандартных ситуациях. Достижения зарубежной педагогики первой трети XX в. не прошли мимо внимания советских педагогов и, несомненно, отразились как на процессе формирования общей концепции содержания образования, так и на экспериментальных попытках апробации практических результатов в образовательном пространстве 1920-х гг.

Российская, а после событий Октября 1917 г. и советская педагогическая наука развивались в русле общих мировых тенденций формирования парадигмы трудовой школы, однако в зависимости от понимания целей и задач воспитания, назначения школы, вопросы трудового обучения толковались и конкретизировались по-разному.

Одни теоретики и педагоги рассматривали ее как продукт развития старой школы в духе мировых передовых идей, другие – как школу-коммуну, третьи – как школу общественно полезного труда, но всех их объединяла мысль о подготовке молодежи к активной трудовой жизни.

Подчеркнем, что после октябрьских событий 1917 г. перед советским правительством встала задача реформирования всех сфер жизни Страны Советов согласно новой идеологии и цели формирования нового общества, что, несомненно, касалось и изменения образовательного пространства. Преобразования, осуществлявшиеся в области просвещения, сопровождались критикой традиционных форм обучения за академизм и пассивность. Опубликованные 16 октября 1918 г. Государственной комиссией по просвещению «Основные принципы Единой трудовой школы» провозглашали всеобщее равное непрерывное образование [27].

В документе излагались теоретические вопросы содержания образования на основе соединения обучения и воспитания с производительным трудом.

Реализуемая посредством нового содержания и новых подходов трудовая школа была нацелена на практическую ориентированность обучения, позволяющую формировать «пригодные для жизни трудовые умения и навыки». Акценты на общественно полезном труде были обоснованы «свойственной детям активностью и подвижностью, которую трудовая деятельность направляла бы в нужное русло, обеспечивая организованное знакомство детей с миром» [27. С. 2]. Синтез образовательной деятельности с трудовой осуществлялся на основе межпредметной интеграции, главным образом в рамках предметов обществоведческого и естественнонаучного циклов, а также в результате организации практических занятий, которые должны были полностью вытеснить предметное обучение. Таким образом, в документе, получившем в историко-педагогической литературе название «Декларация о Единой трудовой школе», уже звучала идея объединения учебных предметов в «детскую энциклопедию» [28. С. 176–179].

Конкретизация и практическая апробация идей новой педагогики в первые послереволюционные годы осуществлялись на местах, которым Наркомпрос РСФСР предоставил право самостоятельно разрабатывать программы, учебные планы, определять содержание и выбирать методы учебно-воспитательной работы. Реализация на практике вариативного подхода к составлению программ (городской и сельский варианты) объяснялась тем, что унификация и регламентация исключает активность, инициативность и творческий подход к организации учебно-воспитательной деятельности. На практике в губерниях Центрального Черноземья программы на 1918/1919 учебный год учреждались по уездам, поэтому перечень преподаваемых дисциплин видоизменялся в зависимости от понимания преподавательским составом целей и задач новой системы образования. В Воронеже в школах II ступени вводились такие предметы, как философия и психология [29. Л. 73–74]. К 1923 г. воронежский губернский подотдел социального воспитания (губсоцвос) выразил отрицательное отношение к программно-методической инициативе Наркомпроса на стимулирование местной инициативы, заявив, что «в силу неустойчивых указаний Наркомпроса школы лишены программного единства» [30. Л. 22]. В Орловской губернии преподавание осуществлялось «по случайным программам» [31. Л. 14], а к 1924 г. школы работали по программам, разработанным губернским и уездными отделами образования.

Проведенный анализ источников показал, что первые попытки централизованно определить основное содержание образования, методы и формы обучения будут приняты Наркомпросом в 1919 г., когда выйдут первые программные документы «Материалы по реформе школы» для I ступени и программы по отдельным предметам для школ II ступени [32]. Содержание данных документов предметно указывает на новый подход в образовании – обучение по циклам зна-

ний и путем вовлечения школьников в трудовую деятельность. Таким образом, выдвинув положение «изучать жизнь, а не учебные предметы», составители «Материалов» попытались упорядочить учебно-воспитательный процесс, так чтобы он в корне отличался от дореволюционной школы «учебы». В разрезе данного привлекает внимание определение учебного материала по отдельным предметам, в котором уже четко определялась необходимость реализации межпредметных связей, на примере дисциплин история, литература, география.

Дальнейшая разработка новаторских подходов к организации учебно-воспитательного процесса и формированию нового содержания Единой трудовой школы была связана с деятельностью, созданной в 1921 г. Научно-педагогической секцией Государственного ученого совета (далее НПС ГУСа). В 1923–1925 гг. НПС ГУСа создаются первые комплексные образовательные программы, которые полностью меняли подход к усвоению знаний.

В «Новых программах единой трудовой школы первой ступени» [23] отвергался предметный подход в обучении, вводилась комплексная система, через призму которой транслировались необходимые знания, связанные с трудовой деятельностью человека. Под ней авторы программ понимали «конкретную сложность явлений, взятых из действительности и объединенных вокруг определенной центральной темы или идеи» [33]. Необходимо отметить, что кроме дидактической инноватики в комплексном преподавании закладывалось и абсолютно новое идеологическое содержание.

Таким образом, рассматривая труд в развитии общества как процесс подчинения человеком сил природы, учащиеся в общем курсе природоведения в школе I ступени, а затем в ходе изучения физики, химии, естественных наук, географии в школе II ступени должны были сформировать представления об основных достижениях человечества в различных областях науки и техники. Содержание третьей части схемы – колонки «Общество» – давало представление «об изменениях общественных отношений, произошедших в процессе развития производительных сил», а также отдельные сведения по истории [34. С. 50]. Однако, кроме трех основных схем, существовала еще одна особенность комплексного подхода – учебный план разбивался на trimestры в соответствии со временами года.

В табл. 1 представлена комплексная схема построения образовательной программы для школ I ступени, разработанная ГУС Наркомпроса в 1924 г. [23].

Анализ программ 1923–1924 гг. показал, что вместо предметной системы обучения с фиксированным объемом знаний вводились комплексы, наполнение которых зависело от местных условий и реализовывалось на основе краеведческого подхода. Все это давало возможность для осуществления комплексного подхода, где интеграция реализовывалась не на уровне учебных предметов, а на уровне трех основных тем (комплексов). Однако анализ архивных материалов показал сложности в практическом применении комплексного построения учебного материала.

Таблица 1

Схема ГУСа для школы I ступени

Год обучения	Природа и человек	Труд	Общество
1	Времена года	Окружающая трудовая жизнь деревенской и городской семьи	Семья и школа
2	Воздух, вода, почва. Окружающие человека культурные растения и животные, уход за ними	Трудовая жизнь деревни или городского квартала, где живет ребенок	Общественные учреждения, деревни и города
3	Элементарные наблюдения (сведения по физике и химии). Природа местного края. Жизнь человеческого тела	Хозяйство местного края	Губернские (областные) общественные учреждения. Картины прошлого своей страны
4	География России и других стран. Жизнь человеческого тела	Государственное хозяйство РСФСР и других стран	Государственный строй России и других стран. Картинки прошлого человечества

В отчете Главсоцвоса по Воронежской губернии можно встретить следующее: «целиком программы ГУСа не осуществляются, но попытки проведения отдельных тем есть всюду в городских школах I ступени» [30. Л. 22]. В Тамбовской губернии с мест сообщали о возникающих проблемах при реализации программ ГУСа, связанных с тем, что «в большинстве школы торопились закончить комплекс до начала пасхальных каникул, были проработаны и лист, и первые цветы, хотя в природе ни того, ни другого еще не было» [35. Л. 6]. Указанные трудности отмечались по всей Стране Советов. В 1925 г. ГУС был вынужден признать факт применения комплексного подхода в школах формальным и приступить к разработке комплексно-предметных программ.

В части рассмотрения реализации межпредметного, комплексного подхода в образовании в условиях смены педагогической парадигмы проанализируем на примере курса обществоведения перестройку и изменения содержания учебной действительности исследуемого периода. Отмена дисциплины «История» как самостоятельного предмета и введение курса обществоведения произошло в 1921 г., когда руководство Наркомпроса выступило с предложениями поставить на место старой школьной истории преподавание истории труда, истории культуры, истории социализма и усилить акцент на элементах социологии, политической экономии, расширяя тем самым изучение современности. В это время и возникла идея об объединении всех этих элементов и создании на их основе нового междисциплинарного учебного предмета – школьного обществоведения. Идея оказалась созвучной своему времени и условиям государственного развития. Наркомпрос поддержал ее, считая, что таким путем можно будет быстрее и эффективнее знакомить учащихся с актуальными проблемами современности, привлекать молодежь к активному участию в разворачивавшемся строительстве новой жизни.

Подчеркнем, что комплексный подход потребовал перестройки всех учебных предметов, но особый акцент был сделан именно на изменении содержания обществоведения и естествознания. В объяснительной записке к программам по естествознанию указывалось: «Обществоведение, объединенное с естествознанием, составляет основной стержень комплекса, дающий направление всей школьной работе» [36. С. 79]. Науч-

ные знания, получаемые в ходе преподавания указанных дисциплин, создавали бы прочную базу для антирелигиозного воспитания учащихся, формирования диалектико-материалистического мировоззрения, приемов самостоятельной работы, стремления к исследовательской деятельности. Элементы знаний по русскому языку, литературе, математике, географии, искусству и труду также включались в комплекс этих дисциплин. «Анализ содержания литературного произведения должен быть социологическим, – говорилось в программе, – здесь в работе словесника необходим полный контакт с работой обществоведа. Они должны быть постоянно в курсе работы друг друга, и на своих уроках словесник пользуется знаниями, добытыми учениками на уроках обществоведения. Сам он должен иметь солидную обществоведческую подготовку и свободно пользоваться социологическим материалом для объяснения тех или иных литературных явлений» [24. С. 146–147].

Изучение обществоведения начиналось со второго года обучения и оканчивалось на седьмом, при этом подразделялось на 3 этапа: подготовку, проработку и обобщение. В период подготовки учащийся наблюдал жизнь и узнавал об элементах техники, хозяйства, социального строя, жизни государства и впервые знакомился с главными этапами эволюции общества на базе местного материала и окружающей современности. Если период подготовки попадал в основном на I ступень школы, то проработка осуществлялась в средних группах, а обобщение учебного материала предстояло завершать в выпускных классах семилетки, обеспечивая подготовку подростков к жизни, реализуя тем самым с позиции современных образовательных практик XXI в. комплекс предметных и метапредметных компетенций обучающегося.

Комплексная схема изучения образовательного материала курса обществоведения для 1-го концентри II ступени единой трудовой школы предусматривала изучение следующих общих «курсовых» тем: крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, развитие капитализма и т.д. В итоге данное фактически полностью отменяло изучение древней, средней и новой истории [1. С. 53].

В статье «Наши очередные задачи» С. Дзюбинский и Б. Жаворонков так определяли задачи обществоведения в рассматриваемый период: «Обществоведение –

это комплекс теоретических знаний и навыков, способствующих общественно-политическому воспитанию советского юношества и организующих его на общественно-полезное действие» [37. С. 12]. По мнению авторов, занятия обществоведением должны были выработать у школьников умения пользоваться знаниями как средством познания современности. В статье «Как создавались программы» М.М. Пистрак писал: «Схема ГУСа, таким образом, дала принципы построения образовательной программы. Но не только образовательной программы, но и программы воспитания» [38. С. 71].

Таким образом, программы 1925 г. по обществоведению акцентировали внимание школьников на классовом подходе к изучению современных и исторических событий, предполагали установление межпредметных связей, что на практике показано при изучении комплекса «Октябрьская революция». Согласно программам ГУСа данный комплекс изучался на третьем

году обучения школы II ступени. Основой стали две темы: первая – «Значение революции для народов СССР», и вторая – «Мировое значение Октябрьской революции». При изучении комплекса рекомендовалось прочесть следующие произведения: «В родной деревне», «Рабочий» – Н. Ляшко; «Жилище рабочего» из книги «Вчера и завтра» – Коваленского; рассказы из географической хрестоматии Нечаева, а также «В стране рабства» Н.А. Рубакина и «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу.

Формой отчетности предполагалась подготовка устных докладов на такие темы, как «Жизнь рабочих и крестьян в прошлом и настоящем», «Борьба крестьян с помещиками в России». Кроме этого, предлагались декламация стихотворений и подготовка театрализованных постановок [1. С. 56]. В табл. 2 представлен план изучения комплекса «Октябрьская революция» для 1-го концентратора II ступени обучения.

Таблица 2

План изучения комплекса «Октябрьская революция»

Время прохождения данного комплекса	2–3 недели
Разработка темы	Положение народов в странах, эксплуатируемых капиталистическими государствами. Мировая война и ее причины
Трудовые процессы	Создание уголка Октябрьской революции, зарисовка частей света. Диаграмма сравнительной величины океанов и материков.
Лабораторные занятия и наблюдения	Наблюдение над новыми формами общественной жизни
Навыки по родному языку	Письменные записи и доклады на темы: «Что дала революция». «Как мы праздновали Октябрьскую революцию»
Математические навыки	Решение задач с метрическими мерами. Вычисление территорий и населения земного шара. Вычисление сравнительной величины метрополий и колоний. Понятие о шаре. Окружность, радиус, дуга, сектор, касательная и др.

Поддерживая идею комплексного преподавания, Н.К. Крупская в то же время видела опасность сокращения исторического материала и нарушения его систематичности [25. С. 250–251]. Такую же позицию разделял и М.Н. Покровский, возглавлявший программно-методическую работу как председатель ГУСа и принимавший непосредственное участие в составлении программ общественно-исторического цикла. «История и историзм, – признавал он в докладе на губернских курсах обществоведов Московской области 3 сентября 1926 г., – местами превращаются в какую-то календарную справку...» [39. С. 47].

Однако в целом позицию М.Н. Покровского по вопросам исторического образования и преподавания общественно-исторического в 1920-е гг. нельзя признать до конца последовательной. Указывая на недостатки комплексного обществоведения, он вместе с тем не решался высказаться со всей определенностью ни против комплексной системы, ни за полноценный систематический курс истории в школе. М.Н. Покровский считал, что достаточно несколько увеличить объем исторического материала в курсе обществоведения, чтобы сделать этот курс «диалектическим», по его определению, не нарушая при этом принципов комплексности. Он также считал, что возможно обойтись без изучения периода истории ниже XIV–XVI вв.: «Это тот момент, глубже которого спускать историческое изложение не

стоит, ибо мы только затруднили бы головы детей массой исторического материала малоценного, в значительной степени фиктивного, легендарного» [39. С. 54]. Отечественную историю М.Н. Покровский предлагал изучать в школе лишь с XVII в., и не в качестве самостоятельного курса, а одновременно с западно-европейской, и в рамках того же обществоведения.

В результате в отчетах инспекторов, обследовавших школы II ступени, можно встретить следующие выводы: «почти во всех школах, нами обследованных, дети бойко, не задумываясь, на вопрос «есть ли у нас цари?», отвечают, что есть, и на второй вопрос «сколько», отвечают – Троцкий, Рыков и Каменев...» [40. Л. 147 об.].

Необходимо отметить, что «Программы ГУСа» 1925 г., получившие название «Красные программы» и определявшие основное содержание образовательного пространства школы – семилетки, не сумели реализовать с достаточной последовательностью принцип диалектической взаимосвязи обучения и воспитания. В январе 1925 г. в Москве прошел I Всесоюзный съезд учителей. На нем практика построения учебных образовательных программ на основе комплексного подхода подверглась критике как со стороны педагогов, так и родителей учеников [41. С. 34].

Руководство Наркомпроса было вынуждено реагировать на звучавшую критику. «Не нужно создавать

фетиш из программ и догматически им следовать. Интересы школы, в зависимости от местных условий, могут потребовать расширения одних тем за счет сокращения других и даже замены одних тем другими. Нужно помнить, что программы – только попытка отобрать необходимый материал и дать детям этот материал в организованном виде» – из доклада Н.К. Крупской на Всесоюзном учительском съезде [42. С. 67].

Как результат НПС ГУСа сформулировал основные требования к образовательно-воспитательному процессу, построенному в соответствии с комплексным расположением учебного материала: 1) содержание комплексных тем должно определяться только общими образовательными целями; 2) основное содержание комплексной темы должно быть связано с явлениями современности; 3) смысл и значение комплексной системы должны быть понятными учащимся, иначе она «теряет свое воспитательное значение» [24. С. 7].

В результате Наркомпрос РСФСР провел детальную работу по созданию новых учебных планов и программ для всех типов учебных заведений среднего звена с учетом исполнения постановления ЦК ВКП(б) от 18 января 1927 г. При этом «Учебные материалы для школ I и II ступени», изданные в 1927 г., впервые были объявлены не «примерными», а обязательными для местных органов народного образования [43]. Новая программно-методическая система основывалась на следующих принципах: сокращение отрыва школьного образования от изучения современности, создание условий для осуществления реальной трудовой деятельности обучающихся и соответствие системы обучения интересам и возрасту советских школьников.

Несмотря на попытки стабилизировать программно-методическую деятельность, отрицательным итогом воплощения программ ГУСа стало падение качества обучения и общего уровня знаний обучающихся. Ш.Ф. Садыков отмечает, что к началу 1930-х гг. «система обучения обществоведческому образованию стала строиться через практику подбора из жизни нужных для государства примеров, к полному игнорированию жизненных реалий» [44. С. 183–184].

Значительные структурные изменения коснулись обществоведения, что было связано с провалившейся попыткой превратить его в супердисциплину, включавшую в себя все гуманитарные предметы. Практика показала, что политизация и социологизация гуманитарных дисциплин привела к потере обучающимися познавательного интереса и к катастрофическому падению качества знаний. Критикуя программы ГУСа по обществоведению, видный советский методист, учитель истории А.И. Стражев писал, что гусовские программные схемы «пытались дать историю комплексно-тематически к вопросам современности, не обеспечивая в достаточной мере ни понимания, ни последовательности, ни взаимообусловленности исторических явлений на данном историческом отрезке времени» [45. С. 25]. Как результат, в 1927 г. 36% выпускников школ II ступени, поступавших в вузы, оказались не в состоянии сдать экзамены за курс начальной школы [46. Л. 13], таковы были скромные результаты внедрения комплексного подхода в обучении.

Период конца 1920-х – начала 1930-х гг. стал определенным этапом глубокой трансформации общественно-политической жизни страны, что привело к полосе длительных преобразований в культурно-идеологических и образовательных учреждениях. Исходя из этого, в постановке программно-методической деятельности не только школьного исторического образования, но и всей системы народной школы к началу 1930-х г. произошел значительный перелом и отказ от экспериментов 1920-х г. В 1929–1931 гг. основным противоречием, с которым столкнулась школьная практика, становится разрыв между новым объемом общеобразовательных знаний и проектной системой, которая не давала возможности его реализации. Выдвинутый директивными и партийными органами в феврале 1931 г. лозунг «Техника в период реконструкции решает все» подразумевал, что кадры рабочих и инженерно-технических специалистов должны были получить более широкую и фундаментальную общеобразовательную подготовку. Исходя из данного, это и становится в указанный период главной задачей советской школы.

Пространство современного образования сложно представить без межпредметного подхода в обучении. Основная цель такого обучения – формирование целостного системного мировоззрения, основанного на выходе за грани отдельной изучаемой области посредством межпредметного синтеза на метауровень. В связи с этим исследователи отмечают сложный характер организации и достижения результатов метапредметного подхода: часть авторов склонны считать, что его реализация возможна только в процессе изучения отдельных учебных курсов, нацеленных конкретно на развитие метапредметных умений, другие же выражают мнение о том, что данные компетенции достигаются в ходе освоения большинства школьных предметов [47, 48].

Анализ попыток реализации инновационных тенденций в советской педагогике в 1920-е гг. в условиях смены педагогической парадигмы и построения новой системы образования страны показал следующее. «Революционная» по своей сути идея комплексности в образовательном пространстве оказалась в конкретно-исторических условиях 1920-х гг. в Советской России преждевременной для своего осуществления и вошла в предметное противоречие с господствующей политической идеологией, партийно-классовыми установками и личностными предпочтениями лидеров Советского государства.

Резкое сокращение конкретно-исторического материала, повтор из года в год учебных тем с возвращением к одним и тем же социологическим обобщениям и формулировкам стали существенными недостатками комплексных программ и привели к снижению интереса и общей мотивации учащихся к обучению. При этом разработанная НПС ГУСа концепция содержания общего среднего образования привела к возникновению ряда негативных факторов: к чрезмерной политизации и заидеологизированности учебного материала; догматизму и абсолютизации выдвинутых принципов, к стремлению представить их в «идеализированном

виде», гипертрофии одних принципов (комплексности) в ущерб другим (локальности); к трактовке труда школьников как формы общественно-политической и общественно полезной деятельности. И все это непосред-

ственно сказалось на сложном процессе реализации нового содержания общего среднего образования в учебно-воспитательной деятельности массовой школы и образовательных практиках советской педагогики 1920-х гг.

Список источников

1. Автухов И.Г. Программы ГУСа и массовая школа: Опыт построения учебно-производственных планов на основе программ ГУСа и применения данных программ в массовой. М. : Госиздат, 1925. 199 с.
2. Блонский П. П. Новые программы ГУСа и учитель. М. : Работник просвещения, 1925. 32 с.
3. Пистрак М.М. Насущные проблемы современной советской школы. М. : Госиздат, 1925. 136 с.
4. Иорданский Н.Н. Массовая трудовая школа и программы ГУСа. М. : Работник просвещения, 1925. 60 с.
5. Шульгин В.Н. Общественная работа школы и программы ГУСа : сборник программ. М. : Работник просвещения, 1929. 51 с.
6. Константинов Н.А. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30. М. : Учпедгиз, 1948. 472 с.
7. Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. (1921–1931). М. : Политиздат, 1961. 602 с.
8. Равкин З.И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства 1921–1925 годов. М. : Учпедгиз, 1959. 275 с.
9. Криптон К. История советского образования и его изучение в США. Нью-Йорк : Kordume Press, 1978. 235 с.
10. Nearing S. Education in Soviet Russia. New York : International Publishers' CO, 1926. 162 p.
11. Anweiler O. Geschichte der Schule und Pädagogik im Russland seit dem Ende des Zarenreiches und bis zum Beginn von Stalin Ära. Berlin : Heidelberg, 1964. 482 s.
12. Fitzpatrick S. Education and social mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge : Cambridge university press, 2002. 355 s.
13. Hans Nicholas. Educational policy in Soviet Russia / By Nicholas Hans and Sergius Hessen. London : King, 1930. 236 p.
14. Holmes Larry E. The Kremlin and the schoolhouse : Reforming education in Sov. Russia, 1917–1931. Bloomington; Indianapolis : Indiana univ. press, Corp., 1991. 214 с.
15. Быкова Е.Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг. : организационные и идеологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 179–189.
16. Богуславский М.В. XX век российского образования. М. : Perse, 2002. 319 с.
17. Белканов Н.А. Советская школа и педагогика 1920-х годов в призме педагогической советологии. Волгоград, 2002. 296 с.
18. Карнаух Н.В. Развитие идеи междисциплинарных связей в отечественном педагогическом образовании в первой трети XX века // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2023. № 2 (53). С. 9–15.
19. Помелов В.Б. Реализация идеи комплексности в методических разработках Наркомпроса РСФСР (1918–1929) // Историко-педагогический журнал. 2019. № 2. С. 110–127.
20. Помелов В.Б. Программно-методическая работа Наркомпроса РСФСР в первые годы советской власти // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С. 95–104.
21. Шукин Д.В., Некрылова О.Г. Советская власть и система народного образования в 1920-е годы: практика экспериментов в условиях построения новой государственности // Научный диалог. 2021. № 5. С. 462–476.
22. Декреты советской власти. Т. II (17 марта – 10 июля 1918 года). М. : Госполитиздат, 1959. 685 с.
23. Новые программы единой трудовой школы первой ступени : I, II, III и IV годы обучения. М. : Гос. изд-во, 1924. 146 с.
24. Программы для первого концентра школ второй ступени (5, 6 и 7 годы обучения). 2-е изд. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. 223 с.
25. Крупская Н.К. Педагогические сочинения: собрание сочинений : в 10 т. Т. 3: Обучение и воспитание в школе / под. ред. Ф.С. Озерской. М. : Акад. пед. наук, 1959. 798 с.
26. Луначарский А.В. О народном образовании : статьи и речи за период 1917–1929 годов. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 559 с.
27. Основные принципы единой трудовой школы / От. Гос. комис. по просвещению. М. : [б. и.], 1918. 14 с.
28. Декларация «Основные принципы Единой трудовой школы» // Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию. М., 1919. Вып. 1. С. 176–179.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 4. Д. 108. Л. 73–74.
30. ГАРФ. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 448. Л. 22.
31. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 1087. Оп. 1. Д. 93. Л. 14.
32. Материалы по реформе школы: примерные программы. Петербург : Отд. подгот. учителей Комис. нар. просв. Союза коммун Северной области, 1918–1919. 24 с.
33. Методическое письмо Научно-педагогической секции о комплексном преподавании. Н. Новгород : Школа и жизнь, 1924. 24 с.
34. Пистрак М.М. Работа над программами для II ступени // На путях к новой школе. 1926. № 9. С. 50–68.
35. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 3. Д. 289. Л. 6.
36. Практика комплексного преподавания: Опыт работы по новым программам ГУСа. Третий год обучения. Л. : Сеятель, 1926. 224 с.
37. Добинский С. Наши очередные задачи // Обществоведение в школе : общественно-педагогический сборник. М. ; Л. : Госиздат, 1927. 129 с.
38. Пистрак М. Как создавались программы // Народное просвещение. 1927. № 10. С. 71–79.
39. Покровский М.Н. К итогам первой сессии ГУС // Народное просвещение. 1929. № 34. С. 46–58.
40. ГАРФ. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 579. Л. 147 об.
41. Резолюции и постановления I-го Всесоюзного учительского съезда [12–17 января 1925 года]. Ростов н/Д : Редиздат. Сев.-Кав. сов. профсоюз, 1925. 40 с.
42. Ланков А. Очерки по методике комплексного преподавания в школе I ступени : Практич. коммент. для учащихся. Второй год обучения. М. : Работник просвещения, 1926. 164 с.
43. Программы и методические записки единой трудовой школы / Научно-педагогическая секция ГУСа. Главсопвос. М. : Гос. изд-во, 1927. 152 с.
44. Садыков Ш.Ф. Особенности программ по обществоведению в ТАССР в 20-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 179–184.
45. Стражев А.И. Обществоведение в трудовой школе // Народное просвещение. 1931. № 1. С. 25–27.
46. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 147. Оп. 1. Д. 29. Л. 13.
47. Крючкова Е.А. Метапредметность: формирование понятийных рядов в предметах социально-гуманитарного цикла (История, Обществознание, География) в основной школе // Наука и школа. 2016. № 5. С. 24–34.
48. Суходимцева А.П., Сергеева М.Г., Соколова Н.Л. Межпредметность в школьном образовании: исторический аспект и стратегии реализации в настоящем // Научный диалог. 2018. № 3. С. 319–336.

References

1. Avtukhov, I.G. (1925) *Programmy GUSA i massovaya shkola: Opyt postroeniya uchebno-proizvodstvennykh planov na osnove programm GUSA i primeneniya dannykh programm v massovoy* [GUS Programs and the Mass School: Experience in Creating Educational-Production Plans Based on GUS Programs and Their Application in the Mass School]. Moscow: Gosizdat.

2. Blonskiy, P.P. (1925) *Novye programmy GUSA i uchitel'* [New GUS Programs and the Teacher]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
3. Pistrak, M.M. (1925) *Nasushchnyye problemy sovremennoy sovetskoy shkoly* [Urgent Problems of the Modern Soviet School]. Moscow: Gosizdat.
4. Iordanskiy, N.N. (1925) *Massovaya trudovaya shkola i programmy GUSA* [Mass Labor School and GUS Programs]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
5. Shul'gin, V.N. (1929) *Obshchestvennaya rabota shkoly i programmy GUSA: sbornik programm* [Public Work of the School and GUS Programs: Collection of Programs]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
6. Konstantinov, N.A. (1948) *Ocherki po istorii sovetskoy shkoly RSFSR za 30 let* [Essays on the History of the Soviet School of the RSFSR for 30 Years]. Moscow: Uchpedgiz.
7. Korolev, F.F. (1961) *Ocherki po istorii sovetskoy shkoly i pedagogiki (1921–1931)* [Essays on the History of Soviet School and Pedagogy (1921–1931)]. Moscow: Politizdat.
8. Ravkin, Z.I. (1959) *Sovetskaya shkola v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva 1921–1925 godov* [Soviet School during the Period of National Economy Restoration 1921–1925]. Moscow: Uchpedgiz.
9. Krypton, K. (1978) *Istoriya sovetskogo obrazovaniya i yego izucheniye v SShA* [History of Soviet Education and Its Study in the USA]. New York: Kordume Press.
10. Nearing, S. (1926) *Education in Soviet Russia*. New York: International Publishers' CO.
11. Anweiler, O. (1964) *Geschichte der Schule und Pädagogik im Russland seit dem Ende des Zarenreiches und bis zum Beginn von Stalin Ära*. Berlin: Heidelberg.
12. Fitzpatrick, S. (2002) *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Hans, N. (1930) *Educational Policy in Soviet Russia*. London: King.
14. Holmes, L.E. (1991) *The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Sov. Russia, 1917–1931*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press.
15. Bykova, E.Yu. (2011) Reformirovaniye sistemy shkol'nogo obrazovaniya v SSSR v 1917–1930 gg.: organizatsionnye i ideologicheskiye aspekty [Reforming the school education system in the USSR in 1917–1930: Organizational and ideological aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1. pp. 179–189.
16. Boguslavskiy, M.V. (2002) *XX vek rossiyskogo obrazovaniya* [20th Century of Russian Education]. Moscow: Perse.
17. Belkanov, N.A. (2002) *Sovetskaya shkola i pedagogika 1920-kh godov v prizme pedagogicheskoy sovetologii* [Soviet School and Pedagogy of the 1920s in the Prism of Pedagogical Sovietology]. Volgograd: [s.n.].
18. Karnaukh, N.V. (2023) Razvitiye idei mezhdistsiplinarnykh svyazey v otechestvennom pedagogicheskom obrazovanii v pervoy treti XX veka [Development of the idea of interdisciplinary connections in domestic pedagogical education in the first third of the 20th century]. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 2 (53). pp. 9–15.
19. Pomelov, V.B. (2019) Realizatsiya idei kompleksnosti v metodicheskikh razrabotkakh Narkomprosa RSFSR (1918–1929) [Implementation of the idea of complexity in methodological developments of the RSFSR People's Commissariat for Education (1918–1929)]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 2. pp. 110–127.
20. Pomelov, V.B. (2018) Programmo-metodicheskaya rabota Narkomprosa RSFSR v pervyye gody sovetskoy vlasti [Program-methodical work of the RSFSR People's Commissariat for Education in the early years of Soviet power]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 95–104.
21. Shchukin, D.V. & Nekrylova, O.G. (2021) Sovetskaya vlast' i sistema narodnogo obrazovaniya v 1920-e gody: praktika eksperimentov v usloviyakh postroyeniya novoy gosudarstvennosti [Soviet power and the national education system in the 1920s: experimental practice under conditions of building a new statehood]. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 462–476.
22. USSR. (1959) *Dekrety sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet Power]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
23. Anon. (1924) *Novye programmy edinoj trudovoy shkoly pervoy stupeni: I, II, III i IV gody obucheniya* [New Programs of the Unified Labor School of the First Level: I, II, III, and IV Years of Study]. Moscow: Gos. izd-vo.
24. Anon. (1925) *Programmy dlya pervogo kontsentra shkol vtoroy stupeni (5, 6 i 7 gody obucheniya)* [Programs for the First Concentration of Secondary Schools (5th, 6th, and 7th Years of Study)]. 2nd ed. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
25. Krupskaya, N.K. (1959) *Pedagogicheskiye sochineniya: sobranie sochineniy* [Pedagogical Works: Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Akad. ped. nauk.
26. Lunacharskiy, A.V. (1958) *O narodnom obrazovanii: stat'i i rechi za period 1917–1929 godov* [On Public Education: Articles and Speeches from 1917–1929]. Moscow: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR.
27. Otdel Gosudarstvennoy komissii po prosveshcheniyu Narkomprosa [Narkompros Department of the State Commission for Education]. (1918) *Osnovnye printsipy edinoj trudovoy shkoly* [Basic Principles of the Unified Labor School]. Moscow: [s.n.].
28. Anon. (1919) Deklaratsiya "Osnovnye printsipy Edinoj trudovoy shkoly" [Basic Principles of the Unified Labor School Declaration]. In: *Sbornik dekretov i postanovleniy Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva po narodnomu obrazovaniyu* [Collection of Decrees and Resolutions of the Workers' and Peasants' Government on Public Education]. Vol. 1. Moscow: [s.n.]. pp. 176–179.
29. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Fund 2306. List 4. File 108. Pages 73–74. (In Russian).
30. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Fund 1575. List 1. File 448. Page 22. (In Russian).
31. *State Archive of the Orel Region (GAOO)*. Fund 1087. List 1. File 93. Pages 14. (In Russian).
32. Anon. (1918–1919) *Materialy po reforme shkoly: primernyye programmy* [Materials on School Reform: Sample Programs]. Petersburg: Otd. podgot. uchiteley Komissii nar. prosveshch. Soyuza kommun Severnoy oblasti.
33. Anon. (1924) *Metodicheskoye pis'mo Nauchno-pedagogicheskoy sekcii o kompleksnom prepodavanii* [Methodical Letter of the Scientific-Pedagogical Section on Integrated Teaching]. Nizhny Novgorod: Shkola i zhizn'.
34. Pistrak, M.M. (1926) Rabota nad programmami dlya II stupeni [Work on programs for the second level]. *Na putyakh k novoy shkole*. 9. pp. 50–68.
35. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Fund 2306. List 3. File 289. Page 6. (In Russian).
36. Kavun, I.N. & Nikolaevskiy, M.N. (1926) *Praktika kompleksnogo prepodavaniya: Opyt raboty po novym programmam GUSA. Tretiy god obucheniya* [Practice of Integrated Teaching: Experience of Working with New GUS Programs. Third Year of Study]. Leningrad: Seyatel'.
37. Dzyubinskiy, S. (1927) Nashi ocherednye zadachi [Our Next Tasks]. In: *Obshchestvovedeniye v shkole* [Social Science in School]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
38. Pistrak, M. (1927) Kak sozdavalis' programmy [How the programs were created]. *Narodnoye prosveshcheniye*. 10. pp. 71–79.
39. Pokrovskiy, M.N. (1929) K itogam pervoy sessii GUS [On the Results of the First GUS Session]. *Narodnoye prosveshcheniye*. 34. pp. 46–58.
40. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Fund 1575. List 1. File 579. Page 147 reversed. (In Russian).
41. State Academic Council of the USSR. (1925) *Rezolyutsii i postanovleniya I-go Vsesoyuznogo uchitelskogo s'ezda [12–17 yanvarya 1925 goda]* [Resolutions and Decrees of the 1st All-Union Teachers' Congress (12–17 January 1925)]. Rostov-on-Don: Redizdat. Sev.-Kav. sov. profsoyuzov.
42. Lankov, A. (1926) *Ocherki po metodike kompleksnogo prepodavaniya v shkole I stupeni: Praktich. komment. dlya uchashchikhsya. Vtoroy god obucheniya* [Essays on the Methodology of Integrated Teaching in the Primary School: Practical Commentary for Students. Second Year of Study]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
43. Glavsovtos Narkompros of Russian SFSR. (1927) *Programmy i metodicheskiye zapisi edinoj trudovoy shkoly* [Programs and Methodological Notes of the Unified Labor School]. Moscow: Gos. izd-vo.

44. Sadykov, Sh.F. (2012) Osobennosti programm po obshchestvoznaniyu v TASSR v 20-e gody XX v. [Features of social studies programs in the TASSR in the 1920s]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2. pp. 179–184.
45. Strazhev, A.I. (1931) Obshchestvoznaniye v trudovoy shkole [Social studies in the labor school]. *Narodnoe prosveshcheniye*. 1. pp. 25–27.
46. *Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Modern History (RTsKhIDNI)*. Fund 147. List 1. File 29. Page 13. (In Russian).
47. Kryuchkova, E.A. (2016) Metapredmetnost': formirovaniye ponyatiynykh ryadov v predmetakh sotsial'no-gumanitarnogo tsikla (Istoriya, Obshchestvoznaniye, Geografiya) v osnovnoy shkole [Metasubjectivity: Formation of conceptual series in social-humanitarian subjects (history, social studies, geography) in secondary school]. *Nauka i shkola*. 5. pp. 24–34.
48. Sukhodimtseva, A.P., Sergeeva, M.G. & Sokolova, N.L. (2018) Mezhpredmetnost' v shkol'nom obrazovanii: istoricheskiy aspekt i strategii realizatsii v nastoyashchem [Interdisciplinarity in school education: historical aspect and implementation strategies today]. *Nauchnyy dialog*. 3. pp. 319–336.

Информация об авторах:

Некрылова О.Г. — канд. ист. наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: nekrylova_80@mail.ru

Щукин Д.В. — канд. ист. наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: dionysios@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.G. Nekrylova, Cand. Sci. (History), associate professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: nekrylova_80@mail.ru

D.V. Shchukin, Cand. Sci. (History), associate professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: dionysios@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.01.2025;
одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 29.01.2025;
approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Original article
UDC 327
doi: 10.17223/15617793/518/14

The silent crisis: Afghan women and the right to education

Sulman Shah¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sulmanshah455@gmail.com

Abstract. This research investigates the challenges to Afghan women's education in Afghanistan under the rule of Taliban, focusing on cultural, socio-economic and political factors. Using a qualitative approach, it investigates secondary data from literature, policies and media to explore the historical evolution of the education of women and the effects of Taliban restrictions. The findings reveal that poverty, patriarchal norms and institutional discrimination strictly limit the access of education, in spite of Islamic teachings encouraging gender-equal education. The resilience of Afghan women is evident via online learning platforms and underground schools. The research underscores the Taliban's policies as opposing Islamic principles, which historically support women's educational and intellectual roles. It concludes with strategic recommendations, including international advocacy, community-led initiatives, and engagement with religious leaders, to restore educational rights. Wider implications emphasize education as fundamental human right and a source of socio-economic development. Future research should study effective application of these strategies and their continuing impact on gender equality.

Keywords: Taliban, women's education, gender equality, Islamic teachings, Afghanistan

For citation: Shah, S. (2025) The silent crisis: Afghan women and the right to education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 115–120. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/14

Introduction

The Taliban rule in Afghanistan has placed restrictions on women's education that may potentially slow down global human rights and gender equality advancement. Such unwelcomed governmental policies have questioned the possibility of economic progress and have also revoked women's fundamental right to education [1]. Decades worth of investment on women's education and empowerment seems to be getting undone as Afghanistan dives into what is potentially the worst cultural and political chaos in its history [2].

Education is the key to sustained development and social justice, and so is considered a basic human right [3]. In order for societies to progress, all women and girls in Afghanistan must be given the opportunity to receive the same education as their male counterparts. This is, however, a distant dream as such opportunities depend on the political and cultural situation, which is a long shot [4]. From 2001 to 2020, the country was able to provide an increase in educational opportunities with the help of domestic reforms and international support due to the strong restrictions placed on women education between the years 1996 to 2001. With the hope of seeing educational reforms, women during this period were positively optimistic. Under the most recent reign of the Taliban, the education previously available to females is now forthcoming to an end, which further correlates with the abuse and discrimination that is institutional wide [5].

The interpretation of religious texts by the Taliban sets a strong foundation of oppression towards Afghan women and serves to intensify the strict social system. Islam history does not support this sort of opinion because scholars clearly advocate women and men should equally seek knowledge [6].

This research addresses a crucial and timely question: How might educational strategies be designed to protect and improve educational access for Afghan women through existing political and social structures? The research combines literature reviews with policy assessments and media analytics to present detailed insights about initiatives and barriers to women's education in Afghanistan together with appropriate cultural strategies for their educational development.

Research demonstrates that Afghan females encounter massive institutional obstacles to receive education. Cultural norms along with religious beliefs use women's domestic duties as a basis to bar public life activities [7]. The combination of financial difficulties with inadequate facilities leads to long term educational exclusion because both poverty and insufficient infrastructure exist separately. The Taliban's consolidation of power has elevated previous obstacles through mandated school shutdowns and discriminatory gender rules and revival of cultural norms that restricts women from exercising their natural freedoms [8].

Traditional political rules can be effectively dismantled by reference to Islamic teachings about obtaining knowledge. Islamic scriptures and Hadiths establish that education represents a religious and ethical responsibility which all persons must perform independently of their gender [9]. Through this counter-narrative we demonstrate that Islam requires women to educate themselves to achieve individual expansion and community advancement. This investigation places these principles into local frameworks to activate stakeholder and social group support for women's educational rights.

The objectives of this research are twofold: This research both analyzes systematically the hurdles which

Afghan women experience in educational pursuit and establishes meaningful solutions which align with local traditions. The research draws from peer-reviewed studies as well as government records and media accounts to supply a detailed comprehension of the prevailing factors which fuel this crisis through secondary data analysis. The study addresses both ethical dilemmas and practical obstacles in conflict zones to maintain deep comprehensive evidence analysis.

The research follows a structure composed of four essential components. The research evaluates women's participation in education with respect to important political shifts in Afghanistan's history. The study also examines the cultural norms and the economic and political factors that contribute to present day barriers to education. The fourth part employs the Islamic Perspective on Knowledge and Education Framework for teaching and learning about the obstructions in education while working towards minimizing their adverse impact. The research ends with the important conclusion with some important recommendations including community-led initiatives, international advocacy, and engagement with religious leaders, to restore educational rights.

The research uses the above strategies and fully documents the concealed barriers in women's education participation and speaks for important changes in the system. The research reveals that educational access serves Afghan and universal interests because it calls for stronger protection measures for enabling women in Afghanistan to achieve their educational goals.

Historical evolution of women's education in Afghanistan

From the advent of organized learning for women in Afghanistan, patterns of limitation and growth formulated in cycles have been occurring which followed the cultural dynamics and current regime change in the country. Over the years, the opportunities for women's education have been influenced by responsive government and ideological changes, permitting the rapid modifications from one socio-political transition to the next. This over time analysis of women's educational rights in Afghanistan looks at the journey of progress in relation with the women's position in education from a time featured by some advanced developments in the past to their present status.

However, during the initial stages of the 20th century, the women were obtaining only the minimal level of formal education in Afghanistan. Lack of resources, alongside imbalanced lifestyle choices, have been related by researchers to a number of indications, including certain health issues. While spirituality blended with household activities, education of girls remained limited to family teachings during that time. Quranic schooling together with basic principles of religious upbringing completed the women's education offered during that time because of the minimum information expected of a good wife and mother [10].

In Afghan society, established men-made authority structures limited women in such a way that they were fully capable but their traditional governance and rule channeled them to a private family role away from

accessing public learning environments. In Afghan society, this created women with limited access to formal education, thus leaving them in socio-economic secondary roles. The Birth of Change-King Amanullah Khan, who ruled Afghanistan from 1919 to 1929, exercised his power to set the benchmarks for modernization of the educational reforms taking place in Afghanistan [11]. Education, in fact, was viewed by him as the basic instrument on which the development of the country would stand; in line with this, trailblazing educational reforms were enforced to enhance educational access for women. King Amanullah's rule was marked by significant educational reforms. He inaugurated the Master of Education program, and during this same period, the first class of university graduates included 13 women who earned their degrees in education [12].

Under the rule of King Zahir Shah (1933–1973), Afghanistan experienced relative political stability, allowing for modest advancements in education. The establishment of more schools for girls and the inclusion of women in higher education signaled a cautious but steady progress [13]. By the 1960s and 1970s, women began to enter professional fields, including medicine, teaching, and law. The efforts put into developing a system of public education brought schools closer to the rural areas, though disparities continued strongly. More changes were evident in urban cities such as Kabul, while the most conservative countryside remained resistant to the very idea of sending girls to school. The Constitution of 1964 gave equal rights to men and women, thus encouraging female participation in education and public life. Yet, this improvement was tempered by persisting cultural resistance and lack of adequate resources [12].

Women's education took a dramatic turn with the Soviet invasion in 1979 and the ensuing war. The communist regime promoted gender equality, therefore investing in women's education. Many girls' schools were constructed, and more women went to university [14]. The Taliban, who came into power in 1996, gave women's education in Afghanistan an all-time low. With a strict interpretation of Islamic Law, the Taliban sealed girls' schools and banned female education beyond the primary grades. That was one generation of educated women that got lost during that time, for which the aftershocks can still be felt in Afghan society. The few underground schools that existed operated at great personal risk, offering a lifeline to a small number of girls, although obviously unable to meet the needs of the broader population [15].

After the U.S.-led intervention in 2001 and the new government that followed, a period of reconstruction began. Among many focal points, nationally and internationally, was women's education, by which significant progress ensued [16]. By 2018, almost 50% of female enrollment in primary schools increased, and thousands of women had pursued higher education. The internationally funded programs sought to build schools, train teachers, and remove the cultural impediments to education. Although the challenges were still very much present, most especially in rural areas, this was the era that shines as a beacon of hope for Afghan women and girls. More women started contributing to public life as they entered professions previously barred to them [17].

The Taliban's resurgence (2021–present)

This marked a tragic reversal of twenty years of progress, as the Taliban returned to power in August 2021. Restrictions on girls' education were reimposed almost immediately; these included a ban on girls and women attending secondary and higher education. Girls were prohibited from high school through decrees issued by the Taliban government, as were women from universities. They then justified such policies, claiming they were in accordance with their interpretation of Islamic principles and Afghan culture [2]. In December 2022, the Taliban formally declared a ban on women's university education – a further entrenching of their exclusion from formal systems of education. These restrictions brought certain limitations on women's lives, such as bans on certain governmental positions, working in NGOs, etc. Due to these restrictions, the Taliban also closed organizations, which were working for women rights, and silenced or sent women's right activists and educators into custody [18].

These policies have brought Afghanistan back to the era of the dark period, labeling saying that the twenty years of efforts to zero. This coercion returns yet again and remains the dreams of millions of women in Afghanistan. These situations presented a critical blow to the socio-economic development for the nation [19]. The international community showed and faced a disappointing failure to respond efficiently to the crisis. The leaders of the world community condemned and called for revival of women's rights, leaders at best supplementary restrictions with verbal statements and representative actions. These phases have done little to drive the Taliban to revisit their policies as Afghan females persist in a state of a deep ambiguity. The humanitarian and economic disasters in Afghanistan further strengthened the worse situation, as these challenges have been strengthened by insecurity and poverty [20].

However, Afghan girls have demonstrated strong resistance to the challenges. The alternative schools recommence their functions as a way of confronting the Taliban in education. The platforms of learning, accompanied by international organizations, have become a significant source to reach students, who have been denied to go from traditional schooling. However, such struggles are very minimal to compensate for the unprivileged and under-resourced millions of women that have been refused to obtain their right to education. The revival of the Taliban Government has brought back the fear of the return to the dark days of their first governmental period (1996–2001), where women were denied to take part in their public life. Constant advocacy, along with well-planned engagement with the Afghan community, will make possible that Afghan women rights become the possible memory. The current situation in Afghanistan may indeed represent a clear picture about how ambiguous development may be about human rights issues in general [21].

Barriers to women's education in Afghanistan

The restriction on Afghan women's education is the description of deeper structural challenges that have long

delayed development. These challenges are complex, multi-dimensional, surrounding economic, cultural and political dimensions.

The cultural values deeply embedded in the patriarchal societies limit the women's access to education. In many Afghan communities, the main priority of the society is domestic responsibilities and marriage over education for women. It is the opinion that education challenges the traditional dominant gender roles and continues confrontation to women schooling [22]. Moreover, the lack of teachers in rural areas worsens these situations, as families are also unwilling to send their daughters to school operated by men [23]. This cultural resistance is often implemented by religious interpretation also, they frame that religious education for girls as unnecessary or even not beneficial for girls [24].

Poverty remains an important barrier to educational rights in Afghanistan. Families confronting economic difficulties often prioritize male education over female, describing it as a more respected investment. The expenses related to education, including supplies, uniforms, and transportation further enhances the challenges for women education [25]. The destruction of infrastructure due to twenty years of war has also affected many communities without working schools, excessively those girls are affected who are not able to travel long distances for school. Economic challenges have further stressed the abilities of the NGOs and government to enhance educational initiatives, creating a worse cycle of exclusion [26].

The Taliban Government policies characterize the most significant and immediate challenge to women's education. The organized exclusion of women from educational institutions is implemented via punitive, decrees, and surveillance actions. The lack of political agreement to challenge these verdicts, both within Afghanistan and internationally, further worsens the crisis [27]. The international restrictions and freezing the Afghanistan assets have also stressed possessions, discouraging struggles to rebuild educational infrastructure. The Islamic religion's perception is one of the most significant frameworks for challenging the Taliban educational policies is the Islamic perception on education and knowledge. This view concludes on Quranic teachings and Hadith that preach that the gaining of knowledge is a universal obligation [28].

Quranic teachings

The Religious Book of Islamic is Quran, throughout its text, describes to its believer how significant both the attainment of knowledge and education are to the believer. This can be found in many instances such as "Read in the name of your Lord who has created" [29]. Religious texts influence by communicating to all believers that seeking knowledge holds divine priority. In the teachings under Muslim, it is the right of all Muslims of either gender to attain basic education as a human right [30].

Through Quranic teachings, believers find intellectual and spiritual development because it instructs them to study and think deeply about observable phenomena in nature. Knowledge acquisition according to the Quran

extends without gender bias to all believers. "Allah will raise those who have believed among you and those who were given knowledge, by degrees" [29]. According to Allah's plan, through degrees, the knowledgeable people and the ones who believe will be moved to higher positions. The God-made truth in Surah Al-Mujadila declares that education takes people forward both in life and in society; thus, staying uneducated on purpose goes against the true Islam mandates. "Say: Are those equal, who know and those who do not know?" [29].

Prophetic traditions

Religious teachings from Prophet Muhammad teach people about how education must equally benefit men and women. Prophet Muhammad revealed through a Hadith recording that seeking knowledge remains compulsory for every Muslim person [31]. Through their scholarly interests Aisha and other wives of the Prophet made significant contributions to representing Islamic knowledge to the wider community. Through her dual roles as teacher and scholar Aisha continues to demonstrate how Islamic tradition upholds women's essential educational roles [32].

Prophet Muhammad preaches practical education because Islamic education, along with the education of all the academic subjects, is reading and different fields of studies. The early evidence that women used to take an active role in scientific investigation, political leadership, and medical practices while depicting Islamic teachings of inclusive education to all is shown by Islamic historical documents [33].

"Narrated abu Burda's Father: Allah Apostle said, any man who has a slave girl whom he educates properly, teaches good manners, manumits and marries her, will get a double reward" [34]. It was narrated from Anas bin Malik that the Messenger of Allah said: "Seeking knowledge is a duty upon every Muslim, and he who imparts knowledge to those who do not deserve it, is like one who puts a necklace of jewels, pearls and gold around the neck of swines" [35].

Historical contributions of Muslim women in education

Throughout Islamic history, Muslim women never ceased to make significant impacts on academic scholarship and learning. Alongside the knowledge sources that enriched intellectual pursuits within the society, the women members of the Muslim community opened education centers. The University of Al-Qarawiyyin was instituted by Fatima Al-Fihri in 859 CE as a mosque [36]. It became a leading educational and spiritual center of the Islamic golden age and operates to this date. Al-Qarawiyyin University exists today as the longest operating educational establishment on the planet due to the sweeping vision and sustained educational dedication of Muslim women throughout centuries. The manufacturing and establishment of this university is a significant example of how the Islam is strongly in favor and committed knowledge, settling a perpetual model that portrays women's academic development [37].

Via their leadership both Rabi'ah Al-Adawiyya and Zaynab bint Ali became the initiators in different intellectual domains of their time. The Muslim Historian Rabi'ah Al-Adawiyya obtains acceptance because she used her teachings to stress worship and divine love [38. P. 21]. In the limits of Islamic thoughts, Zaynab Bint Ali collected social equality, justice with religious instructions as active participation outdated social gender roles. According to these contributions Islamic values actively promotes women participation in intellectual pursuits as well as educational [39. P. 259].

Historically, Islam has set no barriers towards women's education and has not established any formal limitations to their intellectual development. Examples of early Muslim women serve as a witness to how education was set as an important part of Islamic heritage. Even more so, the Taliban restrictions go against the religious teaching; they go against Islamic beliefs.

Strategic application

Islamic traditions, with their heavy doctrinal baggage, provide a backdrop upon which to counter the Taliban's extreme religious restrictions and interpretations. Because advocacy activities are thus framed in concert with Islamic beliefs, it allows proponents of women's education to create evidence-based arguments that draw interest from religious leaders and the local population. Islamic scholarship is leading and has the important potential to rebrand prejudice through the leadership of social discourse to renounce anachronistic religious views.

The establishment of educational development as a pivotal Islamic value turns educational investments from individual dreams to sacred religious imperatives and public duties. Partnerships with religious groups are strategic components to emphasize, through awareness programs and public seminars, building up campaigns that cite Quranic lessons regarding the value of education for both genders. It will be these movements that will be at the forefront of the struggle for women's right to education and counter Taliban propaganda.

Conclusion

The women's right to education is one of the most alarming human rights issues in the current time. Restrictions on women's education are not only a violation of fundamental rights but could also be a major setback for the socio-economic progress of Afghanistan as a whole. Historically, Afghan women have struggled to gain access to education due to deeply embedded cultural values, political instability and economic difficulties. However, several stages of reforms and development have proven that when given the opportunity, Afghan women can contribute importantly to the development of their community. The prohibition of female education today signifies a tragic deterioration, downfall of decades of development and endangering the future of millions of Afghan women.

This research has widely analyzed the historical evolution of women's educational journey in Afghanistan, highlighting how different stages of development were

often shadowed by stages of severe restrictions, specifically in Taliban governmental rule. From the very sincere efforts in the early stages of the 20th century to the modernization policy of King Aman Ullah Khan and following expansions under Zahir Shah, women's education in Afghanistan has witnessed stages of deterioration and development. In the 1980s, the Soviet Union's back government made some efforts to promote female education, but later on in 1996, the Taliban government severely wasted these efforts.

After 9/11, the Afghan government brought the era of development, hope, with major international aids in women's education, yet this development was once again reversed with the Taliban's revival in 2021.

There are complex and multifaceted barriers, which prevent Afghan women from accessing education. Cultural values embedded in patriarchal setup, place a less intention towards female education, every so often giving priorities domestic responsibilities over knowledge and intellectual development. Economic issues further worsen these challenges, as many individuals struggle to afford education and give priority to male education over female education. Political barriers, including the Taliban policies on female education, have resulted in complete bans on education for females, efficiently removing their opportunities for professional growth and learning.

However, these policies are directly against the teachings of Islam. Historically, Islam highlights the search of knowledge for both male and female, as proved by several Quranic verses and Hadith of Prophet Muhammad. The text of the religion is clearly in favor of education with no gender discrimination, and examples in the history of many prominent women, such as Fatima Al-Fihri, who established one of the world's oldest institutions, underscores the role of women's participation in educational services. The Taliban's governmental policies about women are restrictive in nature; they lack scholarly consensus and are against the main Islamic principles. Therefore, historical guides and leveraging Islamic guiding principles offer a strong counter narrative

that can be used to advocate for Afghan women's right to education.

This study also proposed many tactics to remove these crises and revive the educational rights for Afghan women. Community-led initiatives, such as e-learning platforms and home schools, will provide the immediate solutions to bypass restrictions and provision alternative educational models. The diplomatic pressure and international community, along with some sanctions, can assist as influence to affect Taliban policies. The economic support initiatives, such as stipends and scholarships, can assist in removing the financial burdens on female education. Lastly, engagement with religious leaders and community leaders can assist to change the narration about women's education, emphasizing its connection with Islamic and cultural values.

In this context, the Taliban government's ban on women's education not only violates basic human rights but also hinders Afghanistan's overall development. Denying half the population access to education erodes the nation's economic and intellectual capacity, leaving it further isolated and underdeveloped. Despite these severe conditions, the women of Afghanistan have shown remarkable resilience, continuing to learn through underground schools, online platforms, and international aid. Their willpower serves as a beacon of hope in an otherwise bleak situation.

Moving forward, a combined effort of including international organizations, local communities, and Islamic scholars is necessary to encounter the Taliban policies about female educational rights. Sustainable resolutions must be executed to make sure Afghan girls and women can regain their right to education. While the immediate future is not clear, history has shown that coercion is never permanent. The support and collective struggles of Afghan women, human rights activists, and the world community will play a significant role in shaping a future where Afghan women can once again fulfill their dream to pursue education freely and contribute to the development of their society. The struggle for Afghan women's education is not merely a national issue but a global responsibility.

References

1. Najam, R., Patrinos, H.A. & Kattan, R.B. (2024) The Mis-Education of Women in Afghanistan. *The World Bank Group Policy Research Working Paper*. pp.1–22.
2. Hamidi, A.B. (2024) Restriction Policy on Afghan Girls' Education and its Consequences. *Journal of Educational Inovation*. 3 (2). pp. 228–243. doi: 10.56916/ejip.v3i2.691
3. Psacharopoulos, G. (1988) EDUCATION AND DEVELOPMENT: A Review. *The World Bank: Research Observer*. 3 (1). pp. 99–116. doi: 10.1093/wbro/3.1.99becv
4. Becvar, K., Carpenter, C., Leidner, B. & Young, K.L. (2024) The "First daughter" effect: Human rights advocacy and attitudes toward gender equality in Taliban-controlled Afghanistan. *Plos One*. 19 (7). doi: 10.1371/journal.pone.0298812
5. Basiri, M.A. & Naimi, N. (2024) Explaining the Obstacles and Challenges of Political Empowerment of Afghan Women between 2001 -2020. *Central Eurasia Studies*. 17 (1). pp. 83–106. doi: 10.22059/jcep.2024.352510.450120
6. Musawah, R. (2024) *Joint Statement on the Rollback of Women's Rights in Afghanistan under Taliban Rule*. Rawadari Musawah: For equality in the Family. [Online] Available from: <https://www.musawah.org/press/joint-statement-on-the-rollback-of-womens-rights-in-afghanistan-under-taliban-rule/#ee62106d-b1ac-4d5b-b534-54b05da8cc13-link>
7. Sarwari, A.Q. & Adnan, H.M. (2024) Alternative educational activities and programs for female students banned from formal education in afghanistan. *Issues in Educational Research*. 34 (3). pp. 1170–1179.
8. Zada, S.Q. & Zada, M.Z. (2024) The Taliban and women's human rights in Afghanistan: the way forward. *The International Journal of Human Rights*. 28 (10). pp. 1687–1722. doi: 10.1080/13642987.2024.2369584
9. Yusufzai, A., Geeta & Kataria, G. (2023) Taliban Discrimination against Women: Comprehensive Analysis of Main Factors. *Kutafin Law Review*. 11 (4). pp. 685–717. doi: 10.17803/2713-0533.2024.4.30.685-717
10. Ahmed-Ghosh, D.H. (2003) Yesterdays and Tomorrow: Women in Afghanistan. *Journal of International Women Studies*. 4 (3). pp. 1–14. [Online] Available from https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/97248681/azu_acku_pamphlet_hq1735_6_a36_2003_w-libre.pdf?1673633458=&response-content-disposition=inline%3B+filename%3DA_history_of_women_in_Afghanistan_photoc.pdf&Expires=1741423242&Signature=a9IhVlrY3Z-3CFEfn7LPfpzU

11. Hashimi, S.M. (2023) The educational, social and political status of women in the period of king Amanullah Khan. *Academic Research in Educational Sciences*. 4 (10). pp. 5–18.
12. Ruhullah, F. & Vinay, R.D. (2022) Women education in Afghanistan: A historical perspective. *Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities* 12 (6). pp. 162–173. doi: 10.5958/2249-7315.2022.00346.X
13. Yazdani, H. (2020) History of Formal Education and Influence of Politics in Afghanistan. In *Factis Pax: Journal of Peace Education and Social Justice*. 14 (2). pp. 120–139. [Online] Available from <https://openjournals.utoledo.edu/index.php/infactispax/article/view/984>
14. Samady, S.R. (2001) Modern education in Afghanistan. *Prospects*. 31 (4). pp. 587–602. doi: 10.1007/BF03220042
15. Pourzand, N. (1999) The problematic of female education, ethnicity and national identity in Afghanistan (1920–1999). *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*. 43 (1). pp. 73–82. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/23166559>
16. Deo, N. (2014) The Politics Of Education In Afghanistan. *Pakistan Journal of Women Studies: Alam-i-Naswan*. 21 (1).
17. Asadi, M.H. & Farzanegan, M.R. (2024) Attitudes Toward Women's Education in Afghanistan: Empirical Evidence from a Nationwide Survey. *CESifo Working Papers*. pp. 1–28. [Online] Available from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4922417
18. Massrali, N. (2022) *Afghanistan: Statement by the High Representative on behalf of the European Union on additional restrictions by the Taliban to the right of education of girls and women*. Council of the European Union. [Online] Available from <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/12/21/afghanistan-statement-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-european-union-on-additional-restrictions-by-the-taliban-to-the-right-of-education-of-girls-and-women/>
19. Hidayati, A. (2023) Women's education from the perspective of Islam and consequences of restrictions on women education in Afghanistan. *Sprink Journal of Arts, Humanities and Social Sciences*. 2 (8). pp. 1–9. doi: 10.55559/sjahss.v2i08.125
20. Tareen, H. & Muhammadi, A. (2021) Factors Limiting Afghan and Pakistani Girls' Access and Participation in Education. *Scientific Research: An Academic Publisher*. 8 (6). pp. 1–10. doi: 10.4236/oalib.1107488
21. Lowery, T. (2023) *6 Acts of Resistance By Women in Afghanistan That Show Their True Bravery*. [Online] Available from: <https://www.globalcitizen.org/en/content/women-afghanistan-taliban-gender-inequality-resist/>
22. Shayan, Z. (2015) Gender Inequality in Education in Afghanistan: Access and Barriers. *Open Journal of Philosophy*. 5 (5). pp. 277–284. doi: 10.4236/ojpp.2015.55035
23. Mashriqi, K. (2016) Afghanistan Women Perceptions of Access to Higher Education. *Journal of Research Initiatives*. 2 (1). pp. 1–13. [Online] Available from: <https://digitalcommons.uncfsu.edu/jri/vol2/iss1/2>
24. Arib, Y. (2020) Identification and Analysis of Barriers to Employment for Educated Women in Afghanistan. *Journal of Finance and Economics*. 8 (4). pp. 171–182. doi: 10.12691/jfe-8-4-3
25. Burridge, N., Payne, A.M. & Rehmani, N. (2015) Education is as important for me as water is to sustaining life': perspectives on the higher education of women in Afghanistan. *Gender and Education*. 28 (1). pp. 128–147. doi: 10.1080/09540253.2015.1096922
26. Zhu, Y., Azami, M.R., Fazal, M., Khuram, D., Iannotti, L., Babulal, G. & Trani, J.-F. (2024) The Association Between Women's Education and Employment and Household Food Security in Afghanistan. *The European Journal of Development Research*. 36. pp. 841–867. doi: 10.1057/s41287-023-00614-9
27. Barakat, S. (2024) *Taliban ban on girls' education defies both worldly and religious logic*. [Online] Available from Aljazeera: <https://www.aljazeera.com/opinions/2024/4/1/taliban-ban-on-girls-education-defies-both-worldly-and-religious-logic>
28. Tayeb, S.A., Amiri, R., Thani, S.A., Gailani, F., Marsudi, R., Lyons, A.D. & Kakar, P. (2022) Islam, Peace and Women's Rights in Afghanistan. A *Conversation with U.S. Special Envoy Rina Amiri and Prominent Islamic Scholars and Leaders*. (K. Kuehnast, Interviewer). United States Institute of Peace. [Online] Available from: <https://www.usip.org/events/islam-peace-and-womens-rights-afghanistan>
29. *The Qur'an* (Maulana Waheed ud Din, Trans.). in English (2011). Goodword Books, India.
30. Khan, S.T. (2016) Islam and Girls' Education: Obligatory or Forbidden. *Cultural and Religious Studies*. 4 (6). pp. 339–345. doi: 10.17265/2328-2177/2016.06.001
31. Saadawi, N.E. (1986) Woman and Islam. *Women's Studies International Forum*. 5 (2). pp. 193–206. doi: 10.1016/0277-5395(82)90027-9
32. Khan, F., Gul, S. & Naz, S. (2020) Islam and Women's Rights of Education: Mandatory or Forbidden. *Pakistan Journal of Humanities & Social Sciences Research*. 3 (1). pp. 14–22.
33. Kadi, W. (2006) Education in Islam—Myths and Truths. *Comparative Education Review*. 50 (3). Art. 311. doi: 10.1086/504818
34. Sahih al-Bukhari. 5083, Book 67, the book of (the wedlock), Hadith 21. [Online] Available from: <https://www.islamicfinder.org/hadith/bukhari/wedlock/5083/>
35. Sunan Ibn Majah 224, Introduction, Hadith 224, Vol. 1, Book 1, Hadith 224. [Online] Available from: <https://sunnah.com/ibnmajah:224>
36. Hoque, M.N. & Abdullah, M.F. (2021) The world's oldest university and its financing experience: a study on Al-Qarawiyyin University (859-990). *Journal of Nusantara Studies (JONUS)*. 6 (1). pp. 24–41. doi: 10.24200/jonus.vol6iss1pp24-41
37. Mahmud, M. & Sadik, S. (2023) Relevance of Islamic Traditional Pedagogical Strategies in 21st Century Education: A Case Study of Al-Qarawiyyin University. *Journal of Creating Writing*. 7 (1). pp. 64–82. doi: 10.70771/jocw.v7i1.76
38. Al-Fassi, H.A. (2022) Women in the Islamic Middle East. In: *Routledge Handbook on Women in the Middle East*. Routledge.
39. Sayeed, A. (2023) Women as Trasmmitter of Knowledge. In: Sayeed, A. *The Oxford Handbook of Islam and Women*. Oxford University Press.

Information about the author:

Sulman Shah, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sulmanshah455@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Информация об авторе:

Шах Сульман – аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sulmanshah455@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 10.03.2025;
approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

*Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 39:236(713)
doi: 10.17223/15617793/518/15

Представления об эсхатологии и посмертной участи души и тела в зороастрийском обществе Онтарио в Канаде

Вероника Дмитриевна Шуберт¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, haritonova@lib.tsu.ru

Аннотация. Рассмотрены представления об эсхатологии и посмертной участи души и тела в зороастрийском обществе Онтарио в Канаде на основе текстов Авесты и материалов зороастрийской периодики. Приведены мнения членов общества, касающиеся определения участи души умершего, влияния на этот процесс его живых родственников и особенностей церемоний, связанных с поминанием. Отдельно выделено отношение к донорству органов в зороастризме. Обозначены традиции и отмечены новации в отношении к участи души и тела после физической смерти человека в зороастрийском обществе Онтарио в Канаде.

Ключевые слова: зороастризм, зороастрийское общество Онтарио, Канада, проблема смерти, эсхатология, обряд похорон

Для цитирования: Шуберт В.Д. Представления об эсхатологии и посмертной участи души и тела в зороастрийском обществе Онтарио в Канаде // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 121–126. doi: 10.17223/15617793/518/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/15

Eschatology concepts and the posthumous fate of the soul and body in the Zoroastrian Society of Ontario in Canada

Veronika D. Schubert¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, haritonova@lib.tsu.ru

Abstract. The aim of the article is to present the conceptions of eschatology and the posthumous fate of the soul and body within the Zoroastrian community in Ontario, Canada. The theoretical foundation of the research is based on the texts of the Avesta and the opinions of members of the Zoroastrian Society of Ontario, as expressed in periodical publications, concerning the fate of the soul and body after death. The article examines changes in the interpretation of traditional eschatological concepts and the influence of contemporary social norms. The research methodology includes analysis of Avestan texts, study of materials from Zoroastrian periodicals, and analysis of Society members' opinions on issues related to organ donation and associated rituals. The article demonstrates that within the Zoroastrian community, traditional Zoroastrian views on death, modern perspectives on organ donation, and its ethical aspects are actively discussed. The importance of rituals such as Muktād, and other aspects of interaction with the souls of the deceased (*fravashis*), is highlighted. The analysis of eschatological beliefs reveals that they have undergone the least transformation since orthodox Zoroastrian times and underscore the importance of the religion's ethical questions and the determination of a person's future life. The traditional perception of the world within a dualistic framework and the belief in the coming of a Savior (*Saoshyant*) have remained unchanged since the early teachings of Zoroaster. Here, it is also important to note the key task of a human being during life: to understand whether they lean more towards Good or Evil. The crossing of the Chinvat Bridge, the subsequent weighing of a person's deeds in life by Mitra, and the state of the person determined by these events at the time of the Saoshyant's coming remain traditional concepts for modern Zoroastrians and form the basis for sustaining the myth of the Savior. Traditional too is Muktād as a period of interaction between the material and spiritual worlds, while venerating the *fravashis* is seen as a way to connect with the spiritual realm and remember ancestors. However, attitudes towards the fate of the soul and body after physical death have undergone transformation. This is linked to changes in living conditions and the modernization of ritual practices among contemporary Zoroastrians in Canada. The question of organ donation is also a modern innovation, as the Gathas do not address this issue, given the state of medical science at the time of their composition. Community members have formed their own stance on donation by interpreting sacred texts and consulting history. The predominant attitude towards donation is currently positive; it is considered a good deed that transforms evil into good, and organ donors are viewed as Saoshyants. Nevertheless, the meticulous and considered approach of Zoroastrians towards observing ritual practice is also evident in their stance on eschatological matters.

Keywords: Zoroastrianism, Zoroastrian society of Ontario, Canada, the problem of death, eschatology, funeral rite

For citation: Schubert, V.D. (2025) Eschatology concepts and the posthumous fate of the soul and body in the Zoroastrian Society of Ontario in Canada. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 121–126. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/15

Зороастризм называют «религией действия», потому что его последователи верят, что каждое человеческое существо имеет внутри себя *Урван*, часто переводимое как «душа», но буквальное значение слова – «выбирающий» более точно передает его значение. Человеку дана полная свобода. Путь *Аши*, или праведности, существует, но каждый может либо выбрать идти по этому пути, либо выбрать путь разрушения и зла [1].

Важность будущей жизни, т.е. того, что происходит после смерти, была изложена в *Гатах*, а также составляет основу зороастрийской эсхатологии. Исследователь религий С.А. Токарев отмечает, что развитие эсхатологических представлений было отличительной чертой религии иранцев [2. С. 347]. Зороастр, опираясь на существовавшее до этого у древних иранцев представление о переходе душ умерших через мост *Чинват*, изменил его суть, и мост превратился в некое судилище, на котором *Митра* и его помощники – *Сраоша* и *Рашину* – с помощью весов определяли, какая душа чего заслуживает. На одну чашу весов возлагались все доброе, а на другую – все дурное. И оценка происходила не по количеству жертвоприношений, а по нравственному потенциалу (мысли, слова, дела).

Если преобладало добро, то душа при помощи прекрасной девушки, бывшей олицетворением собственной совести каждого, отправлялась на небо, в сторону рая. Если преобладало зло, то душа шла дальше по мосту, ширина которого сужалась до размера лезвия клинка, с которого *дэвы* в виде старух стаскивали ее вниз, в преисподнюю. А в случае уравнивания добра и зла душа направлялась в место, где нет ярко выраженной радости или печали. Так, когда кто-то умирает, ему открывается вся жизнь его души, после чего принимается решение – куда она должна отправиться. Если добро, которое он сделал, перевешивает зло, он отправляется в рай – *Обитель Песни*, где будет пребывать со Всемогушим Богом – *Ахура Маздой* – в вечном счастье. Если же зло, которое душа совершила, перевешивает добро, она попадает в ад, в котором ее заставляют страдать, чтобы она могла ясно видеть, как и где она поступила неправильно, чтобы быть способной в дальнейшем осуществлять свой правильный моральный выбор. Ад в зороастризме – это место, в котором человек исправляет зло, совершенное им на земле, чтобы стать достойным для бытования с другими добрыми душами в обществе Всемогущего Бога [3. Р. 7].

Пребывание душ в раю или преисподней не вечно. В конце времен наступает Судный день, после которого всем дается дар бессмертия. Все ждут Последнего Суда, когда души праведников и грешников, вновь соединившиеся со своими телами, вынуждены будут пройти через реку расплавленного металла. Для праведников, по текстам *Авесты*, река покажется потоком парного молока, а грешники почувствуют, что это расплавленный металл. После этого грешники исчезнут, а вместе с ними уйдут в небытие все *дэвы* и *Ангра-Майнью*. Праведники же, в свою очередь, сольются с *Амэша-Спэнта* и *Ахура-Маздой*, т.е. станут такими же, как они, и будут вечно жить на земле без забот, болезней, старости и смерти (Bd. 30.1) [4].

Роль Мессии в Последнем суде будет играть третий сын пророка Зороастра *Саошиант* (*Спаситель*). Именно он должен будет воскресить всех мертвых, создать поток расплавленного металла и очистить мир от нечистого, обеспечив всему живущему на земле совершенство и бессмертие (Bd. 30.18) [4]. На этой стадии все зло исчезает, поскольку все люди начинают видеть что то, что, по мнению некоторых, было просто иллюзией, теперь на самом деле является правдой.

Члены зороастрийского общества Онтарио, которое появилось в Канаде в 1971 г., объединяет иранских зороастрийцев и активно функционирует в настоящее время, отмечают, что если бы все «хотя бы попытались жить в соответствии с данными представлениями, земля стала бы лучшим местом для жизни, утопический идеал состоял бы в том, что сами небеса спустились бы и сделали жизнь на земле такой, какая она есть на небесах. Утопия – это идеал, который никогда не был достигнут, но нет ничего плохого в том, чтобы попытаться достичь его. И стараться должны все люди, если они хотят жить мирно и счастливо друг с другом» [5. Р. 52].

Мобед Э.Н.С. Котвал, ссылаясь на молитву в память об усопших, отмечает: «мы узнаем через нашего пророка Заратустру, что мы не можем жить вечно и не можем умереть по своей собственной воле. Есть те, кто хорошо перенес бремя жизни, и им пора отдохнуть. Есть также те, кто молод и невинен или находится в расцвете сил, кого призывают на небеса. Повелителен призыв смерти; никто не может устоять перед ним. Ни священник, ни король, ни крестьянин не могут отсрочить верный час смерти» [6. Р. 111].

Ф. Мирза, председатель межконфессионального комитета зороастрийского общества Онтарио, отмечает: чтобы обрести спасение, каждый человек должен следовать *Путем Преданности* (*Армайти*), который приведет к *Праведности* (*Аша*), *Совершенству* (*Хаурватат*) и *Бессмертию* (*Амеретат*). Человек, ведущий праведную жизнь, после смерти пересечет *Мост Суда* (*Чинват*) и будет существовать в раю: *Я, направивший свое сердце на наблюдение за душой в союзе с Доброй Мыслью и зная награды Мазды Ахуры за наши дела, буду, пока у меня есть сила и сила, учить людей искать Правды* (Ys. 28.4) [7]. Души грешников будут беспокоиться из-за их нечестивой жизни, в которой они не следовали *Божественному закону Аши*, и будут обречены на ад – обитель худшего разума [8. Р. 29].

В *Авесте* упоминаются и те, чьи плохие поступки уравнивают хорошие: *Согласно законам, относящимся к настоящей жизни, так и Судья будет поступать самым справедливым образом по отношению к человеку Лжи и человеку Правды, а также к тому, чьи ложные и хорошие вещи уравниваются (в равной степени)* (Ys. 33.1) [7]. Эти души будут предназначены для обители, которая называется *Хаместакан*. Это слово означает промежуточную стадию между святым и нечестивым, раем и адом, – чистилище [8. Р. 29].

Когда *Спэнта-Майнью* и *Ангро-Майнью*, близнецы – первобытные духи *Ахура-Мазды*, встретились,

они создали жизнь и не-жизнь. Жизнь и смерть подобны близнецам, они неразделимы. Смерть – это неизбежное сопровождение жизни. Однако жизнь умирает только в теле, она не умирает в Духе. Смерть дарует свободу жизни. Смерть в этом мире, по сути, является началом жизни в загробном мире. Жизнь и смерть подобны камере с двумя дверями, обращенными друг к другу. Из одной человек входит, и это жизнь, из другой человек выходит, чтобы начать большее и лучшее существование. Смерть оставляет тело безжизненным, освобождает душу, которая отправляется в свое путешествие на небеса. Смерть освободила человека от материального рабства. Его земная работа завершена, так что теперь он отправился в мир мира и покоя, где свет не меркнет и счастье не иссякает. Он умер в теле, чтобы жить в духе жизнью более высокой и благородной, чем могут измерить наши мысли и представить наш разум [6. Р. 111].

В учении пророка зло рассматривается метафорически как отсутствие добра, света. Удаление от света приводит к тьме, поскольку тьма – это отсутствие света. Согласно *Гатам*, *Ахура-Мазда* создает жизнь, но боль, мучения и смерть происходят по вине зла:

Теперь два первичных Духа, открывающиеся в видении как Близнецы, являются Лучшим и Плохим в мыслях, словах и действиях. И между этими двумя мудрые сделали правильный выбор, а глупые – нет.

И когда эти два Духа объединились в начале, они создали Жизнь и Не-Жизнь, и что в конце концов Худшее Существование будет для последователей Лжи, но Лучшее Существование для того, кто следует Правде (Ys. 30.4) [7].

Если бы не было жизни, то не было бы и смерти. Зло не приходит ниоткуда, а паразитирует на добре и рассматривается как метафизическое отсутствие добра.

Откровение *Зороастра* предлагает этическую структуру для борьбы с силами зла в физическом мире посредством определенного процесса, кульминацией которого являются правильные мысль, слово и поступок. Пророк провозгласил: «...Ты, о Мудрый, пришел в мир со Своим Добродетельным Духом, с правилом Доброго Разума...» (Ys. 43.6) [7]. *Добродетельный Дух* включает в себя *Мудрость* как врожденную, так и приобретенную, которую ищет *Благая Мысль (Воху Мана)*, а затем совершенствует это знание в союзе с *Истиной (Аша)*. Сознательное и постоянное использование *Благой Мысли* дает человеческим существам *Мудрость*, подкрепленную *Истиной*, как руководящий принцип жизни: «...через Твой самый Добродетельный Дух, о Мудрый... Ты сотворил чудесные силы Доброго Ума в союзе с Истиной» (Ys. 43.2) [7].

В *Гатах* людям дается выбор между добродетельным и недобродетельным (Ys. 45.9) [7] с оговоркой, что выбор должен быть сделан разумно. *Зороастр* провозгласил: «*Слушайте своими ушами лучшие вещи... Поразмышляйте с ясным умом – каждый сам за себя – над двумя вариантами решения... объяви Ему о себе*» (Ys. 30.2) [7]. Есть последствия, которые следуют, если выбор, сделанный человеком, ошибочен. Это подтверждает то, что, хотя существует выбор и

свободная воля, выбор, сделанный человеком, должен измеряться *Благом*, которое приносит пользу миру *Ахура-Мазда* [9. Р. 57].

Мобед М. Фирузгари утверждает: «Ничто никогда не погибает, но меняет форму. Мы верим, что измененная форма нашей жизни Душа, – это данное Богом существо для того, чтобы служить нам в качестве нашей совести и хранителя в течение жизни. Душа для нас – это собственный атрибут Творца, и после смерти она присоединяется к царству Благочестия» [10. Р. 87]. Д. Коучбилдер отмечает, что *мобед* остался верным своему убеждению до конца жизни и пожертвовал свое тело после смерти для медицинских исследований, «в качестве символической благотворительности, но главным образом для того, чтобы избежать фактора загрязнения почвы и всех его проявлений» [10. Р. 87].

Это актуализирует еще один важный для зороастрийцев Онтарио вопрос, связанный с состоянием тела после смерти, – донорство органов. Мобед З. Бандара, анализирующий этот процесс, отмечает, что такого рода поступки помогают зороастрийцам в исполнении своего религиозного долга лучшим образом, потому как делают возможным применять принципы религии и молитв и претворять их в жизнь [11. Р. 80]. Он также приводит данные о том, что один донор органов может спасти до 75 жизней. Тем самым простой выбор одного человека стать донором органов может оказать влияние на жизнь или смерть другого человека [11. Р. 79].

Попытка анализа процесса донорства органов вызывает в сообществе яркие дискуссии. Рассмотрим основные положения, которыми аргументируют свои точки зрения различные религиозные деятели. Это относительно новая концепция для сообщества, но донорство крови и роговицы глаз существует уже последние 75 или более лет. Эта практика, хотя и не очень распространена, но все же принята зороастрийскими религиозными лидерами как акт благотворительности. Парсы отмечают, что «подарить кому-то зрение – это очень благородный поступок» [11. Р. 79].

Также важным является момент пожертвования органов после смерти, когда они здоровы. В этом случае актуален вопрос о том, верно ли было бы с точки зрения религии уничтожать эти здоровые органы вместе с остальными частями тела любым способом (например, захоронением в *Башне молчания*, кремацией или захоронением в саркофаге) или уместно пожертвовать органы и тем самым подарить жизнь чьей-то умирающей матери, отцу, дочери, сыну, брату, сестре, родственнику или другу. Анатомические пожертвования служат целям образования и достижений науки в таких разнообразных дисциплинах, как здравоохранение, медицина, антропология. Кто учится и работает с ними, делают это с должным почтением и уважением [12. Р. 80].

Распространенное мнение по этому вопросу состоит в убеждении, что если пожертвовать какой-либо из своих органов, то этих органов может не быть в следующей жизни или в загробном мире. По мнению З. Бандара, даже если бы это убеждение было правдой, то было бы слишком эгоистично упускать возможность спасти чью-то жизнь [11. Р. 79]. Противоположное мнение заключается в том, что все составные части тела

должны оставаться вместе и не должны быть разделены, так как все тело после смерти должно пройти через последние обряды. Если вы пожертвуете свои органы, и если получатель ваших органов согрешит, то вы будете нести ответственность за его грехи, пишет Э.М. Хатирама в газете «Джам-э-Джамшед» [13].

После принятия решения о том, какие органы и ткани приемлемы в качестве донорских, организация по приему органов, которая есть в каждом штате, изымает их и возвращает тело семье в том же физическом состоянии. Для неподготовленного глаза, отмечает редактор журнала FEZANA М.М. Пател, это выглядит ничем не отличающимся от первоначального состояния тела умершего человека [12. Р. 80]. Затем семья должна организовать похороны, прочитать необходимые молитвы и провести соответствующие церемонии в течение первых суток после смерти. Можно использовать любой способ захоронения. Не нужно нарушать время проведения иных церемоний – *Пайдаст*, *Сездо*, *Утамна* и др.

Напрямую в *Гатах* не содержится призыва или запрета на донорство органов, но связано это с тем, что в момент создания *Гат* медицина и хирургия не были столь развиты, отмечают зороастрийцы [14]. Однако в то же время такой акт благотворительности соответствует самым ранним молитвам религии – «*Ашем Воху*» и «*Ятха Аху Вайрио*», где, согласно «*Ашем Воху*», «совершение праведного поступка ради праведности приносит истинное счастье», а третья строка «*Ятха Аху Вайрио*» гласит: «Царство Мазды для того, кто дает нуждающемуся». Также одна из глав *Ясны* (Ys. 43.1) говорит о том, что великое счастье будет даровано человеку, который делает счастливыми других [7].

Так, донорство становится добрым делом, которое является вечным и непреходящим, поскольку превращает зло в добро и является шагом к *Фрашокерети* – времени после *Последнего Суда*, когда мир будет полностью обновленным, совершенным и мирным. И в этом ключе доноры органов становятся мини-мессиями, *Спасителями* – *Саошиантами* [11. Р. 80].

Таким образом, донорство органов не мешает проведению последних обрядов зороастрийцев, а спасение чьей-то жизни считается достойным поступком, который можно совершить, расставаясь с телом – физическим обиталищем души. Тем более что донор никогда не знает, кто будет бенефициаром, что делает его вклад благородным актом благотворительности, благим делом, которое повлияет на состояние и будущее его души в загробном мире.

Муктад – это радостный повод для коллективного поминовения всех *фраваши* (хранителей души) и поклонения им, за которым следует индивидуальное поминовение душ и *фраваши* усопших. В эти дни души приходят на землю в сопровождении своих *фраваши* и отправляются в свои соответствующие дома. В этот период все души освобождаются, где бы они ни находились, даже в аду.

Основные требования к соблюдению *Муктада* в доме – это свежая вода, цветы, ваза (*берхрун*), огонь, *диво* и чтение молитв. Цветы и вода – это символические напоминания о *фраваши*, они упоминаются вместе в *Авесте*:

И (призвав их [фраваши]) сюда, мы поклоняемся жизни, совести, разуму, душе и фраваши ближайшего родственника, святых мужского и женского пола, которые стремились к ритуальной истине, которые являются мертвыми и живыми святых, а также тех людей, которые еще не родились, будущих пророков, которые помогут в обновлении и завершат человеческий прогресс вместе со всеми ими.

И (призвав их) здесь мы поклоняемся душам умерших; и всех ближайших родственников, которые скончались в этом доме, этрапаитов (учителей) и учеников; да, всех святых мужчин и женщин; и мы поклоняемся фраваши всех святых учителей и учеников; и всех святых мужского и женского пола.

<...>

Да, мы поклоняемся всем фраваши святых, и мы поклоняемся душам умерших! (Ys. 26.6–11) [7].

Члены общества Онтарио отмечают, что *Муктад* – это дни усиленного общения между материальным и духовным мирами – потребность в здоровье, счастье, мире и процветании, которая удовлетворяется благодаря благословениям *фраваши*. В свою очередь, их потребность в памяти живых удовлетворяется искренними молитвами и призывами [15. Р. 19].

Здесь важно отметить, что скорбь, связанная со смертью близких, рассматривается современными зороастрийцами как обряд перехода. Она представляет собой свидетельство ценности того дара, который был (жизнь, любовь, дружеские отношения, товарищество, участие), и провозглашение того, что, несмотря на его потерю, осталось достаточно веры, чтобы продолжать. Исследователь в области социальной справедливости в университете Торонто Н.Г. Пантаки отмечает необходимость скорби как созидательной силы, воспитывающего и преобразующего «продукта любви». Горе и страдание, по его мнению, напротив, являются ненужными, разрушительными, злыми и греховными [16. Р. 112]. В этой связи он отмечает, что ошибочно связывать горе с «закрытием». «Закрытие» – это ложное и совершенно иррациональное понятие. Горе не подходит к концу, и человек не «перестает чувствовать» потерю. Однако процесс скорби постепенно меняет свою методологию, возможно, от скорби к тихой медитации для рефлексивного взаимодействия с жизнью. Именно таким образом, горе подобно *Воху Мане*, *Благой Мысли*, необходимой, воспитывающей и преобразующей. Горе не только преобразует человека, но и выполняет функцию перехода, приучая человека к новым отношениям, которые у него сложились с умершим [16. Р. 112].

Таким образом, анализ эсхатологических представлений показывает нам, что они претерпели наименьшую трансформацию со времен ортодоксального зороастризма и показывают важность этических вопросов религии и определения будущей жизни человека. Традиционное восприятие мира в концепции дуализма и вера в приход *Спасителя* остались неизменными со времен начала проповедей Зороастра. Здесь же важно отметить ключевую задачу человека в ходе жизни – понять, к *Добру* или *Злу* он склонен больше.

Проход по мосту *Чинват* и дальнейшее соотнесение Митрой совершенных человеком в ходе жизни дел, а затем определенное этими событиями состояние человека в момент прихода *Спасителя* являются традиционными для представлений современных зороастрийцев и создают основу для поддержания мифа о *Спасителе*. Традиционным является и *Муктад* как период взаимодействия между материальным и духовным мирами, а поклонение *фраваши*, как и в ортодоксальном зороастризме, является способом прикоснуться к миру духов и вспомнить о предках.

Однако само отношение к участи души и тела после физической смерти человека подверглось трансформации, которая связана с изменением условий

жизни и модернизацией обрядовой практики современных зороастрийцев Канады.

Новацией также является вопрос о донорстве в силу того, что в *Гатах* этот вопрос не освещен, потому как медицина еще не была настолько развита, и свое отношение к нему члены общины формировали самостоятельно, трактуя священные тексты и обращаясь к истории. Преобладающее в настоящее время отношение к донорству позитивное, поскольку оно считается добрым делом, так как превращает зло в добро, а доноры органов становятся *Спасителями*. Однако скрупулезность и взвешенный подход, отличающий последователей религии, проявляются и в отношении данных вопросов.

Список источников

1. Cama Sh. Sacred Armour: Ritual Garments of the Parsi Zoroastrians // Parzor Foundation. New Delhi, [S. d.]. URL: <https://www.unescoparzor.com/articles-a-c/ritual-garment-parisi> (дата обращения: 22.06.2023).
2. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М. : Политиздат, 1976. 576 с.
3. Irani D.J. The Gathas. The Hymns of Zarathushtra. Los Angeles, 2006. 55 p. URL: http://avesta.org/dastur/Dinshaw_J_Irani_The_Gathas.pdf (дата обращения: 14.04.2024).
4. The Bundahishn («Creation»), or Knowledge from the Zand. [S. l.], 2022. URL: <http://www.avesta.org/mp/bundahis.html> (дата обращения: 14.04.2024).
5. Nariman R.F. The Relevance of Zarathushtra's Gathas in the Modern World // FEZANA Journal. 2021. Vol. 35, № 1. P. 51–52.
6. Kotwal E.N.S. Sermon at funerals // FEZANA Journal. 2015. Vol. 29, № 3. P. 111.
7. Avesta: Yasna: Sacred Liturgy and Gathas/Hymns of Zarathushtra. [S. l.], 2021. URL: <http://avesta.org/yasna/index.html> (дата обращения: 26.07.2023).
8. Mirza F. Timeless Messages from the Gathas // FEZANA Journal. 2021. Vol. 35, № 1. P. 27–29.
9. Mistree K.P. The Life-Affirming Gathas of Spitaman Zarathushtra // FEZANA Journal. 2021. Vol. 35, № 1. P. 56–59.
10. Coachbuilder D. The Story Of Mobed Mehraban Firouzgary's Long Journey // FEZANA Journal. 2020. Vol. 34, № 1. P. 84–87.
11. Bhandara Z. Give as you leave // FEZANA Journal. 2011. Vol. 25, № 1. P. 79–80.
12. Patel M.M. Addendum // FEZANA Journal. 2011. Vol. 25, № 1. P. 80.
13. Hathiram E.M.J. Can Parsis donate organs or the body after death? // Frashogard. [S. l.], 2017. URL: <https://www.frashogard.com/can-parsis-donate-organs-or-the-body-after-death/> (дата обращения: 18.05.2024).
14. Organ Donation Debate // Zoroastrians.net. [S. l.], 2014. URL: <https://zoroastrians.net/2014/12/07/organ-donation-debate/> (дата обращения: 18.05.2024).
15. Dastoor D. Rites and Rituals in The Diaspora // FEZANA Journal. 2009. Vol. 23, № 3. P. 19–24.
16. Panthaki N.G. Lest We Forget: Grief is a Zoroastrian Rite of Passage // FEZANA Journal. 2015. Vol. 29, № 3. P. 112.

References

1. Cama, Sh. (n.d.) *Sacred Armour: Ritual Garments of the Parsi Zoroastrians*. New Delhi: Parzor Foundation. [Online] Available from: <https://www.unescoparzor.com/articles-a-c/ritual-garment-parisi> (Accessed: 22.06.2023).
2. Tokarev, S.A. (1976) *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples of the World]. Moscow: Politizdat.
3. Irani, D.J. (2006) *The Gathas. The Hymns of Zarathushtra*. Los Angeles: [s.n.]. [Online] Available from: http://avesta.org/dastur/Dinshaw_J_Irani_The_Gathas.pdf (Accessed: 14.04.2024).
4. Avesta. (2022) The Bundahishn ("Creation"), or Knowledge from the Zand. *Avesta*. [Online] Available from: <http://www.avesta.org/mp/bundahis.html> (Accessed: 14.04.2024).
5. Nariman, R.F. (2021) The relevance of Zarathushtra's Gathas in the modern world. *FEZANA Journal*. 1 (35). pp. 51–52.
6. Kotwal, E.N.S. (2015) Sermon at Funerals. *FEZANA Journal*. 3 (29). P. 111.
7. Avesta. (2021) Yasna: Sacred Liturgy and Gathas/Hymns of Zarathushtra. *Avesta*. [Online] Available from: <http://avesta.org/yasna/index.html> (Accessed: 26.07.2023).
8. Mirza, F. (2021) Timeless Messages from the Gathas *FEZANA Journal*. 1 (35). pp. 27–29.
9. Mistree, K.P. (2021) The Life-Affirming Gathas of Spitaman Zarathushtra. *FEZANA Journal*. 1 (35). pp. 56–59.
10. Coachbuilder, D. (2020) The Story of Mobed Mehraban Firouzgary's Long Journey. *FEZANA Journal*. 1 (34). pp. 84–87.
11. Bhandara, Z. (2011) Give as you leave. *FEZANA Journal*. 1 (25). pp. 79–80.
12. Patel, M.M. (2011) Addendum. *FEZANA Journal*. 1 (25). P. 80.
13. Hathiram, E.M.J. (2017) Can Parsis donate organs or the body after death? *Frashogard*. [Online] Available from: <https://www.frashogard.com/can-parsis-donate-organs-or-the-body-after-death/> (Accessed: 18.05.2024).
14. Zoroastrians.net. (2014) Organ Donation Debate. *Zoroastrians.net*. [Online] Available from: <https://zoroastrians.net/2014/12/07/organ-donation-debate/> (Accessed: 18.05.2024).
15. Dastoor, D. (2009) Rites and rituals in the diaspora. *FEZANA Journal*. 3 (23). pp. 19–24.
16. Panthaki, N.G. (2015) Lest we forget: grief is a Zoroastrian rite of passage. *FEZANA Journal*. 3 (29). P. 112.

Информация об авторе:

Шуберт В.Д. – зав. отделом обслуживания Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: haritonova@lib.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.D. Schubert, head of the Service Department, Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: haritonova@lib.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2025;
одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 11.05.2025;
approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 379.851; 930.85
doi: 10.17223/15617793/518/16

История формирования спортивно-туристского комплекса «Шерегеш»: социально-экономический и инфраструктурный аспекты (1978–2024 гг.)

Константин Владимирович Юматов¹, Александра Валентиновна Голубева²

^{1,2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ yumatov@list.ru
² aldravalent@gmail.com

Аннотация. Представлено исследование событий, связанных с развитием инфраструктуры спортивно-туристского комплекса «Шерегеш». Построенный на рубеже 1970–1980 гг. в окрестностях небольшого рудодобывающего поселка спортивный объект за 44 года удалось превратить в одну из самых востребованных туристских дестинаций России. Проанализированы факторы, сформировавшие условия для количественного и качественного роста материально-технической базы курорта. На основе анализа комплекса источников установлена периодизация истории развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш».

Ключевые слова: спортивно-туристский комплекс «Шерегеш», спортивный объект, туристская инфраструктура, строительство, инвестиционные проекты

Для цитирования: Юматов К.В., Голубева А.В. История формирования спортивно-туристского комплекса «Шерегеш»: социально-экономический и инфраструктурный аспекты (1978–2024 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 127–140. doi: 10.17223/15617793/518/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/16

The history of the Sheregesh Sports and Tourist Complex: Socio-economic and infrastructural aspects (1978–2024)

Konstantin V. Yumatov¹, Aleksandra V. Golubeva²

^{1,2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ yumatov@list.ru
² aldravalent@gmail.com

Abstract. The article studies the history of the formation of the infrastructure of the "Sheregesh" Sports and Tourism Complex (STC), which is currently one of the most popular ski resorts in Russia. The chronological framework of the research spans the period from 1978 to 2024. The main goal is to identify the external and internal factors that influenced the development of the complex in different years, and to highlight the key stages in the history of its construction. The authors conducted a comprehensive analysis of diverse sources, including archival documents, press releases from the Administration of the Kuzbass Government, and materials from official media. The work presents a chronological account of the construction of sports facilities and tourism industry objects, which has been divided into 5 stages: (1) 1978–1991: Construction of the initial infrastructure of the ski complex on Mount Zelenaya, aimed at hosting sports competitions and organizing training processes. (2) 1992–1998: Enhancement of the complex's material and technical base by the joint-stock company "Shoriya-Tur" and the municipal administration; modernization of sports and tourism infrastructure at the "Medvezhonok" tourist base; and the gradual development of Mount Zelenaya. At this stage, the drive to develop sports infrastructure still prevails over the tourism component. (3) 1999–2009: Transformation of the complex's infrastructure to create a popular tourist center, driven by the first investors and with support from regional authorities. This period saw an increase in tourist flow, attraction of the first major investors, and the adoption of the first legislative initiatives aimed at developing the complex. The tourism component gradually becomes a key priority. (4) 2010–2017: Improvement of the investment climate to construct diverse tourism facilities and elevate the resort to a federal level. The complex's management pursues a comprehensive strategy to attract investors. Sheregesh gains the attention of federal authorities and receives corresponding funding starting from 2015. (5) 2018–2024: Scaling of investment projects at the federal level, with the resort securing leading positions in the Russian ski holiday market. A significant leap in the development of the "Sheregesh" STC was made thanks to initiatives by Kuzbass Governor Sergey E. Tsivilev. During this stage, the resort's infrastructure in sectors "A", "B", and "E" was significantly expanded, and a number of major agreements with federal-level investors were successfully concluded. To date, the history of the "Sheregesh" STC spans over 44 years. As the research results show, effective collaboration between the complex's management, authorities, and investors at each stage has ensured the quality and accessibility of the infrastructure, as well as the high appeal of the resort today.

Keywords: "Sheregesh" Sports and Tourist Complex, sports facility, tourist infrastructure, construction, investment projects

For citation: Yumatov, K.V. & Golubeva, A.V. (2025) The history of the Sheregesh Sports and Tourist Complex: Socio-economic and infrastructural aspects (1978–2024). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 127–140. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/16

Спортивно-туристский комплекс «Шерегеш» – один из самых популярных горнолыжных курортов России, который расположен на юге Кемеровской области – Кузбасса вблизи одноименного поселка Шерегеш и относится к горно-таежному району Горной Шории. Эта местность находится на стыке горных массивов Северо-Восточного Алтая, Саян и Кузнецкого Алатау. В рамках рассматриваемого спортивно-туристского комплекса инфраструктура для катания доступна на четырех средневысотных вершинах: Зеленая (Каритшал), Мустаг, Утуя и Медвежонок [1]. Уникальность Шерегеша на текущем этапе развития трудно переоценить – начиная с сезона 2020/2021 курорт ежегодно посещает более 2 млн туристов в сезон [2]. На базе спортивно-туристского комплекса (СТК) регулярно проводятся крупные мероприятия всероссийского масштаба, в ноябре 2023 г. Шерегеш был признан лучшим курортом Сибири по итогам Национальной премии «Горы России» [3], а в октябре 2024 г. удостоился званий «Лучший горнолыжный курорт СФО» и «Лучший курорт выходного дня» по версии отраслевой премии SKI BUSINESS AWARD [4]. Традиционно главным преимуществом спортивно-туристского комплекса «Шерегеш» принято считать уникальные климатические условия, которые способствуют формированию обильного слоя мягкого и пушистого снега, а также обеспечивают длительный сезон катания. Тем не менее отдельную значимость в контексте привлечения и удержания серьезного турпотока играет современная развитая инфраструктура, созданная при поддержке федеральных, региональных властей и многочисленных инвесторов. Так, в сезоне 2023/2024 на горе Зеленая в Шерегеше для туристов было доступно 60 километров горнолыжных трасс, 20 подъемников различного типа, 93 коллективных средства размещения, 79 предприятий питания [5].

В данной статье рассматривается хронология формирования материально-технической базы СТК «Шерегеш» с целью выявления основных этапов строительства инфраструктуры и установления ключевых факторов развития одного из лучших горнолыжных курортов России. Вопросы, связанные с историей СТК «Шерегеш», уже поднимались в научных исследованиях. В частности, авторские версии истории развития горнолыжного комплекса представлены в работе А.И. Копытова [6], а также в кандидатской диссертации [7] и статьях А.А. Пятовского [8, 9]. Стоит отметить: ценность данных исследований увеличивает тот факт, что оба автора являлись непосредственными участниками процесса формирования горнолыжного комплекса. Александр Иванович Копытов лично внес большой вклад в развитие материальной базы горнолыжных школ Кузбасса, и на момент публикации книги «Гора с горой...» в 2003 г. являлся руководителем кузбасской Федерации горнолыжного спорта и сноуборда. Антон Александрович Пятовский много лет работал в Департаменте молодежной политики и

спорта Кемеровской области (с 2018 г. Министерство туризма и молодежной политики Кузбасса), который координировал вопросы по развитию туризма в регионе. Основными источниками по истории строительства комплекса горы Зеленой выступают фонды Государственного архива Кузбасса, Государственного архива Кузбасса в г. Новокузнецке, Муниципального архива Таштагольского района, архивные выпуски Таштагольской районной газеты «Красная Шория», а также пресс-релизы администрации правительства Кузбасса и материалы официальных СМИ, освещающих деятельность СТК «Шерегеш». Широкое использование в работе сведений, содержащихся в периодической печати и электронных СМИ, обусловлено ограниченностью источниковой базы для отбора фактологического материала по истории развития материальной базы туризма в поселке Шерегеш, однако подобный вид источников позволяет детально исследовать ход событий.

Идея развития горнолыжной инфраструктуры на горе Зеленая горной гряды Мустага в 4 км от поселка Шерегеш относится ко второй половине 1970-х гг., когда стало известно, что по решению Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР Кемеровская область станет местом проведения VII зимней Спартакиады народов РСФСР в 1981 г. В Таштагольском районе были запланированы этапы соревнований по горнолыжному спорту. К тому моменту в г. Таштагол уже активно функционировал спортивный комплекс на горе Буланже, где базировалась специализированная горнолыжная школа ЦС ДСО «Буревестник» и регулярно проводились первенства различных уровней [7. С. 173]. Тем не менее соревнования масштаба республиканской спартакиады требовали более протяженных и сложных трасс, а также серьезного перепада высот. Были проведены поисковые работы, и уже в мае 1978 г. комиссия в составе старшего тренера женской команды ЦС «Буревестник» В.И. Глухих, старшего тренера сборной Кузбасса по горнолыжному спорту Г.А. Хохрина, председателя горсовета ДСО «Труд» Ю.С. Айларова и первого секретаря горкома комсомола В.П. Буткова облетела на вертолете тайгу в районе Шерегеша, чтобы утвердить координаты местоположения будущей горнолыжной трассы [10].

Первые свидетельства о начале подготовки горы к Спартакиаде относятся к сентябрю 1978 г. В заметке, напечатанной в районной газете «Красная Шория», подчеркивается особая роль Шерегешского рудоправления в строительстве спортивного объекта [11]. В действительности в Шерегеше, как и в значительной части других населенных пунктов Таштагольского района, основным экономическим видом деятельности традиционно выступала именно добыча железной руды. Закономерно, что на руководство рудника была возложена основная нагрузка по вырубке леса на склонах горы и возведению спортивных объектов. Работы на Зеленой проводились силами стройотрядов, солдат

внутренних войск, сотрудников милиции, спасателей Шерегешской ВГСЧ, по некоторым данным, и заключенных местной исправительной колонии № 4 [7. С. 174]. В феврале 1979 г. решением кемеровского областного Совета народных депутатов Шерегешскому рудоуправлению было согласовано место расположения горнолыжного комплекса площадью в 30 гектаров [12]. К марту 1980 г. была проложена автомобильная дорога к финишу трасс [13], к сентябрю – установлены две бугельных канатных дороги ВЛ-1000 [14], а к декабрю – вырублены трассы слалома (длина 550 м, перепад высот 220 м), слалома-гиганта (длина 1300 м, перепад высот 460 м) и скоростного спуска (длина 2 700 м, перепад высот 600 м) [15]. В феврале 1981 г., накануне старта соревнований, проводились завершающие отделочные работы стартового, финишного и судейских домов, жилого дома для спортсменов и столовой [16]. По итогам грандиозной работы горнолыжный комплекс был сдан в срок, и в период с 27 февраля по 10 марта на горе Зеленой успешно прошли соревнования по горнолыжному спорту в рамках VII зимней Спартакиады народов РСФСР [17].

В дальнейшем в 1980-е гг. спорткомплекс стал местом проведения тренировок воспитанников детско-юношеской спортивной школы, открытой в Шерегеше (на ее баланс в 1982 г. по решению комитета по физкультуре и спорту при Кемеровском облисполкоме и был безвозмездно передан комплекс [18]). Здесь проводились многочисленные соревнования и сборы горнолыжников со всей страны. Что касается дальнейшего развития инфраструктуры, то в силу наличия проблем с экономическим обеспечением модернизация спорткомплекса в этот период не была соразмерна его потенциалу. В ноябре 1982 г. Кемеровский обком КПСС и исполком областного Совета народных депутатов утвердили постановление «О плане экономического и социального развития города Таштагола на 1983–1987 годы», который предполагал строительство на горе Зеленой кресельной канатной дороги на 2 тыс. посадочных мест и спортзала на 300 мест для горнолыжной школы [19]. Однако планы так и не были реализованы. Стоит отметить, что в 1984 г. были все же проведены работы по расчистке и расширению трасс слалома и скоростного спуска – взорваны скальные выходы, которые мешали катанию на верхнем участке [8]. Также в 1986 г. оборудована небольшая детская трасса длиной в 200 м [20]. К концу 1980-х гг. стало очевидным наличие серьезных экономических проблем как в стране в целом, так и в Таштагольском районе в частности. Шерегешский рудник, который на протяжении всего периода существования комплекса являлся основным спонсором его материально-технической базы, пришел в упадок, в 1987 г. основные средства Шерегешской ДЮСШ были ликвидированы [21].

С началом нового десятилетия администрация района столкнулась с проблемой поиска путей поддержания экономического благосостояния, и в этот период внимание властей было обращено в сторону развития горнолыжного туризма. С момента появления трасс на горах Буланже в Таштаголе и Зеленая в Шерегеше от-

мечался интерес к ним со стороны горнолыжников-энтузиастов из разных регионов РСФСР. Именно этот факт побудил исполком таштагольского городского Совета народных депутатов, НПО «Сибруда», агрокомбинат «Новокузнецкий» и комитет по физкультуре и спорту при Кемеровском облисполкоме к учреждению в сентябре 1990 г. в городе Таштаголе совместного предприятия-ассоциации «Горная Шория» (впоследствии ТС АО «Шория-Тур»). Целью организации стало совместное выполнение работ по эксплуатации и дальнейшему развитию горнолыжного центра в поселке Шерегеш, развитие материально-технической базы и организация туризма, в том числе международного, горнолыжного спорта и фристайла, оказание сервисных и прочих услуг [22].

Для начала в 1990 г. с целью реализации поставленных задач на баланс предприятия был передан пионерский лагерь «Медвежонок», находившийся недалеко от поселка Шалым Таштагольского района [7. С. 179]. Данное решение было обусловлено отсутствием непосредственно у горы Зеленой инфраструктуры, пригодной для размещения туристов и спортсменов. Более того, подъезд к самому горнолыжному комплексу был затруднен – автодорога была непригодна для активного движения транспорта, регулярные автобусные рейсы отсутствовали. Что касается расположения «Медвежонок», то на момент начала 1990-х гг. он располагал двумя жилыми корпусами, зданием столовой, необходимыми сетями водо- и электроснабжения, а в непосредственной близости от него проходили железнодорожные пути. Благодаря усилиям команды «Шория-Тур» к 1996 г. лагерь, пребывавший ранее в аварийном состоянии, был переоборудован в полноценную туристическую базу – появились гостиница на 125 номеров, столовая, оздоровительный комплекс, небольшая горнолыжная трасса с подъемником и вечерним освещением, прокат спортивного инвентаря, услуги инструкторов и ряд развлекательных программ для туристов (экскурсии, любительские соревнования по горным лыжам, дискотека) [23]. В 700 м от турбазы была построена железнодорожная станция «Турист», на которую с 1996 г. регулярно прибывали поезда из разных населенных пунктов Кузбасса и соседних регионов [24].

Важно отметить, что на протяжении 1990-х гг. продвижение туризма в Таштагольском районе преследовало цель содействия развитию горнолыжного спорта, который с 1970-х гг. стал неотъемлемой частью жизни населения района. В 1991 г. первый руководитель ТС АО «Шория-Тур» Валерий Николаевич Мальцев в интервью корреспонденту районной газеты «Красная Шория» отметил, что доходы, полученные от туризма, планируется направлять на поддержку Таштагольской горнолыжной школы, которая на момент распада Советского Союза испытывала значительные финансовые трудности, а также на организацию и проведение крупных спортивных мероприятий [25]. С этой точки зрения работа над усовершенствованием инфраструктуры спорткомплекса на горе Зеленой была просто необходима.

В том же 1991 г. спортивный комплекс был передан на баланс ТС АО «Шория-Тур», процесс его модерни-

зации происходил параллельно с реконструкцией турбазы «Медвежонок». По словам Валерия Мальцева, учредители акционерного общества выделили 1,25 млн руб., на которые к апрелю 1992 г. было приобретено 75 пар лыж производства Франции и Италии (для организации прокатов на обоих объектах), на горе Зеленая пробурили скважину для обеспечения водоснабжения, отсыпали площадку под будущий гостиничный комплекс из чехословацких модульных домиков, прорубили новую трассу, приобрели подъемник, автобусы и ратрак [25]. Комплекс из модульных домиков на 70 гостей с номерами туркласса, небольшим баром и удобствами на этаже начал функционировать на горе Зеленая в 1993 г., а в 1995 г. горнолыжные трассы прошли процедуру гомологации (стандарт Кубок Европы), по итогам которой был получен сертификат FIS, позволяющий проводить соревнования международного уровня [8]. К 1997 г. возле комплекса с модульными домиками построили также двухэтажную гостиницу на 30 мест, оборудовали сауну и столовую (весь комплекс получил название «Мустаг»). К услугам отдыхающих был снегоход фирмы «Скидо», трассы регулярно уплотнялись ратраками Kassbohrer [26]. В том же году при поддержке администрации Кемеровской области была запущена в работу гостиница «Губернская». В 1998 г. было начато строительство австрийской парнокресельной канатной дороги «Доппельмайер» (запущена в декабре 1999 г.) и гостиницы «Елена», профинансированной АО «Кузбасская топливная компания» [8]. К 2000 г. на вершине горы и у ее подножия работало уже 2 ресторана вместимостью до 100 посетителей [27].

Таким образом, с середины 1990-х гг. инфраструктура горнолыжного комплекса в Шерегеше была значительно усовершенствована, а возрастающие потоки туристов позволили получать относительно стабильные доходы. Были сформированы необходимые условия для проведения крупных спортивных мероприятий. В частности, в период с 1996 по 2001 г. на Зеленой прошли 4 чемпионата России по горнолыжному спорту и 3 всероссийских фестиваля по сноуборду, в которых принимали участие и спортсмены из Таштагольского района. В 1997 г. в Шерегеше вновь открывается филиал Таштагольской СДЮСШОР по горнолыжному спорту, администрация района выделила на ее развитие 250 млн руб. [28]. Можно констатировать, что стремления основателей ТС АО «Шория-Тур» были в определенной степени реализованы, однако с началом нового столетия развитие туризма постепенно начало преобладать над спортивной составляющей.

В начале XXI в. темпы роста спортивно-туристского комплекса привлекают все большее внимание со стороны областной администрации, предпринимаются попытки оформить планы по развитию Шерегеша на уровне законодательства. В 2000 г. был принят Закон Кемеровской области №65-ОЗ «Об утверждении целевой программы “Комплексное развитие города Таштагола – Таштагольского района до 2005 года”», где обозначена роль горнолыжного комплекса в экономике района, а также выдвинуты предложения по под-

держке предпринимателей [27]. В 2001 г. по распоряжению администрации Кемеровской области была представлена Концепция развития туристско-спортивного комплекса «Шерегеш», разработанная при поддержке специалистов из Краснодарского края. Проект предполагал разделение горы на 4 сектора с 31 трассой различной сложности и 16 подъемниками, жилыми объектами на 10 тыс. мест, десятками сервисных и развлекательных центров [29]. В 2002 г. был принят Закон Кемеровской области № 112-ОЗ Об утверждении региональной целевой программы «Развитие туристско-спортивного комплекса “Шерегеш” города Таштагола – Таштагольского района на 2003–2006 годы», одной из главных задач выступило именно развитие инфраструктуры и материальной базы [30]. В 2003 г. постановлением администрации города Таштагола территория горы Зеленая, отведенная под развитие горнолыжного туризма, была признана землей особо охраняемых территорий и объектов [31]. В том же году областная администрация утвердила Задание на разработку генерального плана сектора «А» туристско-спортивного комплекса «Шерегеш».

Перечисленные законодательные инициативы позволили в дальнейшем реализовать проекты по модернизации инженерных сетей и строительству автодорог, ведущих на курорт. Так, в 2004 г. были открыты новая высоковольтная ЛЭП и подстанция «Спортивная» [32], в 2006 г. начало строительство дороги «Горно-Алтайск – Турочак – Таштагол», а в 2007 г. – автодороги «Таштагол – спортивно-туристический комплекс “Шерегеш”», которые финансировались из федерального бюджета [33]. В 2008 г. на средства из областного бюджета была приобретена Канадская передвижная снегоплавильная установка для чистки дорог и тротуаров в районе горы Зеленая от снега [34]. В том же году построена линия связи по программе цифровизации поселка Шерегеш и горнолыжного комплекса горы Зеленая [35]. В 2009 г. для включения 24 гостиниц горнолыжного комплекса в сеть связи общего пользования были проложены волоконно-оптические линии связи до каждой гостиницы общей протяженностью около 17 км [36].

С точки зрения транспортной доступности курорта особое внимание стоит уделить строительству автодороги «Чугунаш – Шерегеш», так как обеспечение массового потока туристов невозможно было обеспечить, пока отсутствовало пригодное дорожное полотно для движения автомобилей и туристических автобусов. Ближайший к Шерегешу крупный транспортный узел располагается в городе Новокузнецке, на момент 2007 г. протяженность пути от Новокузнецка до спортивно-туристского комплекса составляла порядка 200 км, при этом на ряде участков проезд был серьезно затруднен в связи с неудовлетворительным качеством покрытия, недостаточной шириной проезжей части, а также прохождением пути через населенные пункты. К таким участкам относился и финальный отрезок пути, который проходил через Чугунаш, Таштагол, Шалым и поселок Шерегеш, и в общей сложности составлял около 35 км. Новая

трасса «Чугунаш – Шерегеш» позволяла бы добраться до курорта напрямую, сократив 20 км пути, избегая при этом проезда через населенные пункты. Таким образом, время в пути сокращается с 1 часа до 20 мин. Строительство автодороги продолжалось 4 года – в период с 2007 по 2011 г., в него было вложено почти 1,2 млрд рублей (482 млн руб. из федерального бюджета, 681 млн руб. – из областного), проделан огромный объем работ с учетом горного рельефа местности, наличия на пути следования водных объектов, высоких требований безопасности к данному объекту [37]. Открытие автодороги «Чугунаш – Шерегеш» сыграло значимую роль в обеспечении доступности курорта, именно с 2011 г. наблюдается рост числа туристов из других федеральных округов, иностранных туристов, появляются разнообразные автобусные туры для жителей Кузбасса и соседних регионов.

Параллельно с этими процессами увеличивалось число инвесторов, развивающих туристскую инфраструктуру на горе. В апреле 2001 г. администрацией города Таштагола были одобрены предложения ООО «Шория Тур Союз» о строительстве нового горнолыжного комплекса в районе горы Мустаг, а также новой горнолыжной трассы с кресельным подъемником на горе Зеленая [38]. С этой целью летом того же года 93 га земель в районе горного массива Мустаг были выведены из лесов первой категории в нелесные [39], 5 га земель на горе Зеленая были переданы ООО «Дорога в небо» под строительство гондольной канатной дороги длиной 2,6 км [40], еще 0,48 га переданы в аренду на 3 года Кузбасскому государственному техническому университету под строительство базы горнолыжного отдыха на 50 мест [41]. Всего за 2001 г. в курорт было инвестировано и освоено более 100 млн руб. на строительство гостиниц, предприятий общественного питания и торговли [8]. В 2002 г. ряд участков на горе Зеленой был передан в аренду предпринимателям для строительства бутельной канатной дороги (БКД-06) [42], канатно-кресельной дороги, ресторана «Поднебесный» и других объектов инфраструктуры [43]. К началу сезона 2003/2004 на горе открыты гостиницы «Аквилон», «Фристайл», создан контрольно-спасательный пост «Мустаг» и ясли для маленьких горнолыжников.

К 2005 г. на курорте функционировало уже более 20 гостиниц, а объем инвестиций в развитие туристской инфраструктуры за год составил 265,412 млн руб. В том же году начинает разрабатываться идея масштабного проекта по освоению западного склона горы Зеленой – будущего сектора «Е», проект финансирует угольная компания «Кузбассразрезуголь». На момент 2006 г. в строительстве комплекса «Шерегеш» принимали участие в общей сложности более 50 инвесторов, которыми было вложено свыше 1,2 млрд руб. [7. С. 191]. В начале сезона 2009/2010 на горе уже были 42 гостиницы, 11 объектов сервисного обслуживания, 49 предприятий общественного питания, 6 автостоянок [44]. В 2010 г. подписаны соглашения о социально-экономическом сотрудничестве между главой Таштагольского района Владимиром Николаевичем Макутой и рядом

крупных инвесторов – ООО «Шерегеш-строй», ООО «Кедропласт», ООО «Южнокузбасская электросетевая компания» и ООО «Металлоконструкция» [45], к концу года общий объем частных инвестиций в развитие комплекса оценивается в более чем 2 млрд руб. [46]. Также в 2010 г. в Таштагольском районе создана Зона экономического благоприятствования туристско-рекреационного типа «Горная Шория» площадью 1981 га, которая сильнее способствует росту привлекательности инвестиционного климата (налог на имущество снижен до 0%, налог на прибыль – до 13,5%) [47].

Таким образом, все менее реальной становится идея развития курорта как единого объекта туристской инфраструктуры – горнолыжный центр на горе Зеленая представляет собой комплекс туристских сервисных предприятий, владельцами которых являются десятки различных инвесторов, и в дальнейшем их количество будет только расти. Среди наиболее крупных инвесторов Шерегеша стоит назвать ООО ОК «Сибшахтстрой», которое реализует свои проекты на территории курорта с 2006 г. (ГК «Ольга», сервисный центр «Белка», подбрасывающая канатная дорога и др.), ООО «Каскад-Финанс» и ООО «Каскад Восток» (11 подъемников разного типа по всей территории курорта), ООО «Малка ГК Сервис» (3 канатные дороги, отель «Sky Way», отель «Malca», Горная деревня «Vozduh»), компанию AYS GROUP (отель «AYS Club», отель «LASKA», отель «WOW.Aparts», бар «GRELKA», бар «Напойка», ночной клуб «AYS Bunker»).

С началом 2010-х гг. активизируются маркетинговые усилия по продвижению курорта на всероссийском уровне – официальным символом СТК «Шерегеш» становится йети, в Таштагольском районе в 2011 г. разворачиваются масштабные поиски подтверждений существования этого феномена, в которых принимают участие ученые из разных регионов страны и зарубежные специалисты [7. С. 195]. На горе регулярно начинают проводиться различные событийные мероприятия, среди которых особого внимания заслуживает фестиваль Grelka Fest, организуемый ежегодно начиная с 2013 г. [48]. Массовые костюмированные спуски горнолыжников и сноубордистов, принимавших участие в фестивале, были отмечены Книгой рекордов Гинесса и Книгой рекордов России. Таким образом, курорт постепенно популяризируется, показатели посещаемости возрастают: за 2009 г. Шерегеш посетили ок. 300 тыс. туристов, а за зимний сезон 2012/2013 – уже около 500 тыс. [7. С. 196]. В марте 2014 г. курорт был признан самым популярным ГК России по версии горнолыжного портала SKI.RU [49].

В этом контексте все меньше внимания руководство СТК начинает уделять спортивной составляющей, начиная с 2008 г. проведение крупных соревнований среди горнолыжников и сноубордистов постепенно перемещается на гору Туманная в г. Таштаголе, где открылся Губернский центр горных лыж и сноуборда. В 2016 г. здесь был также запущен спортивно-бытовой комплекс, включающий спортивные залы, тренерские, кафе и гостиницу для спортсменов, а также центр реабилитации детей с ОВЗ [50].

Последние крупные состязания по горнолыжному спорту (чемпионат и юниорское первенство России) прошли в Шерегеше в марте 2009 г. [51]. Филиал Таштагольской СДЮСШОР по горнолыжному спорту, открытый на горе Зеленой в 1997 г., тем не менее продолжал функционировать, но регулярно сталкивался с трудностями. Постоянное присутствие большого числа туристов представляло опасность для детских групп в тренировочном процессе: отсутствовал отдельный склон для занятий, многие неопытные райдеры спускались в непосредственной близости к детям. В начале 2018 г. происходит несчастный случай – столкновение сноубордиста-любителя с воспитанником спортшколы. В результате прокурорской проверки филиал Таштагольской СДЮСШОР в Шерегеше было решено закрыть [52]. В 2019 г. было снесено здание школы у подножия горы Зеленой, часть воспитанников продолжили тренировки на горе Туманная в Таштаголе. Таким образом, начиная с 2010-х гг. фокус внимания муниципальной и областной администраций, инвесторов и дирекции курорта все больше обращен в сторону создания условий для отдыха и развлечения туристов, развитие профессионального спорта вновь перемещается в город Таштагол.

В то же время СТК «Шерегеш», именно как крупный туристский объект, привлекает внимание федеральных властей. В апреле 2013 г. комплекс в рамках рабочей поездки посещает глава Правительства РФ Дмитрий Анатольевич Медведев. По его решению летом того же года 5,5 тыс. га федеральных земель в районе горной гряды Мустага, которые ранее не могли использоваться для капитального строительства объектов туристической инфраструктуры, были переданы в собственность Таштагольского района для развития курорта «Шерегеш» [53]. В 2014 г. региональный инвестиционный проект «Туристско-рекреационный кластер “Шерегеш”» был включен во второй этап федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» на 2015–2018 гг. с финансированием из федерального бюджета в объеме 1,296 млрд руб. [54]. Для последующей реализации проекта администрация Кемеровской области провела открытый конкурс на право разработки мастер-плана и проекта планировки территории первой очереди строительства СТК «Шерегеш». Победителем признано ООО «Денеба Групп», в качестве подрядчика выступила международная компания Ecosign [55]. Мастер-план был представлен в апреле 2015 г., основная роль в нем отводилась строительству инфраструктуры сектора «Б». Также в рамках федеральной целевой программы в 2015–2016 гг. осуществлялось финансирование строительства автодороги «Кузедеево – Мундыбаш – Таштагол» на участке «Обход поселка Каз» с целью увеличения транспортной доступности к СТК «Шерегеш» [56], была пущена в эксплуатацию электроподстанция «Утуя» в секторе «Е».

В этот период предпринимаются меры и для вывода инвестиционной привлекательности курорта на всероссийский уровень. В частности, на Петербургском международном экономическом форуме-2015 между администрацией Кемеровской области и федеральным

центром проектного финансирования было заключено соглашение о намерениях по подготовке инвестиционного проекта комплексного развития курорта «Шерегеш» за счет внебюджетных средств, на условиях государственно-частного партнерства [57]. В том же году проект, получивший название «Корпорация развития курортной зоны Шерегеш», был подготовлен. Он предусматривал инвестирование 5 млрд руб. в строительство транспортной и коммунальной инфраструктуры (в том числе систем водоснабжения и водоотведения), расширение горнолыжной арены, строительство подъемников, инфраструктуры для размещения гостей, объектов торговли и досуга, спортивно-оздоровительного комплекса и логистического узла [58]. Также в 2015 г. еще на 5 лет было продлено действие зоны экономического благоприятствования «Горная Шория» [59]. К марту 2016 г. в развитие курорта частными лицами уже было инвестировано 13 млрд руб., на горе функционировало 59 гостиниц, 18 подъемников, 15 трасс, 62 ресторана и кафе. Учитывая данный факт, в Шерегеше создан филиал агентства по привлечению и защите инвестиций [60].

В дальнейшем курорт масштабируется, особое внимание начинает уделяться объединению спортивно-туристического комплекса и поселка Шерегеш в одних административных границах. Так, в декабре 2016 г. Советом народных депутатов Кемеровской области был принят закон «О перераспределении отдельных полномочий в области градостроительной деятельности между органами местного самоуправления Шерегешского городского поселения и органами государственной власти Кемеровской области», который коснулся подготовки и утверждения генерального плана городского поселения [61]. В марте 2017 г. в поселке Шерегеш состоялись публичные слушания по принятию Правил застройки и землепользования Шерегешского городского поселения и по проекту генерального плана пгт Шерегеш. Генплан предполагал создание единой дорожной сети и общей инфраструктуры таким образом, чтобы выстроить комфортные условия как для приезжих туристов, так и для жителей Шерегеша [62]. В июле 2017 г. Правила были утверждены Постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области. Одной из основных целей документа стало создание условий для привлечения инвестиций, в том числе путем предоставления возможности выбора наиболее эффективных видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства [63]. В 2018 г. Совет народных депутатов Кемеровской области также принял закон о льготной цене на земельные участки в спортивно-туристическом комплексе «Шерегеш». С этого момента арендаторы, которые реализовывали масштабные инвестиционные проекты на курорте и в поселке, получили возможность выкупить землю за 5% от ее кадастровой стоимости [64]. В 2018 г. была также подготовлена заявка на софинансирование проекта «Строительство главного транспортного узла и транспортной канатной дороги в секторе А» в некоммерческой организации «Фонд развития моногородов», объем запрашиваемых инвестиций – 1 млрд руб. [65].

На самой горе Зеленой открывается большое число крупных инфраструктурных объектов: в 2016 г. запущен участок дороги в обход пгт Каз в Таштагольском районе, что сократило время в пути для автомобилистов и туристических автобусов еще на 20 минут [66]; в 2017 г. открыт первый в Шерегеше термальный центр; в 2018 г. пущены в работу скоростные канатные дороги «Олимпия-Экспресс» и «Мустаг», а также подбрасывающая канатная дорога «GeshFly» [67]; в 2019 г. открыт горнолыжный сервисный центр «Belka» [68].

Особое внимание стоит уделить непростому для развития индустрии туризма 2020 г., когда из-за распространения коронавирусной инфекции COVID-19 в России и мире вводились жесткие ограничительные меры для контроля над распространением заболевания. В начале марта 2020 г., в самый разгар туристического сезона для Шерегеша, по распоряжениям Правительства РФ и губернатора Кемеровской области было ограничено авиасообщение, введены запреты на организацию массовых мероприятий и предписания по социальному дистанцированию и масочному режиму. Курорт продолжал работать вплоть до 30 марта, пока не было подписано распоряжение губернатора о приостановке оказания услуг в сфере туризма на территориях горнолыжных комплексов [69]. Таким образом, горнолыжный сезон был завершён на 1,5 месяца раньше обычного, организаторам пришлось отказаться от проведения чрезвычайно популярного среди туристов фестиваля Grelka Fest.

Учитывая стабильно высокие темпы развития курорта, в сложившейся ситуации региональной администрации были приняты необходимые меры для того, чтобы не только продолжить работы по совершенствованию материально-технической базы в межсезонный период, но и в привычные для туристов сроки (середина ноября) открыть сезон 2020/2021. Так, особое внимание было обращено на поддерживающую инфраструктуру курорта, в отсутствие которой невозможна реализация новых инвестпроектов. Речь идет об устаревании систем водоснабжения, водоотведения и теплоснабжения, отсутствии необходимого парковочного пространства. Основные задачи были оформлены в комплексной программе Кемеровской области – Кузбасса «Развитие спортивно-туристического комплекса “Шерегеш” на 2020–2025 годы» [70]. В сентябре 2020 г. начались масштабные работы по реконструкции очистных сооружений пгт Шерегеш, стоимость которых составила более 1 млрд руб. [71]. В том же году началась активная фаза реализации проекта застройки сектора «Б», пущены в эксплуатацию канатные дороги «Учебная» и «Запад» [72]. 10 ноября исполняющий обязанности губернатора В.Н. Телегин подписал распоряжение, в соответствии с которым проведение массовых мероприятий на горнолыжных курортах вновь допускалось при условии соблюдения туристами ряда ограничительных мер [73], и открытие нового сезона торжественно состоялось 14–15 ноября 2020 г. Для сравнения стоит отметить, что более популярные среди туристов из Центрального федерального округа горнолыжные курорты Красной Поляны в 2020 г. были открыты значительно позже – 25 декабря (обычно открытие проходит в конце ноября – начале декабря), что, несомненно, могло стать фактором роста турпотока в Шерегеше. Сезон

2020/2021 был ознаменован принятием более чем 2 млн туристов на склонах горы Зеленой [2], в то время как курорт «Роза Хутор» посетили всего 900 тыс. человек [74].

Растущая популярность Шерегеша в последующие годы закономерно привлекает внимание крупных инвесторов на федеральном уровне. В марте 2021 г. председатель правительства РФ Михаил Мишустин подписал программу социально-экономического развития Кузбасса до 2024 г., которая среди прочего предполагала направление более 3 млрд руб. на развитие туристской инфраструктуры СТК «Шерегеш» [75]. В июне того же года на Петербургском международном экономическом форуме были заключены соглашения с компаниями Gleden Invest Group и Cosmos Hotel Group о строительстве на курорте крупных гостиничных комплексов известных российских брендов Azimut и Cosmos. На Петербургском международном экономическом форуме 2022 г. (ПМЭФ-2022) установлены партнерские отношения с компаниями «Инфинити Капитал», «Развитие» и АО «Корпорация Туризм.РФ», запланировано строительство современной туристской инфраструктуры стоимостью 1,7 млрд руб. [76]. Также в августе 2022 г. был дан старт крупнейшему по площади территорий, объемам строительства и инвестиций проекту компании «УГМК-Застройщик», который предусматривает строительство 37 апарт-комплексов, термальных бассейнов, наземных парковок, магазинов, ресторанов, спа-центров с банными комплексами и других объектов инфраструктуры на сумму 112 млрд руб. [77]. В ноябре стартовал проект по созданию города-курорта «Новый Шерегеш» в новом секторе «Д», планируемый объем инвестиций – 3,6 млрд руб. [78]. На ПМЭФ-2023 подписано соглашение о сотрудничестве с ООО «НОВАПОРТ ХОЛДИНГ» по вопросу строительства международного аэропортового комплекса в Шерегеше [79]. Таким образом, за последние несколько лет инвестирование в инфраструктуру курорта достигло серьезных масштабов, только за 2024 г. в курорт было вложено 7,8 млрд руб. При этом курс на дальнейшее совершенствование инфраструктуры за счет привлечения новых инвесторов планируется продолжать, с этой целью в 2024 г. подписан закон о налоговых льготах для инвесторов особой экономической зоны «Горная Шория» [80].

К текущему моменту история строительства и развития СТК «Шерегеш» насчитывает уже более 44 лет. В разные периоды времени влияние на становление комплекса оказывало множество как внутренних, так и внешних факторов, среди которых можно выделить социально-экономическое положение в стране в целом и в регионе в частности, число собственников объекта и их персональные приоритеты, наличие и объемы средств государственной поддержки, туристские предпочтения и уровень платежеспособности населения, показатели конкуренции на рынке туристских услуг России, эффективность избираемых маркетинговых стратегий. Наиболее наглядно масштабы проделанной за несколько десятилетий работы над инфраструктурой курорта представляется возможным продемонстрировать в виде графика, который был составлен на основе изученных материалов по теме исследования (рис. 1).

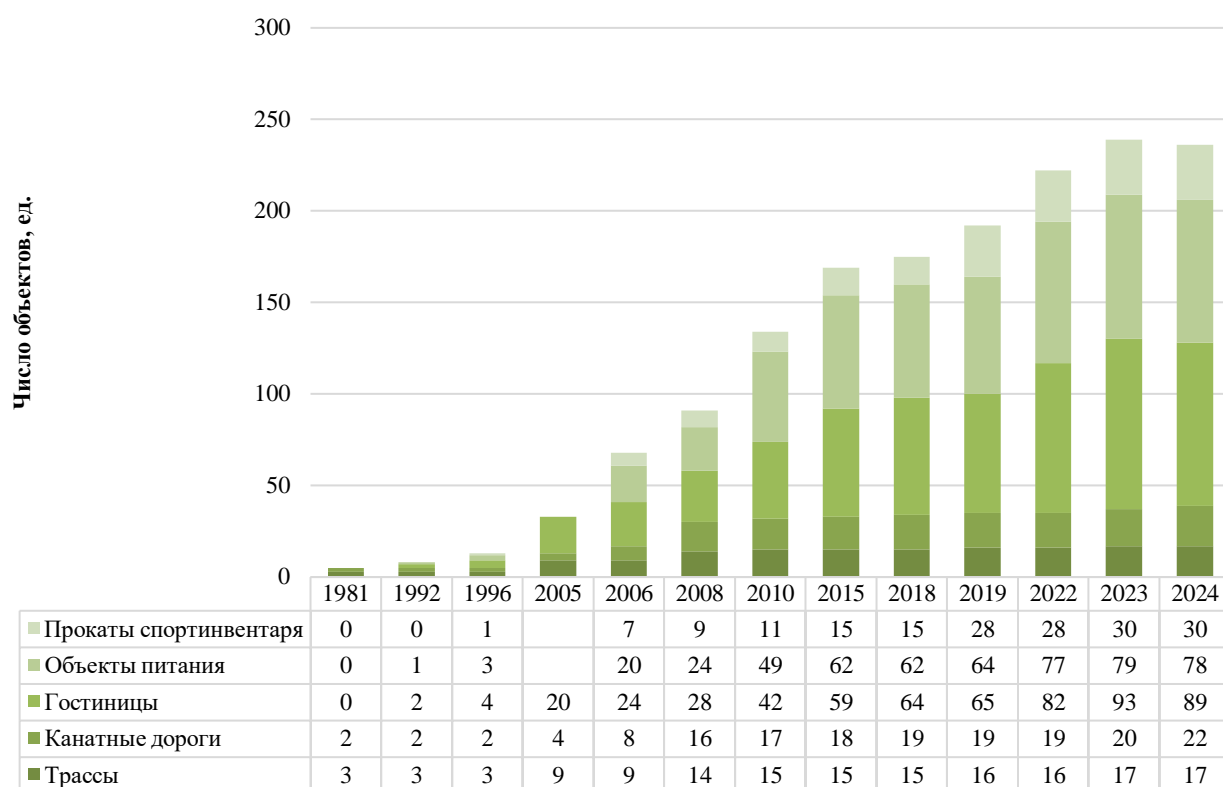

Рис. 1. Динамика строительства инфраструктуры СТК «Шерегеш» 1981–2024 гг.

Собранные данные позволяют наблюдать динамику роста инфраструктуры СТК «Шерегеш», при этом в ходе исследования удалось установить взаимосвязи между многочисленными внешними и внутренними факторами, воздействующими на эти показатели. Таким образом, было выделено 5 этапов в истории строительства и развития материально-технической базы спортивно-туристского комплекса «Шерегеш»:

1. 1978–1991 гг. Строительство первоначальной инфраструктуры горнолыжного комплекса на горе Зеленой с целью проведения соревнований в рамках VII зимней Спартакиады народов РСФСР, дальнейшее использование материально-технической базы комплекса при проведении спортивных состязаний регионального и республиканского масштабов, а также для организации тренировок и сборов воспитанников спортшкол и профессиональных спортсменов. В данный период времени спортивный комплекс не подвергался значительной модернизации, на горе действовало всего 2 бугельные канатные дороги, позволяющие осуществлять спуски по 3 трассам, а также несколько вспомогательных сооружений.

2. 1992–1998 гг. Совершенствование материально-технической базы горнолыжного комплекса силами ТС АО «Шория-Тур» и муниципальной администрации: полномасштабная реконструкция турбазы «Медвежонок» и создание на ее территории горнолыжной трассы, запуск туристических поездов, возведение первых объектов размещения, питания и развлечения на горе Зеленой, приобретение снаряжения и открытие прокатов, введение в эксплуатацию первых ратраков. Важно обозначить, что на данном этапе стремление к

развитию спортивной инфраструктуры превалирует над туристской составляющей. Спортивные состязания являются в первую очередь фактором поддержки для местных горнолыжных школ, и уже во вторую очередь способствуют привлечению внимания со стороны приезжих зрителей. К 1997 г. показателями результативности в развитии спортивной составляющей послужили такие существенные шаги, как гомологация трасс по стандартам FIS и проведение ряда крупных соревнований и фестивалей по горным лыжам и сноуборду на Зеленой.

3. 1999–2009 гг. Преобразование инфраструктуры комплекса с целью создания популярного туристического центра силами первых инвесторов и при поддержке региональных властей. Наиболее важным для выделения данного этапа стал запуск в 1999 г. участка автодороги «Новокузнецк – Таштагол», который упростил доступ к Шерегешу для путешествующих на автомобиле. Комплекс стал значительно более привлекательным для райдеров-любителей и благодаря открытию в том же году первой кресельной канатной дороги. Рост туристического потока побудил интерес у предпринимателей, готовых вложиться в строительство объектов туристической инфраструктуры: именно в этот период свои первые проекты реализуют крупнейшие инвесторы курорта – АО «Кузбасская топливная компания», ООО ОК «Сибшахтстрой», ООО «Малка ГК Сервис», АО УК «Кузбассразрезуголь». По инициативе региональной администрации принимается ряд законодательных инициатив для укрепления поддерживающей инфраструктуры курорта, к 2005 г. разработан первый Мастер-план спортивно-развлекательного комплекса

«Шерегеш». Таким образом, туристическая составляющая становится ключевым приоритетом – с 2008 г. все крупные спортивные события перемещаются на гору Туманная в г. Таштагол. Эффект совокупности этих процессов хорошо просматривается на рис. 1 – к 2010 г. виден значительный количественный рост по объектам туристской инфраструктуры.

4. 2010–2017 гг. Совершенствование инвестиционного климата с целью строительства многообразных туристских объектов и вывод курорта на федеральный уровень. В 2010 г. в Таштагольском районе была создана Зона экономического благоприятствования «Горная Шория», позволившая установить льготную систему налогообложения для партнеров курорта. Этот шаг ознаменовал избранный впоследствии курс на всестороннее привлечение и удержание большого числа инвесторов. На этом этапе благодаря постоянно совершенствующейся материально-технической базе и проведению успешных маркетинговых мероприятий Шерегеш попадает в поле зрения федеральных властей. В 2014 г. проект «Туристско-рекреационный кластер “Шерегеш”» был включен во второй этап федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации», поступает финансирование из федерального бюджета. В то же время расширяется и территория самого курорта – спорткомплекс и поселок Шерегеш объединены в одних административных границах, ведется освоение новых секторов для катания в соответствии с новым Мастер-планом 2015 г. Перед руководством СТК стоит задача привлечения 1 млн туристов за зимний сезон, и в

2016/2017 г. этого показателя удастся достичь, во многом благодаря прогрессирующей инфраструктуре курорта.

5. 2018–2024 гг. Масштабирование инвестиционных проектов на федеральном уровне, завоевание курортом лидирующих позиций на рынке горнолыжного отдыха России. Границы этапа определяются периодом, когда пост губернатора в регионе занял Сергей Евгеньевич Цивилев. Начав свой срок в апреле 2018 г., уже в мае Сергей Евгеньевич на встрече с инвесторами Шерегеша заявил, что развитие комплекса станет одной из центральных тем в Стратегии развития Кузбасса, при этом он поставил задачу выхода на международный уровень и увеличения числа посетителей до 3 млн. туристов в год [81]. И именно в этот период курорт подвергся серьезной перепланировке: были установлены современные скоростные подъемники на секторе «А», началась активная фаза застройки сектора «Б» и освоение новых склонов сектора «Е». В 2020 г., несмотря на ограничения, связанные с пандемией коронавирусной инфекции, удалось наладить работу курорта и принять в сезоне 2020/2021 2 млн туристов. С 2021 г. СТК «Шерегеш» ежегодно представлен как один из ключевых проектов на стенде делегации Кузбасса в рамках Петербургского международного экономического форума, помимо этого, курорт регулярно становился лауреатом престижных премий в области туризма. Благодаря такому успешному позиционированию, за последние несколько лет удалось заключить ряд соглашений с инвесторами федерального уровня на строительство крупных объектов, в числе которых сетевые отели, аэропортовый комплекс, жилые кварталы, проект газификации поселка Шерегеш.

Список источников

1. О курорте // Официальный сайт дирекции курорта «Шерегеш». URL: <https://dirsheregesh.ru/about>
2. Сергей Цивилев: «За зимний сезон 2020–2021 «Шерегеш» посетили рекордное количество туристов – более двух миллионов» // Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-za-zimniy-sezon-2020-2021-sheregesh-posetilo-rekordnoe-kolichestvo-turistov-bolee-dv?ysclid=m7ae0yul3m193869346>
3. Горы России. URL: <https://1.xn--c1akawalaja0h.xn--p1ai/>
4. Премия SKI BUSINESS AWARD // Форум туристических территорий FTT-2024. URL: <https://www.territoryforum.ru/skibusinessaward>
5. Сергей Цивилев: в Шерегеше открыли самый большой тюбинг-парк в России // Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-v-sheregeshe-otkryli-samyu-bolshoy-tyubing-park-v-rossii>
6. Копытов А.И. Гора с горой... / литературная запись В.С. Кладчихин. Кемерово : Сибирский бизнес, 2003. 103 с.
7. Пятовский А.А. История становления и развития туристской отрасли Кемеровской области (1943–2010-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 302 с.
8. Пятовский А.А. История создания горнолыжного курорта Шерегеш в Кемеровской области (1990–2003 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 150–158. doi: 10.17223/15617793/432/20
9. Кирьянова Л.Г., Сурцева А.А., Юматов К.В., Пятовский А.А. Новая роль природных ресурсов: туризм как механизм «выхода из колеи» российских сырьевых регионов (на примере Кузбасса) // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2019. Т. 330, № 10. 230–239. doi: 10.18799/24131830/2019/10/2319
10. Бюджетное учреждение (БУ) «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 24. Л. 190. (Пронин А. На будущей трассе. Красная Шория: таштагольская районная газета от 20 мая 1978 г. № 61 (4299). С. 4.)
11. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 24. Л. 74. (Сечкин С. Трасса в Шерегеше. Красная Шория: таштагольская районная газета от 30 сентября 1978 г. № 118 (4356). С. 4.)
12. Государственное казенное учреждение «Государственный архив Кузбасса» (ГКУ ГАК). Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 1014. Л. 150. (Решение Кемеровского областного Совета народных депутатов № 67 21 февраля 1979 г. «О согласовании Шерегешскому рудоуправлению Горного управления Кузнецкого металлургического комбината размещения горнолыжного комплекса на территории Таштагольского лесхоза».)
13. ГКУ ГАК. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 609. Л. 126–128. (Информация о ходе строительства sportsсооружений VII зимней спартакиады народов РСФСР 1981 года на 18.03.1980 г.)
14. ГКУ ГАК. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 609. Л. 115–118. (Справка «О ходе строительства спортивных сооружений VII зимней Спартакиады народов РСФСР 1981 года» на 25.09.1980 г.)
15. ГКУ ГАК. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 609. Л. 95–99. (Справка «О ходе строительства спортивных сооружений VII зимней Спартакиады народов РСФСР 1981 года» на 15.12.1980 г.)
16. ГКУ ГАК. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 609. Л. 90–92. (Справка «О ходе строительства спортивных сооружений VII зимней Спартакиады народов РСФСР 1981 года» на 05.02.1981 г.)
17. ГКУ ГАК. Архивная справка № тем. 31 от 22.01.2021 г. на № 11 от 20.01.2021.
18. ГКУ ГАК. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 716. Л. 9. (Гарантийное письмо СГПО «Сибруда» № 16-01 от 13 мая 1982 г.)
19. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 26. Оп. 1. Д. 157. Л. 115. (Содоклад от 24 апреля 1985 г. «О ходе строительства жилья, соцкультобъектов и собственной базы строительных материалов в поселке Шерегеш, во исполнение

- Постановления Кемеровского Обкома КПСС и Облисполкома от 30.11.82 г. за № 341 “О плане экономического и социального развития гор. Таштагола на 1983-1987 г.” на 2-й сессии Шергешского поселкового Совета народных депутатов».)
20. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 31. Л. 80. (Устюгов С. Готовим трассы к зиме. Красная Шория: таштагольская районная газета от 2 октября 1986 г. № 118 (5804). С. 4.)
 21. ГКУ ГАК. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 785. Л. 77. (Приказ комитета по физической культуре и спорту Кемеровского облисполкома № 338 от 12 февраля 1987 г. «О ликвидации основных средств Шерегешской ДЮСШ».)
 22. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 14. Оп. 1. Д. 254. Л. 13. (Соглашение от 26 сентября 1990 г. «О создании и деятельности совместного предприятия-ассоциации».)
 23. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 41. Л. 253. (Кравченко А. ...И снега торжество! Красная Шория: таштагольская районная газета от 7 ноября 1996 г. № 88 (7026). С. 4.)
 24. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 41. Л. 31. (Духанина А. Первый турпоезд прибыл в «Медвежонок». Красная Шория: таштагольская районная газета от 10 февраля 1996 г. № 11 (6950). С. 5.)
 25. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 37. Л. 208–209. (Сечкин С. Кто крайний... за меценатством? Красная Шория: таштагольская районная газета от 14 апреля 1992 г. № 32-33 (6549). С. 4–5.)
 26. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 42. Л. 30. (Володина О. «Шория-тур» открывает двери и трассы. Красная Шория: таштагольская районная газета от 28 ноября 1997 г. № 70 (7106). С. 7.)
 27. Закон Кемеровской области № 65-ОЗ от 16 августа 2000 г. «Об утверждении целевой программы “Комплексное развитие города Таштагола Таштагольского района до 2005 года”». URL: <https://docs.cntd.ru/document/441709301?ysclid=m03jc9e0oz285960492>)
 28. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 67. Оп. 1. Д. 69. Л. 148. (Распоряжение Администрации города Таштагола № 121-р от 28 февраля 1997 г. «Об открытии спортивной школы по горнолыжному спорту в п. Шерегеш».)
 29. Постановление Администрации Кемеровской области № 7 от 22 января 2002 г. «О концепции развития туристско-спортивного комплекса “Шерегеш” Таштагольского района». URL: <https://docs.cntd.ru/document/990302645?ysclid=m75v22la2r265594880>
 30. Закон Кемеровской области № 112-ОЗ от 23 декабря 2002 г. «Об утверждении региональной целевой программы “Развитие туристско-спортивного комплекса Шерегеш города Таштагола – Таштагольского района на 2003–2006 годы”» URL: <https://docs.cntd.ru/document/990304025?ysclid=m25z484q7t327832503>
 31. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 67. Оп. 1. Д. 151. Л. 221. (Постановление Администрации города Таштагола № 3 от 12 марта 2003 г. «О признании территории гор. Зеленая землей особо охраняемых территорий и объектов».)
 32. В минувшую субботу на горнолыжном комплексе поселка Шерегеш Таштагольского района состоялись сразу три торжественных мероприятия: пуск новой высоковольтной линии, первой очереди новой автодороги и открытие зимнего туристического сезона / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-43758>
 33. Сегодня по договоренности губернатора А.Г. Тулеева и министра транспорта РФ И.Е. Левитина (Игорь Евгеньевич) в Кузбасс поступило более 115 миллионов рублей федеральных средств на строительство автодороги Горно-Алтайск – Турочак – Таштагол / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-60946>
 34. Это необычно: из областного бюджета перечислены первые 5,5 миллионов рублей на приобретение Канадской передвижной снегоплавильной установки / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-63084>
 35. Региональный выпуск пресс-релиза АКО 08.05.09 / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-30959>
 36. В поселке Шерегеш Таштагольского района состоялась презентация телекоммуникационной сети горнолыжного комплекса «Гора Зеленая» / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-41622>
 37. Сегодня губернатор А.Г. Тулеев торжественно открыл движение по новой автомобильной дороге «Чугунаш – спортивно-туристический комплекс «Шерегеш» / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-67699>
 38. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 67. Оп. 1. Д. 123. Л. 36. (Распоряжение Администрации города Таштагола № 149-р от 12 марта 2001 г. «О строительстве нового горнолыжного комплекса».)
 39. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 67. Оп. 1. Д. 124. Л. 113. (Распоряжение Администрации города Таштагола № 261-р от 17 апреля 2001 г. «О выводе земель в лесах I категории в нелесные для развития туристской индустрии».)
 40. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 67. Оп. 1. Д. 126. Л. 143. (Распоряжение Администрации города Таштагола № 435-р от 25 июня 2001 г. «Об изъятии и предоставлении земельных участков».)
 41. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 67. Оп. 1. Д. 127. Л. 24. (Распоряжение Администрации города Таштагола № 471-р от 11 июля 2001 г. «Об изъятии и предоставлении земельных участков».)
 42. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 67. Оп. 1. Д. 143. Л. 278. (Распоряжение Администрации города Таштагола № 873-р от 31 октября 2002 г. «Об изъятии и предоставлении земельных участков».)
 43. БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 67. Оп. 1. Д. 145. Л. 4. (Распоряжение Администрации города Таштагола № 965-р от 2 декабря 2002 г. «Об изъятии и предоставлении земельных участков».)
 44. На горнолыжном комплексе Шерегеш открылся зимний сезон / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-17336>
 45. Глава Таштагольского района В.Н. Макута (Владимир Николаевич) подписал соглашения о социально-экономическом сотрудничестве с руководителями ряда предприятий / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-16491>
 46. Первый вице-премьер РФ И.И. Шувалов (Игорь Иванович) дал высокую оценку опыту Кузбасса по модернизации моногородов / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-11145>
 47. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области № 1028-р от 2 декабря 2010 г. «О создании зоны экономического благоприятствования на территории муниципального образования “Таштагольский муниципальный район”». URL: <https://docs.cntd.ru/document/990311160?ysclid=m2609dxbkbz82726067>
 48. В Кузбассе побил мировой рекорд по горнолыжному спуску в купальниках / Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/v-kuzbasse-pobili-mirovoj-rekord-po-gornolyzhnomu-spusku-v>
 49. Шерегеш признан самым популярным горнолыжным курортом России по версии портала SKI.RU. URL: <https://ako.ru/news/detail/sheregesh-priznan-samym-populyarnym-gornolyzhnym-kurortom>
 50. В Таштаголе на горе Туманная открыли вторую очередь губернского центра горных лыж и сноуборда. URL: <https://ako.ru/news/detail/v-tashtagole-na-gore-tumannaya-otkryli-vtoruyu-ochered-gubernskogo-tsentra-gornyh-lyzh-i-snouborda>
 51. Завтра, 19 марта, в поселке Шерегеш Таштагольского района стартуют чемпионат и юниорское первенство России по горнолыжному спорту. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-52645>
 52. Спорт, опасность, Шерегеш: как кузбасских детей изгнали с горнолыжного курорта // Информационно-деловой портал «Сибдепо». URL: <https://sibdepo.ru/reading/sport-opasnost-sheregesh-kak-kuzbasskih-detej-izgnali-s-gornolyzhnogo-kurorta.html>
 53. Таштагольский район получил для развития курорта «Шерегеш» 5,5 тыс. га земли из федеральной собственности. URL: <https://ako.ru/news/detail/v-rezultate-obrashheniya-gubernatora-a-g-tuleeva-k>
 54. Проект «Туристско-рекреационный кластер «Шерегеш» включен во второй этап федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» на 2015—2018 годы. URL: <https://ako.ru/news/detail/proekt-turistsko-rekreatsionnyj-klaster-sheregesh-vklyuchen-vo-vtoroj-etap-federalnoj-tselevoj-programmy-razvitie-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossijskoj-federatsii-na-2015-2018-gody>

55. Администрация области провела открытый конкурс на право разработки мастер-плана и проекта планировки территории первой очереди строительства спортивно-туристического комплекса «Шерегеш». URL: <https://ako.ru/news/detail/administratsiya-oblasti-provela-otkrytyj-konkurs-na-pravo-razrabotki-master-plana-i-proekta-planirovki-territorii-pervoj-ocheredi-stroitelstva-sportivno-turisticheskogo-kompleksa-sheregesh>
56. По договоренности Амана Тулеева с Федеральным агентством по туризму в Кузбасс поступили 320 млн рублей на строительство автодороги в обход поселка Каз. URL: <https://ako.ru/news/detail/po-dogovorennosti-amana-tuleeva-s-federalnym-agentstvom-po-turizmu-v-kuzbass-postupili-320-mln-rublej-na-stroitelstvo-avtodorogi-v-obhod-poselka-kaz>
57. Администрация области заключила соглашение о намерениях по развитию «Шерегеша» с федеральным центром проектного финансирования (группа ВЭБ). URL: <https://ako.ru/news/detail/administratsiya-oblasti-zaklyuchila-soglasenie-o-namereniyah-po-razvitiyu-sheregesha-s-federalnym-tsentrom-proektnogo-finansirovaniya-gruppa-veb?ysclid=m260ml0tnr687229634>
58. Создана корпорация развития Шерегеш // Инвестиционный портал Кузбасса. URL: <https://kuzbass-invest.ru/ru/posts/567b508f77686f4918390000>
59. Действие зоны экономического благоприятствования в Таштагольском районе продлено на 5 лет. URL: <https://ako.ru/news/detail/dejstvie-zony-ekonomicheskogo-blagopriyatstvovaniya-v-tashtagolskom-rajone-prodleno-na-5-let>
60. По поручению Амана Тулеева в Шерегеше создан филиал агентства по привлечению и защите инвестиций. URL: <https://ako.ru/news/detail/po-porucheniyu-amana-tuleeva-v-sheregeshe-sozdan-filial-agentstva-po-privlecheniyu-i-zashhite-investitsij>
61. Закон Кемеровской области № 102-ОЗ от 28 декабря 2016 г. «О перераспределении отдельных полномочий в области градостроительной деятельности между органами местного самоуправления Шерегешского городского поселения и органами государственной власти Кемеровской области». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=171115183&backlink=1&&nd=171110011&rdk=0&refoid=171115184>
62. Генеральный план развития Шерегеша (добавлен комментарий председателя КУГИ Кемеровской области Александра Решетова) // Туристско-информационный центр Шерегеш. URL: <https://sheregesh.su/news/generalnyy-plan-razvitiya-sheregesha>
63. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области № 353 от 12 июля 2017 г. «Об утверждении правил землепользования и застройки пгт. Шерегеш Шерегешского городского поселения». URL: <https://admsheregesh.ru/2017/07/4596/?ysclid=m3lwjad2gp308288634>
64. Земли в туркомплексе Шерегеш в Кузбассе будут продавать арендаторам по льготной цене // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/sibir-news/5345398>
65. Кузбасские города получили 1,5 млрд рублей на строительство инфраструктуры из Фонда развития моногородов. URL: <https://ako.ru/news/detail/kuzbasskie-goroda-poluchili-1-5-mlrd-rublej-na-stroitelstvo-infrastruktury-iz-fonda-razvitiya-monogorodov?ysclid=m7bgm-wq0bz549568782>
66. Аман Тулеев открыл дорогу в обход п. Каз в Таштагольском районе. URL: <https://ako.ru/news/detail/aman-tuleev-i-glava-rosturizma-oleg-safonov-otkryli-dorogu-v-obhod-p-kaz-v-tashtagolskom-rajone>
67. Шерегешские стройки: о новых подъемниках в сезоне 2017–2018 // GESH.RU – центр информации и бронирования курорта Шерегеш. URL: <https://gesh.ru/news/sheregeshskie-stroyki/?ysclid=m7bgq9fs6u65277811>
68. В Шерегеше прошло праздничное открытие горнолыжного сезона 2019/20. Инвестиционные планы на 2020–2025 годы // Туристско-информационный центр Шерегеш. URL: <https://sheregesh.su/news/v-sheregeshe-proshlo-prazdnichnoe-otkrytie-gornolyznogo-sezona-201920-investicionnye-plany-na>
69. Распоряжение Губернатора Кемеровской области – Кузбасса № 21-рг от 14 марта 2020 г. «О введении режима “Повышенная готовность” на территории Кемеровской области – Кузбасса и мерах по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (covid-19)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/570720618>
70. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 249 от 22 апреля 2020 г. «О комплексной программе Кемеровской области – Кузбасса “Развитие спортивно-туристического комплекса “Шерегеш” на 2020–2025 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/570745092?ysclid=m06gur27as664697815>
71. Реконструкция очистных сооружений стоимостью более 1 млрд рублей началась в Шерегеше. URL: <https://ako.ru/news/detail/rekonstruktsiya-ochistnykh-sooruzheniy-stoimostyu-bolee-1-mlrd-rublej-nachalas-v-sheregeshe>
72. Новинки Шерегеша сезона 2020–2021 // GESH.RU – центр информации и бронирования курорта Шерегеш. URL: <https://gesh.ru/news/novinki-sheregesha-sezona-2020-2021/?ysclid=m7bh3muvx0753100506>
73. Распоряжение Губернатора Кемеровской области – Кузбасса № 175-рг от 10 ноября 2020 г. «Об открытии горнолыжного сезона и внесении изменений в распоряжение Губернатора Кемеровской области – Кузбасса от 29.05.2020 № 73-рг “О продлении срока отдельных мероприятий по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), снятии отдельных ограничений, внесении изменений в некоторые распоряжения Губернатора Кемеровской области – Кузбасса”». URL: <https://rg.ru/documents/2020/11/11/kuzbass-rasp175-reg-dok.html?ysclid=m74essy8up235744703>
74. «Роза Хутор» подводит итоги зимнего сезона 2020/2021 // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4783411>
75. Кузбасс получит 51 млрд рублей из федерального бюджета на программу развития области. URL: <https://ako.ru/news/detail/kuzbass-poluchit-51-mlrd-rublej-iz-federalnogo-byudzeta-na-programmu-razvitiya-oblasti>
76. Сергей Цивилев: заключенные на ПМЭФ соглашения открывают новые перспективы развития Шерегеша. URL: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-zaklyuchennyye-na-pmef-soglaseniya-otkryvayut-novye-perspektivy-razvitiya-sheregesha>
77. В КуЗбассе реализуют крупнейший проект России по комплексному развитию территории. URL: <https://ako.ru/news/detail/v-kuzbasse-realizuyut-krupneyshiy-proekt-rossii-po-kompleksnomu-razvitiyu-territorii>
78. В КуЗбассе стартовал проект по созданию города-курорта «Новый Шерегеш». URL: <https://ako.ru/news/detail/v-kuzbasse-startoval-proekt-po-sozdaniyu-goroda-kurorta-novyy-sheregesh>
79. Сергей Цивилев заключил на ПМЭФ-2023 соглашения с ведущими компаниями страны. URL: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-zaklyuchil-na-pmef-2023-soglaseniya-s-vedushchimi-kompaniyami-strany>
80. Сергей Цивилев: резиденты особой экономической зоны «Горная Шория» получают налоговые льготы. URL: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-rezidenty-osoboy-ekonomicheskoy-zony-gornaya-shoriya-poluchat-nalogovye-lgoty>
81. Сергей Цивилев: Наша задача сделать Шерегеш номером один в мире. URL: https://atr42.ru/news/sergej_civilev_nasha_zadacha_sdelat_sheregesh_nomerom_odin_v_mire/2018-05-21-4492?ysclid=m75pantes7837293161

References

1. Directorate of the "Sheregesh" STC. (n.d.) *O kurorte* [About the Resort]. [Online] Available from: <https://dirsheregesh.ru/about>
2. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Sergey Tsivilev: "Za zimniy sezon 2020–2021 "Sheregesh" posetilo rekordnoe kolichestvo turistov – bolee dvukh millionov"* [Sergey Tsivilev: "During the 2020–2021 Winter Season, a Record Number of Tourists Visited Sheregesh – More Than Two Million"]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-za-zimniy-sezon-2020-2021-sheregesh-posetilo-rekordnoe-kolichestvo-turistov-bolee-dv?ysclid=m7ae0yul3m193869346>
3. *Gory Rossii* [Mountains of Russia]. (n.d.) [Online] Available from: <https://1.xn--clakawalaja0h.xn--p1ai/>
4. Forum of Tourist Territories FTT-2024. (n.d.) *Premiya SKI BUSINESS AWARD* [SKI BUSINESS AWARD]. [Online] Available from: <https://www.territoryforum.ru/skibusinesaward>
5. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Sergey Tsivilev: v Sheregeshe otkryli samyy bolshoy tyubing-park v Rossii* [Sergey Tsivilev: The Largest Tubing Park in Russia Was Opened in Sheregesh]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-v-sheregeshe-otkryli-samyy-bolshoy-tyubing-park-v-rossii>

6. Kopytov, A.I. (2003) *Gora s goroy...* [Mountain with Mountain...]. Kemerovo: Sibirskiy biznes.
7. Pyatovskiy, A.A. (2019) *Istoriya stanovleniya i razvitiya turistskoy otrasli Kemerovskoy oblasti (1943–2010-e gg.)* [History of the Formation and Development of the Tourism Industry of Kemerovo Oblast (1943–2010s)]. History Cand. Diss. Kemerovo.
8. Pyatovskiy, A.A. (2018) History of the Sheregesh Ski Resort Establishment in Kemerovo Oblast (1990–2003)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 432. pp. 150–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/432/20
9. Kiryanova, L.G., Surtseva, A.A., Yumatov, K.V. & Pyatovskiy, A.A. (2019) Novaya rol prirodnikh resursov: turizm kak mekhanizm "vykhoda iz kolei" rossiyskikh syrevykh regionov (na primere Kuzbassa) [A New Role for Natural Resources: Tourism as a Mechanism for "Path Breaking" in Russian Resource Regions (the Case of Kuzbass)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov*. 330 (10). pp. 230–239. doi: 10.18799/24131830/2019/10/2319
10. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 30. List 3. File 24. Page 190. (Pronin, A. Na budushchey trasse [On the Future Track]. *Krasnaya Shoriya*: Tashtagol District Newspaper of 20 May 1978 No. 61 (4299). P. 4).
11. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 30. List 3. File 24. Page 74. (Sechkin, S. Trassa v Sheregeshe [The Track in Sheregesh]. *Krasnaya Shoriya*: Tashtagol District Newspaper of 30 September 1978 No. 118 (4356). P. 4).
12. State Archive of Kuzbass. Fund R-790. List 1. File 1014. Page 150. (Decision of Kemerovo Oblastal Council of People's Deputies No. 67 of 21 February 1979 "On Approval for the Sheregesh Ore Mining Administration of the Mining Department of the Kuznetsk Metallurgical Plant to Place a Ski Complex on the Territory of the Tashtagol Forestry"). (In Russian).
13. State Archive of Kuzbass. Fund R-411. List 1. File 609. Pages 126–128. (Information on the Progress of Construction of Sports Facilities for the VII Winter Spartakiad of the Peoples of the RSFSR in 1981 as of 18.03.1980). (In Russian).
14. State Archive of Kuzbass. Fund R-411. List 1. File 609. Pages 115–118. (Note "On the Progress of Construction of Sports Facilities for the VII Winter Spartakiad of the Peoples of the RSFSR in 1981" as of 25.09.1980). (In Russian).
15. State Archive of Kuzbass. Fund R-411. List 1. File 609. Pages 95–99. (Note "On the Progress of Construction of Sports Facilities for the VII Winter Spartakiad of the Peoples of the RSFSR in 1981" as of 15.12.1980). (In Russian).
16. State Archive of Kuzbass. Fund R-411. List 1. File 609. Pages 90–92. (Note "On the Progress of Construction of Sports Facilities for the VII Winter Spartakiad of the Peoples of the RSFSR in 1981" as of 05.02.1981). (In Russian).
17. State Archive of Kuzbass. Archive certificate Tupic No. 31 dated 22.01.2021 to No. 11 dated 20.01.2021. (In Russian).
18. State Archive of Kuzbass. Fund R-411. List 1. File 716. Page 9. (Guarantee Letter of the State Mining and Processing Enterprise "Sibruda" No. 16-01 dated 13 May 1982). (In Russian).
19. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 26. List 1. File 157. Page 115. (Co-report dated 24 April 1985 "On the Progress of Construction of Housing, Social and Cultural Facilities and Own Construction Materials Base in the Sheregesh Settlement, in Execution of the Decree of Kemerovo Oblastal Committee of the CPSU and the Regional Executive Committee of 30.11.82 No. 341 'On the Plan for Economic and Social Development of the City of Tashtagol for 1983–1987' at the 2nd Session of the Sheregesh Village Council of People's Deputies"). (In Russian).
20. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 30. List 3. File 31. Page 80. (Ustyugov, S. Gotovim trassy k zime [Preparing Trails for Winter]. *Krasnaya Shoriya*: Tashtagol District Newspaper of 2 October 1986 No. 118 (5804). P. 4).
21. State Archive of Kuzbass. Fund R-411. List 1. File 785. Page 77. (Order of the Committee for Physical Culture and Sports of Kemerovo Oblastal Executive Committee No. 338 dated 12 February 1987 "On the Liquidation of Fixed Assets of the Sheregesh Youth Sports School"). (In Russian).
22. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 14. List 1. File 254. Page 13. (Agreement of 26 September 1990 "On the Creation and Operation of a Joint Venture Association"). (In Russian).
23. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 30. List 3. File 41. Page 253. (Kravchenko, A. ...I snego torzhestvo! [...And the Triumph of Snow!]. *Krasnaya Shoriya*: Tashtagol District Newspaper of 7 November 1996 No. 88 (7026). P. 4).
24. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 30. List 3. File 41. Page 31. (Dukhanina, A. Pervy turoezd pribyl v "Medvezhenok" [The First Tourist Train Arrived at "Medvezhenok"]. *Krasnaya Shoriya*: Tashtagol District Newspaper of 10 February 1996 No. 11 (6950). P. 5).
25. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 30. List 3. File 37. Pages 208–209. (Sechkin, S. Kto krainiy... za metsenatstvom? [Who is Next... for Patronage?]. *Krasnaya Shoriya*: Tashtagol District Newspaper of 14 April 1992 No. 32–33 (6549). pp. 4–5).
26. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 30. List 3. File 42. Page 30. (Volodina, O. "Shoriya-tur" otkryvaet dveri i trassy ["Shoriya-Tour" Opens Doors and Trails]. *Krasnaya Shoriya*: Tashtagol District Newspaper of 28 November 1997 No. 70 (7106). P. 7).
27. Russian Federation. Kemerovo Oblast. (2000) Law of Kemerovo Oblast No. 65-OZ of 16 August 2000 "On Approval of the Target Program 'Comprehensive Development of the City of Tashtagol of the Tashtagol District until 2005'". [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/441709301?ysclid=m03jc9e0oz285960492> (In Russian).
28. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 67. List 1. File 69. Page 148. (Order of the Administration of the City of Tashtagol No. 121-r dated 28 February 1997 "On Opening a Sports School for Alpine Skiing in the Settlement of Sheregesh"). (In Russian).
29. Russian Federation. Kemerovo Oblast. Administration. (2002) Decree of the Administration of Kemerovo Oblast No. 7 of 22 January 2002 "On the Concept of Development of the Tourist and Sports Complex 'Sheregesh' of the Tashtagol District". [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/990302645?ysclid=m75v22la2r265594880> (In Russian).
30. Russian Federation. Kemerovo Oblast. (2002) Law of Kemerovo Oblast No. 112-OZ of 23 December 2002 "On Approval of the Regional Target Program 'Development of the Tourist and Sports Complex Sheregesh of the City of Tashtagol – Tashtagol District for 2003–2006'". [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/990304025?ysclid=m25z484q7t327832503> (In Russian).
31. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 67. List 1. File 151. Page 221. (Decree of the Administration of the City of Tashtagol No. 3 dated 12 March 2003 "On Recognition of the Territory of Mount Zelenaya as a Specially Protected Territory and Object"). (In Russian).
32. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) Last Saturday, Three Solemn Events Took Place at the Ski Complex of the Sheregesh Settlement, Tashtagol District: Launch of a New High-Voltage Line, the First Stage of a New Road, and the Opening of the Winter Tourist Season. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-43758> (In Russian).
33. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) Today, by Agreement between Governor A.G. Tuleev and Minister of Transport of the Russian Federation I.E. Levitin, Over 115 Million Rubles of Federal Funds Were Received in Kuzbass for the Construction of the Gorno-Altaysk – Turochak – Tashtagol Highway. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-60946> (In Russian).
34. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) This is Unusual: The First 5.5 Million Rubles Were Transferred from the Regional Budget for the Purchase of a Canadian Mobile Snow Melting Plant. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-63084> (In Russian).
35. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) Regional Press Release of the Administration of the Government of Kuzbass, 08.05.09. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-30959> (In Russian).
36. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) A Presentation of the Telecommunication Network of the "Green Mountain" Ski Complex Took Place in the Sheregesh Settlement, Tashtagol District. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-41622>
37. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) Today, Governor A.G. Tuleev Solemnly Opened Traffic on the New "Chugunash – Sheregesh Sports and Tourist Complex" Highway. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-67699>
38. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 67. List 1. File 123. Page 36. (Order of the Administration of the City of Tashtagol No. 149-r dated 12 March 2001 "On the Construction of a New Ski Complex"). (In Russian).
39. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 67. List 1. File 124. Page 113. (Order of the Administration of the City of Tashtagol No. 261-r dated 17 April 2001 "On the Withdrawal of Lands in Category I Forests to Non-Forest Lands for the Development of the Tourism Industry"). (In Russian).

40. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 67. List 1. File 126. Page 143. (*Order of the Administration of the City of Tashtagol No. 435-r dated 25 June 2001 "On the Withdrawal and Provision of Land Plots"*). (In Russian).
41. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 67. List 1. File 127. Page 24. (*Order of the Administration of the City of Tashtagol No. 471-r dated 11 July 2001 "On the Withdrawal and Provision of Land Plots"*). (In Russian).
42. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 67. List 1. File 143. Page 278. (*Order of the Administration of the City of Tashtagol No. 873-r dated 31 October 2002 "On the Withdrawal and Provision of Land Plots"*). (In Russian).
43. Municipal Archive of the Tashtagol Municipal District. Fund 67. List 1. File 145. Page 4. (*Order of the Administration of the City of Tashtagol No. 965-r dated 2 December 2002 "On the Withdrawal and Provision of Land Plots"*). (In Russian).
44. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Na gornolyznom komplekse Sheregesh otkrylsya zimniy sezon* [The Winter Season Opened at the Sheregesh Ski Complex]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-17336>
45. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Glava Tashtagolskogo rayona V.N. Makuta podpisal soglasheniya o sotsialno-ekonomicheskom sotrudnichestve s rukovoditelyami ryada predpriyatiy* [Head of the Tashtagol District V.N. Makuta Signed Agreements on Socio-Economic Cooperation with the Heads of a Number of Enterprises]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-16491>
46. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Pervyy vitse-premer RF I.I. Shuv dal vysokuyu otsenku opytu Kuzbassa po modernizatsii monogorodov* [First Deputy Prime Minister of the Russian Federation I.I. Shuvalov Highly Appreciated Kuzbass's Experience in Modernizing Single-Industry Towns]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-11145>
47. Russian Federation. Kemerovo Oblast. Collegium of the Administration. (2010) *Order of the Collegium of the Administration of Kemerovo Oblast No. 1028-r of December 2, 2010 "On the Establishment of an Economic Development Zone on the Territory of the Municipal Formation 'Tashtagol Municipal District'"*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/990311160?ysclid=m2609dxbz82726067> (In Russian).
48. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *V Kuzbasse pobili mirovoy rekord po gornolyznomu spusku v kupalnikakh* [In Kuzbass, a World Record for Ski Descent in Swimsuits Was Set]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/v-kuzbasse-pobili-mirovoj-rekord-po-gornolyznomu-spusku-v>
49. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Sheregesh priznan samym populyarnym gornolyznym kurortom Rossii po versii portala SKI.RU* [Sheregesh Recognized as the Most Popular Ski Resort in Russia According to the SKI.RU Portal]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/sheregesh-priznan-samym-populyarnym-gornolyznym-kurortom>
50. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *V Tashtagole na gore Tumannaya otkryli vtoruyu ochered gubernskogo tsentra gornyykh lyzh i snouborda* [The Second Stage of the Gubernatorial Center for Alpine Skiing and Snowboarding Was Opened on Mount Tumannaya in Tashtagol]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/v-tashtagole-na-gore-tumannaya-otkryli-vtoruyu-ochered-gubernskogo-tsentra-gornyykh-lyzh-i-snouborda>
51. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Zavtra, 19 marta, v poselke Sheregesh Tashtagolskogo rayona startuyut chempionat i juniorskoe pervenstvo Rossii po gornolyznomu sportu* [Tomorrow, March 19, the Championship and Junior Championship of Russia in Alpine Skiing Start in the Sheregesh Settlement, Tashtagol District]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/old-52645>
52. Sibdepo. (n.d.) *Sport, opasnost, Sheregesh: kak kuzbasskikh detey izgnali s gornolyznogo kurorta* [Sport, Danger, Sheregesh: How Children from Kuzbass Were Expelled from the Ski Resort]. [Online] Available from: <https://sibdepo.ru/reading/sport-opasnost-sheregesh-kak-kuzbasskikh-detej-izgnali-s-gornolyznogo-kurorta.html>
53. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Tashtagolskiy rayon poluchil dlya razvitiya kurorta "Sheregesh" 5,5 tys. ga zemli iz federalnoy sobstvennosti* [Tashtagol District Received 5.5 Thousand Hectares of Land from Federal Ownership for the Development of the Sheregesh Resort]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/v-rezultate-obrashcheniya-gubernatora-a-g-tuleeva-k>
54. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Proekt "Turistsko-rekreatsionnyy klaster "Sheregesh" vklyuchen vo vtoroy etap federalnoy tselevoy programmy "Razvitie vnutrennego i vездного turizma v Rossiyskoy Federatsii" na 2015—2018 gody* [The Project "Tourist and Recreational Cluster 'Sheregesh'" Is Included in the Second Stage of the Federal Target Program "Development of Domestic and Inbound Tourism in the Russian Federation" for 2015–2018]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/proekt-turistsko-rekreatsionnyy-klaster-sheregesh-vklyuchen-vo-vtoroy-etap-federalnoy-tselevoy-programmy-razvitie-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossijskoj-federatsii-na-2015-2018-gody>
55. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Administratsiya oblasti provela otkrytyy konkurs na pravo razrabotki master-plana i proekta planirovki territorii pervoy ocheredi stroitelstva sportivno-turisticheskogo kompleksa "Sheregesh"* [The Regional Administration Held an Open Competition for the Right to Develop a Master Plan and a Territory Planning Project for the First Stage of Construction of the Sheregesh Sports and Tourist Complex]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/administratsiya-oblasti-provela-otkrytyj-konkurs-na-pravo-razrabotki-master-plana-i-proekta-planirovki-territorii-pervoy-ocheredi-stroitelstva-sportivno-turisticheskogo-kompleksa-sheregesh>
56. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Po dogovorenosti Amana Tuleeva s Federalnym agentstvom po turizmu v Kuzbass postupil 320 mln rubley na stroitelstvo avtodorogi v obkhod poselka Kaz* [By Agreement between Aman Tuleev and the Federal Agency for Tourism, 320 Million Rubles Were Received in Kuzbass for the Construction of a Bypass Road Around the Kaz Settlement]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/po-dogovorenosti-amana-tuleeva-s-federalnym-agentstvom-po-turizmu-v-kuzbass-postupili-320-mln-rublej-na-stroitelstvo-avtodorogi-v-obhod-poselka-kaz>
57. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Administratsiya oblasti zaklyuchila soglasenie o namereniyakh po razvitiyu "Sheregesha" s federalnym tsentrom proektnogo finansirovaniya (gruppa VEB)* [The Regional Administration Concluded an Agreement of Intent for the Development of "Sheregesh" with the Federal Project Financing Center (VEB Group)]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/administratsiya-oblasti-zaklyuchila-soglasenie-o-namereniyakh-po-razvitiyu-sheregesha-s-federalnym-tsentrom-proektnogo-finsirovaniya-gruppa-veb?ysclid=m260ml0tnr687229634>
58. Investment Portal of Kuzbass. (n.d.) *Sozdana korporatsiya razvitiya Sheregesh* [Sheregesh Development Corporation Created]. [Online] Available from: <https://kuzbass-invest.ru/ru/posts/567b508f77686f4918390000>
59. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Deystvie zony ekonomicheskogo blagopriyatstvovaniya v Tashtagolskom rayone prodleno na 5 let* [The Validity of the Economic Development Zone in the Tashtagol District Is Extended for 5 Years]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/deystvie-zony-ekonomicheskogo-blagopriyatstvovaniya-v-tashtagolskom-rayone-prodleno-na-5-let>
60. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Po porucheniyu Amana Tuleeva v Sheregeshe sozdan filial agentstva po privlecheniyu i zashchite investitsiy* [By Order of Aman Tuleev, a Branch of the Agency for Attracting and Protecting Investments Was Created in Sheregesh]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/po-porucheniyu-amana-tuleeva-v-sheregeshe-sozdan-filial-agentstva-po-privlecheniyu-i-zashchite-investitsij>
61. Russian Federation. Kemerovo Oblast. (2016) *Law of Kemerovo Oblast No. 102-OZ of December 28, 2016 "On the Redistribution of Certain Powers in the Field of Urban Planning Activities Between Local Self-Government Bodies of the Sheregesh Urban Settlement and State Authorities of Kemerovo Oblast"*. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=171115183&backlink=1&nd=171110011&rdk=0&refoid=171115184> (In Russian).
62. Tourist Information Center of Sheregesh. (n.d.) *Generalnyy plan razvitiya Sheregesha (dobavlen kommentariy predsedatelya KUGI Kemerovskoy oblasti Aleksandra Reshetova)* [General Plan for the Development of Sheregesh (Comment by the Chairman of the Committee for State Property Management of Kemerovo Oblast, Alexander Reshetov Added)]. [Online] Available from: <https://sheregesh.su/news/generalnyy-plan-razvitiya-sheregesha>
63. Russian Federation. Kemerovo Oblast. Collegium of the Administration. (2017) *Decree of the Collegium of the Administration of Kemerovo Oblast No. 353 of July 12, 2017 "On Approval of the Rules for Land Use and Development of the Urban-Type Settlement Sheregesh, Sheregesh Urban Settlement"*. [Online] Available from: <https://admsheregesh.ru/2017/07/4596/?ysclid=m31wjad2gp308288634> (In Russian).

64. TASS. (n.d.) *Zemli v turkomplekse Sheregesh v Kuzbasse budut prodavat arendatoram po lgotnoy tsene* [Land in the Sheregesh Tourist Complex in Kuzbass Will Be Sold to Tenants at a Preferential Price]. [Online] Available from: <https://tass.ru/sibir-news/5345398>
65. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Kuzbasskie goroda poluchili 1,5 mlrd rubley na stroitelstvo infrastruktury iz Fonda razvitiya monogorodov* [Kuzbass Cities Received 1.5 Billion Rubles for Infrastructure Construction from the Fund for the Development of Single-Industry Towns]. [Online] Available from: https://ako.ru/news/detail/kuzbasskie-goroda-poluchili-1-5-mlrd-rubley-na-stroitelstvo-infrastruktury-iz-fonda-razvitiya-monogo?ysclid=m7bgm_wq0bz549568782
66. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Aman Tuleev otkryl dorogu v obkhod p. Kaz v Tashtagolskom rayone* [Aman Tuleev Opened a Road Bypassing the Kaz Settlement in the Tashtagol District]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/aman-tuleev-i-glava-rosturizma-oleg-safonov-otkryli-dorogu-v-obhod-p-kaz-v-tashtagolskom-rayone>
67. GESH.RU. (n.d.) *Sheregeshskie stroyki: o novykh podemnikakh v sezone 2017–2018* [Sheregesh Construction: About New Lifts in the 2017–2018 Season]. [Online] Available from: <https://gesh.ru/news/sheregeshskie-stroyki/?ysclid=m7bgq9fs6u652777811>
68. Tourist Information Center of Sheregesh. (n.d.) *V Sheregeshe proshlo prazdnichnoe otkrytie gornolyzhnogo sezona 2019/20. Investitsionnye plany na 2020–2025 gody* [A Festive Opening of the 2019/20 Ski Season Took Place in Sheregesh. Investment Plans for 2020–2025]. [Online] Available from: <https://sheregesh.su/news/v-sheregeshe-proshlo-prazdnichnoe-otkrytie-gornolyzhnogo-sezona-201920-investitsionnye-plan-na>
69. Russian Federation. Kemerovo Oblast. (2020) *Order of the Governor of Kemerovo Oblast – Kuzbass No. 21-rg of March 14, 2020 "On the Introduction of the 'High Alert' Regime on the Territory of Kemerovo Oblast – Kuzbass and Measures to Counter the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19)"*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/570720618> (In Russian).
70. Russian Federation. Kemerovo Oblast. (2020) *Decree of the Government of Kemerovo Oblast – Kuzbass No. 249 of April 22, 2020 "On the Comprehensive Program of Kemerovo Oblast – Kuzbass 'Development of the Sports and Tourist Complex 'Sheregesh' for 2020–2025'"*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/570745092?ysclid=m06gur27as664697815> (In Russian).
71. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Rekonstruktsiya ochistnykh sooruzheniy stoimostyu bolee 1 mlrd rubley nachalas v Sheregeshe* [Reconstruction of Treatment Facilities Worth More Than 1 Billion Rubles Has Begun in Sheregesh]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/rekonstruktsiya-ochistnykh-sooruzheniy-stoimostyu-bolee-1-mlrd-rubley-nachalas-v-sheregeshe>
72. GESH.RU. (n.d.) *Novinki Sheregesha sezona 2020–2021* [New Features of Sheregesh for the 2020–2021 Season]. [Online] Available from: <https://gesh.ru/news/novinki-sheregesha-sezona-2020-2021/?ysclid=m7bh3muvx0753100506>
73. Russian Federation. Kemerovo Oblast. (2020) *Order of the Governor of Kemerovo Oblast – Kuzbass No. 175-rg of November 10, 2020 "On the Opening of the Ski Season and Amending the Order of the Governor of Kemerovo Oblast – Kuzbass of May 29, 2020 No. 73-rg 'On Extending the Period of Certain Measures to Counter the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19), Lifting Certain Restrictions, Amending Certain Orders of the Governor of Kemerovo Oblast – Kuzbass'"*. [Online] Available from: <https://rg.ru/documents/2020/11/11/kuzbass-rasp175-reg-dok.html?ysclid=m74essy8up235744703> (In Russian).
74. Kommersant. (n.d.) *"Roza Khutor" podvodit itogi zimnego sezona 2020/2021* ["Rosa Khutor" Sums Up the Results of the 2020/2021 Winter Season]. [Online Publication ""]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4783411>
75. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Kuzbass poluchit 51 mlrd rubley iz federalnogo byudzheta na programmu razvitiya oblasti* [Kuzbass Will Receive 51 Billion Rubles from the Federal Budget for the Regional Development Program]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/kuzbass-poluchit-51-mlrd-rubley-iz-federalnogo-byudzheta-na-programmu-razvitiya-oblasti>
76. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Sergey Tsivilev: zaklyuchennye na PMEF soglasheniya otkryvayut novye perspektivy razvitiya Sheregesha* [Sergey Tsivilev: Agreements Concluded at the SPIEF Open New Prospects for the Development of Sheregesh]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-zaklyuchennye-na-pmef-soglasheniya-otkryvayut-novye-perspektivy-razvitiya-sheregesha>
77. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *V Kuzbasse realizuyut krupneyshiy proekt Rossii po kompleksnomu razvitiyu territorii* [The Largest Project in Russia for the Integrated Development of a Territory Is Being Implemented in Kuzbass]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/v-kuzbasse-realizuyut-krupneyshiy-proekt-rossii-po-kompleksnomu-razvitiyu-territorii>
78. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *V Kuzbasse startoval proekt po sozdaniyu goroda-kurorta "Novyy Sheregesh"* [A Project to Create the Resort City "New Sheregesh" Has Started in Kuzbass]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/v-kuzbasse-startoval-proekt-po-sozdaniyu-goroda-kurorta-novyy-sheregesh>
79. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Sergey Tsivilev zaklyuchil na PMEF-2023 soglasheniya s vedushchimi kompaniyami strany* [Sergey Tsivilev Concluded Agreements with Leading Companies of the Country at SPIEF-2023]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-zaklyuchil-na-pmef-2023-soglasheniya-s-vedushchimi-kompaniyami-strany>
80. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Sergey Tsivilev: rezidenty osoboy ekonomicheskoy zony "Gornaya Shoriya" poluchat nalogovye lgoty* [Sergey Tsivilev: Residents of the Special Economic Zone "Gornaya Shoria" Will Receive Tax Benefits]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-rezidenty-osoboy-ekonomicheskoy-zony-gornaya-shoriya-poluchat-nalogovye-lgoty>
81. ATR42.RU. (2018) *Sergey Tsivilev: Nasha zadacha sdelat Sheregesh nomerom odin v mire* [Sergey Tsivilev: Our Task Is to Make Sheregesh Number One in the World]. 21 May. [Online] Available from: https://atr42.ru/news/sergey-tsivilev-nasha-zadacha-sdelat-sheregesh-nomerom-odin_v_mire/2018-05-21-4492?ysclid=m75pantes7837293161

Информация об авторах:

Юматов К.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: yumatov@list.ru

Голубева А.В. – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: aldravalent@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.V. Yumatov, Dr. Sci. (History), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yumatov@list.ru

A.V. Golubeva, postgraduate student, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: aldravalent@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2025;
одобрена после рецензирования 08.04.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 05.03.2025;
approved after reviewing 08.04.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.147 : 881.111.1 + 004.853
doi: 10.17223/15617793/518/17

Развитие произносительных навыков на английском языке: использование цифровых инструментов и искусственного интеллекта при обучении студентов неязыковых направлений

Лидия Ивановна Агафонова¹, Борис Викторович Пеньков²

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, liagafonova@herzen.spb.ru*

² *Университет «Синергия», Москва, Россия, penkovlinguistics@gmail.com*

Аннотация. Анализируется опыт использования цифровых инструментов и искусственного интеллекта с целью обучения произношению на английском языке студентов неязыковых направлений. Проведён обзор теоретической литературы, исследованы этапы обучения и оценены возникающие сложности при обучении произношению. Предложены методические рекомендации, рассмотрены перспективы дальнейшего совершенствования технологий обучения произносительным навыкам на английском языке.

Ключевые слова: искусственный интеллект, неязыковые направления, обучение английскому языку, произносительные навыки, цифровые инструменты

Для цитирования: Агафонова Л.И., Пеньков Б.В. Развитие произносительных навыков на английском языке: использование цифровых инструментов и искусственного интеллекта при обучении студентов неязыковых направлений // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 141–149. doi: 10.17223/15617793/518/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/17

Development of English pronunciation skills: Use of digital tools and artificial intelligence for non-linguistic majors

Lidia I. Agafonova¹, Boris V. Penkov²

¹ *Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, liagafonova@herzen.spb.ru*

² *Synergy University, Moscow, Russian Federation, penkovlinguistics@gmail.com*

Abstract. The authors focus on the integration of digital tools and artificial intelligence (AI) in teaching English pronunciation to non-linguistic majors, addressing critical gaps in current pedagogical approaches. The research identifies key challenges in pronunciation acquisition, including grapheme-phoneme mismatches between English and Russian, lack of speaking practice, and insufficient classroom time dedicated to phonetic training (averaging 72 classroom hours in undergraduate curriculum). Through mixed-methods research conducted at Herzen State Pedagogical University of Russia in Saint Petersburg and Synergy University in Moscow, the study evaluates the effectiveness of AI-powered tools compared to traditional methods, employing pre- and post-testing, surveys, and speech analysis to measure progress in articulation accuracy, intonation, and phonological awareness. The experimental design incorporated three methodological phases: diagnostic assessment of students' baseline pronunciation skills using speech recognition software; implementation of a 12-week intervention combining AI tools (text-to-speech platforms and interactive chatbots) with classroom instruction across 8 academic majors; evaluation of learning outcomes through blinded expert ratings and student self-assessments. Results demonstrate a 28% improvement in pronunciation accuracy among experimental groups using AI scaffolding versus 11% in control groups, with particular efficacy observed for problematic phonemes like /θ/ and /ð/. However, the study reveals significant barriers: 32.1% of students reported technological difficulties, 43.6% emphasized the need for human emotional connection, and 16% expressed data privacy concerns; that is, highlighting the necessity for balanced implementation frameworks. The paper provides concrete methodological recommendations for educators: structured integration of tools for speech recording within a flipped classroom model; development of AI-mediated pronunciation clinics for individualized feedback; and curriculum designs that combine chatbot dialogues with live communicative practice. Comparative analysis shows that hybrid approaches yield 19% better retention than purely digital or traditional methods. The conclusion outlines three key implementation principles: AI as supplement rather than replacement for human instruction; mandatory digital literacy training for both students and faculty and ethical protocols for educational AI use. These findings contribute to evolving paradigms in L2 phonetics

instruction while proposing actionable solutions for higher education institutions seeking to optimize limited classroom hours through technological augmentation.

Keywords: artificial intelligence, digital tools, English language teaching, non-linguistic majors, pronunciation skills

For citation: Agafonova, L.I. & Penkov, B.V. (2025) Development of English pronunciation skills: Use of digital tools and artificial intelligence for non-linguistic majors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 141–149. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/17

Введение

Владение английским языком является частью подготовки специалистов любого направления [1. С. 161–162], поскольку язык, являясь фундаментальным аспектом коммуникации, представляет основу общения, обмена знаниями и опытом [2]. В области профессиональной межкультурной коммуникации будущий специалист должен обладать обширным словарным запасом, знанием грамматики и правильным произношением. Недостаточное развитие произносительных навыков приводит к трудностям в устной коммуникации и снижает шансы на успех в профессиональной деятельности. Невозможно разделить умения аудирования и произносительные навыки в процессе общения на иностранном языке; фундаментальный аспект улучшения произношения студентов заключается в их умении внимательно слушать, усваивая правильную артикуляцию звуков, произношение отдельных слов, корректную интонацию, ударение, мелодику речи и высоту тона [3. С. 22–23]. Одним из препятствий в овладении произношением является неспособность правильно произносить английские слова, что происходит из-за несоответствия графем и фонем в английском и русском языке, что затрудняет ассоциирование письменных образов с соответствующими звуками вследствие незнания фонетических закономерностей, а также недостатка или полного отсутствия практики устного общения на иностранном языке [4. С. 23].

Целью статьи является анализ возможностей использования цифровых инструментов, основанных на технологиях искусственного интеллекта (ИИ), а также не использующих ИИ, для улучшения произносительных навыков студентов неязыковых направлений бакалавриата и магистратуры в рамках курса обучения английскому языку. Внимание уделяется интеграции этих инструментов в аудиторную и самостоятельную работу студентов (СРС), оценке их влияния на формирование фонетической компетенции и повышению мотивации к изучению английского языка. В рамках исследования поставлены задачи, направленные на создание комплексного подхода к обучению произношению, сочетающего традиционные методы преподавания с инновационными технологиями: 1) проанализировать цифровые инструменты и инструменты на основе ИИ с точки зрения их эффективности в формировании фонетической компетенции на английском языке; 2) разработать методические рекомендации по интеграции этих инструментов в аудиторную и СРС с учётом специфики неязыковых направлений; 3) оценить влияние цифровых ресурсов на мотивацию студентов и их способность говорить грамотно, без или с минимальным количеством коммуникативно-значимых произносительных ошибок, в профессиональных

ситуациях, например, при подготовке к устному выступлению на публике или учебной конференции, «презентации для лифта» и деловым переговорам; 4) выявить потенциальные ограничения и трудности, связанные с использованием цифровых инструментов, и предложить пути их преодоления в контексте неязыкового вуза [5. С. 266–267].

Гипотеза исследования заключается в том, что систематическое использование цифровых инструментов, включая приложения на основе ИИ, совершенствует произносительные навыки студентов неязыковых направлений, включая артикуляционную точность, фонематическое восприятие и интонационное оформление речи, а интеграция этих инструментов в учебный процесс, особенно в контексте развития коммуникативных умений устной речи, приведёт к повышению уровня владения английским языком и уверенности студентов в использовании английского языка в профессиональной деятельности. Использование цифровых ресурсов усиливает мотивацию студентов к самостоятельной работе и развивает навыки критического мышления [6. С. 45–46], в частности, анализа и самооценки своей речи, а сочетание аудиторной работы под руководством преподавателя и СРС с цифровыми инструментами и ИИ приводит к устойчивым и долгосрочным результатам в формировании фонетической компетенции.

Методология исследования

Исследование проводилось на базе Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена и Университета «Синергия». В качестве исследовательской базы использованы анкетные данные, собранные от двух ключевых групп респондентов (156 человек): студентов неязыковых направлений на уровне бакалавриата и магистратуры, а также преподавателей английского языка. Это позволило провести сравнительный анализ восприятия ими цифровых инструментов и ИИ, применяемых с целью развития и совершенствования произносительных навыков в процессе обучения английскому языку.

Методологической основой исследования послужило анкетирование, проведённое с использованием онлайн-платформы Google Форм. Вопросы анкеты разработаны с акцентом на изучение восприятия респондентами практического применения цифровых технологий, включая ИИ-инструменты, в преподавании английского языка для развития и совершенствования произносительных навыков. Результаты анкетирования визуализированы в виде диаграмм, а дальнейший анализ осуществлялся с использованием методов качественного и количественного анализа.

Для оценки эффективности использования цифровых инструментов и ИИ в процессе обучения произношению на английском языке применены качественные и количественные методы. К количественным методам отнесены тестирование произносительных навыков до и после эксперимента, анкетирование студентов для оценки их удовлетворённости процессом обучения, а также анализ статистических данных, таких как средний балл за устные задания. Качественные методы включали интервью с участниками исследования, анализ аудиозаписей студентов и наблюдение за их прогрессом в течение курса обучения английскому языку. Проведён сравнительный анализ результатов студентов, использующих инструменты на основе ИИ, в сравнении с теми, кто использовал только традиционные методы обучения. Это позволило определить подходы к развитию произносительных навыков и выработать рекомендации по интеграции цифровых инструментов в учебный процесс.

Литературный обзор

Учебный план курсов обучения английскому языку в вузе не предусматривает достаточного количества академических часов для полноценной отработки произносительных навыков, вследствие чего традиционные методы преподавания английского языка для неязыковых специальностей (как правило, в объёме 144 академических часа, из которых 72 часа отведено на аудиторные занятия и такое же количество – на СРС) уступают место инновационными подходам, направленным на самостоятельное освоение студентами ключевых образовательных компетенций. Что касается обучения магистров, то количество академических часов также ограничено и варьируется в зависимости от направления, в среднем 14–20 академических часов.

Согласно аналитическим материалам Института ЮНЕСКО по вопросам информационных технологий в образовании, ИИ играет решающую роль в реализации концепции персонализированного обучения путём адаптации содержания учебных материалов и темпов образовательного процесса к индивидуальным потребностям каждого обучающегося [7. С. 18–19]. Использование инструментов на основе ИИ позволяет внедрить персонализированное, гибкое, инклюзивное и увлекательное обучение [4. С. 11], делая процесс обучения иностранному языку динамичным и адаптивным. Нейронные сети, в частности чат GPT [8], становятся составляющей образовательного процесса на всех уровнях [9. С. 20]. Компоненты системы ИИ, такие как генерация, анализ и оценка текста, применяются в различных сферах для решения когнитивных и инновационных задач, включая диалог с чатами Дип-сик [10] и GPT [8], которые помогают формулировать правила произношения и детализировать информацию в ответ на промпты, посвящённые различным аспектам фонетики и фонологии.

Значение термина «произношение» в работах исследователей не сводится к узкому видению его как артикуляции звуков речи типа [i:], [s], [m]. Выделяют,

например, ряд характеристик акцента, которые делают речь реальной в психологическом и нейрофизиологическом смысле [11. С. 73–74]. Фонетическая компетенция в английском языке [12. С. 38–39] – система, в основу которой входят такие компоненты, как знания о нормативном составе произносимых элементов иностранного языка, слухо-произносительные и ритмико-интонационные навыки автоматизации их отбора и комбинирования, а также фонетические умения, к которым относятся умение различать звуки и буквы, отличать гласные звуки от согласных, глухие от звонких, определять явление палатализации, умение записывать и читать транскрипцию, интонировать словосочетания и предложения, умение определять место ударения в слове и синтагме. Сложность овладения студентами произносительных навыков связана с основополагающей их ролью в видах речевой деятельности.

В научно-методической литературе также указывается, что языковые трудности возникают у студентов при обучении иноязычному произношению межъязыкового и внутриязыкового характера [13. С. 36]. Первые, межъязыковые, трудности обусловлены интерференцией родного языка и проявляются в переносе фонетических и интонационных моделей, характерных для родной речи, на английский язык; а вторые, внутриязыковые, проблемы связаны со спецификой английского произношения, включая сложность артикуляции отдельных звуков (например, межзубных звуков /θ/ и /ð/) и отсутствие чётких правил, регулирующих произношение в зависимости от контекста. Преодоление этих трудностей возможно через использование адаптивных методик, включающих аудирование, имитацию и анализ эталонных образцов речи с целью формирования фонетической компетенции и повышения уверенности студентов в использовании английского языка в профессиональной деятельности. Подчёркивается важность учёта исторического контекста, методологических подходов и требований к обучению произношению, а также необходимость разработки методик, способных преодолеть трудности и обеспечить овладение фонетическими навыками.

По функциональным характеристикам инструменты ИИ можно классифицировать следующим образом:

1. Инструменты, ориентированные непосредственно на обучающегося, которые совершенствуют навыки с помощью моделей практики, обратной связи или поведенческих упражнений.

2. Инструменты, ориентированные на поддержку преподавателя, обеспечивающие минимизацию рабочей нагрузки за счёт автоматизации рабочих процессов, таких как оценивание, обратная связь и администрирование.

3. Системные инструменты ИИ – алгоритмы, предназначенные для обработки больших объёмов данных. Внедрение ИИ в образовательный процесс способствует изменению подходов к обучению, ставя в центр внимания индивидуальные потребности обучающихся и оптимизируя темп усвоения материала [14. С. 18–19].

Цифровые ресурсы обладают особенностями, в частности, Баббель [15] предлагает структурированные уроки, в то время как платформа Розетта Стоун

[16] сосредоточена на иммерсивном подходе к обучению, однако её высокая стоимость снижает доступность для широкой аудитории. Инструмент Манго [17] предоставляет примеры из реальной жизни, но его функциональность ограничена в плане интерактивности. В контексте учебных курсов по английскому языку для студентов неязыковых направлений с целью отработки навыков произношения целесообразно интегрировать приложение Дуолинго [18] в выполнение заданий, после чего проводить обсуждение результатов в классе, дополняя их упражнениями на артикуляцию и интонацию с помощью этого цифрового инструмента [19. С. 48–51]. Такой комбинированный подход позволяет нивелировать недостатки отдельных приложений и обеспечивает сбалансированное обучение.

Исследования в области методики преподавания английского языка подчёркивают значимость использования технологий ИИ с целью оптимизации процесса обучения, особенно в формировании и коррекции произносительных навыков. Инструменты на основе ИИ, такие как сайт Эльза Спик [20], позволяют индивидуализировать образовательный маршрут студента, принимая во внимание его уровень владения языком, ошибки и скорость усвоения материала [21. С. 602–603], однако ограничена возможность использования данного инструмента на бесплатной основе. Интеграция цифровых технологий и ИИ-инструментов в процесс обучения английскому языку открывает перспективы для развития произносительных навыков и повышения мотивации студентов неязыковых специальностей. Однако исследования в области методики преподавания английского языка выявляют несколько ключевых проблем. Формированию произносительных навыков традиционно отводится второстепенная роль, или это признаётся необязательным. Даже когда фонетика включена в учебные планы, фонетические упражнения носят фрагментарный и бессистемный характер. Несмотря на наличие приложений, основанных на использовании ИИ, студенты остаются недостаточно осведомлёнными об их наличии или испытывают сложности при работе с ними без помощи преподавателя английского языка. Многие инструменты ИИ являются платными и поэтому не могут быть использованы в учебном процессе.

Цифровые технологии и ИИ-инструменты обладают рядом характеристик, которые способствуют эффективному развитию произносительных навыков. К ним относится возможность прослушать эталонное произношение и записать собственную речь для последующего анализа, что позволяет студентам сравнивать своё произношение с образцовым вариантом и корректировать ошибки, одновременно развивая фонематическое восприятие. Высокое качество звука является необходимым условием для точного восприятия фонетических особенностей и предотвращения формирования неустойчивых навыков из-за искажённых сигналов. Многократные повторы для закрепления навыков обеспечиваются возможностью повторного прослушивания и воспроизведения звуков, слов и фраз. Примеры из реальной жизни способствуют повышению мотивации, что делает процесс обучения ориентированным на будущие сферы деятельности студентов.

Экспериментальное исследование и методические рекомендации

В рамках статьи опишем и проанализируем ход и результаты экспериментального исследования. Эксперимент проведен на базе Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и Университета «Синергия» в 2024/2025 учебном году. В исследовании приняли участие более 100 студентов бакалавриата и магистратуры неязыковых направлений, таких как менеджмент, специальное (дефектологическое) образование, культурологическое образование, педагогическое образование, биология, муниципальное управление, право и организация социального обеспечения, киберспорт, спортивный менеджмент, управление человеческими ресурсами, управление проектами, практическая психология, предпринимательство, информационные технологии, экономические направления (банковское дело, финансы и кредит).

Исследования в области методики преподавания английского языка акцентируют внимание на необходимости интегрированного подхода к обучению произношению в рамках комплексного обучения видам речевой деятельности и формирования всех видов навыков. Студенты развивают фонетические навыки в контексте условно-коммуникативной и коммуникативной коммуникации, улучшая усвоение языкового материала. Интеграция произношения в общий процесс обучения преодолевает типичные трудности, связанные с интерференцией родного языка, и формирует естественное звучание речи. Для ознакомления с моделью корректного произношения в рамках практических занятий и CPC применяются цифровые ресурсы, такие как Learn English Sounds Right [22], Оратлас [23], Форво [24] и Юглиш [25], наряду с инструментами для создания и оценки аудиозаписей Одасити [26], Адоби Экспресс [27], Воки [28] и СлайдМодел [29]. Для реализации интегрированного подхода к обучению произношению используются цифровые ресурсы, которые предоставляют студентам возможность ознакомиться с эталонными моделями произношения. Например, приложение Learn English Sounds Right [22] позволяет изучать фонетические символы и соответствующие им звуки, что полезно на начальном этапе обучения. Сайт Форво [24] предоставляет доступ к аудиозаписям слов, произнесённых носителями языка, что помогает учащимся корректировать произношение. Платформа Юглиш [25] позволяет прослушивать слова и фразы в контексте Ютьюб-видео, помогая одновременно развивать умение аудирования и произносительные навыки [30. С. 45–46]. В частности, на занятии обучаемым предлагается прослушать терминологическую лексику по теме занятия в разных контекстах с помощью сайта, а затем обсуждаются значение и произношение образцов жаргона данного профессионального поля. Для развития произносительных навыков можно предложить следующий алгоритм с использованием данного цифрового ресурса: на первом этапе преподаватель знакомит студента с функционалом и возможностями платформы, акцентируя внимание на её роли в формировании фонетической компетенции и расширении лексического запаса.

Затем студенты создают личные аккаунты на платформе, после чего преподаватель демонстрирует пример использования цифрового инструмента для поиска и анализа произношения ключевых слов по теме практического занятия. На следующем этапе студенты под руководством преподавателя отрабатывают произношение выбранных целевых слов, анализируя их употребление в различных контекстах. Далее следует этап СРС, обучающиеся работают с платформой, выбирая фрагменты дискурса, связанные с их профессиональной деятельностью, записывая свои попытки произношения. После этого проводится дискуссия между студентами, то есть они обсуждают свои результаты в группах, дают обратную связь и корректируют ошибки. Заключительный этап предполагает автоматизацию произносительных навыков в условно-коммуникативных и коммуникативных ситуациях общения.

Для развития продуктивных произносительных навыков используются цифровые инструменты, позволяющие учащимся создавать собственные аудиозаписи. Программа Одасити [26] предоставляет возможность записи и редактирования аудио, что полезно для выполнения заданий на чтение вслух или запись монологов, а платформы Адоби Экспресс [27] и СлайдМодел [29] генерируют мультимедийные презентации с аудиосопровождением, что может быть использовано для выполнения проектных заданий. Приложение Воки [28] создаёт анимированные персонажи, которые «озвучиваются» студентами, что делает процесс обучения увлекательным. Например, на занятии решается кейс, в котором обучающиеся записывают диалог с использованием этого сайта, а затем оценивают его с точки зрения корректности произношения и интонации на английском языке. Оценка проводится не только педагогом, но и с помощью взаимооценивания, развивающего критическое мышление и самоконтроль у студентов.

Формирование произносительных навыков у студентов неязыковых направлений сопряжено с трудностями, обусловленными индивидуальными особенностями обучающихся и спецификой учебного процесса. Проблемой является разноуровневая подготовка студентов, что приводит к различиям в самооценке произношения: одни студенты склонны завышать свои способности, другие, напротив, недооценивают достижения. Студенты вынуждены преодолевать трудности, связанные с отсутствием знаний о правилах чтения, слабым запоминанием фонетических моделей и недостаточным количеством практики в чтении и говорении. Эти барьеры усугубляются ограниченным временем аудиторных занятий и недостатком персонализированной обратной связи. Решением проблем становится интеграция инструментов ИИ, таких как чат-боты и речевые анализаторы, предоставляющие мгновенную обратную связь, адаптированную к уровню студента. Чат-боты используются для объяснения правил чтения и артикуляции в интерактивном формате через ввод специализированных промптов или скриптов, а речевые анализаторы – с целью тренировки произношения и сравнения с эталонными образцами. В результате студенты совершенствуют произносительные

навыки, получают персонализированные рекомендации и преодолевают риски, связанные с запоминанием и применением фонетических правил.

Технология «Текст в речь» в обучении английскому языку, например, в рамках приложений Спичифай [31] и Пиктелло [32], используется с целью формирования произносительных навыков у студентов неязыковых вузов, преобразовывая письменный текст в аудио формат для развития фонематического восприятия и улучшения понимания интонационных моделей. Приложение Спичифай [31] используется для прослушивания учебных материалов с целью улучшения произношения и расширения словарного запаса в профессиональной сфере, преобразует текст в речь с ИИ для создания естественно звучащих голосов. Большой набор реалистичных ИИ-голосов (бесплатная версия с ограниченными голосами), включая варианты с эмоциями и акцентами с разной скоростью прослушивания. Это приложение не только поддерживает разнообразные форматы документов и веб-страницы, а также генерирует голосовые дорожки, открывая возможности для творчества, создания MP3 и WAV аудиофайлов для подкастов, видео и обучения в рамках проектной деятельности. Сайт Пиктелло [32] интегрируется в процесс обучения с целью создания интерактивных историй с аудиосопровождением, делая процесс обучения увлекательным и мотивирующим [33. С. 232–233]. Приложение для создания визуальных историй и социальных сценариев помогает в развитии речи благодаря встроенным высококачественным голосам. Интерактивные платформы для отработки произносительных навыков, такие как Оратлас [23], предлагая комплексный подход к обучению произношению, сочетая технологии текста-в-речь, записи речи и анализа, позволяет студентам работать над произношением в контексте реальных ситуаций, публичных выступлений и презентаций. На семинарских занятиях платформа применяется для подготовки к устным докладам и «презентациям для лифта», студенты записывают свою речь, анализируют её с помощью встроенных инструментов и получают рекомендации по улучшению с целью развития произносительных навыков и повышения уверенности в использовании английского языка. Такие цифровые технологии полезны для студентов, которые испытывают трудности с восприятием устной речи на слух.

Специализированные приложения для обучения произношению представлены также ИИ-чатами платформами Дипсик [10] и GPT-чат [8], открывающими возможности для индивидуализации обучения произношению. Платформа Дипсик [10] используется для развития произносительных навыков студентов неязыковых специальностей, так как сочетание технологии ИИ и методов адаптивного обучения индивидуализирует образовательный процесс: платформа анализирует фонетические и фонологические особенности, отвечая на промпты, предоставляя детализированную обратную связь по артикуляции, интонации и ритму речи. Данный ИИ-инструмент можно использовать на различных этапах формирования фонетических навыков: на начальном этапе обучения – для диагностики

уровня сформированности произносительных навыков с целью создания индивидуальных образовательных маршрутов, на этапе тренировки – для выполнения интерактивных упражнений, которые помогают отрабатывать сложные звуки и интонационные модели, а на заключительном этапе – для оценки прогресса, что позволяет студентам увидеть свои достижения и области для улучшения, затем результаты обсуждаются в группе с целью развития навыков самоконтроля и критического мышления. Таким образом, ИИ-инструмент Дипсик [10], несмотря на недавний выход на рынок, интегрируется в процесс обучения английскому языку студентов неязыковых специальностей, так как его доступность, удобство интерфейса и возможности использования повышают мотивацию и уверенность студентов в использовании английского языка в профессиональной деятельности. GPT-чат [8] используется для имитации реальных диалогов, в которых студенты практикуют произношение и интонацию в контексте общения. На аудиторных занятиях студенты ведут диалог с чат-ботом по теме занятия, а затем анализируют своё произношение и корректируют ошибки. Такие ИИ-инструменты делают акцент на развитии умений говорения и произносительных навыков через запись и анализ речи, то есть обучающиеся записывают монологи, получая обратную связь по артикуляции и интонации, формируя навык естественного звучания речи. Инструменты ИИ эффективны в условиях смешанного обучения, в котором сочетаются СРС и взаимодействие с преподавателем.

Во время проведения анкетирования выявлено несколько проблем и барьеров, которые возникают в процессе развития и совершенствования произносительных навыков на английском языке с помощью использования цифровых инструментов, включая проблему неприемлемого контента в ИИ-инструментах (см. рис. 1). Одним из ограничений, отмеченных респондентами (примерно 5,1%), является риск столкновения с неприемлемым или неадаптированным контентом при использовании ИИ-платформ. В контексте лингводидактики это создаёт этические и методические сложности, поскольку учебные материалы должны соответствовать требованиям государственных образовательных стандартов и рабочих программ, а также юридическим требованиям прежде всего применительно к содержанию обучения. Данная проблема актуальна при автономном использовании ИИ-инструментов студентами, когда отсутствует предварительная модерация контента. Значимым препятствием воспринимаются технологические барьеры и сложности использования ИИ. Около 32,1% респондентов указали на трудности в понимании и применении ИИ-инструментов, что свидетельствует о наличии цифрового разрыва даже среди пользователей, заинтересованных в инновационных методах изучения языка. С методической точки зрения решение таких противоречий требует обучения цифровой грамотности в ходе внедрения ИИ в учебный процесс.

На рис. 1 указаны сокращённые вопросы (по сравнению с анкетой) с целью упрощения визуализации и

вследствие компактности. Приведём расшифровку вопросов, на которые получены значимые ответы респондентов: 1. Некоторые ИИ содержат неприемлемый контент или материалы для респондента. 2. Отвечающий испытывает трудности с пониманием и использованием технологии, что приводит к неправильному использованию ИИ-инструмента. 3. Респондент нуждается в эмоциональной связи и взаимодействии с людьми при изучении языка. 4. Опасается утечки персональных данных, если не принимаются меры безопасности. 5. Использование ИИ-инструментов заменяет взаимодействие со студентами и преподавателями, что важно для социального развития обучающихся. 6. Отрицательный ответ на вопрос. 7. Другое.

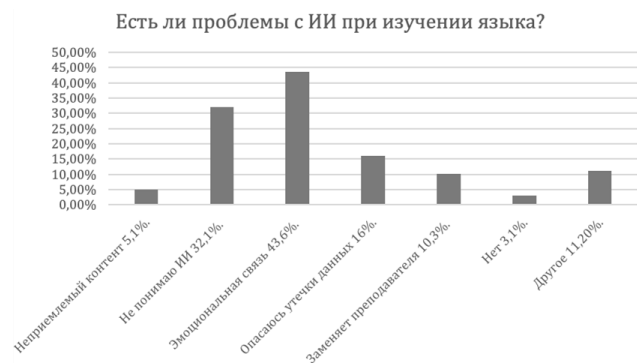

Рис. 1. Проблемы и риски использования ИИ с целью развития произносительных навыков в английском языке

Следующим значимым результатом анкетирования является дефицит эмоционального взаимодействия в цифровой среде. 43,6% опрошенных отмечают необходимость в эмоциональной связи с реальными людьми, что подчёркивает ограниченность ИИ в плане эмпатии и социального взаимодействия. С позиции коммуникативной методики преподавания английского языка это серьёзный недостаток, поскольку живое общение способствует лингвистическому и социокультурному развитию. Согласно результатам опроса, есть опасения по поводу конфиденциальности данных: 16% респондентов выражают обеспокоенность утечкой персональных данных, что отражает растущую актуальность цифровой безопасности для сферы образования. Этот фактор ограничивает активное внедрение ИИ-технологий, особенно в образовательных учреждениях с жёсткими требованиями к защите информации.

Ещё одним вызовом представляется возможность снижения социального взаимодействия среди обучающихся. Около 10% участников опроса отмечают, что чрезмерное использование ИИ уменьшает взаимодействие между студентами и преподавателями, и это негативно сказывается на социальном аспекте обучения. Такое восприятие указывает на то, что групповые формы работы (дискуссии и проекты) остаются ключевыми в развитии коммуникативных умений и есть потребность в социализации в рамках занятий. При этом считаем значимым показатель отсутствия проблем, анализ нейтральных ответов (2,6% респондентов ответили «нет») указывает на то, что некоторые опрошен-

ные не видят существенных ограничений в использовании ИИ. К этой группе респондентов относятся продвинутые пользователи, комфортно работающие с мобильными ИИ-приложениями или не имевшими дело с глубоким внедрением ИИ в обучение. В целом следует отметить, что, несмотря на потенциал ИИ в персонализации обучения и автоматизации рутинных задач, существуют значительные ограничения: этические (качество контента), технические (сложность использования) и социальные (снижение взаимодействия). Для эффективной интеграции ИИ в образовательный процесс необходимы фильтрация и адаптация контента, обучение цифровой грамотности, сочетание ИИ с живым общением и меры защиты данных. При соблюдении этих условий цифровые ресурсы становятся полноценным инструментом обучения английскому языку, не подменяя, а дополняя традиционные педагогические подходы.

Заключение

Исследование, посвященное развитию произносительных навыков на английском языке у студентов неязыковых направлений с использованием цифровых и ИИ-инструментов, подтверждает эффективность интеграции технологий в процесс формирования фонетической компетенции, несмотря на выявленные риски и

сложности в ходе учебного процесса (занятий с преподавателем и СРС). Анализ результатов экспериментальной работы продемонстрировал, что применение цифровых платформ, мобильных приложений, систем автоматизированной коррекции произношения на основе ИИ, а также методов смешанного обучения улучшает аспекты произносительной базы (артикуляционную точность, интонационную выразительность, ритмико-мелодический рисунок речи и фонематический слух). Внедрение цифровых инструментов позволяет персонализировать процесс обучения и обеспечить формирование устойчивых произносительных навыков за счёт многократного аудитивного и артикуляционного моделирования. Перспективы дальнейших исследований лежат в плоскости изучения возможностей ИИ технологий для автоматической диагностики фонетических ошибок, разработке адаптивных алгоритмов обучения, учитывающих индивидуальные особенности артикуляционного аппарата студентов, а также в создании интегрированных образовательных сред, сочетающих элементы онлайн-обучения и традиционных методик преподавания фонетики и фонологии. Актуальным направлением представляется исследование влияния ИИ на мотивационный компонент обучения произношению, а также разработка методических рекомендаций по преодолению интерференции на фонетическом уровне у студентов с различными типами языковой личности.

Список источников

1. Tsenov M.Y., Bakracheva M.A. Attitudes towards artificial intelligence in professional and personal life // *Education and Science Journal*. 2025. Vol. 27, № 2. P. 159–174. doi: 10.17853/1994-5639-2025-2-159-174
2. Guo Y., Wang Y. Exploring the effects of artificial intelligence application on EFL students' academic engagement and emotional experiences: A mixed-methods study // *European Journal of Education*. 2025. Vol. 60, Is. 1. Art. No. e12812. doi: 10.1111/ejed.12812
3. Sardegna V.G. The effects of learner and instructional variables on English pronunciation learning: What teachers need to know // *English Pronunciation Teaching: Theory, Practice and Research Findings. Series: Second Language Acquisition* / ed. by V.G. Sardegna, A. Jarosz. Bristol, UK; Jackson, TN, USA : Multilingual Matters & Channel View Publications, 2023. P. 21–33. doi: 10.2307/jj.22679732.9
4. Mubarak M.Z., Aziezel F. AI and non-AI tools in teaching English pronunciation to EFL learners // *Canadian Journal of Language and Literature Studies*. 2024. Vol. 4 (5). P. 22–33. doi: 10.53103/cjlls.v4i5.178
5. Федоров И.Е., Прохорова А.А., Лазарева А.С. Аналитический подход к типологии проблем обучения иностранному языку студентов аграрного вуза // *Язык и культура*. 2025. № 69. С. 247–274. doi: 10.17223/19996195/69/12.
6. Едалов Д.О. Сравнение условий организации совместной деятельности в очном и цифровом пространстве // *Психолого-педагогические исследования*. 2024. Т. 16, № 2. С. 43–59. doi: 10.17759/psyedu.2024160203
7. Даггэн С. Искусственный интеллект в образовании: изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО. М. : Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020. 44 с.
8. ChatGPT. OpenAI, 2025. URL: <https://openai.com/chatgpt>
9. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 4. С. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
10. DeepSeek. Hangzhou, Zhejiang, 2025. URL: <https://www.deepseek.com>
11. Volin J. Perceptual impact of foreign-accented speech and Alice Henderson // *The Pronunciation of English by Speakers of Other Languages* / ed. by J. Volin, R. Skarnitzl. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 73–94. doi: 10.2307/jj.22679732.9
12. Вишневская Е.М. Структура и содержание англоязычной фонетической компетенции студентов // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 2. С. 37–42.
13. Murphy J.M., Baker A.A. History of ESL pronunciation teaching // *The Handbook of English Pronunciation (Blackwell Handbooks in Linguistics)*. 1st ed. / ed. by M. Reed, J.M. Levis. Wiley-Blackwell, 2019. P. 36–65.
14. Исаева Н.А., Овчинникова А.В., Тимашова А.С. Новые способы организации образовательного пространства урока: цифровой краеведческий сторителлинг // *Русский язык в школе*. 2024. Т. 85, № 3. С. 17–25. doi: 10.30515/0131-6141-2024-85-3-17-25
15. Babbel. Berlin, Germany; New York : Babbel GmbH, 2025. URL: <https://www.babbel.com>
16. Rosetta Stone. L. : Rosetta Stone GmbH, 2025. URL: <https://www.rosettastone.com>
17. Mango. Mango Languages, 2025. URL: <https://mangolanguages.com>
18. Duolingo. Pittsburgh, PA, 2025. URL: <https://www.duolingo.com>
19. Chuyen N.T.H., Linh H.T., Phuc N.T.H., Phuong D.T.N. enhancing English pronunciation for high school students through Duolingo application // *International Journal of All Research Writings*. 2021. Vol. 3, Iss. 1. P. 46–54.
20. Elsa Speak. Los Gatos, CA: ELSA, 2025. URL: <https://elsaspeak.com>
21. Сысоев П.В., Ивченко М.И. Формирование иноязычных фонетических навыков речи обучающихся на основе инструментов искусственного интеллекта // *Перспективы науки и образования*. 2025. № 2. С. 600–614. doi: 10.32744/pse.2025.2.38
22. Learn English Sounds Right. Cambridge, UK, 2025. URL: <https://www.englishclub.com/pronunciation>
23. Oratlas. 2025. URL: <https://www.oratlas.com>

24. Forvo. Forvo Media SL. San Sebastián, Spain, 2025. URL: <https://forvo.com>
25. Youglish. 2025. URL: <https://youglish.com>
26. Audacity. 2025. URL: <https://www.audacityteam.org>
27. Adobe Express. 2025. URL: <https://new.express.adobe.com>
28. Voki. New York : Oddcast Inc, 2025. URL: <https://www.voki.com>
29. SlideModel. 2025. URL: <https://slidemodel.com>
30. Prastyo Y.D., Dharmawan Y.Y., Amelia S.F. Student's perceptions on the implementation of Youglish in learning English pronunciation at english department // *Lectura: Jurnal Pendidikan*. 2022. Vol. 13, № 1. P. 42–54.
31. Speechify. Speechify Inc., 2025. URL: <https://www.speechify.com>
32. Pictello. Amsterdam : AssistiveWare B.V., 2025. URL: <https://www.assistiveware.com/products/pictello>
33. Филипова А.Г., Малахова В.Р. Образовательный видеоблогинг: поиски смыслов и концептуализация понятий // *Образование и саморазвитие*. 2024. Т. 19, № 4. С. 226–241. doi: 10.26907/esd.19.4.17

References

1. Tsenov, M.Y. & Bakracheva, M.A. (2025) Attitudes towards artificial intelligence in professional and personal life. *Education and Science Journal*. 2 (27). pp. 159–174. doi: 10.17853/1994-5639-2025-2-159-174
2. Guo, Y. & Wang, Y. (2025) Exploring the effects of artificial intelligence application on EFL students' academic engagement and emotional experiences: A mixed-methods study. *European Journal of Education*. 1 (60). Art. e12812. doi: 10.1111/ejed.12812
3. Sardegna, V.G. (2023) The effects of learner and instructional variables on English pronunciation learning: What teachers need to know. In: Sardegna, V.G. & Jarosz, A. (eds) *English Pronunciation Teaching: Theory, Practice and Research Findings*. Bristol, UK; Jackson, TN, USA: Multilingual Matters & Channel View Publications. pp. 21–33. doi: 10.2307/jj.22679732.9
4. Mubarak, M.Z. & Aziezel, F. (2024) AI and non-AI tools in teaching English pronunciation to EFL learners. *Canadian Journal of Language and Literature Studies*. 4 (5). pp. 22–33. doi: 10.53103/cjlls.v4i5.178
5. Fedorov, I.E., Prokhorova, A.A. & Lazareva, A.S. (2025) Analiticheskiy podkhod k tipologii problem obucheniya inostrannomu yazyku studentov agrarnogo vuza [Analytical approach to typology of problems in foreign language teaching of agricultural university students]. *Yazyk i kultura*. 69. pp. 247–274. doi: 10.17223/19996195/69/12
6. Edalov, D.O. (2024) Svravnenie usloviy organizatsii sovmestnoy deyatel'nosti v ochnom i tsifrovom prostranstve [Comparison of conditions for joint activity organization in face-to-face and digital spaces]. *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya*. 2 (16). pp. 43–59. doi: 10.17759/psyedu.2024160203
7. Daggën, S. (2020) *Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: izmeneniye tempov obucheniya*. Analiticheskaya zapiska IITo UNESCO [Artificial Intelligence in Education: Changes in Learning Pace. Analytical Note]. Moscow: Institut UNESCO po informatsionnym tekhnologiyam v obrazovanii.
8. ChatGPT. (2025) [Online] Available from: <https://openai.com/chatgpt>
9. Ivakhnenko, E.N. & Nikol'skiy, V.S. (2023) ChatGPT v vysshem obrazovanii i nauche: ugroza ili tsennyy resurs? [ChatGPT in higher education and science: threat or valuable resource?]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 4 (32). pp. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
10. DeepSeek. (2025) [Online] Available from: <https://www.deepseek.com>
11. Volin, J. (2018) Perceptual impact of foreign-accented speech and Alice Henderson. In: Volin, J. & Skarnitzl, R. (eds) *The Pronunciation of English by Speakers of Other Languages*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. pp. 73–94. doi: 10.2307/jj.22679732.9
12. Vishnevskaya, E.M. (2013) Struktura i sodержaniye angloyazychnoy foneticheskoy kompetentsii studentov [Structure and content of English phonetic competence of students]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 37–42.
13. Murphy, J.M. & Baker, A.A. (2019) History of ESL pronunciation teaching. In: Reed, M. & Levis, J.M. (eds) *The Handbook of English Pronunciation*. 1st ed. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. pp. 36–65.
14. Isaeva, N.A., Ovchinnikova, A.V. & Timashova, A.S. (2024) Novye sposoby organizatsii obrazovatel'nogo prostranstva uroka: tsifrovoy kraevedcheskiy storytelling [New ways of organizing the educational space of the lesson: digital local history storytelling]. *Russkiy yazyk v shkole*. 3 (85). pp. 17–25. doi: 10.30515/0131-6141-2024-85-3-17-25
15. Babbel. (2025) [Online] Available from: <https://www.babbel.com>
16. Rosetta Stone. (2025) [Online] Available from: <https://www.rosettastone.com>
17. Mango Languages. (2025) [Online] Available from: <https://mangolanguages.com>
18. Duolingo. (2025) [Online] Available from: <https://www.duolingo.com>
19. Chuyen, N.T.H. et al. (2021) Enhancing English pronunciation for high school students through Duolingo application. *International Journal of All Research Writings*. 1 (3). pp. 46–54.
20. Elsa Speak. (2025) [Online] Available from: <https://elsaspeak.com>
21. Sysoev, P.V. & Ivchenko, M.I. (2025) Formirovaniye inoyazychnykh foneticheskikh navykov rechi obuchayushchikhsya na osnove instrumentov iskusstvennogo intellekta [Formation of foreign language phonetic skills based on artificial intelligence tools]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2. pp. 600–614. doi: 10.32744/pse.2025.2.38
22. EnglishClub.com. (2025) *Learn English Sounds Right*. [Online] Available from: <https://www.englishclub.com/pronunciation>
23. Oratlas. (2025) [Online] Available from: <https://www.oratlas.com>
24. Forvo. (2025) [Online] Available from: <https://forvo.com>
25. Youglish. (2025) [Online] Available from: <https://youglish.com>
26. Audacity. (2025) [Online] Available from: <https://www.audacityteam.org>
27. Adobe Express. (2025) [Online] Available from: <https://new.express.adobe.com>
28. Voki. (2025) [Online] Available from: <https://www.voki.com>
29. SlideModel. (2025) [Online] Available from: <https://slidemodel.com>
30. Prastyo, Y.D., Dharmawan, Y.Y. & Amelia, S.F. (2022) Student's perceptions on the implementation of Youglish in learning English pronunciation at English department. *Lectura: Jurnal Pendidikan*. 1 (13). pp. 42–54.
31. Speechify. (2025) [Online] Available from: <https://www.speechify.com>
32. AssistiveWare. (2025) *Pictello*. [Online] Available from: <https://www.assistiveware.com/products/pictello>
33. Filipova, A.G. & Malakhova, V.R. (2024) Obrazovatel'nyy videoblogging: poiski smyslov i kontseptualizatsiya ponyatiy [Educational videoblogging: search for meanings and conceptualization of concepts]. *Obrazovaniye i samorazvitiye*. 4 (19). pp. 226–241. doi: 10.26907/esd.19.4.17

Информация об авторах:

Агафонова Л.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liagafonova@herzen.spb.ru

Пеньков Б.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Университета «Синергия» (Москва, Россия). E-mail: penkovlinguistics@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.I. Agafonova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: liagafonova@herzen.spb.ru

B.V. Penkov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Synergy University (Moscow, Russian Federation). E-mail: penkovlinguistics@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.06.2025;
одобрена после рецензирования 31.08.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 28.06.2025;
approved after reviewing 31.08.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/518/18

Генеративные модели в профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка: текущее состояние и перспективы

Светлана Викторовна Боголепова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, sbogolepova@hse.ru

Аннотация. На основе анализа научной литературы выявлены основные задачи, выполнению которых преподавателям иностранного языка могут содействовать языковые генеративные модели (ГМ). Методом анкетирования 222 преподавателей были определены наиболее распространенные практики. Выявлено, что потенциал ГМ используется крайне ограниченно и есть отличия между преподавателями с разным опытом взаимодействия с ГМ и профессиональным опытом. Подчеркивается необходимость создания комплексных методик по использованию ГМ.

Ключевые слова: искусственный интеллект в образовании, генеративные модели в обучении иностранным языкам, чат-бот в обучении, разработка учебных материалов, оценивание, обучающая обратная связь, планирование урока, учебная аналитика

Для цитирования: Боголепова С.В. Генеративные модели в профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка: текущее состояние и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 150–159. doi: 10.17223/15617793/518/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/18

Generative models in foreign language teachers' professional activities: Current state and future prospects

Svetlana V. Bogolepova¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, sbogolepova@hse.ru

Abstract. The rapid development of AI technologies over recent years has profoundly impacted various spheres of human activity, including education. This article aims to explore the current use and potential of generative artificial intelligence models (GMs) in the professional activities of foreign language teachers. The aim of the study is to identify the professional tasks that GMs can assist educators with and to analyze how language teachers currently utilize these tools in their practice. The literature analysis provides a theoretical framework for understanding the capabilities and limitations of GMs in language teaching, highlighting their applications in content creation, assessment, feedback, data analysis, etc. A survey was administered to 222 foreign language teachers across various regions of Russia, representing a broad spectrum of teaching experience, to find out the current practices. The research process involved collecting and analyzing quantitative data on the purposes of GM usage, as well as qualitative insights into teachers' practices and perceptions. The data revealed that the majority of educators primarily employ GMs for generating educational content. Less common applications include planning, conducting self-assessment activities, and performing educational analytics. The study also uncovers that teachers with varying levels of experience differ in their adoption patterns. Mid-career educators (5–20 years of experience) are more active users of GMs, utilising GMs for the widest variety of purposes. Conversely, highly experienced teachers tend to utilize GMs more conservatively, often relying on traditional information retrieval. The correlation analysis indicates that longer experience with GMs correlates with broader use of GMs, especially for creating instructional materials and assignments, though overall usage remains limited to specific tasks. The study reveals the gap between the desired and actual exploitation of the potential of GMs. Teachers express a strong desire to develop competencies in areas such as detailed prompt writing, content creation, and educational analytics, recognising the need to fully understand GMs' potential for the assistance in professional activities. The study concludes that while GMs are predominantly used for content and exercise generation, language teachers' interest in their application for more complex pedagogical tasks is evident, but barriers such as lack of methodological guidelines, ethical concerns, and limited awareness hinder wider adoption. The findings suggest that to fully leverage GMs in foreign language education, targeted professional development, comprehensive methodological support, and clear ethical frameworks are needed.

Keywords: artificial intelligence in education, generative models in language teaching, chatbots in education, educational materials design, educational assessment, educational feedback, lesson planning, learning analytics

For citation: Bogolepova, S.V. (2025) Generative models in foreign language teachers' professional activities: Current state and future prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 150–159. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/18

Введение

Последние годы ознаменовались взрывным развитием технологий искусственного интеллекта, проникшего во все сферы человеческой деятельности. Под искусственным интеллектом (ИИ) подразумеваются компьютерные системы, использующие алгоритмы, имитирующие человеческие возможности и способные выполнять такие задачи, как, например, распознавание речи, принятие решений на основе данных, выявление паттернов и моделирование [1]. Генеративные технологии ИИ, в свою очередь, производят тексты, изображения, программный код, будучи обученными на больших объемах подобных данных. Генеративные модели (ГМ) взаимодействуют с пользователями посредством чат-ботов – компьютерных программ, симулирующих коммуникацию (письменную или устную) [2].

Технологии ИИ могут использоваться преподавателями для образовательной аналитики, оптимизации процесса подготовки к занятиям, организации учебного процесса, автоматической проверки продукции студентов [3, 4]. При обучении иностранным языкам (ИЯ) инструменты ИИ используются для формирования языковых навыков и развития речевых умений, а также их оценки [2, 5, 6]. Проверка работ посредством технологий ИИ позволяет уменьшить предвзятость со стороны проверяющих и обеспечить объективность оценки [7]. Использование инструментов ИИ при обучении ИЯ способствует не только развитию коммуникативной компетенции, но и повышению мотивации студентов и развитию умений саморегуляции [8].

Доступность и простота использования ГМ в последние годы привели к их использованию в различных профессиональных сферах, и образование не является исключением. Они стали мощным инструментом индивидуализации, т.к. ГМ позволяют преподавателю обеспечивать таргетированную обратную связь, планировать обучение и создавать учебные материалы с учетом потребностей группы и отдельных обучающихся [9, 10]. ГМ могут использоваться студентами на разных этапах самостоятельного создания текста (планирование, вычитка, переработка) [11] и преподавателями для анализа письменноречевой продукции студентов [12]. Однако, в силу новизны технологии, задокументированные свидетельства использования ГМ в профессиональной деятельности преподавателей иностранных языков пока единичны, в результате чего до сих пор нет целостного понимания того, для чего ГМ используются наиболее часто и каков запрос преподавателей относительно профессионального развития в этой области.

Таким образом, данное исследование ставит следующие цели:

- определить профессиональные задачи, в решении которых преподавателям ИЯ могут содействовать ГМ;
- выявить, для решения каких профессиональных задач преподаватели ИЯ используют возможности ГМ в настоящее время;
- сравнить практики использования ГМ преподавателями с разным опытом работы с моделями и разным опытом в профессии.

Для достижения первой цели были изучены современные исследования, второй и третьей – проанализированы результаты опроса преподавателей ИЯ. На основе полученных результатов автор определяет, какая поддержка в области использования ИИ необходима преподавателям ИЯ.

Анализ литературы

Для выявления специфики деятельности преподавателей иностранных языков, потенциально осуществляемой с применением ГМ, воспользуемся типологией технологических решений на базе ИИ [4]. Проанализируем как преимущества, так и недостатки использования ГМ при решении различных профессиональных задач.

ГМ могут использоваться преподавателями при обучении ИЯ и студентами при изучении ИЯ, в том числе самостоятельно. ГМ, воздействующие на пользователей посредством чат-ботов, успешно применялись для развития грамматических навыков [13], формирования пунктуационных навыков [14], развития умений письменной речи [15] и умений аргументации [16]. ГМ обеспечивают дополнительную практику говорения, а также способствуют снижению уровня тревожности и выводу в речь изученного языкового материала [17, 18]. Вызовами являются неестественная природа коммуникации с чат-ботами и, соответственно, низкая эмоциональная вовлеченность учащихся [19]. Эффект новизны действует непродолжительное время, и для поддержания вовлеченности рекомендуется ограничивать время взаимодействия учащихся с ГМ [20].

Еще одна область – организация учебного процесса, включающая планирование, оценивание, обеспечение обратной связи, а также разработку материалов для обучения и оценки. Существуют специализированные приложения на основе ИИ для разработки учебных материалов и планирования обучения, однако универсальные ГМ типа ChatGPT не только не уступают им в качестве генерируемого контента, но и в некоторых аспектах превосходят их [21]. Использование ГМ для разработки учебных материалов включает в себя создание текстового и мультимодального контента, инструкций, опор и заданий различных типов [22].

ГМ дают возможность разработать учебные материалы для разных этапов урока. Например, работая в рамках проблемного обучения, преподаватель может создать материалы для мотивации студентов, активизации и оценки фоновых знаний по теме, введения нового материала, а также инструкций по выдвижению гипотез, сбору и анализу данных, презентации результатов [23].

Планы уроков, созданные с помощью ГМ, имеют несомненные плюсы, среди которых адекватная разбивка урока на содержательные сегменты, реалистичные и конкретные планируемые результаты, соответствие заданной теме и методике. О.Н. Стогниева [9] проиллюстрировала процесс создания плана урока английского языка для учеников уровня А2 с разработкой учебных материалов посредством последующих

запросов и пришла к выводу о том, что ГМ могут экономить время преподавателя и давать основу, особенно необходимую начинающим преподавателям ИЯ.

Однако как планы, так и материалы обладают недостатками: не всегда соответствуют запрашиваемому объему и уровню владения языком, имеют ссылки на несуществующие источники или некорректную информацию; в них отсутствует конкретика и глубина, но при этом есть содержательные повторения [24, 25]. В целом они предлагают неоригинальные/стандартные решения и опытному педагогу могут показаться поверхностными [26]. Более того, исследователи подчеркивают нечувствительность генеративных моделей к контексту [26, 27], из-за чего адаптация к требованиям учебного плана, потребностям и индивидуальным особенностям обучающихся является неотъемлемой частью использования ГМ для планирования и организации занятий.

Современные ГМ, обученные на огромных объемах данных, способны не только оценивать письменноречевую продукцию обучающихся, но и предоставлять конкретную и детализированную обратную связь по заданным критериям [12]. Оценки, выставленные ГМ, демонстрируют высокую степень согласованности с оценками преподавателей, при этом результаты оценки зачастую превышают показатели специализированных приложений, таких как Grammarly [28].

Исследования показывают, что обратная связь, предоставляемая ГМ, сопоставима или даже превосходит по качеству обратную связь от преподавателей по ряду критериев. В частности, ГМ более детализировано комментируют аргументацию и язык, причем делают это в мотивирующем конструктивном ключе [29, 30]. Однако обратная связь от ГМ часто недостаточно конкретна для того, чтобы учащийся мог внести исправления в работу; она однообразна, избыточна и сложна для понимания [31, 32]. ГМ также могут помочь в организации коммуникации с другими участниками образовательного процесса, т.к. они способны создавать шаблонные тексты под поставленную задачу [22].

Наконец, еще одна сфера деятельности преподавателей ИЯ, в которой ГМ находят применение, – это управление учебным процессом, включающее в себя учебную аналитику, разработку индивидуальных траекторий и индивидуализацию обучения.

Учебная аналитика, или сбор, анализ и представление данных об учащихся и окружающем их контексте [33] могут успешно проводиться с помощью инструментов ИИ. ГМ, в частности, используются для анализа контрольных и письменных работ студентов, цифровых следов в электронной среде, данных опросов, коммуникации учащихся. Аналитика может быть описательной, агрегирующей и визуализирующей данные, диагностической, позволяющей выявить тенденции и причины, предсказательной, прогнозирующей будущее поведение, или прескриптивной, рекомендующей план последующих действий [34]. Однако при использовании ИИ для учебной аналитики необходимо учитывать требования к работе с персональными данными, ограниченную надежность результатов, а также

понимать ответственность за использование ИИ для решения этой задачи [35].

Таким образом, ГМ могут использоваться преподавателями ИЯ для решения различных профессиональных задач. Однако для эффективного их использования необходимо осознавать не только возможности ГМ, но и ограничения в их применении. Более того, преподаватели должны быть мотивированы к этому и использовать ГМ регулярно, чтобы выработалась соответствующая привычка [36]. Для результативного взаимодействия с ГМ преподавателям необходимо овладеть новыми умениями, в первую очередь, научиться грамотно формулировать запросы и тренировать модели на основе своих данных [37].

Методы

Данные для исследования были собраны посредством электронной анкеты на платформе Yandex Forms в конце 2024 – начале 2025 г. Участие в опросе было добровольным; приглашение к участию в нем было отправлено учителям и преподавателям ИЯ российских школ и университетов посредством электронной почты. Опросы являются инструментом, широко применяемым для сбора информации о практиках, в том числе об использовании технологий ИИ (например, [38]).

В опросе приняли участие 222 преподавателя, проживающих в разных регионах РФ и обучающихся ИЯ в университетах (НИУ ВШЭ, МГПУ, МПГУ, ЮФУ, СФУ и др.), а также в общеобразовательных школах. Опыт работы респондентов с ГМ для решения профессиональных задач был преимущественно «несколько месяцев» (37,8%); чуть менее популярными были ответы «больше года» (33,8%) или «около года» (28,4%). Вопросы касались опыта использования ГМ, целей их использования, способов работы со сгенерированным контентом и умений, которые преподаватели хотели бы освоить. Они были обязательными и предполагали выбор одной или нескольких опций. Комментарии, уточняющие или дополняющие выбранный ответ, были опциональными. Вопрос, касающийся конкретных приемов, которые преподаватели используют при формулировке текстового запроса (промпта), был открытым.

Таблица 1

Профессиональный опыт респондентов

Категория	Кол-во	%
Более двадцати лет	82	36,9
От десяти до двадцати лет	75	33,8
От пяти до десяти лет	31	14
От года до пяти лет	24	10,8
Меньше года	10	4,5

Результаты

Преподаватели ИЯ используют ГМ в первую очередь собственно для генерации: создания учебного

контента, то есть текстового, аудио и видеоматериала (70% ответивших) и создания учебных заданий (77,9%). Меньшее число коллег используют их для создания визуального материала для занятий по ИЯ (43,8%) и поиска фактической информации (40,6%). В немногих случаях возможности генеративных моделей используются для развития умений учебной автономии и самопроверки обучающихся (17,5%), создания стереотипных писем и сообщений (15,7%), проверки работ и формулировки обратной связи (14,3%). Меньше всего модели используются для учебной аналитики (например, для выявления типичных ошибок в работах студентов или определения основного содержания комментариев студентов в формах обратной связи по курсу) и для планирования (11,1% и 7,8% респондентов соответственно).

Что касается создания контента для уроков, преподаватели по большей части генерируют или адаптируют тексты для чтения под уровень и потребности студентов (67,3 и 58,1% респондентов соответственно), а также переводят тексты в аудиоформат (39,2%) и озвучивают видеоконтент (17,5%). В открытых ответах также упоминались разработка программ учебных дисциплин, создание игровых механик, персонализация заданий, схематизация материала, подбор лексического материала. Создаваемые учебные задания затрагивают развитие лексических (81,1%) и грамматических (67,3%) навыков, умений говорения (52,1%) и письма (35,5%). Больше трети ответивших делают шаблоны или опоры для устных и письменных высказываний (38,7%). Только 4,6% респондентов умеют обучать чат-боты под свои цели. Варианты, которые предложили респонденты, – это озвучка текстов и заданий, перевод видео в текстовый формат или отдельные клипы, разработка тестовых заданий, генерация идей для интерактивных заданий. 8,7% респондентов не используют ГМ для создания учебного контента.

Использование ГМ для учебной аналитики и оценивания оказалось малораспространенной практикой (60,4% респондентов не используют ГМ для этих целей). Редко, но практикуются:

- анализ типичных ошибок в работах студентов (21,6% ответивших);
- определение уровня студента на основе письменноречевой продукции (12,9%);
- формулировка обратной связи на основе заданных критериев (15,7%);
- выделение основных идей в комментариях по курсу (7,4%).

Значительная часть преподавателей не обучают своих студентов работе с генеративными моделями (45,3%). Только 27,6% ответивших рассказывают обучающимся, как правильно сформулировать запрос, 30,5% показывают, как генеративные модели могут обеспечить практику говорения, 18,7% демонстрируют, как можно создать и усовершенствовать тексты разных типов, или поощряют студентов к самопроверке письменных работ, 11,3% респондентов предлагают инструменты верификации предложенных моделью фактов. При этом 53,7% ответивших хотели бы понимать, каким образом их студенты могут развивать

умения в иностранном языке с помощью инструментов ИИ. Другие умения работы с генеративными моделями, которыми хотели бы овладеть респонденты, перечислены в табл. 2.

Таблица 2 демонстрирует, что более чем у половины преподавателей ИЯ также есть желание научиться создавать учебный и визуальный контент, формулировать запросы, обучать чат-ботов под свои задачи и осуществлять учебную аналитику с помощью ГМ. Показательно, что 53,2% респондентов хотели бы понять, каков потенциал моделей в их профессиональной деятельности, вероятно, осознавая недостаточность опыта и умений.

Хотя использование ГМ респондентами преимущественно сводится к созданию учебных материалов, пятая часть ответивших признаются, что не проверяют или дорабатывают сгенерированные материалы. Больше половины (59,1%) ответивших, однако, корректируют задания и материалы в соответствии с уровнем и потребностями студентов. Часть респондентов проверяют сложность и уровень сгенерированных текстов с помощью специальных цифровых инструментов или верифицируют фактическую информацию через инструменты поиска (28,1 и 34,5% ответивших соответственно).

Можно выделить паттерны использования ИИ респондентов с разным опытом работы с технологиями. Усредненное количество профессиональных задач, в решении которых преподавателям ассистирует ИИ, повышается с приобретением опыта ($N = 2,54$ – несколько месяцев использования, $N = 3,49$ – до года, $N = 4,12$ – больше года). Наблюдается умеренная положительная корреляция ($r = 0,419$) между опытом и количеством задач на создание учебного контента, которые преподаватель выполняет с помощью ИИ. То же фиксируем и в отношении генерируемых заданий ($r = 0,412$). Также опытные пользователи чаще вовлекают обучающихся в работу с ИИ, хотя корреляции слабые (например, обучение верификации информации – $r = 0,236$, формулировке промптов – $r = 0,219$). Что касается учебной аналитики и оценивания, разница между менее и более опытными коллегами невелика: корреляция слабая ($r = 0,255$), даже среди более опытных коллег 73,2% используют ИИ только для выполнения одного типа задач, наиболее часто – формулировки обратной связи по письменным работам.

Таблица 2

Умения работы с ГМ, которые хотели бы развить респонденты

Аспекты использования генеративных моделей в профессиональной деятельности	Количество выбравших, чел.	Доля выбравших, %
Осуществлять учебную аналитику	116	57,1
Четко и детально формулировать промпты/запросы	113	55,7
Развивать умения студентов с помощью инструментов искусственного интеллекта	109	53,7

Аспекты использования генеративных моделей в профессиональной деятельности	Количество выбравших, чел.	Доля выбравших, %
Обучать чат-ботов под свои задачи	109	53,7
Создавать учебный контент и задания	108	53,2
Понять, каков потенциал моделей в моей профессиональной деятельности	108	53,2
Создавать визуальный материал и презентации	98	48,3
Создавать и редактировать тексты разных жанров	75	36,9

Преподаватели со средним опытом в профессии (5–20 лет) оказались самыми активными пользователями ИИ: только 23% из них хоть раз выбрали ответ «не использую» в разных категориях (34,6% среди менее опытных и 31,2% среди более опытных коллег). Преподаватели всех трех категорий активно вовлечены в генерацию контента и заданий (табл. 3). Преподаватели в начале и середины карьеры более часто, чем их опытные коллеги, используют ИИ для учебной аналитики, профессиональной коммуникации и развития учебной автономии обучающихся, в то время как их опытные коллеги чаще используют ИИ как источник информации. Однако корреляции по всем аспектам слабые, что сигнализирует о большей роли индивидуальных факторов, чем опыта работы в профессии.

Таблица 3

Использование ИИ для разных целей преподавателями с разным опытом работы, %

Профессиональные задачи	Начало карьеры (<5 лет)	Середина карьеры (5–20 лет)	Опытные преподаватели (>20 лет)
Разработка заданий	79,4	77,4	75,6
Создание учебного контента	70,6	66,0	68,3
Поиск информации	41,2	38,7	58,5
Визуализация	32,4	57,0	32,9
Развитие автономии обучающихся	26,5	23,6	9,8
Учебная аналитика	20,6	14,2	6,1
Оценивание	20,6	14,2	12,2
Проф. коммуникация	26,5	19,8	9,8
Планирование	14,7	10,4	6,1

Выбирая точки роста, больше половины преподавателей всех трех категорий выбрали вариант «понять потенциал ГМ в профессиональной деятельности». Преподаватели ИЯ в середины карьеры и опытные коллеги более, чем начинающие педагоги, хотят научиться использовать ГМ для развития навыков и умений обучающихся (54,7% и 56,1% против 41,2%), а также учебной аналитики и оценивания (58,5% и 53,7% против 42,1%).

Отвечая на вопрос, какие приемы преподаватели используют для формулировки текстовых запросов (промптов) для ГМ, респонденты предложили следующие варианты:

- определение роли: *you are a university professor teaching A2 level students...*;
- включение информации об обучающихся (уровень, возраст, особенности);
- ограничения по объему, количеству знаков, типу задания, времени выполнения;
- постановка задачи: *представь, что тебе нужно сделать проект*;
- описание темы и цели задания, коммуникативной ситуации;
- включение материала для использования или анализа, примера или шаблона.

Ответы на данный открытый вопрос были получены от 22 респондентов (9,9%).

Обсуждение результатов

В данном исследовании были проанализированы профессиональные задачи, для выполнения которых преподаватели ИЯ прибегают к помощи ГМ. Было выявлено, что преподаватели ИЯ пользуются возможностями ГМ преимущественно для создания учебного контента и заданий, что свидетельствует о том, что ГМ задействованы в профессиональной деятельности преподавателей ИЯ достаточно ограниченно. Однако также можем констатировать, что у респондентов есть запрос на более осознанное и активное использование ГМ для решения профессиональных задач.

Одной из сфер, в которой преподаватели хотели бы работать с ГМ более активно, – это развитие учебной автономии и коммуникативных умений обучающихся посредством использования ими ГМ. Хотя студенты интересуются изучением ИЯ и активно используют ГМ, инструменты ИИ для самостоятельного изучения ИЯ используются ими довольно редко [13]. Одной из причин, по которой преподаватели избегают вовлечения обучающихся в работу с генеративным ИИ и использования ГМ для оценки работ, могут быть этические соображения и непонимание возможных последствий: применение ГМ до сих пор является «серой зоной» с неуточненным регулированием. Более того, не во всех образовательных контекстах реализуется принцип доступности и прозрачности, в соответствии с которым каждый обучающийся имеет необходимые технические средства и обучен осознанному применению технологий [39].

Инструменты ИИ имеют потенциал для развития учебной автономии обучающихся [40]; при этом необходимо демонстрировать учащимся как возможности,

так и ограничения инструментов ИИ во избежание их бездумного использования, ведь последнее приводит не к развитию умений, а, напротив, к их деградации [41]. Преподаватели, в свою очередь, пока не имеют методических рекомендаций по использованию ГМ и учатся работать с ними методом проб и ошибок. Необходимо разработка конкретных методик взаимодействия с ИИ [42], причем как для преподавателя, так и для обучающегося.

Преподаватели ИЯ, имеющие более длительный опыт работы с ГМ, более активно используют их в практической деятельности, что было ранее показано и на студентах [43]. Но аккумуляции опыта недостаточно для того, чтобы перейти на новый уровень использования ГМ и начать применять их для выполнения более сложных по сравнению с генерацией материала задач, таких как учебная аналитика и оценивание.

Преподаватели с большим опытом работы, как видится, менее склонны экспериментировать с ИИ и более всего нуждаются в формальном обучении и поддержке. Комплексная методическая поддержка должна охватывать компоненты компетенции преподавателя ИЯ в области использования ИИ как «интегральной, многоуровневой и целостной профессионально-личностной характеристики, отражающей <...> готовность и способность <преподавателя> к проектированию учебного процесса с использованием технологий ИИ и с учетом их адаптации к различным профессиональным ситуациям в процессе реализации целей обучения ИЯ» [44. С. 169] с акцентом на задачах, которые можно выполнять посредством ГМ, и обеспечивать преподавателя соответствующими материалами. На основе матрицы, составленной С.В. Колядко и др. [44. С. 171–172], автор предлагает содержание такой поддержки (табл. 4).

Таблица 4

Содержание комплексной методической поддержки преподавателей ИЯ в аспекте использования ГМ

Компонент компетенции	Вопросы, на которые необходимо ответить	Методические и информационные материалы
Гностический	Как нормативно-правовые документы регламентируют использование ГМ в образовании? Каковы особенности работы ГМ и чем они обусловлены? Каким образом можно встроить использование ГМ в проектирование и реализацию обучения? Какие возможные риски необходимо учесть при внедрении ГМ в профессиональную деятельность? Как правильно составить запрос ГМ?	– Справочник по регулированию использования ИИ и ГМ в учебном процессе; – памятка по защите персональных данных; – гайд по особенностям работы ГМ и их этичному применению; – руководство по интеграции ГМ в учебный процесс (от анализа потребностей и планирования обучения до оценивания); – алгоритмы формулировки текстового запроса и взаимодействия с ГМ
Аффективный	Какие преимущества имеет внедрение ГМ в профессиональную деятельность? Как мотивировать обучающихся при работе с ГМ и поддерживать их вовлеченность?	– Инфографика, иллюстрирующая преимущества использования ГМ; – кейсы успешного внедрения; – банк интерактивных и геймифицированных заданий
Процессуально-деятельностный	Какие ГМ использовать для оптимального решения различных задач? Как создавать контент с учетом планируемых результатов обучения, потребностей обучающихся и других особенностей контекста? Как методически грамотно редактировать созданный контент? Как организовать самостоятельную работу обучающихся с ГМ? Как обеспечить этичное и разумное использование ИИ студентами?	– Алгоритм «Как выбрать ГМ под задачу»; – сравнительная таблица, иллюстрирующая потенциал и ограничения различных ГМ для решения профессиональных задач; – типовые промпты для различных задач и типов контента; – учебные (проблемные) кейсы с решениями; – шаблоны сценариев для работы обучающихся с ГМ; – свод правил для обучающихся при работе с ГМ
Рефлексивно-оценочный	Как оценивать качество, валидность и надежность сгенерированных материалов для их доработки? Как оптимизировать работу с определенной ГМ для достижения оптимального результата?	– Чек-листы для методической оценки сгенерированного контента; – алгоритм доработки контента в зависимости от поставленной задачи; – инструкция по пошаговой оптимизации работы с ГМ

Такая поддержка будет способствовать формированию понимания особенностей функционирования ГМ, их возможностей и ограничений, обеспечению преподавателей инструментами и техниками работы с ГМ, а также формированию мотивации и вовлеченности преподавателей и студентов. Более того, она затронет важную тему этических и правовых аспектов использования ГМ. Хотя в Российской Федерации реализуется федеральный проект «Искусственный интеллект», подразумевающий внедрение ИИ в

том числе в сферу образования, регуляция происходит в основном на уровне отдельных образовательных учреждений (например, [45]). Обучающиеся, к сожалению, далеко не всегда осознают этические аспекты и риски использования инструментов ИИ [46], поэтому на преподавателей, внедряющих ГМ в своей предметной области, будет ложиться и нагрузка по повышению осведомленности студентов в общих вопросах применения ГМ. Видится, что работа должна идти в трех направлениях: защита собственных и чужих

персональных данных, соблюдение авторских прав и принятие ответственности за результаты работы с ГМ. Последнее, в свою очередь, будет включать декларирование использования ГМ при выполнении предметных задач с указанием используемой модели и цели ее применения, редактирование сгенерированного контента с учетом специальных знаний и требований регламентирующих документов, а также верификация сгенерированных данных как в языковом, так и в содержательном аспектах. Это позволит соблюсти принципы использования ИИ в образовании: конфиденциальности и безопасности, приоритета диалогового взаимодействия, четкости и однозначности правил применения ИИ [39].

Выводы

Преподаватели ИЯ в основном используют ГМ для создания учебного контента и заданий, при этом их потенциал для выполнения более сложных задач остается незадействованным. Несмотря на высокий интерес к освоению новых умений работы с ИИ, разрыв между желаемым и действительным остается значительным. Опыт работы с ИИ способствует расширению профессиональных возможностей преподавателей, однако для полноценного внедрения технологий необходимо разработать комплексную методическую поддержку и повысить осведомленность о возможностях и ограничениях ГМ, а также обозначить рамки их использования с этической точки зрения.

Список источников

1. Moorhouse B.L., Kohnke L. The effects of generative AI on initial language teacher education: The perceptions of teacher educators // *System*. 2024. Vol. 122. Article No. 103290. doi: 10.1016/j.system.2024.103290
2. Belda-Medina J., Calvo-Ferrer J.R. Using Chatbots as AI conversational partners in language learning // *Applied Sciences*. 2022. Vol. 12, № 17. Article No. 8427. doi: 10.3390/app12178427
3. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 10. С. 9–33. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33
4. Титова С.В. Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам: аналитический обзор // *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. Т. 27, № 2. С. 18–37.
5. Crompton H., Edmett A., Ichaporia N., Burke D. AI and English language teaching: Affordances and challenges // *British Journal of Educational Technology*. 2024. Vol. 55. P. 2503–2529. doi: 10.1111/bjet.13460
6. Jeon J., Lee S. Large language models in education: A focus on the complementary relationship between human teachers and ChatGPT // *Education and Information Technologies*. 2023. Vol. 28, № 12. P. 15873–15892. doi: 10.1007/s10639-023-11834-1
7. Austin T., Rawal B.S., Diehl A., Cosme J. AI for equity: Unpacking potential human bias in decision making in higher education // *IntechOpen*. 2023. doi: 10.5772/acrt.20
8. Wei L. Artificial intelligence in language instruction: Impact on English learning achievement, L2 motivation, and self-regulated learning // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Article No. 1261955. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1261955
9. Стогниева О.Н. Использование ChatGPT в планировании учебных занятий по английскому языку // *Информатика и образование*. 2024. Т. 39, № 4. С. 77–89. doi: 10.32517/0234-0453-2024-39-4-77-89
10. Yu H., Guo Y. Generative artificial intelligence empowers educational reform: Current status, issues, and prospects // *Frontiers in Education*. 2023. Vol. 8. Article No. 1183162. doi: 10.3389/educ.2023.1183162
11. Su Y., Lin Y., Lai C. Collaborating with ChatGPT in argumentative writing classrooms // *Assessing Writing*. 2023. Vol. 57. Article No. 100752. doi: 10.1016/j.asw.2023.100752
12. Li W., Liu H. Applying large language models for automated essay scoring for non-native Japanese // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Article No. 723. doi: 10.1057/s41599-024-03209-9
13. Абраменко А.П., Буланова Е.Р. Перспективы развития самостоятельной работы студентов в контексте интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное образование // *Рема. Rhema*. 2024. № 1. С. 79–91. doi: 10.31862/2500-2953-2024-1-79-91
14. Vázquez-Cano E., Mengual-Andrés S., López-Meneses E. Chatbot to improve learning punctuation in Spanish and to enhance open and flexible learning environments // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2021. Vol. 18. Article No. 33. doi: 10.1186/s41239-021-00269-8
15. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Методика обучения учащихся и студентов написанию эссе в триаде «обучающийся – преподаватель – искусственный интеллект» // *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. Т. 27, № 2. С. 38–54.
16. Shi Z., Liu F., Lai C., Jin T. Enhancing the use of evidence in argumentative writing through collaborative processing of content-based automated writing evaluation feedback. *Language Learning & Technology*. 2022. Vol. 26, № 2. P. 106–128. doi: 10.1257/73481
17. Annamalai N., Rashid R.A., Hashmi U.M., Mohamed M., Alqaryouti M.H., Sadeq A.E. Using chatbots for English language learning in higher education // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2023. Vol. 5. Article No. 100153. doi: 10.1016/j.caeai.2023.100153
18. Huang W., Hew K.F., Fryer L.K. Chatbots for language learning – Are they really useful? A systematic review of chatbot-supported language learning // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2022. Vol. 38. P. 237–257. doi: 10.1111/jcal.12610
19. Xiao Y., Zhang T., He J. The promises and challenges of AI-based chatbots in language education through the lens of learner emotions // *Heliyon*. 2024. Vol. 10, № 18. Article No. e37238. doi: 10.1016/j.heliyon.2024.e37238
20. Wu R., Yu Z. Do AI chatbots improve students' learning outcomes? Evidence from a meta-analysis // *British Journal of Educational Technology*. 2024. Vol. 55. P. 10–33. doi: 10.1111/bjet.13334
21. Боголепова С.В., Бабасян Е.Р. Возможности искусственного интеллекта для разработки учебных и оценочных заданий по иностранным языкам // *Преподаватель XXI век*. 2024. № 1. С. 137–154. doi: 10.31862/2073-9613-2024-1-137-154
22. Trust T., Whalen J., Mouza C. Editorial: ChatGPT: Challenges, opportunities, and implications for teacher education // *Contemporary Issues in Technology and Teacher Education*. 2023. Vol. 23. No. 1. P. 1–23.
23. Moundridou M., Matzakos N., Doukakis S. Generative AI tools as educators' assistants: Designing and implementing inquiry-based lesson plans // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2024. Vol. 7. Article No. 100277. doi: 10.1016/j.caeai.2024.100277
24. Евстигнеев М.Н. Планирование учебного занятия по иностранному языку с помощью технологий генеративного искусственного интеллекта // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 29, № 3. С. 617–634. doi: 10.20310/1810-0201-2024-29-3-617-634
25. Davis R.O., Lee Y.J. Prompt: ChatGPT, Create My Course, Please! // *Education Sciences*. 2024. Vol. 14, № 1. Article No. 24. doi: 10.3390/educsci14010024

26. Lammert C., DeJulio S., Grote-Garcia S., Fraga L.M. Better than nothing? An analysis of AI-generated lesson plans using the universal design for learning & transition frameworks // *The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas*. 2024. Vol. 97, № 5. P. 168–175. doi: 10.1080/00098655.2024.2427332
27. Kehoe F. Leveraging generative AI tools for enhanced lesson planning in initial teacher education at post primary // *Irish Journal of Technology Enhanced Learning*. 2023. Vol. 7. P. 172–182. doi: 10.22554/ijtel.v7i2.124
28. Mizumoto A., Eguchi M. Exploring the potential of using an AI language model for automated essay scoring // *Research Methods in Applied Linguistics*. 2023. Vol. 2, № 2. Article No. 100050. doi: 10.1016/j.rmal.2023.100050
29. Сысоев П.В., Филатов Е.М., Хмаренко Н.И., Мурунов С.С. Преподаватель vs искусственный интеллект: сравнение качества предоставляемой преподавателем и генеративным искусственным интеллектом обратной связи при оценке письменных творческих работ студентов // *Перспективы науки и образования*. 2024. № 5 (71). doi: 10.32744/pse.2024.5.41
30. Guo K., Wang D. To resist it or to embrace it? Examining ChatGPT's potential to support teacher feedback in EFL writing // *Education and Information Technologies*. 2024. Vol. 29. P. 8435–8463. doi: 10.1007/s10639-023-12146-0
31. Jansen T., Höft L., Bahr L., Fleckenstein J., Möller J., Köller O., Meyer J. Empirische arbeit: Comparing generative AI and expert feedback to students' writing: Insights from student teachers // *Psychologie in Erziehung und Unterricht*. 2024. Vol. 71, № 2. P. 80–92. doi: 10.2378/peu2024.art08d
32. Боголепова С.В., Жаркова М.Г. Исследование потенциала генеративных моделей для оценивания эссе и обеспечения обратной связи // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2024. Т. 1, № 5(101). С. 123–137. doi: 10.24412/2224-0772-2024-101-123-137
33. Другова Е.А., Журавлева И.И., Захарова У.С., Сотникова В.Е., Яковлева К.И. Искусственный интеллект для учебной аналитики и этапы педагогического проектирования: обзор решений // *Вопросы образования*. Educational Studies Moscow. 2022. № 4. С. 107–153. doi: 10.17323/1814-9545-2022-4-107-153
34. Yan L., Martinez-Maldonado R., Gasevic D. Generative artificial intelligence in learning analytics: Contextualising Opportunities and challenges through the learning analytics cycle // *Proceedings of the 14th Learning Analytics and Knowledge Conference (LAK '24)*. 2024. P. 101–111. doi: 10.1145/3636555.3636856
35. Alfredo R., Echeverria V., Jin Y., Yan L., Swiecki Z., Gašević D., Martinez-Maldonado R. Human-centred learning analytics and AI in education: A systematic literature review // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2024. Vol. 6. Article No. 100215. doi: 10.1016/j.caeai.2024.100215
36. Acquah B.Y., Arthur F., Salifu I., Quayson E., Nortey S.A. Preservice teachers' behavioural intention to use artificial intelligence in lesson planning: A dual-staged PLS-SEM-ANN approach // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2024. Article No. 100307. doi: 10.1016/j.caeai.2024.100307
37. Giannakos M., Azevedo R., Brusilovsky P., Cukurova M., Dimitriadis Y., Hernandez-Leo D., Mavrikis M., Rienties B. The promise and challenges of generative AI in education // *Behaviour & Information Technology*. 2024. P. 1–27. doi: 10.1080/0144929X.2024.2394886
38. Потемкина Т.В., Авдеева Ю.А., Иванова У.Ю. Взаимодействие с искусственным интеллектом как потенциал программы обучения иностранному языку в аспирантуре // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 33, № 5. С. 67–85. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-67-85
39. Курьян С.М., Петрушкевич М.А. Этические принципы применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе // *Мир науки, культуры, образования*. 2025. № 2 (111). С. 411–414. doi: 10.24412/1991-5497-2025-2111-411-414
40. Chang W.-L., Sun J.Ch.-Y. Evaluating AI's impact on self-regulated language learning: A systematic review // *System*. 2024. Vol. 126. Article No. 103484. doi: 10.1016/j.system.2024.103484
41. Szabó F., Szoke J. How does generative AI promote autonomy and inclusivity in language teaching? // *ELT Journal*. 2024. Vol. 78, № 4. P. 478–488. doi: 10.1093/elt/ccae052
42. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 4. С. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
43. Ventura A.M.C., Lopez L.S. Unlocking the future of learning: Assessing students' awareness and usage of AI tools // *International Journal of Information and Education Technology*. 2024. Vol. 14. No 8. P. 1136–1144.
44. Колядко С.В., Мартыненко Л.Г., Глухова Ю.Н. Цифровая компетенция будущего учителя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта: содержательный аспект // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 504. С. 164–174. doi: 10.17223/15617793/504/18
45. Тивьева И.В., Михайлова С.В., Казанцева А.А. Регламентирование использования средств генеративного искусственного интеллекта в выпускной квалификационной работе // *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2024. № 2 (54). С. 202–218. doi: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.15
46. Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33, № 2. С. 31–53. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53

References

1. Moorhouse, B.L. & Kohnke, L. (2024) The effects of generative AI on initial language teacher education: The perceptions of teacher educators. *System*. 122. Article 103290. doi: 10.1016/j.system.2024.103290
2. Belda-Medina, J. & Calvo-Ferrer, J.R. (2022) Using Chatbots as AI conversational partners in language learning. *Applied Sciences*. 17 (12). Article 8427. doi: 10.3390/app12178427
3. Sysoev, P.V. (2023) *Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: osvedomlennost', gotovnost' i praktika primeneniya prepodavatelyami vysshey shkoly tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v professional'noy deyatel'nosti* [Artificial intelligence in education: awareness, readiness, and practice of using AI technologies by university teachers in professional activity]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 10 (32). pp. 9–33. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33
4. Titova, S.V. (2024) *Tekhnologicheskiye resheniya na baze iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam: analiticheskiy obzor* [AI-based technological solutions in foreign language teaching: analytical review]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2 (27). pp. 18–37.
5. Crompton, H. et al. (2024) AI and English language teaching: Affordances and challenges. *British Journal of Educational Technology*. 55. pp. 2503–2529. DOI: 10.1111/bjet.13460
6. Jeon, J. & Lee, S. (2023) Large language models in education: A focus on the complementary relationship between human teachers and ChatGPT. *Education and Information Technologies*. 12 (28). pp. 15873–15892. doi: 10.1007/s10639-023-11834-1
7. Austin, T. et al. (2023) AI for equity: Unpacking potential human bias in decision making in higher education. *IntechOpen*. doi: 10.5772/acrt.20
8. Wei, L. (2023) Artificial intelligence in language instruction: Impact on English learning achievement, L2 motivation, and self-regulated learning. *Frontiers in Psychology*. 14. Article 1261955. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1261955
9. Stognieva, O.N. (2024) *Ispol'zovaniye ChatGPT v planirovaniy uchebnykh zanyatiy po angliyskomu yazyku* [Using ChatGPT in Planning English Lessons]. *Informatika i obrazovaniye*. 4 (39). pp. 77–89. doi: 10.32517/0234-0453-2024-39-4-77-89

10. Yu, H. & Guo, Y. (2023) Generative artificial intelligence empowers educational reform: Current status, issues, and prospects. *Frontiers in Education*. 8. Article 1183162. doi: 10.3389/educ.2023.1183162
11. Su, Y., Lin, Y. & Lai, C. (2023) Collaborating with ChatGPT in argumentative writing classrooms. *Assessing Writing*. 57. Article 100752. doi: 10.1016/j.asw.2023.100752
12. Li, W. & Liu, H. (2024) Applying large language models for automated essay scoring for non-native Japanese. *Humanities and Social Sciences Communications*. 11. Article 723. doi: 10.1057/s41599-024-03209-9
13. Avramenko, A.P. & Bulanova, E.R. (2024) Perspektivy razvitiya samostoyatel'noy raboty studentov v kontekste integratsii tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v inoyazychnoye obrazovaniye [Prospects for student independent work development in the context of AI technologies integration in foreign language education]. *Rema. Rhema*. 1. pp. 79–91. doi: 10.31862/2500-2953-2024-1-79-91
14. Vázquez-Cano, E., Mengual-Andrés, S. & López-Meneses, E. (2021) Chatbot to improve learning punctuation in Spanish and to enhance open and flexible learning environments. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 18. Article 33. doi: 10.1186/s41239-021-00269-8
15. Sysoev, P.V. & Filatov, E.M. (2024) Metodika obucheniya uchashchikhsya i studentov napisaniyu esse v triade "obuchayushchiysya – prepodavatel' – iskusstvennyy intellekt" [Methodology of teaching students to write essays in the triad "learner – teacher – artificial intelligence"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2 (27). pp. 38–54.
16. Shi, Z. et al. (2022) Enhancing the use of evidence in argumentative writing through collaborative processing of content-based automated writing evaluation feedback. *Language Learning & Technology*. 2 (26). pp. 106–128. doi: 10.125/73481
17. Annamalai, N. et al. (2023) Using chatbots for English language learning in higher education. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 5. Article 100153. doi: 10.1016/j.caeai.2023.100153
18. Huang, W., Hew, K.F. & Fryer, L.K. (2022) Chatbots for language learning – Are they really useful? A systematic review of chatbot-supported language learning. *Journal of Computer Assisted Learning*. 38. pp. 237–257. doi: 10.1111/jcal.12610
19. Xiao, Y., Zhang, T. & He, J. (2024) The promises and challenges of AI-based chatbots in language education through the lens of learner emotions. *Heliyon*. 18 (10). Article e37238. doi: 10.1016/j.heliyon.2024.e37238
20. Wu, R. & Yu, Z. (2024) Do AI chatbots improve students' learning outcomes? Evidence from a meta-analysis. *British Journal of Educational Technology*. 55. pp. 10–33. doi: 10.1111/bjet.13334
21. Bogolepova, S.V. & Babasyan, E.R. (2024) Vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta dlya razrabotki uchebnykh i otsenochnykh zadaniy po inostrannym yazykam [Opportunities of artificial intelligence for designing educational and assessment tasks in foreign languages]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1. pp. 137–154. doi: 10.31862/2073-9613-2024-1-137-154
22. Trust, T., Whalen, J. & Mouza, C. (2023) Editorial: ChatGPT: Challenges, opportunities, and implications for teacher education. *Contemporary Issues in Technology and Teacher Education*. 1 (23). pp. 1–23.
23. Moundridou, M., Matzakos, N. & Doukakis, S. (2024) Generative AI tools as educators' assistants: Designing and implementing inquiry-based lesson plans. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 7. Article 100277. doi: 10.1016/j.caeai.2024.100277
24. Evstigneev, M.N. (2024) Planirovanie uchebnogo zanyatiya po inostrannomu yazyku s pomoshch'yu tekhnologiy generativnogo iskusstvennogo intellekta [Planning foreign language lesson using generative AI technologies]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3 (29). pp. 617–634. doi: 10.20310/1810-0201-2024-29-3-617-634
25. Davis, R.O. & Lee, Y.J. (2024) Prompt: ChatGPT, create my course, please! *Education Sciences*. 1 (14). Article 24. doi: 10.3390/educsci14010024
26. Lammert, C. et al. (2024) Better than nothing? An analysis of AI-generated lesson plans using the universal design for learning & transition frameworks. *The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas*. 5 (97). pp. 168–175. doi: 10.1080/00098655.2024.2427332
27. Kehoe, F. (2023) Leveraging generative AI tools for enhanced lesson planning in initial teacher education at post primary. *Irish Journal of Technology Enhanced Learning*. 7. pp. 172–182. doi: 10.22554/ijtel.v7i2.124
28. Mizumoto, A. & Eguchi, M. (2023) Exploring the potential of using an AI language model for automated essay scoring. *Research Methods in Applied Linguistics*. 2 (2). Article 100050. doi: 10.1016/j.rmal.2023.100050
29. Sysoev, P.V. et al. (2024) Prepodavatel' vs iskusstvennyy intellekt: sravneniye kachestva predostavlyayemoy prepodavatelem i generativnym iskusstvennym intellektom obratnoy svyazi pri otsenke pis'mennykh tvorcheskikh rabot studentov [Teacher vs artificial intelligence: quality comparison of teacher and generative AI feedback in assessing students' written creative work]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 5 (71). doi: 10.32744/pse.2024.5.41
30. Guo, K. & Wang, D. (2024) To resist it or to embrace it? Examining ChatGPT's potential to support teacher feedback in EFL writing. *Education and Information Technologies*. 29. pp. 8435–8463. doi: 10.1007/s10639-023-12146-0
31. Jansen, T. et al. (2024) Empirische arbeit: Comparing generative AI and expert feedback to students' writing: Insights from student teachers. *Psychologie in Erziehung und Unterricht*. 2 (71). pp. 80–92. doi: 10.2378/peu2024.art08d
32. Bogolepova, S.V. & Zharkova, M.G. (2024) Issledovaniye potentsiala generativnykh modeley dlya otsenivaniya esse i obespecheniya obratnoy svyazi [Research on the potential of generative models for essay grading and feedback provision]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 5-1 (101). pp. 123–137. doi: 10.24412/2224-0772-2024-101-123-137
33. Drugova, E.A. et al. (2022) Iskusstvennyy intellekt dlya uchebnoy analitiki i etapy pedagogicheskogo proektirovaniya: obzor resheniy [Artificial intelligence for learning analytics and stages of pedagogical design: review of solutions]. *Voprosy obrazovaniya. Educational Studies Moscow*. 4. pp. 107–153. doi: 10.17323/1814-9545-2022-4-107-153
34. Yan, L., Martinez-Maldonado, R. & Gasevic, D. (2024) [Generative artificial intelligence in learning analytics: Contextualising opportunities and challenges through the learning analytics cycle]. *Proceedings of the 14th Learning Analytics and Knowledge Conference (LAK '24)*. Kyoto. 18–22 March 2024. New York: Association for Computing Machinery. pp. 101–111. doi: 10.1145/3636555.3636856
35. Alfredo, R. et al. (2024) Human-centred learning analytics and AI in education: A systematic literature review. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 6. Article 100215. doi: 10.1016/j.caeai.2024.100215
36. Acquah, B.Y. et al. (2024) Preservice teachers' behavioural intention to use artificial intelligence in lesson planning: A dual-staged PLS-SEM-ANN approach. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. Article 100307. doi: 10.1016/j.caeai.2024.100307
37. Giannakos, M. et al. (2024) The promise and challenges of generative AI in education. *Behaviour & Information Technology*. pp. 1–27. doi: 10.1080/0144929X.2024.2394886
38. Potemkina, T.V., Avdeyeva, Y.A. & Ivanova, U.Yu. (2023) Vzaimodeystviye s iskusstvennym intellektom kak potentsial programmy obucheniya inostrannomu yazyku v aspiranture [Interaction with artificial intelligence as the potential of foreign language training program in postgraduate study]. *Vysshneye obrazovaniye v Rossii*. 5 (33). pp. 67–85. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-67-85
39. Kuryan, S.M. & Petrushkevich, M.A. (2025) Eticheskkiye printsipy primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nom protsesse [Ethical principles for the use of artificial intelligence technologies in education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (111). pp. 411–414. doi: 10.24412/1991-5497-2025-2111-411-414
40. Chang, W.-L. & Sun, J.Ch.-Y. (2024) Evaluating AI's impact on self-regulated language learning: A systematic review. *System*. 126. Article 103484. doi: 10.1016/j.system.2024.103484
41. Szabó, F. & Szoke, J. (2024) How does generative AI promote autonomy and inclusivity in language teaching? *ELT Journal*. 4 (78). pp. 478–488. doi: 10.1093/elt/ccae052

42. Ivakhnenko, E.N. & Nikol'skiy, V.S. (2023) ChatGPT v vysshem obrazovanii i nauke: ugroza ili tsennyy resurs? [ChatGPT in higher education and science: threat or valuable resource?]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 4 (32). pp. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
43. Ventura, A.M.C. & Lopez, L.S. (2024) Unlocking the future of learning: Assessing students' awareness and usage of AI tools. *International Journal of Information and Education Technology*. 8 (14). pp. 1136–1144.
44. Kolyadko, S.V., Martynenko, L.G. & Glukhova, Yu.N. (2024) Digital competence of a future foreign language teacher in using artificial intelligence technologies: A content and technological aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 164–174. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/18
45. Tiv'iaeva, I.V., Mikhaylova, S.V. & Kazantseva, A.A. (2024) Reglamentirovaniye ispol'zovaniya sredstv generativnogo iskusstvennogo intellekta v vypusknoy kvalifikatsionnoy rabote [Regulation of generative AI use in final qualification work]. *Vestnik MGPU. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye"*. 2 (54). pp. 202–218. doi: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.15
46. Sysoev, P.V. (2024) Etika i II-plagiat v akademicheskoy srede: ponimaniye studentami voprosov soblyudeniya avtorskoy etiki i problemy plagiata v protsesse vzaimodeystviya s generativnym iskusstvennym intellektom [Ethics and AI-plagiarism in academia: students' understanding of copyright ethics compliance issues and plagiarism problems in interaction with generative AI]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 2 (33). pp. 31–53. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53

Информация об авторе:

Боголепова С.В. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: sbogolepova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Bogolepova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: sbogolepova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.05.2025;
одобрена после рецензирования 22.08.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 22.05.2025;
approved after reviewing 22.08.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/518/19

Сигма-эффект в практике организации обучения в вузе

Марина Ефимовна Вайндорф-Сысоева¹, Марина Львовна Субочева²

^{1, 2} Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹ vs.me@mpgu.su

² subo4eva.marina@yandex.ru

Аннотация. Актуализирована проблема организации продуктивного обучения с прогнозируемым результатом в условиях неопределенности. Представлен многолетний научно осмысленный опыт построения системы адаптивного обучения на примере магистратуры. Сделан вывод о возможности «переноса» и адаптации бизнес-концепций (концепция «Шесть сигм», теория бережливого управления) в образование с сохранением эффективного результата.

Ключевые слова: адаптивное обучение, шесть сигм, бережливое управление, дистанционные образовательные технологии, комфортная среда, продуктивное обучение, магистратура, специализированное высшее образование, дефициты в знаниях

Для цитирования: Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Сигма-эффект в практике организации обучения в вузе // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 160–170. doi: 10.17223/15617793/518/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/19

Sigma effect in the practice of organizing education in a university

Marina E. Vayndorf-Sysoeva¹, Marina L. Subocheva²

^{1, 2} Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

¹ vs.me@mpgu.su

² subo4eva.marina@yandex.ru

Abstract. The establishment of a national model for specialized higher education, particularly in teacher training, that meets the demands of the modern digital society, has underscored the need to explore pathways for creating a new system of pedagogical staff development. The aim of the article is to develop an effective system of adaptive learning at the specialized higher education level within the context of educational digitalization. This system is based on the integration of the Six Sigma concept and lean management theory, combined with an analysis of existing experience. A practice-oriented study was conducted at the Institute of Physics, Technology, and Information Systems of Moscow Pedagogical State University (master's program "Electronic Educational Technologies") from 2013 to the present. The total number of students enrolled in the master's program was 174 (2013–2024), of whom 96 completed their studies, 40 are currently enrolled (as of July 2025), 38 did not complete their studies for various reasons, and 109 participated in surveys. The presentation of the core material reflects the progression of the experimental work, which followed a specific logical sequence. The authors analyzed the Six Sigma concept and defined specialized learning principles in accordance with it; examined lean management theory and identified approaches applicable to education; explored the principles of adaptive learning as preparation for knowledge enhancement and adaptation to the educational process; and studied the theory of effective management of educational systems. Furthermore, a complex of identified deficits in basic knowledge, the ability to manage learning, and the skills to learn and teach remotely (within the specific master's program) – all impacting professional skill development – enabled the design of an adaptive learning system. This system is implemented as a sigma-effect through the careful management of processes, taking into account an adapted model of student–content–learning suited to new conditions. For the practical application of the proposed adaptive learning system, the authors developed approaches to implementing the identified and justified principles of instructional design, as well as solutions for managing knowledge deficits that affect the organization of the educational process, including in digital learning environments. These elements must be considered when organizing a holistic educational process within a digital educational environment. This article concludes a research project aimed at developing an adaptive learning system, implemented as a sigma-effect through careful process management. This approach, in turn, enables the qualitative improvement of the educational process, reduces learning barriers, manages existing and emerging deficits, and demonstrates the sigma-effect in education.

Keywords: adaptive learning, Six Sigma, lean management, distance learning technologies, comfortable environment, productive learning, master's degree, specialized higher education, knowledge deficits

For citation: Vayndorf-Sysoeva, M.E. & Subocheva, M.L. (2025) Sigma effect in the practice of organizing education in a university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 160–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/19

В современном обществе, общей характерной чертой которого принято считать цифровизацию всех сфер его жизнедеятельности, одним из условий профессионального развития специалиста становится широкое использование цифровых ресурсов и цифровых технологий в профессиональной деятельности. Такую возможность освоить необходимые навыки предоставляют, в частности, высшие учебные заведения на уровне специализированного высшего образования (до 2023–2024 учебного года функцию этого уровня образования выполняла магистратура). Одной из таких программ стала открытая в 2013 г. магистерская программа «Электронные образовательные технологии» (далее «ЭОТ»).

Анализ исследований и публикаций

Ежегодный качественный анализ состава магистрантов первого года обучения, анкетирование для изучения запросов на содержание обучения, которое осуществляется с 2013/2014 учебного года, позволили сделать ряд выводов. Магистранты программы «ЭОТ» имеют:

- опыт практической профессиональной деятельности, достигли определенных профессиональных успехов (иногда это наличие ученой степени, или наличие своего собственного коммерческого предприятия или люди, занимающие определенные административные должности в разных сферах экономической или социальной жизни и т.п.);
- цель – систематизировать имеющиеся у него собственные знания и умения в области собственной профессиональной деятельности; поменять профессию в процессе обучения или по его окончании; расширить знания за счет освоения новых возможностей цифровых технологий; проявить себя в новой предметной области; продвинуться по карьерной лестнице;
- систему организации самостоятельной работы и обучения, собственный опыт коммуникации в деловой и личной сферах взаимодействия (до 93%);
- ситуацию необходимости смены профессиональной деятельности (в силу разных причин, которые для организации обучения не имеют принципиального значения) – не более 3%;
- стаж работы на момент поступления в магистратуру (от выпускников бакалавриата до 20–25 лет стажа);
- базовое педагогическое образование – 62% студентов; 38% – студенты, имеющие различное, непдагогическое образование (юристы, аудиторы, экономисты, индивидуальные предприниматели, руководители отделов и др.);
- уровень учебной мотивации достаточно высокий на момент поступления обучения на программу, что само по себе, исходя из многолетнего опыта работы, не является гарантией устойчивого ее сохранения.

Кроме этого, ежегодное анкетирование студентов 1 курса (с 2013 по 2024 г.), целью которого было выяснить ожидания обучающихся от освоения выбранной ими программы, позволило сформулировать несколько типичных вариантов ответов:

- найти независимых единомышленников – 24%;
- научиться взаимодействовать в интернете в учебных целях – 21%;
- изменить квалификацию и стать успешным – 15%;
- учиться как учить своих детей – 11%;
- убедиться в правильности организации собственной деятельности – 8%;
- освоить цифровые методы и приемы организации обучения – 5%;
- красиво говорить онлайн – 5%;
- узнать что-то новое – 4%;
- научиться управлять коллегами, и не только в цифровой среде – 2%;
- другое – 5%.

Изложение основного материала

Важными компонентами для организации процесса обучения в магистратуре явились диагностика и анализ возникающих дефицитов в знаниях обучающихся, которые препятствуют эффективному обучению. Среди значимых дефицитов, выявленных в процессе исследования и наблюдения, отметим следующие: дефицит в базовых знаниях, умение управлять обучением, умение учиться и учить дистанционно, использование искусственного интеллекта в работе преподавателя и студента; целесообразное использование ЭОР, адаптация их возможностей к своей профессиональной деятельности и др. [1, 2].

Проанализируем типовые дефициты студентов. Задача преподавателя – заранее выявлять препятствующие продвижению дефициты и соотносить прогноз с реальной динамикой. Связь дисциплины с ранее освоенными курсами позволяет управлять ожидаемыми и текущими дефицитами.

Дефицит в знаниях. ФГОС фиксирует входные компетенции, рабочие программы – базовые умения и знания готовности к новой дисциплине. Однако наблюдения показывают пробелы, несмотря на отметки о сформированности. Причины (качество прежнего обучения, пропуски, личные обстоятельства) вторичны: без базы наращивание новых знаний неэффективно. Студент может не понимать источник неуспеха, преподаватель – сосредоточиваться на полном изложении содержания. Отсюда необходимость целенаправленного управления обучением при очевидной неуспешности.

Дефицит умения управлять обучением. Владение цифровыми инструментами нередко выглядит как учебная компетентность. Цифровая среда стала «продлением» личности; умение быстро действовать с устройствами создаёт иллюзию универсальности, включая учёбу. Нужно формировать навыки управления обучением с опорой на цифровые средства и признать значимость этой компетенции для преподавателя и студента.

Дефицит умения учиться дистанционно. Декларируемая доступность дистанционного формата питает убеждение, что он прост для всех. Из-за этого обе стороны переоценивают готовность: преподаватель

приравнивает «нажатие кнопок» к умению учиться, студент – организованность к результативности. Между тем дистанционный формат требует адаптации контента к профилю, уровню, возрасту и особенностям восприятия, а также надлежащей методики и организации процесса.

Дефицит отсутствия комьюнити как сообщества людей с общими интересами и ценностями. Отсутствие сообщества ведёт к эмоциональным потерям и снижению удовлетворённости. Комьюнити даёт поддержку, мотивацию и возможности роста, недоступные при одиночной траектории.

Дефицит умения использовать искусственный интеллект как в профессиональной, так и учебной деятельности. Проблематика включает: мнимую экономию времени; ожидание «истинного ответа» из-за масштабных данных; подмену авторской работы автоматизацией; разрыв между развитием критического мышления и продуктом ИИ.

Комплексный анализ контингента магистрантов, их ожиданий и барьеров позволил учитывать индивидуальные различия (специализация, опыт, сроки завершения, адаптация к новой профессиональной роли) и уточнять требования к педагогической компетентности (профиль подготовки, год выпуска, выявленные дефициты, владение цифровыми технологиями). Параллельно актуализируется содержание: дисциплины адаптируются к запросам наборов, включают современные темы и технологии; растёт мотивация и качество программ за счёт системной обратной связи. Итог – гибкая, адаптированная программа, соответствующая ожиданиям студентов и современным требованиям образования. Таким образом была сформулирована задача теоретически осмыслить накопленный практический опыт по разработке и реализации продуктивной системы адаптивного обучения в вузе в условиях цифровизации образования на уровне специализированного высшего образования.

Анализ эффективных технологий управления образованием, производством и бизнесом привел к пониманию, что производственные проблемы и технологии являются универсальными, с которыми сталкивается менеджмент и в бизнесе, и образовании, что перенос/адаптация изученных подходов и решений можно продуктивно использовать в обеих областях.

Методология и методы исследования

Для решения обозначенной проблемы использовались следующие методы педагогического исследования: анализ теоретических исследований отечественных и зарубежных ученых; опубликованный педагогический опыт; анализ собственного педагогического опыта; обобщение данных анализа на основе системного подхода в научных работах; педагогическое моделирование; дизайн исследование в логике деятельностного подхода.

Исследование выполнено в рамках научной школы «Дидактика цифрового обучения», руководитель научной школы – Вайндорф-Сысоева Марина Ефимовна, д.п.н., профессор кафедры ТиПО ИФТИС МПГУ.

Для теоретического обоснования, построения и реализации программы «Электронные образовательные технологии», отвечающей на современные вызовы, были проанализированы и адаптированы для современных условий теория эффективного управления образовательными системами (Т.И. Шамова), феномен концепции «Шесть сигм» (разработана в 1985–1986 гг. в корпорации Motorola), теория бережливого управления Тайити Оно (разработана в корпорации Toyota в 1943 г.), теория адаптивного обучения (Дж. Аткинсон) [3–9].

Опытно-экспериментальная база исследования – Институт физики, технологии и информационных систем ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (магистерская программа «Электронные образовательные технологии») с 2013 г. по настоящее время. Количество поступивших в магистратуру 174 (2013–2024 гг.), из них завершивших обучение – 96, обучающихся – 40 (на июль 2025 г.), не завершили обучение по различным причинам – 38, участвующих в опросах – 109.

Концепция «Шесть сигм», суть которой состоит в улучшении качества производственных процессов и сокращении количества отклонений или помех, и представляет собой методику настройки процессов, направленную на сокращение количества дефектов или помех в любом производстве или бизнесе. Для того чтобы бороться с дефектами/отклонениями, необходимо выявить дефекты и принимать адекватные управленческие решения для преодоления помех, вызывающих эти дефекты [5, 9].

Смысл теории бережливого управления, разработанной в корпорации Toyota в 1943 г., заключается в том, чтобы вместо глобальных инноваций Toyota сосредоточилась на маленьких, но постоянных улучшениях. Этот подход создал особую производственную культуру, в которой каждый сотрудник стремится улучшить процессы. В образовании философия бережливого управления представляет подход, направленный на повышение эффективности от процесса обучения, создание высокого уровня ценностей обучения для участников образовательного процесса [3, 6].

Особенности теории эффективного управления образовательными системами (Т.И. Шамова) заключаются в использовании системного подхода и принятии образовательной системы как целостного организма; формулировании конкретных и измеримых достижений, релевантных и ограниченных во времени целей; в вовлечении всех участников процесса в принятие решений; способности образовательной системы адаптироваться к изменяющимся условиям и потребностям общества; ориентации на запросы потребителя и др., что, несомненно, способствует созданию условий для повышения качества образования [4, 8, 10].

Теория адаптивного обучения акцентирует внимание на актуальных для настоящего времени аспектах, таких как индивидуализация обучения, учет темпа обучения каждым студентом, роль и значимость постоянной обратной связи, разработка персонального маршрута обучения, создание контента для обучающихся с

разным уровнем восприятия учебного материала, акцент на организацию обучения в различных форматах и другое [7, 11–14].

Проведенный анализ с одной стороны представленных выше теорий, с другой стороны запросов обучающихся на программу позволил **разработать систему адаптивного обучения** в вузе на уровне специализированного высшего образования в условиях цифровизации образования.

С целью применения этих производственных концепций и их прочтения для сферы образования были:

- проанализированы концепция «Шесть сигм» (и определены специальные принципы обучения в соответствии с ней); теория бережливого управления (и выявлены подходы, которые возможно реализовать в образовании); смыслы адаптивного обучения как подготовки к совершенствованию знаний и адаптации к учебному процессу;

- выявлены дефициты в знаниях (по конкретной программе магистратуры), влияющие на развитие профессиональных навыков, совершенствование имеющихся знаний;

- изучены и адаптированы к новым условиям модели студента – контента – обучения;

- выстроена на основе модели студента адаптивная система, реализуемая как эффект при бережном управлении процессами.

Интеграция концепции «Шесть сигм» и теории бережливого управления, как показывают анализ нашего опыта и проведенное исследование, демонстрируют продуктивный результат в обучении по программе магистратуры.

Нами были определены и адаптированы для организации процесса обучения в магистратуре специальные принципы, которые определяют и сегодня содержание, методы, средства, формы обучения:

1. Принцип ориентации на обучающегося: ключевая задача – спрогнозировать опережающее содержание с футуральной ориентацией на успешность; программа остаётся гибкой и мобильной, обогащаясь по мере внутренних и внешних изменений.

2. Принцип организации обучения на основе проверенных фактов и данных: базовая задача – выявлять актуальные направления науки и соответствующие формы, методы и приёмы обучения; содержание дисциплин оперативно корректируется по педагогической целесообразности, цифровые новшества включаются «в моменте».

3. Принцип ориентации на процесс: студент самостоятельно выбирает тему в рамках магистерской проблематики и проходит её «доказательный» маршрут; при отсутствии идеи у студента – кафедра предлагает актуальную научную тему и обеспечивает сопровождение.

4. Принцип обучения на опережение: своевременная корректировка учебного плана отвечает вызовам и обучению в условиях неопределённости.

5. Принцип объединения в команды: обучение строится через практику, инновационные форматы и роли, доверие и включение в открытое профессиональное сообщество магистров и магистрантов.

6. Принцип совершенствования: предполагает принятие студентами системы организации обучения, постоянное сопровождение и комментирование педагогических действий; допускает ошибку как ресурс развития, поиск адекватных форм взаимодействия («учитель–ученик», «ученик–ученик») и совершенствование ситуационных заданий.

7. Принцип значимости каждого элемента учебного занятия (исключает решение «ненужных» задач): каждый этап выступает учебным элементом; применяются педагогически целесообразные формы (видеозаписи для анализа, взаимное обучение, модерация, работа со спикерами на конференции и др.).

8. Принцип ценности каждого обучающегося, его интересов и запросов: тема исследования выбирается обучающимся с возможной корректировкой научным руководителем и руководителем программы; все дисциплины соотносятся с задачами программы и индивидуальными темами научных исследований.

9. Принцип постоянного улучшения: развивающая обратная связь обязательна; программа пополняется дисциплинами, отвечающими текущим вызовам образования.

10. Принцип вовлечения всех участников образовательного процесса, как обучающихся, так и завершивших обучение: проводятся митапы и открытые трибуны; обеспечивается взаимное обучение вне зависимости от статуса, с опорой на профессиональную деятельность; акцент – на успехе и прогрессе относительно стартового уровня.

11. Принцип прозрачности и открытости: действуют единые требования вне зависимости от педагогического опыта, учёной степени, квалификации и должностного статуса [1].

Совокупность представленных принципов позволила структурировать и обосновать систему организации адаптивного обучения.

Важно отметить, что в нашем исследовании под адаптивностью понимается не только наличие изобилия содержательного материала для выстраивания индивидуального маршрута обучения, не просто технологическая функция, а:

- новая **системная философия обучения**, которая включает в себя гибкие и прогрессивные образовательные среды, встраиваемые в современные образовательные процессы;

- **системный процесс реализации** учебной программы, основанный на изменяющихся обстоятельствах содержания, требованиях учебной среды, запросах обучающихся (в рамках программы);

- **возможность для раскрытия** способностей каждого обучающегося с основой на классических подходах организации обучения в условиях цифровой образовательной среды;

- **возможность учета особенностей каждого** из обучающихся для построения персонализированной траектории;

- **направленность содержания** учебных дисциплин на тематику исследований с одной стороны – по глобальной теме магистратуры, с другой – ориентированной на потребности каждого обучающегося;

– **ответы на вызовы** в условиях неопределенности.

Определенные в исследовании специальные принципы, сущность адаптивности дали возможность представить систему адаптивного обучения, которая явилась базовой основой для реализации программы магистратуры (рис. 1).

С целью реализации системы адаптивного обучения был проведен анализ работ, посвященных адаптив-

ности, и разработана трехкомпонентная модель, включающая совокупность моделей студента, контента и обучения [11, 13, 15, 16].

Под **моделью студента** мы предполагаем целостное представление, содержащее набор текущих знаний обучающегося, информацию о том, как он учится (какие ошибки делает, с какой скоростью выполняет задания и так далее), его характеристики (например, предпочтения и степень мотивации).

Рис. 1. Система адаптивного обучения

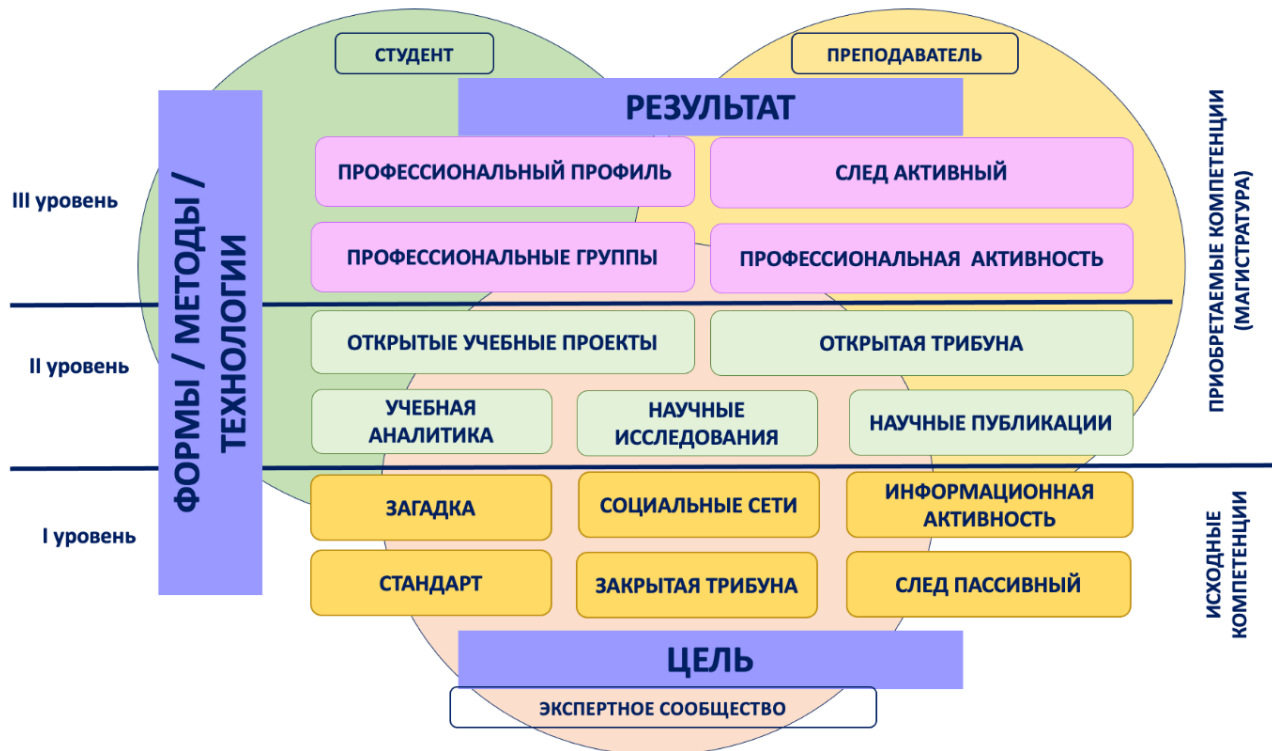

Рис. 2. Модель студента

В нашем исследовании модель студента имеет различные уровни: базовый (или «загадочный») – уровень абитуриента, учебный (формируется в процессе обучения), компетентностный – уровень выпускника программы (см. рис. 2).

В процессе реализации программы была исследована мотивация обучающихся на выполнение учебной деятельности в магистратуре (адаптирован опросник «Мотивации профессиональной деятельности (методика К. Замфир в модификации А. Реана)). Значимость мотивов оценивалась по пятибалльной шкале (где 1 – минимальный балл, 5 – высший балл). Важно отметить, что среди ответивших (109 респондентов) было 70,65% респондентов – выпускники программы, 29,35% – обучающиеся сегодня студенты. Данные исследования представлены на рис. 3 (по горизонтальной шкале указан % выбора).

Наивысший интерес и влияние на мотивацию в обучении отмечены в части удовлетворения от процесса обучения и его результата, в том числе самореализация в профессиональной деятельности. Что, несомненно подчеркивает эффективность модели и достижение цели программы.

Представленная модель (см. рис. 2) позволила адаптивную систему «подстраивать» под студента с учетом различных персональных характеристик. В процессе исследования нами изучались и анализировались персональные особенности студентов, влияющие на процесс и результат обучения, такие как базовые знания, стили мышления и обучения, информация об успеваемости, уже выполненные темы и тесты, просмотренные видео, запрос на обратную связь и др. Прослеживаются запросы на персонализацию контента (выбор формы), обратную связь в формате комментариев и др.

В процессе исследования нами были выявлены мотивы, повлиявшие на изменение в карьере студентов (см. рис. 4).

В рамках разработанной трехкомпонентной модели для реализации программы, учитывая адаптированные специальные принципы, были проанализированы прогнозируемые дефициты у студентов и систематизированы в ряд решений управления ими.

Дефицит в знаниях. Преподаватель на основе опыта, исследований и анализа контингента формирует банк знаний по прогнозируемым дефицитам (дополнительный курс, источники по актуальным, «узким» вопросам); предпринимает меры их ликвидации (банк данных, тематические митапы и консультации, серия «Профессор на связи» – встречи с экспертами по изучаемым проблемам и др.); организует пропедевтический курс для «бесшовного» входа в программу, привлекая магистров и старшекурсников. Банк пополняется по мере выявления новых дефицитов, что делает обучение адаптивным, повышает его эффективность и «выравнивает» базу знаний.

Дефицит умения управлять обучением. Программа ориентирована на успешность каждого и развитие через взаимное обучение и обмен опытом. Если развитие понимается как приращение знаний и умение их применять, перед обучающимся стоит задача освоения нового инструментария и демонстрации разнообразных умений. Задачи программы прозрачны. Возникающий вопрос «зачем осваивать новое, если старое работает?» обсуждается особо: одна из ценностей – отсутствие лишних действий, всё подчинено целям развития в рамках направления. Отсюда – управляемое освоение нового (включая применение к «старым» задачам) и формирование умений ясно объяснять и педагогически выверенно формулировать собственные мысли.

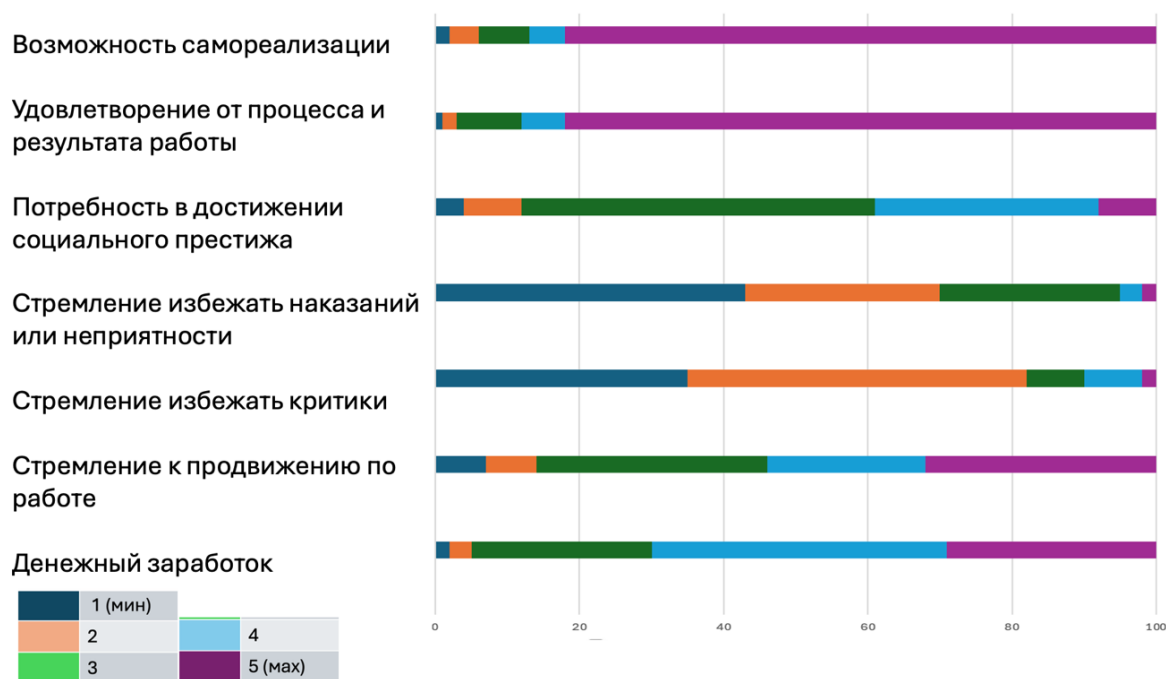

Рис. 3. Мотивы на обучение в магистратуре

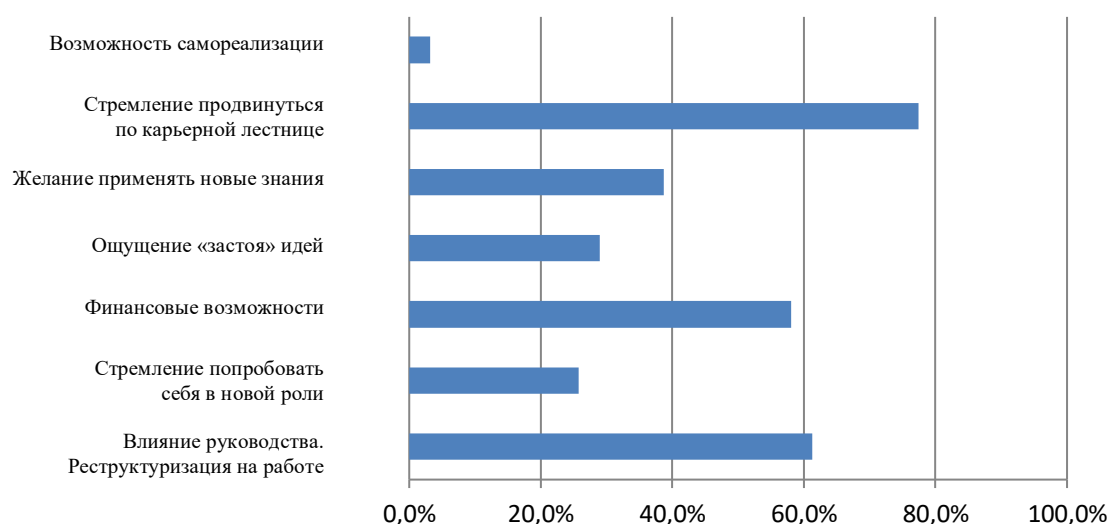

Рис. 4. Мотивы, повлиявшие на изменение в карьере студентов

Дефицит умения учиться дистанционно. Вводя дисциплину, преподаватель разъясняет особенности применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (далее «ЭО и ДОТ») именно по данному курсу, технологию выполнения заданий и их специфику; указывает объём и дедлайн, задаёт логику ответа и планирует сроки проверки. Соответственно предъявляются требования к качеству контента: инструкции к каждому элементу (видео, заданию, обсуждению), понятный контекст, общие критерии оценивания, представленные в удобных форматах (видеозаписи, текстовые карточки, коллективное обсуждение), а также условия, снижающие барьер к вопросам. Формированию умения учиться дистанционно способствуют: (1) советы и креативные задания по самоорганизации (карточки с рекомендациями: как работать с научной статьёй, отправлять работу на проверку, создавать интерактивный плакат и др.); (2) командная работа, состав которой определяется целью и может формироваться как самим студентом, так и преподавателем; (3) вдумчивое чтение условий задания; (4) соблюдение цифрового этикета при учебной переписке; (5) готовность принимать роль студента независимо от внешнего статуса и использовать собственные знания для взаимного обучения; (6) управление временем и поддержка мотивации через «публичных мотиваторов», регулярно назначаемых в группе.

Дефицит умения использовать искусственный интеллект как в профессиональной, так и учебной деятельности. Использование ИИ преподавателем. Преподаватель компетентен в содержании дисциплины, владеет методами анализа и систематизации, ориентируется в истории вопроса и профессиональном сообществе. Сформировав промт и получив результат, он критично отбирает материалы, в том числе проверяет библиографию. ИИ применяется для рутинных задач (план, отбор содержания, ментальные карты), для креативных идей и визуализации. Существенны умения проектировать промты и подбирать набор ИИ-

программ под конкретные задачи. Вместе с тем ИИ не создаёт атмосферу поиска, не воодушевляет, не выстраивает персонализированные траектории, не анализирует развернутые ответы на уровне педагогического суждения. Поэтому ИИ используется осмотрительно, без злоупотребления.

Использование ИИ студентом. Владея разными ИИ-сервисами и формируя промты «на ходу» или после обучения, студент нередко не имеет достаточной предметной базы. Это увеличивает время выполнения заданий примерно в три раза из-за необходимости проверки фактов, авторов, гиперссылок и последующей структуризации. Хотя такая аналитика может развивать критическое мышление, на практике из-за ориентации на «здесь и сейчас» многие этапы пропускаются, что ведёт к усвоению недостоверной информации. Преподавателю, проверяющему работы, приходится различать собственный вклад обучающегося, использование ИИ и полностью сгенерированные материалы.

Открытость программы, вовлечение всех участников образовательного процесса в региональные мероприятия в качестве спикеров, в публичные обсуждения промежуточных результатов собственных исследований, организация и подготовка мероприятий в условиях цифровой образовательной среды способствуют продвижению студентов по карьерной лестнице. Согласно исследованию, изменения в карьере произошли у 57,6% студентов и магистров, при этом 42% из них активно использовали предоставляемые возможности на программе.

Регулярная работа по изучению современных цифровых ресурсов, их особенностях применения в профессиональной деятельности, представления результатов собственных исследований на практике и в обучении коллег восполняли дефицит в применении новых знаний и порождали новые идеи.

Модель контента. Под моделью контента (независимо от предметной области) мы понимаем следующее (рис. 5):

Рис. 5. Модель контента

– систему данных об изучаемом предмете (темы, проекты, ссылки и так далее);

– систему заданий, решение которых направлено на достижение результата;

– систему организации взаимодействия в условиях реализации программы как традиционными способами, так и с использованием ЭО и ДОТ.

Разработанная модель позволяет «связать» элементы дисциплины и обеспечивает бесшовные переходы. Контент строится на взаимосвязанных заданиях, интегрирующих изучаемые курсы. Так, на «Инновациях в образовании» студенты исследуют цифровые ресурсы, а на «Методике дистанционного обучения» проектируют их применение на различных этапах занятия; результаты представляют на других предметах. Каждый элемент соотнесён с учебной задачей и сопровождается инструкцией (как изучать видеолекцию, её значение и т.п.) в виде текста или карточек и пр. Ориентация на модель студента и модель контента дали возможности разработать модель обучения, которая сообразна адаптивной системе и концепции «Шесть сигм», в том числе с учетом бережливого управления.

Объединяющей моделью для модели студента и модели контента явилась модель обучения.

В нашем исследовании под **моделью обучения** мы рассматриваем созданную и постоянно обновляющуюся комфортную среду обучения, представленную следующими компонентами:

- **ориентация на успешность** – опыт каждого, доверие к каждому, право на ошибку;
- **признание возможностей** и открытие неизвестного в себе как вера в студента – когортные группы, открытое обучение, «подводка к результату»;
- **совместный поиск** методов организации обучения – взаимное обучение, рефлексия как экзамен, булмеранг как открытие себя;
- **процесс как результат** – каждый предыдущий шаг служит основой для последующего;

– **обучение в открытой среде** – обучение в деятельности;

– **погружение в неопределенность** с прогнозируемым результатом – самообучение и представление собственного опыта по самообучению на заданную тему;

– **персонализированный маршрут исследователя** – магистерское исследование на тему, предложенную студентом в рамках программы магистратуры с сопровождением через содержание программы обучения.

В рамках модели обучения представлена схема организационного взаимодействия «обучающийся – контент» (рис. 6).

В представленной схеме организационного взаимодействия «обучающийся – контент» реализуется главная идея адаптивного обучения в вузе в условиях цифровизации образования на уровне специализированного высшего образования о необходимости и возможности строить обучение в условиях неопределенности, происходящих изменений: 1) совершенствовать ее; 2) гибко корректировать содержание; 3) выстраивать персонализированную траекторию обучающихся, в том числе с учетом индивидуальной темы научного исследования [17, 8].

Эффективность трехкомпонентной модели подтверждает и проведенный опрос. На вопрос «Значимость обучения в магистратуре» ответы представлены на рис. 7.

Выпускники и студенты высоко оценивают адаптивную программу, отмечая, как уникальные направления лично для себя: открытие новых возможностей (75,8%), постоянное стремление учиться (62,1%), стремление систематизировать информацию (54,5%), поиск профессионального сообщества (40,9%) и др. С целью оценки эффективности и продуктивности реализуемой программы авторами проводились опросы, анкетирование, тестирование как студентов, так и выпускников, анализировалась обратная связь.

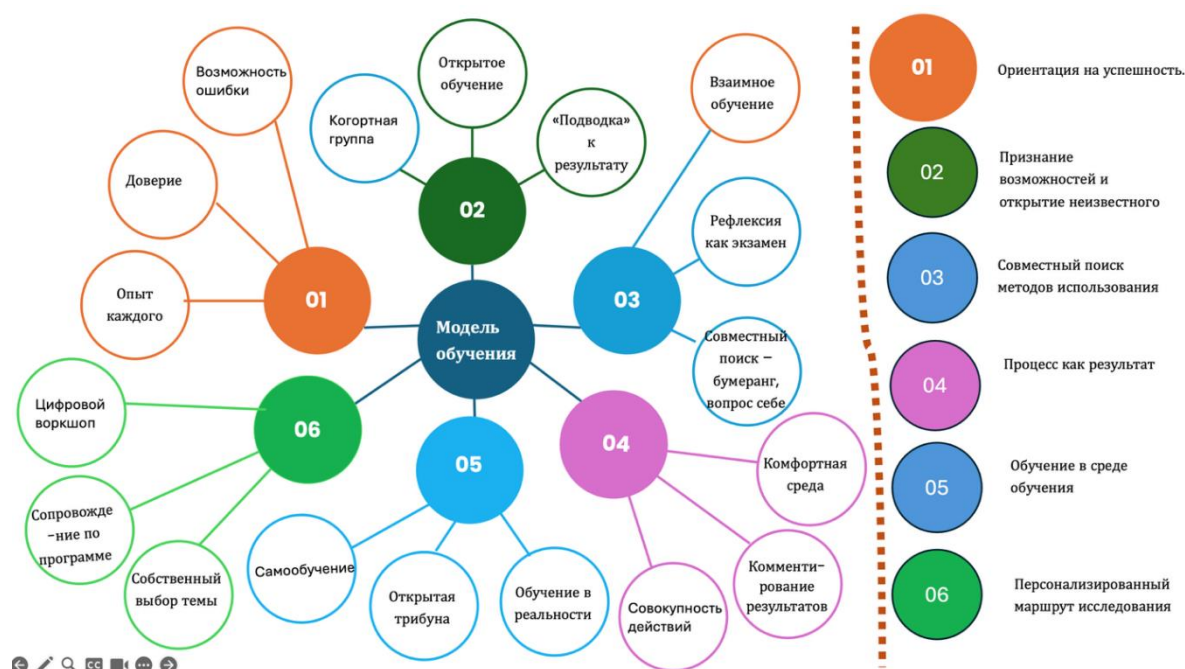

Рис. 6. Схема организационного взаимодействия «обучающийся – контент»

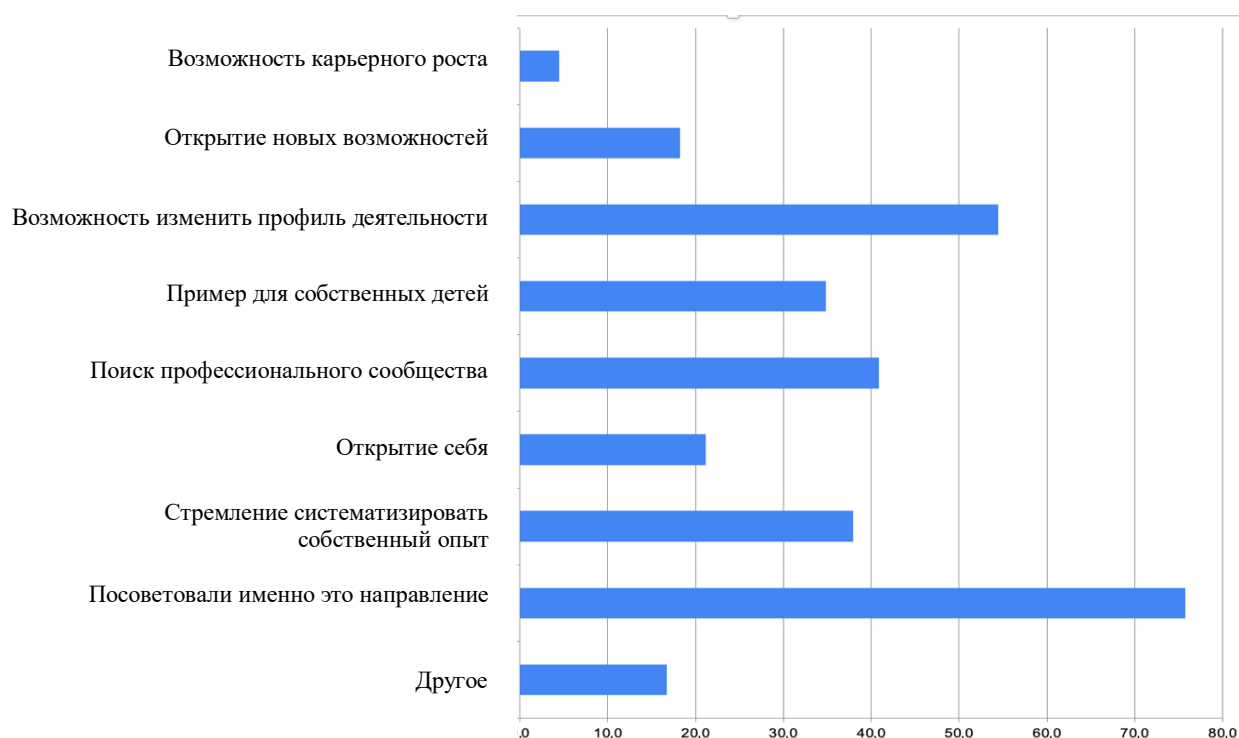

Рис. 7. Значимость обучения в магистратуре

Эффективность трехкомпонентной модели оценивалась по следующим метрикам: удовлетворённость обучением – 75%; активность в онлайн-среде и адаптивных инструментах – 100%; прирост академических достижений (фиксируемая внешняя активность: конкурсы, конференции, мастер-классы, митапы, воркшопы) – 7,4%; завершение персональных траекторий – 100% среди завершивших; улучшение решения сложных задач/освоения новых концепций – 89%; участие во взаимном обучении – 45%; карьерный рост – 57,6%;

публикации в журналах, рецензируемых ВАК (с набора 2018 г.) – у 79% выпускников; удовлетворённость процессом и результатом – 75,8%; совпадение запросов с содержанием программы – 75,8%; признание значимости программы в профессиональной деятельности и изменении статуса по прошествии ≥ 5 лет – 92% от числа ответивших выпускников.

Таким образом, система адаптивного обучения, разработанная на основе теории эффективного управления образовательными системами, концепции

«Шесть сигм», теории бережливого управления, теории адаптивного обучения, доказала, что является одним из вариантов практического ответа на актуальную сегодня проблему повышения качества образования и его адаптации к индивидуальным потребностям обучающихся, что способствует более эффективному повышению уровня знаний, развитию профессиональных навыков, профессиональных компетенций, что подтверждается эмпирическими данными и теоретическими обоснованиями.

Выводы

Проведенное исследование продемонстрировало возможность «переноса» и адаптацию бизнес-концепций в образование с сохранением эффективного результата. Разработанная система адаптивного обучения, о чем свидетельствует исследование, позволяет качественно улучшать учебный процесс, сокращать количество препятствий в обучении, управлять имеющимися и возникающими дефицитами и демонстрирует сигма-эффект в образовании.

Именно через персонализацию контента, динамическую коррекцию траекторий обучения и использование данных для прогнозирования текущей устойчивости адаптивных подходов появились возможности для сокращения разрывов между обучающимися, устранения «блокирующих» факторов (например, дефицитов в знаниях), ориентация на запросы и особенности каждого обучающегося с высоким уровнем раскрытия профессиональных способностей и повышение общей эффективности образования.

Принципы концепции «Шесть сигм», адаптированные для образования, направленные на устранение дефицитов в обучении и оптимизацию процессов, трансформируются в образование через анализ метрик, разноуровневую систематическую обратную связь и создание условий для самореализации каждого студента.

Это позволило не только обеспечить заявленные результаты обучения, но и сформировать устойчивые знания, умения и навыки, адаптированные к индивидуальным потребностям, что особенно актуально в условиях растущей сложности знаний и возникающих вызовов.

Список источников

1. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Цифровое обучение в контексте современного образования: практика применения. М. : Диона, 2020. 244 с.
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л., Шитова В.А. Развитие форм организации дистанционного обучения в эпоху цифровизации образования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 143–150. doi: 10.17223/15617793/497/15
3. Вумек Д.П., Джонс Д.Т. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. М. : Альпина Паблишер, 2011.
4. Лубков А.В., Шклярова О.А., Осипова О.П. Т.И. Шамова – основоположник научной школы управления образовательными системами. Столетию со дня рождения посвящается // Наука и школа. 2024. № 6. С. 91–101.
5. Пэнди П.С., Ньюмен Р.П., Кэвнер Р.Р. Курс на Шесть Сигм. Как General Electric, Motorola и другие ведущие компании мира совершенствуют свое мастерство. М. : ЛОРИ, 2002. 400 с.
6. Оно Т. Производственная система Тойоты: уходя от массового производства. М. : ИКСИ, 2012.
7. Царев Р.Ю., Тынченко С.В., Гриценко С.Н. Адаптивное обучение с использованием ресурсов информационно-образовательной среды // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25227>
8. Управление образовательными системами : Учеб. пособие для студентов вузов / Т.И. Шамова, П.И. Третьяков, Н.П. Капустин; под ред. Т.И. Шамовой. М. : ВЛАДОС, 2001. 319 с.
9. Martin F., Markant D. Adaptive learning modules // The SAGE encyclopedia of higher education / ed. by M.E. David, M.J. Amey. London : Sage, 2020. P. 2–4.
10. Талызина Н.Ф. Теория поэтапного формирования умственных действий // Управление процессом усвоения знаний (психологические основы). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 56–145.
11. Вилкова К.А., Лебедев Д.В. Адаптивное обучение в высшем образовании: за и против. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 36 с.
12. Кравченко Д.А., Блескина И.А., Каляева Е.Н., Землякова Е.А., Аббакумов Д.Ф. Персонализация в образовании: от программируемого к адаптивному обучению // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 3. С. 34–46. doi: 10.17759/jmfp.202009030
13. Пентехина Л.И. Организация адаптивного обучения в условиях массовой общеобразовательной школы : дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2001. 235 с.
14. Ямбург Е.А. Школа для всех. Адаптивная модель: теоретические основы и практическая реализация. М. : Новая школа, 1997. 351 с.
15. Зарубина В.В. Теория и практика совершенствования адаптивного образования в современной средней общеобразовательной школе : дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2001. 280 с.
16. Малошонок Н.Г., Щеглова И.А. Модели организации обучения студентов в университете: основные представления, преимущества и ограничения // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 2. С. 107–120. doi: 10.15826/umpra.2020.02.017
17. Кречетов И.А., Модели, алгоритмы и инструментальные средства адаптивного обучения : дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2021. 150 с.

References

1. Vayndorf-Sysoeva, M.E. & Bakracheva, M.L. (2020) *Digital Learning in the Context of Modern Education: Practice of application*. Moscow: Diona.
2. Vayndorf-Sysoeva, M.E., Subocheva, M.L. & Shitova, V.A. (2023) Development of forms of organizing distance learning in the era of digitalization of education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 143–150. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/15
3. Womack, J.P. & Jones, D.T. (2011) *Berezhlivoye proizvodstvo. Kak izbavitsya ot poter' i dobit'sya protsvetaniya vashey kompanii* [Lean Thinking: Banish Waste and Create Wealth in Your Corporation]. Translated from English. Moscow: Alpina Publisher.
4. Lubkov, A.V., Shklyarova, O.A. & Osipova, O.P. (2024) T.I. Shamova – osnopolozhnik nauchnoy shkoly upravleniya obrazovatel'nyimi sistemami. Stoletiyu so dnya rozhdeniya posvyashchaetsya [T.I. Shamova: The founder of the scientific school of educational systems management. Dedicated to the centenary of her birth]. *Nauka i shkola*. 6. pp. 91–101.
5. Pande, P.S., Neuman, R.P. & Cavanagh, R.R. (2002) *Kurs na Shest' sigm* [The Six Sigma Way: How GE, Motorola, and Other Top Companies Are Honing Their Performance]. Translated from English. Moscow: Lori.

6. Ohno, T. (2012) *Proizvodstvennaya sistema Toyoty: ukhodya ot massovogo proizvodstva* [Toyota Production System: Beyond Large-Scale Production]. Translated from English. Moscow: IKSI.
7. Tsarev, R.Yu., Tynchenko, S.V. & Gritsenko, S.N. (2016) Adaptivnoye obuchenie s ispol'zovaniyem resursov informatsionno-obrazovatel'noy sredy [Adaptive learning using resources of the information and educational environment]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 5. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25227>
8. Shamova, T.I., Tretyakov, P.I. & Kapustin, N.P. (2001) *Upravleniye obrazovatel'nymi sistemami* [Management of Educational Systems]. Moscow: VLADOS.
9. Martin, F. & Markant, D. (2020) Adaptive learning modules. In: David, M.E. & Amey, M.J. (eds) *The SAGE Encyclopedia of Higher Education*. London: Sage. pp. 2–4.
10. Talyzina, N.F. (1984) *Upravleniye protsessom usvoeniya znaniy: (psikhologicheskiye osnovy)* [Management of the Process of Knowledge Assimilation (Psychological foundations)]. Moscow: Moscow State University. pp. 56–145.
11. Vilkova, K.A. & Lebedev, D.V. (2020) *Adaptivnoye obuchenie v vyshem obrazovanii: za i protiv* [Adaptive Learning in Higher Education: Pros and cons]. Moscow: HSE.
12. Kravchenko, D.A. et al. (2020) Personalizatsiya v obrazovanii: ot programmiruemogo k adaptivnomu obucheniyu [Personalization in education: from programmed to adaptive learning]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. 3 (9). pp. 34–46. doi: 10.17759/jmfp.2020090303
13. Pentehina, L.I. (2001) *Organizatsiya adaptivnogo obucheniya v usloviyakh massovoy obshcheobrazovatel'noy shkoly* [Organization of adaptive learning in mass general education school]. Pedagogy Cand. Diss. Ulyanovsk.
14. Yamburg, E.A. (1997) *Shkola dlya vseh. Adaptivnaya model': teoreticheskiye osnovy i prakticheskaya realizatsiya* [School for All: Adaptive model: theoretical foundations and practical implementation]. Moscow: Novaya Shkola.
15. Zarubina, V.V. (2001) *Teoriya i praktika sovershenstvovaniya adaptivnogo obrazovaniya v sovremennoy sredney obshcheobrazovatel'noy shkole* [Theory and practice of improvement of adaptive education in modern comprehensive school]. Pedagogy Cand. Diss. Ulyanovsk.
16. Maloshonok, N.G. & Shcheglova, I.A. (2020) Modeli organizatsii obucheniya studentov v universitete: osnovnyye predstavleniya, preimushchestva i ogranicheniya [Models of organizing student learning at university: main concepts, advantages and limitations]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2 (24). pp. 107–120. doi: 10.15826/umpa.2020.02.017
17. Krechetov, I.A. (2021) *Modeli, algoritmy i instrumental'nyye sredstva adaptivnogo obucheniya* [Models, algorithms, and instrumental tools for adaptive learning]. Pedagogy Cand. Diss. Toms.

Информация об авторах:

Вайндорф-Сысоева М.Е. – д-р пед. наук, профессор кафедры технологии и профессионального обучения Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: vs.me@mpgu.su

Субочева М.Л. – д-р пед. наук, зав. кафедрой технологии и профессионального обучения Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: subo4eva.marina@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.E. Vayndorf-Sysoeva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vs.me@mpgu.su

M.L. Subочева, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Technology and Vocational Training, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: subo4eva.marina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.08.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 15.08.2025;
approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 378.4
doi: 10.17223/15617793/518/20

Влияние профессионально-педагогической подготовки на карьерные ориентации студентов педагогического бакалавриата

Фаина Маратовна Кремень¹, Роза Алексеевна Валеева^{2, 3}, Сергей Анатольевич Кремень⁴,
Гульфия Габдрахмановна Парфилова⁵

^{1, 4} Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия
^{2, 5} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
³ Ляонинский педагогический университет, Далянь, Китай
¹ fmkremen@gmail.com
^{2, 3} valeykin@yandex.ru
⁴ skremen@yandex.ru
⁵ parfilova2007@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования динамики карьерных ориентаций студентов-бакалавров, получающих педагогическое образование в классических университетах разных типов: федеральном и региональном. Выявлены общие черты, демонстрирующие положительное и осознанное отношение к получаемой профессии, и различия, обусловленные особенностями мотивации выбора специальности и университета, а также организации процесса профессиональной подготовки.

Ключевые слова: педагогическая профессия, классический университет, студент педагогического бакалавриата, профессионально-педагогическая подготовка, карьерные ориентации

Для цитирования: Кремень Ф.М., Валеева Р.А., Кремень С.А., Парфилова Г.Г. Влияние профессионально-педагогической подготовки на карьерные ориентации студентов педагогического бакалавриата // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 171–182. doi: 10.17223/15617793/518/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/20

The impact of the professional and pedagogical training on undergraduate student teachers' career orientations

Faina M. Kremen¹, Roza A. Valeeva^{2, 3}, Sergei A. Kremen⁴, Gulfiya G. Parfilova⁵

^{1, 4} Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation
^{2, 5} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
³ Liaoning Normal University, Dalian, China
¹ fmkremen@gmail.com
^{2, 3} valeykin@yandex.ru
⁴ skremen@yandex.ru
⁵ parfilova2007@mail.ru

Abstract. In the context of a teacher shortage, it is particularly important to place special emphasis on developing the motivational foundations for pedagogical activity during the university training of future teachers. These foundations are built upon an awareness of the profession's value-based and meaningful content and ensure readiness for successful entry into the field. In this regard, studying career orientations becomes relevant, as they encompass motives and values related to the profession and define an individual's goals and methods for achieving them on their professional path. The aim of the article is to compare the influence of professional pedagogical training on the career orientations of students at federal and regional classical universities. For this purpose, a longitudinal study was conducted, tracking the career orientations of over 200 students from Kazan Federal University (KFU) and Smolensk State University (SmolSU) during their first and third years of study. The following methods were used in the study: the diagnostic methodology "Career Anchors," a survey to identify features of professional self-determination and students' academic activities, and an analysis of curricula. The analysis of the obtained data revealed both similar trends in the formation of career orientations among pedagogical bachelor's students and differences attributable to the status of the universities and the specifics of how professional training is organized. Students from both universities share similar socio-demographic characteristics and score high on scales correlating with the teaching profession: job stability, dedication to a cause, and integration of lifestyles. However, students at the regional university are more motivated to enroll in a teacher training program, whereas students at the federal university are more oriented toward choosing a prestigious university than a specific major. This is reflected in higher scores on the aforementioned career orientations among first-year SmolSU students. Differences in professional training are evident in the greater number of hours allocated to psychological and pedagogical disciplines and the more systematic organization of practical training at the federal university.

This contributes to strengthening motivation for the teaching profession among KFU students and brings the career orientation indicators of both universities closer together. At the same time, the dynamics of these orientations among SmolSU students by their third year indicate a more realistic attitude toward the profession. The identified correlations suggest a more definite focus on the teaching profession among students at the regional university, and an orientation that allows for alternative professional trajectories among students at the federal university.

Keywords: teaching profession, classical university, student of pedagogical bachelor's degree program, professional and pedagogical training, career orientations

For citation: Kremen, F.M., Valeeva, R.A., Kremen, S.A. & Parfilova, G.G. (2025) The impact of the professional and pedagogical training on undergraduate student teachers' career orientations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 171–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/20

Введение

Системы образования всего мира стремятся к обеспечению высокого уровня культуры и образованности для своих граждан и качественного человеческого капитала для экономики в целом. Достижение этих целей невозможно без квалифицированных и обладающих глубокими знаниями учителей. Однако в последнее время явления нехватки и ухода учителей из профессии приобретают глобальные масштабы, негативные последствия которых будут ощущаться на протяжении многих лет. Столкнувшись с этой проблемой и наша страна. По словам министра труда и социальной защиты РФ А.О. Котякова, каждый четвертый студент педагогической специальности сегодня не заканчивает обучение, а работают преподавателями менее 42% от общего количества обучившихся [1]. Несмотря на то, что в условиях структурной реорганизации и реформирования системы высшего образования в России, интерес к педагогической профессии только повышается, укомплектованность школ педагогами, по мнению министра просвещения РФ С.С. Кравцова, вызывает серьезные опасения – замещающая потребность в педагогах до 2030 года составит 96 тыс. человек [2].

В исследовании Б. Си и С. Горарда отмечено, что на спрос и предложение учителей на рынке труда могут влиять многочисленные факторы, имеющие сложный характер взаимодействия между собой и иногда работающие друг против друга: изменения уровня рождаемости и экономический контекст (привлекательность заработной платы и условий труда учителей); предложение для выпускников в целом, стимулы для приема на работу и удержание; изменения в образовательной политике и организационной структуре школы (например, максимальные размеры классов) [3].

Причинами того, что выпускники педагогических специальностей отказываются от своего профессионального выбора, либо покидают школу в первые годы работы, становятся не только невысокая заработная плата наряду с высокой рабочей нагрузкой и «плоский» характер карьеры учителя [4], но и профессионально-педагогическая подготовка в вузе, недостаточная связанная с карьерными ориентациями и перспективами. Причем, это характерно для выпускников всех типов университетов, осуществляющих подготовку будущих педагогов: классических, педагогических, отраслевых различного профиля [5].

Карьерные ориентации – это устойчивые образования в структуре личности, сочетающие мотивы, ценно-

сти и установки, являющиеся источником целей и отражающие способы достижения успеха при построении карьеры [6, 7]. Тесно связанные с процессом профессионально-педагогической подготовки в университете, они определяют более высокие результаты учебной деятельности и дальнейшее закрепление в профессии.

Впервые в научный обиход термин «карьерная ориентация» ввел Э. Шейн, обозначив их как «якоря карьеры». Он объединил мотивы и личность людей в паттерны более высокого порядка из восьми карьерных якорей, которые задают направление ключевым ориентирам для мотивации профессиональной деятельности и оценки субъектом своего профессионального развития, и утверждал, что выбор человеком будущей профессии зависит от эволюции и стабилизации его «якорей» [8], т.е. в течение своей карьеры люди находят и выполняют работу, которая лучше всего соответствует их личностным характеристикам, и когда у них возникает соответствие между основными принципами их карьерной ориентации и работой, то они более эффективны, склонны добиваться высоких результатов в работе, быть удовлетворенными ею и стабильными в деятельности [9]. О.П. Терновская рассматривает карьерные ориентации как ценностные ориентации непосредственно в карьере, которыми субъект руководствуется, выбирая, определяя и моделируя свой профессиональный и в целом жизненный путь [10]. В этой связи ценностно-смысловая сфера личности, обеспечивая профессиональную направленность человека на определенное карьерное решение, выступает в качестве внутреннего источника его карьерных целей, что особенно важно в студенческом возрасте для планирования будущего профессионального пути.

Учеба в университете как один из сложных и значимых поворотных моментов в жизни человека играет важную роль в формировании его личности. В этот период под воздействием многочисленных академических и социальных факторов происходит переосмысление ожиданий студентов [11], в том числе правильности своего профессионального выбора. Связь карьерных ориентаций с профессиональной подготовкой в учебных заведениях является объектом исследования различных авторов [10, 12, 13].

Исследователи выделяют различные причины выбора карьеры учителя: социокультурные (финансовая обеспеченность семьи и поддержка со стороны близких, отношение общества к педагогической профессии, гендерные стереотипы [14–17]; конкретные за-

дачи, встроенные в социальный контекст (опыт преподавания, опыт обучения по программам допрофессиональной подготовки); собственные индивидуальные особенности (самоэффективность, ценностные ориентации, самооценка) [18], соответствие между актуальными интересами и планами на будущее [19] и др.

Сегодня в России важную роль в решении первоочередных задач подготовки высококвалифицированных учителей, отвечающих запросам национальной системы образования, призваны играть не только педагогические, но и классические университеты. Более половины будущих учителей в нашей стране получают профессиональную подготовку именно в классических университетах [20].

Традиционно подготовка квалифицированных педагогических кадров была связана с деятельностью университетов. Уже в первых российских университетах подготовке педагогов придавалось большое значение – готовили кадры для работы в системах среднего и высшего образования. В советский период классические университеты были ориентированы на подготовку преподавателей для педвузов, вузов иного профиля и учреждений среднего специального образования. После распада Советского Союза в России наметилась тенденция университетизации педагогического образования: произошли возрождение классических университетов и массовая реорганизация педвузов в классические университеты, с широким набором программ подготовки педагогов [21, 22]. По мнению Г.Ф. Шафранова-Куцева, в классических университетах осуществляется более продвинутая и качественная подготовка педагогических кадров, наиболее полно и эффективно сочетающая все ее грани: обретение навыков исследовательской деятельности, фундаментальность образования и приобщение к культурным ценностям. В итоге выпускник обладает широким кругозором, практико-ориентированным спектром предметно-профессиональных, информационных и общекультурных компетенций, соответствующих требованиям времени XXI в. [22].

Критики педагогической подготовки в классических университетах отмечают их недостатки – методологического, организационного и структурного характера [23], а также недостаточную мотивацию студентов к предстоящей работе в школе. Исследователи В.С. Басюк, Е.И. Казакова, Е.Г. Врублевская по итогам мониторинга эффективности основных образовательных программ УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки», реализуемых 139 вузами различной подведомственности, отметили большое количество проблем: разобщенность содержания дисциплин, отсутствие внутренней целостности, бессистемный подбор дисциплин, недооценка значимости научно-исследовательской деятельности и др. [24].

Помимо общей компетентностной парадигмы, закрепленной во ФГОС ВО по направлениям подготовки 44.03.00 и 44.04.00 «Педагогическое образование» и профессиональном стандарте «Педагог», в университетах, реализующих программы педагогического образования, существует широкая вариативность, накладыва-

ющая отпечаток на карьерные ориентации студентов: история, кадровый потенциал, научные и материальные ресурсы, приоритеты, расположение и т.д. [25].

Проведено достаточно большое количество исследований, сравнивающих университеты между собой по различным основаниям: ценность получения высшего образования [26], престиж [27, 28] и статус [29, 30], вклад в формирование профессиональной идентичности [31] и др. Однако, несмотря на накопленные к настоящему времени исследования, посвященные педагогическому образованию в целом и вхождению в профессию учителя в частности, вопросы связи карьерных ориентаций с местом получения педагогического образования не получили широкого освещения. В исследованиях [32, 33] на примерах конкретных университетов показано, что «стратегия педагогического образования в конкретной образовательной организации высшего образования связана не только с реализацией «ядра педагогического образования», отражающего федеральный уровень подготовки педагогических кадров, но и с традициями и обобщением накопленного исторического и научно-педагогического опыта в вузе, регионе, стране» [32. С. 43].

Поэтому, в контексте модернизации отечественного образования, в том числе и педагогического, нам представляется актуальным проведение исследования, направленного на изучение влияния процесса профессионально-педагогической подготовки на динамику карьерных ориентаций будущих педагогов, обучающихся в классических университетах федерального (Казанский федеральный университет) и регионального (Смоленский государственный университет) уровней.

Методы исследования

Данное исследование является частью лонгитюдного изучения карьерных ориентаций студентов на протяжении профессиональной вузовской подготовки. Первый этап исследования был проведен в 2022 г. [5], второй этап – в 2024 г. [7], завершить исследование планируется в 2026 г. Для изучения карьерных ориентаций студентов на обоих этапах использовалась методика Э. Шейна «Якоря карьеры» в адаптации В.Э. Винокуровой и В.А. Чикер. Данный опросник позволяет выявить мотивационные основания профессиональной деятельности и карьеры, типологизированные в 8 базовых ориентаций – «якорей»: профессиональная компетентность (ПК), менеджмент (Мен), автономия (Авт), стабильность места работы (Ст Р) и места жительства (Ст Ж), служение (Служ), вызов (Выз), интеграция стилей жизни (ИСЖ), предпринимательство (Пред). Также на втором этапе участники заполняли авторский опросник для сбора следующей информации: социально-демографические данные, особенности профессионального самоопределения и учебной деятельности. Помимо исследования студентов были изучены учебные планы профилей исследуемых групп.

В качестве площадок для исследования были выбраны федеральный и региональный классические университеты, осуществляющие подготовку педаго-

гов. Казанский (Приволжский) федеральный университет является одним из первых в современной России многопрофильных университетов, ставшим крупнейшим центром подготовки учителей [25]. Смоленский государственный университет является типичным примером регионального вуза, одним из важных социально значимых направлений деятельности которого является обеспечение региона педагогическими кадрами.

В исследовании принимали участие студенты бакалавриата, обучающиеся по следующим образовательным программам: Казанский Федеральный университет (КФУ) – 44.03.01 Педагогическое образование и 44.03.05 Педагогическое образование с двумя профилями подготовки (профили: «Дошкольное образование», «Начальное образование и иностранный (английский) язык» и «Дополнительное образование и иностранный (английский) язык») и Смоленский государственный университет (СмоЛГУ) – 44.03.05 Педагогическое образование с двумя профилями подготовки (профили: «Русский язык и литература», два иностранных языка, «Начальное образование и тьюторство», «Дошкольное образование и коррекционная педагогика»). На первом этапе в апреле 2022 г. в исследовании приняли участие студенты первого курса: 120 человек из КФУ и 104 из СмоЛГУ, возраст исследуемых 18–19 лет. На втором этапе в апреле 2024 г. повторно исследовались эти же группы студентов, обучавшихся на третьем курсе – 107 человек из КФУ и 95 из СмоЛГУ в возрасте 20–21 года. Небольшое уменьшение участников объясняется естественными условиями выбытия студентов в период учебного процесса: переводом на другие направления подготовки или на заочную форму обучения, уходом в академический отпуск или отчислением из университета. При проведении диагностики студентов соблюдались принципы добровольности и конфиденциальности.

Для обработки и анализа данных использовались методы статистического описания (распределение частот для результатов опроса, определение средних показателей для методики Шейна) и методы статистического вывода: Альфа Кронбаха для оценки согласованности результатов теста, критерий Стьюдента для независимых выборок при сравнении результатов по вузам, критерий Уилкоксона для связанных выборок при сравнении показателей студентов на 1 и 3 курсах. Также вычислялись корреляции Пирсона для выявления связей в структуре карьерных ориентаций студентов. Анализ учебных планов носил количественно-качественный характер. Ограничением исследования являются средний размер выборки, а также различия в профилях обучения исследуемых студентов.

Результаты

Характеристика вузов исследования. Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ) – центральный вуз в Приволжском федеральном округе с двухсотлетней историей в настоящий момент является крупнейшим федеральным вузом, где обучается более 48 тысяч студентов из различных российских

регионов, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. По данным международных рейтингов QS и World University Rankings, университет занимает второе место в России в категории «Образование». По программам УГС 440000 «Образование и педагогические науки» проходят подготовку более 9 тыс. студентов. В университете, объединяющем 17 институтов и факультетов, разработаны три модели получения педагогического образования. Такая вариативность значительно расширяет возможности освоения профессии учителя. Помимо традиционной модели, которая продолжает совершенствоваться за счет усиления кадров, лабораторной и информационной базы, успешно функционируют распределенная и интегративная модели. В основе распределенной модели заложен принцип интеграции фундаментальной подготовки классического университета и психолого-педагогической и методической подготовки педагогического университета. Интегративная модель предполагает разработку вариативных образовательных траекторий вхождения в профессию учителя для студентов и выпускников непедагогических направлений подготовки [20].

Старейший вуз области Смоленский государственный университет (СмоЛГУ), основанный в 1918 г., в 2005 г. был воссоздан как классический университет из педагогического вуза, в качестве которого он работал на протяжении 75 лет. В настоящее время университет является самым крупным региональным вузом, предлагающим широкий спектр образовательных программ, рассчитанных, в первую очередь, на студентов своего и близлежащих регионов. Подготовка педагогов продолжает занимать значительное место в деятельности университета: на 7 из 9 факультетах реализуются программы по УГС 440000 «Образование и педагогические науки», на которые выделяется наибольшее количество бюджетных мест. В университете обучаются около 5 тысяч студентов, из них 52% по 35 программам бакалавриата и магистратуры УГС 440000. В университете преобладает традиционная модель подготовки педагогов, развиваются элементы интегративной модели [20].

В обоих вузах для поступления на программы педагогического образования выделяется значительное количество бюджетных мест, также проводится прием на платные места. Требования к поступлению (перечень дисциплин и минимальные баллы) не различаются. Результаты поступления в КФУ абитуриентов с высокими баллами (более 80) свидетельствуют о селективности вуза, высоком качестве образования и сложившейся репутации на всероссийском уровне. Средний балл на педагогические программы в СмоЛГУ немного превышает средний балл по стране (более 70), демонстрируя устойчивые позиции вуза на региональном уровне.

Результаты исследования и обсуждение. Сравнение исследуемых социально-демографических характеристик показывает схожие параметры контингента студентов педагогических программ (табл. 1): это в основном девушки, обучающиеся на бюджете, из семей со средним достатком, большинство из которых проживает в городах областного и районного значения.

Различия между вузами заключаются в большем территориальном разнообразии студентов в федеральном университете: более 40% исследуемых приехали получать педагогическое образование из других регионов и даже государств, также более двух третей студентов КФУ проживают в небольших населенных пунктах.

Рассматривая причины поступления исследуемых на педагогическое направление подготовки (табл. 2), следует отметить, что среди студентов регионального вуза значительно больше тех, кто осознанно выбрал педагоги-

ческое образование; более половины студентов федерального вуза, напротив, выбрали свою образовательную программу «под влиянием внешних обстоятельств». В то же время значительное количество студентов обоих вузов имели довузовский педагогический опыт. Раннее знакомство с профессией в форме работы вожатым или воспитателем, помощи школьным учителям в проведении мероприятий, участия в днях самоуправления и репетиторство может также оказывать влияние на ее выбор, о чем свидетельствуют различные исследования [18, 19].

Таблица 1

Распределение опрошенных по социально-демографическим характеристикам

Переменные	Признаки	Студенты КФУ (n = 104)		Студенты СмолГУ (n = 95)	
		чел.	%	чел.	%
Пол	Женский	100	96,2	88	92,6
	Мужской	4	3,8	7	7,4
СЭС семьи	Обеспеченная	24	23,1	12	12,6
	Средний достаток	73	70,2	70	73,7
	Малообеспеченная	7	6,7	13	13,7
Место жительства	Город – обл. центр	33	31,7	40	42,1
	Город/пгт – рай. центр	42	40,4	43	45,3
	Сельская местность	23	22,1	12	12,6
	Другое государство	6	5,8	–	–
Вуз поступления	Свой регион	60	57,7	77	81,1
	Другой регион	38	36,5	18	18,9
	Другое государство	6	5,8	–	–
Форма обучения	Бюджетная	92	88,5	83	87,4
	Платная	12	11,5	12	12,6

Таблица 2

Распределение опрошенных по мотивационно-профессиональным характеристикам и средний балл абитуриентов программ педагогического образования в 2021 г.

Переменные	Признаки	Студенты КФУ (n = 104)		Студенты СмолГУ (n = 95)	
		чел.	%	чел.	%
Мотив выбора напр. подготовки:	Осознанный	48	46,2	61	64,2
	Случайный	56	53,8	34	35,8
Наличие пед. опыта до поступления:	Был опыт	65	62,5	68	71,6
	Не было опыта	39	37,5	27	28,4
Средний балл поступления*	Бюджетный прием	80,4		71,1	
	Платный прием	71,1		63,1	

* По данным сайта «Мониторинг качества приема в вузы». URL: <https://ege.hse.ru/rating/2022/91645072/all/>

Можно предположить, что для многих студентов КФУ поступление в высокорейтинговый федеральный университет было важнее поступления на определенную программу. При этом данные о средних баллах подтверждают более высокий уровень подготовки абитуриентов КФУ по сравнению со СмолГУ.

Изучение карьерных ориентаций студентов первого курса выявило высокие показатели (>7 баллов) по шкалам «стабильность места работы», «служение», «интеграция стилей жизни» (табл. 3), которые по данным исследований [5, 7, 10] являются наиболее характерными для молодых людей, получающих педагогическое образование. Очевидно, что учительская профессия рассматривается как социально значимая, связанная с определенным призванием работы с детьми, а также востребованная на рынке труда, имеющая достойный социальный статус и стабильные социальные

гарантии занятости. Карьерная ориентация «служение» также говорит о высокой значимости реализации в своей профессии определенных ценностей. Высокие показатели по шкале «интеграция стилей жизни» можно объяснить половозрастными особенностями выборки: молодые девушки, получающие педагогическую специальность, ориентированы на совмещение процессов создания семьи и профессионального развития. В исследовании [34] одним из мотивов получения педагогической профессии рассматривается более гибкий рабочий график, что способствует такому совмещению. Относительно стабильные показатели по данной ориентации на всех этапах исследования независимо от вуза или курса, на наш взгляд, подтверждают ее связь скорее с половозрастными особенностями, чем с мотивационно-профессиональными характеристиками исследуемых.

Таблица 3

Сравнение средних показателей методики «Якоря карьеры»

Шкалы	2022		2024	
	КФУ	СмолГУ	КФУ	СмолГУ
Профессиональная компетентность	5,27**	6,41**	5,50	5,79
Менеджмент	6,12	6,29	6,11	5,78
Автономия	7,06	6,45	7,09	6,79
Стабильность места работы	7,11**	8,31**	7,40	7,86
Стабильность места жительства	4,78	5,13	5,57	5,45
Служение	7,52**	8,58**	7,55	7,72
Вызов	5,47**	6,05**	5,41	5,37
Интеграция стилей жизни	7,61	7,49	7,56	7,61
Предпринимательство	6,18	5,75	6,33**	5,43**
<i>Альфа Кронбаха</i>	0,766	0,825	0,836	0,784

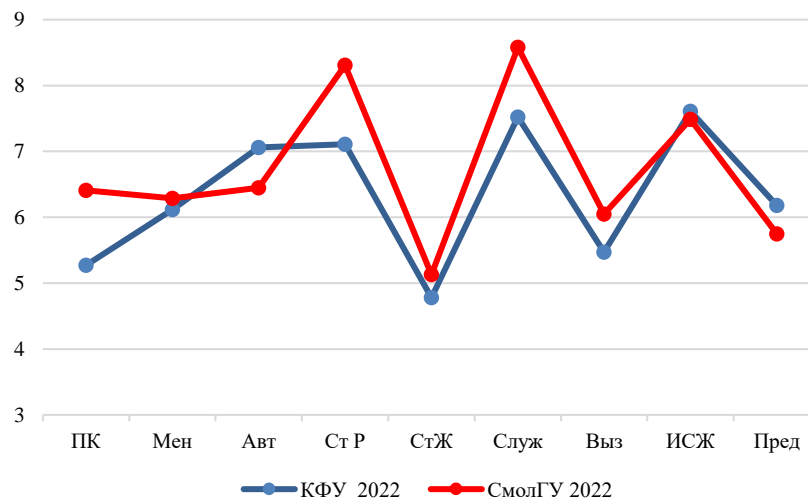
** $p < 0,001$.

Рис. 1. Карьерные ориентации студентов 1-го курса

Сравнение средних значений по методике «Якоря карьеры» показывает более высокие показатели следующих карьерных ориентаций у первокурсников СмолГУ по сравнению со студентами КФУ (табл. 3, рис. 1): профессиональная компетентность, стабильность места работы, служение и вызов.

Эти данные могут быть связаны с большим количеством мотивированных на получение педагогического образования студентов, поступивших в региональный вуз. Их ориентация на педагогическую профессию подчеркивается не только высокими показателями по шкалам «служение» и «стабильность места работы», но и по шкалам «профессиональная компетентность» и «вызов», которые свидетельствуют о понимании важности высокого уровня профессионализма в работе учителя и большей готовности к преодолению трудностей.

Проведенный **корреляционный** анализ позволяет выявить связи между карьерными ориентациями и увидеть их систему (табл. 4). У студентов КФУ выявлено 10 значимых корреляций (от 0,5 и выше), у студентов СмолГУ таких связей 9. Однако большее количество связей выявлено между ориентациями, не ассоциирующимися напрямую с педагогической деятель-

ностью: менеджмент, предпринимательство, автономия, вызов. Студенты обоих вузов связывают стремление к независимости с готовностью к риску, созданием своего дела, управленческими компетенциями – об этом свидетельствуют 6 пар совпадающих корреляций.

При этом у студентов КФУ также обнаруживаются связи ориентации служения с профессиональной компетентностью, вызовом и интеграцией стилей жизни, что демонстрирует понимание связи социально значимых ценностей выбранной профессии с необходимостью развития своих умений и способностей, готовностью к преодолению препятствий на этом пути. Связь служения с интеграцией стилей жизни у студентов КФУ может свидетельствовать о принятии социально значимых ценностей как важной составляющей образа жизни, куда входит и профессиональная самореализация. У студентов СмолГУ с интеграцией стилей жизни связана ориентация профессиональной компетентности, что позволяет рассматривать стремление к профессиональному развитию как важный жизненный ориентир. В целом для первокурсников СмолГУ отсутствие корреляционных связей для значимых у студентов ориентаций служения и стабильности свидетельствует о несформированности системы профессионально ориентированных карьерных диспозиций.

Таблица 4

Сравнение корреляций результатов методике «Якоря карьеры» студентов 1-го курса

КФУ 2022	СмолГУ 2022
Профессиональная компетентность и Служение – 0,493** Менеджмент и Предпринимательство – 0,670** Менеджмент и Вызов – 0,650** Менеджмент и Автономия – 0,501** Автономия и Предпринимательство – 0,558** Автономия и Интеграция стилей жизни – 0,534** Стабильность места работы и Стабильность места жительства – 0,501** Служение и Вызов – 0,564** Служение и Интеграция стилей жизни – 0,541** Вызов и Предпринимательство – 0,492**	Профессиональная компетентность и Интеграция стилей жизни – 0,507** Менеджмент и Предпринимательство – 0,806** Менеджмент и Вызов – 0,634** Менеджмент и Автономия – 0,598** Автономия и Предпринимательство – 0,636** Автономия и Интеграция стилей жизни – 0,599** Автономия и Вызов – 0,633** Вызов и Интеграция стилей жизни – 0,565** Вызов и Предпринимательство – 0,658**

Более структурированная система карьерных ориентаций первокурсников федерального университета может быть объяснена особенностями организации системы профессиональной подготовки, когда с первого семестра студенты осваивают не только теоретические дисциплины, но и погружаются в профессиональную среду через прохождение учебной практики рассредоточенного типа, предполагающей еженедельное посещение образовательных организаций. Таким образом к концу первого курса студенты КФУ не только овладевают теоретическими знаниями по педагогике и психологии, изучают введение в профессию, но и знакомятся с работой образовательных организаций, наблюдают за детьми, учатся с ними взаимодействовать, помогают педагогам в их работе. Анализ учебных планов образовательных программ КФУ и СмолГУ (табл. 5) показывает, на первый взгляд, схожий объем психолого-педагогических и методических дисциплин, а также объем учебных и производственных практик, однако при более детальном рассмотрении видны существенные различия по ряду параметров.

Во-первых, объем дисциплин педагогической направленности значительно меняется в зависимости от профиля обучения: в программах дошкольного, начального и дополнительного образования независимо от вуза предметы психолого-педагогического цикла представлены не только в инвариантной базовой части, но и в профессиональном блоке, где они занимают существенный объем учебного плана помимо дисциплин методической направленности. В учебных

планах филологических профилей СмолГУ таких дисциплин заметно меньше: по сути, это только базовые дисциплины, единые для всех педагогических профилей и методика преподавания изучаемого предмета. Во-вторых, различаются содержание и организация практик. В КФУ практики проходят каждый семестр, многие из них рассредоточенные, что позволяет студентам быть постоянно включенными в среду образовательной организации. Производственные практики, предполагающие более активное включение студентов в педагогическую деятельность, начинаются с 4 семестра. В СмолГУ у студентов дошкольного и начального образования на протяжении трех лет обучения во втором семестре проходят концентрированные учебные практики, предусматривающие посещение образовательных организаций, знакомство с направлениями их работы, развитие навыков взаимодействия с детьми и выполнение определенных профессиональных задач. У студентов филологов в это время проходят предметные учебные практики, не предполагающие знакомство с образовательными организациями. Первая производственная педагогическая практика запланирована в конце третьего курса – это летняя практика в оздоровительных лагерях. На момент проведения второго этапа исследования у студентов СмолГУ не было опыта прохождения данной практики.

Анализ данных опроса студентов 3-го курса показал разное отношение к профессии педагога у исследуемых не зависимо от вуза (табл. 6).

Таблица 5

Объем дисциплин и практик педагогической направленности за 1-3 курс

Вуз	Направление подготовки, профиль	Объем дисциплин, в з.е.	Объем практик учебных и производственных, в з.е.
КФУ	44.03.01 и 44.03.05 Дошкольное, начальное, дополнительное образование	Базовые (психолого-педагогический модуль) – 24. Профессиональные – 20–40	1-й курс – 3уч + 3уч (рассред.) 2-й курс – буч + бпр 3-й курс – бпр + (бпр)
СмолГУ	44.03.05 Филологическое образование	Базовые – 22. Профессиональные (методика) – 8–11	1-й курс – нет 2-й курс – нет 3-й курс – (бпр)
	44.03.05 Дошкольное, начальное образование	Базовые – 22. Профессиональные – не менее 30	1-й курс – буч 2-й курс – буч 3-й курс – буч + (бпр)

Примечание: практики, указанные в скобках, не проводились на момент исследования.

Таблица 6

**Распределение опрошенных по мотивационно-профессиональным характеристикам
и особенностям учебной деятельности**

Переменные	Признаки	Студенты КФУ (n = 104)		Студенты СмолГУ (n = 95)	
		чел.	%	чел.	%
Интерес к профессии:	Сохранился	40	38,5	45	47,4
	Появился	28	26,9	20	21,1
	Уменьшился	27	26,0	21	22,1
	Нет	9	8,7	9	9,5
Влияние теоретического обучения	Лучше понял(а) профессию	74	71,2	50	52,6
	Еще не понял(а)	13	12,5	12	12,6
	Интересны все аспекты	33	31,7	26	27,4
	Интересен педагогический аспект	15	14,4	21	22,1
	Интересен предмет	5	4,8	11	11,6
Влияние практик	Профессия не подходит	11	10,6	8	8,4
	Лучше понял(а) профессию	67	64,4	10	10,1
	Еще не понял(а)	14	13,5	8	8,4
	Интересны все аспекты	34	32,7	9	9,5
	Интересен педагогический аспект	7	6,7	1	1,1
	Интересен предмет	7	6,7	-	-
	Профессия не подходит	15	14,4	1	1,1
Оценки по педагогическим и методическим дисциплинам	Не было практики	-	-	70	73,7
	3, 3 и 4	7	6,7	9	9,5
	4, 4 и 5	63	60,6	58	61,1
Оценки по предметным дисциплинам	5	34	32,7	25	29,5
	3, 3 и 4	8	7,7	15	15,8
	4, 4 и 5	58	55,8	57	60,0
Профессиональные планы работы по специальности после окончания вуза	5	38	36,5	23	24,2
	Собираюсь работать по специальности	54	51,9	47	49,5
	Рассматриваю как запасной вариант	3	2,9	11	11,6
	Еще не знаю	42	40,4	35	36,8
	Нет	5	4,8	2	2,1

Значительная доля студентов, имевших интерес к педагогической профессии еще в момент поступления, сохранила его в процессе профессиональной подготовки. Доля тех, у кого не было и нет такого интереса, составляет менее 10%. Однако у ряда опрошенных произошли изменения: у части студентов, не проявляющих изначально интерес к работе учителя, он появился во время учебы, у другой части, напротив, существовавший ранее интерес уменьшился. С одной стороны, то, что более двух третей студентов имеют устойчивый интерес к профессии учителя, является положительным моментом, с другой стороны, снижение интереса у ряда студентов требует внимания и изучения причин.

Большинство студентов обоих вузов в целом отмечают влияние теоретического обучения на формирование более осознанного отношения к профессии педагога: изучение различных дисциплин помогло им лучше понять содержание профессии, ее различные аспекты.

Студенты СмолГУ больше дифференцируют предметный и педагогический аспекты профессии, что связано с преобладающим в выборке количеством студентов-филологов, т.е. будущих учителей-предметников. Однако можно отметить значительное количество студентов, которым интересны оба аспекта педагогической профессии в равной мере. Сопоставление влияния теоретического обучения и участия в практиках у студентов КФУ показывает схожие тенденции формирования отношения к профессии, что свидетельствует в целом о сбалансированной программе профессионально-педагогической подготовки. Студенты обоих

вузов также демонстрируют высокую успеваемость как по педагогическим и методическим дисциплинам, так и по дисциплинам предметного цикла. У студентов КФУ более высокая успеваемость по предмету, что может быть обусловлено комплексом причин: интересом студентов, их большей академической успешностью (по данным среднего балла поступления), качеством организации учебного процесса. На вопрос о планах работы по полученной специальности после окончания вуза около половины опрошенных из обоих вузов ответили утвердительно, но значительное количество студентов еще не определились с будущим местом работы. Положительно то, что отказались от работы по профессии только несколько человек.

Повторная диагностика студентов по методике «Якоря карьеры» показала, что средние показатели в обеих группах заметно сблизились (табл. 3, рис. 2). На третьем курсе достоверно значимо различается только шкала «предпринимательство», которая выше у студентов КФУ. По сравнению с данными первого курса у студентов КФУ выросло значение по шкале «стабильность места жительства», у студентов СмолГУ, напротив, снизились показатели по тем шкалам, которые были значимо выше на первом курсе: «профессиональная компетентность», «служение» и «вызов». Вероятно, снижение значимых для педагогической профессии ориентаций связано с формированием более реалистичных представлений о ней в процессе профессиональной подготовки [7].

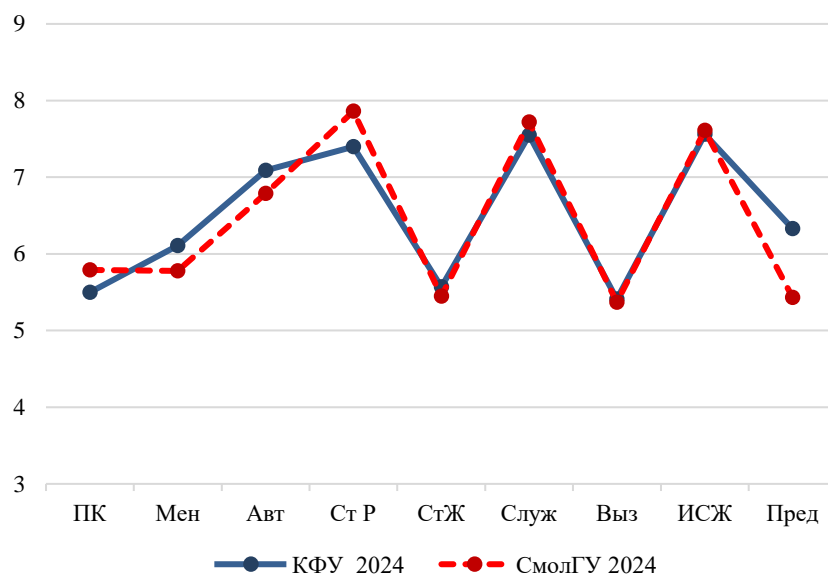

Рис. 2. Карьерные ориентации студентов 3-го курса

Таблица 7

Сравнение корреляций результатов методики «Якоря карьеры» студентов 3-го курса

КФУ 2022	СмолГУ 2022
Профессиональная компетентность и Менеджмент – 0,615**	Профессиональная компетентность и Служение – 0,582**
Профессиональная компетентность и Вызов – 0,593**	Профессиональная компетентность и Вызов – 0,498**
Менеджмент и Вызов – 0,618**	Менеджмент и Предпринимательство – 0,711**
Менеджмент и Предпринимательство – 0,569**	Менеджмент и Вызов – 0,749**
Менеджмент и Служение – 0,539**	Стабильность места работы и Интеграция стилей жизни – 0,517**
Автономия и Интеграция стилей жизни – 0,659**	Служение и Вызов – 0,579**
Служение и Вызов – 0,564**	Служение и Интеграция стилей жизни – 0,656**
Вызов и Предпринимательство – 0,600**	Вызов и Предпринимательство – 0,685**

Примечание: подчеркиванием выделены корреляции, совпадающие с данными 1 этапа исследования.

Корреляционный анализ результатов методики Шейна выявил по 8 значимых корреляций в структуре карьерных ориентаций третьекурсников КФУ и СмолГУ, 5 из которых совпадают (табл. 7). По сравнению с данными первого этапа исследования в обеих группах сохранились положительные корреляции для ориентаций менеджмента, предпринимательства и вызова.

Однако появились новые связи, которые свидетельствуют о значительной перестройке общей структуры. Ориентации профессиональной компетентности и служения включились в корреляционные связи, а ориентация автономии практически исчезла, что в целом свидетельствует о принятии педагогической профессии, осознании ее сущности, связанной с общественно значимой деятельностью, имеющей нормативный характер и осуществляющейся по определенным правилам.

В структуре карьерных ориентаций студентов обеих групп профессиональная компетентность и служение связаны с ориентацией вызова, что означает понимание профессионального становления и реализации ценностей в профессии как процессов, сопряженных с преодолением трудностей и препятствий. При

этом у студентов КФУ профессиональная компетентность и служение также связаны с ориентацией менеджмента, что можно рассматривать как стремление студентов к управленческой, организаторской деятельности в том числе в педагогической профессии.

Ориентация стабильности не включена в структурные связи с другими ориентациями, а интеграция стилей жизни связана только с автономией, то есть свидетельствует о стремлении к самостоятельности в выборе образа жизни. У студентов СмолГУ на третьем курсе, напротив, интеграция стилей жизни связана с другими ориентациями, связанными с педагогической профессией – служением и стабильностью места работы. Также ориентация служения связана с профессиональной компетентностью.

Таким образом, анализ структуры карьерных предпочтений студентов федерального вуза показывает их ориентацию не только на профессию педагога, но и возможности самореализации в других сферах, что согласуется с данными нашего исследования [20] о влиянии фактора вуза на карьерные ориентации студентов. У студентов регионального вуза в процессе профессиональной подготовки карьерные якоря, связанные с педагогической профессией, образуют систему связей, что

может свидетельствовать о более однозначной их ориентации на педагогическую профессию.

Заключение

Исследование карьерных ориентаций студентов, получающих педагогическое образование, на протяжении их профессиональной подготовки позволяет выявить определенную динамику изменений, обусловленную совокупностью мотивационных и учебных характеристик студентов, спецификой вуза и особенностями образовательного процесса.

1. У студентов обоих вузов сходные показатели социально-демографических характеристик, связанные с полом и социально-экономическим положением семей. При этом в федеральном университете больше обучающихся, приехавших из разных регионов и имевших более высокие баллы ЕГЭ. Стремление к обучению в высокорейтинговом федеральном университете объясняет внешнюю мотивацию поступления на педагогические программы по сравнению с региональным университетом, значительная доля студентов которого выбрали свое направление подготовки более осознанно, ориентируясь на интерес к профессии учителя.

2. У студентов обоих вузов схожие профили карьерных ориентаций с высокими показателями по шкалам «служение», «стабильность места работы», «интеграция стилей жизни», что свидетельствует в целом о готовности к педагогической профессии, принятии ее ценностно-содержательного и организационного аспектов.

3. Максимальное сближение показателей карьерных ориентаций в группах студентов третьего курса демонстрирует взаимосвязь мотивации и интереса к специальности, с одной стороны, и эффективности процесса организации профессиональной подготовки, с другой. Раннее включение в профессиональную дея-

тельность и сбалансированное сочетание теоретической и практической подготовки в федеральном вузе значительно улучшает отношение к профессии учителя, развивает интерес и повышает мотивацию. У студентов регионального вуза, несмотря на осознанный выбор профессии учителя, в период обучения снижаются карьерные ориентации по значимым шкалам «профессиональная компетентность» и «служение», что говорит, с одной стороны, о формировании более реалистичных представлений о выбранной специальности, с другой, требует внесения коррективов в организацию образовательного процесса.

4. В ходе профессиональной подготовки происходит изменение структурных связей между карьерными ориентациями: значительно уменьшается количество связей ориентации «автономия», увеличиваются связи ориентаций «профессиональная компетентность» и «служение». Различие между вузами заключается в большей вариативности карьеры у студентов федерального университета, многие из которых рассматривают работу учителем, как один из карьерных треков, в отличие от студентов регионального вуза, сосредоточенных именно на педагогической профессии.

Изучение карьерных ориентаций педагога на этапе обучения в вузе имеет прогностическое значение для определения отношения личности к будущей профессиональной деятельности, понимания ее принятия на ценностно-смысловом или прагматическом уровне. Организация процесса профессиональной подготовки в университете должна быть ориентирована на формирование диспозиций высшего уровня – профессиональных ценностей и соответствующих карьерных ориентаций, как на фундамент развития учителя как субъекта профессиональной деятельности, являющегося частью профессионально-педагогического сообщества, обладающего соответствующей идентичностью, педагогическим мировоззрением, способного к созидательному педагогическому творчеству.

Список источников

1. Котьяков: каждый четвертый студент педагогической специальности не заканчивает обучение // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23801049> (дата обращения: 10.07.2025).
2. Кравцов: замещающая потребность в педагогах до 2030 года составит 96 тыс. человек // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23313199> (дата обращения: 08.07.2025).
3. See B.H., Gorard S. Why don't we have enough teachers?: A reconsideration of the available evidence // Research Papers in Education. 2019. № 35 (4). P. 416–442. doi: 10.1080/02671522.2019.1568535
4. Kelchtermans G. «Should I stay or should I go?»: Unpacking teacher attrition/retention as an educational issue // Teachers and Teaching. 2017. № 23 (8). P. 961–977. doi: 10.1080/13540602.2017.1379793
5. Мотивация профессиональной карьеры будущих педагогов / Р.А. Валеева, Г.Г. Парфилова, И.Д. Демакова [и др.] // Образование и саморазвитие. 2022. Т. 17, № 3. С. 169–186. doi: 10.26907/esd.17.3.14
6. Егорова У.Г. Карьерные ориентации в студенческом возрасте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 6. С. 26–30.
7. Динамика карьерных ориентаций будущих педагогов: результаты межвузовского исследования / Р.А. Валеева, Г.Г. Парфилова, Ф.М. Кремень [и др.] // Образование и саморазвитие. 2024. Т. 19, № 3. С. 114–133. doi: 10.26907/esd.19.3.09
8. Schein E.H. Career anchors revisited: implications for career development in the 21st Century // Academy of Management Perspectives. 1996. № 10 (4). P. 80–88. doi: 10.5465/ame.1996.3145321
9. Scent C.L., Boes S.R. Acceptance and commitment training: A brief intervention to reduce procrastination among college students // Journal of College Student Psychotherapy. 2014. № 28 (2). P. 144–156. doi: 10.1080/87568225.2014.883887
10. Терновская О.П. Особенности карьерных ориентаций студентов на завершающем этапе вузовского обучения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 22 с.
11. Vizoso C., Arias-Gundín O., Rodríguez C. Exploring coping and optimism as predictors of academic burnout and performance among university students // Educational Psychology. 2019. № 39 (6). P. 768–783. doi: 10.1080/01443410.2018.1545996
12. Титова Е.В., Исаев А.В. Влияние вузовской профессиональной подготовки на развитие ценностных карьерных ориентаций студенческой молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 90–100. doi: 10.24412/2071-6141-2022-2-90-100
13. Харланова Т.Н. Особенности развития карьерных ориентаций студентов разных специальностей в процессе профессиональной подготовки // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2015. № 4. С. 103–116.
14. Eyles A., Major L.E., Machin S. Social Mobility – Past, Present and Future: The State of Play in Social Mobility, on the 25th Anniversary of the Sutton Trust. London : The Sutton Trust, 2022. 44 p.

15. McCafferty H., Tomlinson M., Kirby S. «You have to work ten times harder»: First-in-family students, employability and capital development // *Journal of Education and Work*. 2024. № 37 (1–4). P. 32–47. doi: 10.1080/13639080.2024.2383561
16. Kremen F., Kremen S. The influence of gender leadership styles of teachers on the professional choice // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, EdCW2020*. 2021. P. 94–103. doi: 10.15405/epsbs.2021.07.02.12
17. Stoet G., Geary D.C. Sex differences in adolescents' occupational aspirations: Variations across time and place // *PLoS ONE*. 2022. № 17 (1). e0261438. doi: 10.1371/journal.pone.0261438
18. Anderson C.J. The psychology of doing nothing: Forms of decision avoidance result from reason and emotion // *Psychological Bulletin*. 2003. № 129 (1). P. 139–167. doi: 10.1037/0033-2909.129.1.139
19. Hong J., Greene B., Roberson R., Cross Francis D., Keenan L.R. Variations in pre-service teachers' career exploration and commitment to teaching // *Teacher Development*. 2018. № 22 (3). P. 408–426. doi: 10.1080/13664530.2017.1358661
20. Valeeva R.A., Parfilova G.G., Kremen F.M., Kremen S.A. Career orientations of pre-service teachers: Exploring the influence of different types of universities // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2024. № 17 (2). P. 114–137. doi: 10.11621/pir.2024.0208
21. Ли Б., Игна О.Н. Этапы развития профессионального педагогического образования в Китае и России // *Научно-педагогическое обозрение*. 2019. № 5 (27). С. 30–39. doi: 10.23951/2307-6127-2019-5-30-39
22. Шафранов-Куцев Г.Ф. О современной модели подготовки педагога в структуре университетского комплекса // *Университетское управление: практика и анализ*. 2014. № 6 (94). С. 35–41.
23. Габдулхаков В.Ф., Башинова С.Н., Семенова М.Г. О технологиях подготовки учителей // *Научно-практический журнал «Гуманизация образования»*. 2018. № 3. С. 55–64.
24. Басюк В.С., Казакова Е.И., Врублевская Е.Г. Результаты мониторинга педагогического образования: ценностно-смысловая интерпретация // *Вестник Московского Университета. Серия 20. Педагогическое образование*. 2022. Т. 20, № 4. С. 152–168. doi: 10.51314/2073-2635-2022-4-152-168.
25. Калимуллин А.М., Валеева Р.А., Баклашова, Т.А. Подготовка учителей в классических университетах России: исторический контекст и современное состояние // *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*. 2024. № 22 (3). С. 9–28. doi: 10.55959/LPEJ-24-19
26. Alves M.G., Tomlinson M. The changing value of higher education in England and Portugal: Massification, marketization and public good // *European Educational Research Journal*. 2020. № 20 (2). P. 176–192. doi: 10.1177/1474904120967574
27. Sekhri S. Prestige matters: Wage premium and value addition in elite colleges // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2020. № 12 (3). P. 207–225. doi: 10.1257/app.20140105
28. Shibanova E., Malinovsky S. Higher education in Soviet and Russian welfare states: hybridization, continuity and change // *European Journal of Higher Education*. 2021. № 11 (3). P. 273–291. doi: 10.1080/21568235.2021.1945475
29. Tholen G., Brown P., Power S., Allouch A. The role of Networks and connections in Educational Elites' Labour Market Entrance // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2013. № 34. P. 142–154. doi: 10.1016/j.rssm.2013.10.003
30. Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю., Маслова Е.А. В чем разница между «самыми лучшими» и «достаточно престижными» университетами? Карьерные ожидания студентов ведущих и неселективных вузов // *Вопросы образования/Educational Studies Moscow*. 2024. № 3 (2). С. 171–210. doi: 10.17323/vo-2024-18619
31. Tomlinson M., Jackson D. Professional identity formation in contemporary higher education students // *Studies in Higher Education*. 2019. № 46 (4). P. 885–900. doi: 10.1080/03075079.2019.1659763
32. Кунаковская Л.А., Кривотулова Е.В. Педагогическое образование в классическом университете: от истории к современным реалиям (опыт деятельности кафедры педагогики и педагогической психологии ВГУ) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*. 2022. № 2. С. 41–44.
33. Маланов И.А. Профессиональная подготовка учителей в условиях классического университетского образования // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2018. № 3–4. С. 35–39.
34. Fray L., Gore J. Why people choose teaching: A scoping review of empirical studies, 2007–2016 // *Teaching and Teacher Education*. 2018. № 75. P. 153–163. doi: 10.1016/j.tate.2018.06.009

References

1. Kotyakov, A.O. (2025) Kazhdy chetvrtyy student pedagogicheskoy spetsial'nosti ne zakonchivayet obucheniye [Every fourth Pedagogy student does not finish studies]. TASS. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/23801049> (Accessed: 10.07.2025).
2. TASS. (2025) Kravtsov: Zameshchayushchaya potrebnost' v pedagogakh do 2030 goda sostavit 96 tys. chelovek [Kravtsov: Substitution demand for teachers up to 2030 will be 96 thousand people]. TASS. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/23313199> (Accessed: 08.07.2025).
3. See, B.H. & Gorard, S. (2019) Why don't we have enough teachers? A reconsideration of the available evidence. *Research Papers in Education*. 35 (4). pp. 416–442. doi: 10.1080/02671522.2019.1568535
4. Kelchtermans, G. (2017) 'Should I stay or should I go?': Unpacking teacher attrition/retention as an educational issue. *Teachers and Teaching*. 23 (8). pp. 961–977. doi: 10.1080/13540602.2017.1379793
5. Valeeva, R.A. et al. (2022) Motivatsiya professional'noy kariery budushchikh pedagogov [Motivation of professional career of future teachers]. *Obrazovaniye i samorazvitiye*. 3 (17). pp. 169–186. doi: 10.26907/esd.17.3.14
6. Egorova, U.G. (2017) Kar'yernyye orientatsii v studencheskom vozraste [Career orientations in student age]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo gosudarstvennogo akademii nauk. Sotsial'nyye, humanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki*. 6 (19). pp. 26–30.
7. Valeeva, R.A. et al. (2024) Dinamika kar'yernykh orientatsiy budushchikh pedagogov: rezul'taty mezhvuzovskogo issledovaniya [Dynamics of career orientations of future teachers: results of interuniversity research]. *Obrazovaniye i samorazvitiye*. 3 (19). pp. 114–133. doi: 10.26907/esd.19.3.09
8. Schein, E.H. (1996) Career anchors revisited: implications for career development in the 21st Century. *Academy of Management Perspectives*. 10 (4). pp. 80–88. doi: 10.5465/ame.1996.3145321
9. Scent, C.L. & Boes, S.R. (2014) Acceptance and commitment training: A brief intervention to reduce procrastination among college students. *Journal of College Student Psychotherapy*. 28 (2). pp. 144–156. doi: 10.1080/87568225.2014.883887
10. Ternovskaya, O.P. (2006) *Osobennosti kar'yernykh orientatsiy studentov na zavershayushchem etape vuzovskogo obucheniya* [Features of career orientations of students at the final stage of university education]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Moscow.
11. Vizoso, C., Arias-Gundín, O. & Rodríguez, C. (2019) Exploring coping and optimism as predictors of academic burnout and performance among university students. *Educational Psychology*. 39 (6). pp. 768–783. doi: 10.1080/01443410.2018.1545996
12. Titova, E.V. & Isaev, A.V. (2022) Vliyaniye vuzovskoy professional'noy podgotovki na razvitiye tsennostnykh kar'yernykh orientatsiy studencheskoy molodyozhi [The influence of university professional training on the development of value career orientations of student youth]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. 2. pp. 90–100. doi: 10.24412/2071-6141-2022-2-90-100
13. Kharlanova, T.N. (2015) Osobennosti razvitiya kar'yernykh orientatsiy studentov raznykh spetsial'nostey v protsesse professional'noy podgotovki [Features of development of career orientations of students of different specialties in the process of professional training]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoye obrazovaniye*. 4. pp. 103–116.
14. Eyles, A., Major, L.E. & Machin, S. (2022) *Social Mobility – Past, Present and Future: The State of Play in Social Mobility, on the 25th Anniversary of the Sutton Trust*. London: The Sutton Trust.

15. McCafferty, H., Tomlinson, M. & Kirby, S. (2024) 'You have to work ten times harder': First-in-family students, employability and capital development. *Journal of Education and Work*. 37 (1–4). pp. 32–47. doi: 10.1080/13639080.2024.2383561
16. Kremen, F. & Kremen, S. (2021) The influence of gender leadership styles of teachers on the professional choice. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, EdCW2020*. pp. 94–103. doi: 10.15405/epsbs.2021.07.02.12
17. Stoet, G. & Geary, D.C. (2022) Sex differences in adolescents' occupational aspirations: Variations across time and place. *PLoS ONE*. 17 (1). e0261438. doi: 10.1371/journal.pone.0261438
18. Anderson, C.J. (2003) The psychology of doing nothing: Forms of decision avoidance result from reason and emotion. *Psychological Bulletin*. 129 (1). pp. 139–167. doi: 10.1037/0033-2909.129.1.139
19. Hong, J. et al. (2018) Variations in pre-service teachers' career exploration and commitment to teaching. *Teacher Development*. 22 (3). pp. 408–426. doi: 10.1080/13664530.2017.1358661
20. Valeeva, R.A. et al. (2024) Career orientations of pre-service teachers: Exploring the influence of different types of universities. *Psychology in Russia: State of the Art*. 17 (2). pp. 114–137. doi: 10.11621/pir.2024.0208
21. Li, B. & Igna, O.N. (2019) Etapy razvitiya professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya v Kitae i Rossii [Stages of development of professional pedagogical education in China and Russia]. *Nauchnopedagogicheskoye obozreniye*. 5 (27). pp. 30–39. doi: 10.23951/2307-6127-2019-5-30-39
22. Shafranov-Kutsev, G.F. (2014) O sovremennoy modeli podgotovki pedagoga v strukture universitetskogo kompleksa [On the modern model of teacher training in the structure of the university complex]. *Universitetskoye upravlenie: praktika i analiz*. 6 (94). pp. 35–41.
23. Gabdulkhakov, V.F., Bashinova, S.N. & Semenova, M.G. (2018) O tekhnologiyakh podgotovki uchiteley [On teacher training technologies]. *Nauchnoprakticheskiy zhurnal "Gumanizatsiya obrazovaniya"*. 3. pp. 55–64.
24. Basyuk, V.S., Kazakova, E.I. & Vrublevskaya, E.G. (2022) Rezul'taty monitoringa pedagogicheskogo obrazovaniya: tsennostno-smyslovaya interpretatsiya [Results of monitoring pedagogical education: value-semantic interpretation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye*. 4 (20). pp. 152–168. doi: 10.51314/2073-2635-2022-4-152-168
25. Kalimullin, A.M., Valeeva, R.A. & Baklashova, T.A. (2024) Podgotovka uchiteley v klassicheskikh universitetakh Rossii: istoricheskiy kontekst i sovremennoe sostoyaniye [Teacher training at classical universities of Russia: historical context and current state]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye*. 22 (3). pp. 9–28. doi: 10.55959/LPEJ-24-19
26. Alves, M.G. & Tomlinson, M. (2020) The changing value of higher education in England and Portugal: Massification, marketization and public good. *European Educational Research Journal*. 20 (2). pp. 176–192. doi: 10.1177/1474904120967574
27. Sekhri, S. (2020) Prestige matters: Wage premium and value addition in elite colleges. *American Economic Journal: Applied Economics*. 12 (3). pp. 207–225. doi: 10.1257/app.20140105
28. Shibanova, E. & Malinovskiy, S. (2021) Higher education in Soviet and Russian welfare states: hybridization, continuity and change. *European Journal of Higher Education*. 11 (3). pp. 273–291. doi: 10.1080/21568235.2021.1945475
29. Tholen, G. et al. (2013) The role of Networks and connections in Educational Elites' Labour Market Entrance. *Research in Social Stratification and Mobility*. 34. pp. 142–154. doi: 10.1016/j.rssm.2013.10.003
30. Malinovskiy, S.S., Shibanova, E.Yu. & Maslova, E.A. (2024) V chem raznitsa mezhdru 'samymi luchshimi' i 'dostatochno prestizhnymi' universitetami? Kar'yernyye ozhidaniya studentov vedushchikh i neselektivnykh vuzov [What is the difference between 'the very best' and 'sufficiently prestigious' universities? career expectations of students of leading and non-selective universities]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*. 3 (2). pp. 171–210. doi: 10.17323/vo-2024-18619
31. Tomlinson, M. & Jackson, D. (2019) Professional identity formation in contemporary higher education students. *Studies in Higher Education*. 46 (4). pp. 885–900. doi: 10.1080/03075079.2019.1659763
32. Kunakovskaya, L.A. & Krivotulova, E.V. (2022) Pedagogicheskoye obrazovaniye v klassicheskom universitete: ot istorii k sovremennym realiyam (opyt deyatel'nosti kafedry pedagogiki i pedagogicheskoy psikhologii VGU) [Pedagogical education in a classical university: from history to modern realities (experience of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of VSU)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya*. 2. pp. 41–44.
33. Malanov, I.A. (2018) Professional'naya podgotovka uchiteley v usloviyakh klassicheskogo universitetskogo obrazovaniya [Professional training of teachers in the conditions of classical university education]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3–4. pp. 35–39.
34. Fray, L. & Gore, J. (2018) Why people choose teaching: A scoping review of empirical studies, 2007–2016. *Teaching and Teacher Education*. 75. pp. 153–163. doi: 10.1016/j.tate.2018.06.009

Информация об авторах:

Кремень Ф.М. – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной работы Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). E-mail: fmkremen@gmail.com

Валеева Р.А. – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия); приглашенный профессор Ляонинского педагогического университета (Далянь, Китай). E-mail: valeykin@yandex.ru

Кремень С.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). E-mail: skremen@yandex.ru

Парфилова Г.Г. – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: parfilova2007@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

F.M. Kremen, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: fmkremen@gmail.com

R.A. Valeeva, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Pedagogy, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); Liaoning Normal University (Dalian, China). E-mail: valeykin@yandex.ru

S.A. Kremen, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: skremen@yandex.ru

G.G. Parfilova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: parfilova2007@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025;
одобрена после рецензирования 31.08.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 17.07.2025;
approved after reviewing 31.08.2025; accepted for publication 30.09.2025.

Original article
UDC 378
doi: 10.17223/15617793/518/21

Strategies for overcoming the problems of intercultural communication in Chinese students' EFL teaching

Lin Liyuan¹, Olga A. Obdalova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ linliyuan@yandex.ru

² o.obdalova@mail.ru

Abstract. This study investigates effective strategies to enhance intercultural communicative competence (ICC) among Chinese EFL learners through a mixed-methods approach. Drawing on Wen Qiufang's intercultural framework and China's 2020 EFL guidelines, we analyzed survey data from 255 undergraduates/graduates (128 males, 127 females) via SPSS (Statistical Package for the Social Sciences, as one of the most influential statistical analysis software globally, it integrates data management, statistical modeling, and visualization into a full-process analytical platform) 27.0. Findings reveal that technology-integrated comparative cultural analysis significantly improves ICC ($M = 3.65$, $SD = 1.298$), while highlighting persistent challenges in balancing Western and Chinese cultural content. The proposed Third Space Teaching Approach demonstrates efficacy in fostering hybrid cultural literacy through cognitive, affective, and behavioral strategies.

Keywords: EFL teaching, Chinese educational context, intercultural competence, teaching intercultural communication in China, strategies

For citation: Liyuan, Lin & Obdalova, O.A. (2025) Strategies for overcoming the problems of intercultural communication in Chinese students' EFL teaching. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 183–191. doi: 10.17223/15617793/518/21

1. Introduction

Continuous advancement of globalization and the sustained implementation of the Belt and Road Strategy (The Belt and Road Initiative (BRI), proposed by Chinese President Xi Jinping in 2013, aims to enhance regional connectivity and economic cooperation through infrastructure development, trade, and investment across Asia, Europe, Africa, and beyond) make it necessary to strengthen the cultivation of intercultural communicative competence for university students in the new era of multicultural society [1]. As one of the important languages for international communication, English is widely used in the process of international communication in life and work, and it is in great demand among contemporary Chinese university students. The Common European Framework of Reference for Languages emphasizes that the purpose of teaching modern languages is to promote "mutual understanding and tolerance, respect for identity and cultural diversity" through more effective intercultural communication [2]. Moreover, the Ministry of Education of China issued Guide to Teaching English at University (2020), which further proposes that EFL teaching at university should take into account its instrumental and humanistic nature [3], emphasizing the importance and urgency of developing intercultural competence in learners. It can be seen that language teaching nowadays is not only for language learning, but also for enhancing cultural integration and communication in the context of different cultural backgrounds and communicative contexts.

This update has marked a change in the goal of foreign language teaching and brought significant implications and challenges for pedagogical practices [4]. Now we will

examine some specific challenges in EFL teaching in China.

Due to the fact that English language teaching in Chinese universities has long been under the influence of traditional exam-oriented education there was an over-emphasis on the importance of the cultures of English-speaking countries. This, firstly, resulted in the lack of practical and applied teaching, when content mainly presents Western values in EFL teaching. Secondly, cultural differences between Chinese and English-speaking countries expand divergent cultural backgrounds, which cannot avoid cultural failures in mutual communication and cooperation. Thirdly, some EFL teachers do not have comprehensive cultural literacy in applying methodology of teaching focused on intercultural communication. They stick to the traditional paradigm of Western culture and lack the ability to excavate Chinese cultural elements in their teaching strategies [5]. All in all, these factors have been manifested in Chinese EFL learners' low-developed skills of intercultural communication with English-speaking people. The lack of their awareness of critical thinking about various cultures of English-speaking countries and insufficient understanding of the value and practical significance of rich national Chinese culture further contribute to the inadequacy of intercultural communicative competence in them.

The aim of this article is to explore the sociocultural background and methodology of EFL education in China and put forward effective strategies for Chinese students' intercultural communication that are in line with the goal of cultivating skillful speakers and communicators, who are capable to use appropriate language and non-verbal communication tools in accordance with the situation.

2. Literature review

Regarding intercultural communicative competence, although different scholars have different views on the constituent elements of intercultural communicative competence, a consensus has been reached on the trichotomy based on cognitive, affective/attitudinal and behavioral dimensions [6–9].

Engaging in intercultural interactions can be a difficult and complex experience [9, 10]; the root cause lies in the "cultural filter" effect of information transmission – the decoding of the same information by the sender and receiver may be biased due to cultural cognitive differences [11]. As the subconscious framework of cultural cognition, ethnocentrism makes individuals instinctively judge different cultural phenomena based on the mother tongue culture, leading to the distortion of meaning [12]. Anthropologist Edward Hall says that humans are inherently ethnocentric, which means that other cultures are analyzed and judged based on their native culture, which is considered the standard culture [13]. For example, high context cultures (such as China) rely on context and relationship to convey implicit information, while low context cultures (such as the United States) focus on the explicit expression of the language itself. This difference often makes the former misunderstood as "vague expression" and the latter as "lack of euphemism". Therefore, no one in a particular culture can draw unbiased conclusions about the values, behavior, customs, and traditions of another culture. Cultural differences and impediments to comprehension not only result from the complexity and variety of languages, the deeper difference lies in the division of thinking patterns, that is to say, how individuals recognize information sources of knowledge and engage in structured thinking [14]. Intercultural research based on cognitive psychology shows that Chinese cultural groups tend to have holistic cognition and dialectical thinking, emphasizing the relevance of things (such as "the unity of heaven and man") [15]; the English cultural group is better at analytical thinking, focusing on conceptual decomposition and logical deduction [16]. At the linguistic level, the differences are as follows: Chinese parataxis (dependent on semantic coherence) vs English "hypotaxis" (depending on grammatical structure), Chinese "hint" vs. English "definiteness" [16, 17]. In nonverbal communication, English cultural individuals communicate through high-frequency eye contact (to convey trust) and rich expressions (to strengthen emotional expression), while Chinese cultural individuals tend to restrain explicit emotions and rely on situational cues (such as social distance and identity level) to maintain harmonious relationships [18, 19].

Consequently, foreign language teaching (FLT) entails not merely the transmission of linguistic knowledge and skills, but more crucially, the cultivation of students' communicative competence and their ability to engage in intercultural communication through a foreign language [20, 21]. Chinese scholar Wen Qiufang, in the *Guide to Teaching English at University* (2020), articulates six dimensions of ICC in English as a foreign language (EFL) education: 1) respecting cultural diversity while

maintaining critical awareness of potential Western value orientations embedded in discourse; 2) mastering foundational theories and analytical frameworks of intercultural studies to transcend limitations of Western-centric theories and resist the formation of Eurocentric thinking patterns; 3) identifying both surface-level and deep-rooted similarities/differences between Chinese and foreign cultures through comparative analysis; 4) interpreting and evaluating diverse cultural phenomena, texts, and products; 5) achieving effective and context-appropriate intercultural communication by adhering to situational norms; and 6) developing intercultural inclusiveness and reflexive awareness [22].

Notably, EFL teaching currently suffers from the issue of Chinese cultural aphasia – a neglect of Chinese cultural discourse in intercultural communication [23, 24]. Unbalanced cultural instruction has distorted Chinese students' knowledge structures, leading to three critical issues: 1) blind mimicry of foreign cultures, 2) insufficient appreciation for global cultural diversity, and 3) alienation from indigenous traditions [25]. Furthermore, the dominance of Western intercultural theories and methodologies in FLT curricula risks imposing implicit value biases, potentially shaping students' thinking into Western molds and even fostering prejudices against their own national culture [26]. Educators lacking solid Chinese cultural literacy often overemphasize English-language cognitive patterns, rigidly applying Western cultural paradigms without integrating Chinese cultural elements into pedagogy. This inadvertently positions them as disseminators of Western culture, sidelining the cultivation of students' national identity, ethical character, and cultural spirit [5].

A compounding problem lies in the fragmented implementation of intercultural programs in FLT. Due to the absence of a comprehensive, evidence-based framework defining ICC objectives, curricular contents, pedagogical methods, and assessment criteria, these initiatives often yield suboptimal outcomes [27].

In response to the aforementioned challenges, Chinese scholars have extensively proposed pedagogical strategies, synthesized experiences in instructional concepts and modalities, and validated classroom practices through analyzing intercultural communication assessments spanning 2000–2020 [28]. Recent scholarship on these strategies has primarily focused on five interrelated domains: teaching methodologies, curricular materials development, instructional content design, curriculum architecture, and educator competencies, among others: 1) technology-infused pedagogy: driven by digital transformation, teaching methodologies now integrate technology with cultural mediation functions. For instance, Li Zhe (2022) conceptualized a "real-virtual fusion" hybrid model for intercultural communication courses, combining face-to-face interactions with digital simulations [29]. Wang Jijun et al. (2021) leveraged virtual reality (VR) to construct immersive intercultural communicative scenarios in experimental teaching [30], while Cai Yan and Lin Zhang (2022) established smart learning communities for language majors using intelligent classrooms and cloud platforms, enabling adaptive cultural knowledge

construction [31]; 2) culturally anchored curriculum design: curricular materials and content development emphasize intercultural literacy – balancing global perspectives with indigenous knowledge systems. Textbooks are now designed to not only showcase cultural diversity but also systematically embed Chinese cultural heritage [21, 32], ensuring learners can identify and articulate endogenous cultural elements. Instructional content adopts a comparative framework, integrating linguistic pedagogy with dialectical analyses of sino-foreign cultural interactions. This requires educators to avoid simplistic cultural dichotomies; instead, they should foster critical thinking by interrogating Western theoretical paradigms through the lens of cultural self-consciousness – to promote reflexive understanding of one's own cultural roots [5, 33]; 3) teacher competency enhancement: the efficacy of intercultural education hinges on teachers' dual roles as curriculum designers and cultural mediators. Scholars emphasize the need for educators to: master intercultural teaching methodologies that center on learners' national cultural identities [26, 34]; develop digital-humanistic literacy-integrating technological fluency (e.g., smart classroom tools, AI-driven language platforms [35, 36]) with deep cultural expertise; facilitate virtual collaborative projects (e.g., Sino-English online exchanges [37]), where digital human technologies like Sad Talker are employed to enhance nonverbal communication training. By synchronizing audio-visual data, converting emotional cues into life like facial expressions, and embedding these interactive elements into curricula, teachers can create authentic intercultural communicative scenarios that bridge linguistic and nonverbal competence gaps [38].

From the historical perspective of China's foreign language teaching development, we can state that China's foreign language education is characterized by connotative and stage-specific features, in other word, the relationship between foreign language education and the development of the country's macroscopic policy has been always closely linked [39]. After China's integration into the wave of globalization in the 21st century, the enhancement of intercultural communication awareness and intercultural communicative competence has become an important EFL teaching objective. The objectives of English teaching at university level also include the development of students' ability for independent learning and the enhancement of comprehensive cultural literacy, so that they can use English effectively in their studies, life, social interactions and future work, and to meet the needs of the country, society, the university and personal development [40].

Holliday states the fact that essentialized intercultural teaching that focuses exclusively on national or ethnic cultures can also easily lead to reductionist overgeneralization and ethnocentric otherization [41]. Kramsch (1997) introduced the theory of 'third space' into intercultural communication competence and foreign language teaching [42], and scholars such as Lo Bianco et al. and Dobinson followed this theory to explore the identity construction of second language learners in the dominant culture [43, 44]. Bhabha uses the concept of 'third space' in his discussion of cultural identity in the

postcolonial era, criticising the polarisation of intercultural communication as not-me-as-you or not-you-as-me, and arguing that the two cultures merge with each other in the process of contact to form a hybrid culture between the thresholds of subconsciousness and self-perception [45].

Therefore, we advocate the use of an intercultural teaching approach to integrate a two-way cultural teaching framework to form a third cultural space. According to problems arise in developing intercultural communication competence in EFL teaching, in order to put the six aspects of intercultural communication competence formation into practice, we emphasize the need for the development of intercultural communication competence in EFL teaching to be based on non-essentialism, that is, developing in an emerging, dynamic, and consultative nature, and to focus on the co-constructive aspects of learning [46, 47]. It will help to create an integrated teaching approach for building the third cultural spaces, when Chinese characteristics of culture are taken into account, and China's national conditions and cultural context are integrated into EFL teaching. However, there is little research on how to better utilize features and similarities and differences in a two-way cultural EFL framework teaching to create a third cultural space in teaching Chinese students. Consequently, this study aims to explore the way of the integration culture of teaching approach to overcome the mentioned groups of the problems in the EFL teaching in order to facilitate the development of students' intercultural communicative competence. The integrated teaching approach in the third cultural space primarily refers to the objective and rational comparative analysis of Chinese culture and English-speaking countries' culture based on cultivating the cultural third perspective of learners and constructing the third cultural space of their own.

3. Research questions

From the reviewed literature, it becomes clear that there are problems in Chinese students' EFL teaching methodology in modern conditions. Within the framework of this article, we pose the following research questions:

What is an effective teaching approach that facilitates the construction of the teaching and learning processes with an emphasis on the development of intercultural communicative competence in Chinese students?

(1) What are the strategies of verbal and non-verbal communication that allow Chinese students: (a) to overcome difficulties in intercultural EFL communication; (b) to equip them with knowledge about the intercultural differences between China and English-speaking countries; (c) to maintain effective communication and personal contact?

4. Methodology

4.1. Research design

In the current study, we utilized qualitative analysis (content analysis) to define the causes and problems that hinder students' intercultural communicative competence development in EFL teaching. Apart from that, we apply

quantitative analysis (questionnaires and correlational studies) to explicate an effective teaching approach that facilitates the construction of the teaching-learning process with the emphasis on the development of intercultural communicative competence, as well as to examine the elements influencing the growth of intercultural communicative competence and particular strategies for resolving intercultural communicative problems. We used a questionnaire which includes four parts. Chinese English learners' basic information is covered in the first part; the second part measures the main factors that affect the improvement of Chinese English learners' intercultural communicative competence. These factors are examined and analyzed primarily in three dimensions: cognitive, affective, and behavioral. The analysis is based on Professor Wen Qiufang's interpretation of intercultural communication in China in conjunction with the Guide to the Teaching English at Universities (2020). The third part identifies and compiles the problems that arise when teaching intercultural communication in an EFL classroom. The fourth part investigates how satisfied students are with the intercultural teaching approaches they have encountered.

4.2. Participants

This investigation covers data collected from studies of students studying at leading Chinese universities (Top 100 comprehensive universities according to ABC University Rankings in China), including Beijing University of Aeronautics and Astronautics, Henan University etc. The target group included master and doctorate students as well as juniors and seniors at the undergraduate level at those universities. The total number of 255 questionnaires were collected, which included 128 males and 127 females.

4.3. Data collection and analysis

Students were asked to score the significance of the teaching approaches listed on the 5-point Likert scale (Anchors are defined as: 1 = not at all important, 2 = not important, 3 = fairly important, 4 = important, 5 = completely important) as questionnaire's satisfaction measure with intercultural teaching approaches. Besides, we investigated an effective EFL intercultural teaching approach for Chinese university students using SPSS

(Statistical Package for the Social Sciences) 27.0 for the descriptive statistical analysis of the questionnaire data.

Descriptive statistical analyses (Table 1) revealed that the mean scores of all survey items across dimensions ranged between 3.00 and 4.00 on a 5-point Likert scale, suggesting a moderate-to-high level of student satisfaction with the intercultural communication-oriented teaching approaches implemented in the EFL curriculum. The standard deviations (SD) for these variables fell within the range of 1.00 to 2.00, indicating limited dispersion in responses and a general consensus among participants regarding the perceived efficacy of the teaching approaches. These findings collectively imply that the intercultural communication competence-focused teaching approaches adopted in this study were broadly effective in meeting students' learning expectations.

Notably, comparative cultural analysis emerged as the most favorably evaluated method, achieving the highest mean score ($M = 3.65$, $SD = 1.298$). The negative skewness value (Skewness = -0.733) for this variable further demonstrates that the distribution of responses was asymmetrically concentrated toward the higher end of the scale, with only a small subset of students reporting dissatisfaction (e.g., ratings ≤ 2). This marginal divergence may be attributed to individual differences in prior cultural exposure, learning preferences, or contextual barriers (e.g., limited access to authentic intercultural interaction opportunities).

4.4. Interpretation and implications

Mean scores in the upper-middle range (3-4) are consistent with Byram's theoretical framework of intercultural competence that suggests structured comparative cultural teaching approaches can increase learners' dynamic cognitive awareness of intercultural and critical thinking [48]. The prominence of two-way comparative cultural analyses confirms Bennett's (1993) assertion that sensitivity to differences between native and target cultures reduces ethnocentric bias [49]. However, the considerable standard deviation ($SD = 1.298$) underscores the need for differentiated instructional approaches to accommodate heterogeneous learner characteristics.

Table 1

Mean and standard deviation of Chinese university students' satisfaction with intercultural communication teaching approaches in EFL teaching

Exploring intercultural communication teaching approaches in EFL teaching	Variables	M	SD	Skewness	Kurtosis
	Comparative cultural analysis	3.65	1.298	-0.733	-0.55
	Real context simulation	3.49	1.391	-0.528	-1.012
	Role-playing	3.56	1.37	-0.643	-0.831
	Sharing of cultural experiences	3.56	1.287	-0.63	-0.667
	Case study method	3.61	1.305	-0.686	-0.66
	Game-based learning	3.51	1.313	-0.606	-0.782
	Cultural project	3.57	1.338	-0.584	-0.915
	Reflective journal	3.53	1.3	-0.592	-0.732

Note: The 5-point Likert scale uses anchors where **1 = not important at all** and **5 = completely important**. The higher the value, the more important respondents perceived this teaching approach to be.

Through statistical analysis, this investigation further validates that comparative cultural analysis has emerged as a pivotal teaching approach in EFL education at Chinese universities, particularly in fostering students' intercultural communication competence. By systematically examining the dynamic interplay of similarities and differences between target and native cultures, this methodology enables learners to navigate intercultural interactions with greater awareness, adaptability, and reflexivity. Within the domain of intercultural pedagogy and cultural comparison research, Chinese scholars have made significant theoretical and empirical contributions, offering frameworks that bridge global perspectives with localized educational contexts, for example, the Integrated Model for Chinese Students' Intercultural Competence Development (IMCSICD), constructed by Professors Zhang Hongling and Yao Chunyu, is based on the Chinese context and oriented to the cultivation of global citizenship, which highlights bicultural, even multicultural, understanding of differences and structured analysis of non-verbal communication patterns in order to mitigate pragmatic errors and improve learners' ability to negotiate meaning in intercultural environments [50]. Here are some particular measures and procedures to structure the process of intercultural comparison:

– Defining the analytical framework: in order to compare cultural dimensions, choose appropriate cultural dimensions or theoretical models, such as Hofstede's cultural dimensions (power distance, individuality vs. collectivism, uncertainty avoidance, and long-term orientation vs. short-term orientation).

– Data collection: It includes literature research, case studies, surveys, etc.:

1) literature research: use artificial intelligence such as ChatGPT to refer to books, research papers, and reports about the target culture in order to gain knowledge of its values, history, thinking paradigm, customs, behavioral characteristics, etc.;

2) fieldwork: gather pertinent cultural data by means like online interviews, surveys, or direct observation;

3) case study: examine particular instances of intercultural communication to see how cultural variations affect communication.

– Conduct a comparison: creating a table or chart that compares and analyzes the characteristics of two-way culture in various dimensions. For example, according to Hofstede's cultural dimensions, the form of cultural comparison is constructed (Table 2).

Table 2

Comparison of Chinese culture and the culture of English-speaking countries

Cultural dimension	Chinese culture	Culture of English-speaking countries
Power distance	High power distance index. The usual response to inequalities in the distribution of power is a high degree of acceptance, and it emphasizes on hierarchy	Low power distance index. The culture of English-speaking countries is weakly hierarchical and clearly oriented on individual rights
Individuality vs. collectivism	Collectivism, where the interests of the team as a whole take precedence above individual sentiments	Individual liberties and rights are often emphasized in individuality.
Uncertainty avoidance	High level of uncertainty avoidance. Stability is prized in Chinese culture	Low level of uncertainty avoidance. People are more receptive to uncertainty in their lives
Long-term orientation vs. short-term orientation	China is a typical country with a long-term orientation. "Taking stock of the past, building on the present, and grasping the future" is what we advocate. We prioritize establishing and preserving long-term connections because we think that long-term planning has greater significance than short-term planning	English-speaking countries tend to have a short-term orientation, focusing on the current situation

– Cultural sensitivity and adaptation training: students can experience and gain a deeper understanding of emotion, cognition, and behavior in a particular cultural setting through role-playing that incorporates Metaverse technology, and game-based learning. Through conversation and communicative negotiation, students deconstruct personal identity and create a third identity in a transformed communicative background that encompasses both national cultural identity and self-reconstructed personal identity.

– Reflection and conclusion: 1) composing a reflection: in order to improve intercultural self-awareness and understanding, the instructor encourages students to record their triumphs and errors and to consider how cultural differences affect communication after the exchange; 2) a synopsis of the report: to summarize the results and offer suggestions for own future intercultural communication, and a report on the comparative cultural analysis is created.

– Practice and feedback: 1) practice application: using the cultural knowledge and competence acquired in authentic communication and assessing the results; 2) feedback collection: to enhance next comparative cultural studies and communication tactics, real feedback is gathered from participants and cultural object.

Grounded in empirical investigations conducted across Chinese universities and informed by the intercultural teaching framework that synthesizes two-way cultural paradigms (Chinese and Anglophone), this study proposes a Third Space Teaching Approach (TSTA) for comparative cultural analysis. Drawing on Bhabha's (1994) conceptualization of the "third space" as a liminal zone of hybridity and negotiation, Third Space Teaching Approach transcends monocultural didacticism by fostering co-constructed intercultural literacy [45]. To address persistent challenges in EFL-based intercultural communicative education, including cognitive insufficiency, affective resistance, and pragmatic incompetence, this study delineates tripartite strategies targeting cognitive, affective, and behavioral dimensions of learning:

– Cognitive perspective: teachers should place emphasis on students cultivating an intercultural dialectical and critical thinking awareness: 1) cultural awareness training: the teacher regularly hosts workshops and seminars to make students gain insight into Chinese and English cultures. The focus is on the broad cultural differences in values, norms, communication styles, social

customs, and etiquette, etc. as well as comparative analyses to explain and assess cultural phenomena, texts, and products (cultural products) across a range of narrowly defined cultural dimensions through group discussions and presentations. In order to ensure that the cultural implication ingrained in Chinese and English-speaking languages are sufficiently reflected in teaching and learning, students are also encouraged to compare and contrast cultural elements or dimensions using intercultural theoretical frameworks; 2) critical thinking development: to illustrate intercultural misconceptions, the teacher uses case studies and real-world communication scenarios in class. This encourages students to consider and provide workable solutions. In order to avoid blindly accepting cultural outputs with their own underlying value orientations and to cultivate macro-level critical thinking, students are asked to keep reflective journals on their intercultural experiences and learning after the course, which requires students to learn to extract and analyze the core concepts of two-way culture, for example, ethnic ideology, as well as further comprehend communication norms and standards when integrating cultures in a particular situation.

– Affective (emotional) perspective: the self-construction and other-construction of students in intercultural contexts need to be valued: 1) empathy building activities: students use role-playing exercises to adopt various viewpoints from two-way culture with applying digital technology to construct theme-specific situations aimed to immerse themselves in cultural and communication differences and foster empathy and emotional understanding. Teachers can also urge students to tell personal stories about their cultural experiences for building emotional connection and ideological resonance, combined Chinese and English speaking countries cultural value systems; 2) positive emotional climate: we first build an inclusive teaching environment, which is intended to construct a classroom climate that values diversity and promotes the open expression of thoughts and emotions. Second, students establish their own peer support groups with the assistance of the teacher where they may talk about their intercultural communicative triumphs and challenges; 3) cultural immersion experiences: universities and teachers organize and coordinate more short-term or virtual exchange programs students to facilitate direct cultural exposure and encourage students to engage and work together more authentically with students from English-speaking nations. They can also collaborate on cultural events to help students develop a thorough understanding and appreciation of various cultural patterns and behavioral traits firsthand.

– Behavioral perspective: teachers should attach importance to cultivating students' self-directed learning and adaptive learning capabilities while balancing their digital and humanistic literacy: 1) behavioral adaptation training: universities conduct a cultural norms workshop or design a cultural norms curriculum that explores norms and standards of behavior in two-way cultural circumstances, including nonverbal communication indicators (body language, facial expressions) to establish intercultural communication through proper and effective interaction,

and respect one another values and behavioral conventions. First, when students face intercultural miscommunications and disputes, teachers should guide students to analyze problems from the perspective of cultural differences, actively use coping mechanisms to resolve problems, and preserve harmonious relationships. Then, students can explore unfamiliar cultures independently once they have mastered and flexibly used the universal principles of intercultural communication through repeated communication, summarization, reflection, and assessment. This is accomplished not just through national and regional cultural identities but also through the creation of personal identities through consultation with communication partners or through self-construction through dialogue and communication. Students have a certain intercultural autonomy and cultural research as a consequence. Teaching method should also focus on the full use of new technologies, such as digital and information technology, with the main objective of developing students' personal development and holistic humanistic literacy while also fully enhancing their composite skills; 2) personal goal setting and monitoring: whether at the social or university level, motivate students to set personal development plans independently by set specific goals related to intercultural communicative competence and teachers act as a direct monitor to track their progress in implementing their goals throughout the course and in their learning. Additionally, students are paired to hold one another accountable for practising their intercultural communicative competence outside the classroom.

4.5. Methodological considerations

While the negative skewness indicates overall favorable ratings, the presence of anomalous responses (e.g., low ratings) warrants a qualitative investigation of potential systemic or individual factors that undermine instructional effectiveness. Future research should triangulate these findings using observational data or longitudinal assessments to mitigate the self-report bias inherent in Likert scale surveys.

5. Discussion

The development of intercultural communicative competence among university students has been one of the key pedagogical aims in EFL instruction in the age of close international interaction. When it comes to transnational communication, we should not only concentrate on the host language but also attempt to interact and express emotions in their way, which requires interculturalists to possess language-related knowledge and skills. In order to successfully, appropriately, and critically integrate the culture of the target country without losing one's own national cultural roots, one must be able to transcend cultural differences, which are the primary focus of intercultural communication. The largest barrier to seeing things from a different perspective is the communicators' inability to recognize the host's worldview and transcend their own native paradigm. Accordingly, in order to

develop the intercultural communicative competence of Chinese university students, we investigated the notion of integrating a two-way cultural approach to comparative analysis in EFL teaching. This point of view is comparable to the proposal made by Professors Zhang Hongling and Yao Chunyu to implement a comprehensive and varied teaching approach. The latter group focuses on examining and contrasting multiculturalism based on various contexts and global citizenship from the standpoint of Chinese university students' comprehension of Chinese, world, and universal culture as well as their modes of expressing cultural knowledge [50]. In addition to Professor Fantini's multicultural viewpoint, he proposed that the primary goal of interculturalism is to grasp the emic view of another culture [51].

On the basis of the relevant theoretical research and results of this empirical analysis, we can find that the comparative analysis approach of integrating two-way cultures places greater emphasis on the third perspective of cultural integration to create a third space of culture, through the comparative analysis of various cultural dimensions. It also highlights the self-construction of cultural value systems and national cultural value systems in the third space of culture. This means that learners must be able to maintain Chinese cultural attributes while accepting, adapting to, and assimilating the cultural characteristics of the English-speaking countries. Additionally, they must be able to continuously structure, deconstruct and reconstruct themselves through the process of cultural objects, cultural contexts, and various cultural values in order to promote the construction of self-worth integration and ultimately achieving two-way cultural negotiation. Obviously, this is a dynamic, adaptable, and productive process [52].

In China, the earliest references to the third cultural space of two-way cultural integration date back to the comparative cultural analyses proposed by Professors Jin Kemu and He Daokuan in the 1980s. Since then, some Chinese scholars have applied the theories of the third space, intergroup contact, power distance, and cultural adaptation to the study of intercultural communication.

These theories unquestionably elaborate on the significance of communication and the need to foster the intercultural communicator's third perspective of culture in teaching EFL. The development of learners' macro-thinking skills to integrate the cultures of their own native and English-speaking countries is therefore necessary for successful intercultural communication.

The generalizability of this teaching approach needs to be further verified, as the respondents are students from China's leading university, there is a lack of survey of students from average and top universities. And to confirm the validity, reliability and difference of variables that affect teaching approach as well as the correlation between the variables, this conclusion also requires further empirical analysis.

6. Conclusion

In conclusion, first, students are required to not only root themselves in the ideological meanings of China's excellent traditional culture, but also extract, compare, analyze, interpret, deconstruct, and reconstruct the input of English-speaking cultures, clarify cultural differences, improve critical thinking, repeatedly practice and reflect through the use of new technologies such as digital and information technology in order to resolve cultural conflicts and independently construct the ideological value system and negotiated personal identity of Chinese and Western cultures. Second, students should be positioned within the broader context of human civilization, have the concept of building a community of human civilization, foster intercultural awareness and improve their cultural identity, comprehension, and adaptability as national or regional identities. We have suggested corresponding strategies to overcome intercultural problems from the perspectives of cognition, emotion, and behavior in order to further enhance Chinese university students' intercultural communication competence as well as to support their overall humanistic literacy and personal development.

References

1. Xi, J.P. (2013) *Promoting people's friendship for a better future [Speech]*. Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan. Retrieved from Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2013, September 7.
2. European Commission: Directorate-General for Communication. (2018) *Strengthening European identity through education and culture: The Commission's Contribution to the Leaders' Working Lunch*. Gothenburg, 17 November 2017: The school of European and transnational governance. Publications Office, 2018.
3. Ministry of Education of China. (2020) *Guide to Teaching English at University*. Beijing: Steering Committee for the Teaching of Foreign Languages in Colleges and Universities of the Ministry of Education and Higher Education Press.
4. Qian, L. & Garner, M. (2019) A literature survey of conceptions of the role of culture in foreign language education in China (1980–2014). *Intercultural Education*. 30 (2). pp. 159–179.
5. Liu, G.D. (2023) Research on the cultivation of international communication competence of Chinese excellent traditional culture in the context of 'Belt and Road'. *The Journal of Humanities*. 6. pp. 45–53.
6. Spitzberg, B.H. (1988) Communication competence: Measures of perceived effectiveness. In: Tardy, C.H. (ed). *A handbook for the study of human communication: Methods and instruments for observing, measuring, and assessing communication processes*. Ablex Publishing. pp. 67–105.
7. Byram, M. (1998) Cultural studies and foreign language teaching. In: Susan, B. (ed). *Studying British Cultures*. S.I.: [s.n.]. pp. 53–64.
8. Sercu, L. & Bandura, E.T. (2005) *Foreign language teachers and intercultural competence: an international investigation*. S.I.: [s.n.].
9. Hu, W.Z. (2016) How intercultural communicative competence is positioned in foreign language teaching. *Foreign Language World*. 6. pp. 2–8.
10. Peters, B. (2018) Step back and level the playing field: Exploring power differentials and cultural humility as experienced by undergraduate students in cross national group work. Unpublished doctoral dissertation. University of Minnesota, Minneapolis.
11. Peters, B.D. & Anderson, M.E. (2021) Supporting nonnative English speakers at the university: A survey of faculty and staff. *Journal of International Students*. 11 (1). pp. 103–121.
12. Baldau, L.D. & Dumitrascu, D.D. (2019) Intercultural communication and its challenges within the international virtual project team. *MATEC Web of Conferences*. pp. 1–13.
13. Neuliep, J.W. (2018) *Intercultural communication, a contextual approach*. 7th ed. USA: Sage Publications, Inc.

14. Pribram, K.H. (1971) *Languages of the Brain: Experimental paradoxes and principles in neuropsychology*. 5th ed. Brandon House.
15. Nisbett, R.E., Peng, K., Choi, I. & Norenzayan, A. (2001) Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychological review*. 108 (2). p. 291.
16. Lu, J.J. (2021) Differences in thinking modes and different characteristics of Chinese and Western cultures. *Journal of Shanghai Jiao Tong University. Philosophy and Social Science Edition*. 29 (138). pp. 117–128.
17. Lian, S.N. (2002) On Chinese and Western ways of thinking. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*. 002. p. 2.
18. Ting-Toomey, S. & Dorjee, T. (2018) *Communicating across cultures*. Guilford Publications.
19. Zhang, D.F. (2022) Expressive differences between English and Chinese in English-Chinese translation. *Introduction and Consultation*. 5. pp. 79–81.
20. Zhao, G.Y. (2022) Cultural identity in intercultural nonverbal communication: A challenge for foreign language teaching. *English Abroad*. 8. pp. 217–218.
21. Yan, M. (2009) *Intercultural communication theory research*. Harbin: Heilongjiang University Press.
22. Wen, Q.F. (2022) Reflection on the curriculum of "intercultural competence" and "intercultural communication": From the perspective of curriculum ideology and politics. *Technology Enhanced Foreign Language Education*. 2. pp. 9–14.
23. Liu, L.H., Dai, H.L. & Huang, Z.D. (2018) An analytical study of English majors' Chinese cultural aphasia. *Computer-Assisted Foreign Language Education*. 5. pp. 42–46.
24. Zhou, X.T. & Xue, S.L. (2019) Research on strategies for cultivating Chinese cultural literacy in colleges and universities. *Hunan Social Sciences*. 1. pp. 153–158.
25. Liu, K.H. & Wu, H. (2005) A study of cultural orientation in foreign language education – A review of the (New Vision College English) reading and writing tutorial Americanized cultural orientation. *Modern University Education*. 4. pp. 99–102.
26. Chen, Y.T. & Pan, Y. (2023) Intercultural competence development in English language teaching. *Journal of Shanxi University of Finance and Economics*. 45 (S2). pp. 261–263.
27. Zhang, H.L. & Sun, Y.Z. (2024) The theoretical logic and practical path of intercultural communication in promoting the construction of new liberal arts in foreign languages. *Foreign Language World*. 4. pp. 2–9.
28. Zhang, P. (2021) Bibliometric analyses and insights from international research on intercultural foreign language teaching (2001–2020). *Technology Enhanced Foreign Language Education*. 3. pp. 30–36.
29. Li, Z. (2022) Application of virtual reality technology in the experiment teaching of intercultural communication courses in the context of new liberal arts. *Research and Exploration in Laboratory*. 41 (4). pp. 240–245.
30. Wang, J.J., Wang, L.L. & Yin, P.P. (2021) Design and practice of foreign language virtual simulation experiment instruction project-take the Japanese intercultural communication virtual simulation project as an example. *Technology Enhanced Foreign Language Education*. 3. pp. 57–62.
31. Cai, Y. & Lin, Z. (2022) Research on the construction of intelligent learning community for foreign language majors and its effect of promoting learning in the context of new liberal arts. *Foreign Language World*. 3. pp. 45–52.
32. Li, J.J. (2023) A study of intercultural presentation in university general English textbooks. *Foreign Language World*. 1. pp. 66–75.
33. Li, W.J. (2024) Exploration of teaching reform of foreign language majors based on the cultivation of intercultural communication competence. *Journal of Ningxia Normal University*. 45 (5). pp. 34–41.
34. Ning, Q. (2023) Intercultural competence cultivation of foreign language talents in the exchange and mutual appreciation of civilisations. *Contemporary China and the World*. 4. pp. 99–106.
35. Zhao, F.X. (2022) Exploration of foreign language teachers' intercultural teaching competence. *Teaching and Management*. 877 (12). pp. 55–58.
36. Ministry of Education of China. (2022) *Teachers' digital literacy*. S.l.: [s.n.].
37. Sun, Y.Z. & Tang, J.L. (2022) Exploring the path of foreign language teacher team construction in Chinese universities in the era of artificial intelligence: The 'four new' concepts and the 'four-wheel' driving model. *Technology Enhanced Foreign Language Education*. 3. pp. 3–7.
38. Leng, J., Fang, W.B. & Li, L.Y. (2021) Analysis of intercultural communication competence of university students in online environments: Reflections on a US-China virtual collaboration project in the post-epidemic era. *Modern Educational Technology*. 31 (11). pp. 111–118.
39. Liu, P.X., Luo, Y.M., Chen, X.X. & Gu, Y.G. (2024) Enhancing non-verbal information in VR-based foreign language learning – An AI approach in the Korean intercultural communication simulation. *Technology Enhanced Foreign Language Education*. 2. pp. 13–17.
40. Wen, Q.F. (2019) 70 years of foreign language education in new China: achievements and challenges. *Foreign Language Teaching and Research*. 51 (5). pp. 735–745F0003.
41. Holliday, A. (1999) Small cultures. *Applied Linguistics*. 20 (2). pp. 237–264.
42. Kramsch, C. (1997) The privilege of the nonnative speaker. *PMLA*. 112 (3). pp. 359–369.
43. Lo Bianco, J., Liddicoat, A.J. & Crozet, C. (1999) *Striving for the third place: Intercultural competence through language education*. Melbourne: Language Australia.
44. Dobinson, T. (2014) Occupying the 'Third Space': Perspectives and experiences of Asian English language teachers. In: Dunworth, K. & Zhang, G. (eds) *Critical Perspectives on Language Education: Australia and the Asia Pacific*. New York: Springer International Publishing. pp. 9–27.
45. Bhahba, H.K. (1994) *The Location of culture*. London: Routledge.
46. Dervin, F. (2011) A plea for change in research on intercultural discourses: A 'liquid' approach to the study of the acculturation of Chinese student. *Journal of Multicultural Discourses*. 6 (1). pp. 37–52.
47. Dervin, F. (2016) *Interculturality in education: A theoretical and methodological toolbox*. Palgrave Macmillan.
48. Byram, M. (1997) 'Cultural awareness' as vocabulary learning. *Language Learning Journal*. 16 (1). pp. 51–57.
49. Bennett, J.M. (1993) Toward ethno-relativism: A developmental model of intercultural sensitivity. In: Paige, R.M. (ed). *Education for the intercultural experience*. Yarmouth, ME: Intercultural Press. pp. 21–71.
50. Zhang, H.L. & Yao, C.Y. (2020) Constructing an integrated model of Chinese students' intercultural competence development. *Foreign Languages*. 4. pp. 35–44.
51. Fantini, A.E. (2020) Reconceptualizing intercultural communicative competence: A multinational perspective. *Research in Comparative and International Education*. 15 (1). pp. 52–61.
52. Gao, Y.H. (2002) The cultivation of intercultural communication competence: "crossing" and "transcending". *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*. 10. pp. 27–31.

Information about the authors:

Lin Liyuan, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: linliyuan@yandex.ru

O.A. Obdalova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.obdalova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Линь Лиюань – аспирант кафедры методики обучения иностранным языкам и междисциплинарных исследований образования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: linliyuan@yandex.ru

Обдалова О.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры методики обучения иностранным языкам и междисциплинарных исследований образования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: o.obdalova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 23.04.2025;
одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 23.04.2025;
approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

ПРАВО

Научная статья

УДК 340

doi: 10.17223/15617793/518/22

«Журнал Московской патриархии» как источник для изучения формальных и неформальных правил и практик в регулировании государственно-церковных отношений в СССР (1943–1956)

Юрий Валерьевич Зудов^{1, 2}

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

² Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия
^{1, 2} yury.zudov@mail.ru

Аннотация. Анализируется содержание «Журнала Московской патриархии» как уникального источника по вопросам правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР, который с 1943 г. являлся единственным официальным периодическим изданием Русской православной церкви. Исследована репрезентация формальных (правовых) и неформальных правил и практик институционального взаимодействия государства и церкви. Предлагается новый методологический подход, названный автором *историко-правовым неинституционализмом*, который базируется на соединении наработок неинституциональной теории Дугласа Норта, институциональной теории права и антропологической версии институционального анализа Мэри Дуглас.

Ключевые слова: советское право, правовое регулирование государственно-религиозных отношений в СССР, формальное и неформальное регулирование, историко-правовой неинституционализм

Для цитирования: Зудов Ю.В. «Журнал Московской патриархии» как источник для изучения формальных и неформальных правил и практик в регулировании государственно-церковных отношений в СССР (1943–1956) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 192–201. doi: 10.17223/15617793/518/22

Original article

doi: 10.17223/15617793/518/22

The Journal of the Moscow Patriarchate as a source for studying the formal and informal practices in the legal regulation of state-church relations in the USSR (1943–1956)

Yury V. Zudov^{1, 2}

¹ Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
^{1, 2} yury.zudov@mail.ru

Abstract. The article examines *The Journal of the Moscow Patriarchate* (Zhurnal Moskovskoy patriarkhii) as a distinctive source for understanding the legal regulation of state-religious relations in the USSR. Established in 1943 as the only official periodical of the Russian Orthodox Church (ROC), the journal provides critical insights into the formal (legal) and informal norms governing institutional interactions between the Soviet state and the ROC. Through its carefully selected political language, the journal not only shaped the ROC's official discourse—aligning it with bureaucratic conventions—but also contributed to the emergence of a distinct category of "Soviet believers." The study argues that the model of state-religious relations developed between the 1940s and 1980s, including its attendant subculture and linguistic particularities, survived the USSR and continues to influence contemporary Russian society and the ROC. Methodologically, the study bridges quantitative and qualitative approaches. A statistically grounded examination of 3,129 journal entries (1943–1956) – a period encompassing wartime religious concessions and Khrushchev's renewed anti-religious campaigns—reveals shifting patterns in thematic emphasis, terminology, and editorial strategies. These findings are visualized through comparative diagrams tracking lexical changes and editorial trends. Complementing this, a fine-grained content analysis unpacks the JMP's rhetorical strategies across key sections (official news and letters, pastoral sermons, theological articles, reports on international and ecumenical contacts, and accounts of parish life), exposing the tensions between doctrinal orthodoxy and politically conditioned conformity. The article also advances a novel methodological framework: historical-legal neo-institutionalism, which synthesizes Douglass North's

(1920–2015) neo-institutional theory, institutional legal theory, and Mary Douglas's (1921–2007) anthropological approach to institutional analysis. By applying this lens, the study demonstrates how a new paradigm of state-religious relations emerged under strict state oversight, with the journal's language serving as a key instrument in constructing the permissible public role of the Church.

Keywords: Soviet law, legal regulation of state-religious relations in the USSR, formal and informal regulation, historical and legal neo-institutionalism

For citation: Zudov, Yu.V. (2025) *The Journal of the Moscow Patriarchate* as a source for studying the formal and informal practices in the legal regulation of state-church relations in the USSR (1943–1956). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 192–201. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/22

Введение

«Журнал Московской патриархии» (ЖМП) занимает особое место в ряду источников, которые иллюстрируют жизнь Русской православной церкви в советский период. В настоящей статье рассматривается «вторая жизнь» журнала, переучрежденного в 1943 г. как символа нового этапа в отношениях советской власти и православной церкви, при этом служившего для реализации уже во многом новых задач¹. Общеизвестно, что он являлся единственным официальным общецерковным периодическим изданием и представлял собой некий парадный «фасад», демонстрирующий публике, в том числе зарубежной, РПЦ в качестве «советской церкви», развивающейся в пространстве советских свобод.

В годы Великой Отечественной войны и последующий период государство «переопределило» не только государственную политику в сфере религии, но и сами религиозные институты, задавая границы допустимого. Русской православной церкви и другим религиозным организациям предстояло вписаться в новую модель правового регулирования государственно-религиозных отношений. В этом контексте ЖМП становится, с одной стороны, инструментом коммуникации между государством и церковью, с другой стороны, непосредственным инструментом государственного влияния на РПЦ, своего рода механизмом манипуляции общественным мнением как в СССР, так и за рубежом.

В том числе благодаря журналу появился новый официальный, близкий государственно-бюрократическому, стиль церковного языка, который также сыграл свою роль в формировании особого типа «советских верующих». Уже в постсоветское время такое представление о церковной журналистике как сугубо официальном жанре, который имеет описательный характер, воспроизводит государственные политические нарративы, а главное – непосредственно контролируется священноначалием, по-прежнему сохраняется в церковном сознании. Ее задачей называется «удовлетворение информационных запросов верующего человека» и религиозно-нравственное воспитание².

В статье анализируются материалы, публиковавшиеся в журнале с 1943 по 1956 г., до знаменитого XX съезда КПСС, на котором был поднят вопрос культа личности. С этого времени укрепивший свое положение Н. Хрущев начинает более активное наступление на религию.

С научной точки зрения тема важна для исследования правового и неправового пространства государственно-религиозного взаимодействия, формальных и

неформальных правил и практик, которыми руководствовались субъекты этих отношений. Изучение советского пространства неформальных правил и практик ценно для понимания современной специфики правового регулирования и государственного управления, в том числе в религиозной сфере.

Историография

«Вторую жизнь» журнала исследователи обычно рассматривают с привычного ракурса – как шаг, сделанный государством навстречу церкви вследствие ее патриотической позиции, занятой в период войны³. ЖМП можно рассматривать как элемент публичной политики и коммуникации в контексте того, что Вера Данэм назвала «большой сделкой» между партийным/государственным руководством и отдельными группами советского общества [1. Р. 3–23]. Как замечает Вера Тольц, сталинская политика в отношении высших представителей культурной и научной интеллигенции в послевоенный период отличалась двойственностью методов. В отношении тех, чью роль государство считало важной для восстановления страны, применялись и репрессивные методы, и политика «обхаживания» [2. Р. 104]. Очевидно, что высшее православное духовенство и РПЦ как институт попадали в эту когорту «избранных», которые должны были создавать позитивный имидж СССР, в первую очередь, на международном арене⁴.

Вместе с тем ученые справедливо отмечают: принимая предложенные государственными институтами «правила игры», церковь взамен получала возможность регулярно информировать верующих об актуальной религиозной повестке [3, 4], пусть и на довольно ограниченный круг читателей⁵. Учитывая тематическую скудность и ограниченность источниковой базы по истории государственно-церковных отношений в СССР, ЖМП стал ценным источником для изучения историй приходов и монастырей⁶ и отдельных (например, патриотических) сюжетов. Опубликованные в журнале статьи церковных иерархов в том числе показывают большую степень их вовлеченности в политические вопросы, от критики демократии и американского империализма⁷ до разоблачения «интриг» и «лжегуманизма» Ватикана⁸.

В историографии представлена информация о том, какие первые шаги делала церковная журналистика, о работе издательства, о государственном финансировании и формах контроля [5].

В работах, посвященных истории государственно-церковных отношений, часто фиксируется официальное восприятие событий церковной и общественной жизни, круг интересовавших верующих проблем, очерченных на страницах журнала [3. С. 90]. Многие исследования отличает благожелательный и не всегда критический взгляд на историю журнала, отсутствие характеристик советского церковного языка, позитивная оценка прогосударственного дискурса ЖМП. К примеру, А. Кашеваров [3] отмечает «традиционный патриотизм» РПЦ и цитирует слова прот. Н. Харьюзова о том, что именно с 1943 г. «редакцией сразу же был взят верный курс – это любовь к Родине, ее правительству»⁹.

В.В. Калашник разделяет материалы журнала на описательные, церковно-исторические, биографические, сравнительно-аналитические и религиозно-философские, а также материалы межконфессиональных разногласий и публикации общественно-политической направленности [4. С. 50]. Он отмечает, что в ЖМП были сохранены «лучшие традиции российской православной публицистики», оговаривая, однако, «характерную для данного периода некоторую идеализацию взаимоотношений» церкви и государства [4. С. 60]. В материале, посвященном 65-летию возобновления издания журнала, Е. Полищук также подробно описывает историю формирования его тематических разделов, в частности, объясняя особое внимание редакции ЖМП к вопросам экуменического диалога (темы, отрицательно воспринимаемой консервативным церковным крылом) попыткой использовать контакты с зарубежными христианами для защиты РПЦ от гонений со стороны советской власти [6. С. 95]¹⁰.

Практически все исследования истории и содержания ЖМП описывают только видимую часть «айсберга» – номенклатуру и содержание его номеров, не задаваясь вопросами о специфике языка его статей и «умолчаниях» об актуальных вопросах. Между тем можно согласиться с ремаркой К.В. Лапицкого о том, что формальные правила часто формируют «язык публичных объяснений и риторических высказываний, которые маскируют неформальные практики» [7. С. 24–27]. В связи с этим чрезвычайно ценными являются замечания А.Л. Беглова, изучавшего границы легальности и нелегальности в отношении церковного подполья в советские годы¹¹.

Цель и задачи исследования

Целью этой статьи является исследование ЖМП как носителя специфического церковного политического языка и элемента публичной коммуникации в советском обществе, отражающего, формирующего и камуфлирующего формальные и неформальные правила и практики институционального взаимодействия государства и Русской православной церкви.

Прежде всего в статье будут последовательно рассмотрены структура рубрик журнала, номенклатура и тематика статей. Также мы постараемся понять, почему многие принципиально важные для церкви вопросы не обсуждались на страницах ЖМП.

Основными методами исследования выступают статистический анализ данных с их дальнейшей визуализацией в виде диаграмм, а также контент-анализ рубрик и статей журнала за период с 1943 по 1956 г. Анализ будет произведен на основании сформированной автором базы данных, содержащей 3 129 позиций, в которой указаны рубрики и тематика статей, их датировка, авторство. База данных позволяет комплексно рассмотреть проблему содержательного наполнения номеров журнала и выделить некоторые ее аспекты – тематический, географический; проанализировать структуры (рубрики) самого журнала, изучить частотность обращения к тем или иным сюжетам.

Для целей анализа предлагается разделить материалы на две больших группы: содержащие «официальные» материалы и собственно описание церковной жизни – «неофициальные» материалы (церковный дискурс, который лежит за пределами государственного заказа). Впрочем, нередко эти группы переплетаются, и ряд публикаций не так просто определить в ту или иную категорию: например, это касается решений Синода.

«Официальная» часть в первую очередь включает многочисленные приветственные адреса советскому руководству, иностранным религиозным и общественным лидерам, поздравительные телеграммы и ответы на них, речи на торжественных мероприятиях и прочее. Отдельно внутри «официального» блока можно выделить международные публикации, которые включают разделы «В защиту мира», «Хроника» (в том числе сообщения о международных контактах), официальные сообщения в разделах «Из жизни зарубежных епархий», «Из церковной жизни за границей», «Из жизни автокефальных православных церквей», «Из жизни инославных исповеданий» и т.д.

«Неофициальная» часть, посвященная церковной жизни, состоит из публикаций (под разными названиями) общецерковных, епархиальных и приходских новостей, описания жизни духовных школ, статей богословского и церковно-исторического характера, жизнеописаний святых и известных церковных и государственных деятелей, проповедей и библиографического отдела, который был посвящен церковным книгам и журналам, выходившим в основном за границей.

Таким образом, база данных статей ЖМП дает возможность проанализировать соотношение официальных и неофициальных сюжетов, представленность вопросов церковного вероучения и советского права.

Гипотеза автора состоит в том, что публикации ЖМП содержат уникальную информацию по отдельным вопросам как формального (правового), так и неформального регулирования государственно-религиозных отношений в СССР, а также отражают процесс складывания церковного политического языка, анализ которого дает возможность увидеть отсылки, явные и скрытые, как к формальным нормам и правилам, действовавшим в отношениях государства и церкви, так и к неформальным механизмам регулирования. Автор также предполагает, что, несмотря на очевидное обилие «официальных» материалов, они тем не менее не

могли доминировать над собственно церковными, «неофициальными» сюжетами – в противном случае журнал вряд ли был бы востребован на приходском уровне. Кроме того, у Московской патриархии не было иной возможности выпускать материалы богословского и церковно-исторического характера, и этим шансом необходимо было воспользоваться в максимальной степени.

Методология исследования

Система управления в СССР включала, с одной стороны, собственно правовое регулирование, официальные иерархии и политику (формальная часть) и, с другой стороны, неформальные установки и практики, часто сосуществующие параллельно [8–11]. Взаимодействие между двумя ключевыми социальными институтами – государством и РПЦ – не могут быть поняты исключительно в рамках формального, нормативного поля, как это представлено в подавляющем большинстве современных исследований. Правовое регулирование задавало лишь самые общие рамки этих отношений.

Предлагаемый методологический подход, называемый автором *историко-правовым неинституционализмом*, базируется на соединении наработок неинституциональной теории Дугласа Норта (1920–2015) [12, 13], институциональной теории права и антропологической версии институционального анализа Мэри Дуглас (1921–2007) [14].

В рамках этого подхода государственно-религиозные отношения представляют собой исторически сложившийся порядок социальных, институциональных взаимодействий, опирающийся на набор используемых и/или декларируемых формальных и неформальных правовых норм и правил, которые действовали внутри советского права, политических институтов советского государства и религиозных институтов. В частности, предлагается рассматривать Русскую православную церковь с двух точек зрения: во-первых, как институт, оперирующий набором ограничений (правил) – формальных, отраженных в Священном Писании и предании, уставах и иных официальных документах, и неформальных, не зафиксированных в документах, но хорошо известных участникам взаимодействий; во-вторых, как совокупность конкретных организаций (акторов, «игроков»), реализующих эти институциональные установки в повседневности¹².

При анализе регулирования государственно-религиозных отношений формальными правилами выступают законы и другие нормативные правовые акты, которые регламентируют данные отношения. В части неформальных правил предполагается влияние на сферу государственно-религиозных отношений различных «неписаных» правил, среди которых телефонное право, клиентелизм, неформальные договоренности, селективное применение законодательства, деформализация правил и ряд других.

Важно подчеркнуть, что при изучении религиозных институтов особое значение имеет их культурно-когнитивная составляющая: ценности, нормы, принципы, убеждения, знания о мире и о себе, которые они

предлагают собственным членам и транслируют в обществе. Мэри Дуглас предлагает антропологическую версию институционального анализа, которая помогает понять внутреннюю когнитивную логику развития религиозных институтов, коллективный способ мышления их членов. «У институтов не может быть собственного сознания, но и у людей нет другого способа принимать важные решения, кроме как в рамках институтов, которые они создают» [14. С. 63].

При изучении текстов ЖМП также представляется уместным опереться на подходы Кембриджской школы интеллектуальной истории, которая предлагает рассматривать религиозные институты и их политический язык как инструменты воздействия авторов на аудиторию в рамках общего конвенционального поля¹³.

Используя упомянутые методологические наработки, мы рассмотрим ЖМП как элемент легальной публичной коммуникации между государственными и религиозными институтами, наметив границы правового поля, в котором было возможно это взаимодействие.

«Журнал Московской патриархии» в государственных рамках

Необходимо напомнить, в какой политической обстановке и правовом поле возобновился выпуск «Журнала Московской патриархии». Накопленный РПЦ за два с половиной десятилетия советской власти опыт жизни в репрессивном государстве, когда проявление любой инициативы религиозных общин могло рассматриваться как контрреволюционная деятельность, безусловно отражался на самосознании верующих. Проект по изданию периодического официального журнала внутри этой системы тем более не мог быть предложен церковью самостоятельно.

Так, именно по инициативе государства в 1942 г. Московской патриархией с пропагандистской целью была выпущена книга «Правда о религии в России»¹⁴, несмотря на объективные трудности с изданием любой литературы после начала Великой Отечественной войны [15. С. 185]. Вероятно, кейс был признан успешным, в результате чего государство приняло решение возобновить и регулярную печать церковного журнала.

Важно упомянуть, что ЖМП печатался в государственных типографиях, а контроль за ним осуществлялся непосредственно Советом по делам Русской православной церкви. Государство полностью обеспечивало материальную сторону процесса: издание журнала включалось в общий ежегодный план Объединения государственных издательств, и даже бумагу выделял ЦК ВКП(б) [16. С. 92].

По-видимому, сама идея широкой издательской деятельности представлялась Московской патриархии настолько нереалистичной, что ответственный секретарь редакции прот. А. Смирнов полагал, что РПЦ не нужна собственная типография, поскольку она будет убыточной [4. С. 200].

При этом до трети всего тиража ЖМП не доходило до советских верующих – эти экземпляры отсылались

за рубеж и направлялись в различные государственные учреждения. А распространение журнала по приходам носило неравномерный характер (сельские приходы могли вообще его не получать)¹⁵.

Можно сказать, что основной целью издания ЖМП по-прежнему оставалась презентация церковной жизни «вовне». Тем не менее в условиях почти полной невозможности издания каких бы то ни было церковных книг (и даже проблем с доступом к Библии), ЖМП для его обладателей приобретал особую ценность, он передавался из рук в руки, перечитывался от корки до корки и пересказывался.

В итоге издание непосредственно участвовало в формировании самосознания верующих в СССР и их представлений о «нормативной» церковной жизни, характере освещения светских (государственных и международных) сюжетов, а также о «правильном» языке церковной журналистики.

Статистический анализ и анализ содержания

Переходя к анализу содержания публикаций ЖМП в рассматриваемый период, можно отметить (рис. 1), что при всем обилии официальных и политических материалов, редакции все же удавалось ограничиться почти в два раза меньшим их количеством (1 155 «официальных» против 1 922 публикаций «неофициальной» группы).

Можно увидеть, что количество публикаций «неофициальных» материалов постепенно, хотя и неравномерно, увеличивалось в рассматриваемый период – до 310 в 1956 г. (рис. 2). При этом соотношение публикаций о церковной жизни и церковного «официоза» в основном было не в пользу последнего (рис. 3, 4).

Таким образом, эти данные свидетельствуют, что будет неверным говорить исключительно об официально-политической направленности журнала.

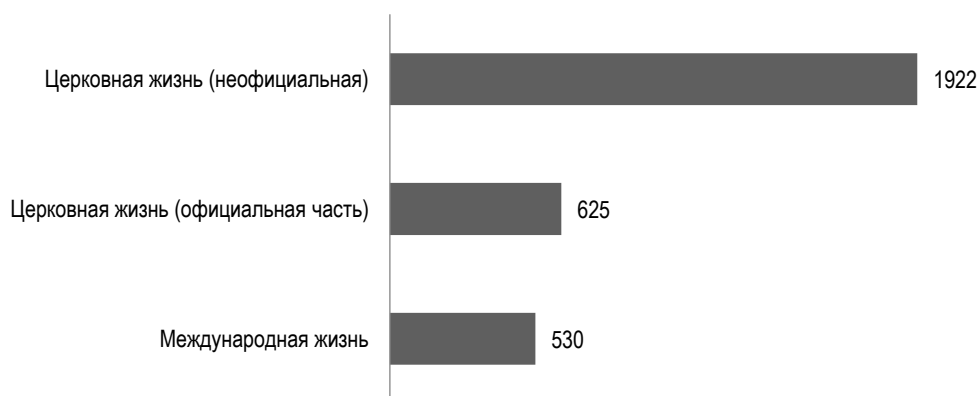

Рис. 1. Примерное соотношение тематик статей (1943–1956 гг.)

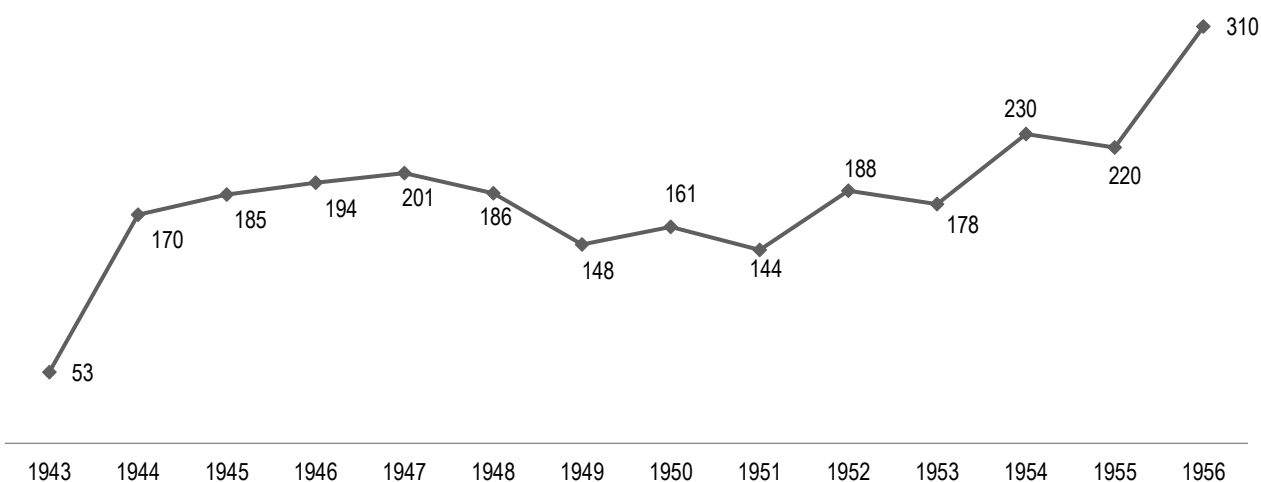

Рис. 2. Динамика публикаций по тематике церковной жизни (официальной и неофициальной)

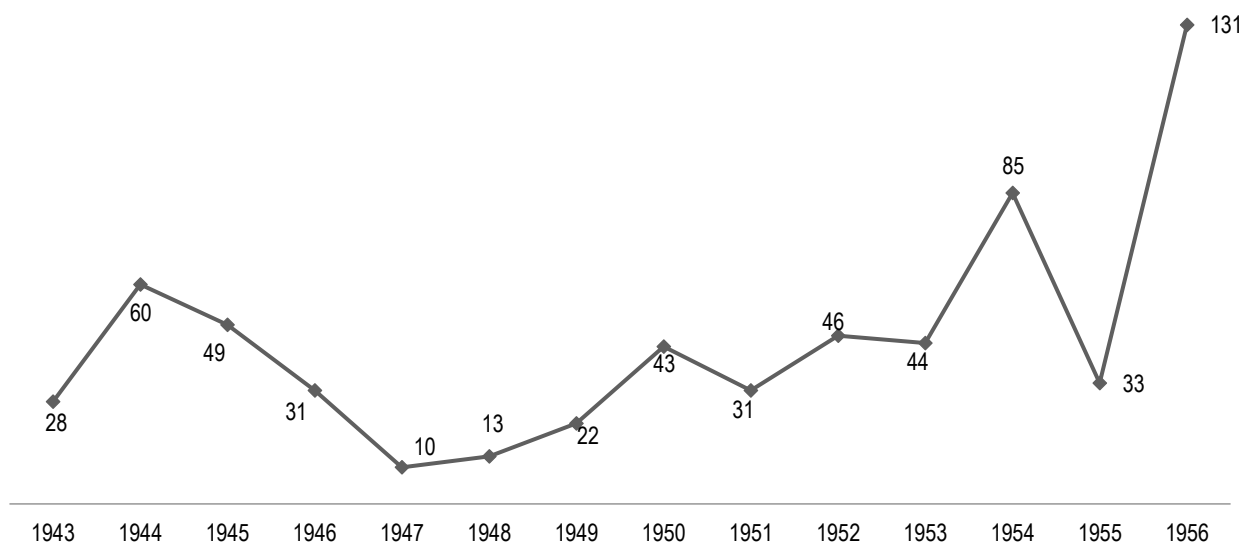

Рис. 3. Динамика публикаций по тематике церковной жизни (официальная часть)

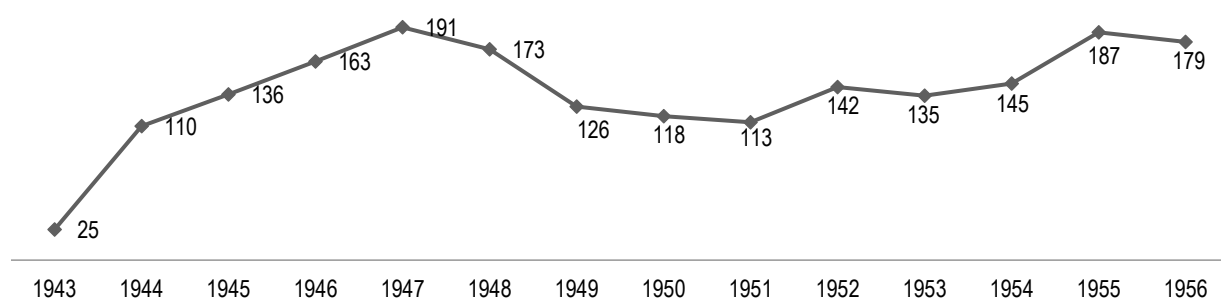

Рис. 4. Динамика публикаций по тематике церковной жизни (неофициальные разделы)

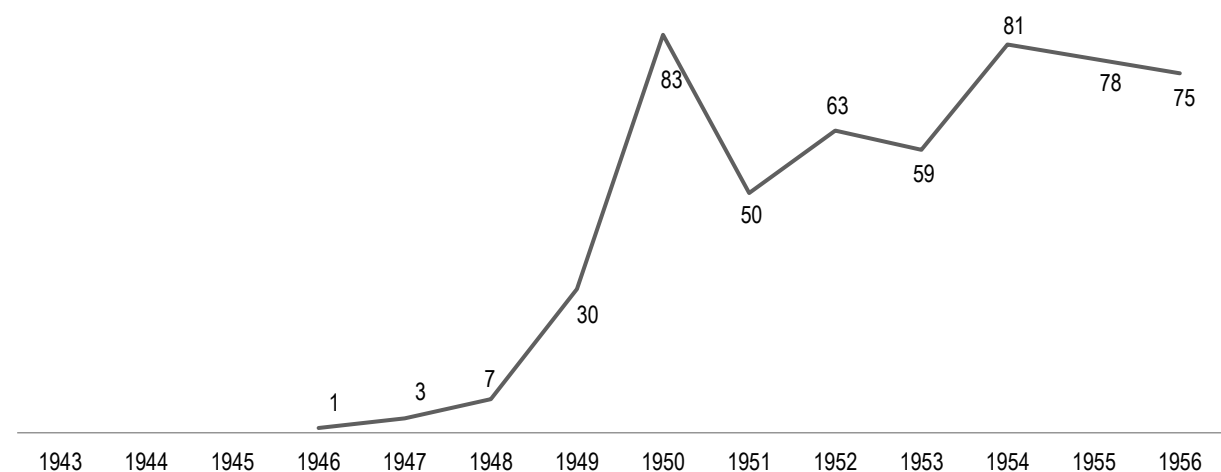

Рис. 5. Публикации по международной тематике

С ростом международной активности РПЦ отмечается резкое увеличение (от 1 публикации в 1946 г. до 83 в 1950 г.) публикаций по вопросам международного характера – это материалы конференций «В защиту мира»

и прочее (см. рис. 5). В дальнейшем их число остается относительно стабильным, что связано с активным использованием ресурса церкви на международной арене со стороны советского государства.

Анализ частоты упоминания в названиях публикаций церковных и нецерковных понятий и имен также достаточно интересен. С одной стороны, он подтверждает ранее сделанный вывод о доминировании церковного («неформального») контента над государственным, «неформальным» (рис. 6, 7).

При этом не вызывает вопросов большое количество публикаций военной и патриотической тематики

в этот период (слово «война» и его производные встречаются в заголовках 40 раз, «патриотизм» – 10), а также многократное (33) упоминание И. Сталина (во многих случаях его фамилия полностью набиралась заглавными буквами). Третье место по количеству упоминаний занимают «официальные» материалы, связанные с Ватиканом (14), разоблачению «зловредной» политической деятельности которого было посвящено немало публикаций ЖМП.

Рис. 6. Количество упоминаний терминов и имен в базе данных (официальная лексика)

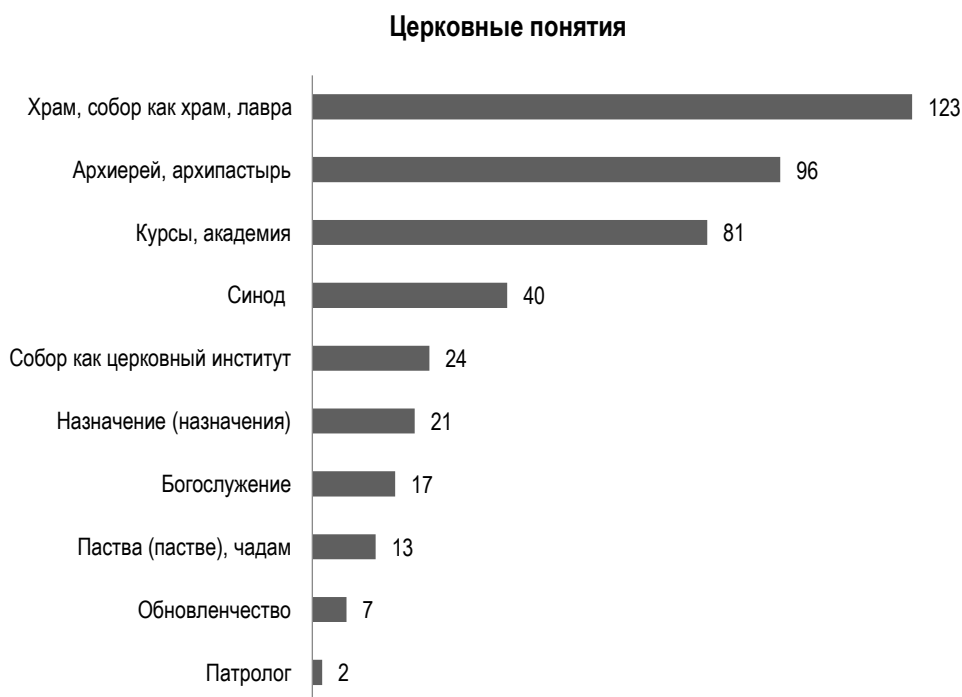

Рис. 7. Количество упоминаний в базе данных церковных понятий

Что касается «неофициальной» церковной части публикаций, то они в подавляющем большинстве случаев связаны с храмами (123 упоминания), епископатом (96) и духовными школами (81).

Как показывает анализ содержания публикаций, епархиальные и приходские новости в ЖМП часто были редуцированы до чрезвычайно эмоционального и малосодержательного описания радости верующих от

посещения приходов правящим епископом, который «своими благоговейными церковными службами, своими простыми и доступными поучениями, своими отеческими и любвеобильными советами и наставлениями» произвел на верующих «неизгладимое впечатление истинного и ревностного пастыря Христова стада»¹⁶. Более актуальные «вести с полей» вряд ли могли быть допущены цензорами.

Примерами использования «эзопова языка» являются публикации, в которых важные для верующих темы излагались через подчеркнuto нецерковные понятия, а богословская или церковно-историческая статья могла быть подана в контексте какого-либо государственного праздника или события¹⁷. Так, вместо прямого упоминания крестного хода в престольный праздник могли писать о процессии с окроплением верующих освященной водой. В статье, приуроченной к Международному женскому дню 8 марта, описывались жития святых подвижниц, которые могли бы стать образцом для советских женщин¹⁸.

Переходя к вопросу «умолчаний» и намеков, можно привести пример того, как в редких случаях на страницах ЖМП все же появлялись скупые сообщения о проблемах на епархиальном и приходском уровне (например, дисциплинарного характера), изложенные в советском газетном стиле: «Съезд благочинных Кишиневско-Молдавской епархии мужественно вскрыл все нездоровые явления и неурядицы церковно-приходской жизни и наметил ряд путей и средств к ее улучшению»¹⁹.

Особенно интересными являются публикации о, казалось бы, сугубо церковных событиях, в которых обнаруживается скрытая политическая составляющая. В частности, планами советского руководства использовать религиозный фактор в развитии связей с Ближним Востоком объясняется серия поездок представителей РПЦ в этот регион в 1960-х гг. А.В. Апанасенко указывает, что помимо посещения святынь они были наполнены дипломатическими встречами, приемами и общением с прессой, члены группы выступали с речами на тему положения религии в Советском Союзе (контент-анализ статей показывает, что слова «прием, визит» встречаются в тексте 27 раз, а слово «молитва» – лишь единожды) [17. С. 14]. При этом и само священноначалие РПЦ прекрасно осознавало свою выгоду от этих проектов: «Атеистические власти сами не замечали, как для них все, что увидели иностранцы, становилось «священной коровой», это уже нельзя было просто так ликвидировать»²⁰.

В целом можно сказать, что формат ЖМП не предполагал возможности обсуждения ни насущных внутрицерковных проблем, ни, тем более, даже завуалированного выражения несогласия с политическим режимом. На страницах журнала подчеркивались уникальная религиозная свобода в СССР и отсутствие гонений. Государственно-церковные отношения всегда характеризовались наивысшими эпитетами, а традиционный обмен поздравительными письмами и телеграммами между государственным и церковным руководством в разделе «официальная часть» был призван подчеркнуть лояльность власти, которая стала отличительной чертой советских верующих (пусть зачастую лишь на

словах) в 1940–1980-е гг. У читателей же журнала складывалось впечатление, что «основная и почти единственная трудность церкви в те годы заключалась лишь в недостатке кадров церковно- и священнослужителей и невысоком уровне подготовки некоторых из них» [3. С. 198].

Выводы

ЖМП, безусловно, выступает важнейшим источником по истории правового (формального) и неправового (неформального) регулирования государственно-религиозных отношений в СССР. Анализ публикаций журнала помогает увидеть, как постепенно после восстановления патриаршества в 1943 г. под жестким государственным контролем складывалась новая модель такого взаимодействия, как менялось самосознание верующих, одновременно чувствовавших себя советскими гражданами, появлялся новый официальный язык и основные темы и рамки допустимого публичного церковного дискурса.

Тексты ЖМП по преимуществу подразумевают трех основных адресатов, в отношении каждого из которых выдерживается определенная риторика: государство, внешние наблюдатели (политики и христианские церкви за рубежом) и, наконец, духовенство и верующие.

При этом «кричащее» отсутствие актуальной информации правового, церковно-канонического характера, сведение приходской жизни к восторженному описанию торжественных богослужений, отсутствие признаков какой-либо значимой внутрицерковной дискуссии, конечно же, не означает, что за парадным фасадом, представленным на страницах официального журнала РПЦ, не существовала реальная повседневная жизнь с ее проблемами, как и правоприменительная практика советского законодательства о культах.

Рассматривая это через оптику избранного похода (историко-правового неoinституционализма), можно сделать вывод о том, что таким образом мы наблюдаем процесс расширения пространства неформальности в ущерб нормативной части во взаимоотношениях государственных институтов и института РПЦ.

Можно предположить, что за красноречивыми «умолчаниями» стоит и ставшее для РПЦ к тому моменту очевидным понимание «двойного дна» советского законодательства, когда формальные правила уступали договоренностям, «телефонному праву», политике страха и институту кураторства. В результате иерархией и простыми верующими осознается разрыв между прерогативным и формальным правом, а также между светским правом вообще – и вероучительными установками в частности.

С учетом созданных государством жестких внешних рамок и дозволенного режима публичности язык Русской православной церкви, представленный в журнале, характеризуется переплетением «официального» и «неофициального» дискурса. То, что нельзя было выразить напрямую, церковь стремилась донести до верующих с использованием «эзопова языка», нередко маскируя насущные вопросы церковной жизни использованием советской лексики.

Примечания

- ¹ Основанный в 1931 г. как официальный печатный орган РПЦ журнал изначально рассматривался как «выражение истинно церковного самосознания» (ЖМП. 1931. № 1. С. 1). В 1935 г. журнал был запрещен советской властью.
- ² См.: Ткаченко Л.А. Специфика православной журналистики и новые тенденции в развитии епархиальных СМИ // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3 (141). С. 59–63. Об этом же в 2000 г. говорил главный редактор Издательства Московской патриархии архиепископ Тихон (Емелянов), видевший проблемы церковной прессы преимущественно в отсутствии достаточного контроля со стороны иерархии: Тихон, архиеп. Бронницкий. Доклад на Конгрессе православной прессы 6 марта 2000 г. URL: <https://www.pravoslavie.ru/sobytia/cpp/smirc.htm> (дата обращения: 04.04.2025).
- ³ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и религиозная политика советского государства в годы войны // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 26–53.
- ⁵ С 1944 г. тираж составлял 6 тыс. экземпляров, впоследствии он увеличился до 15 тыс. Тем не менее рядовому верующему достать журнал было практически невозможно, как, впрочем, и любые другие церковные книги.
- ⁶ Напр.: Серпенинов А. «Журнал Московской патриархии» как источник по изучению истории Троице-Сергиевой лавры: К 75-летию открытия Троице-Сергиевой лавры // Богословский вестник. № 4 (43). С. 180–191; Данилец Ю.В. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Мукачевско-Ужгородской епархии в 1945–1955 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 117–124.
- ⁷ Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский и Крымский. К миру призвал нас Господь // ЖМП. 1948. № 1. С. 61–64.
- ⁸ Архиепископ Гермоген. К вопросу об интригах Ватикана против Вселенского Православия в Польше, на Балканах, в Румынии, на Украине и на Кавказе за 40 лет (1908–1948 г.) // ЖМП. 1948. № 8. С. 71–75.
- ⁹ Харьюзов Н.А., прот. К 3-летию издания «Журнала Московской Патриархии» // ЖМП. 1946. № 9. С. 43.
- ¹⁰ Впрочем, исследователи склоняются к мнению, что участие РПЦ в экуменическом движении было в не меньшей степени направляемо государством, которое таким образом пыталось добиться собственных политических целей на международной арене, используя церковных иерархов как «агентов влияния», транслирующих официальную позицию властей.
- ¹¹ Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. М., 2018. 350 с.
- ¹² В свою очередь, советское государство как институт и система организации власти воплощалось и развертывалось в совокупности институциональных подсистем (организаций) – партии, правительства, судебных, правоохранительных органов и органов государственной безопасности, учреждений образования, культуры и т.д. У каждой из этих подсистем были собственные цели в отношении религии, атеизма и религиозных организаций, и они использовали разные стратегии и методы для достижения этих целей (См.: Смолкин В. «Свято место пусто не бывает»: история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. М.: НЛЮ, 2021).
- ¹³ В этой парадигме анализируется, во-первых, общий для авторов язык, который задает нормативные полюса высказывания и ограничивает авторский репертуар («окно Овертона»), во-вторых, речь самих акторов, в-третьих, контекст политической коммуникации в изучаемый исторический период. «Описав структуру публичной сферы и локализовав в ней конкретное высказывание, мы сможем лучше представить себе смысл осуществляемого им политического действия» [18. С. 121–123].
- ¹⁴ Правда о религии в России / ред. Николай (Ярушевич), митр., Г.П. Георгиевский, А. Смирнов, прот. М.: Моск. патриархия, 1942. 456 с. Книга выглядела очень качественной с точки зрения полиграфии и была отпечатана в бывшей типографии Союза воинствующих безбожников. Цель издания была политической: книга издавалась «на экспорт», чтобы ответить на обвинения СССР в гонениях на религию.
- ¹⁵ Еще о процессе выпуска ЖМП и осуществлении цензуры и самоцензуры см.: Лобанова И.В. Издательская деятельность Московской патриархии в СССР (1940–1980-е годы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Т. 16, № 4. С. 73–87.
- ¹⁶ Из Челябинской епархии // ЖМП. 1948. № 2. С. 66.
- ¹⁷ Впрочем, со временем церковные иерархи нашли правильный подход к ответственным чиновникам: «Владыка не раз рассказывал, как вначале совет то и дело заворачивал материалы журнала, не разрешая их публикацию. Когда же ему удалось установить доверительные отношения с цензорами, то прежде «зарубленные» статьи прошли на ура. Разумеется, доверие со стороны совета потребовало от редакторов более жесткой самоцензуры. Только это оставляло шанс напечатать актуальный материал, который уж точно не прошел бы, если бы контроль цензоров был придирчивее (Дронов М., прот. Митрополит Питирим – главный редактор // ЖМП. 2011. № 9. С. 84–91).
- ¹⁸ Шаповалова А. К международному женскому дню // ЖМП. 1947. № 3. С. 27–30.
- ¹⁹ Петров С., прот. из Кишиневско-Молдавской епархии. Съезд благочинных // ЖМП. 1949. № 4. С. 54.
- ²⁰ Дронов М., прот. Митрополит Питирим – главный редактор ЖМП // ЖМП. 2011. № 8. С. 86. Автор также добавляет: «В 70–80-е годы церковь иногда называли «внутренней заграницей». Этим подчеркивалось, что ее дискриминация со стороны атеистического государства иногда всё же оборачивалась преимуществами. Только в Церкви оставалось место для частной, никем не запланированной инициативы» (Там же. С. 88).

Список источников

1. Dunham V.S. In Stalin's time. Middle-class values in Soviet fiction. Cambridge : Cambridge University Press, 1979.
2. Tolz V. 'Cultural Bosses' as patrons and clients: The functioning of the Soviet Creative Unions in the postwar period // Contemporary European History. 2002. Vol. 11, № 1. Special Issue: Patronage, Personal Networks and the Party-State: Everyday Life in the Cultural Sphere in Communist Russia and East Central Europe. P. 87–105.
3. Кашеваров А.Н. Частичное возрождение и особенности церковной печати в 1940-е годы // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 191–204.
4. Калашник В.В. «Журнал Московской патриархии» как источник изучения публицистической деятельности православного духовенства в 1946–1953 годах // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 49–63.
5. Ерескин М.Г. «Журнал Московской патриархии» как источник по истории русской Православной Церкви // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (60). С. 89–90.
6. Полищук Е. К 65-летию начала непрерывного издания «Журнала Московской Патриархии» // Журнал Московской патриархии. 2008. № 9. С. 88–96.
7. Лапицкий К.В. Характеристика форм взаимодействия Русской православной церкви и российского государства: институциональный анализ // Общество: политика, экономика, право: научный журнал. 2017. Вып. 11. С. 24–27.
8. Витковская Т.Б. Депутаты представительных органов местного самоуправления в пространстве неформальных практик // Власть и элиты. 2023. Т. 10, вып. 2. С. 102–120. doi: 10.31119/re.2023.10.2.5
9. Колесник Н.В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // Власть и элиты. 2017. Т. 4, № 4. С. 10–30. doi: 10.31119/re.2017.4.1
10. Дегтярев А.А. О роли формальных принципов и неформальных правил в современном GR-менеджменте // Государство, бизнес, общество: современные теории и российские реалии / под ред. Л.Е. Ильичевой. М.: Аналитик, 2012. С. 1–9.
11. Левин С.Н., Саблин К.С., Руцкий В.Н. Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах «ресурсного типа» современной России: «картины власти» и подходы к исследованию // Мир России. 2018. Т. 27, № 3. С. 6–27. doi: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Начала, 1997. 190 с.
13. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Гайдара, 2011. 480 с.

14. Дуглас М. Как мыслят институты / пер. с англ. А.М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2020. 250 с.
15. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. 511 с.
16. Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1947 гг.: особенности формирования и деятельности аппарата // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы 1939–1958: дискуссионные аспекты. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. 380 с.
17. Апанасенок А.В. Паломнические поездки советских граждан на Святую Землю в отражении «Журнала Московской Патриархии»: 1964–1967 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История: Информационно-аналитический журнал. М. : ИНИОН РАН, 2024. № 2. С. 7–27.
18. Атнашев Т.М., Велижев М.Б. История политических языков в России: к методологии исследовательской программы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II, № 3. С. 107–137.

References

1. Dunham, V.S. (1979) *In Stalin's Time. Middle-class Values in Soviet Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Tolz, V. (2002) 'Cultural Bosses' as Patrons and Clients: The Functioning of the Soviet Creative Unions in the Postwar Period. *Contemporary European History*. 11 (1), Special Issue: Patronage, Personal Networks and the Party-State: Everyday Life in the Cultural Sphere in Communist Russia and East Central Europe (Feb., 2002). pp. 87–105.
3. Kashevarov, A.N. (2016) Chastichnoye vozrozhdeniye i osobennosti tserkovnoy pechati v 1940-ye gody [Partial revival and aspects of church printing in the 1940s]. *Khristianskoye chteniyе*. 4. pp. 191–204.
4. Kalashnik, V.V. (2018) "Zhurnal Moskovskoy patriarkhii" kak istochnik izucheniya publitsisticheskoy deyatel'nosti pravoslavnogo dukhovenstva v 1946–1953 godakh ["The Journal of the Moscow Patriarchate" as a source for studying the journalistic activities of the Orthodox clergy in 1946–1953]. *Vestnik PGGPU. Seriya № 3. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. 2. pp. 49–63.
5. Ereskin, M.G. (2014) "Zhurnal Moskovskoy patriarkhii" kak istochnik po istorii Russkoy pravoslavnoy tserkvi ["The Journal of the Moscow Patriarchate" as a source on the history of the Russian Orthodox Church]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*. 4 (60). pp. 89–90.
6. Polischuk, E. (2008) K 65-letiyu nachala nepreryvnogo izdaniya "Zhurnala Moskovskoy Patriarkhii" [On the 65th anniversary of the beginning of continuous publication of the "Journal of the Moscow Patriarchate"]. *Journal of the Moscow Patriarchate*. 9. pp. 88–96.
7. Lapitskiy, K.V. (2017) Kharakteristika form vzaimodeystviya Russkoy pravoslavnoy tserkvi i rossiyskogo gosudarstva: institutsional'nyy analiz [Characteristics of the forms of interaction between the Russian Orthodox Church and the Russian state: institutional analysis]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo: nauchnyy zhurnal*. 11. pp. 24–27.
8. Vitkovskaya, T.B. (2023) Deputaty predstavitel'nykh organov mestnogo samoupravleniya v prostranstve neformal'nykh praktik [Deputies of representative bodies of local self-government in the space of informal practices]. *Vlast' i elity*. 2 (10). pp. 102–120. doi: 10.31119/pe.2023.10.2.5
9. Kolesnik, N.V. (2017) Praktiki vosproizvodstva rossiyskoy elity: neformal'nyy aspekt [Reproduction practices of the Russian elite: informal aspect]. *Vlast' i elity*. 4(4). pp. 10–30. doi: 10.31119/pe.2017.4.1. EDN: BLQXGM
10. Degtyarev, A.A. (2012) O roli formal'nykh printsipov i neformal'nykh pravil v sovremennom GR-menedzhmente [On the role of formal principles and informal rules in modern GR management]. In: Il'icheva, L.E. (ed.) *Gosudarstvo, biznes, obshchestvo: sovremennyye teorii i rossiyskie realii* [State, Business, Society: Modern Theories and Russian Realities]. Moscow: Analitik. pp. 1–9.
11. Levin, S.N., Sablin, K.S. & Rutskiy, V.N. (2018) Praktiki vzaimodeystviya predprinimateley s vlast'yu v regionakh "resursnogo tipa" sovremennoy Rossii: "kartiny vlasti" i podkhody k issledovaniyu [Practices of interaction between entrepreneurs and authorities in the regions of the "resource type" of modern Russia: "pictures of power" and approaches to research]. *Mir Rossii*. 27 (3). pp. 6–27. doi: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27
12. North, D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press.
13. North, D., Wallis, J. & Weingast, B. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge University Press.
14. Douglas, M. (1986) *How Institutions Think*. Syracuse: Syracuse University Press.
15. Pospelovskiy, D.V. (1995) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Respublika.
16. Chumachenko, T.A. (2003) Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri SNK (SM) SSSR v 1943–1947 gg.: osobennosti formirovaniya i deyatel'nosti apparata [Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (CM) of the USSR in 1943–1947: Features of the Formation and Activities of the Apparatus]. In: *Vlast' i tserkov v SSSR i stranakh Vostochnoy Evropy 1939–1958: diskussionnye aspekty* [Power and Church in the USSR and Eastern European Countries 1939–1958: Controversial Aspects]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.
17. Apanasyonok, A.V. (2024) Palomnicheskiye poyezdki sovetskikh grazhdan na Svyatuyu Zemlyu v otrazhenii "Zhurnala Moskovskoy Patriarkhii": 1964–1967 gg. [Pilgrimages of Soviet citizens to the Holy Land as reflected in the Journal of the Moscow Patriarchate: 1964–1967] *Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5. Istoriya: Informatsionno-analiticheskiy zhurnal*. 2. pp. 7–27.
18. Atnashev, T.M. & Velizhev, M.B. (2018) Istoriya politicheskikh yazykov v Rossii: k metodologii issledovatel'skoy programmy [History of political languages in Russia: towards the methodology of a research program]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. II (3). pp. 107–137.

Информация об авторе:

Зудов Ю.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия); старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: yury.zudov@mail.ru. ORCID: 0009-0003-1729-1799

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.V. Zudov, Cand. Sci. (History), associate professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation); senior research fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: yury.zudov@mail.ru. ORCID: 0009-0003-1729-1799.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025;
одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.

Научная статья
УДК 342.8
doi: 10.17223/15617793/518/23

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ): актуальные проблемы доверия и перспективы развития

Елена Александровна Масуфранова¹, Никита Сергеевич Дубровский²,
Константин Геннадьевич Балашов³

¹ Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, a25021985@yandex.ru

² Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Курской области, Курск, Россия, KeIIIycTuk@yandex.ru

³ Адвокатская контора Красноперкопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов),
Ярославль, Россия, balashoffkonstantin@yandex.ru

Аннотация. Революционные технологические достижения неизбежно вплетаются во всевозможные общественные отношения. Информационные технологии оказали беспрецедентное влияние на избирательные правоотношения, благодаря которым и появился институт дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Авторами проводится подробный анализ особенностей ДЭГ, уровня доверия граждан к нему, а также анализируются история и практика его применения. По результатам работы авторами формулируется обоснованный вывод, способный оказать благоприятное влияние на правоприменительную практику ДЭГ.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, выборы, голосование, доверие, явка, избирательное право, технологии

Для цитирования: Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ): актуальные проблемы доверия и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 202–210. doi: 10.17223/15617793/518/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/23

Remote electronic voting (REV): Problems of trust and prospects for development

Elena A. Masufanova¹, Nikita S. Dubrovsky², Konstantin G. Balashov³

¹ Southwest State University, Kursk, Russian Federation, a25021985@yandex.ru

² Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation for Kursk Oblast, Kursk, Russian Federation, KeIIIycTuk@yandex.ru

³ Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl, Yaroslavl, Russian Federation, balashoffkonstantin@yandex.ru

Abstract. A key focus of this research is examining the need to enhance public trust in the use of the Remote Electronic Voting (REV) system. It is noteworthy that, to date, most constituent entities of the Russian Federation are characterized by low voter turnout in government elections. At the same time, it must be acknowledged that the number of citizens voting via the REV system has increased with each electoral campaign, despite calls from some political forces to abandon this modern remote voting method. Clearly, the use of remote voting today represents the most convenient and straightforward electoral procedure. However, unfortunately, not all members of the electorate are fully informed about the modern capabilities and methods available for casting their vote "from the comfort of their own home." Consequently, the aim of this study is to identify current issues of trust in REV within the context of applying blockchain technology, and to find ways to overcome them. To achieve this aim, the authors have set the following objectives: (1) to identify the conceptual problems of REV as an element of the modern information and telecommunication environment of the Russian Federation; (2) to analyze the overall experience with remote electronic voting in the Russian Federation; (3) to test the research through sociological surveys within the stated research directions; (4) to determine current solutions and identify viable opportunities for overcoming the problem of trust in REV within the framework of applying blockchain technology. In preparing this research, the authors employed methods of observation, comparison, analysis, synthesis, deduction, as well as sociological survey. The object of the study is Remote Electronic Voting (REV). The focus of the study is on the problems of public trust in the institution of remote electronic voting within the context of applying blockchain technology and methods for increasing the level of trust in it. The main sources on which the research relies are: normative legal acts; normative acts containing clarifications of legislation; leading doctrinal positions on the issue under consideration; and current data from the latest sociological studies. In conclusion, the finding is formulated that REV is progressive; experiments with its use in the regions (in Moscow, Kursk, Yaroslavl, and Rostov oblasts) have, in most cases, shown a fairly high level of citizen interest. The conducted surveys confirm a gradual formation of trust in the system among the population. However, some problems were also identified, the qualitative resolution of which is the key to the effective development of remote electronic voting in the Russian Federation.

Keywords: remote electronic voting, elections, voting, trust, turnout, suffrage, technology

For citation: Masufranova, E.A., Dubrovsky, N.S. & Balashov, K.G. (2025) Remote electronic voting (REV): Problems of trust and prospects for development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 202–210. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/23

Абсолютное большинство проводимых за последнее время публичных мероприятий, посвященных экономическим, социальным, технологическим вопросам, не проходят стороной тематику развития и внедрения технологии блокчейн. На сегодняшний день данный вопрос является краеугольным камнем не только у ведущих производственных площадок, бизнесменов и предприятий, но и у государств. Не безызвестно, что в Российской Федерации в течение длительного времени в ходе электоральных процессов активно применяется технология блокчейн.

Фундаментальными национальными стратегическими документами делается акцент на необходимости устойчивого развития российской инфраструктуры на новой технологической и информационной основах. В сегодняшних условиях с каждым днем все больше актуализируются вопросы, связанные с повсеместным внедрением новейших технологий во все сферы жизнедеятельности нашего общества. В современных условиях в эпицентре всеобщего внимания находятся возможности аппаратно-программных комплексов и различных систем, которые способны упростить не только профессиональную жизнедеятельность, но и способствовать улучшению организационных основ избирательных процессов.

Выступающими с высоких трибун все чаще констатируется, что современное общество переступило порог четвертой промышленной революции. Уже никого не удивить способностями голосовых помощников, возможностями умного дома, а также беспилотными автомобилями и летательными аппаратами. Безусловно, подобные технологии существенно упрощают нашу жизнь и делают ее более упрощенной и комфортной. Все современные государства стремятся максимально быстро и одновременно безопасно внедрять технологические достижения в правоприменительную деятельность. Практика применения технологии блокчейна на выборах разных уровней и ступеней власти в Российской Федерации позволяет констатировать, что дистанционное электронное голосование их год за год набирает популярность среди граждан.

Однозначно можно заключить, что внедряемые, в том числе в избирательные правоотношения, цифровые технологии порождают новые проблемы и риски, на решение и снижение которых должно быть сфокусировано акцентированное внимание государства. Под воздействием новых технологий зачастую меняется и сущность некоторых урегулированных нормами права общественных отношений. Данные тенденции вызывают к необходимости определения и изучения этих изменений, а также поиска оптимальных способов взаимодействия правовых норм и цифровых технологий. Это поможет решить проблему между правовым регулированием и современными цифровыми технологиями, которая проявляется в их разнонаправленном влиянии на общественные отношения и может иметь деструктивные последствия для общества в целом,

например, способствуя разрушению правового сознания. Хотя говорить о новых формах реализации права, связанных с цифровыми информационными технологиями, пока рано, в некоторых случаях они значительно изменяют традиционные формы, придавая им новые особенности и порождая новые правовые проблемы. К таким технологиям относятся, например, интеллектуальные программные агенты и смарт-контракты. Использование таких информационных технологий связано с фактической передачей части полномочий лица программным средствам, которые начинают действовать и имеют юридические последствия для этого лица независимо от его воли, а иногда и вопреки ей. И это лишь в очередной раз доказывает серьезность вопроса о правовой природе таких объектов и систем, а также о юридическом значении действий, осуществляемых с их использованием и применением.

Очевидно, что не только социальные потрясения и революции могут вызвать изменения в праве. Развитие информационных цифровых технологий в XXI веке уже привело к эволюции права, включая появление новых объектов, форм и способов реализации права. Сейчас многие ученые указывают на то, что право продолжает трансформироваться под влиянием цифровых технологий. Например, В.Н. Синюков считает, что «в России происходят фундаментальные изменения в правовой системе, которые можно охарактеризовать как процессы этапной трансформации» [1. С. 13]. Развитие новых технологий вытесняет традиционное правовое регулирование и опережает его методологически. Классические формы процессуальной деятельности становятся препятствиями для инноваций во многих областях. А.А. Карцхия подчеркивает, что «технологические платформы, такие как блокчейн, Интернет вещей, искусственный интеллект, облачные сервисы, аналитика больших данных и другие, создают новые условия и базу для изменения традиционных правовых институтов» [2. С. 43]. Так, О.В. Танимов указывает на «трансформацию права и правоотношений в условиях цифровизации, где появляются новые объекты и субъекты, а также изменяется содержание правоотношений, например, с появлением цифровых платформ» [3. С. 14]. Известные ученые Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногора считают, что «право не только является средством, обеспечивающим цифровизацию экономики и управления, но и становится объектом воздействия цифровизации, претерпевая изменения в форме, содержании, системе, структуре и механизмах действия» [4. С. 85]. И хотя эти изменения в правовой системе являются важными, они скорее относятся к эволюции права, вместо того чтобы быть революционными. Однако существуют предпосылки к трансформации права под влиянием цифровых технологий. Например, если основным источником права станет цифровой код, применяемый к общественным отношениям и обеспечиваемый правилами информационных систем, а не традиционными формами права и силой государства.

Конституция РФ определяет Россию как демократическое правовое государство и гарантирует гражданам право на участие в управлении государственными делами. Это право реализуется через другие конституционные права и свободы, включая право на избрание и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления. В последние годы в политическом процессе и избирательной системе активно обсуждается тема цифровизации [5. С. 13]. Развитие электронных технологий для определения и учета мнений избирателей, включая процесс голосования, вызывает интерес к ретроспективному анализу мнений и объективной оценке перспектив и рисков. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.05.2020 года № 154-ФЗ в российский избирательный процесс было введено понятие «дистанционное электронное голосование», которое для федерального правоприменения стало весьма серьезным прорывным, открывающим возможность дистанционного электронного голосования на общегосударственном уровне, без использования бумажных бюллетеней, а с использованием специального программного обеспечения. Некоторые существенные преимущества такого голосования включают улучшение безопасности избирательных процессов, более оперативное проведение выборов и подсчет голосов, привлечение большего числа избирателей, особенно молодежи, и экономию ресурсов при большом охвате избирателей.

В контексте внедрения в правоприменительную деятельность возможностей информационно-телекоммуникационных инструментов возникает немало теоретических и практических вопросов. Стоит сказать о том, насколько важно, чтобы дистанционное электронное голосование соответствовало основным принципам избирательного права, таким как всеобщность, тайность и равенство.

Говоря о вышеуказанных принципах в контексте применения дистанционного электронного голосования, необходимо учитывать, что государство, внедряя данный институт в избирательный процесс, должно сформировать весомые гарантии того, что каждый гражданин, независимо от пола, возраста, имущественного и социального положения, должен иметь беспрепятственную возможность отдать свой голос с помощью электронных технологий. Стоит сказать, что принять участие в дистанционном электронном голосовании можно посредством персонального компьютера, смартфона или планшета. Однако, исходя из достоверных результатов социологических исследований, 15% россиян не имеют смартфоны. Кроме того, анализируя социологические исследования можно сделать вывод о том, что в некоторых регионах Российской Федерации, персональными компьютерами владеют менее половины семей, такая ситуация наблюдается, например, в Еврейской автономной области [6]. Приведенная статистика говорит о том, что если бы дистанционное электронное голосование было единственным способом участия в выборах, то невозможно было бы следовать соблюдению рассматриваемых принципов изби-

рательного процесса. Напротив, рассматриваемая статистика подтверждает тезис о том, что дистанционное электронное голосование как факультативный способ голосования идеально подходит для абсолютного большинства граждан нашей страны, которые являются активными пользователями Интернета с различных технических устройств. Таким образом, внедряя дистанционное электронное голосование, государство упрощает процедуру избирательного процесса, в целях создания большего удобства для граждан, при этом, не пренебрегая основными принципами избирательного процесса.

В сегодняшних условиях стремительного роста высокотехнологичных сфер жизнедеятельности зачастую правовое регулирование не успевает за этими процессами. Все достижения информатизации, цифровизации и компьютеризации направлены на создание более комфортных условий проживания людей. В этой связи уместным будет упомянуть про недавно созданный революционный вид денег – криптовалюта, функционирование которой, как и дистанционного электронного голосования, основано на блокчейне. Проводя аналогию с постепенным внедрением дистанционного электронного голосования, стоит сказать, что первые годы своего существования криптовалюта не вызвала доверия у большинства граждан. Сегодня же ситуация коренным образом поменялась: число инвесторов в криптовалюту в России растет с каждым годом. Так, в 2023 г. в Российской Федерации открыто более 13 миллионов кошельков – и это только те кошельки, создание и функционирование которых могут наблюдать государственные органы посредством централизованных бирж [7]. Несмотря на возрастающую популярность криптовалют в настоящее время правовое регулирование данной сферы во многих странах, как и в Российской Федерации не системно и фрагментарно, что порождает большое количество правовых коллизий в правоприменительной практике. Стоит отметить, что в Российской Федерации на сегодняшний день также отсутствует специальное системное законодательство, направленное на регулирование общественных отношений, связанных с оборотом криптовалют.

В сфере электронного голосования разработаны схожие с криптовалютой соответствующие протоколы и алгоритмы. Кроме того, во многих государствах уже имеется успешный опыт внедрения дистанционного электронного голосования. Например, электронное голосование через Интернет используется в Швейцарии, Великобритании и Канаде [8. С. 22]. В Эстонии общенациональные выборы с использованием дистанционного голосования проводятся с 2005 г.

Успешность внедрения системы дистанционного электронного голосования зависит от ряда аспектов: повсеместности перехода на электронное голосование; возможности контроля результатов голосования; разнообразия форм доступа к информационной системе.

Для наглядного подтверждения актуальности первого аспекта достаточно обратить внимание на количество регионов Российской Федерации, в которых применяется дистанционное электронное голосование на

федеральной платформе дистанционного электронного голосования. По данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в 2023 г. ДЭГ внедрено лишь в 24 регионах (Московская область, Республика Крым, Липецкая область, Курская область, Воронежская область, Республика Карелия, Алтайский край и т.д.) [9. С. 114]. Вместе с тем надо понимать, что именно повсеместное применение дистанционного электронного голосования, иначе говоря, охват всех субъектов, способен оказать влияние на качество его внедрения, так как рост числа проголосовавших с помощью платформы дистанционного электронного голосования позволяет выявить различные проблемы технического и организационного характера, которые могли оставаться вне поля зрения разработчиков и законодателя. Кроме того, представляется, что такое расширение в масштабах всего государства поспособствует более быстрому восприятию дистанционного электронного голосования гражданами и, соответственно, формированию у них положительного, доверительного отношения к нему, осознанию его преимуществ в сравнении с традиционным способом голосования на бумажном бюллетене. Вполне естественно, что не менее значимым фактором здесь выступает целенаправленная работа представителей избирательных комиссий всех уровней с населением, направленная на разъяснение механизмов дистанционного электронного голосования, ее преимуществ, особенностей, специфики защиты данных, возможности контроля за «прозрачностью» подсчета голосов и результатов голосования.

В подтверждение второго аспекта справедливым будет заметить, что всеми экспертами и специалистами активно пропагандируется основное преимущество дистанционного электронного голосования, заключающееся в том, что он функционирует на блокчейне. В общепотребительной терминологии блокчейн – это цепочка блоков данных, которая известна своей децентрализацией и функционированием исключительно по заданному программному коду. Стоит заметить, что в отличие от знакомых многим криптовалют (например Bitcoin или Ethereum), которые функционируют распределенно на децентрализованном блокчейне, в ДЭГ используется централизованный приватный блокчейн [10]. Возможность контроля подсчета голосов и результатов голосования – база для формирования доверительного отношения граждан к дистанционному электронному голосованию, и без него об эффективности внедрения и применения такого голосования невозможно и говорить. Этот контроль также можно назвать аудируемостью – независимой проверкой законности и корректности подведения итогов голосования.

В подтверждение же третьего аспекта целесообразным будет обратиться к демографической линии проблемы. Так, на выборах в 2023 г. средний возраст избирателя в системе дистанционного электронного голосования составил 35–50 лет. Это демографические категории населения, которые способны путем использования современных средств информационно-телекоммуникационной связи участвовать в дистанционном голосовании. Однако по данным Федеральной

службы государственной статистики Российской Федерации каждый четвертый житель страны – в пенсионном возрасте. Более того, в 71 субъекте Российской Федерации наблюдается превышение численности людей старшего возраста. В то же время, исходя из недавних социологических исследований Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, большинство россиян, не пользующихся Интернетом, – это люди старше 55 лет [11. С. 470]. Вдобавок ко всему приведенному, этим же исследованием было установлено, что в России год от года растет число населения, которое не желает подключаться к сети Интернет (данная проблема характерна, например, для республик Марий Эл и Мордовия). Таким образом, есть проблема, заключающаяся в том, что некоторые категории населения остаются непричастными к рассматриваемому способу голосования в силу различных объективных и субъективных причин.

Организация и проведение голосования граждан в электронной форме с использованием различных информационных технологий так или иначе связаны с определенными рисками. Одним из самых важных таких рисков является подверженность подобных информационных систем уязвимостям, связанным с необходимостью передавать трафик через Интернет. Использование информационных систем, которые не обеспечивают должного уровня безопасности данных и могут быть изменены извне техническими или другими способами, может вызвать сомнения в результате выборов и дискредитировать саму идею дистанционного электронного голосования в целом.

Такие процессы уже происходили в некоторых странах. Например, из-за сложностей с протоколами электронного голосования, потенциальными компьютерными ошибками и хакерскими атаками избирательные комиссии в Казахстане (2011) и Нидерландах (2008, 2017) вернулись к традиционным бумажным бюллетеням, урнам и ручному подсчету голосов [12. С. 48]. Аналогичные события произошли в США, где еще в 2004 г. была попытка создать высокотехнологичную систему Интернет-голосования. Однако система электронного голосования подверглась жесткой критике из-за обнаруженных уязвимостей в системе безопасности. В связи с этим на общегосударственном уровне в США вопросы внедрения и развития электронного голосования практически не рассматриваются, за исключением некоторых штатов, где продолжают эксперименты по этому вопросу.

Таким образом, можно сказать, что вопрос безопасности проведения дистанционного электронного голосования является весьма важным и актуальным на сегодняшний день. Однако интерес к дистанционному электронному голосованию не сможет возрасти, если граждане будут относиться с большим недоверием к ДЭГ [13. С. 30]. Стоит отметить, что недоверие граждан раскрывается в двух формах – объективной и субъективной. Объективная форма подразумевает, например, ситуации, при которых благодаря совокупности собственных знаний граждане имеют недостаточно правильное представление о пробелах в процедуре дистанционного электронного голосования.

Субъективная же форма предполагает, например, ситуации, когда гражданин скептически относится к любым общественным отношениям, которые так или иначе связаны с информационно-телекоммуникационной средой. Субъективная форма является, по мнению авторов, наиболее преобладающей в связи с тем, что число преступлений, совершенных дистанционными способами, то есть, как правило, с применением современных вычислительных средств, растет буквально в геометрической прогрессии. Так, из доклада Генерального прокурора Российской Федерации за 8 месяцев 2023 г. следует, что было совершено почти 230 тыс. дистанционных мошенничеств, а это на 40% выше показателей за аналогичный период прошлого года. Складывающаяся ситуация неизбежно формирует концептуальный неверный подход у отдельно взятого гражданина, считающего, что большая часть его личных персональных данных должным образом не охраняется государством, а информационные технологии в такой ситуации ничего хорошего преподнести не могут [14].

Результаты всевозможных социологических опросов, доступные для публичного обозрения, позволили выявить следующее: в целом граждане доверяют системе дистанционного электронного голосования, однако опасения вызывают возможность внешнего вмешательства в систему ДЭГ со стороны недружественных государств и хакерских атак. В связи с чем, нами было принято решение выявить основные проблемы, стоящие на пути доверия к дистанционному электронному голосованию, а также определить возможные пути их преодоления и оптимизации нормативно-правовой базы в рамках указанных направлений исследования.

Для начала определим понятийно-категориальный аппарат проблемной сферы. Легальной дефиниции технологии «блокчейн» до сих пор не существует. Мнения научного сообщества на это весьма различны. Мы считаем, что более удачное определение технологии даёт Д.В. Балдов, определяя блокчейн как новый способ хранения информации, только электронный [15. С. 29].

Стоит сказать, что необходимость создания нового способа хранения информации вызвана тем, что привычный способ стал слишком уязвим для несанкционированного воздействия на вычислительную технику с целью нарушения работы системы хранения информации или получения секретной информации. В связи с тем, что цифровизация проходит почти повсеместно, масштаб уязвимости информационных ресурсов приобретает глобальный характер.

Однако заметим, что финансирование процедуры избирательного процесса и предоставляемого материально-технического обеспечения находится на должном уровне, позволяющем отразить внешние атаки.

Ещё одним положительным и весьма очень важным аспектом применения технологии блокчейна в избирательном процессе является то, что при подтверждении личности человеком его персональные данные будут зашифрованы, а доступ к ним закрыт. Все это можно

объяснить тем, что после процедуры голосования информация поступает в систему, где пользователь сети подтверждает действие, а майнер (человек, который отвечает за работу сети блокчейна и проверку транзакций) сети добавляет блок в блокчейн.

На официальном портале mos.ru в результате таких действий любой пользователь может увидеть в открытом доступе следующую информацию: за кого он отдал голос, время голосования и время учёта голоса. Причем не только свой, но и всех избирателей по всем кандидатам. Считаем целесообразным разрабатывать аналогичные способы наблюдения и для федерального дистанционного электронного голосования, где будут отображаться: передача голоса, время голосования и время учёта голоса.

Благодаря способности эллиптической криптографии обмен ключами способствует защите информации даже через незащищенные каналы связи. Нельзя не отметить, что безопасный обмен секретными ключами является весьма востребованным в наше время.

В 2020 г. ключ шифрования для онлайн голосования на выборах был разбит на 5 частей, в 2021 г. – на 8 частей, в 2022 г. – на 5 частей. В 2023 г. при проведении дистанционного электронного голосования ключ шифрования был разбит на 7 частей, при соединении 5 из которых означало, что итоги выборов признавались действительными [16. С. 6]. То есть повышением доверия к институту дистанционного электронного голосования служит то, что возможность расшифровать результаты выборов будет возможна даже в том случае, если несколько частей будут уничтожены. В 2024 г. на прошедших мартовских и сентябрьских выборах использовалось, по информации от IT-эксперта и лидера «Партии прямой демократии» Олега Артамонова, 7 частей ключа шифрования с возможностью восстановления через 5 частей.

Последние выборы наглядно продемонстрировали демократичность избирательного процесса в рамках рассматриваемой избирательной технологии, так как задействованы в сохранении ключа шифрования были не только провластные партии и политические деятели, что положительно сказалось на легитимности результатов выборов и уровне доверия граждан к дистанционному электронному голосованию.

Оптимизация нормативно-правовой базы по регулированию как самого блокчейна, так и технологий ему сопутствующих, сейчас требует восполнения значительных пробелов.

Технология блокчейна на территории Российской Федерации регулируется Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ, Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ и Постановлением ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем», однако прямого и деталь-

ного регулирования с учетом специфики всех технических аспектов сейчас не имеется. Учитывая объективно присущую специфику технической сферы, не лишено здравого смысла предложение о разработке обособленного закона «О правовом регулировании технологии блокчейн на территории Российской Федерации».

В настоящее время всесторонне проявляется ряд факторов, препятствующих конструированию действенного механизма внедрения новой технологии блокчейна в российскую правовую действительность.

Как отмечал исследователь Н.С. Чимаров, правовое регулирование внедрения блокчейна должно базироваться на основе закреплённых принципов избирательного права как в международных договорах, так и в системе национального законодательства [17. С. 144].

Так, никто не может гарантировать, что на избирателя в условиях процедуры голосования дома не будет оказываться давление и он примет решение не в соответствии со своими соображениями, а под воздействием чужого влияния, поэтому в таких условиях под угрозу ставится тайна голосования. Однако тут можно поспорить с тем, что давление может оказываться на избирателя и при стандартной процедуре до его явки на выборы (в семейном кругу, среди друзей, профессиональном коллективе и т.д.).

Стоит сказать, что большинство граждан ставит под сомнение при проведении дистанционного электронного голосования соблюдение принципа гласности и открытости. Мы полностью с этим несогласны, в связи с тем, что Общественной Палатой Российской Федерации (далее – ОП РФ) был разработан так называемый «Золотой стандарт» наблюдения за дистанционным электронным голосованием, который содержит в своем содержании 45 пунктов [18. С. 25]. «Золотой стандарт» наблюдения за дистанционным электронным голосованием позволяет контролировать процесс процедуры голосования с самого начала и до момента его завершения. Дополнительно ОП РФ готова обсудить каждый из этих пунктов и принять во внимание любое предложение. В связи с чем мы предлагаем дополнить их пунктом следующего содержания: «одна из частей зашифрованного ключа может передаваться по запросу (который рассматривается ТИК ДЭГ) оппозиционно-настроенным политическим деятелям или лидерам партий».

Кроме того, в рамках повышения уровня доверия граждан к ДЭГу избирательным комиссиям всех уровней следует увеличить интенсивность проводимой агитационной и разъяснительной работы с населением. Для этого необходимо в избирательных комиссиях всех уровней поднимать вопрос о повышении уровня квалификации действующих сотрудников в психологическом направлении или же организовать привлечение для работы граждан, уже имеющих психологическое образование. Так как мало понимать нормативно-правовую основу функционирования избирательного процесса, нужно уметь донести данную информацию до населения. Также положительным моментом повышения квалификации в области психологии является тот факт, что сотрудники избирательных комиссий

смогут более эффективно решать возникающие во время проведения избирательных процедур конфликтные ситуации.

В связи с тем, что в настоящее время отсутствует руководство гражданам в случае возникновения нестандартных ситуаций при голосовании посредством сервиса Портала государственных услуг Российской Федерации, выявляющих нарушения при проведении дистанционного электронного голосования, в рамках наблюдения. Мы решили дополнить основной алгоритм поведения граждан в случае возникновения нестандартных ситуаций при голосовании посредством Портала государственных услуг Российской Федерации, разработанный в рамках создания Золотого стандарта, следующими положениями:

1. При наблюдении за дистанционным электронным голосованием следует анализировать отображающиеся данные как по абсолютным, так и по относительным показателям. При проведении статистического наблюдения измерение абсолютных величин играет важную роль в оценке характеристик изучаемых данных голосования, относительные же показатели позволяют измерить соотношение между двумя сопоставляемыми величинами (графики разных кандидатов).

2. Следует через систему Портала наблюдения за ДЭГ отслеживать голосование по всем округам для обнаружения одинакового паттерна (повторяющиеся способы действий и реакций на события) поведения избирателей.

При выявлении любой нестабильности или подозрительных изменений, указанных в пунктах выше, требуется незамедлительно обратиться к представителям избирательных комиссий или по телефону горячей линии ЦИК РФ: 8 (800) 200-00-20, а также в правоохранительные органы (номера телефонов индивидуально по субъектам).

Помимо этого, считаем, что система контроля наблюдения за ДЭГ должна состоять из двух уровней:

1. Обычные наблюдатели, не имеющие специального технического образования (например представители партий, общественных организаций и т.д.).

2. Профессиональные специалисты, имеющие образование в технической сфере и представители научного сообщества.

Формирование системы контроля наблюдения за ДЭГ с помощью этих двух уровней будет способствовать обеспечению повышения доверия граждан к ДЭГу и нивелированию их уверенности в возможность внешнего вмешательства процедуры выборов.

Особого внимания стоит уделить тестированию системы ГАС «Выборы» 2.0, ЦИК РФ планирует получить около 1,5 миллионов заявок от граждан, желающих принять тестирование системы голосования, отметим, что такой подход не является совсем верным, так как система не получает максимальной пиковой нагрузки, которая будет реализована при настоящих выборах, соответственно для выявления нестабильных мест и технических ошибок следует увеличивать при тестировании системы количество заявок от избирателей, желающих принять участие в апробировании системы.

Помимо всего вышеперечисленного, считаем, что сейчас остро назревает необходимость привлечения специалистов в области наблюдения за дистанционным электронным голосованием для работы в избирательных комиссиях. Привлечь их можно путем проведения агитационных мероприятий на выпускных курсах ведущих высших учебных заведений нашей страны. Но главный ориентир здесь должен быть направлен не только на выпускников, обучающихся в сфере информационной безопасности, но и на студентов 2–3-х курсов, с целью проявления интереса к будущей работе в рамках проведения дистанционного электронного голосования, а также к проведению научных разработок, способствующих повышению эффективности ДЭГа в Российской Федерации.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что доверие граждан – достаточно важный фактор при проведении любых выборов, так как только при объективном доверии обеспечивается их легитимность. Полученные в данной работе выводы могут найти свое применение в рамках дальнейшего совершенствования дистанционного электронного голосования на территории Российской Федерации.

В результате проведенного исследования, посвященного актуальным проблемам доверия граждан к дистанционному электронному голосованию в рамках применения технологии блокчейна, можно сделать следующие выводы и обобщения.

Современные информационные технологии, также известные как цифровые технологии, оказывают влияние на все сферы общественной жизни. Появление этих технологий приводит к изменению традиционных общественных отношений и появлению новых отношений, которые определяются возможностями цифровых технологий, что требует разработки новых правовых норм, институтов и даже подотраслей права.

Указанные обстоятельства требуют определения и изучения этих изменений, а также разработки качественного правового регулирования цифровых технологий и отношений по поводу их применения.

Весьма важным является вопрос безопасности дистанционного электронного голосования и возможности внешнего вмешательства в него. В нем, как показывают проведенные опросы, и заключается одна из основных проблем формирования доверительного отношения граждан к дистанционному голосованию.

Стоит отметить, что недоверие граждан раскрывается в двух формах – объективной и субъективной. Объективная подразумевает, например, ситуации, при которых из-за совокупности собственных знаний избиратели или участники референдума имеют недостаточно правильное или вовсе ошибочное представление

о процедуре дистанционного электронного голосования. Субъективная же форма предполагает, например, ситуации, когда гражданин скептически относится к любым общественным отношениям, которые так или иначе связаны с информационно-телекоммуникационной средой и необходимостью предоставления персональных данных. Важно уточнить, что в основном недоверие выражает старшее поколение (в возрасте от сорока лет).

С другой стороны, молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, что также наглядно демонстрируют данные из опросов, проявляют интерес к дистанционному электронному голосованию как наиболее удобной форме выражения воли в избирательном процессе или при проведении референдумов в связи с отсутствием необходимости выделения времени для посещения избирательных участков. Превалирующее большинство респондентов ответили, что ДЭГ обеспечивает конфиденциальность данных, а результаты голосования на федеральной и региональной платформах дистанционного электронного голосования являются достоверными.

Возникающие проблемы обусловлены объективными факторами технического и правового характера. Представляется, что формирование положительного отношения граждан к ДЭГ достижимо при ряде необходимых условий:

- 1) совершенствование законодательства в области использования дистанционного электронного голосования;
- 2) работа по совершенствованию технической, программной частей и своевременного исправления выявленных ошибок и сбоев;
- 3) распространение его использования в выборах на все регионы Российской Федерации;
- 4) повсеместная работа представителей избирательных комиссий всех уровней с населением по поводу разъяснения им механизмов дистанционного электронного голосования, способов обеспечения защиты персональных данных, особенностей шифрования, анонимизации результатов.

Таким образом, можно заключить, что дистанционное электронное голосование прогрессивно; эксперименты с его использованием в регионах в большинстве случаев (в Москве, Курской, Ярославской, Ростовской областях) показали достаточно высокую заинтересованность в нем граждан, а проведенные опросы подтвердили постепенное формирование доверительного отношения к нему среди населения, но также были выявлены некоторые проблемы, качественное решение которых – залог эффективного развития дистанционного электронного голосования в Российской Федерации.

Список источников

1. Синюков В.Н. Право XXI века: сущность и новизна // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая : коллективная монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / под общ. ред. В.В. Блажева, М.А. Егоровой. М. : Проспект, 2021. С. 12–29.
2. Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 43–46.
3. Танимов О.В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 2 (111). С. 11–18.
4. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102.
5. Рыбаков А.В. Избирательное право и избирательные системы // Социально-политический журнал. 1998. № 2. С. 113–122.

6. Исследование: почти 70% россиян используют смартфон для выхода в интернет // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9508331/amp> (дата обращения: 22.10.2024).
7. Антон Ткачев: Из-за санкций россияне активно используют криптовалюту // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/anton-tkachev-iz-za-sankciy-rossiyane-aktivno-ispolzuutkriptovalyutu.html> (дата обращения: 28.10.2024).
8. Антонов Я.В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
9. Яркова О.Н., Осипова А.А. Защищенная система электронного голосования на основе криптографических алгоритмов // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2014. № 2 (12). С. 9–15.
10. Дистанционное электронное голосование: официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации // Центральная Избирательная Комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2023/distantionnoe-elektronnoe-golosovanie/>.
11. Трофимова И.Н. Доступность и использование сети Интернет: проблема цифрового неравенства // Россия: Тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Материалы XIII Международной научно-практической конференции, Курск, 03–04 июня 2022 года / отв. ред. В.И. Герасимов. Вып. 17, ч. 2. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 468–471.
12. Овчинников В.А., Антонов Я.В. Основы обеспечения безопасности информации в рамках систем электронного голосования // Российская юстиция. 2013. № 3. С. 46–48.
13. Чаннов С.Е. Использование блокчейн-технологий для ведения реестров в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 29–34.
14. Генпрокуратура сообщила о росте числа дистанционных мошенничеств на 40% // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18957905> (дата обращения: 29.10.2023).
15. Балдов Д.В., Петрова С.Ю., Лебедев А.А. Использование технологии блокчейн для защиты данных // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Т. 9, № 9. С. 27–34.
16. Ерохина О.В. Технологии электронного голосования в России // Вестник университета. 2019. № 11. С. 5–11.
17. Былинкина Е.В. Блокчейн: правовое регулирование и стандартизация // Право и политика. 2020. № 9. С. 143–155.
18. Чимаров Н.С., Сергиенко А.М. Правовые основы дистанционного электронного голосования в контексте развития электронной демократии // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 3 (52). С. 23–26.

References

1. Sinyukov, V.N. (2021) Pravo XXI veka: sushchnost' i novizna [Law of the 21st century: essence and novelty]. In: Blazheev, V.V. & Egorova, M.A. (eds) *Pravo i obshchestvo v epokhu sotsial'no-ekonomicheskikh preobrazovaniy XXI veka* [Law and Society in the Era of Socioeconomic Transformations of the 21st Century]. Moscow: Prospekt. pp. 12–29.
2. Kartskhiya, A.A. (2019) Tsifrovye prava i pravoprimeneniye [Digital rights and law enforcement]. *Monitoring pravoprimeneniya*. 2 (31). pp. 43–46.
3. Tanimov, O.V. (2020) Transformatsiya pravootnosheniy v usloviyakh tsifrovizatsii [Transformation of legal relations in the context of digitalization]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2-15 (111). pp. 11–18.
4. Khabrieva, T.Ya. & Chernogor, N.N. (2018) Pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti [Law in the conditions of digital reality]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1 (253). pp. 85–102.
5. Rybakov, A.V. (1998) Izbiratel'noye pravo i izbiratel'nye sistemy [Electoral law and electoral systems]. *Sotsial'no-politicheskiy zhurnal*. 2. pp. 113–122.
6. TASS. (2024) Issledovaniye: pochtu 70% rossiyan ispol'zuyut smartfon dlya vykhoda v internet" [Research: Almost 70% of Russians Use Smartphones to Access Internet]. TASS. 21 September. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/9508331/amp> (Accessed: 22.10.2024).
7. Tkachyov, A. (2023) Iz-za sanktsiy rossiyan aktivno ispol'zuyut kriptovalutu [Due to sanctions Russians actively use cryptocurrency]. *Parlament-skaya gazeta*. 30 October. [Online] Available from: <https://www.pnp.ru/economics/anton-tkachev-iz-za-sankciy-rossiyane-aktivno-ispolzuutkriptovalyutu.html> (Accessed: 28.10.2024).
8. Antonov, Ya.V. (2015) *Elektronnoye goslovaniye v sisteme elektronnoy demokratii: konstitutsionno-pravovoye issledovaniye* [Electronic voting in the e-democracy system: constitutional and legal study]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Yarkova, O.N. & Osipova, A.A. (2014) Zashchishchennaya sistema elektronnoy goslovaniya na osnove kriptograficheskikh algoritmov [Secure electronic voting system based on cryptographic algorithms]. *Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informatsionnoy sfere*. 2 (12). pp. 9–15.
10. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Rossiyskoy Federatsii [Central Election Commission of the Russian Federation]. (2023) *Distantionnoye elektronnoye goslovaniye* [Remote Electronic Voting]. [Online] Available from: <http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2023/distantionnoe-elektronnoe-golosovanie/>
11. Trofimova, I.N. (2022) [Accessibility and Internet use: the problem of digital inequality]. *Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Development Trends and Prospects]. Proceedings of the 13th International Conference. Vol. 17. Part 2. Kursk. 3–4 June 2022. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS. pp. 468–471. (In Russian).
12. Ovchinnikov, V.A. & Antonov, Ya.V. (2013) Osnovy obespecheniya bezopasnosti informatsii v ramkakh sistem elektronnoy goslovaniya [Fundamentals of information security in electronic voting systems]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 3. pp. 46–48.
13. Channov, S.E. (2019) Ispol'zovaniye blokcheyn-tekhnologiy dlya vedeniya reestrov v sfere gosudarstvennogo upravleniya [Use of blockchain technologies for registry maintenance in public administration]. *Administrativnoye pravo i protsess*. 12. pp. 29–34.
14. TASS. (2023) Genprokuratura soobshchila o roste chisla distantionnykh moshennichestv na 40% [General Prosecutor's Office Reported a 40% Increase in Remote Frauds]. TASS. 10 October. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/18957905> (Accessed: 29.10.2023).
15. Baldov, D.V., Petrova, S.Yu. & Lebedev, A.A. (2021) Ispol'zovaniye tekhnologii blokcheyn dlya zashchity dannykh [Use of blockchain technology for data protection]. *International Journal of Open Information Technologies*. 9 (9). pp. 27–34.
16. Erokhina, O.V. (2019) Tekhnologii elektronnoy goslovaniya v Rossii [Electronic voting technologies in Russia]. *Vestnik universiteta*. 11. pp. 5–11.
17. Bylinkina, E.V. (2020) Blokcheyn: pravovoye regulirovaniye i standartizatsiya [Blockchain: legal regulation and standardization]. *Pravo i politika*. 9. pp. 143–155.
18. Chimarov, N.S. & Sergienko, A.M. (2021) Pravovyye osnovy distantionnoy elektronnoy goslovaniya v kontekste razvitiya elektronnoy demokratii [Legal foundations of remote electronic voting in the context of e-democracy development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yurydicheskoy akademii*. 3 (52). pp. 23–26.

Информация об авторах:

Масуфранова Е.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: a25021985@yandex.ru

Дубровский Н.С. – специалист Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Курской области (Курск, Россия). E-mail: KeShycTuk@yandex.ru

Балашов К.Г. – помощник адвоката Адвокатской конторы Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов) (Ярославль, Россия). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Masufranova, Cand. Sci. (History), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: a25021985@yandex.ru

N.S. Dubrovsky, specialist, Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation for Kursk Oblast (Kursk, Russian Federation). E-mail: KeIIIycTuk@yandex.ru

K.G. Balashov, lawyer's assistant, Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.11.2024;
одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 27.11.2024;
approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 34.096
doi: 10.17223/15617793/518/24

Регулирование криптографической деятельности в России: проблемы и перспективы развития

Алексей Владимирович Минбалеев¹, Кирилл Сергеевич Евсиков^{2, 3}

^{1, 3}Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

²Тульский государственный университет, Тула, Россия

¹avminbaleev@msal.ru

^{2, 3}aid-ltd@yandex.ru

Аннотация. Исследование направлено на развитие предложений по развитию регулирования криптографической деятельности в России. Выявлены пробелы правового регулирования в данной сфере. Доказывается необходимость разработки и принятия специального закона, посвящённого криптографической деятельности, что будет способствовать развитию использования современных технологий защиты информации, в том числе квантовых коммуникаций. Представлена структура данного акта, а также цели, которые должны быть достигнуты им.

Ключевые слова: законодательство о криптографии, законопроект о криптографической деятельности, защита информации, информационная безопасность, информационное право, квантовые коммуникации, криптографическая деятельность, правовое обеспечение информационной безопасности, правовое регулирование, развитие законодательства

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00950, <https://rscf.ru/project/24-18-00950/>.

Для цитирования: Минбалеев А.В., Евсиков К.С. Регулирование криптографической деятельности в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 211–219. doi: 10.17223/15617793/518/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/24

Regulation of cryptographic activities in Russia: Problems and prospects of development

Aleksey V. Minbaleev¹, Kirill S. Evsikov^{2, 3}

^{1, 3} Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

² Tula State University, Tula, Russian Federation

¹ avminbaleev@msal.ru

^{2, 3} aid-ltd@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to formulate proposals for enhancing the effectiveness of the legal regulation of cryptographic activities in the Russian Federation. The research material consists of the norms of Russian legislation governing cryptographic activities, the emerging law enforcement practice in this field, and doctrinal studies. The research methods employed include the method of systems analysis, which was used to examine the current state and specific features of regulating cryptographic activities in the Russian Federation, and the method of legal modeling, which was used to develop models for improving cryptography legislation. The study identified the range of public relations regulated by legislation on cryptographic activities, which include: relations concerning the creation of cryptographic information protection tools, including the regulation of the certification process; relations concerning the use of such tools, as well as their circulation, including the export and import of equipment; relations concerning the provision of services related to cryptographic activities; relations concerning the control of cryptographic activities, as well as other administrative relations. It was established that this list of relations may develop further. An analysis of the experience in applying legislation in the field of cryptographic activities revealed a number of gaps in the legal regulation of this sphere. In this regard, models for improving the regulation of cryptographic activities were developed: 1) a model associated with introducing amendments to existing legislation; 2) a model implemented by adding a corresponding section to an Information Code; 3) a model associated with creating a separate federal law. A number of risks and implementation difficulties were identified regarding the first two models. An analysis of the emerging relations in the field of cryptographic activities, as well as the current legislation in this field, led to the conclusion that a special federal law dedicated to cryptographic activities is objectively necessary today. Its adoption could significantly contribute to the development and use of modern information protection technologies, including quantum communications. The article presents the structure of this proposed act, as well as the goals it should achieve. It is substantiated

that in the development of a draft federal law on cryptographic activities, it is of paramount importance that this work contributes to the formation of an effective domestic competitive cryptographic system.

Keywords: legislation on cryptography, draft law on cryptographic activities, information protection, information security, information law, quantum communications, cryptographic activities, legal provision of information security, legal regulation, development of legislation

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project. No. 24-18-00950, <https://rscf.ru/project/24-18-00950>

For citation: Minbaleev, A.V. & Evsikov, K.S. (2025) Regulation of cryptographic activity in Russia: problems and prospects of development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 211–219. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/24

Введение

Средства криптографической защиты информации (далее – СКЗИ) стали неотъемлемой частью информационного общества, цифрового государства и экономики данных. Под криптографией (шифрованием) понимаются действия по конвертации информации в форму, которая не читаема для третьих лиц. Прочитать зашифрованные данные может только лицо, имеющее секретный ключ, а, значит, даже в случае перехвата конфиденциальной информации, она будет недоступна злоумышленнику.

Российская криптографическая школа является одной из сильнейших, что обеспечивается наличием собственных алгоритмов шифрования; сформированной в советский период высококласной научной школой; развитой экосистемой, включающей исследовательские организации, производителей оборудования и исполнителей услуг в сфере криптографии; жестким контролем со стороны государства, который гарантирует качество отечественного оборудования через систему сертификации, а также качество оказания услуг в сфере криптографии, через систему лицензирования.

Все это обеспечивается совокупностью несистематизированных и разрозненных норм, рассредоточенных в нормативных правовых актах разного уровня. Именно их мы и предлагаем называть законодательством о криптографии. Это не устоявшийся термин и нам известно лишь о единичных случаях его использования в научных публикациях [1] и нормативно-технических актах (см., например ГОСТ Р ИСО/МЭК 27002-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Методы и средства обеспечения безопасности. Свод норм и правил применения мер обеспечения информационной безопасности, утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 20.05.2021 № 416-ст). При этом иной концепт, объединяющий указанные правила поведения, в отечественном праве отсутствует. Также можно говорить о правовом институте правового регулирования отношений в сфере криптографии, активно формируемом сегодня в рамках подотрасли информационного права – правового регулирования информационной безопасности.

Такой научный вакуум объясняется отсутствием должного внимания у юридической науки к исследованиям данных правоотношений. Хотя вопросам информационной безопасности отечественные правоведы

посвящают множество работ [2–5], но сферу криптографии, являющуюся ядром данных общественных отношений, они, к сожалению, не изучают. Во многом это детерминировано тем, что значительная часть отношений в сфере криптографии не может быть рассмотрена в публичной плоскости, так как относится к информации ограниченного доступа. Понимая данный факт, многие просто избегают даже упоминания правоотношений в сфере криптографии в рамках системы правового обеспечения информационной безопасности.

Возможность проведения открытых правовых исследований правоотношений в сфере криптографии подтверждается анализом схожих по уровню конфиденциальности общественных отношений, например, в сфере оперативно-розыскной деятельности, в отношении которой сегодня имеется и открытая специальная учебная литература [6].

Результатом этого подхода является ситуация, когда криптография стала *terra incognita* для юридического сообщества, которое не только не создало для регламентации этой деятельности специальный нормативный правовой акт, но и не включило в законодательство Российской Федерации даже определение термину криптография. В связи с этим можно констатировать, что сегодня отечественная криптография развивается в рамках разрозненных ведомственных актов, которые дают возможность контролировать стабильный рынок СКЗИ, но, к сожалению, не дают возможности стимулировать его инновационное развитие. Этот вывод сделан в том числе на основе ряда исследований правового регулирования отношений в сфере квантовых коммуникаций в Российской Федерации [7–9].

В связи с этим в данной статье поставлена *цель* – сформировать конкретные предложения по повышению эффективности правового регулирования криптографической деятельности в Российской Федерации. Для этого авторы:

- проанализировали существующие складывающиеся правоотношения в сфере криптографической деятельности;
- выявили основные нормы отечественного права, регламентирующие криптографическую деятельность, и систематизировали их;
- определили место и границы правоотношений в сфере криптографической деятельности;
- обосновали необходимость разработки и принятия, а также предложили структуру специального федерального закона о криптографической деятельности в Российской Федерации.

Регулирование криптографической деятельности в Российской Федерации

Анализ отечественного законодательства в сфере информационной безопасности свидетельствует о том, что в России, к сожалению, отсутствует системный подход к регулированию криптографической деятельности, что привело к существованию значительного количества правовых пробелов и коллизий, а также к сохранению в действии морально устаревших нормативных правовых актов. Среди них можно выделить следующие.

1. В Российской Федерации действует ряд несогласованных нормативных правовых актов разного уровня, регулирующих криптографическую деятельность. Иногда противоречия носят концептуальный характер, что не препятствует их одновременному применению. Не вызывает сомнений, что такой подход не только создает путаницу в правоприменении, но и способствует снижению общей и специальной правовой культуры в процессе осуществления криптографической деятельности, что сказывается на уровне информационной безопасности российских предприятий и органов власти. Например, в ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» определено, что существуют только три вида такой подписи: простая электронная подпись и усиленная неквалифицированная электронная подпись, усиленная квалифицированная электронная подпись. При этом федеральные органы власти, издавая официальные документы в сфере шифрования, используют термин цифровая подпись (Стандарт Банка России «Безопасность финансовых (банковских) операций. Прикладные программные интерфейсы обеспечения безопасности финансовых сервисов на основе протокола OpenID Connect. Требования» СТО БР ФАПИ.СЕК-1.6-2024. Принят и введен в действие приказом Банка России от 07.10.2024 № ОД-1615) или электронная цифровая подпись (далее – ЭЦП) (см.: Приказ СФР от 06.07.2023 № 1319 «О защищенном обмене документами в электронном виде с применением электронной цифровой подписи для целей обязательного социального страхования»). Данный термин был закреплен в ФЗ от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи», который утратил свою силу.

В случае использования термина ЭЦП органы власти подразумевают усиленную квалифицированную электронную подпись, но ни в одном акте о наличии подобной эквивалентности не оговаривается. В связи с этим вызывает озабоченность, что использование неточных терминов допускается даже в актах Правительства Российской Федерации, где встречается термин ЭЦП (например, в Постановлении Правительства РФ от 13.09.2021 № 1547). Подобная терминологическая рассогласованность в законодательстве о криптографии во многом обусловлена активным использованием термина ЭЦП в нормативно-технических документах, например, в ГОСТ 34.10-2018. Межгосударственный стандарт. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Процессы формирования и проверки электронной цифровой подписи (введен в

действие приказом Росстандарта от 04.12.2018 № 1059-ст). Очень часто в сфере информационной безопасности нормативные правовые акты формируются на основе нормативно-технического регулирования и имплементация норм из них происходит без учета действующих вышестоящих по юридической силе правовых норм, что вызывает сложности в последующем правоприменении.

2. В Российской Федерации действуют устаревшие акты, регулирующие криптографическую деятельность. К ним относится приказ ФАПСИ от 13.06.2001 № 152 «Об утверждении Инструкции об организации и обеспечении безопасности хранения, обработки и передачи по каналам связи с использованием средств криптографической защиты информации с ограниченным доступом, не содержащей сведений, составляющих государственную тайну», который действует более 20 лет без внесения в него изменений и дополнений, что является уникальным случаем для отечественного законодательства об информационной безопасности. Причиной правовой стабильности стала ликвидация Указом Президента РФ от 11.03.2003 № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» ФАПСИ. Как следствие, документ оперирует отсылками к отмененным законам и подзаконным нормативным правовым актам, говорит об СКЗИ «сертифицированном ФАПСИ» и об организациях, «лицензированных ФАПСИ». При этом сама инструкция содержит правила, утратившие актуальность в связи с развитием информационных технологий, например, при использовании технологий квантового распределения ключа sobлности все алгоритмы, закреплённые в документе, не представляется возможным [10].

Указ Президента Российской Федерации от 03.04.1995 № 334 также запрещает органам публичной власти использовать ЭЦП и СКЗИ без сертификата ФАПСИ. Этим же документом запрещен ввоз на территорию Российской Федерации шифровальных средств иностранного производства без лицензии Министерства внешних экономических связей Российской Федерации, которое упразднено в 1998 году. Все это позволяет говорить о необходимости значительной ревизии и систематизации законодательства о криптографической деятельности в России.

3. В законодательстве о криптографии границы полномочий органов публичной власти не всегда четко распределены. Например, Положение о сертификации средств защиты информации, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 26.06.1995 № 608, в котором определено, что действуют три системы сертификации, которые должны работать по собственному положению: при Федеральной службе по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России); при Федеральной службе безопасности Российской Федерации (ФСБ России); при Министерстве обороны Российской Федерации. Все три системы успешно функционируют, но положения утверждены только Приказом ФСТЭК России (приказ от 03.04.2018 № 55 (ред. от 19.09.2022) «Об утверждении Положения о системе сертификации средств защиты информации» и Приказом Министра обороны Российской Федерации (приказ от 29.09.2020 № 488).

ФСБ России утвердило Положение, регламентирующее не порядок сертификации, а порядок разработки, производства, реализации и эксплуатации СКЗИ (Приказ ФСБ РФ от 09.02.2005 № 66, далее – ПКЗ-2005). При этом на оборудование, созданное в рамках данного документа, орган публичной власти сертификат выдает. ПКЗ-2005 является одним из ключевых документов, являющихся основой отечественного законодательства о криптографии. Именно в нем определено оборудование, которое подпадает под термин СКЗИ: средства шифрования; средства имитозащиты; средства электронной цифровой подписи; средства кодирования; средства изготовления ключевых документов; ключевые документы.

Перечень содержит термин ЭЦП, что создает правовой пробел, так как, согласно буквальному толкованию норм данного акта, ФСБ России не должно регулировать отношения в сфере создания усиленной квалифицированной электронной подписи, хотя фактически это происходит. Есть и иные сложности, возникающие в процессе применения данного акта. В первую очередь они касаются распределения полномочий по сертификации средств защиты информации. Фактически ФСБ России, приняв данный документ, определило свою компетенцию в сфере сертификации средств защиты данных. Это означает, что полномочия по сертификации всех остальных средств защиты данных разделили Министерство обороны Российской Федерации, осуществляющее данную деятельность для собственных нужд, и ФСТЭК России, осуществляющее данную деятельность во всех остальных случаях. Таким образом, ФСТЭК России сертифицирует технологии, называемые средствами защиты информации (далее – СЗИ), а ФСБ России – СКЗИ. Однако проблема возникает тогда, когда частью СЗИ является система шифрования, что в современных условиях цифровизации встречается повсеместно. В Положении Министерства обороны Российской Федерации такой случай предусмотрен и ведомство требует, чтобы производитель прикладывал сведения о наличии сертификата соответствия ФСБ России. В Положении ФСТЭК России, к сожалению, этот случай не предусмотрен.

Не вызывает сомнений, что СЗИ является более объемной категорией и должна включать СКЗИ, в то же время само СКЗИ уже не может существовать отдельно, а дополняется иными технологиями защиты данных. В этой ситуации у производителя нет иного выхода, чем проходить двойную сертификацию, что нарушает Положение о сертификации 1995 г., так как компетенции органов публичной власти фактически накладываются. Это лишь один из примеров, когда законодательство о криптографии не смогло осуществить четкое разграничение компетенций органов публичной власти.

Важно отметить, что подобная ситуация не является уникальной, например, в США регулированием криптографии занимаются три организации: Федеральная комиссия по связи (ФСС) регулирует криптографию в системах беспроводной связи; Агентство национальной безопасности разрабатывает безопасные криптографические системы для государственных

учреждений; Агентство по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (CISA) предоставляет рекомендации по лучшим практикам криптографии. И на практике также часто возникают проблемы, аналогичные российским.

4. В законодательстве о криптографии существует и ряд правовых пробелов. Например, отсутствие регулирования ряда вопросов использования СКЗИ иностранного производства. Данное оборудование является ограниченным к ввозу на территорию ЕАЭС (см. раздел 2.19 «Шифровальные (криптографические) средства» приложения № 2 к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования»), однако сам импорт шифраторов не запрещен и в некоторых случаях даже упрощен (см.: Постановление Правительства РФ от 09.05.2022 № 834 «Об установлении особенностей ввоза в Российскую Федерацию шифровальных (криптографических) средств и товаров, их содержащих»). На это оборудование не распространяет свое действие ПКЗ-2005 (пункт 5), а значит, сертификат ФСБ России импортер получить не может. Кроме того, пункт 1 Положения о сертификации средств защиты информации закрепил, что криптографические (шифровальные) средства должны быть отечественного производства и выполнены на основе криптографических алгоритмов, рекомендованных ФСБ России. Таким образом, и оборот, и использование импортных СКЗИ не запрещены, и не разрешены, что вызывает вопросы на практике. Например, в сетях банкоматов длительное время использовалась Triple DES, система SWIFT, которая основана на оригинальной иностранной криптосхеме.

Более того, в отечественном законодательстве о криптографии нет норм, определяющих порядок оценки СКЗИ в качестве «отечественного оборудования». То есть ничто не запрещает в импортируемое оборудование вставить корпус отечественного производства и указывать в качестве места его происхождения территорию Российской Федерации.

Все это также обуславливает необходимость совершенствования системы регулирования законодательства о криптографии.

Модели совершенствования законодательства о криптографии

Исходя из того, что криптография связана с вопросами защиты информации, то криптографическую деятельность необходимо рассматривать в качестве предмета информационного права, в частности правового регулирования информационной безопасности.

При этом в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» о криптографической деятельности упоминается только в одной норме, регламентирующей взаимодействие в электронной форме органов публичной власти с организациями и юридическими лицами. В ней закреплено, что государство должно обеспечить при обмене электронными документами соблюдение правил и

принципов, установленных национальными стандартами Российской Федерации в области криптографической защиты информации (ч. 2.3 ст. 13 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ). Этого явно не достаточно для регламентации криптографической деятельности, учитывая ее значение для общества и государства в условиях активного развития сферы информационной безопасности, в том числе новых направлений, связанных с использованием технологий квантовых коммуникаций. Следует отметить, что подобный «юридический минимализм» законодатель проявил и в вопросе регулирования защиты информации, которому в законе посвящена статья 16, включающая 6 частей. В ней определены виды деятельности, относимые законом к защите информации; обязанности обладателя информации и оператора информационной системы в сфере защиты информации; особенности регулирования защиты информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов и т.д. Представляется логичным для совершенствования законодательства о криптографии внести изменения в данную статью или добавить новую статью в федеральный закон. Однако, как показывает анализ изменений и дополнений в этот нормативный правовой акт, подобный подход часто ошибочен и приводит к «нагромождению» юридических конструкций, что может навредить развитию и совершенствованию регулирования криптографической деятельности.

Значимый дисбаланс между ростом и усложнением отдельных информационных правоотношений и их местом в данном федеральном законе уже привел к его сложносистематизированному дополнению и изменению. Например, изначально содержащаяся в законе статья 15 «Использование информационно-телекоммуникационных сетей» была дополнена статьей 15.1, а затем эти статьи еще раз дополнили статьями 15.1-1 и 15.1-2. Это не единственный пример, но он позволяет наглядно продемонстрировать обоснованность доводов ученых о необходимости кардинального пересмотра процесса нормотворчества в сфере информационных отношений [11]. Одним из новых методов совершенствования информационного законодательства называют процесс кодификации, который предлагается реализовать через принятие Цифрового кодекса или Информационного кодекса [12, 13]. При этом концепция развития кодификации в данной сфере в большей мере нацелена на разработку и принятие узаконенного Цифрового кодекса. В связи с отсутствием перспективы кодификации именно информационного законодательства оно развивается сегодня через принятие отдельных самостоятельных федеральных законов, регламентирующих оборот отдельных видов информации или создание и использование отдельных информационных технологий, информационных систем (например, ФЗ от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»).

В связи с этим, можно говорить, что совершенствование регулирования криптографической деятельности может осуществляться тремя способами:

1) через внесение изменений в существующий закон, что, как показывает опыт, не всегда эффективно;

2) через внесение соответствующего раздела в Информационный кодекс, что не возможно из-за отсутствия перспективы его принятия в среднесрочной перспективе;

3) через создание отдельного федерального закона, что представляется наиболее эффективным вариантом совершенствования регулирования криптографической деятельности в Российской Федерации.

Чтобы оценить возможность реализации третьего варианта развития законодательства о криптографической деятельности, необходимо оценить современное состояние законодательства о криптографии Российской Федерации.

Формирование законодательства о криптографии в Российской Федерации

Согласно актам нормативно-технического регулирования, криптография – наука о методах обеспечения конфиденциальности (невозможности прочтения информации посторонним) и аутентичности (целостности и подлинности авторства, а также невозможности отказа от авторства) информации, а также прикладная инженерно-техническая дисциплина, которая занимается разработкой, анализом и обоснованием стойкости криптографических средств защиты информации от угроз со стороны противника, обеспечивая конфиденциальность, целостность, неотслеживаемость (см.: п. 3.15 ГОСТ Р 56875-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии системы безопасности комплексные и интегрированные. Типовые требования к архитектуре и технологиям интеллектуальных систем мониторинга для обеспечения безопасности предприятий и территорий. Утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 26.02.2016 № 81-ст). Данный термин нельзя использовать в законодательстве, так как он сужает криптографическую деятельность до двух направлений: наука и прикладная инженерно-техническая дисциплина. Это не соответствует действительности, так как нормы, регламентирующие создание и использования СКЗИ охватывают более широкий круг общественных отношений. К таковым можно отнести:

- отношения по созданию СКЗИ, включая регламентацию процесса сертификации;
- отношения по использованию СКЗИ;
- отношения по обороту СКЗИ, включая экспорт и импорт оборудования;
- отношения по оказанию услуг, сопряженных с криптографической деятельностью;
- отношения по контролю за криптографической деятельностью, а также иные управленческие отношения.

Полагаем, что предметом законодательства о криптографии также необходимо относить вопросы взаимодействия правоохранительных органов и криптографических информационных систем.

Данный перечень является гибким и может корректироваться вместе с развитием криптографической деятельности.

Закон о криптографической деятельности

Анализ складывающихся отношений в сфере криптографической деятельности, а также действующего открытого законодательства в данной сфере позволяет сделать вывод, что сегодня объективно необходим специальный федеральный закон, посвященный криптографической деятельности. Его принятие во многом может способствовать развитию использования современных технологий защиты информации, в том числе квантовых коммуникаций.

Согласно сложившейся юридической практике значительная часть законов, регулирующих информационные отношения, не имеют деления на главы или разделы. Поэтому и федеральный закон о криптографической деятельности, на наш взгляд, целесообразно формировать без подобного разделения. Однако в целях систематизации информации и для удобства анализа в статье выделены две основные части проекта данного нормативного правового акта: общая и особенная. Это необходимо, чтобы структурировать нормы, изложив сначала, те, которые касаются общеправовых аспектов, а затем нормы, регулирующие отдельные виды криптографии или ее особенности.

1. Общая часть может включать статьи, посвященные:

- сфере действия законодательства о криптографии;
- системе законодательства о криптографии;
- принципам криптографической деятельности;
- полномочиям органов публичной власти в сфере криптографии;
- роли общественных организаций в сфере криптографии;
- правам и обязанностям субъектов криптографической деятельности, в том числе покупателям оборудования и потребителям работ и услуг в сфере криптографии;
- видам криптографии;
- положениям об экспорте и импорте СКЗИ;
- сертификации СКЗИ;
- лицензировании криптографической деятельности;
- вопросам использования криптографии в ходе ОРМ.

2. Особенная часть может включать статьи, посвященные:

- порядку определения случаев обязательного использования сертифицированной криптографии;
- особенностям использования симметричной и асимметричной криптографии;
- особенностям использования криптографии для аутентификации, включая технологии электронной подписи;
- особенностям использования квантовой криптографии;
- особенностям использования криптографии для проведения голосований в электронной форме;
- особенностям использования криптографии для создания и использования финансовых активов, включая криптовалюты;

– особенностям использования криптографии для дистанционного взаимодействия и управления объектами, включая беспилотный транспорт, IoT, умные счетчики;

– особенностям создания и использования методов криптоанализа.

Представляется, что содержание данных статей должно основываться на существующих нормах законодательства о криптографии, на институтах развития иных технологий цифровой экономики, показавших хороший результат, а также на лучших зарубежных и международных практиках, например, на Рекомендациях ОЭСР по формированию принципов государственной политики в области криптографии [14].

При разработке проекта федерального закона, посвященного криптографической деятельности, имеет первостепенное значение, чтобы эта работа способствовала формированию эффективной отечественной конкурентоспособной системы криптографии. Анализ процесса согласования нормативных правовых актов в информационной сфере показывает, что уполномоченные органы публичной власти, следуя стоящим перед ними задачам, стремятся вносить излишние запреты и ограничения, перестраховываясь от любых возможных рисков или пытаться минимизировать свои ресурсы, которые будет необходимо затратить на выполнение новых предписаний.

В целях недопущения подобного развития событий в сфере законодательства о криптографии представляется необходимым зафиксировать в официальном документе ключевые идеи (результаты), которые необходимо достичь органам публичной власти после его принятия. В качестве таковых можно выделить следующие:

1. Развитие рынка криптографии, под которым мы понимаем в первую очередь увеличение производства отечественного оборудования, сопряженного с ростом его качества. Жесткое регулирование отечественного криптографического рынка обеспечивает контроль за СКЗИ, включая запрет на допуск в Российскую Федерацию импортных СКЗИ. Подобные преимущества отечественным производителям снижают уровень конкуренции, а значит, влияют на качество отечественного оборудования. Изменить ситуацию без ущерба технологическому суверенитету можно двумя путями.

Частично открыть национальный рынок оборудования, например, путем введения института «гражданской криптографии». Это позволит обеспечить существование сегмента внутри страны с высоким уровнем конкуренции, что может привести к повышению качества отечественного оборудования. Следует отметить, что во многих государствах мира существует такое шифрование, например, в Канаде регулятор (Canadian Centre for Cyber Security) опубликовал в свободном доступе алгоритмы, которые следует применять для защиты конфиденциальной информации (Cryptographic algorithms for UNCLASSIFIED, PROTECTED A, and PROTECTED B information – ITSP.40.111). При этом не было ни одного прецедента системного взлома криптографических алгоритмов, что позволяет говорить о ее эффективности и безопасности.

При этом особый интерес вызывает опыт Китая, принявшего в 2023 году новый Закон о криптографии. Это первые значимые изменения в стране с 1999 года. Криптография в КНР стала классифицироваться на базовую, общую и коммерческую. Базовая криптография и общая криптография используются для защиты информации, составляющей государственную тайну, а коммерческая – для защиты иной информации ограниченного доступа. Среди новелл данного закона особо можно выделить следующие: информация о коммерческой криптографии перестала относиться к государственной тайне; добровольная сертификация коммерческого шифрования специализированной негосударственной организацией, кроме случаев их использования в критической информационной инфраструктуре; переход от «системы лицензирования» к «системе списков» при экспорте и импорте криптографического оборудования (ранее требовалось одобрение Национального управления криптографии). Теперь действуют «Список разрешений на импорт коммерческих средств шифрования» и «Список контроля за экспортом коммерческих средств шифрования», однако экспорт микросхем, оборудования для квантовой криптографии и криптографического испытательного оборудования требует отдельного разрешения.

Однако, на наш взгляд, этот вариант для отечественной криптографии имеет больше рисков, чем преимуществ. Есть высокая вероятность, что отечественные СКЗИ в сфере гражданской криптографии сместятся в сегмент «недорогого оборудования», а импортные СКЗИ займут большую долю этого рынка. Поскольку отечественные компании не обладают экономическими ресурсами китайских коллег, то такой вариант развития нельзя признать оптимальным для России.

Более интересным выглядит вариант «экспансии» отечественных производителей СКЗИ на зарубежные рынки. Если перед государством стоит задача повысить качество оборудования через конкуренцию, то рациональнее выглядит стимулирование конкуренции на рынках других государств мира. Таким образом, можно говорить о целесообразности пересмотра в законодательстве о криптографии норм об экспорте СКЗИ, а также системы норм, обеспечивающих стимулирование данных процессов.

2. Внедрение в криптографическую деятельность элементов саморегулирования. Мы исходим из того, что рост рынка криптографии, указанный в качестве первой задачи закона о криптографии будет реализован, а значит, требуется пересмотр подходов к государственному управлению.

При его применении государство перестает осуществлять полный контроль каждого участника, что требует значительных ресурсов, а сосредотачивается на полном контроле саморегулируемых организаций и выборочном контроле их участников. При этом методе возникает интересный парадокс, саморегулируемые организации, выступая объектом жесткого контроля, внедряют к своим членам более жесткие требования, чем установленные законодательством, а также применяют более широкий перечень методов контроля. Та-

ким образом, саморегулирование, при правильной организации, не только не снизит контроль за рынком криптографии, но даже позволит его усилить и диверсифицировать. Для этого необходимо закрепить права и обязанности саморегулируемых организаций в сфере криптографии, а также ответственность органов публичной власти за их работу.

При реализации этой задачи государству не требуется создавать новые организации, так как в декабре 2022 г. уже создана Автономная некоммерческая организация «Национальный технологический центр цифровой криптографии», которую учредило Правительство Российской Федерации совместно с лидерами отрасли (АО «ИнфоТеКС», ООО «Код Безопасности» и ООО «Крипто-Про»). На международном уровне роль подобных организаций достаточно значима, например, работа Международной организации криптографических исследований сегодня значительным образом стимулирует исследования, а также обмен опытом по использованию разных методов шифрования.

3. Защита прав пользователей СКЗИ. Это один из самых сложных вопросов в сфере криптографии. Криптографическое сообщество уже обращало внимание на данную проблему, предлагая ввести институт независимых экспертов для оценки потребительских качеств оборудования [15]. Однако из данной идеи развить эффективную работающую модель не удалось. Исходя из сложившейся практики правоприменения, СКЗИ являются для пользователя часто черным ящиком, технические характеристики которого ничем не подтверждены. Регулятор дает сертификат, что оборудование соответствует государственным стандартам в области шифрования. Никаких иных характеристик сертификат не подтверждает. Данная проблема стоит особенно остро в публичных закупках. Если объективных характеристик оборудования нет или они не ясны, то государственные и муниципальные заказчики в ходе торгов должны выбирать самое дешевое оборудование, которое имеет сертификат. В итоге производители будут стремиться снизить стоимость, в том числе за счет качества комплектующих.

Помимо качества оборудования права потребителя требуют защиты в части определения случаев обязательного использования СКЗИ. В Российской Федерации отсутствует конкретный перечень ситуаций, когда у субъекта права возникает обязанность применять методы криптографической защиты информации. Многократные упоминания данной обязанности в разных законах и подзаконных актах разрешить данную проблему не могут, так как в большинстве случаев они оставляют решение этого вопроса за субъектом права.

Заключение

Развитие экономики данных способно привести Российскую Федерацию к ситуации, когда информация станет ее главным ресурсом, который нужно охранять надежнее, чем полезные ископаемые. Сегодня пока нет достаточно надежных методов защиты данных, которые бы стали заменой для криптографии.

В связи с этим не вызывает сомнений, что криптографическая деятельность долгое время будет ядром системы информационной безопасности в государстве.

Чтобы обеспечить технологический суверенитет в данной сфере, необходимо не только сохранить имеющийся потенциал отечественной криптографической школы, но и обеспечить ее долгосрочное развитие. Сегодня главным стимулом этого процесса является государство, которое в большинстве случаев выступает и заказчиком исследований и основным потребителем криптографического оборудования. Развитие данной отрасли во многом видится посредством повышения эффективности отечественного законодательства о криптографии.

Исследование показывает, что в России, как и в большинстве государств мира, отсутствует специаль-

ный закон о криптографии. Отдельные нормы, регламентирующие лицензирование деятельности, сертификацию оборудования, сферы использования шифрования, импорт и экспорт СКЗИ рассредоточены в различных нормативных правовых актах, которые нуждаются в качественной систематизации. Представляется, что решить данную проблему можно, инициировав разработку и принятие федерального закона, посвященного криптографической деятельности. В статье предложено содержание данного законопроекта, а также определены основные сферы, относящиеся к предмету его регулирования. Его принятие во многом будет способствовать развитию всей отечественной системы информационной безопасности, в том числе перспективных ее направлений, связанных с квантовыми коммуникациями.

Список источников

1. Евсиков К.С. Правовое регулирование поддержки отечественных производителей квантовых коммуникаций // Право и цифровая экономика. 2023. № 3. С. 11–19.
2. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России // Государство и право. 2025. № 1. С. 160–173. doi: 10.31857/S1026945225010148
3. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Троян Н.А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144. doi: 10.31857/S102694520025209-0
4. Полякова Т.А. Информационная безопасность в условиях построения информационного общества в России. М.: РПА Минюста России, 2007. 169 с.
5. Бачило И.Л., Полякова Т.А. На пути к обеспечению информационной безопасности – проблемы формирования государственной информационной политики и совершенствования законодательства // Государство и право. 2016. № 3. С. 66–77.
6. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 399 с.
7. Minbaleev A., Zenin S., Evsikov K. Prospects for legal regulation of quantum communication // BRICS Law Journal. 2024. № 11 (2). P. 11–54. doi: 10.21684/2412-2343-2024-11-2-11-54
8. Минбалеев А.В., Ефремов А.А., Добробаба М.Б., Чубукова С.Г. Методы и подходы к регулированию формирующейся отрасли квантовых коммуникаций в условиях современного информационного общества // Информационное общество. 2024. № 4. С. 112–120. doi: 10.52605/16059921_2024_04_112
9. Минбалеев А.В., Берестнев М.А., Евсиков К.С. Обеспечение информационной безопасности оборудования добывающей промышленности в квантовую эпоху // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2023. № 1-1. С. 567–584. doi: 10.46689/2218-5194-2023-1-1-567-584.
10. Пономарева В.В., Розова Я.С. Протоколы квантового распределения ключей // Прикладная информатика. 2008. № 6 (18). С. 113–123.
11. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179. doi: 10.31857/S1026945224090155
12. Полякова Т.А., Троян Н.А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 25–33. doi: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033
13. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91. doi: 10.31857/S1026945224010087
14. Recommendation of the Council concerning Guidelines for Cryptography Policy // OECD. 2025. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/115/115.en.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
15. Академия информационных систем. Пресса о нас // Connect. 2011. № 5. URL: <https://www.infosystems.ru/academy/pressa/connect-rossiyskiy-rynok-skzi/> (дата обращения: 15.06.2025).

References

1. Evsikov, K.S. (2023) *Pravovoe regulirovanie podderzhki otechestvennykh proizvoditeley kvantovykh kommunikatsiy* [Legal regulation of support for domestic producers of quantum communications]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika*. 3. pp. 11–19.
2. Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. & Naumov, V.B. (2025) *Sovremennyye prioritety razvitiya informatsionnogo prava: pravovoe obespechenie gosudarstvennogo suvereniteta i informatsionnoy bezopasnosti v informatsionnom prostranstve Rossii* [Modern priorities of information law development: legal support of state sovereignty and information security in the information space of Russia]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 160–173. doi: 10.31857/S1026945225010148
3. Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. & Troyan, N.A. (2023) *Formirovaniye kul'tury informatsionnoy bezopasnosti grazhdan Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh novykh vyzovov: publichno-pravovyye problemy*. [Formation of information security culture of Russian Federation citizens under new challenges: public-law issues]. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 131–144. doi: 10.31857/S102694520025209-0
4. Polyakova, T.A. (2007) *Informatsionnaya bezopasnost' v usloviyakh postroyeniya informatsionnogo obshchestva v Rossii* [Information Security in the Context of Building the Information Society in Russia]. Moscow: RPA Minyusta Rossii.
5. Bachilo, I.L. & Polyakova, T.A. (2016) *Na puti k obespecheniyu informatsionnoy bezopasnosti – problemy formirovaniya gosudarstvennoy informatsionnoy politiki i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva* [On the way to ensuring information security – problems of state information policy formation and legislation improvement]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 66–77.

6. Dubonosov, E.S. (2025) *Operativno-rozysknaya deyatel'nost'* [Operative-Search Activity]. 8th ed. Moscow: Yurayt.
7. Minbaleev, A., Zenin, S. & Evsikov, K. (2024) Prospects for legal regulation of quantum communication. *BRICS Law Journal*. 11 (2). pp. 11–54. doi: 10.21684/2412-2343-2024-11-2-11-54
8. Minbaleev, A.V. et al. (2024) Metody i podkhody k regulirovaniyu formiruyushcheysya otrasli kvantovykh kommunikatsiy v usloviyakh sovremennogo informatsionnogo obshchestva [Methods and approaches to regulation of the emerging quantum communications industry in the context of modern information society]. *Informatsionnoye obshchestvo*. 4. pp. 112–120. doi: 10.52605/16059921_2024_04_112
9. Minbaleev, A.V., Berestnev, M.A. & Evsikov, K.S. (2023) Obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti oborudovaniya dobyvayushchey promyshlennosti v kvantovuyu epokhu [Ensuring information security of extractive industry equipment in the quantum era]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle*. 1-1. pp. 567–584. doi: 10.46689/2218-5194-2023-1-1-567-584
10. Ponomareva, V.V. & Rozova, Ya.S. (2008) Protokoly kvantovogo raspredeleniya klyuchey [Quantum key distribution protocols]. *Prikladnaya informatika*. 6 (18). pp. 113–123.
11. Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. & Krotkova, N.V. (2024) Transformatsiya nauki informatsionnogo prava i informatsionnogo zakonodatel'stva: novyy etap v usloviyakh nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii [Transformation of information law science and information legislation: new stage in the context of scientific and technological development of Russia]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 166–179. doi: 10.31857/S1026945224090155
12. Polyakova, T.A. & Troyan, N.A. (2023) Aktual'nyye problemy sistematizatsii zakonodatel'stva Rossii pod vliyaniem tsifrovyykh tekhnologiy v period tsifrovoy transformatsii [Current issues in systematization of Russian legislation under influence of digital technologies in the period of digital transformation]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 2. pp. 25–33. doi: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033
13. Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. & Naumov, V.B. (2024) K voprosu o kodifikatsii informatsionnogo zakonodatel'stva v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [On the issue of codification of information legislation in the conditions of digital transformation]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 81–91. doi: 10.31857/S1026945224010087
14. OECD (2025) *Recommendation of the Council concerning Guidelines for Cryptography Policy*. [Online] Available from: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/115/115.en.pdf> (Accessed: 15.06.2025).
15. Akademiya informatsionnykh sistem [Academy of Information Systems]. (2011) Pressa o nas [Press about Us]. *Connect*. 5. [Online] Available from: <https://www.infosystems.ru/academy/pressa/connect-rossiyskiy-rynok-skzi/> (Accessed: 15.06.2025).

Информация об авторах:

Минбалеев А.В. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: avminbaleev@msal.ru
Евсиков К.С. – канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой государственного и административного права Тульского государственного университета (Тула, Россия); доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: aid-ltd@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Minbaleev, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: avminbaleev@msal.ru
K.S. Evsikov, Cand. Sci. (Law), docent, head of the Department of State and Administrative Law, Tula State University (Tula, Russian Federation); associate professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: aid-ltd@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.07.2025;
одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 25.07.2025;
approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.*

Научная статья
УДК 340
doi: 10.17223/15617793/518/25

Обеспечение правопорядка в виртуальной цифровой среде: теоретико-правовые аспекты

Алексей Игоревич Овчинников^{1, 2}, Полина Ивановна Ширинских³

^{1, 3} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Донская духовная семинария, Ростов-на-Дону, Россия

^{1, 2} k_fp3@mail.ru

³ shirinskikh1999@mail.ru

Аннотация. Определены вызовы и угрозы безопасности личности, общества и государства, возникающие в связи с расширением сферы применения виртуальной иммерсивной среде. Отмечается возможность применения экстерриториального подхода к отношениям, складывающимся в метавселенных. Сделан вывод о возможности признания метавселенной как в качестве новой политической реальности, так и в качестве нового места совершения правонарушений.

Ключевые слова: метавселенные, виртуальный мир, виртуальная реальность, цифровые технологии, искусственный интеллект, экстерриториальный подход, виртуальное пространство, цифровые возможности, правовое регулирование, новая политическая реальность

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в Южном федеральном университете.

Для цитирования: Овчинников А.И., Ширинских П.И. Обеспечение правопорядка в виртуальной цифровой среде: теоретико-правовые аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 220–229. doi: 10.17223/15617793/518/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/25

Ensuring law and order in the virtual digital environment: Theoretical and legal aspects

Alexey I. Ovchinnikov^{1, 2}, Polina I. Shirinskikh³

^{1, 3} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Don Theological Seminary, Rostov-on-Don, Russian Federation

^{1, 2} k_fp3@mail.ru

³ shirinskikh1999@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to analyze the contemporary challenges and threats to the development of the virtual worlds industry and the 21st-century phenomenon of the metaverse, as well as to search for optimal mechanisms to address the identified issues. In the course of their research, the authors outline the following problems and forecasted challenges and threats arising within the virtual immersive environment: risks of exceeding the boundaries of the value-normative system operating in the real world; threats to public order of the state; risks of using the metaverse to disseminate destabilizing information; risks of devaluing human beings as such. The article also separately highlights the risks of diluting the significance of public authority functions and the predominant use of non-state methods for regulating relations within metaverses, should large volumes of data become concentrated under the control of private corporations. Analyzed examples of violations of citizens' personal rights and freedoms, as well as instances of rallies and demonstrations conducted on metaverse platforms, led the authors to conclude that the virtual universe can be recognized both as a new political reality and as a new venue for committing offenses. Based on the outlined problems and forecasted risks, the authors formulate proposals containing the fundamental principles for a state-led model of the metaverse. These principles include: mandatory user authorization on the metaverse platform under their real name; the implementation of age restrictions for accessing such digital platforms; and the designation of only state-issued financial assets as permissible means of exchange within the metaspace. The article emphasizes the importance and necessity of proactive lawmaking and the continued pursuit of an optimal method for regulating social relations that develop within virtual worlds and metaverses.

Keywords: metaverses, virtual world, virtual reality, digital technologies, artificial intelligence, extraterritorial approach, virtual space, digital opportunities, legal regulation, new political reality

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00225 "Legal regulation of the safe use of artificial intelligence technologies: conceptual models for ensuring safety, risk prevention and responsibility", carried out at the Southern Federal University.

For citation: Ovchinnikov, A.I. & Shirinskikh, P.I. (2025) Ensuring law and order in the virtual digital environment: Theoretical and legal aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 220–229. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/25

Введение

Современные цифровые ресурсы дают практически безграничные возможности человеку XXI в. для поиска информации, общения с близкими, обучения и работы. То, что казалось раньше непостижимым, теперь является нормой, тем, что незаметно вошло в повседневность практически каждого и укрепило свои позиции в различных социальных и профессиональных сферах жизни граждан. Время, проводимое в виртуальном мире, неуклонно растет, и если еще условно вчера самым обсуждаемым феноменом были мобильные телефоны, количество которых уже давно превышает численность населения планеты, то уже сегодня таковыми являются виртуальные вселенные. Создание новых цифровых продуктов, использование системы больших данных от сферы бизнеса до сферы образования, увеличение количества «умных» устройств, участие искусственного интеллекта в создании программных продуктов – все это способствует развитию цифровых технологий. Новым драйвером дальнейшей цифровизации выступает активное объединение физического и виртуального миров, которое уже именуется как «метавселенная». Взаимодействие цифровых двойников человека (аватаров) в режиме реального времени с помощью средств виртуальной реальности (VR), дополненной реальности (AR) и других «умных» устройств стало востребованной площадкой не только для досуга и отдыха в виде способа посещения мест культурного наследия, музеев, концертов, но и местом проведения рабочих совещаний, встреч, переговоров. Метавселенные уже несколько лет, особенно в период пандемии коронавируса, используются в ряде стран, в том числе в образовательных целях, открывая новые возможности в учебе [1. С. 30]. Тенденции дальнейшего развития цифровых технологий порождают автоматизацию многих современных процессов и оказывают влияние на самые различные сферы жизни общества, тем самым актуализируя необходимость дальнейшего совершенствования механизмов правового регулирования общественных отношений, складывающихся в новых реалиях цифрового мира.

Отметим, что трансляция культурных, духовных, политических и иных смыслов через развивающиеся интернет-сообщества, которые фактически выступают в качестве новых средств коммуникации, таких как онлайн-игры, социальные сети и обсуждаемый феномен XXI в. – метавселенные – обращают на себя внимание ученых в области философии, психологии, медицины, культуры, а также юриспруденции и политологии. Исследователи анализируют последствия подобного развития информационных технологий и их влияния на жизнь человека с точки зрения изменения культуры

коммуникации между людьми в связи с увеличивающимся объемом применения виртуальных платформ как в личных, так и в рабочих целях, формирования нового образа мышления, рисков и последствий расширения сферы применения технологий больших данных и во многих других важных аспектах. В связи с расширением цифровых возможностей перед законодателем и правоприменителями также ставятся новые задачи, выражающиеся в определении границ между частным и публичным правом, применимым в виртуальной реальности, в определении, какие действия, совершаемые в пространстве виртуальных миров, будут признаваться нарушающими нормы публичного права и правопорядка. Следует подчеркнуть, что ввиду роста подобных вызовов и наличия правовых пробелов актуализируется необходимость дальнейшего исследования новых технологий в рамках политико-правового анализа. С целью обеспечения понимания имеющихся вызовов и угроз безопасности личности, общества и государства, существующих в виртуальной реальности, в работе приведен анализ публично-правового и политического аспектов виртуальных миров. За основу принят рискоориентированный подход, применяемый для систематизации угроз и вызовов национальной безопасности в условиях цифровизации общества и государства, позволяющий разработать эффективные механизмы предупреждения и профилактики правонарушений в данной сфере, установить институциональные модели, используемые для обеспечения как информационной и цифровой безопасности, так и в целом национальной безопасности.

Обзор исследований

Исследованию правовых механизмов обеспечения безопасности в сфере виртуальных миров и применимых в виртуальной реальности норм права посвящено большое количество современных работ в гуманитарно-социальной науке. Основной вектор исследований направлен на обозначение проблемы с точки зрения постановки частноправовых вопросов, связанных с «виртуальной собственностью», определения особенностей правового режима «виртуального имущества» [2–4]. Однако в работе В.В. Архипова, опубликованной ещё в 2013 г., отмечается, что «значение виртуальных миров выходит за рамки частной отраслевой проблемы». Как подчеркивает автор, это связано с тем, что «виртуальные миры представляют собой “срез” всех современных проблем интернет-права» [5. С. 93]. Продолжая в последующем мысль о широком круге проблем и вопросов, связанных с правовым регулированием виртуальных миров, ряд авторов анализирует и проблемы, вытекающие из анализа уголовно-право-

вого аспекта данной реальности, подчеркивая важность определения принципов юридической ответственности за совершаемые правонарушения в виртуальной сфере [6–8], и значимости духовно-нравственных ценностей, стирающихся за оболочкой цифровой среды [9]. При этом большое количество ученых продолжает развивать тему, позволяющую анализировать особенности защиты интеллектуальной собственности и авторских прав в области технологий виртуальной и дополненной реальности [10–13]. Более того в рамках последней темы высказывается, ранее недопустимое для цивилистов, мнение о возможности существования вещно-правовых отношений в нематериальном мире Интернета, где всегда царили исключительно обязательственные правоотношения [14]. Развивая тему, затронутую в работе А. Абдуджалилова, мы задаемся вопросом: могут ли существовать вещи в несуществующем пространстве? На известных игровых платформах метавселенных Roblox, Second Life и др. пользователями покупаются дорогостоящие объекты, при этом за нарушение правил игры аккаунт может быть временно заблокирован или безвозвратно удален. Что в таком случае происходит с объектами, которые были приобретены в нереальном мире на реальные деньги, если предположить, что на первые право собственности не возникает и это всего лишь игра? В работе В.С. Левинзона и Р.К. Митина также подчеркивается, что «...различные игровые площадки предлагают пользователям приобретать имущество за реальные деньги, однако дальнейшее их регулирование отсутствует. Повреждение существующего имущества, правовые аспекты его продажи и обмена остаются неясными» [3. С. 40]. Авторами в качестве механизмов устранения имеющихся правовых пробелов предлагается ввести единые правила получения и отчуждения прав собственности на виртуальное имущество и реестр имущества, в том числе игрового [3. С. 41].

Говоря о философско-правовом подходе к рассмотрению цифровой личности как одной из идентичностей человека, подчеркивая существование позиции в науке, в соответствии с которой многие авторы рассматривают цифрового двойника и личность гражданина как два разных субъекта, в своем исследовании В.В. Иванов и Д.И. Зуев, классифицируя цифровые двойники личности на добросовестные, недобросовестные и анонимные, делают значимый для теории и практики вывод о том, что «за действия цифрового двойника ответственность должно нести лицо, которое непосредственно им управляло» [8. С. 142]. Виртуальное право, таким образом, в своем концепте представляя в том числе нормы, вытекающие из пользовательского соглашения, в данном случае не может быть исключительным при регулировании общественных отношений, складывающихся внутри виртуального пространства. Киберпреступления являются вполне реальными и уголовно-наказуемыми явлениями в нашей стране. Доктрина позволяет толковать ситуации, которые возникают внутри виртуального мира, в частности в компьютерной игре, как подлежащие регулированию юридическими нормами. При этом отмечается, что

«ситуации, когда суды допускают возможность применения реального права к виртуальным отношениям в рамках компьютерных игр, являются редкостью» [15. С. 19]. В частности, о правовых проблемах квалификации компьютерных игр опубликована оригинальная работа А.А. Васильева, В.В. Архипова, Н.Ю. Андреева и Ю.В. Печатновой, в которой анализируются в том числе и вопросы применения к виртуальным правоотношениям реального права. Абсолютно справедливый и важный вопрос поднимается в данной статье: «можно ли кражу, убийство, куплю-продажу имущества в компьютерных играх подвергать правовой квалификации, можно ли считать хищением взлом чужого аккаунта и использование персонажа»? [15. С. 17]. Вслед за ранее высказанной позицией В.В. Архиповым авторы работы соглашаются с необходимостью учета социально-валютной ценности виртуального имущества для игроков при определении допустимости применения юридических норм.

О дихотомизме цифрового права, распространяющем свое действие как на правоотношения в реальном мире, так и в виртуальном пространстве, писал А.В. Скоробогатов в одном из исследований, при этом в работе слова цифровое, виртуальное и электронное по отношению к праву употребляются в качестве синонимов. Автором обращается внимание на то, что «цифровое право представляет собой интегративный институт права, синтезирующий нормы позитивного права национального и международного уровня, с одной стороны, и конвенционально конструируемые нормы социального права виртуальных сообществ – с другой» [16. С. 410]. Исследователем подчеркивается, что коммуникация внутри определенных реальных и номинальных социальных групп «осуществляется не только на основании юридических норм, но и конвенционально сформированных правил, имеющих для адресатов не меньшее значение» [16. С. 413]. Это право есть совокупность правил, носящих несистемный и неупорядоченный характер.

Выводы, приведенные в ранее указанных работах о «необходимости формирования системы электронного правосудия для рассмотрения споров об интеллектуальных правах в области виртуальной и дополненной реальности» [10. С. 56], использовании в качестве мер по правовой охране договорных механизмов, виртуальных арбитражных систем и виртуальных образовательных программ [11. С. 269], вопросы, которые обозначаются в изученных исследованиях, в том числе и вопрос «перед каким государством будет нести ответственность киберпреступник?» [6. С. 7], говорят о безусловной необходимости теоретической разработки проблемы соотношения, взаимосвязи и особенностях правового регулирования общественных отношений, складывающихся в AVR, определении правовых принципов, которые должны действовать в виртуальной реальности.

В рамках данного исследования важным для юридической науки представляется акцентуация внимания на общетеоретических проблемах феномена «метавселенная» и особенностях правового регулирования общественных отношений, складывающихся в новой иммерсивной реальности.

Итак, мир цифры – это этап развития нашей цивилизации, будущее, которое станет неотъемлемой частью жизни каждого. Говорить о повсеместной доступности средств виртуальной, дополненной и смешанной реальности сейчас не представляется возможным в виду элитарного, а не массового характера сопутствующей техники (VR-очки, VR-шлем, геймпады, джойстики), в основном из-за её высоких стоимостных характеристик. Однако, на наш взгляд, подобное может быть вопросом пары десятилетий, поскольку иные устройства также в начале своего появления не были атрибутом, имеющим свое место в каждом доме, а на сегодняшний день у многих жителей России можно увидеть смартфон, планшет, ноутбук, умные колонки, которые не вызывают вопросов в своем использовании и исключение которых при выполнении повседневных дел и профессиональных обязанностей покажется уже невозможным. Описанные устройства облегчают нашу жизнь, упрощают выполнение сложных задач, дают возможность общаться с близкими, которые находятся в другом субъекте или стране. Таким образом, использование современных цифровых технологий, освоение новых программ и техники – это, в определенном смысле, уже настоящее. При этом общение в цифровом пространстве требует соблюдения специальных правил. Возникает ряд вопросов. Могут ли правила пользовательского соглашения предусматривать иной механизм реализации прав и обязанностей гражданина, чем тот, который закреплен нормами действующего законодательства, или противоречить ему? Какие принципы регулирования будут иметь первостепенное значение – указанные в подписанном пользовательском соглашении специальные правила, действующие в виртуальном мире, или «внешние», «реальные» нормы права? Каким образом должен быть разрешен спор, если в виртуальной среде затрагиваются интересы граждан разных государств?

В работах исследователей приводится позиция, в соответствии с которой «расширение виртуального пространства и появление технологий дополненной реальности потенциально предполагают, что цифровое право не будет ограничиваться отношениями только в сети интернет, но и распространится на смежные отношения, в той или иной степени пересекающиеся с виртуальными» [16. С. 414]. Сейчас виртуальный мир выходит за рамки ассоциаций исключительно с компьютерными играми. Последние годы показали огромные возможности информационно-телекоммуникационного пространства – от заказов товаров через приложения до удаленной работы и учебы в повсеместных районах страны и мира. При этом складывающиеся отношения в виртуальной среде также нуждаются в своем регулировании, как и отношения в реальном мире. Право проникает в виртуальную среду. Вопрос в том, совпадает ли это право с тем, которое регулирует отношения в мире реальном. Мы употребляем слово «виртуальное» применительно к праву, не вкладывая в него значение объекта исследования несуществующего в реальности, а говорим о нем как о праве, которое регулирует отношения, возникшие из-за появления виртуального мира, который не имеет привычных территориальных государственных границ.

Следует согласиться с высказанным в научном дискурсе мнении, о том, что действие правил, составляющих виртуальное право, «в значительной степени не опосредовано конкретным государством, оказывающимся в данном случае не в состоянии определить не только конкретных адресатов правового регулирования, но и очертить его границы как географически, так и социально» [16. С. 414]. Исходя из межтерриториального характера общения и взаимодействия людей в виртуальной реальности, можно заключить, что по аналогии с интеграционным (коммунитарным) правом, виртуальное право порождает правопорядок, субъектами которого фактически являются корпорации, создающие виртуальные платформы, где действуют единые правила для граждан разных государств (пользовательские соглашения, регламенты и т.д.). Такие правила не являются предписаниями, разработанными государственными органами, но тем не менее выступают в качестве норм, которые имеют свою юридическую силу и регулируют складывающиеся правоотношения. Как отмечается в коллективной монографии современных теоретиков права «Экстерриториальное пространство права»: «...киберпространство представляет собой некое вненациональное саморегулирующееся сообщество пользователей» [17. С. 18].

В работе Е.А. Певцовой приводятся данные социологического опроса, где, несмотря на то, что преобладающее большинство голосов опрошенных было отдано за вариант, в соответствии с которым в условиях цифровизации «форма и содержание законодательства существенно не изменятся», 21,8% респондентов указали, что «границы международного права и национального законодательства сотрутся, будут замещены соглашениями и техническими регламентами (протоколами) транснациональных цифровых корпораций», а 11,1% выбрали вариант, по которому «законодательные нормы будут переведены в формат компьютерного кода (алгоритм), который будет разрабатываться с помощью искусственного интеллекта» [18. С. 21–22], что свидетельствует о пересмотре принципов формирования норм, которыми регулируются новые возникающие общественные отношения внутри виртуальных миров или по отношению к виртуальным объектам.

Понятие «виртуальное право» выходит за рамки правового регулирования общественных отношений традиционно применимыми правовыми нормами национального законодательства, которое можно обозначить термином «реальное право». Виртуальное право представляет собой регулирование отношений конструируемыми в виртуальном мире нормами, вытекающими из заключаемых пользовательских соглашений между субъектами коммуникации внутри информационно-телекоммуникационной сети. Как отмечают исследователи, «неформальное влияние иностранных концепций и правовых решений, международно-корпоративных сделок и договоренностей, документов неправительственных организаций все нарастает» [17. С. 92], и виртуальное право, которое не ограничивается рамками национального правопорядка, а фактически вбирает в себя в том числе законодательство разных государств и лицензионные соглашения трансграничных корпораций и пользователей, тому яркое доказательство.

Интернет-пространство приобретает все большее влияние. Средства регуляции складывающихся внутри данной сферы отношений, разрабатываемые крупными корпорациями, готовы «конкурировать» с национальными законодательными актами. Представители крупных поисковых систем уже обращают внимание, что, если отменить любое государственное регулирование, они способны существовать, основываясь на своих локальных регламентах [19. С. 119]. Как отмечают авторы ранее упомянутой монографии «с развитием новейших информационных, сетевых технологий, с появлением новых политических и экономических союзов, ростом влияния транснациональных корпораций и негосударственных форм регулирования вопросы пространственного действия права выходят на новый уровень» [17. С. 61].

Развитие информационных технологий непосредственным образом влияет на будущее правовое регулирование – то, каким оно будет в быстро развивающемся виртуальном мире, можно предположить уже сейчас. Наблюдается рост влияния негосударственных регуляторов, в связи с чем актуализируются вопросы соотношения и взаимосвязи правопорядка внутри виртуального и реального миров, и, как следствие, вопросы применимости экстерриториального подхода при регулировании складывающихся общественных отношений. Бесспорно, что экстерриториальность права означает в том числе признание в качестве правовых отношений, «возникающих в трансграничном правовом пространстве, в международно-правовой реальности, сетевом информационном пространстве» [17. С. 129], что позволяет говорить о применимости экстерриториального подхода к отношениям, складывающимся в виртуальной среде. На наш взгляд, в рамках применения экстерриториального подхода к общественным отношениям такого рода в первую очередь важно не допустить противоречия условий, указанных в лицензионных соглашениях, нормам публичного порядка государств, граждане которых являются пользователями виртуальных вселенных. Данное предложение на сегодняшний день определяет пределы вмешательства реального права в виртуальный мир. Следует сказать, что существующие сложности определения применимого права к отношениям, складывающимся в виртуальной реальности, и их потенциальное увеличение в будущем служат основанием к дальнейшей детальной проработке вопросов правового регулирования общественных отношений в области метавселенной, включая выработку единых международных стандартов их регулирования.

Вызовы индустрии игровых виртуальных миров: от онлайн-игр до метавселенных

Границы между реальным и виртуальным с каждым годом все сложнее провести. Игры выходят на новый уровень: это уже не столько средство развлечения, сколько погружение в виртуальную параллельность, где игровой мир сложно отличим от привычных форм повседневности благодаря развивающейся компьютер-

ной графике и средствам симуляции, создающим эффект «погружения»: на настоящий момент в процесс многих видеоигр вовлечены органы зрения, слуха, осязания. Конечно, ключевым остается симуляция этого виртуального мира, его вымышленность. Но насколько он продолжает быть вымышленным, когда конкретные политические события становятся сюжетом игры? В последние годы в науке очень остро поставлен вопрос правового регулирования не только виртуального имущества в данной среде, о чем написано достаточно много научных работ [20–22], но и вопрос распространяемого контента с помощью онлайн-игр.

Регулирование контента в сети Интернет, в том числе и на платформах онлайн-игр, должно происходить с учетом баланса частного и публичного права. Можно предположить, что дополнительные меры правового регулирования в сфере компьютерных и мобильных онлайн-игр не дадут развиваться самостоятельно им в том творческом направлении, которое было запланировано разработчиками. Любые запреты и ограничения в данной сфере могут иметь свое место только в том случае, если их отсутствие будет порождать злоупотребление правом, нарушение закона, договорных обязательств, причинение вреда физическим лицам, юридическим лицам, публично-правовым образованиям, в том числе государству. Сейчас расширяются цифровые возможности, модернизируется содержание игр, в связи с чем есть риск, что платформы игровых миров могут использоваться для навязывания определенных позиций и доведения разнотипной информации в той форме, которая удобна разработчикам или заказчикам. Известно, что игра – это один из облегченных способов обучения. Несмотря на то, что онлайн-игры популярны среди людей вне зависимости от возраста и социального статуса, особо уязвимой группой остаются несовершеннолетние, поскольку существуют риски восприятия современным поколением, которому так привычен и понятен онлайн-формат, фактов, полученных через социальные сети, компьютерные или мобильные игры, без нужного критического анализа. Новое поколение Z так называемых «цифровых детей», рожденных после 2000 г., принимает виртуальное пространство как часть своей жизни. Все, что транслируется с использованием информационных технологий в виртуальном мире, может восприниматься «клиповым» мышлением зачастую без сомнений в достоверности получаемой информации, отсюда риски и угрозы совершения информационной пропаганды мыслей и идеалов, противоречащих общественному порядку государства.

Помимо этого, важно сказать, что существующие жестокие онлайн-игры дают пользователям сильные эмоции, в последующем способные порождать всплески агрессии за рамками виртуальной игры. Косвенное влияние может оказывать сюжетная линия с чередой постоянных убийств в случае её сосредоточения на выборе без выбора, призывами к экстремистским действиям, к убийствам по мотивам расовой, национальной ненависти. Так, многопользовательская игра *Call of Duty*, выпускаемая американской компанией, при-

влекала к себе внимание содержащимися в ней миссиями и сценами, которые можно трактовать как «призыв к насилию против российских граждан» [23]. Существование в некоторых играх, разработчиками которых выступают представители зарубежных стран, негативного контента, от которого невозможно отказаться в ходе игры, навязанных образов и порядка действий, которые нужно совершить, чтобы двигаться дальше, позволяют говорить о запрете к продаже на территории России подобных игр как допустимого способа защиты населения от деструктивного влияния заложенной в таких играх информации. Из изложенных выше обстоятельств следует, что в поисках баланса важно сохранять приоритетность интересов общества перед интересами корпорации, которая должна нести ответственность в случае допущения ситуации распространения заведомо запрещенного контента посредством размещения такового на своей платформе.

Следует сделать акцент на трансформации виртуальных игровых миров, о которой было заявлено в заголовке данного раздела, сводящейся к качественному переходу от вымышленных ситуаций, создания чего-то нового к встраиванию игры в реальный мир. Метавселенные, представляющие собой симбиоз происходящего вокруг с виртуальной и дополненной реальностью, являются востребованными платформами для игр. Отмечая, что игровые метавселенные представляют по своей цели, аналогично онлайн-играм, платформы, где свои игровые интересы реализуют пользователи, взаимодействуя друг с другом через аватаров, подчеркнем, что цифровые возможности виртуальных вселенных посредством большего эффекта погружения человека в виртуальный мир позволяют ярче чувствовать и осознать происходящие в игре события. Именно за действия в одной из игровых метавселенных были задержаны в 2020 г. российские школьники г. Канск Красноярского края. В переписках подростков были обнаружены планы «взрыва» здания ФСБ, построенного в Minecraft. При этом обвинение было предъявлено не за подготовку «взрыва» в онлайн-пространстве метавселенной, а касалось действий, направленных на подготовку к совершению реальных актов терроризма с квалификацией деяние по ст. 205.3 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности» [24]. В современных зарубежных работах Д. Элсона, О. Доктора и С. Хантера также отмечается, что «у экстремистов появляется возможность внедрять инновации, распространяя свою практику вербовки в метавселенную» [25]. Объективности ради следует сказать, что подобные риски признаются не всеми учеными и высказанные тревожные опасения в области развития цифровых возможностей экстремистов в виртуальных вселенных считаются некоторыми исследователями в определенной степени алармизмом [26].

Однако, на наш взгляд, в настоящее время имеют место риски использования метавселенной в целях распространения информации дестабилизирующего характера внутри виртуального мира с идеями воплощения обсуждаемых вещей в мире реальном. Ввиду су-

ществующих правовых пробелов и дискуссий в области применимого права в виртуальной реальности платформы метавселенных становятся заманчивым полем незаконных действий для организаторов террористических актов. В связи с отсутствием четких запретов на применимую валюту в виртуальной вселенной, проблематичностью отслеживания происходящих транзакций, анонимностью лиц, авторизованных под вымышленными именами, в метавселенных происходит упрощение и оптимизация механизмов совершения таких действий, как склонение, вербовка и финансирование террористической деятельности.

К вызовам индустрии игровых виртуальных миров относятся также неоднократно имевшие место быть случаи применения насилия в онлайн-пространстве. Так, в 2024 г. обсуждаемым вопросом в средствах массовой информации различных государств стало расследуемое в Великобритании дело, связанное с групповым изнасилованием несовершеннолетней в метавселенной. Сообщается, что «девушка была одета в гарнитуру виртуальной реальности и играла в иммерсивную игру в метавселенной, когда на ее аватар напали несколько других» [27]. Вместе с тем ранее также существовали подобные случаи, когда аватары в метавселенной подвергались сексуальному насилию [28], при этом люди, управляющие такими аватарами, находились в схожем психологическом состоянии, что и жертвы, подвергшиеся насилию в реальном мире. Пока идут споры об оценке подобных действий в качестве общественно-опасных деяний, и в случае признания их уголовно-наказуемыми решения вопроса о подлежащей применению норме закона единственным источником регулирования остается пользовательское соглашение. Так, разработчиками предусматривается функция «личных границ», которая не позволяет незнакомым аватарам приближаться ближе, чем на 1,2 м друг к другу. Но, что делать в случае, когда, скрывая свои намерения, пользователь просит убрать подобный технический барьер в настройках безопасности, как это было с несовершеннолетней девушкой из приведенного выше примера? Пока этот вопрос с точки зрения правовой квалификации остается открытым и дискуссионным.

Метавселенные: от вида массовой коммуникации до новой политической реальности

Количество и активность пользователей напрямую связаны с потенциальной прибылью компаний, которые являются разработчиками различных онлайн-платформ. Можно предположить, что для удержания пользователей будут использоваться различные механизмы, в том числе и активное развитие возможностей объединить реальный и виртуальные миры, которые смогут дать человеку больше цифровых возможностей, чем раньше. Интерактивность метавселенных, объединение нескольких пространств, конвергенция игровых и рабочих задач внутри виртуальных миров приводит к расширению понимания метавселенной исключительно как игровой сферы. В продолжение изу-

чения затронутых политико-правовых проблем, описанных ранее, следует сосредоточить внимание на способе использования метавселенных вне игровой среды, в частности в качестве платформы для проведения митингов и демонстраций. Так, в России на платформе метавселенной Minecraft 1 мая 2023 г. представителями партии ЛДПР был организован митинг, при этом подчеркивалось, что «никаких возрастных ограничений на митинге не будет» [29]. В других странах и демонстрациях, идет активное использование игровых платформ метавселенных, в том числе, таких как Roblox, Decentraland, а также Wistaverse, для выражения своего мнения, идей и протестов [30].

Таким образом, метавселенная предстает перед нами как новая политическая реальность. Но стоит заметить, что тотальная оцифровка важнейших социально-политических процессов и их переход на виртуальные платформы наряду с позитивными аспектами, которые выражаются в упрощении, облегчении, мобильности способов совершения привычных действий, имеют и отрицательные стороны. Следует сказать, что действия в новых виртуальных пространствах содержат риски выхода за рамки ценностно-нормативной системы, действующей в реальном мире, нарушения публичного порядка государства, утраты ценности человека как такового. Также существуют риски размывания значимости функции публичной власти и преимущества негосударственных способов регулирования отношений внутри метавселенных в случае сосредоточения больших объемов данных в руках частных корпораций. Политика данных компаний может порождать то, что называется злоупотреблением правом, очевидно незапрещенные законом, но заведомо недобросовестные действия, которые доступны и потенциально интересны ввиду неурегулированности, в связи с допустимостью самостоятельно разрабатывать действующие в виртуальном пространстве правила – от необоснованного удаления аккаунтов цифровых двойников до навязывания определенных позиций. Как подчеркивается в современных работах ученых, «новые акторы цифровой реальности активно стимулируют цифровое бегство от государства» [31. С. 112], в результате однозначна необходимость активного государственного развития как технической, так и правовой базы цифровых государственных платформ.

Некоторые вопросы правового регулирования внутри метавселенных

Использование образа другого человека для создания цифрового двойника, кража виртуального имущества, насилие над аватарами, вербовка, склонение или иное вовлечение лица в виртуальной вселенной в совершение преступления, в том числе связанного с осуществлением террористической деятельности, – всё это ставит перед государством и гражданским обществом новые задачи по выработке механизмов защиты и предупреждения совершения правонарушений в виртуальной иммерсивной среде. Для этого важно оценить область правовых проблем в виртуальном мире с

точки зрения публичного права. Обобщая ранее изложенное, можно сказать, что метавселенная представляет собой глобальное виртуальное пространство, которое формируется благодаря постоянному развитию информационно-телекоммуникационных технологий, воплощая триединство фактической действительности, виртуальной и дополненной реальности на цифровых платформах, которые объединяют привычные дела и развлечения человека и позволяют, не выходя из дома, одновременно находиться в разных местах. Конечно, Интернет и сейчас дает возможность переходить в поисковых системах по различным ссылкам, открывать разные приложения, находиться удаленно на рабочих совещаниях и вести переговоры, играть и обучаться в играх. Однако метавселенная позволит совмещать эти действия в режиме реального времени с большей визуализацией происходящих событий с помощью средств дополненной реальности.

Сейчас можно разделить метавселенные на три основных вида в зависимости от целевой задачи создаваемых платформ: на развлекательные, корпоративные и промышленные. В первую очередь мы говорим о группе потребительских платформ, наиболее широко представленных на современных цифровых площадках. Именно к ним в основном проявляет интерес молодая аудитория. Под таковыми следует понимать виртуальные миры, основная целевая задача которых сводится к развлекательному контенту – онлайн-игры, социальные сети, которые могут масштабироваться путем дополнительных средств техники до 3D-Интернета с большим эффектом погружения в виртуальную среду. Термин «корпоративная метавселенная» объединяет платформы для удаленной сетевой работы, обучения, сервиса виртуальных продаж, проведения мероприятий и концертов. Развитие же высокотехнологичного производства, энергетики, архитектуры, строительства возможно в онлайн-пространстве промышленных метавселенных, подобные виртуальные площадки могут быть интересны как для компаний, так и для государства. При этом метавселенные будущего – это глобальное пространство со множеством одновременно доступных задач на одной платформе. Основой правового регулирования общественных отношений, складывающихся внутри такого глобального виртуального пространства, должен быть принцип соблюдения публичного порядка государства, для чего необходима выработка собственной модели метавселенной, формирование комплекса правовых актов, которые могли бы урегулировать существующие на данный момент правовые пробелы. Подобные акты должны быть направлены на решение вопросов в области финансового, уголовного, административного права и, соответственно, в случае разработки и создания частных метавселенных на территории Российской Федерации пользовательские соглашения не должны противоречить тем нормам, которые будут закреплены в отношении государственной модели метавселенной. Подключение к платформам метавселенных, разработчиками которых выступают частные компании других государств, также должно быть урегулировано.

Говоря о выработке государственной модели метавселенной, остановим свой взгляд на очевидном: метавселенные позволяют приобретать права и обязанности, например, совершая покупку виртуального игрового имущества, лицо становится владельцем виртуальной собственности, при этом оно же не должно нарушать установленных правил пользовательского соглашения, в том числе в отношении неограниченного круга лиц, именуемых в метавселенной аватарами. Приведенное описание позволяет сформулировать в качестве необходимого правила подключения к метавселенной, которое способствовало бы отчасти решить ряд упомянутых в статье проблем, – обязательность авторизации пользователя под своим именем. Действующее российское законодательство закрепляет, что по общему правилу приобретение прав и обязанностей под именем другого лица не допускается. Данная норма ввиду существующих информационных вызовов должна стать обязательной и в отношении метавселенной. Помимо этого, должны существовать возрастные ограничения для доступа в подобное совмещенное пространство. В основу анализа рекомендуемого для доступа возраста может быть положена представленная выше классификация метавселенных по целевому направлению. Также предлагается определять в качестве средств, допустимых к обращению внутри пространства, только государственные финансы. Следует понимать, что метавселенная – это не только платформа, на которой можно тратить реальные деньги, но и зарабатывать их. Из этого следует, что решение вопроса налогообложения внутри метавселенных – это также один из важных моментов, который должен быть во внимании при разработке государственной модели метавселенной.

Первыми шагами в направлении создания модели правового регулирования метавселенных может быть совершенствование механизмов взаимодействия в цифровом мире между государством и корпорациями, выработка некоего надвиртуального пространства с главенствованием норм права и публичного порядка при разрешении неурегулированных на настоящий момент ситуаций, являющихся теми, которые затрагивают важные общественные отношения.

Выводы

Находясь в виртуальном мире, человек фактически погружается в уникальную среду, проходя по грани между перспективами и выгодами, которые сулит ему использование новых технологий, и опасностями, тающимися при использовании цифровых возможностей, начиная от неконтролируемого сбора персональных данных, заканчивая киберпреступлениями, где пользователь выступает в качестве потерпевшего. Границы между реальностью и виртуальностью становятся всё менее заметными. При этом значение права в виртуальной среде всё также неумолимо высоко, как и в реальном мире, поскольку позволяет регулировать те общественные отношения, которые выстраиваются по той же модели социального взаимодействия между пользователями, что и при построении контактов между людьми в повседневной действительности.

Примечательно, что зачастую недостаток положительных эмоций или отсутствие ярких событий в повседневности компенсируется их получением в виртуальной среде, которая является суррогатом реальной жизни. Мультисенсорная иммерсивность метавселенной предполагает погружение в созданную виртуальную среду с задействованием практически всех органов чувств человека – это возможность видеть, слышать, балансировать, осязать применительно к вещам, событиям и явлениям, происходящим в совмещенной реальности. Современная ситуация заставляет задаться вопросом: «Должны ли цифровые возможности переходить из разряда вспомогательных в сущностные?», и пока человечество ищет на него ответ, информационные технологии набирают обороты, расширяют сферы своего применения, в том числе преобразуясь в комплекс объединенных виртуальных миров, соединяющихся на платформах метавселенных. При этом последние используются в целях, далеко выходящих за рамки онлайн-игр. Рассмотренные в статье примеры позволяют признать метавселенную как в качестве новой политической реальности, так и в качестве нового места совершения правонарушений. Подобные выводы нуждаются в дальнейшей проработке и подборе способов регулирования общественных отношений, складывающихся внутри виртуальных миров и метавселенных.

Список источников

1. Овчинников А.И., Ширинских П.И. Метавселенные и право: вызовы новых технологий в условиях дальнейшего развития интернета // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 2. С. 27–34.
2. Беликова К.М. Теоретические и практические аспекты правовой квалификации виртуальной собственности в России и за рубежом // Юридические исследования. 2021. № 7. С. 1–28.
3. Левинзон В.С., Митин Р.К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. 2020. № 5. С. 39–42.
4. Фатхи В.И. Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 113–121.
5. Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 93–114.
6. Абрамов Д.О. Юридическая ответственность в киберпространстве: новые подходы к осмыслению // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 5–9.
7. Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 2. С. 9–35.
8. Иванов В.В., Зуев Д.И. Цифровой двойник и цифровая личность: понятие, соотношение, значение в процессе совершения киберпреступлений и в праве в целом // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 138–144.
9. Молчан Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Современные философские исследования. 2019. № 2. С. 55–66.
10. Королева А.Г. Трансформация механизмов защиты интеллектуальных прав в условиях развития технологий виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 10 (131). С. 56–63.

11. Костенко К.А., Смолянин Е.М., Могдалева И.Н. Защита авторских и смежных прав в области технологий виртуальной и дополненной реальности: эффективность существующих способов // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Минск, 20 октября 2021 г. Ч. 1. Минск : Альфа-книга, 2021. С. 265–270.
12. Павлова С.В. Защита прав интеллектуальной собственности в интернет-среде // Известия СПбГЭУ. 2022. № 5-2 (137). С. 83–87.
13. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 502–523.
14. Абдуджалилов А. Вещные права в Интернете. Возможное в невозможном // Законодательство. 2018. № 2 (30). С. 19–23.
15. Васильев А.А., Архипов В.В., Андреев Н.Ю., Печатнова Ю.В. Правовые проблемы квалификации компьютерных игр // Ex jure. 2023. № 1. С. 7–20.
16. Скоробогатов А.В. Цифровое право: в поисках баланса между реальностью и виртуальностью // Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 28 января 2021 г. Казань : Познание, 2021. С. 410–415.
17. Баранов В.М., Овчинников А.И., Самарин А.А. Экстерриториальное пространство права. М. : Проспект, 2017. 176 с.
18. Певцова Е.А. Виртуальное право как новая юридическая конструкция в теории права: идея будущего или реальная действительность? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 20–28.
19. Жевняк О.В. Гражданско-правовое регулирование отношений по оказанию услуг в цифровой экономике: соотношение императивных и диспозитивных начал // Вестник ННГУ. 2020. № 3. С. 117–125.
20. Астафуров М.В. Анализ отечественной судебной практики по спорам, связанным с игровым (виртуальным) имуществом // Оригинальные исследования. 2023. Т. 13, № 1. С. 129–139.
21. Гаразовская Н.В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // E-Scio. 2020. № 4 (43). С. 276–290.
22. Хасанов Э.Р. Перспективы правового регулирования виртуального игрового имущества // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 103–107.
23. Сети не будут продавать новую Call of Duty из-за призывов к насилию // РБК. 19.09.2023. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/09/2023/65082e619a7947528fabf9e4?ysclid=ls8iy7m9uu899082297&from=copy (дата обращения: 09.01.2025).
24. Пять лет за «взрыв» в Minecraft. Суд рассмотрел дело канских школьников // Газета.Ru. 10.02.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/02/10/14519263.shtml?ysclid=ls08ul19yw202035844> (дата обращения: 09.01.2025).
25. Doctor A.C., Elson J.S., Hunter S.T. Violent Extremism, Innovation, and Recruitment in the Metaverse // Centre for Research and Evidence on Security Threats. 2023. URL: <https://crestresearch.ac.uk/comment/violent-extremism-innovation-and-recruitment-in-the-metaverse/> (дата обращения: 09.01.2025).
26. Wille M. Revolution? No, the metaverse won't be a radical new breeding ground for extremism // Inverse. 2022. URL: <https://www.inputmag.com/tech/no-the-metaverse-wont-be-a-radical-new-breeding-ground-for-extremism> (дата обращения: 11.01.2025).
27. Sales N.J. A girl was allegedly raped in the metaverse. Is this the beginning of a dark new future? // The Guardian. 2024. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/05/metaverse-sexual-assault-vr-game-online-safety-meta> (дата обращения: 11.01.2025).
28. Soon W. A researcher's avatar was sexually assaulted on a metaverse platform owned by Meta, making her the latest victim of sexual abuse on Meta's platforms, watchdog says // Business Insider. 2022. URL: <https://www.businessinsider.com/researcher-claims-her-avatar-was-raped-on-metas-metaverse-platform-2022-5> (дата обращения: 11.01.2025).
29. В ЛДПП после демонстрации 1 Мая в игре Майнкрафт планируют «внедряться в метавселенную» // Газета.Ru. 27.04.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/04/27/20312563.shtml?ysclid=lsd94sgcn234364103> (дата обращения: 09.01.2025).
30. Supporters of Palestine show solidarity by marching in the metaverse // Arab News. 27.10.2023. URL: <https://www.arabnews.com/node/2398501/media> (дата обращения: 11.01.2025).
31. Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: модели и типология рисков / П.С. Бондарь, Д.В. Жмуров, Ч.А. Кенден [и др.]. Владивосток : Владивостокский государственный университет, 2023. 152 с.

References

1. Ovchinnikov, A.I. & Shirinskikh, P.I. (2023) Metavselennye i pravo: vyzovy novykh tekhnologiy v usloviyakh dal'neyshego razvitiya interneta [Metaverses and law: challenges of new technologies in the context of further internet development]. *Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. 2 (10). pp. 27–34.
2. Belikova, K.M. (2021) Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty pravovoy kvalifikatsii virtual'noy sobstvennosti v Rossii i za rubezhom [Theoretical and practical aspects of legal qualification of virtual property in Russia and abroad]. *Yuridicheskiye issledovaniya*. 7. pp. 1–28.
3. Levinzon, V.S. & Mitin, R.K. (2020) Pravovoye regulirovanie virtual'nogo imushchestva [Legal regulation of virtual property]. *Zakon i pravo*. 5. pp. 39–42.
4. Fathi, V.I. (2022) Pravovoy status virtual'nogo igrovogo imushchestva v kontekste grazhdansko-pravovogo regulirovaniya [Legal status of virtual gaming property in the context of civil law regulation]. *Vestnik Yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. 4 (9). pp. 113–121.
5. Arkhipov, V.V. (2013) Virtual'noye pravo: osnovnye problemy novogo napravleniya yuridicheskikh issledovaniy [Virtual law: main problems of a new direction in legal research]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*. 2 (307). pp. 93–114.
6. Abramov, D.O. (2023) Yuridicheskaya otvetstvennost' v kiberprostranstve: novyye podkhody k osmysleniyu [Legal liability in cyberspace: new approaches to understanding]. *Yuridicheskaya nauka*. 4. pp. 5–9.
7. Baturin, Yu.M. & Polubinskaya, S.V. (2018) Chto delayet virtual'nyye prestupleniya real'nymi [What makes virtual crimes real]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. 2 (13). pp. 9–35.
8. Ivanov, V.V. & Zuev, D.I. (2022) Tsifrovoy dvoynik i tsifrovaya lichnost': ponyatiye, sootnosheniye, znachenie v protsesse soversheniya kiberprestupleniy i v prave v tselom [Digital twin and digital identity: concept, correlation, significance in the process of cybercrime and law in general]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*. 4 (70). pp. 138–144.
9. Molchan, E.M. (2019) Vliyaniye tsifrovizatsii na formirovaniye dukhovno-nravstvennykh tsennostey subyektov vzaimodeystviya v epokhu globalizatsii [Influence of digitalization on the formation of spiritual and moral values of interaction subjects in the era of globalization]. *Sovremennyye filosofskiyе issledovaniya*. 2. pp. 55–66.
10. Koroleva, A.G. (2021) Transformatsiya mekhanizmov zashchity intellektual'nykh prav v usloviyakh razvitiya tekhnologiy virtual'noy i dopolnennoy real'nosti [Transformation of mechanisms for protecting intellectual rights amid development of virtual and augmented reality technologies]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. 10-16 (131). pp. 56–63.
11. Kostenko, K.A., Smolyanin, E.M. & Mogdaleva, I.N. (2021) [Protection of copyright and related rights in virtual and augmented reality technologies: effectiveness of existing methods]. *Intellektual'naya sobstvennost' v sovremennom mire: vyzovy vremeni i perspektivy razvitiya* [Intellectual Property in the Modern World: Challenges of the Time and Development Prospects]. Proceedings of the International Conference. Part 1. Minsk. 20 October 2021. Minsk: Alfa-kniga. pp. 265–270. (In Russian).
12. Pavlova, S.V. (2022) Zashchita prav intellektual'noy sobstvennosti v internet-srede [Protection of intellectual property rights in the Internet environment]. *Izvestiya SPbGGEU*. 5-2 (137). pp. 83–87.

13. Ruzakova, O.A. & Grin, E.S. (2020) Voprosy zashchity intellektual'noy sobstvennosti v oblasti tekhnologiy virtual'noy i dopolnennoy real'nosti (VR, AR) [Issues of intellectual property protection in virtual and augmented reality technologies (VR, AR)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki*. 49. pp. 502–523.
14. Abdudzhaliyev, A. (2018) Veshchnyye prava v Internete. Vozmozhnoye v nevozmozhnom [Property rights on the Internet. Possible in the impossible]. *Zakonodatel'stvo*. 2 (30). pp. 19–23.
15. Vasilyev, A.A. et al. (2023) Pravovyye problemy kvalifikatsii komp'yuternykh igr [Legal problems of computer games qualification]. *Ex jure*. 1. pp. 7–20.
16. Skorobogatov, A.V. (2021) [Digital law: searching for balance between reality and virtuality]. *Vektor razvitiya upravlencheskikh podkhodov v tsifrovoy ekonomike* [Vector of Development of Management Approaches in the Digital Economy]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference. Kazan. 28 January 2021. Kazan: Poznaniye. pp. 410–415. (In Russian).
17. Baranov, V.M., Ovchinnikov, A.I. & Samarin, A.A. (2017) *Eksterritorial'noye prostranstvo prava* [Extraterritorial Space of Law]. Moscow: Prospekt.
18. Pevtsova, E.A. (2020) Virtual'noye pravo kak novaya yuridicheskaya konstruktivnaya teoriya: ideya budushchego ili real'naya deystvitel'nost'? [Virtual law as a new legal construction in legal theory: idea of the future or real reality?]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Yurispudentsiya*. 1. pp. 20–28.
19. Zhevnyak, O.V. (2020) Grazhdansko-pravovoye regulirovaniye otnosheniy po okazaniyu uslug v tsifrovoy ekonomike: sootnosheniye imperativnykh i dispozitivnykh nachal [Civil law regulation of service relations in the digital economy: correlation of imperative and dispositive principles]. *Vestnik NNGU*. 3. pp. 117–125.
20. Astafurov, M.V. (2023) Analiz otechestvennoy sudebnoy praktiki po sporam, svyazannym s igrovym (virtual'nym) imushchestvom [Analysis of Russian judicial practice on disputes related to gaming (virtual) property]. *Original'nye issledovaniya*. 1 (13). pp. 129–139.
21. Garazovskaya, N.V. (2020) Virtual'noye imushchestvo v igrakh: perspektivy pravovogo regulirovaniya [Virtual property in games: prospects for legal regulation]. *E-Scio*. 4 (43). pp. 276–290.
22. Khasanov, E.R. (2022) Perspektivy pravovogo regulirovaniya virtual'nogo igrovogo imushchestva [Prospects for legal regulation of virtual gaming property]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 7 (211). pp. 103–107.
23. RBC. (2023) Seti ne budut prodavat' novuyu Call of Duty iz-za prizyvov k nasiliyu [Networks will not sell the new Call of Duty due to calls for violence]. *RBC*. 19 September. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/09/2023/65082e619a7947528fab9e4?ysclid=ls8iy7m9uu899082297&from=copy (Accessed: 09.01.2025).
24. Gazeta.Ru. (2022) Pyat' let za "vzryv" v Minecraft. Sud rassmotrel delo kanskikh shkol'nikov [Five years for 'explosion' in Minecraft: the court considered the case of Kansk schoolchildren]. *Gazeta.Ru*. 10 February. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/social/2022/02/10/14519263.shtml?ysclid=iso8ul19yw202035844> (Accessed: 09.01.2025).
25. Doctor, A.C., Elson, J.S. & Hunter, S.T. (2023) Violent Extremism, Innovation, and Recruitment in the Metaverse. *Centre for Research and Evidence on Security Threats*. [Online] Available from: <https://crestresearch.ac.uk/comment/violent-extremism-innovation-and-recruitment-in-the-metaverse/> (Accessed: 09.01.2025).
26. Wille, M. (2022) Revolution? No, the metaverse won't be a radical new breeding ground for extremism. *Inverse*. [Online] Available from: <https://www.inputmag.com/tech/no-the-metaverse-wont-be-a-radical-new-breeding-ground-for-extremism> (Accessed: 11.01.2025).
27. Sales, N.J. (2024) A girl was allegedly raped in the metaverse. Is this the beginning of a dark new future? *The Guardian*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/05/metaverse-sexual-assault-vr-game-online-safety-meta> (Accessed: 11.01.2025).
28. Soon, W. (2022) A researcher's avatar was sexually assaulted on a metaverse platform owned by Meta, making her the latest victim of sexual abuse on Meta's platforms, watchdog says. *Business Insider*. [Online] Available from: <https://www.businessinsider.com/researcher-claims-her-avatar-was-raped-on-metas-metaverse-platform-2022-5> (Accessed: 11.01.2025).
29. Gazeta.Ru. (2023) V LDPR posle demonstratsii 1 Maya v igre Minecraft planiruyut "vnedryat'sya v metaverse" [LDPR plans to 'integrate into the metaverse' after May Day demonstration in Minecraft]. *Gazeta.Ru*. 27 April. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/04/27/20312563.shtml?ysclid=lsd94sgcn234364103> (Accessed: 09.01.2025).
30. Arab News. (2023) Supporters of Palestine show solidarity by marching in the metaverse. *Arab News*. 27 October. [Online] Available from: <https://www.arabnews.com/node/2398501/media> (Accessed: 11.01.2025).
31. Bondar, P.S. et al. (2023) *Doveriye k gosudarstvennym institutam v tsifrovuyu epokhu: modeli i tipologiya riskov* [Trust in State Institutions in the Digital Age: Models and Typology of Risks]. Vladivostok: Vladivostok State University.

Информация об авторах:

Овчинников А.И. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия); проректор по научной работе Донской духовной семинарии (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: k_fp3@mail.ru

Ширинских П.И. – ведущий специалист Центра государственной научной аттестации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: shirinskikh1999@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.I. Ovchinnikov, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation); Don Theological Seminary (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: k_fp3@mail.ru

P.I. Shirinskikh, leading expert, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: shirinskikh1999@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2025;
одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 07.02.2025;
approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 30.09.2025.

Научная статья
УДК 342.9
doi: 10.17223/15617793/518/26

Специфика ответственности родителей и иных родственников за побои или иные насильственные действия, причиненные несовершеннолетним членам семьи (исследование опыта применения ст. 6.1.1 КоАП РФ)

Дарья Владимировна Сенникова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, daria.sennikova88@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается опыт привлечения к административной ответственности за побои в отношении несовершеннолетних. Работа содержит анализ постановлений мировых судей о привлечении к ответственности по статье 6.1.1 КоАП РФ, обуславливающий необходимость специализированного правового регулирования ответственности для родителей, практикующих телесные наказания в отношении своих детей.

Ключевые слова: побои, семейно-бытовое насилие, административный штраф, малозначительное наказание

Для цитирования: Сенникова Д.В. Специфика ответственности родителей и иных родственников за побои или иные насильственные действия, причиненные несовершеннолетним членам семьи (исследование опыта применения ст. 6.1.1 КоАП РФ) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 230–237. doi: 10.17223/15617793/518/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/26

Administrative liability for domestic violence against minors: An empirical analysis of judicial practice under Article 6.1.1 of the Russian Code of Administrative Offences

Daria V. Sennikova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, daria.sennikova88@gmail.com*

Abstract. This article addresses the problem of violence against minors in Russia. The author systematically argues for the need to transform the institution of administrative liability for battery into a comprehensive set of measures, where sanctions against offenders should not hold the dominant position. The following methods were employed in writing the article: analysis, synthesis, induction, deduction, and comparison. The aim of the article is to investigate the institution of administrative liability for battery against minors by their family members, primarily parents, and other significant adults. This is achieved through an analysis of existing judicial practice and the circumstances of the offenses, with an evaluation of the efficacy of measures taken to combat battery. The study analyzed the practices of justices of the peace from 2020 to 2023 in Altai Krai, Saratov and Tomsk oblasts. As a result of the conducted research, the author arrives at the following conclusions. 1. Although research in psychology, sociology, and criminology points to the detrimental effects of physical violence against minors, including in the form of corporal punishment, its use remains widespread in families where such disciplinary approaches are not perceived as a form of deviance. 2. The reliance on physical punishment is driven not only by low parental competence but also by unmet needs for psychological and social support, as well as excessive burdens, such as attempting to balance parental and work responsibilities. Meanwhile, the public fails to acknowledge the root causes of this problem and sometimes, on the contrary, tends to normalize physical punishment. 3. While parents and other relatives of minors are held accountable for battery against children, coercive measures do not contribute to reducing aggression or improving self-regulation in offenders, as they are not linked to psychological or social-behavioral correction. Sanctions most often involve the payment of an administrative fine, typically not exceeding 5,000 rubles. 4. Due to the limited choice of sanctions, constrained in some cases by the impossibility of applying administrative arrest or compulsory labor, judges are forced to impose administrative fines even when the battery is of a cruel nature. This does not correspond to the gravity of an offense that violates the bodily integrity of young children. 5. The ambivalent relationship between the offender and the victim, who are members of the same family, necessitates the search for alternative mechanisms to counteract the practice of battery and to change the concept of child-rearing in the public consciousness.

Keywords: assault, domestic violence, administrative fine, minor punishment

For citation: Sennikova, D.V. (2025) Administrative liability for domestic violence against minors: An empirical analysis of judicial practice under Article 6.1.1 of the Russian Code of Administrative Offences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 518. pp. 230–237. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/26

В Российской Федерации семейно-бытовое насилие всё ещё не рассматривается как самостоятельный феномен, требующий специального реагирования со стороны правоохранительных органов и социальных учреждений.

В этой связи порядок привлечения к ответственности, санкции, применяемые к правонарушителю, и, главное, профилактика и предупреждение правонарушений не дифференцируются в зависимости от характера насилия.

В текущих правовых реалиях о противодействии семейно-бытовому насилию можно рассуждать в контексте институтов уголовной и административной ответственности, особый интерес представляет специфика применения ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Названные нормативные установления вызвали вопросы ещё на этапе обсуждения декриминализации побоев. Было очевидно, что статья охватывает не все формы насилия, которые следовало бы запретить Кодексом РФ об административных правонарушениях или Уголовным кодексом РФ. Так, некоторые виды психологического насилия до сих пор не указаны в составах названных актов или иных федеральных законов, а побои (иные насильственные действия), причинённые родственниками потерпевшему, не рассматриваются в отдельном качестве и не предполагают привлечения психологов или специалистов по социальной работе для оказания помощи жертве и актору насилия.

Субъект правонарушения в условиях семейно-бытового насилия имеет специфический характер, поскольку переживший побои воспринимает его в двух качествах: с одной стороны – как обидчика, с другой стороны – как близкого человека, с которым сложилась устойчивая эмоциональная связь. В этом смысле свести отношения названных лиц к юридической формуле «правонарушитель – потерпевший» не представляется возможным, вследствие чего необходимо искать дополнительные инструменты реагирования помимо юридических. В ряде случаев устранившись от общения с обидчиком невозможно, особенно если им является родитель, применяющий физическое воздействие в качестве наказания. Психологи и врачи, работающие с жертвами насилия, заявляют об их существенной травматизации, которая порождает и отсроченные негативные последствия [1. С. 83], среди которых российские исследователи отмечают суицидальные наклонности [2. С. 60] и расстройство пищевого поведения [3. С. 281]. Юристы рассматривают домашнее насилие как один из «факторов преступности несовершеннолетних», который формирует у детей «готовность проявить агрессию» [4. С. 80]. Зарубежные исследователи также обоснованно указывают на многочисленные последствия насилия в отношении детей, выраженные в долгосрочных и краткосрочных расстройствах общего и психического здоровья [5. С. 63], а также в расстройстве психического здоровья, в особенности при перекрестной виктимизации [6], развитие конфликтов со сверстниками [7].

В рамках данного исследования мы ставили перед собой задачу определить, как сложилась за время дей-

ствия ст. 6.1.1 КоАП РФ практика привлечения к ответственности за побои, причинённые несовершеннолетним, членами семьи.

В основу анализа легли постановления об административных правонарушениях, вынесенные мировыми судьями Алтайского края, Саратовской, Иркутской и Томской областей. Необходимо отметить, что не во всех решениях обозначена родственная связь правонарушителя и потерпевшего, из-за чего мы сочли возможным ссылаться только на те решения, из которых явно следует, что насилие было совершено членом семьи несовершеннолетнего. Однако и те судебные акты, где судьи прямо указывают на родственную связь правонарушителя и потерпевшего, демонстрируют определённую степень толерантности общества к насилию, что выражается и в реализации силовых методов воспитания, и в относительно умеренном характере назначаемых санкций.

Домашнее насилие в отношении несовершеннолетних в зеркале судебных решений

Обобщая содержание всех решений, принятых мировыми судьями, можно прийти к выводу, что побои (иные насильственные действия) либо не имеют существенных причин, а дети выступают «естественными жертвами, на которых взрослые вымещают собственное раздражение» [8], либо представляют собой попытку скорректировать поведение детей.

В качестве нарушения телесной неприкосновенности несовершеннолетних судебные органы расценивают не только спонтанную агрессию, но и меры насильственной дисциплины. Такую практику можно назвать скромным, но всё же ощутимым достижением в повышении качества жизни детей.

Представители судебной системы квалифицируют силовые методы воздействия на несовершеннолетнего, не повлёкшие причинения вреда здоровью, в качестве побоев или иных насильственных действий (ст. 6.1.1 КоАП РФ). Например, родителю, выведшему ребёнка из магазина за ухо, поскольку последний капризничал, был назначен штраф в размере 5 000 рублей [9]. Хотя законодательство России прямым образом не запрещает физические наказания, комплексное толкование норм Уголовного, Семейного кодексов РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях позволяет прийти к выводу о недопустимости таких методов привития сознательности несовершеннолетнему.

Квалификация родительских действий в качестве незаконных в таких случаях, с нашей точки зрения, является благоприятным фактором противодействия семейно-бытовому насилию. Хотя законодатель явно не выразил своей позиции о невозможности применения физических наказаний, судебная практика дала представление о границах допустимых и недопустимых методов воспитания ребёнка.

В то же время отсутствие специальной нормы о запрете физического воздействия в качестве допустимого воспитательного инструмента затрудняет реализацию информационной функции права в том, что ка-

сается адекватного обращения с детьми. Как показывает судебная практика, недопустимость «воспитательного» насилия является не всегда очевидной для родителей. В судебных процессах они периодически настаивали на своём праве «внушать» ребёнку позитивные модели поведения так, как им представляется правильным [10].

Граждане выражают позицию о приемлемости и даже неизбежности насилия при воспитании ребёнка и в публичном пространстве. Такие точки зрения высказывались, в частности, при обсуждении возможности принятия Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» на сайте Совета Федерации РФ [11]. В комментариях сложился общий нарратив о невозможности государства вмешиваться в семейную жизнь граждан, к которой отнесли и выбор методов воспитания детей. С учётом изложенного можно констатировать деформированное восприятие принципа неприкосновенности частной жизни и отсутствия признания физического насилия в отношении детей со стороны близких родственников в качестве самостоятельного социально-правового феномена. Мэдиган и соавторы отмечают наличие замкнутого круга насильственной дисциплины, при котором одобрение таких воспитательных практик по отношению к собственным детям может быть обусловлено пережитым в детстве опытом физических наказаний со стороны родителей [12].

В этом случае опора на позицию избирателей в вопросе правовой регламентации – весьма спорное решение, а правовые нормы, исключаящие любое насилие, может быть не сразу, но постепенно, должны становиться источником нового мировоззрения. Сложившееся отсутствие правовой институционализации семейно-бытового насилия не позволяет в полной мере исследовать это явление в контексте его причин, следствий, масштабов и инструментов противодействия и, что важнее, с одной стороны, порождает практику родительского произвола при выборе методов воспитания, с другой стороны, предполагает ограниченный выбор мер реагирования, доступных представителям публичной власти.

В то же время правовое закрепление отказа от насильственной дисциплины должно приводить не к усилению ответственности и введению избыточных обязанностей для граждан, а к мобилизации альтернативных общественных регуляторов.

Проблемы обращения за помощью в ситуации насилия

Причинение побоев является латентным правонарушением, на что указывают многие исследователи, погружённые в проблематику домашнего насилия [13. С. 21]. Судебная практика по данному составу, в которой потерпевшими являются дети, показала, что несовершеннолетние обращаются в правоохранительные органы в основном при помощи значимых для них взрослых.

Примечательными в этом отношении являются и сообщения сотрудников медицинских организаций о

состоянии здоровья несовершеннолетнего, а также специалистов по социальной работе, взаимодействующих с семьями.

Однако чаще всего такую поддержку оказывает один из родителей, зачастую бывший супруг (партнёр) актора насилия. При сложившихся семейных обстоятельствах он вполне естественно встаёт на сторону ребёнка и охотно инициирует возбуждение дела об административном правонарушении.

Обращение может оформить родитель, если побои причинили отчим или мачеха ребёнка. Подростки в таких ситуациях и самостоятельно направляют жалобы в полицию.

Однако если оба родителя практикуют физическое и психологическое насилие, получение помощи в кругу семьи становится затруднительным, как и самостоятельное обращение в уполномоченные органы. Причины тому – неразвитые коммуникативные способности ребёнка и отсутствие необходимых навыков для мобилизации правовых норм. В наиболее уязвимом положении находятся малолетние дети, которые в силу возраста не могут осознавать характер совершаемых в отношении их действий и критически оценивать родительские решения.

Расширение круга значимых взрослых, способных обратиться в полицию с жалобой в интересах ребенка, способствует защите нарушенных прав несовершеннолетнего. Между тем действующая система кажется неэффективной и запаздывающей, поскольку ориентирована на оказание помощи, когда побои уже произошли, а отношения в семье подорваны настолько, что ребенок ищет поддержку для защиты от действий законного представителя.

В зарубежных странах для противодействия жестоким физическим наказаниям проводят профилактические мероприятия в отношении граждан, находящихся в группе риска. К числу последних относят молодых, одиноких, а также живущих за чертой бедности или принимающих наркотические средства родителей, а также лиц, переживших опыт физических наказаний в детстве [5. С. 66].

Проблема дифференциации наказаний и причины правонарушений

Виды наказания выражены в определённых содержаниях ст. 6.1.1 КоАП РФ трёх вариациях, которые прослеживаются в судебных решениях мировых судей разных субъектов.

Наиболее часто встречающимся наказанием и за побои, и за причинение телесных повреждений в отношении несовершеннолетних является административный штраф. Размер выплаты, как правило, составляет 5 000 рублей, такая санкция назначается как из-за одного удара, так и в ситуациях множественных гематом, причиненных с использованием кожаного ремня, со «скальпированной ссадиной» на лице [10].

При определении вида наказания, как правило, не учитываются родственные отношения между правонарушителем и потерпевшим, даже если последний является ребёнком и находится на иждивении у актора

насилия. Выбор административного штрафа в качестве наказания в названных условиях может не принести ожидаемого от санкции эффекта.

В подобных ситуациях средства семьи, которые потенциально могут быть израсходованы в интересах несовершеннолетнего, выплачиваются в бюджет государства. Таким образом, наказание претерпевает не только правонарушитель, но и потерпевший, поскольку обеспечение выплаты штрафа из личных средств обидчика не представляется осуществимым.

Спектр назначения наказаний уменьшается ещё и потому, что женщинам, имеющим детей, невозможно в некоторых случаях назначить административный арест и обязательные работы. В результате в судебной практике встречаются дела о жестоких побоях с незначительными санкциями за это: например, избивание ребёнка *сапогом* с нанесением ударов по всему телу в состоянии алкогольного опьянения (со слов свидетелей и пострадавшего) *в ночь с 31 декабря на 1 января* повлекло ответственность в виде административного штрафа в размере 10 000 рублей [14].

Применение данных норм не соответствует принципу справедливости: родительский статус актора насилия по отношению к жертве становится причиной выбора более мягкого наказания. Примечательны в этом смысле дела, в которых малолетний ребёнок выступает и в статусе потерпевшего, и в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность за правонарушение [15, 16].

В зарубежных исследованиях отмечалось, что актором насилия в отношении детей чаще является мать ребёнка, что объясняется доминирующей ролью в процессе воспитания [17]. Российские исследования, подтверждающие схожее соотношение случаев физических наказаний со стороны матерей в сравнении с иными родственниками, не проводились, между тем позиция названного члена семьи также более ориентирована на воспитание детей, чем у всех иных родственников. Таким образом, наказание смягчается, вероятнее всего, для той категории граждан, которая потенциально наиболее часто совершает названные правонарушения. Указанный тезис не только склоняет к пересмотру подходов к противодействию случаям насильственной дисциплины, но и инспирирует проведению дальнейших исследований.

Санкции, предусмотренные КоАП РФ, обладают слабо выраженным превентивным эффектом.

В судебной практике неоднократно встречались объяснения акторов насилия, ссылающихся на недостаток родительских компетенций и психологических ресурсов («ребёнок не слушается», «воспитываю детей одна» [18], «пыталась разнять» детей – «намерения ударить» не было, «так получилось» [19], «ребёнок не понимает слов» [10]).

Правонарушители оправдывались и тем, что ребёнок не выполнял обязанности, которые справедливо отнести к сфере ответственности самих родителей, например присмотр за другими детьми [20], или не сдержал обещание – уходил гулять за пределы двора [16].

Исходя из представленных объяснений, можно сделать вывод, что акторы насилия испытывают проблемы с реализацией роли взрослых, не понимают, как

управлять агрессией, отрицают проблему или перекладывают часть вины на ребёнка. Применённые к родителям санкции скорее приведут к нагнетанию эмоционального и психологического напряжения в семье, но не научат выбирать конструктивные и гуманные методы воспитания.

С учётом всего изложенного назначаемые столь часто административные штрафы вряд ли выполняют функцию предупреждения новых побоев и отвечают принципам справедливости наказания и его соразмерности правонарушению. Ключом к решению проблемы, скорее, являются профилактические мероприятия, чем меры принуждения за случаи уже свершившихся побоев, травмировавших ребенка.

В частности, в ряде государств, в том числе в Индии и Южной Африке, применяется программа PLH, включающая блок для родителей и подростков от 10 до 17 лет и ориентированная на реализацию в странах со средним и низким уровнями доходов [21]. Данная программа рекомендована ВОЗ и включает 14 сессий, в рамках которых родители и подростки учатся построению заботливых отношений и предотвращению насилия [22].

Среди наиболее эффективных мер также указывали занятия для будущих мам и пап, а также периодические посещения социальных работников в первые месяцы жизни ребенка [5. С. 70–71].

Прекращение производства по делу без достаточных оснований

Административное законодательство предусматривает возможность прекращения производства по делу при признании правонарушений малозначительными.

Оценка неправомерных действий в таком качестве имеет место и при совершении побоев, однако подобная квалификация в ряде случаев проводится без достаточных оснований. Так, если стороны на момент рассмотрения дела заявляют о прекращении «конфликта», судьи находят выход в признании их малозначительным (Алтайский край), поскольку нормы КоАП не предусматривают возможность примирения. Другое распространённое постановление при фактическом примирении обидчика и жертвы – прекратить производство по делу в связи с отсутствием состава правонарушения (Саратовская область).

Такая практика носит негативный характер, так как прощение потерпевшим правонарушителя не придаёт побоям менее общественно опасный характер. В некоторых случаях прекращение производства по делу происходило в случаях многократного нанесения ударов: «Один удар кулаком... в область левой щеки, один удар *головой* в межбровную область, один удар кулаком в область левого виска» [23].

В судебной практике нормализовано прекращение производства по делу без заслушивания позиции несовершеннолетней (*не малолетней*), перенесшей побои. Основанием служит ходатайство законного представителя, который заявляет о примирении и просит рассмотреть дело в отсутствие потерпевшего [24].

В условиях домашнего насилия невозможно однозначно оценить, чем руководствуется законный представитель при констатации проступка правонарушителя: искреннее раскаяние актора и его реальные шаги по преодолению собственной агрессии, или Стокгольмский синдром с предубеждениями о недопустимости разрешения семейных споров судебными органами, или желание сэкономить деньги семейного бюджета, из которого, вероятнее всего, будет выплачиваться назначенное взыскание.

Заключение

Подобные ситуации дополнительно демонстрируют непригодность общих механизмов при рассмотрении дел о побоях в условиях семейно-бытового насилия. Очевидно, судьи идут навстречу пожеланиям граждан, осознавая обременительность и бесполезность выплаты штрафа. Амбивалентность отношений ребёнка и родителя в случае вовлечения обоих в судебный процесс приводит к невозможности воспринимать родителя отвлечённо, только как правонарушителя. При этом мы не считаем возможным вводить в таких случаях институт примирения, а предлагаем разработать качественно иные меры реагирования, нацеленные на повышение родительских компетенций и установление контроля за собственной агрессией.

До сих пор в судебных постановлениях демонстрируется озабоченность последствиями привлечения к ответственности для правонарушителя. В меньшей степени учитывается характер правонарушения, из-за чего размер и вид наказаний являются схожими в своей незначительности при различных обстоятельствах дела. Можно предположить, что на указанных судебных процессах сказывается общая тенденция уменьшения размера штрафных санкций, связанная как с появлением норм ч. 2.2 ст. 4.1 КоАП РФ, так и с терпимостью к «воспитательному» насилию.

Недостаток механизмов адекватного воздействия на правонарушителей среди членов семьи порождает картину циничного восприятия не только моральных, но и конституционно-правовых ценностей, в том числе благополучного родительства и детства.

В результате качество жизни детей, переживающих домашнее насилие, не повышается после привлечения к ответственности родителей, а агрессия, вероятнее всего, только интенсифицируется, перерождаясь в психологические формы, за которые невозможно применить санкции.

Таким образом, насилие, причинённое членами семьи несовершеннолетнему, не может рассматриваться по тем же лекалам, что и побои при других обстоятельствах. Вариативность наказаний, предложенная ст. 6.1.1 КоАП РФ, не учитывает специфику семейных отношений, порядок рассмотрения дела не гарантирует заслушивания позиции потерпевшего, отсутствие института примирения, к которому следует относиться весьма осторожно, приводит к прекращению производства по делу по весьма условным основаниям. Эффект от наказания кажется незначительным, а само наказание используется, скорее, от безысходности, чем

из побуждения скорректировать поведение правонарушителя в дальнейшей перспективе.

В общественном сознании крепкая семья и детско-родительские отношения представляют неоспоримую ценность, что во многом обуславливает высокую неприкосновенность названных сфер для систематического публично-правового вмешательства. Между тем родительский статус сам по себе не прививает человеку навыков общения с ребёнком, не приводит к развитию родительских компетенций, в том числе выбору наказаний, соответствующих возрасту, характеру и психологическому состоянию ребенка.

Сложившаяся практика однозначно свидетельствует об условности штрафных санкций, которые не приносят реального вклада в моделирование родительского поведения.

В этой связи представляется необходимым введение позитивных предписаний для родителей в целях повышения их компетенций, а также установление явных границ в выборе способов воспитания.

В текущих условиях привлечение к административной ответственности остается неизбежным решением, поскольку иные подходы требуют создания специальной инфраструктуры для преодоления насилия в отношении детей. Распространение ст. 6.1.1. КоАП РФ на случаи насильственной дисциплины позволяет применить санкции к правонарушителю, демонстрируя тем самым недопустимость его поведения. Хотя декриминализация побоев в целом сказалась положительно на судьбе потерпевшего прежде всего из-за отсутствия механизма частного обвинения, привлечение к административной ответственности не является панацеей.

В этой связи целесообразно принятие отдельного закона о недопустимости физических наказаний и обеспечении телесной неприкосновенности несовершеннолетнего с включением в него норм, регламентирующих проведение профилактических мероприятий. Данные нормы смогут повлиять на качество жизни ребенка за счет создания условий для развития родительских компетенций его законными представителями в рамках семейных образовательных программ, таких как РЛН [22], успешно используемых в зарубежных странах, в том числе и в развивающихся. При этом названные программы или иные профилактические мероприятия необходимо адресовать не только правонарушителям, но и широкому кругу граждан, планирующих стать родителями или уже имеющими такой статус. Для их планирования и наполнения необходимо провести комплексное гуманитарное исследование современных родительских практик воспитания детей в российских условиях, точнее определить распространенность физических наказаний, выявить родительские уязвимые группы, подверженные использованию мер насильственной дисциплины.

В то же время следует изменить подход и к наказаниям за побои. Это может выражаться в дополнении ст. 6.1.1 КоАП РФ новым составом правонарушения «Побои и иные насильственные действия в отношении ребенка, совершенные его законными представителями» с установлением санкций, не связанных с выплатой средств в пользу государства. Названные

нормы закрепят представление о явном запрете наказаний, причиняющих боль, а также исключат применение к родителям мер воздействия, ухудшающих положение детей.

Специфика кодифицированного акта склоняет к проявлению осторожности при включении новых наказаний, однако наличие случаев посягательства на телесную неприкосновенность ребенка его родителем даёт основания для таких изменений. Представляется, что добавление обязательного посещения консультаций психолога или групп психологической поддержки к числу наказаний станет более уместным способом скорректировать поведение родителей на ряду с

общими профилактическими мерами. Такие санкции можно распространить и на иные составы, в частности установленные ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних», которые в настоящее время предполагают выплату крайне незначительного штрафа от ста до пятисот рублей.

Как уже ранее было отмечено, подобные меры требуют не только проведение исследований, разработку и принятие законов, но и подготовку новой или приспособление имеющейся инфраструктуры для их реализации.

Список источников

1. Михайлова О.С. Наказание детей – насилие или норма? // Домашнее насилие: предупреждение и ответственность : сб. ст. по итогам II Междунар. науч.-практ. конф., Томск, 24–25 апр. 2020 г. / ред. В.А. Уткин, С.В. Ведяшкин, Д.В. Сенникова. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2022. № 12–1 (168). С. 277–283. doi: 10.25629/НС.2022.12.31
2. Снетков Н.Н. Суицидологическая характеристика девушек, подвергавшихся в детстве серьёзным физическим наказаниям // Здравоохранение Югры: опыт и инновации. 2017. № 2 (11). С. 58–61.
3. Даренских С.С., Исмаилов М.М. Пищевое поведение женщин, переживших опыт физических наказаний в детстве // Человеческий капитал. 2022. № 12–1 (168). С. 277–283. doi: 10.25629/НС.2022.12.31
4. Михайлова Е.В. Домашнее насилие как фактор преступности несовершеннолетних // Домашнее насилие: предупреждение и ответственность : сб. ст. по итогам II Междунар. науч.-практ. конф., Томск, 24–25 апр. 2020 г. / ред. В.А. Уткин, С.В. Ведяшкин, Д.В. Сенникова. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2022. С. 79–80.
5. Runyan D., Wattam C., Ikeda R., Hassan F., Ramiro L. Child abuse and neglect by parents and other caregivers // World Report on Violence and Health / ed. by E.G. Krug, J.A. Dahlberg, A.B. Mercy, Z. Lozano, R. Lozano. World Health Organization. 2002. P. 57–86.
6. Masath F.B., Nkuba M., Hecker T. Prevalence of and factors contributing to violent discipline in families and its association with violent discipline by teachers and peer Violence // Child Abuse Review. 2022. doi: 10.1002/car.2799
7. Hermenau K., Scharpf F., Hecker T. Primary school children's self-reported experience of parental emotional maltreatment and peer violence: Frequency and associations with quality of life // Journal of Family Violence. 2025. doi: 10.1007/s10896-024-00801-0
8. Кон И.С. Телесные наказания детей в России : прошлое и настоящее // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4, № 1. С. 74–101.
9. Постановление по делу № 5-732/2022 : [принято мировым судьёй судебного участка № 2 Центрального судебного района г. Барнаула 20 дек. 2022 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://centr2.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=118754940&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).
10. Постановление по делу № 5-206/2020: [принято мировым судьёй судебного участка № 4 Железнодорожного судебного района г. Барнаула 19 мая 2020 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://zd4.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=86528472&case_number=86104347&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).
11. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2024. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 17.04.2024).
12. Madigan S., Cyr C., Eirich R., Fearon R.M.P., Ly A., Rash C., Poole J.C., Alink L.R.A. Testing the cycle of maltreatment hypothesis: Meta-analytic evidence of the intergenerational transmission of child maltreatment // Development and Psychopathology. 2019. Vol. 31 (1). P. 23–51. doi: 10.1017/S0954579418001700
13. Андрияшко М.В. Отдельные аспекты функционирования института семьи // Домашнее насилие : предупреждение и ответственность : сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 18 нояб. 2022 г. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2024. С. 15–22.
14. Постановление по делу № 5-80/2024 : [принято мировым судьёй судебного участка № 2 Октябрьского судебного района г. Иркутска 26 февр. 2024 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://2.irk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=173329373&case_number=170895544&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).
15. Постановление по делу № 5-56/2023: [принято мировым судьёй судебного участка № 2 Волжского судебного района г. Саратова 23 янв. 2023 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://26.sar.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=44990838&case_number=44393364&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).
16. Постановление по делу № 5-526/2020 : [принято мировым судьёй судебного участка № 11 Ленинского судебного района г. Саратова 18 авг. 2020 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://78.sar.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3682770&case_number=3664536&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).
17. Kabelege E., Kirika A., Nkuba M. et al. Improving parent-child interaction and reducing parental violent discipline – A multi-informant multi-method pilot feasibility study of a school-based intervention // Journal of Family Violence. 2024. doi: 10.1007/s10896-023-00679-4
18. Постановление по делу № 5-111/2021: [принято мировым судьёй судебного участка № 4 Центрального судебного района г. Барнаула 02 февр. 2021 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://centr4.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=95807662&case_number=94529992&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).
19. Постановление по делу № 5-484/2022 : [принято мировым судьёй судебного участка № 6 Центрального судебного района г. Барнаула 24 мая 2022 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://centr6.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=112179337&case_number=112157093&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).
20. Постановление по делу № 5-440/2022 : [принято мировым судьёй судебного участка № 1 Кировского судебного района г. Саратова 27 окт. 2022 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://54.sar.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=41639206&case_number=41318403&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).
21. Redfern A., Cluver L.D., Casale M., Steinert J.I. Cost and cost-effectiveness of a parenting programme to prevent violence against adolescents in South Africa // BMJ Global Health. 2019. Vol. 4 (3). doi: 10.1136/bmjgh-2018-001147
22. Parenting for Lifelong Health for Parents and Teens // Официальный сайт ВОЗ. 2024. URL: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/parenting-for-lifelong-health/parents-and-teens> (дата обращения: 17.04.2024).
23. Постановление по делу № 5-62/2020 : [принято мировым судьёй судебного участка № 4 Железнодорожного судебного района г. Барнаула 27 янв. 2020 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://zd4.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=82719709&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).

24. Постановление по делу № 5-439/2022 : [принято мировым судьёй судебного участка № 2 Волжского судебного района г. Саратова 27 мая 2022 г.] // ГАС «Правосудие». 2024. URL: http://26.sar.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=15615113&delo_id=1500001 (дата обращения: 17.04.2024).

References

- Mikhaylova, O.S. (2022) [Punishment of children – violence or norm?]. *Domashneye nasiliye: preduprezhdeniye i otvetstvennost'* [Domestic Violence: Prevention and Responsibility]. Proceedings of the 2nd International Conference. Tomsk. 24–25 April 2020. Tomsk: Tomsk State University. pp. 81–85. (In Russian).
- Snetkov, N.N. (2017) Suicidologicheskaya kharakteristika devushek, podvergovshikh v detstve seryoznym fizicheskim nakazaniyam [Suicidological characteristics of girls subjected to severe physical punishments in childhood]. *Zdravookhraneniye Yugry: opyt i innovatsii*. 2 (11). pp. 58–61.
- Darenskikh, S.S. & Ismailova, M.M. (2022) Pishchevoye povedeniye zhenshchin, perezhivshikh opyt fizicheskikh nakazaniy v detstve [Eating behavior of women who experienced physical punishment in childhood]. *Chelovecheskiy kapital*. 12-1 (168). pp. 277–283. doi: 10.25629/HC.2022.12.31
- Mikhaylova, E.V. (2022) [Domestic violence as a factor of juvenile delinquency]. *Domashneye nasiliye: preduprezhdeniye i otvetstvennost'* [Domestic Violence: Prevention and Responsibility]. Proceedings of the 2nd International Conference. Tomsk. 24–25 April 2020. Tomsk: Tomsk State University. pp. 79–80. (In Russian).
- Runyan, D. et al. (2002) Child abuse and neglect by parents and other caregivers. In: Krug, E.G. et al. (eds) *World Report on Violence and Health*. Geneva: World Health Organization. pp. 57–86.
- Masath, F.B., Nkuba, M. & Hecker, T. (2022) Prevalence of and factors contributing to violent discipline in families and its association with violent discipline by teachers and peer violence. *Child Abuse Review*. doi: 10.1002/car.2799
- Hermenau, K., Scharpf, F. & Hecker, T. (2025) Primary school children's self-reported experience of parental emotional maltreatment and peer violence: Frequency and associations with quality of life. *Journal of Family Violence*. doi: 10.1007/s10896-024-00801-0
- Kon, I.S. (2011) Telesnye nakazaniya detey v Rossii: proshloye i nastoyashcheye [Corporal punishment of children in Russia: past and present]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 1 (4). pp. 74–101.
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2024) *Ruling in Case No. 5-732/2022: [adopted by the Magistrate of Judicial Precinct No. 2 of the Central Judicial District of Barnaul on December 20, 2022]*. [Online] Available from: http://centr2.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=118754940&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2024) *Resolution on Case No. 5-206/2020: [adopted by the Magistrate of Judicial Precinct No. 4 of the Zheleznodorozhny Judicial District of Barnaul on May 19, 2020]*. [Online] Available from: http://zd4.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=86528472&case_number=86104347&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).
- Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2024) *Proyekt zakona o profilaktike semeynoybytovogo nasiliya* [Draft Law on Prevention of Domestic Violence]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (Accessed: 17.04.2024).
- Madigan, S. et al. (2019) Testing the cycle of maltreatment hypothesis: Meta-analytic evidence of the intergenerational transmission of child maltreatment. *Development and Psychopathology*. 31 (1). pp. 23–51. doi: 10.1017/S0954579418001700
- Andriyashko, M.V. (2024) [Certain aspects of functioning of the family institution]. *Domashneye nasiliye: preduprezhdeniye i otvetstvennost'* [Domestic Violence: Prevention and responsibility]. Proceedings of the 3rd International Conference. Tomsk. 18 November 2022. Tomsk: Tomsk State University. pp. 15–22. (In Russian).
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2024) *Resolution on Case No. 5-80/2024: [adopted by the Justice of the Peace of Judicial Precinct No. 2 of the Oktyabrsky Judicial District of Irkutsk on February 26, 2024]*. [Online] Available from: http://2.irk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=173329373&case_number=170895544&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2024) *Resolution on Case No. 5-56/2023: [adopted by the Justice of the Peace of Judicial Precinct No. 2 of the Volzhsky Judicial District of Saratov on January 23, 2024]*. [Online] Available from: http://26.sar.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=44990838&case_number=44393364&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2024) *Resolution on case No. 5-526/2020: [adopted by the magistrate of judicial precinct No. 11 of the Leninsky judicial district of Saratov on 18 August 2020]*. [Online] Available from: http://78.sar.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3682770&case_number=3664536&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).
- Kabelege, E. et al. (2024) Improving parent-child interaction and reducing parental violent discipline – A multi-informant multi-method pilot feasibility study of a school-based intervention. *Journal of Family Violence*. doi: 10.1007/s10896-023-00679-4
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2021) *Resolution on case No. 5-111/2021: [adopted by the magistrate of judicial precinct No. 4 of the Central Judicial District of Barnaul on February 2, 2021]*. [Online] Available from: http://centr4.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=95807662&case_number=94529992&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2022) *Resolution on case No. 5-484/2022: [adopted by the justice of the peace of judicial section No. 6 of the Central Judicial District of Barnaul on May 24, 2022]*. [Online] Available from: http://centr6.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=112179337&case_number=112157093&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2022) *Resolution on case No. 5-440/2022: [adopted by the justice of the peace of judicial section No. 1 of the Kirovsky Judicial District of Saratov on October 27, 2022]*. [Online] Available from: http://54.sar.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=41639206&case_number=41318403&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).
- Redfern, A. et al. (2019) Cost and cost-effectiveness of a parenting programme to prevent violence against adolescents in South Africa. *BMJ Global Health*. 4 (3). doi: 10.1136/bmjgh-2018-001147
- World Health Organization. (2024) Parenting for lifelong health for parents and teens. *World Health Organization*. [Online] Available from: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/parenting-for-lifelong-health/parents-and-teens> (Accessed: 17.04.2024).
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2020) *Ruling on Case No. 5-62/2020: [adopted by the Magistrate of Judicial Precinct No. 4 of the Zheleznodorozhny Judicial District of Barnaul on 27 January 2020]*. [Online] Available from: http://zd4.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=82719709&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).
- GAS "Pravosudie" [State Automated System Pravosudie]. (2022) *Resolution on case No. 5-439/2022: [adopted by the Justice of the Peace of Judicial Precinct No. 2 of the Volzhsky Judicial District of Saratov on May 27, 2022]*. [Online] Available from: http://26.sar.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=15615113&delo_id=1500001 (Accessed: 17.04.2024). (In Russian).

Информация об авторе:

Сенникова Д.В. — канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, административного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: daria.sennikova88@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Sennikova, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: daria.sennikova88@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 04.04.2025;
одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 30.09.2025.*

*The article was submitted 04.04.2025;
approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 30.09.2025.*